

Duncan Dancer

AN AUTOBIOGRAPHY BY IRMA DUNCAN

A Story of the Life of the Famous Dancer

Irma Duncan. Duncan Dancer, an Autobiography by IRMA DUNCAN.

Ирма Дункан. ТАНЦОВЩИЦА ДУНКАН, как Автобиография ИРМЫ ДУНКАН.

[01], DUNCAN DANCER

Wesleyan University
WesScholar

Te NEH/Mellon Open Book Program, Dance
Titles – open access Ebooks

Wesleyan University Press

1966

Duncan Dancer, an Autobiography
Irma Duncan

Follow this and additional works at:
https://wescholar.wesleyan.edu/wespress_dance

Part of the Acting Commons, Alternative and Complementary Medicine Commons, Art Practice Commons, Dance Commons, Digital Humanities Commons, Esthetics Commons, Feminist Philosophy Commons, Movement and Mind-Body Therapies Commons, Other Arts and Humanities Commons, Other Theatre and Performance Studies Commons, Performance Studies Commons, Somatic Bodywork and Related Therapeutic Practices Commons, Theatre History Commons, and the Therapeutics Commons

Tis Book is brought to you for free and open access by the Wesleyan University Press at WesScholar. It has been accepted for inclusion in Te NEH/Mellon Open Book Program, Dance Titles – open access Ebooks by an authorized administrator of WesScholar. For more information, please contact
nmealey@wesleyan.edu, jmlozanowski@wesleyan.edu.

Recommended Citation

Duncan, Irma, "Duncan Dancer, an Autobiography" (1966). Te NEH/Mellon Open Book Program, Dance Titles – open access Ebooks. 2.
https://wescholar.wesleyan.edu/wespress_dance/2

[02], Cover

DUNCAN DANCER

ALSO BY IRMA DUNCAN
The Technique of Isadora Duncan
Isadora Duncan's Russian Days
(with Allan Ross Macdougall)

[05], Cover

DUNCAN DANCER
An Autobiography by
IRMA DUNCAN

Wesleyan University Press
MIDDLETOWN, CONNECTICUT
36834000067439

[06]

Copyright© 1965, 1966 by Irma Duncan Rogers

This work appeared in condensed form in *Dance Perspectives*, numbers 21 and 22, 1965. The courtesy of the publisher in assigning the copyright is gratefully acknowledged.

Grateful acknowledgment is also made to the proprietors of the rights for their gracious permission to reprint the following materials under their control:

"The Child-Dancers," by Percy MacKaye, copyright © 1914, 1942 Arvia MacKaye Ege and Christy MacKaye Barnes; reprinted by their permission.

"Delight," by John Galsworthy, reprinted by permission of the author, of Charles Scribner's Sons, and of William Heinemann Ltd. United States copyright © 1910 Charles Scribner's Sons, renewal copyright © 1938

Ada Galsworthy; British copyright © 1910 John Galsworthy.

Excerpt from *Isadora*, by Allan Ross Macdougall, copyright © 1960 Thomas Nelson & Sons; reprinted by their permission.

Excerpts from *My Life*, by Isadora Duncan, copyright © 1928, 1955 Live-right Publishing Corporation (Black and Gold Library); reprinted by their permission.

Excerpts from *The Art of the Dance*, by Isadora Duncan, are published by the courtesy of Theatre Arts Books, New York, as successors to the book publishing department of Theatre Arts, .Inc. Copyright © 1928 Helen Hackett, Inc.; renewal copyright © 1956 Helen Hackett.

Library of Congress Catalog Card Number: 66-14664

First edition

Duncan Dancer, by Irma Duncan, is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Publication of this title is funded by the Humanities Open Book program, a joint initiative of The National Endowment for the Humanities and The Andrew W. Mellon Foundation.

[07]

FOR

Sherman, my husband.

"and a book of remembrance was written."

Malachi 3,3.

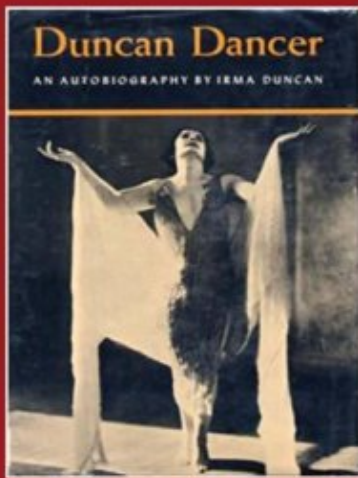
[09], p. vii-viii * DUNCAN DANCER *

WESLEYAN OPEN BOOKS IN DANCE AND THEATER

DUNCAN DANCER

AN AUTOBIOGRAPHY

IRMA DUNCAN

FUNDED BY THE HUMANITIES OPEN BOOK PROGRAM, A JOINT INITIATIVE OF THE NATIONAL
ENDOWMENT FOR THE HUMANITIES AND THE ANDREW W. MELLON FOUNDATION

Contents

Foreword xi

Note on Sources xiii

PART I. 1905-1913

Prelude 3

1. Follow Me 10

2. Dancer of the Future 20

3. The Greatest Thing in Life 37

4. European Tour 62

5. Sojourn at Chateau Villegenis 86

6. Elizabeth Takes Over 101

7. Lesson in the Temple 113

8. You Must Be My Children 124

PART II. 1913-1921

9. Dionysion 137

10. Growing Up 148

11. Isadora Duncan Dancers 163

12. Demeter and Persephone 187

13. The School Is Dead, Long Live the School 198

PART III. 1921-1933

14. Exile 217

15. Little Dividend 232

16. A Last Visit 240

17. Plough the Ground, Sow the Seed 249

18. If You Will Be Faithful 259

19. To China and Back 273

20. Return to Moscow 300

21. Finale 309

22. Curtain 315

23. The End and a New Beginning 326

Index of Names 343

DUNCAN DANCER

An Autobiography by

IRMA DUNCAN

Wesleyan University Press

MIDDLETOWN, CONNECTICUT

36834000067439

[11], p. ix-x * DUNCAN DANCER *

Illustrations , facing page

Isadora Duncan at the Theatre of Dionysus, Athens, 1904. 18

(upper) Isadora in her own equipage, Berlin, 1905.

(lower) Marta, Lisa, and Gerda before a statuette of Isadora, Grunewald, 1905. 19

Isadora with Grunewald students, 1905 ; Irma at right, fifth couple from top. 50

Pupils of the Isadora Duncan School, 1906-1908.

(upper l.) Erica. (upper r.) Irma.

(lower l.) Theresa. (lower r.) Anna. 51

(upper) Irma and Isadora, Neuilly, 1908.

(lower) Gordon Craig and Isadora, Berlin, 1904. 82

Pillbox hats and Polish coats, Chateau Villegenis, October 1908. Irma on running board, center; Preston Sturges behind shoulder of girl at wheel. 83

(upper) Elizabeth Duncan's school, Darmstadt. Irma at left among her little pupils; Elizabeth and Max Merz at right.

(lower) Deirdre and Irma aboard ship to Egypt, 1912: snapshot by Isadora Duncan. 114

Isadora with Deirdre and Patrick. 115

(upper) Dionysian, 1914.

(lower) Dionysian: the six Duncan girls with statue of dancing maenad. 146

(upper) Walter Rummel and Isadora, 1919.

(lower) Duncan Dancers, 1920: Lisa, Irma, Margot. 147

Irma Duncan: dance photo by Arnold Genthe, 1917. 178

Irma Duncan dancing outdoors, Greece, 1920. 179

Isadora to Irma, October 1, 1920: "Your letter has made me Happy-" 210

Irma Duncan: portrait photo by Edward Steichen; Versailles, 1920. Inscribed: "Gay dancing eyes of the eager dancing faun girl. With a vivat-Edward Steichen." 211

(upper) Irma Duncan in Moscow, ca. 1925.

(lower) The Isadora Duncan School, Moscow. 306

"The young woman I never knew." Irma's mother, photographed years before her marriage. 307

[13], p. xi-xiii

Foreword

My life with Isadora Duncan dates from 1905, until her untimely end in 1927. This period covers most of my own career as a dancer. During all these vital, creative years of working together, neither of us was able to leave some tangible result of our transient art. This book must therefore remain the sole, abiding record of my work in the world of the dance.

I.D. [Irma Duncan]

Longway, 1966.

\\

Моя жизнь с Айседорой Дункан датируется 1905 годом, и до её несвоевременного кончины в 1927 году. Этот период охватывает большую часть моей собственной карьеры как танцовщицы. В течение всех этих жизненно важных творческих лет совместной работы ни один из нас не смог оставить ощутимый результат нашего преходящего искусства. Поэтому эта книга должна оставаться единственным, постоянным свидетельством моей работы в мире танца.

I.D. [Ирма Дункан]

Longway, 1966.

[15]

Note on Sources: Many of the quotations in this book come from papers in the personal collection of Irma Duncan. These materials have been given by Miss Duncan to the Dance Division of the New York Public Library. In some cases, similar statements may be found in published works, but Miss Duncan has used the original sources whenever possible. All translations have been made by the author.

References to works frequently cited have been abbreviated: Life-Isadora Duncan, My Life (New York, 1928); Art-Isadora Duncan, The Art of the Dance (New York, 1928). Other works cited are acknowledged elsewhere in this volume.

\\

Примечание по источникам. Многие цитаты в этой книге взяты из документов личной коллекции Ирмы Дункан. Эти материалы были предоставлены мисс Дункан танцевальному отделу Нью-йоркской публичной библиотеки. В некоторых случаях подобные цитаты можно найти в опубликованных работах, но мисс Дункан использовала исходные источники, когда это было возможно. Все переводы сделаны автором. Ссылки на часто цитируемые работы были сокращены:

Life-Isadora Duncan, «Моя жизнь» (Нью-Йорк, 1928);

Art-Isadora Duncan, «Искусство танца» (Нью-Йорк, 1928).

Другие упомянутые работы признаны в другом месте этого тома.

Isadora Duncan at the Theatre of Dionysus, Athens, 1904.

Isadora Duncan at the Theatre of Dionysus, Athens, 1904.

**** PART I. 1905-1913 ******-- ЧАСТЬ I. 8-16 лет**

[17], p. 3-9 * DUNCAN DANCER * Prelude *

Prelude**Прелюдия**

THE most fateful day of my life, the one destined to make the greatest changes in it, occurred at the end of January, 1905. The sky was dark, for a heavy fog had rolled in from the North Sea during the night, obscuring the streets of Hamburg. I had been born near there in a small town in Schleswig-Holstein, but my mother now lived on the outskirts of this city.

\\

Самый судьбоносный день в моей жизни тот, который был предназначен для внесения в него больших изменений, произошел в конце января 1905 года. Небо было тёмным, потому что ночью из Северного моря катился тяжелый туман, затеняя улицы Гамбурга. Я родилась там, в маленьком городке Шлезвиг-Гольштейн, но моя мать теперь жила на окраине этого города.

I can see the child I was then, bundled up warm against the damp weather, wearing a velvet bonnet and wool mittens, sitting beside my mother in the electric tramcar that carried me, not only from the quiet suburbs to the busy center of town, but also out of one kind of world into an entirely different one.

\\

Я могу видеть ребёнка, которым я тогда была, упакованного тепло из-за влажной погоды, в бархатной шляпе и ватных варежках, сидящей рядом с моей матерью в электрическом трамвае, который нес меня не только из тихих пригородов в оживленный центр города, но и из одного мира, в совершенно другой.

As we clanged along the Steindam leading to the more elegant section of Hamburg, I felt a mounting excitement. I was also somewhat frightened at what was about to happen, for I was to audition for a famous dancer to see if I could become a pupil in her school. This had come about because mother had seen an announcement in the newspaper saying that Isadora Duncan, the young American dancer who was then creating a furor in Germany, wanted pupils for her newly founded school in Berlin.

\\

Когда мы стучали каблуками по улице Стейндам, ведущей к более изящной части Гамбурга, я почувствовала сильное волнение. Также я несколько испугалась того, что должно было произойти, потому что я должна была прослушиваться у знаменитой танцовщицы, чтобы выяснить, смогу ли я стать учеником в её школе. Это произошло потому, что мама увидела объявление в газете, в котором говорилось, что молодая американская танцовщица Айседора

Дункан, которая тогда создавала фурор в Германии, хотела набрать учеников для своей недавно основанной школы в Берлине.

Mother had been dreaming of a stage career for me ever since a neighbor of ours, a music teacher, discovered that I had a good singing voice. This immediately reminded her of Ernestine Schumann-Heink, prima donna of the Hamburg Opera, for mother had come in contact with the glamorous world of the theatre when she acted as governess for the singer's little boy.

\\

Мать мечтала о сценической карьере для меня с тех пор, как мой сосед, учитель музыки, обнаружил, что у меня хороший голос. Это сразу напомнило ей Эрнестину Шуман-Хейнк, примадонну Гамбургской оперы, поскольку мать когда-то вступила в контакт с гламурным миром театра, когда она выступала в роли гувернантки для маленького мальчика певицы.

The curtain actually rose on my dance career the day before, when mother tried unsuccessfully to enroll me at the Municipal Theatre School. The directress, a dour-looking woman in a tight black dress, poked her head out of the door. When she saw me, she immediately pronounced me too young. "Bring your daughter back when she is twelve years old," she said.

\\

Занавес на самом деле поднялся на мою танцевальную карьеру накануне, когда мать безуспешно пыталась зачислить меня в Муниципальную театральную школу. Директриса, суровая женщина в узком чёрном платье, высунула голову из двери. Когда она увидела меня, то сразу же объявила меня слишком молодой. «Приведи свою дочь, когда ей исполнится двенадцать лет», - сказала она.

Mother tried hopefully to describe my acting and singing talents, but she cut her short with, "Those are the rules, Madam, goodbye," and shut the door on us. It was just as well she did, as otherwise I might never have met Isadora Duncan. However, the fates were even then busy weaving the threads that would bring us together.

\\

Это было тоже хорошо, поскольку иначе я, возможно, тогда никогда бы не встретил Айседору Дункан. Тем не менее, наши судьбы были даже тогда заняты плетением нитей, которые сведут нас вместе.

Мать с надеждой пыталась описать мои актерские и певческие таланты, но та коротко отрезала ей: «Это правила, мадам, до свидания», и закрыл нам дверь.

That same evening mother put me to bed earlier than usual, perhaps to sleep off my supposed disappointment, although the rejection at the Theatre School had actually left no impression on me. She then cleared away the supper dishes from the kitchen table and retired to the front parlour, or gute Stube, as they say in Hamburg. She sat down on the mahogany sofa covered with black damask above which hung a picture

of my late father with his curly red hair and bristling mustache. On the round mahog - any table in front of her, covered with a fringed cloth, she spread the evening newspaper. An old-fashioned oil lamp provided the only illumination. Electricity was a fairly recent convenience that had not as yet penetrated the outskirts of our city to light up the uniformly gloomy row of houses where we lived.

\\

В тот же вечер мать уложила меня спать раньше обычного, возможно, чтобы заснуть от моего предполагаемого разочарования, хотя отказ в Театральной школе на самом деле не произвел на меня никакого впечатления. Затем она очистила блюда после ужина с кухонного стола и ушла в гостиную перед домом или погладила Комнату, как говорят в Гамбурге. Она села на диван из красного дерева, покрытый чёрным дамастом, над которым висела фотография моего покойного отца с кудрявыми рыжими волосами и ощетилившимися усами. На круглом махохе - любой стол перед ней, покрытый бахромой тряпкой, она расправила вечернюю газету. Единственная подсветка - старомодная масляная лампа. Электричество было довольно недавним удобством, которое ещё не проникло в окраину нашего города, чтобы осветить равномерно мрачный ряд домов, в которых мы жили.

My mother looked old and careworn. Her smooth dark hair was streaked with gray, for she was past fifty. She had worked hard most of her life and didn't really know what leisure meant. My father's death had left us in somewhat straitened circumstances. A Hanoverian by birth, at a time when the elector of that province was also a British royal duke, he owned a small foodstore in Wandsbeck. When mother met him he was a widower with five children, the youngest being a mere infant. Mother took on the job of caring for them all. I was born when my parents were in their late forties. Thus I have no remembrance of mother as a young woman. Of my father I have practically no recollection at all, since I was only four years old when he died. His image is therefore just faintly imprinted in my memory.

\\

Моя мать выглядела старой и озабоченной. Её гладкие тёмные волосы были седыми, потому что ей было лет пятьдесят. Она много работала большую часть своей жизни и не знала, что такое досуг. Смерть моего отца оставила нас в несколько стесненных обстоятельствах. Ганновер по рождению, в то время, когда избирателем этой провинции также был британский королевский герцог, он владел небольшим продовольственным магазином в Вандсбеке. Когда мать встретила его, он был вдовцом с пятью детьми, а младший был просто младенцем. Мать взяла на себя заботу о них. Я родилась, когда моим родителям было лет сорок. Таким образом, я не вспоминаю о матери как о молодой женщине. От моего отца у меня практически нет воспоминаний, так как мне было всего четыре года, когда он умер. Поэтому его образ только слегка запечатлен в моей памяти.

Instead of sending her stepchildren to an orphanage as she was advised to do, mother preferred to struggle along as best she could in order to provide a decent home for them, seeing to it that they obtained work when they finished school. By the time I too had reached school age they had all left; only I, mother's one child of her own, remained at home.

Though small of stature and frail in appearance, mother possessed enormous energy and a vast fund of human kindness; always cheerful, she managed to eke out a living.

\\

Вместо того, чтобы отправить своих пасынков в детский дом, как ей советовали сделать, мать предпочла бороться, как могла, чтобы обеспечить им достойный дом, убедившись, что они получили работу, когда закончили школу. К тому времени, когда я тоже достигла школьного возраста, они все ушли; только я, единственный её ребёнок, осталась дома.

Несмотря на небольшой рост и хрупкость, мать обладала огромной энергией и огромным запасом человеческой доброты; всегда веселая, - так ей и удалось выжить.

Perusing the paper now, she came across a startling announcement. It seemed almost miraculous that such a wonderful chance for the advancement of my stage career should present itself so opportunely. The more she read, the more excited she became. A nervous woman and highly emotional, she suddenly jumped up and rushed into the bedroom where I lay fast asleep.

\\

Перечитывая газету, она натолкнулась на поразительное объявление. Казалось почти чудесным, что такой замечательный шанс для продвижения моей сценической карьеры должен проявиться так кстати. Чем больше она читала, тем больше она возбуждалась. Нервная женщина и очень эмоциональная, она внезапно вскочила и ворвалась в спальню, где я крепко спала.

"Irma! Irma dear!" she called. "Wake up, wake up, my child!" I could not immediately figure out what had happened; her voice sounded so urgent. Impatiently she lifted me out of bed. "Come along, I want to read you something wonderful," she said, and carried me into the next room.

\\

«Ирма! Ирма, дорогая!» позвала она. «Проснись, проснись, дитя мое!» Я не могла сразу понять, что случилось; её голос звучал так пронзительно. Она нетерпеливо подняла меня с кровати. «Пойдем, я хочу прочитать тебе что-то замечательное», - сказала она и отвела меня в соседнюю комнату.

Holding me on her lap, mother sat down again. She moved the lamp a little closer, smoothed out the rumpled pages of the newspaper, adjusted the gold-rimmed pince-nez hanging from a black ribbon around her neck, and jerked me into an upright position, all apparently at one and the same time.

\\

Подняв меня на колени, мать снова села. Она приблизила лампу ближе, сгладила смятые страницы газеты, поправила пенсне с золотой окантовкой, свисающей с чёрной ленты на шее, и вытолкнула меня в вертикальное положение, все это, видимо, в одно и то же время.

"Sit up and listen," she said briskly. Pointing a forefinger at some inky black print, totally indecipherable to me, she began to read aloud.

I sat up and forced myself to listen to the article about a famous "barefoot dancer named Isadora Duncan," of whom I had never heard. It appeared she was then performing with considerable eclat at the Thalia Theatre in Hamburg. She was described as "a slender creature like a Greek goddess come to life."

\\

«Садись и слушай, - сказала она бойко. Направив указательный палец на чернильный отпечаток, совершенно неразборчивый для меня, она начала читать вслух.

Я села и заставила себя послушать статью о знаменитой «босоногой танцовщице по имени Айседора Дункан», о которой я никогда не слышала. Оказалось, что она выступала со значительным великолепием в театре Талия в Гамбурге. Она была описана как «стройное существо, как греческая богиня, которая ожила».

Pronouncing each word slowly so I could understand, mother read that Isadora Duncan had, only two weeks before, opened a dance school for little girls in Grunewald, near Berlin. And stressing the next words, she said, "Only children aged six to ten are acceptable."

Mother looked at me over her pince-nez. "Did you understand, dear? That means you won't have to wait till you are twelve! Now listen to the description of the school."

\\

Произнося каждое слово медленно, чтобы я поняла, мать читала, что Айседора Дункан, всего за две недели до этого, открыла школу танцев для девочек в Грюневальде, недалеко от Берлина. Подчеркивая следующие слова, она сказала: «Только дети в возрасте от шести до десяти приемлемы».

Мать посмотрела на меня через пенсне. «Ты поняла, дорогая? Это значит, что тебе не придется ждать, пока тебе не исполнится двенадцать! Теперь послушай описание школы».

The building is a three-story structure with a large basement and top floor. All the rooms are spacious and airy and the many windows allow free access of sunlight and fresh air. On the walls in every room are representations of antique art, and in the dormitories hang Donatello's terra cottas depicting children at play as well as Della Robbia's colorful Madonnas. There are large copies of dancing figures on friezes in the schoolroom, and on a long shelf in the music room is a lovely collection of Tanagra figurines. All these works of art are supposed to give the children a sense and appreciation of beauty, which in turn will influence their dancing, according to Miss Duncan.

\\

Здание представляет собой трехэтажное здание с большим подвалом и верхним этажом. Все номера просторны и полны воздуха, а многие окна обеспечивают свободный доступ к солнечному свету и свежему воздуху. На стенах в каждой комнате представлены изображения античного искусства, а в общежитиях висят терракоты Донателло, которые изображают детей в игре, а также красочных Мадонн от Деллы Роббиа. В школьной комнате есть большие экземпляры танцующих фигур, а на длинной полке в музыкальной комнате – прекрасная коллекция фигурок Танагры. По словам мисс Дункан, все эти произведения искусства должны дать детям чувство и признательность за красоту, которая, в свою очередь, повлияет на их танцы.

The children are boarded and educated free of charge; this includes clothes and other necessities. Besides their dance training personally conducted by Isadora Duncan, the pupils will also receive academic instruction from a competent public school teacher and in addition, in order to stimulate their artistic sensibilities, there will be regular visits to museums with lectures on art. Two governesses are in charge, and the management of the school is in the hands of Miss Isadora's sister, Elizabeth Duncan.

\\

Дети расселяются и получают образование бесплатно; это включает одежду и другие предметы первой необходимости. Помимо обучения танцам, лично проводимого Айседорой Дункан, ученики также получают академическое обучение от компетентного преподавателя общеобразовательной школы и, кроме того, в целях стимулирования их художественной чувствительности будут регулярно посещать музеи с лекциями по искусству. Заведуют две гувернантки, а руководство школы находится в руках сестры мисс Айседоры, Элизабет Дункан.

This free, non-profit dance school, founded by Isadora Duncan and entirely supported by her financially, is not a philanthropic institution in the ordinary sense but an enterprise dedicated to the promotion of health and beauty in mankind. Both physically and spiritually the children will here receive an education providing them with the highest intelligence in the healthiest body.

\\

Эта бесплатная некоммерческая школа танцев, основанная Айседорой Дункан и полностью поддерживаемая ею в финансовом отношении, не является филантропическим учреждением в обычном смысле, а предприятием, занимающимся поощрением здоровья и красоты в человечестве. И физически, и духовно дети получают здесь образование, обеспечивающее им высший интеллект в здоровом теле.

"How wonderful!" mother exclaimed. "Irma, how would you like to be a dancer?" I did not know what to say. The only dancing I had done was at Hallowe'en. After dark, with the other children in our block, I would skip joyfully along the street with a

colored paper lantern on a stick. Holding it high up in the air I would sing a little German rhyme:

*Lanterne! Lanterne!
Sonne, Mond und Sterne
Macht aus euer Licht,
Macht aus euer Licht,
Aber loescht mir meine Lanterne nicht!*

\\

«Как замечательно!» воскликнула мать. «Ирма, как ты хочешь быть танцовщицей?»

Я не знала, что сказать. Единственный танец, который я сделала, был на Хэллоуин. После наступления темноты, с другими детьми в нашем квартале, я с радостью проскакала улицу с цветным бумажным фонарем на палочке. Держа его высоко в воздухе, я спела небольшую немецкую рифму:

Фонарь! Фонарь!
Солнце, Луна и звезды
Выключите свет,
Выключите свет,
Но не забывай мой Фонарь!

Little did I then realize how extraordinarily symbolic that simple gesture of holding high the torch while dancing would be for me in the future.

When mother asked if I wanted to be a dancer, my answer could not have been too enthusiastic. She tried to arouse my interest by sounding very enthusiastic herself.

\\

Мало ли я тогда понимала, как необычайно символично, что простой жест держал факел во время танца для меня в будущем.

Когда мать спросила, хочу ли я быть танцовщицей, мой ответ не мог быть слишком восторженным. Она попыталась возбудить мой интерес, проявив большой энтузиазм.

"Here, Irma, listen to this! 'In the summertime the pupils will take their lessons out of doors. Clad only in a light, short tunic and with bare feet, they will be taught to move freely in harmony with nature. They will learn to express their own childlike feelings in the dance...."

\\

«Здесь, Ирма, послушай это!» "В летнее время ученики будут брать уроки на открытом воздухе. Одетые только в легкую короткую тунику и босыми ногами, их научат свободно перемещаться в гармонии с природой. Их научат выражать свои собственные детские чувства в танце...»"

"Just think how wonderful that must be!" mother said, thinking no doubt of all the summer days I was forced to spend playing on the dusty street or in our cheerless back yard. "If I send you to that school, who knows ... perhaps some day ... you too will be a famous dancer!" She laughed and hugged me tight. "Tell me, darling, would you like to try this school?"

\\

«Подумай, как это прекрасно!» сказала мать, не сомневаясь во все летние дни, которые я вынуждена была проводить на пыльной улице или в нашем безрадостном заднем дворе. «Если я отправлю тебя в эту школу, кто знает ... может быть, когда-нибудь ... ты тоже станешь знаменитой танцовщицей!» Она засмеялась и крепко обняла меня. «Скажи мне, дорогая, ты бы хотела попробовать эту школу?»

"I don't know," I said hesitatingly, for the thought of leaving home for a distant city frightened me. "Why do I have to decide tonight?" I felt very sleepy. "Can't we wait till tomorrow?"

"No!" Mother explained we had to decide tonight because the dancer was giving only one more tryout early tomorrow morning. After further persuasion I agreed to go. Mother at once carried me back to bed. In the dark bedroom, while tucking me in, she said in a strangely serious voice:

\\

«Не знаю», нерешительно сказала я, потому что мысль о том, чтобы уехать из дома в отдаленный город, напугала меня. «Зачем мне сегодня решать?» Я чувствовала себя очень сонной. «Мы не можем подождать до завтра?» «Нет!» Мать объяснила, что нам нужно было решить сегодня вечером, потому что танцовщица назначила ещё одно испытание рано утром. После дальнейших убеждений я согласилась пойти. Мать сразу вернула меня в постель. В тёмной спальне, заправляя меня, она сказала странным серьезным голосом:

"Just one more thing, darling, before you go to sleep. I must tell you that the pupils are required to remain at the school till they have reached their eighteenth year. That means we shall be separated for a long, long time."

\\

«Ещё одна вещь, дорогая, перед сном. Я должна сказать тебе, что ученики должны оставаться в школе, пока они не достигнут восемнадцати лет. Это означает, что мы будем разделены надолго».

I sat bolt upright and blurted out, "No, I don't want to go!" and straightway felt much relieved. Mother pushed me back onto the pillows. Calmly she reminded me of the wonderful things I would receive at that school-things she could not provide. And she promised to visit me often, which reassured me somewhat. And so, tired of this long discussion in what seemed to me the middle of the night, I once more agreed to attend the tryout.

\\

Я сидела в вертикальном положении и выпалила: «Нет, я не хочу туда!» и сразу почувствовала облегчение. Мать оттолкнула меня обратно на подушки. Спокойно она напомнила мне о чудесных вещах, которые я получила бы в этой школе, - вещах, которые она не могла предоставить. И она пообещала часто навещать меня, что несколько успокоило меня. И поэтому, устав от этой продолжительной дискуссии в том, что мне показалось посреди ночи, я ещё раз согласился присутствовать на мероприятии.

I had no sooner closed my eyes when I heard mother murmur as if to herself, "What a dreadfully long time to be separated. Oh, how I shall miss you. Darling, will you miss me?"

Alarmed at her emotional outburst, I started to cry. I threw my arms about her and sobbed, "O Mama, I shall miss you too!"

Mother stroked my head. "Go to sleep now, for we shall have to get up very early to be there on time"

\\

Я едва закрыла глаза, когда услышала, как мать пробормотала, как бы про себя: «Как ужасно долгое время нужно быть в разлуке. О, как я буду скучать по тебе. Милая, ты будешь скучать по мне?»

Встревоженная её эмоциональным взрывом, я начала плакать. Я обняла её и всхлипнула: «Мама, я тоже буду скучать!»

Мать погладила мою голову. «Иди спать, потому что нам нужно рано вставать, чтобы быть там вовремя...»

And here we were, on our way to meet the "barefoot dancer," who they said looked like a Greek goddess come to life. The tramcar stopped in front of the Hamburger Hof, our destination. By the big clock over the front desk, mother noticed with a start that we were late for the audition. She asked hastily for Miss Duncan's suite and on being informed clutched my hand, racing me quickly up the carpeted stairs. The sound of music on the third floor led us directly to the right door. Mother knocked repeatedly, but there was no answer. When the music stopped, she knocked again. A maid in black uniform with crisp white cap and apron opened the door. She said curtly, "Sorry, the tryout is over." She was about to close the door again when mother intervened.

\\

И вот мы, на нашем пути, чтобы встретить «босоногую танцовщицу», которая, по их словам, выглядела как греческая богиня, ожившая. Трамвай остановился перед Гамбургским двором, нашим пунктом назначения. По большим часам на стойке регистрации мать с самого начала заметила, что мы опоздали на прослушивание. Она поспешно спросила о номере мисс Дункан и, узнав, схватила меня за руку, быстро пробежала по ковровой лестнице. Звук музыки на третьем этаже привел нас прямо к правой двери. Мать постучала много раз, но ответа не было. Когда музыка остановилась, она снова постучала. В дверь открылась горничная в чёрной форме с белой шапкой и фартуком. Она коротко

сказала: «Прости, тест закончился». Она снова собиралась закрыть дверь, когда вмешалась мать.

"Won't you announce us anyway?" she inquired.

"I have orders not to admit any more applicants," the maid said primly.

"Oh please," mother pleaded, "we have come a long way. Our connections were bad, and my little girl will be so disappointed. Please explain this to Miss Duncan."

\\

«Разве вы не объявите нас в любом случае?» - спросила она.

«У меня есть приказ не допускать больше претендентов», - сказала горничная грубо.

«О, пожалуйста, - умоляла мать, - мы прошли долгий путь. Наши связи были плохими, и моя маленькая девочка будет так разочарована. Пожалуйста, объясните это мисс Дункан».

The maid looked down at me for a minute. She must have seen a small pale face with two big blue-green eyes staring back at her. Perhaps she was touched by my solemn expression as I clung tightly to mother's hand, for she said in a friendlier tone, "Wait here while I go and inquire."

\\

Горничная посмотрела на меня минутку. Должно быть, она видела маленькое бледное лицо с двумя большими сине-зелеными глазами, которые смотрели на неё. Возможно, её тронуло моё торжественное выражение, когда я крепко прижался к руке матери, потому что она сказала более дружелюбным тоном: «Подождите, пока я пойду и спрошу».

Mother immediately bent down to straighten my bonnet and retie the satin bow under my chin. With nervous gestures she straightened her own hat and veil, reminding me for the tenth time to be sure to make a nice knicks for the lady when we shook hands.

\\

Мать тут же наклонилась, чтобы выпрямить мой капор, и поправила атласный бант под моим подбородком. С нервными жестами она выпрямила свою шляпу и вуаль, напоминая мне в десятый раз, чтобы убедиться, чтобы мы сделали приятные ножки для дамы, когда мы пожмем друг другу руки.

How often since have I recalled that moment! And I always remember with a feeling of profound gratitude that the door did open to me, for through it I passed into a world of wider horizons. But most of all I offer thanks to a kind Providence that made it possible for me to meet the remarkable woman who was to mean so much to me.

And I still hear those words that opened the fateful door:

"Enter, please. Madame will receive you!"

\\

Как часто я вспоминала этот момент! И я всегда помню с глубокой благодарностью, что дверь открылась мне, потому что через неё я перешла в

мир более широких горизонтов. Но больше всего я предлагаю благодарить доброе Провидение, которое позволило мне встретить замечательную женщину, которая должна была так много значить для меня. И я до сих пор слышу те слова, которые открыли эту важную дверь:
«Войдите, пожалуйста, мадам примет вас!»

[26], p.10-19 * DUNCAN DANCER * Follow Me *

-=1=-

Follow Me **Следуй за мной**

Our momentous meeting took place in a room full of people-parents and their children-who had come for the tryout. But because I arrived too late, I received special attention.

\\

Наша знаменательная встреча состоялась в комнате, полной людей, родителей и их детей, которые пришли на собеседование. Но поскольку я приехала слишком поздно, я получила особое внимание.

On entering the famous dancer's room, I felt a pleasant sensation of warmth and the fragrance of numerous vases and baskets of fresh flowers. The instant she stepped forward to greet me, in bare feet and ankle-length white tunic, looking indeed like a Greek goddess come to life, I had eyes only for her. With childish pleasure I noticed the white ribbon she wore in her light brown hair. I had never seen anyone so lovely and angelic-looking or anyone dressed in that way. Beside mother's long black dress made in the Victorian fashion, Isadora's simple attire gave her the appearance of a creature from another planet. I fell completely under the charm of her sweet smile when she bent down to take my hand while I curtsied.

\\

Войдя в комнату знаменитой танцовщицы, я почувствовала приятное ощущение тепла и аромата многочисленных ваз и корзин из свежих цветов. В тот миг, когда она шагнула вперед, чтобы встретить меня, в босых ногах и белой тунике на лодыжке, выглядящая действительно как греческая богиня, она ожила, я направила глаза только неё. С детским удовольствием я заметил белую ленту, которую она носила в светло-коричневых волосах. Я никогда не видела никого такого прекрасного, ангельского или любого, одетого таким образом. Наряду с длинным чёрным платьем матери, выполненным в викторианском стиле, простая одежда Айседоры дала ей вид существа с другой планеты. Я полностью попала под очарование её сладкой улыбки, когда она наклонилась, чтобы взять меня за руку, пока я присела в реверансе.

In a soft voice, speaking in halting German, she told mother that the tryout was over. Mother once again made her excuses, and Isadora must have relented, for she told her to remove my clothes quickly so she could have a look at me. Mother knelt down and promptly started to undress me, right there in front of all those people. It happened so quickly I didn't have time to be scared. In her haste to comply with Isadora's request, mother had difficulty with the many hooks and buttons that encumbered even children's clothing in those days.

\\

Мягким голосом, говоря о том, чтобы подавить немецкий, она сказала матери, что тест закончился. Мать снова сделала извинения, и Айседора, должно быть, смягчилась, потому что она велела ей быстро снять одежду, чтобы она могла взглянуть на меня. Мать опустилась на колени и сразу начала раздевать меня, прямо перед всеми этими людьми. Это случилось так быстро, что я не успел испугаться. В спешке, чтобы выполнить просьбу Айседоры, мать испытывала трудности с множеством крючков и пуговиц, которые в то время обременяли даже детскую одежду.

*After she had removed the black stockings, the high-buttoned shoes, and the last petticoat, I stood exposed in a cotton camisole and a pair of lace-edged underpants, from which dangled long black garters. I felt terribly ashamed when, thus accoutred, I was made to stand alone in the center of the room. But not for long. The lovely vision in the Greek tunic returned and asked my name.
"Come and stand here in front of me, Irma, and do exactly as I do."*

\\

После того, как она сняла чёрные чулки, туфли с высокой степенью застёжки и последнюю нижнюю юбку, я стояла, выставленная в хлопчатобумажном лифчике, и паре трусов с кружевным краем, из которых свисали длинные чёрные подвязки. Мне было ужасно стыдно, когда, таким образом, я была в одиночестве в центре комнаты. Только не долго. Прекрасное видение в греческой тунике вернулось и спросило моё имя.
«Иди и остановись передо мной, Ирма, и поступай так же, как и я».

The soft strains of Schumann's Traumerei came floating to my ears as Isadora Duncan slowly began to raise her bare arms to the music. She watched me closely as I imitated her gesture and then, after a while, she seemed no longer to pay attention to me. A faraway look had come into her eyes as, lost in the music, she raised her beautiful arms and with a swaying motion of her body moved them gently from side to side like the branches of a tree put in motion by the wind. How well I was going to know that expression I She once said, «Like swelling sails in the wind, the movements of my dance carry me onward and upward and I feel the presence of a mighty power within me.»

\\

Мягкие напряжения Трамурей Шумана приплыли к моим ушам, когда Айседора Дункан медленно начала поднимать свои обнаженные руки в музыке. Она внимательно наблюдала за мной, когда я подражала её жестам, а потом через

некоторое время она больше не обращала на меня внимания. В её глазах появился далекий взгляд, который, потерявшись в музыке, поднял красивые руки и, покачиваясь, двигал её мягким движением из стороны в сторону, как ветви дерева, приводимые в движение ветром. Насколько хорошо я узнала это выражение. Однажды она сказала: «Как припухлые паруса на ветру, движения моего танца ведут меня вперед и вверх, и я чувствую присутствие могущественной силы во мне».

And how much would I learn to feel that power growing steadily in all the years we worked together. This is how we first came in contact with each other-the great teacher and her small pupil-standing face to face, oblivious of the other people present, moving in unison to the music in our first dance to-gether. With what poignancy I would recall this scene toward the end.

\\

И сколько я буду учиться чувствовать, так что сила неуклонно растёт за все годы совместной работы. Так мы впервые вступили в контакт друг с другом - великий учитель и её маленький ученик, стоящий лицом к лицу, не обращая внимания на других присутствующих людей, двигаясь в унисон к музыке в нашем первом танце. С какой остротой я бы вспомнила эту сцену ближе к концу.

A nod to the musician at the upright piano, and the tempo changed to a lighter rhythm, an allegretto. She swiftly changed the mood and darted away, skipping gracefully around the room. All eyes, I was fascinated watching her circle about me like a bird. She reminded me of the sea gulls I had often observed skimming across the big lake directly in front of the hotel. Uncertain what to do next, I remained where I was. Still dancing, she beckoned to me and called out gaily, «Follow me! Follow me!»

\\

Она кивнула музыканту на вертикальном пианино, и темп изменился на более лёгкий ритм, аллегретто. Она быстро изменила настроение и отскочила, изящно проскользнув по комнате. Во все глаза, я была очарована, наблюдая за её кругом вокруг меня, подобно птице. Она напомнила мне о чайках, которых я часто наблюдала, прогуливаясь по большому озеру прямо перед отелем. Не зная, что делать дальше, я осталась там, где была. Все ещё танцуя, она поманила меня и весело позвала: «Следуй за мной! Следуй за мной!»

Her radiant personality was contagious. I lost my selfconsciousness and bravely skipped after her, trying my best to do exactly as she did. I undulated my little arms in emulation of her for all I was worth. But, in that absurd deshabelle with the long black garters flapping against my legs at every step, I must have looked comical. I heard her laugh when she stopped abruptly and said, «That is enough, my dear. Go and put on your things.»

\\

Её сияющая личность была заражительной. Я потеряла самообладание и смело пропустила её, пытаясь изо всех сил сделать то, что делала она. Я собрала свои маленькие руки в подражании ей во всем, что мне удавалось. Но в этом абсурдном неглиже с длинными чёрными подвязками, хлопающими по моим ногам на каждом шагу, я, должно быть, выглядела смешно. Я услышала её смех, когда она резко остановилась и сказала: «Этого достаточно, моя дорогая. Иди и надень свои вещи».

While mother dressed me, I kept looking back over my shoulder at the lovely vision in white who had cast such a spell over me. She slowly went from one child to another of the many assembled there and deliberately made her choice as if picking flowers. «I shall take you and you,» I heard her chant, «and you and you»

\\

Пока мама одевала меня, я все время оглядывалась через плечо на прекрасное видение в белом, которое на меня накладывало такое заклинание. Она медленно переходила от одного ребёнка к другому из многих собравшихся там и намеренно делала свой выбор, как будто собирала цветы. «Я возьму тебя и тебя», я услышал её пение: «И ты, и ты...»

I glanced with envy at the girls she had chosen. Would she want me too? I wondered, secretly yearning to go with her wherever she went, for this was something I now wanted to do more than anything else. However, she passed me by. She turned instead with sudden animation and interest toward a young man, sketchbook and pencil in hand, who had been quietly sitting in the background observing. He whispered a few words, which caused Isadora to turn around and look at me. She came over to where I stood beside mother, anxiously waiting for her to notice me. She smiled, took my hand in hers and, leading me to the group of girls she had selected, gently said, «And Irma, I will take you, too.»

\\

Я с завистью посмотрела на девочек, которых она выбрала. Она захочет выбрать меня тоже? Я задавалась вопросом, тайно желая пойти с ней, куда бы она ни отправилась, потому что это было то, что я теперь хотела сделать больше всего на свете. Однако она прошла мимо меня. Вместо этого она обернулась с неожиданной живостью и интересом к молодому человеку, с книжкой и карандашом в руке, который спокойно сидел и наблюдал на заднем плане. Он прошептал несколько слов, которые заставили Айседору развернуться и посмотреть на меня. Она подошла к тому месту, где я стояла рядом с матерью, с тревогой ожидая, когда она заметит меня. Она улыбнулась, взяла меня за руку и привела меня к группе девушек, которых она выбрала, мягко сказала: «И Ирма, я тоже тебя возьму».

I had no idea then of the role the young artist had played for me. When years later I once asked Isadora what exactly had prompted her to choose me for her pupil, she appeared surprised at my question.

«Why, don't you know? It was Gordon Craig. He said to me, 'Take her, she has the eyes!'»

«Of course I said that about you to Isadora,» Gordon Craig told me recently when I inquired. In answer to my letter, he wrote from Vence in the south of France where he now resides:

\\

Тогда я понятия не имела о той роли, которую сыграл для меня тот молодой художник. Когда, несколько лет спустя, я однажды спросила Айседору, что именно побудило её выбрать меня как её ученика, она показалась удивлённой моим вопросом.

«Почему, разве ты не знаешь? Это был Гордон Крейг. Он сказал мне: «Возьми её, у неё глаза!»

«Конечно, я говорил об этом с Айседорой, - сказал мне недавно Гордон Крейг, когда я спросила. В ответ на моё письмо он написал из Венса на юге Франции, где он сейчас проживает:

Dear Irma:

So once again I find you, don't doubt if I remember you. But to get your letter is perhaps the best thing which has happened to me for many years - and no 'perhaps' at all. . . . I look on you as you were, small and holding up your hands as in the picture and your blessed heart is just the same as it was when a child, I feel this. The Hamburger Hof, do I remember that! Yes, and it was a foggy week - dark by day. I drew a poor sketch of the side of the hotel from my window and some lights. . . . The date I was in Hamburg with her was January 24th to Jist, 1905.

\\

Дорогая Ирма:

Так снова я нашёл вас, и не сомневайтесь, помню ли я вас. Но получить ваше письмо - это, пожалуй, лучшая вещь, которая произошла со мной за много лет - это вообще «невероятно»... Я смотрю на вас так, как вы когда-то были маленькой и поднимали руки, как на картинке, и ваше благословенное сердце - оно то же самое, каким было, когда вы были ребёнком, я это чувствую.

Гамбургский двор [отель], я помню это! Да, и это была туманная неделя - тёмная днем. Я нарисовал бледный эскиз стороны отеля из окна и некоторых огней... Дата, когда я был в Гамбурге с ней, была без сомнения 24 января, 1905 год.

And that is how I became Isadora Duncan's pupil. The chances of our ever meeting had been very slim. Was it hazard or destiny-who can tell?

«Follow me, follow me!» she had said when first we met. And follow her I did, from then on to the end.

\\

Именно так я стала учеником Айседоры Дункан. Шансы нашей встречи были очень незначительными. Было ли это опасностью или судьбой - кто может сказать?

«Следуй за мной, следуй за мной!» - сказала она, когда мы встретились. И следую за ней с тех пор и до конца.

There were five of us when we children gathered the next morning at her hotel to be attired in our new school uniform consisting of tunic and sandals and a little hooded woolen cape.

\\

Нас было пятеро из нас, когда мы, дети, собрались на следующее утро в её отеле, чтобы одеться в нашу новую школьную форму, состоящую из туники и сандалий, и маленького шерстяного плаща с капюшоном.

Dressed alike, we looked like sisters. I distinctly recall the sense of freedom I experienced in those light and simple clothes, which were the distinctive Duncan uniform and which would henceforth set us apart from other people. Goodbye petticoats and cumbersome dresses with bothersome hooks and high-buttoned shoes. We children, strangers only a moment ago, now timidly smiled at each other in a new-found comradeship.

\\

Одетые одинаково, мы были похожи на сестёр. Я отчетливо помню чувство свободы, которое я испытала в этой легкой и простой одежде, которая была отличительной формой Дункан и которая отныне отделяла нас от других людей. До свидания юбки и громоздкие платья с назойливыми крючками и туфлями. Мы, дети, незнакомые только минуту назад, теперь робко улыбались друг другу в новом товариществе.

We were soon on our way to the station. I had never traveled in a train before. In all the excitement I completely lost track of mother. Accompanied by Isadora's maid, we settled ourselves in a second-class compartment in the train for Berlin when, amidst all the confusion, I heard someone tap on the window. It was mother. She tried bravely to smile, but her eyes were red from weeping. I did not immediately understand why she should be crying, since I was on my way to that marvelous school she had told me about, where I would soon be happily playing and dancing with my schoolmates. Why wasn't she happy too? Poor mother! She still had her stepchildren, but I was the only child of her own. Did she have a premonition? Though I would see her again, the bond would never be the same. How could she possibly imagine that her daughter was leaving her, not for a few years as she believed, but that an inscrutable destiny was taking her away practically forever. I leaned out the open window and kissed mother goodbye. She clung to my hand. A sudden shrill blast of the train whistle and we slowly moved out of the station. Mother kept pace with the moving train to the end of the platform. My last glimpse of her showed a weeping black-robed figure with a small bundle, my discarded clothes, pressed tightly to her breast.

\\

Мы скоро отправились на станцию. Раньше я никогда не ездила в поезде. Во всем волнении я полностью потеряла следы матери. В сопровождении служанки Айседоры мы обосновались в отсеке второго класса в поезде в Берлин, когда, среди всего замешательства, я услышала, как кто-то нажал на окно. Это была мать. Она смело пыталась улыбнуться, но её глаза были красными от плача. Я не сразу поняла, почему она должна плакать, так как я была на пути к той чудесной школе, о которой она мне рассказывала, где я скоро буду счастливо играть и танцевать со своими одноклассниками. Почему она тоже не была счастлива? Бедная мать! У неё всё ещё были её пасынки, но я была единственным её ребёнком. У неё было предчувствие? Хотя я увижу её снова, связь никогда не будет такой. Как она могла себе представить, что её дочь покидает её, а не на несколько лет, как она верила, но эта непостижимая судьба уводила её практически навсегда. Я высунулась из открытого окна и поцеловал мать на прощание. Она прижалась к моей руке. Внезапный пронзительный взрыв свистка, и мы медленно выехали со станции. Мать двигалась с движущимся поездом до конца платформы. Мой последний взгляд на неё показал плачущую чёрную фигуру с маленьким пучком, и мою брошенную одежду, плотно прижатую к груди.

A few hours later we arrived in Berlin. A pale winter sun brightened the city. The maid shepherded her small flock to the exit where our new guardian awaited us. She sat in a closed carriage, looking very beautiful. To my childish imagination she represented the legendary Fairy Queen in her coach, carrying me and my companions off to her enchanted castle in the forest.

«Come and sit here beside me,» she said sweetly as I climbed in. I was thrilled!

\\

Через несколько часов мы прибыли в Берлин. Светлое зимнее солнце оживило город. Горничная провела своё маленькое стадо к выходу, где нас ожидал наш новый опекун. Она сидела в закрытой карете, выглядя очень красивой. В моём детском воображении она представляла легендарную Королеву Фей в её карете, уносящую меня и моих спутников в её заколдованный замок в лесу.

«Иди и сядь рядом со мной», сказала она сладко, когда я забралась. Я была в восторге!

The horses rapidly traversed the long chaussee leading to the Grunewald. Filled with expectation, we all sat quiet as mice. When the carriage at last stopped in front of a yellow stucco villa with a tall picket fence, she said, «Here is the school!» We all got out. Wide-eyed with curiosity about what awaited us within, I climbed the many stairs to the entrance. Never was I so surprised as when the door opened and there right in front of me stood the seminude statue of a Greek Amazon on a pedestal, her head nearly touching the ceiling! We all gaped with astonishment. When I recovered from my initial shock, I turned to look for an explanation from the beautiful lady who had brought us here. But the Fairy Queen had vanished-coach and all.

\\

Лошади быстро пересекли длинный путь, ведущий к Грюневальду. Наполненные ожиданиями, мы все сидели тихо, как мыши. Когда карета, наконец, остановилась перед желтой лепной виллой с высоким заборным ограждением, она сказала: «Вот школа!» Мы все вышли. Широко глядя с любопытством насчет того, что нас ждало, я поднялась по многочисленным лестницам ко входу. Никогда я не была так удивлена, как когда дверь открылась, и прямо передо мной стояла статуя полуобнаженной греческой Амазонки на пьедестале, её голова почти касалась потолка! Мы все изумились. Когда я оправилась от своего первоначального шока, я обернулась, чтобы найти объяснение у прекрасной леди, которая привела нас сюда. Но Королева Фей исчезла - карета и всё.

Left alone in these strange surroundings and frightened, we children instinctively drew closer together. A curious odor of bay leaves pervaded the hall, emanating from the dried laurel wreaths that decorated the walls. I had the sensation of having entered a chapel. We remained there waiting for what seemed an unconscionable time.

\\

Оставшись в одиночестве в этих странных местах и испугавшись, мы, дети, инстинктивно сблизились. Любопытный запах лаврового листа пронизывал зал, исходящий от высушенных лавровых венков, украшавших стены. У меня было ощущение, что я вошла в часовню. Мы остались там, ожидая чего-то, что как казалось длилось чрезмерно долго.

Then something happened. Over to one side some sliding doors opened a crack, and out peered a small monkeylike face, brown and wrinkled. This face stared at us for a minute; then the doors opened wider, and a small woman stepped out. Out-landishly attired in a long red Chinese coat embroidered all over with flowers and parrots, this strange apparition mysteriously approached, limping slightly. She slowly circled around the little group, huddled close together for protection. She kept her hands hidden Chinese-fashion in her voluminous sleeves.

We did not know what to make of it. Who was this?

\\

Потом что-то случилось. С одной стороны, какие-то раздвижные двери открыли проем, и оттуда выглянуло маленькое обезьяноподобное лицо, коричневое и морщинистое. Это лицо смотрело на нас с минуту; затем двери стали шире, и маленькая женщина вышла наружу. Внезапно одетая в длинное красное китайское пальто, вышитое со всех сторон цветами и попугаями, это странное явление таинственно приблизилось, слегка прихрамывая. Она медленно кружала вокруг маленькой группы, прижавшихся вплотную друг к другу для защиты. Она держала руки скрытыми в объемных рукавах китайского платья. Мы не знали, что с этим делать. Кто это был?

Without a kind word of greeting to the pathetic little group in her house, this odd creature poked her funny face into each one of our faces for a silent scrutiny and then disappeared as mysteriously as she had come, closing the sliding doors behind her.

\\

Без каких-либо приветствий к жалкой маленькой группе, появившейся в её доме, это странное существо направляло своё странное лицо на каждое из наших лиц для молчаливого контроля, а затем исчезло так же загадочно, как она и появилась, закрыв раздвижные двери позади себя.

I suddenly longed for the comforting arms of my mother. The others must have had similar reactions, for Erica-the youngest, a mere tyke of four-suddenly burst into loud, heart-rending wails. We all were about to join her when, luckily, two nursemaids appeared.

\\

Мне вдруг захотелось утешительных рук моей матери. У других, должно быть, были подобные реакции, потому что Эрика - самая младшая, всего лишь четырех лет - внезапно взорвалась в громкие, раскалывающиеся вопли. Мы все собирались присоединиться к ней, когда, к счастью, появились две гувернантки.

«Ah! here they are, our little Hamburgers!» they exclaimed. With pleasant grins lighting up their young faces, they said, «Welcome to the Duncan School!» and in a cheerful, lively manner hustled us off.

\\

«Ах! вот они, наши маленькие Гамбургеры!» - воскликнули они. С приятной улыбкой, освещенной их молодыми лицами, они сказали: «Добро пожаловать в школу Дункан!» И в весёлой, живой манере вытолкнули нас наружу.

Chatting all the way downstairs, they hurried us to the large, airy basement, where they helped us remove our newly acquired white woolen coats with pink-lined hoods and our winter over-shoes. «What you children need is some nice hot tea and bread and butter,» one of them said. «That will cheer you up.»

\\

Беседуя всю дорогу вниз, они поспешили к большому воздушному подвалу, где они помогли нам снять наши недавно приобретенные белые шерстяные пальто с розовыми вышивками и снять наши зимние ботинки. «Всё что вам нужно, дети - это хороший горячий чай, хлеб и масло», - сказала одна из них. «Это поддержит вас».

«And then you are going to meet all your new playmates,» the other one grinned and jerked her thumb in the direction of the nearby dining hall. «Listen to them! They have just come back from their daily outing.»

\\

«И тогда вы встретите всех своих новых товарищей по игре», - улыбнулась другая, и указала большим пальцем в сторону соседней столовой. «Слушайте их! Они только что вернулись со своей ежедневной прогулки».

The loud hubbub of children's voices resounded in the basement. It stopped suddenly, the moment we newcomers entered the room.

«Meet our little Hamburgers!» one of the nurses called out.

«You all have time to get acquainted before tea.»

\\

В подвале раздался громкий шум детских голосов. Это прекратилось внезапно, как только мы, новички, вошли в комнату.

«Познакомьтесь с нашими маленькими Гамбургерами!» - произнесла одна из гувернанток.

«У вас всех есть время познакомиться перед чаем».

Being an only child and having played mostly solitary games at home, I always felt shy when confronted with a mass on-slaught of other children. But this group looked like a cheerful, friendly lot, with their cheeks red from the wintry air and out-of-doors activities, and their eyes shining. They pushed forward for a closer view of us. A pretty, dark-haired girl with round rosy cheeks and small chocolate-brown eyes, older and taller than myself, made her way through the crowd and grasped my hand. «My name is Anna,» she said sweetly. «What is yours?»

\\

Будучи единственным ребёнком и играя в основном в одиночные игры в домашних условиях, я всегда чувствовала себя застенчивой, когда сталкивалась с массой из других людей. Но эта группа была похожа на весёлую,

дружелюбную массу, с красными щеками от зимнего воздуха на открытом воздухе, и с их сияющими глазами. Они подошли к нам ближе. Красивая, тёмноволосая девушка с круглыми розовыми щеками и маленькими шоколадно-кариими глазами, старше и выше меня, пробралась сквозь толпу и схватила мою руку. «Меня зовут Анна, - сказала она сладко. "А как тебя?"

I introduced myself and she immediately made me feel at home by saying, «I want you to meet my friend Theresa,» and she put her arm around the waist of a girl who was her opposite in coloring, with blue eyes, blonde hair, and a lot of freckles on her tiny nose. They made a charming pair. Anna, who apparently loved to get things organized, then drew out a darling little girl nearer my own age and size. She had a dainty heart-shaped face with hazel eyes and dark lashes. I especially admired her dark, naturally wavy hair. Anna introduced us, stating importantly, «This is Temple. She is Miss Isadora's niece!» (the daughter of her brother Augustin, as I later learned).

\\

Я представила себя, и она сразу заставила меня почувствовать себя как дома, сказав: «Я хочу, чтобы вы познакомились с моей подругой Терезой», и она обняла талию девушки, которая была её противоположностью во внешнем виде, с голубыми глазами, светлыми волосами, и множеством веснушек на её крошечном носу. Они сделали очаровательную пару. Анна, которая, по-видимому, любила организовывать происходящее, затем вытащила из толпы милую девочку ближе к моему собственному возрасту и размеру. У неё было изящное сердцевидное лицо с карими глазами и тёмными ресницами. Я особенно восхищалась её тёмными, естественно волнистыми волосами. Анна познакомила нас с важными словами: «Это Темпл. Она - племянница мисс Айседоры!» (Дочь её брата Августина, как я узнала позже).

Temple said, «Hello!» and stared at me with lips half-open in an expectant sort of way, which I soon found out was a little habit she had. I didn't say anything but thought, What luck! to be the niece of a Fairy Queen! I could not get further acquainted with her, for Anna, who had taken me in tow, had more girls to introduce, mainly the younger ones. There was Lise! with the pretty golden curls and the large brown eyes of a startled deer. And beside her, little Gretel with violet eyes, ash-blond hair, and the delicate look of a Dresden china doll. There were many more- Isabelle, Gerda, Marta, Stephanie-too many names to remember all at once. When we sat at the long refectory table, I counted twenty girls. I discovered later they came from every part of Germany, some from Belgium, Holland, Switzerland, and Poland; Temple was the only American.

\\

Темпл сказала: «Привет!» И уставилась на меня с полуоткрытыми губами, что, как я вскоре узнала, была её маленькая привычка. Я ничего не сказала, но подумала: «Какая удача! быть племянницей Волшебной королевы! Я не могла больше познакомиться с ней, потому что Анна, которая взяла меня на буксир, предложила больше девочек, в основном младших. Это Лиза! с довольно

золотыми кудрями и большими карими глазами испуганного оленя. И рядом с ней, маленькая Гретель с фиолетовыми глазами, пепельно-светлыми волосами и тонким видом куклы из Дрездена. Было ещё много - Изабель, Герда, Марта, Стефани - слишком много имен, чтобы запомнить все сразу. Когда мы сели за длинный столик, я насчитала двадцать девочек. Я позже обнаружила, что они приехали из разных частей Германии, некоторые из Бельгии, Голландии, Швейцарии и Польши; Темпл был единственной американкой.

*«I do not know exactly how we chose those children,» Isadora once said. «I was so anxious to fill the Grunewald and the forty little beds, that I took the children without discrimination, or merely on account of a sweet smile or pretty eyes; and I did not ask myself whether or not they were capable of becoming future dancers.»**

**Life, p. 177.*

\\

«Я точно не знаю, как мы выбрали этих детей», - однажды сказала Айседора. «Я очень хотела заполнить Грюневальд и сорок маленьких кроватей, так что я брала детей без дискриминации или просто из-за сладкой улыбки или хороших глаз; и я не спрашивала себя, способны ли они стать в будущем танцорами».*

**Моя жизнь, с. 177.*

I asked Anna, who took her seat beside me at tea, how she liked it here. She didn't answer directly but inquired, «Have you met Tante Miss?»

«Tante who?» I was puzzled. «Who is that?»

«Didn't you see her upstairs?»

«Oh, you mean the one in the funny red coat with the parrots on it?»

Anna nodded eagerly, a mischievous twinkle in her eyes.

«What do you think of her?»

«I was so scared.»

\\

Я спросила Анну, которая села рядом со мной за чаем, как ей понравилось здесь. Она не ответила прямо, но спросила: «Вы встречались с мисс Танте?»

«Танте, кто?» Я был озадачен. «Это кто?»

«Разве ты не видела её наверху?»

«О, ты имеешь в виду ту, кто в забавном красном пальто с попугаями?»

Анна нетерпеливо кивнула, озорная улыбка была в её глазах.

«Что ты о ней думаешь?»

«Я был так напугана.»

Anna whispered, «We are all a bit frightened of her. She is Miss Duncan, Miss Isadora's older sister. We call her Tante Miss.» And with the superior air of one who had been enrolled at the school for the space of a whole week before I arrived, she added, «But everybody else is very nice here, you'll see!»

«Attention everyone!» One of the nursemaids at the end of the table clapped her hands for silence. «I am going to take the new ones upstairs to bed. The rest of you stay down here and don't make too much noise. Is that understood?»

\\

Анна прошептала: «Мы все немного испугались. Она мисс Дункан, старшая сестра мисс Айседоры. Мы называем её «мисс Танте». И с превосходным видом того, кто был зачислен в школу на протяжении целой недели до моего приезда, она добавила: «Но все остальные здесь очень хороши, вы увидите!» «Внимание всем!» Одна из гувернанток в конце стола хлопнула в ладоши для тишины. «Я собираюсь взять новых девочек наверх в постель. Остальные вы остаетесь здесь и не делаете слишком много шума. Это понятно?»

A shout by many throats in the affirmative answered her. «Well then, come with me, all you little Hamburgers. You must be tired from the trip and the excitement. Early to bed and early to rise for you five, and tomorrow you'll be fresh and rested and can have a good time with the other children.»

\\

Ей ответил утвердительный крик из многих голосов. «Ну, пойдёмте со мной, все наши маленькие Гамбургеры. Вы, должно быть, устали от поездки и волнения. Пораньше ляжете спать, и вам рано вставать, для вас в пять, а уже завтра вы будете свежими и отдохнувшими, и сможете хорошо провести время с другими детьми».

With these words she marched us upstairs to the dormitory, where five white beds, with blue satin coverlets and muslin canopies tied with blue ribbon at the top, awaited us. The winter's pale setting sun cast a pink glow over the pretty white and blue room. It struck me as peculiar having to go to bed in daylight, but I didn't mind in the least as soon as I saw the canopied bed that was to be mine. In Germany we call this a Himmelbett, or «heavenbed,» associated always with children of the rich. The average child merely dreamed of such a heavenly bed, curtained in flowing white muslin and covered in satin, fit for a princess. I could hardly wait, after I had folded my Duncan uniform on the white chair at the foot and placed my sandals neatly underneath, as I had been shown, to climb into my Himmelbett and pull the silk coverlet up to my chin, finding that my dream had come true.

\\

С этими словами она направила нас наверх в общежитие, где нас ожидали пять белых кроватей с голубыми атласными покрывалами и муслиновыми навесами с голубой лентой наверху. Затянувшееся зимой солнце заливало розовое сияние над красивой бело-голубой комнатой. Мне показалось странным ложиться спать при дневном свете, но я ничуть не возражала, как только увидела навесную кровать, которая должна была быть моей. В Германии мы называем это Химмельбеттом, или «небесами», которые всегда ассоциируются с детьми богатых. Средний ребёнок просто мечтал о такой небесной постели, занавешенной в белой муслине и покрытой сатином, подходящей для принцессы. Я едва мог дождаться, после того, как я сложила форму Дункан на

белом стуле у подножия и аккуратно поставила свои сандалии под ним, как мне показалось, чтобы забраться в мой Химмельбетт и натянуть шёлковое одеяло до моего подбородка, обнаружив, что моя мечта сбылась.

While some of the other children dawdled and little Erica, the baby of the school, had to be undressed and put to bed by «Fraulein» (as we were told to call her), I glanced about the room. On the wall directly opposite hung the most appealing picture: a large Madonna and Child in ceramic on an azure background, framed in a garland of fruit and flowers in glazed colors, so natural they looked real. At home in our dark, damp bedroom I had only a dull framed proverb. Here, in the Duncan School, everything was different!

\\

В то время как некоторые из других детей улеглись, и маленькую Эрику, ребёнка школы, пришлось раздеть и положить в постель «Фрейлейн» (как нам сказали звать её), я взглянула на комнату. На стене прямо напротив висела самая привлекательная картина: большая Мадонна с младенцем в керамике на лазурном фоне, обрамленная гирляндой из фруктов и цветов в глазированных красках, настолько естественная, что они выглядели реальными. Дома в нашей тёмной, влажной спальне у меня была только унылая обрамленная пословица. Здесь, в Школе Дункан, всё было по-другому!

But the picture that pleased me most was the small reproduction of an angel playing the viol that was attached to the bedstead above my head. The other beds had similar Renaissance pictures, each one representing an angel playing a different instrument. But I liked mine the best; the face of my guardian angel, framed in dark curls and inclined over the instrument, had so divine an expression that one could almost hear the melody. When Fraulein closed the Venetian blinds, curtailing my observation, I stretched out with contentment and tried to go to sleep.

\\

Но картина, которая мне больше всего нравилась, - это маленькое воспроизведение ангела, играющего на скрипке, который был прикреплен к кровати над моей головой. На других кроватях были похожие картины эпохи Возрождения, каждая из которых представляла ангела, играющего на другом инструменте. Но мне понравилось моя, она была лучшей; лицо моего ангела-хранителя, обрамленное тёмными кудрями и наклоненное к инструменту, обладало таким божественным выражением, что почти можно было услышать мелодию. Когда фройлен закрыла венецианские жалюзи, свернув моё наблюдение, я растянулась с удовлетворением и попыталась заснуть.

Isadora in her own equipage, Berlin, 1905.

Marta, Lisa, and Gerda before a statuette of Isadora, Grunewald, 1905.

*Isadora in her own equipage, Berlin, 1905.
Marta, Lisa, and Gerda before a statuette of Isadora, Grunewald, 1905.*

It was not easy. All the fresh impressions and strange sights that had crowded these last three days tumbled through my mind. The pine-scented air of the nearby forest filled the room with fragrance. Through the open window I could hear the distant rumble of the Rundbahn passing by. The melancholy hoot of the locomotive, a sound forever afterward evoking memories of my childhood, made me feel drowsy. Still I could not relax into sleep. Something was missing. What I longed for was not the comforting arms of my own mother giving me a goodnight kiss. It was just one more sight, before I dozed off, of the beautiful Fairy Queen, who had brought us here to her enchanted castle in the woods. She and her coach seemed to have disappeared completely.

\\

Это было непросто. Все свежие впечатления и странные достопримечательности, которые переполняли эти последние три дня, провалились у меня в голове. Сосновый воздух из соседнего леса заполнил комнату ароматом. Через открытое окно я услышала пронзительный гул прохода Рундбана. Меланхолический гудок локомотива, звук, навеки напоминающий моё детство, заставил меня почувствовать сонливость. Тем не менее, я не могла уснуть. Что-то не так. То, чего я жаждала, не было утешительным оружием моей матери, дающей мне спокойный поцелуй. Это было ещё одно зрелище, прежде чем я задремала, о прекрасной Королеве Фей, которая привела нас сюда в её заколдованный замок в лесу. Она и её экипаж, казалось, полностью исчезли.

I began to fear I would never see her again when I noticed a shadowy vision tiptoeing silently from bed to bed, bending over each child. At last she reached me. It was the Fairy Queen! She placed a cookie between my lips and kissed me. «Good night, darling, sleep well,» she murmured, and was gone. I sighed happily and fell into a peaceful slumber on the threshold of a bright new world.

\\

Я начала бояться, что больше никогда не увижу её, когда увидела, как тихое видение, тихо пробиралось на цыпочках, от постели к постели, наклоняясь над каждым ребёнком. Наконец она добралась до меня. Это была Королева Фей! Она положила печенье между моих губ и поцеловала меня. «Спокойной ночи, дорогая, хорошего сна», - пробормотала она и ушла. Я счастливо вздохнула и погрузилась в мирный сон на пороге яркого нового мира.

-=2=-

Dancer of the Future **Танцовщица будущего**

*THE year she established her first school, Isadora was basking in newfound fame and popularity. It was Germany's privilege in the opening years of the twentieth century to offer the comparatively unknown American dancer both serious recognition and lucrative success. She chose Germany, she once remarked, "as the centre of philosophy and culture which I then believed it to be, for the founding of my school." **

**Life, p. 177.*

\\

В год, когда она основала свою первую школу, Айседора купалась в новообретенной славе и популярности. Это была привилегия Германии в первые годы двадцатого века, чтобы предложить сравнительно незнакомой американской танцовщице, как серьезное признание, так и прибыльный успех. Она выбрала Германию, как она однажды заметила, «как центр философии и культуры, который, как я тогда считала, необходимо для основания моей школы».*

**Жизнь, с. 177.*

Germany, at that period still an empire, had for the last three decades enjoyed a state of uninterrupted peace. The liberal arts and sciences flourished. It was no wonder, then, that when Isadora arrived with her dances inspired by Hellenic ideals, the artists and intelligentsia of Germany saw in her some divine manifestation. She in turn her imagination kindled by the great masters of German music started a bold new venture in dance history when she created her own choreography to Beethoven's Seventh Symphony, the one that Wagner had labeled "the Apotheosis of Dance." It was animated by her desire to weld the two sister arts, music and dance, closer together. Such a venture created a sensation among music lovers, who tangled in hot debates as to whether or not the music of Beethoven needed this visualization. But she had no choice, for only in great music did she find the source of inspiration that harmo-nized with her lofty ideals.

\\

Германия, в тот период ещё империя, в течение последних трёх десятилетий наслаждалась состоянием непрерывного мира. Либеральные искусства и науки процветали. Поэтому неудивительно, что когда Айседора прибыла со своими танцами, вдохновленными идеалами эллинов, художники и интеллигенция Германии увидели в ней какое-то божественное проявление. Она в свою очередь - её воображение, зажженное великими мастерами немецкой музыки, - начала новое смелое начинание в истории танцев, когда она создала свою собственную хореографию в Седьмой симфонии Бетховена, которую Вагнер назвал «Апофеозом танца». Он был воодушевлен по её желанию сблизить две

сестры искусства, музыки и танца, ближе друг к другу. Такое предприятие создало ощущение среди любителей музыки, которые запутались в горячих дискуссиях о том, нужна ли музыке Бетховена эта визуализация. Но у неё не было выбора, потому что только в великой музыке она находила источник вдохновения, гармонирующий с её высокими идеалами.

To fully comprehend and appreciate her epoch-making contribution to the history of the dance, it is imperative to recall the primitive, stagnant state in which that art was then floundering. The so-called "classical" ballet was an uninspiring and uninteresting acrobatic exercise which, as one contemporary critic observed, "had no validity other than a mere diversion. No one who considered himself an intellectual gave the dance as it was then serious consideration." Not until Isadora Duncan arrived on the scene and gave the dance new form and life did she, according to the same source, "help us to realize that the dance can be an art."

\\

Чтобы полностью понять и оценить её эпохальный вклад в историю танца, необходимо вспомнить примитивное, застойное состояние, в котором это искусство тогда барахталось. Так называемый «классический» балет был скучным и неинтересным акробатическим упражнением, которое, как заметил один современный критик, «не имело никакой действительности, кроме простого развлечения. Никто из тех, кто считал себя интеллектуалом, не ставил танец, как это было тогда, на серьёзное рассмотрение». Только после того, как Айседора Дункан пришла на сцену и дала новую форму танца и жизни, она, согласно тому же источнику, «помогла нам понять, что танец может быть искусством».

Another spectator, who described her as being "tall, graceful and slender with a small oval face, good features and a mass of dark hair; who is beautiful on the stage and has particularly graceful arms and hands," saw in the California girl "a dancer of remarkable skill, whose art . . . has a wonderful eloquence of its own. It is as far from the acrobatics of the opera dancer as from the conventional tricks by which the pantomimists are wont to express the more elementary human emotions." To the above quoted reviews of a German and an English writer should be added the impression of a contemporary French journalist, who describes a rehearsal he once attended in a theatre in France. On a bare stage a troupe of girls in pink tights, tutus and ballet slippers, with woolen shawls across their shoulders to keep them warm on that drafty stage, evolve slowly under the direction of a ballet master.

\\

Другой зритель, который назвал её «высокой, изящной и стройной с маленьким овальным лицом, хорошими чертами и массой тёмных волос; которая красива на сцене и имеет особенно изящные кисти и руки», видел в калифорнийской девушке «танцовщицу замечательного мастерства, чье искусство ... имеет замечательное красноречие. Это далеко от акробатики оперного танца, как от обычных трюков, благодаря которым пантомимисты привыкли выражать более элементарные человеческие эмоции». К приведенным выше обзорам немецкого

и английского писателю следует добавить впечатление современного французского журналиста, который описывает репетицию, которую он когда-то посещал в театре во Франции. На голой сцене труппа девушек в розовых колготках, пачках и балетных тапочках с шерстяными шальями на плечах, чтобы держать их в тепле на этой сквозной сцене, медленно развивается под руководством балетмейстера.

The ballet master, bustling about, made the troupe repeat the same movement a dozen times. But it never seemed quite right. He got very angry and stormed at them. The stick with which he beat time, tapping it against the floor, frequently struck the legs in pink tights. This whole set-up had something infinitely sinister about it, something very sad. All this inanimate gymnastic had only a very faint resemblance to what one imagines the dance to be. The dance must after all express something. It is not enough to execute movements with the legs alone, the whole body must participate. The entire being must express some feeling. Our ballerinas are for the most part marvelously articulated dolls whose grace we can admire but whose pointes and jetes battues cannot be considered anything more than choreographical exercises. It will be the glory of Isadora Duncan, that wanting to renew the art of the dance, she drew her inspiration from ancient Greece and revived for us again that epoch of beauty.

\\

Балетмейстер, суетящийся вокруг, заставил труппу повторить одно и то же движение дюжину раз. Но это никак не казалось ему правильным. Он очень рассердился и бушевал на них. Палка, которой он отбивал время, постукивая по полу, часто ударяла по ногам в розовых колготках. Вся эта настройка имела что-то бесконечно зловещее, что-то очень грустное. Вся эта неодоушевленная гимнастика имела только очень слабое сходство с тем, что воображает танец. Танец должен все что-то выразить. Недостаточно совершать движения только с ногами, все тело должно участвовать. Все существо должно выразить какое-то чувство. Наши балерины - это по большей части удивительно артикулированные куклы, чью грацию мы можем восхищаться, но чьи бонусы и струны не могут считаться чем-то большим, чем хореографические упражнения. Это будет слава Айседоры Дункан, которая хочет обновить искусство танца, она черпала вдохновение из Древней Греции и снова возродила для нас эту эпоху красоты.

*Isadora's appearance on the stage in a simple chiton "a la greque" and sans pink tights (a shocking sight to the prudish element in society) led people to believe that she wanted to revive the Greek dance. Yet she herself categorically stated, "My dance is not Greek. I am not a Greek. I am American." She felt her dance had sprung from the roots of life as her Irish pioneer ancestors lived it in a covered wagon traversing the wide spaces of the West on their way to California in '49. "All this my grandmother danced in the Irish jig," she told her pupils, "and I learned it from her and put into it my own aspiration of young America.»**

* Cf. *Life*, p. 340.

\\

Выступление Айседоры на сцене в простом хитоне «а ля греческий» и мужских розовых колготках (шокирующее зрелище для ханжеской части общества), что заставило людей поверить, будто она хотела возродить греческий танец. Но она сама категорически заявляла: «Мой танец не греческий. Я не гречанка. Я американка». Она чувствовала, что её танец возник из корней жизни, поскольку её ирландские предки-первопроходцы жили в крытом вагоне, пересекающем широкие пространства Запада на пути в Калифорнию в '49 году. «Всё это танцевала моя бабушка в ирландской джиге, - говорила она своим ученикам, - и я узнала об этом от неё, и вложила в это своё собственное стремление молодой Америки».*

*См. Жизнь, с. 340.

*With the same enterprising spirit that had animated her pioneer ancestors, she undertook the formidable task of establishing her long-dreamed of school. I know of no other precedent in modern times where a young artist, at the start of a promising career, is moved to invest hard-won earnings in a philanthropical enterprise simply to gratify some lofty ideal. But Isadora Duncan did just that. Rather than invest her money in diamonds and costly furs and expensive mansions and other luxuries so many women crave, she spent every penny she earned on the upkeep of her school. "I had no wish for the triumphal world tours" (which her manager urged on her), Isadora, the idealist, explained. "I wanted to study, continue my researches, create a dance and movements which then did not exist, and the dream of my school which had haunted all my childhood, became stronger and stronger."**

*Life, p. 141.

\\

С таким же предприимчивым духом, который оживил своих предков-первооткрывателей, она взяла на себя огромную задачу по созданию своей мечты о школе. Я не знаю другого прецедента в наше время, когда молодой артист, в начале многообещающей карьеры, перемещается, чтобы вкладывать трудно завоеванные прибыли в филантропическое предприятие просто для удовлетворения некоторых высоких идеалов. Но Айседора Дункан сделала именно это. Вместо того, чтобы вкладывать деньги в бриллианты и дорогостоящие меха, дорогие особняки и другие предметы роскоши, которых так жаждут женщины, она потратила каждую пенни, которую она заработала на содержании её школы. «Я не желаю триумфальных мировых туров» (к чему её призвал её менеджер), как идеалист, объясняла Исадора. «Я хотела учиться, продолжать свои исследования, создавать танцы и движения, которых тогда не было, и мечта о моей школе, которая преследовала меня всё моё детство, стала сильнее и сильнее».*

*Жизнь, с. 141.

Months before she founded her school late in December 1904, Isadora was walking with a friend when they happened upon a group of girls doing calisthenics with dumbbells in an open courtyard. The girls, dressed in black woolen bloomers, long-sleeved middie blouses, black stockings and shoes, went through their exercises in a

lifeless manner. Isadora, bent on reform, not only in the art of dance but also in dress, said to her companion, "Consider these poor girls trying to exercise with all those horrible clothes on! One of these days I am going to change all that."

\\

За несколько месяцев до того, как она основала школу в конце декабря 1904 года, Айседора ходила с другом, когда они встречались с группой девушек, делающих гимнастику с гантелями в открытом дворе. Девушки, одетые в чёрные шерстяные блузки, с длинными рукавами, миди-блузками, чёрными чулками и туфлями, безжизненно прошли свои упражнения. Айседора, склонившись к реформе, не только в искусстве танца, но и в одежде, сказала своему собеседнику: «Подумайте об этих бедных девушках, пытающихся упражняться со всей этой ужасной одеждой. На днях я собираюсь изменить всё это.»

"How are you going to bring that about?" Her friend reminded her of the age they lived in and the ingrained prudishness of centuries. "It would be a miracle." Isadora answered with conviction,

"I am determined to found a school, where children will walk barefoot in sandals the same as I do and wear short, sleeveless tunics so they can move in utter freedom and be a fine example to all the other children in the world. They shall learn not to be ashamed to expose their limbs to the rays of the health giving sun. And I shall teach them to dance; not in the stilted, outworn tradition of either a fairy, a nymph, or a coquette, as I found when I was a child and took dancing lessons, but in harmony with everything that is beautiful in nature."

\\

«Как ты собираешься это рассказать?» Её друг напомнил ей об эпохе, в которой они жили, и об укоренившемся ханжестве веков. «Это было бы чудом», - с уверенностью ответила Айседора,

«Я полна решимости основать школу, где дети будут ходить босиком в сандалиях так же, как и я, и носить короткие, без рукавов туники, чтобы они могли двигаться в полной свободе и быть прекрасным примером для всех других детей в мире. Они научатся не стыдиться выставлять свои конечности лучам здоровья, дающим солнце. И я научу их танцевать; не в изворотливой, изможденной традиции ни феи или нифмы, ни кокетки, как я обнаружила это, когда была ребёнком, и брала уроки танцев, но в гармонии со всем, что красиво в природе».

Ardently wishing to share her revelation of truth and beauty with others, she spared no time or expense. Engaged in this laudable endeavor for the benefit of children in general and the good of her future little charges in particular, she had to overcome much antagonistic opposition from all those who live like ants in an anthill, greeting every advanced idea with ridicule. Many critics were then barking at her heels, trying to disparage her efforts and ridicule her art. One deluded member of that confraternity went so far as to question whether she could dance at all! Comparing

her technique unfavorably with that of the contemporary ballet, he declared her lacking in both the correct physical requirements for a dancer and the required technique to establish a new art form. He proposed that the question of her qualifications be placed before the ballet masters of the world. "Let them be the judge!" he sneered, little realizing that he hurled this jeer at the woman destined to raise the dance to a level equal with all the other arts.

\\

Пытаясь поделиться с другими откровением об истине и красоте, она не жалела времени и денег. Занимаясь этой похвальной попыткой в интересах детей в целом, и для будущей пользы её маленьких подопечных в частности, ей пришлось преодолеть много антагонистической оппозиции со стороны всех тех, кто живет муравьями в муравейнике, приветствуя каждую продвинутую идею с насмешками. Тогда многие критики лаяли ей вслед, пытаясь унижить её усилия и высмеивать её искусство. Один обманутый член этого братства дошёл до того, чтобы спросить, может ли она вообще танцевать! Сравнивая её технику неблагоприятным образом с современным балетом, он заявил, что ей не хватает как правильных физических требований для танцовщицы, так и необходимой техники для создания новой формы искусства. Он предложил, чтобы вопрос о её квалификации был поставлен перед балетмейстерами мира. «Пусть они будут судьями!» - усмехнулся он, не понимая, что он бросил эту издевку над женщиной, призванной поднять танец до уровня, равного всем другим искусствам.

Isadora, who had concentrated on proving the obsolescence of the ballet, declaring that "the principles of the ballet school are in direct opposition to what I am aiming at," did not let the insult go unchallenged. In January or February 1903, she sent a typical reply to the offending newspaper, the Morgen Post:

\\

Айседора, которая сосредоточилась на доказательстве устаревания балета, заявила, что «принципы балетной школы прямо противоположны тому, на что я нацеливаюсь», не позволяла оскорблению не оспариваться. В январе или феврале 1903 года она отправила типичный ответ в оскорбившую её газету «Морген Пост»:

I was very much embarrassed on reading your esteemed paper to find that you had asked of so many admirable masters of the dance to expend such deep thought and consideration on so insignificant a subject as my humble self. I feel that much literature was somewhat wasted on so unworthy a subject. And I suggest that instead of asking them "Can Miss Duncan Dance?" you should have called their attention to a far more celebrated dancer - one who has been dancing in Berlin for some years before Miss Duncan appeared. A natural dancer who also in her style (which Miss Duncan tries to follow) is in direct opposition to the school of the ballet of today.

\\

Мне было очень стыдно читать вашу уважаемую газету, чтобы узнать, что вы попросили у многих замечательных мастеров танца расхотеть такую

глубокую мысль и внимание на столь незначительную тему, как моё скромное я. Я чувствую, что много литературы было потрачено впустую на столь недостойный предмет. И я предлагаю, чтобы вместо того, чтобы спросить их «Может ли мисс Дункан танцевать?», вы должны были обратить внимание на гораздо более знаменитую танцовщицу - та, которая танцевала в Берлине несколько лет, прежде чем появилась мисс Дункан. Естественная танцовщица, которая также в своем стиле (которую мисс Дункан пытается следовать) находится в прямом противоречии с сегодняшней школой балета.

The dancer I allude to is the statue of the dancing Maenad in the Berlin Museum. Now will you kindly write again to the admirable masters and mistresses of the ballet and ask them- "Can the dancing Maenad dance?"

For the dancer of whom I speak has never tried to walk on the end of her toes. Neither has she spent time in the practice of leaping in the air in order to find out how many times she could clap her heels together before she came down again. She wears neither corset or tights and her bare feet rest freely in her sandals.

\\

Танцовщица, о которой я говорю, является статуей танцующая Менада в Берлинском музее. Теперь вы любезно напишите замечательным хозяевам и любителям балета и спросите их: «Может ли танцующая Менада танцевать?». Та танцовщица, о которой я говорю, никогда не пыталась ходить на кончиках своих пальцев. Она также не проводила время в прыжке в воздухе, чтобы узнать, сколько раз она могла бы хлопнуть каблуками вместе, прежде чем она снова опустится. Она не носит ни корсета, ни колготок, а её босые ноги свободно отдыхают в сандалиях.

I believe a prize has been offered for the sculptor who could replace the broken arms in their original position. I suggest it might be even more useful for art of today to offer a prize for whoever could reproduce in life the heavenly pose of her body and the secret beauty of her movement. I suggest that your excellent paper might offer such a prize, and the excellent masters and mistresses of the ballet compete for it. Perhaps after a trial of some years they will have learned something about human anatomy, something about the beauty, the purity, the intelligence of the movements of the human body. Breathlessly awaiting their learned reply, I remain, sincerely yours,
Isadora Duncan

\\

Я считаю, что премия была предложена для скульптора, который мог восстановить сломанные руки в исходном положении. Я предлагаю, что сегодня искусство может быть ещё более полезным для того, чтобы предложить приз тем, кто мог бы воспроизвести в жизни небесную позу своего тела и тайную красоту своего движения. Я предлагаю, чтобы ваша превосходная бумага могла предложить такой приз, и за это соревнуются лучшие мастера и любители балета.

Возможно, после нескольких лет испытаний они узнают что-то об анатомии человека, что-то о красоте, чистоте, интеллекте движений человеческого тела. Невзирая на их учёный ответ, я остаюсь искренне вашей,
 Айседора Дункан

In her concentrated studies of the origin of movement (which the ballet claims starts at the hips) the truth was inevitably revealed to her. When she declared, "Every movement starts from within, from here," placing both hands on her chest to illustrate to her pupils, she had the centrality of the solar plexus in mind. From there the nerve signals of the brain generate the impetus that must precede every movement. She soon discovered that there exists a Science of Movement-something that no one had discovered before. When medical scientists of today tell us that there is a right and a wrong to every movement we make, it is a fact that Isadora discovered over a half-century ago. And she proceeded to teach and demonstrate this truth through her dancing. Her entire technique was based on this idea. Endowed with nature's rarest gift-genius-she possessed a strong, prophetic vision of her own important mission in life. In a lecture delivered before the Press Association in Berlin at the outset of her career she stated it eloquently:

\\

В своих концентрированных исследованиях происхождения движения (когда балетные претензии начинаются с бёдер), оно было неизбежно раскрыто ею. Когда она заявила: «Каждое движение начинается изнутри, отсюда», положив обе руки на грудь, чтобы проиллюстрировать её ученикам, где у неё была центральная часть солнечного сплетения. Оттуда нервные сигналы мозга генерируют импульс, который должен предшествовать каждому движению. Вскоре она обнаружила, что существует Наука Движения - то, что никто раньше не обнаружил. Когда ученые-медики сегодня говорят нам, что есть правильно и неправильно в каждом движении, которое мы делаем, это факт,

который Айседора обнаружила более полувека назад. И она продолжала учить и демонстрировать эту истину через свои танцы. Вся её техника была основана на этой идее. Обладая редкими талантами от природы - она обладала сильным, пророческим видением своей важной миссии в жизни. В лекции, прочитанной перед Ассоциацией прессы в Берлине в начале её карьеры, она заявила это красноречиво:

The dancer of the future will be one whose body and soul have grown so harmoniously together that the natural language of that soul will have become the movement of the body. The dancer will not belong to a nation but to all humanity.

\\

Танцовщица будущего будет тем, чьё тело и душа настолько гармонично соединились, что естественный язык этой души станет движением тела. Танцовщица не будет принадлежать нации, а всему человечеству.

Oh, what a field is here awaiting her! Do you not feel that she is near, that she is coming, this dancer of the future? She will help womankind to a new knowledge of the possible strength and beauty of their bodies, and the relation of their bodies to the earth nature and to the children of the future. She will dance, the body emerging again from centuries of civilized forgetfulness, emerging not in the nudity of primitive man, but in a new nakedness, no longer at war with spirituality and intelligence, but joining with them in a glorious harmony.

\\

О, какой простор для действия здесь ждёт её! Разве вы не чувствуете, что она рядом, что она идёт, эта танцор будущего? Она будет помогать женщинам в новом знании о возможной силе и красоте своих тел и отношении их тел к природе земли и к детям будущего. Она будет танцевать, тело снова появится из веков забвения цивилизацией, возникающей не в наготе первобытного человека, а в новой наготе, уже не вступающей в войну с духовностью и интеллектом, а вступающей с ними в прекрасную гармонию.

This is the mission of the dancer of the future. . . . Let us prepare the place for her. I would build for her a temple to await her. Perhaps she is yet unborn, perhaps she is now a little child. Perhaps, oh blissful! it may be my holy mission to guide her first steps, to watch the progress of her movements day by day until, far outgrowing my poor teaching, her movements will become godlike, mirroring in themselves the waves, the winds, the movements of growing things, the flight of birds, the passing of clouds, and finally the thought of man in relation to the universe.

\\

Это миссия танцора будущего... Давайте подготовим место для неё. Я построила бы для неё храм, чтобы ждать её. Возможно, она ещё не родилась, возможно, теперь она маленькая. Возможно, блаженство! - это может быть моей святой миссией, чтобы направлять её первые шаги, следить за ходом её движений изо дня в день, пока, далеко не переполнив моё бедное учение, её движения станут богоподобными, отражая в себе волны, ветры, движения

растущих растений, полёт птиц, движение облаков и, наконец, мысль о человеке по отношению ко Вселенной.

*Oh, she is coming, the dancer of the future! The free spirit who will yet inhabit the body of new woman; more glorious than any woman that has yet been; more beautiful than the Egyptian, than the Greek, the early Italian, than all women of past centuries-the highest intelligence in the freest body!**

**Reconstructed from notes in 1903 copybook.*

\\

О, она идёт, танцор будущего! Свободный дух, который ещё будет жить в теле новой женщины; более славной, чем любая женщина, которая ещё была; более красивый, чем египтянка, чем гречанка, ранняя итальянка, чем все женщины прошлых веков - высший интеллект в свободном теле!*

**Реконструировано из заметок в тетради 1903 года.*

Inscrutable fate propelled me, wrapped in childish insouciance, to become the unwitting pawn for an idealistic experiment. I was chosen to play my part in two pioneering projects that resulted in considerable benefit to mankind.

\\

Непостижимая судьба побудила меня, обернувшись в детскую невозмутимость, стать невольной пешкой для идеалистического эксперимента. Я была выбрана, чтобы сыграть свою роль в двух новаторских проектах, которые принесли значительную пользу человечеству.

First: I was to be initiated into a completely novel mode of dance expression, based on an entirely novel technique; the foundation of a newly created dance form composed of movements and gestures never employed before by any dancer, anywhere, that did not come to life until my great teacher, Isadora Duncan, invented them.

\\

Во-первых: я должна была быть инициирована в совершенно новый способ выражения танца, основанный на совершенно новой технике; основой созданной танцевальной формы, состоящей из движений и жестов, которые никогда не применялись ни одной танцовщицей, нигде, которые не пришли в жизнь, пока мой великий учитель Айседора Дункан не изобрела их.

Second: my schoolmates and I would henceforth be compelled, nolens volens, to take an active part in the promotion of the dress reform that was innovated and designed by Isadora. By dint of our courageous example, a general adoption (with minor modifications) of this sane, simple, and beautiful fashion came about.

\\

Во-вторых: мои одноклассники и я отныне должны были бы убедить, непреднамеренно добровольно, принять активное участие в продвижении реформы одежды, которая была нововведена и спроектирована Айседорой.

Благодаря нашему мужественному примеру, возникло общее принятие (с незначительными изменениями) этой разумной, простой и красивой моды.

It was an ambitious program and one we undertook wholeheartedly in the first instance, but with certain reservations and many misgivings in the second. I can still see the shocked expressions among the local population, especially women, when we Duncan pupils first appeared in broad daylight with the coming of spring, appareled in tunics and with our bare feet in sandals, on the open streets of Berlin. Pitying exclamations like, "Oh, you poor, poor, little children! Why, you must be freezing to death with so little on!" engulfed us. Approaching our innocent governess with threatening gestures and looks, they shouted after her, "It's cruelty, that's what it is! We ought to get the police after you. Cruel! Cruel! Cruel!"

\\

Это была амбициозная программа, и мы в первую очередь взяли на себя обязательство, но с некоторыми оговорками и многими опасениями во втором. Я всё ещё вижу шокированные выражения среди местного населения, особенно женщин, когда мы, ученики Дункан, впервые появились среди бела дня с приходом весны, одетыми в туники и босыми ногами в сандалиях, на открытых улицах Берлина. Жалкие восклицания вроде: «О, вы, бедные, бедные, маленькие дети! Почему, вы, должно быть, замерзаете до смерти с так немного надетом!» окружали нас. Подойдя к нашей невинной гувернантке с угрожающими жестами и взглядами, они кричали вслед за ней: «Это жестокость, вот что это! Мы должны вызвать полицию после этого. Жестоко! Жестоко! Жестоко!»

«Unfortunately, that wasn't by any means the end of it. No one had reckoned with the other children of the neighborhood, mostly boys, who subjected us poor victims to what amounted to a minor persecution. Like the Christian martyrs of old, we were actually stoned. Frequently (and this was most humiliating) the children pelted us-in this era of horse-drawn carriages-with something else entirely! In this way we were continually forced to dodge either stones that hurt or filth that besmirched. We often panicked, despite heroic efforts on the part of our chaperone to fend off these wild hordes of insultscreaming juveniles.

\\

«К сожалению, это никоим образом не конец. Никто не считался с другими детьми окрестностей, в основном мальчиками, которые подвергли нас бедных жертв тому, что было незначительным преследованием. Как и древних христианских мучеников, нас фактически побили камнями. Часто (и это было очень унижительно) дети забрасывали нас - в эту эпоху конных экипажей - чем-то полностью другим! Таким образом, мы постоянно были вынуждены уклоняться от камней, которые причинили боль или грязь. Мы часто впадали в панику, несмотря на героические усилия со стороны нашего сопровождающего, чтобы отбиваться от этих диких орд оскорблений, связанных с несовершеннолетними.

How I dreaded those daily outings! They made me feel ashamed to be exposing my bare limbs in public, and they instilled in me an unreasonable complex, which I later had great difficulty in overcoming, about not dressing like other human beings. New ideas always frighten people. But it hardly seems credible that, in the first decade of this atomic century, the pupils of Isadora Duncan should have been stoned because of their unconventional dress. But a novel idea was on the march and nothing could stop its progress.

\\

Как я боялась этих ежедневных прогулок! Мне было стыдно разоблачать мои голые конечности публично, и они внушили мне необоснованный комплекс, когда я позже испытывала большие трудности в преодолении этого, в том, чтобы не одеваться, как другие люди. Новые идеи всегда пугают людей. Но вряд ли кажется правдоподобным, что в первое десятилетие этого атомного века ученики Айседоры Дункан должны были побиты камнями из-за их нетрадиционной одежды. Но новая идея была на марше, и ничто не могло остановить её прогресс.

My education as a dancer of the future was purposely delayed until I had mastered the minutiae of daily school routine. My first lesson, for instance, had nothing to do with dancing. For identification's sake, we had each been provided with a number. Mine was 16. The day after my arrival I was handed a length of white tape with red numbers, which I was taught to sew neatly into every piece of clothing. There happened to be something symbolic about mine. The street number of the Duncan School was also 16. In my childish fashion I took great pride in that fact, together with a sort of proprietary interest.

\\

Моё образование в качестве танцора будущего было намеренно задержано, пока я не освоила мелочи повседневной школьной программы. Мой первый урок, например, не имел никакого отношения к танцам. Для идентификации нам было предоставлено несколько номеров. Мой был 16. На следующий день после моего приезда мне вручили белую ленту с красными цифрами, которую меня научили шить на каждую одежду. Там было что-то символическое. Номер улицы школы Дункан также был 16. По-моему, я по-настоящему гордилась этим фактом, а также своего рода имущественным интересом.

It was not easy to adjust to a school discipline that demanded lining up in pairs every time we walked up and down the stairs to go from one classroom to another and even on our daily promenade. There were long periods every day when we were not allowed to speak, and infraction of that strict rule meant punishment. Then I was forced to eat food I didn't like. But hardest of all was getting up at 6:30 every morning to go through an hour's exercise before breakfast. Clad only in blue one-piece bathing suits (years before Annette Kellerman made her sensational appearance in one!), we held onto rails along the wall and went through a series of limbering-up exercises we children used to call Beinschwingen and Kniebeugen. When Isadora said, «Gymnastics must come before dancing,» she never meant before

breakfast. That was strictly the Spartan idea of Elizabeth Duncan, not the Athenian ideal of her sister.

\\

Нелегко было принять школьную дисциплину, которая требовала выстраиваться в очередь каждый раз, когда мы шли вверх и вниз по лестнице, чтобы перейти от одной классной комнаты к другой, и даже на нашей ежедневной прогулке. Были длительные периоды каждый день, когда нам не позволяли говорить, а нарушение этого строгого правила означало наказание. Тогда я была вынуждена есть пищу, которую мне не нравились. Но самое сложное было вставать в 6:30 каждое утро, чтобы пройти через час на завтрак. Одетые только в синие односекционные купальные костюмы (за несколько лет до того, как Аннет Келлерман сделала свой сенсационный облик в одном таком!), мы держались за перила вдоль стены и выполняли серию упражнений для разминки, которые мы, дети, называли Бейншвинген и Кнебуген. Когда Айседора сказала: «Гимнастика должна пройти перед танцами», она никогда не имела в виду перед завтраком. Это была строго спартанская идея Элизабет Дункан, а не афинский идеал её сестры.

The rest of the morning was taken up by schoolwork presided over by a regular public school teacher supplied by the German government. Dancing and music or singing lessons occupied the afternoon hours. Fresh in my memory is the unforgettable occasion of my first lesson in our dance room, standing there in bare feet and wearing a short white tunic made of cheesecloth. The room seemed very large to me, although it could not have measured more than twenty-five by eighteen feet. Empty except for a few benches ranged along a wall and a brown felt carpet tacked to the floor, it had many windows and a glass-enclosed porch off to one side, from which a door opened onto a flight of iron stairs leading down into the garden. Sliding doors on the opposite wall connected with the spacious music room, where a grand piano (an Ibach) occupied the semicircular space formed by a large bay window.

\\

Остальное утро было занято школьной работой под председательством регулярного учителя общеобразовательной школы, предоставленного правительством Германии. Занятия танцами и музыкой или пением занимали дневные часы. Свежий в моей памяти - незабываемый случай моего первого урока в нашей танцевальной комнате, стоящей на босу ногу и в короткой белой тунике из марли. Комната казалась мне очень большой, хотя она не могла иметь более чем двадцати пяти на восемнадцать футов [восемь на шесть метров]. Пустая, за исключением нескольких скамеек, расположенных вдоль стены, и коричневого войлочного ковра, прикрепленного к полу, в ней было много окон и стеклянное крыльцо с одной стороны, из которой дверь открылась на пролет железной лестницы, ведущей в сад. Раздвижные двери на противоположной стене были соединены с просторной музыкальной комнатой, где рояль (типа Ибах) занимал полукруглое пространство, образованное большим эркером.

Here, as everywhere else in the house, antique bas-reliefs formed the decorative motif. I principally remember the large one of a Nike tying her sandals; she was minus a head but had beautifully flowing draperies. I was fortunate enough nearly two decades later to admire the original in Greece. However much I admired these works of art, none could compare to the small statuette of our own goddess of the dance gracefully poised on a tripod in one corner of the dance room. It inspired and helped me more to understand Isadora's art than all the archaic Greek representations. Whenever the guiding spirit of our school was absent-and that occurred more frequently than we liked-her adoring youthful pupils would gather in front of it and offer a silent prayer, as to a votive statue, wishing for her speedy return. For it was in this room that she initiated us into the fundamental principles of her dance, teaching us to walk in harmony and beauty with arms raised to the light. With the intuition of a true artist, she knew how to impart an understanding of her aims to her young disciples-a feat that her older sister, who took over when Isadora left, was never able to accomplish.

\\

Здесь, как и везде в доме, антикварные барельефы сформировали декоративный мотив. Я в основном помню, как большая Ника привязывала свои сандалии; у неё была минус голова, но у неё были красивые стерильные драпировки. Я была достаточно удачлива почти два десятилетия спустя, чтобы полюбоваться оригиналом в Греции. Как бы я ни восхищалась этими произведениями искусства, ни одно из них не могло сравниться с маленькой статуэткой нашей собственной богини танца, изящно сбалансированной на треноге в одном углу танцевальной комнаты. Это вдохновило и помогло мне больше понять искусство Айседоры, чем все архаичные греческие представления. Всякий раз, когда руководящий дух нашей школы отсутствовал - и это происходило чаще, чем нам было угодно - её обожающие юные ученики собирались перед ней и предлагали молчаливую молитву об уклоняющейся статуе, желая скорейшего возвращения. Ибо именно в этой комнате она инициировала нас в основополагающих принципах её танца, обучая нас идти в гармонии и красоте с поднятыми руками к свету. С интуицией истинного художника она знала, как передать понимание своих целей своим юным ученикам - подвиг, который её старшая сестра, которая перешла к Айседоре, не смогла достичь.

It seems strange that a woman suffering from a defect, which made one leg slightly shorter than the other, should have been put in charge of our basic dance instruction. But such was the case. As we grew up, we learned to accept with equanimity Isadora's unpredictable nature. But for a long time I puzzled, trying to figure out how Isadora expected us to learn to dance from her lame sister, who not once appeared in a dance tunic or demonstrated a movement for the pupils. She always wore the voluminous Chinese coat, which helped to hide her defect and restricted her teaching to simple dance steps. She taught us the waltz, the polka, and the mazurka-all of them popular dances in her youth-for she had conducted social dancing classes in

America. She would lift her skirt a few inches and demonstrate the step; that was all. Now and then she would roll up her long, loose-hanging sleeves and illustrate a series of arm movements devoid of any expression or meaning, merely to impart suppleness. Her method of teaching had nothing in common with Isadora's, which relied a great deal on inspirational technique. Thus, under Elizabeth's guidance, we at first learned to dance rather perfunctorily. Somehow, however, we acquired enough basic knowledge and made sufficient progress for Isadora to work with us. One lesson from her made up for all of Tante Miss's routine. According to her own precepts, Isadora taught us simple, rhythmic movements-walking, running, skipping - movements that come naturally to children.

\\

Кажется странным, что женщина, страдающая от дефекта, которая сделала одну ногу немного короче другой, должна была быть введена в действие нашей основной инструкцией по танцам. Но так было. Когда мы выросли, мы научились с настороженностью принимать непредсказуемую природу Айседоры. Но я долго удивлялась, пытаюсь понять, как Айседора ожидала, что мы научимся танцевать от её хромой сестры, которая ни разу не появилась в танцевальной гимнастике или не продемонстрировала движения для учеников. Она всегда носила обширный китайский балахон, который помогал скрыть её недостаток и ограничивал её обучение простым шагом танца. Она учила нас вальсу, польке и мазурке - все они были популярными танцами в юности, потому что она проводила занятия по социальным танцам в Америке. Она поднимала юбку на несколько сантиметров и демонстрировала шаг; - это всё. Время от времени она свертывала свои длинные, свободно висящие рукава и иллюстрировала серию движений рук, лишённых какого-либо выражения или смысла, просто для придания гибкости. Её метод обучения не имел ничего общего с Айседорой, которая много опиралась на вдохновляющую технику. Таким образом, под руководством Элизабет мы вначале научились танцевать весьма поверхностно. Однако каким-то образом мы приобрели достаточно базовых знаний и достигли достаточного прогресса, чтобы Айседора работала с нами. Один урок от неё составлен из рутины мисс Танте. Согласно её собственным предписаниям, Айседора научила нас простым, ритмичным движениям - ходьба, бег, подскокам - движениям, которые естественным образом приходят к детям.

European children have the quaint custom of calling grownups with whom they come in close contact by the courtesy title of Aunt or Uncle. When we called her «Tante Isadora,» she acted horrified. She said, «Now that you are my pupils, you may call me Isadora, or darling Isadora, but never, never call me Auntie!» On the contrary, her sister, who was twelve years older than she, did not object to the somewhat incongruous appellation of Tante Miss, which was given her when the German pupils in the beginning thought the prefix «Miss» was her name. Somehow or other, it suited her perfectly. Tante Miss, who lived in the school, we saw every day. Isadora, who had an apartment on the Hardenbergstrasse in Charlottenburg, we saw seldom.

\\

У европейских детей есть странный обычай звать взрослых, с которыми они находятся в тесном контакте по вежливому названию тети или дяди. Когда мы позвали её «Тётя Айседора», она испугалась. Она сказала: «Теперь, когда вы мои ученики, вы можете называть меня Айседорой или любимой Айседорой, но никогда, никогда не называйте меня тёткой!» Напротив, её сестра, которая была на двенадцать лет старше её, не возражала против несколько несоответствующего звания тётя Мисс, которое ей давали, когда немецкие ученики вначале считали приставку «Мисс» её именем. Так или иначе, она ей очень понравилась. Танте Мисс жила в школе, и мы видели каждый день. Айседору, у которой была квартира на Харденбергштрассе в Шарлоттенбурге, мы видели редко.

Of the three Americans who instructed us in the arts of dance and music, Professor Passmore, our singing teacher, impressed us most as an American. Mr. Passmore, who looked like a cartoon of Uncle Sam with his beard and side whiskers, had his own method of teaching singing. A cheerful gentleman who liked to laugh a lot, he placed us in a semicircle, with hands resting on top of our heads, and made us vocalize to the words «Santa Barbara a Santa Clara.» That this curious, outlandish incantation, repeated at every lesson, held an important message concerning my future could not of course be guessed. Santa Barbara, the first American city whose name I learned to pronounce and sing, would turn out to be the birthplace of the man I was to marry. Dear Professor Passmore-had he only known! «The Jay is a jolly old bird, heigh-ho!» -that was the first song in American he taught us-a composition of his own-and that is how we children regarded him-as a «Jolly Old Bird.» After his Wednesday and Friday singing lessons he would drink a cup of tea with Tante Miss in the music room as he conversed animatedly with her and his long black beard had a funny way of moving up and down, much to our amusement. He was, in fact, a skillful vocal instructor, guiding our voices gently into their natural pitch and emphasizing breath control. This was a technique we were grateful for later, when we had to sing and dance at the same time.

\\

Из трёх американцев, которые инструктировали нас в искусстве танца и музыки, профессор Пассмор, наш учитель пения, произвел на нас больше всего впечатление как американец. Мистер Пассмор, похожий на героя мультфильма дядю Сэма с бородой и боковыми усами, имел собственный метод преподавания пения. Веселый джентльмен, который любил много смеяться, он поставил нас полукругом, положив руки на головы, и заставил нас озвучить слова «Санта-Барбара Санта-Клара». Это любопытное, диковинное заклинание повторилось каждый урок, и которое содержало важное сообщение о моём будущем, о чём он не мог, конечно, не догадываться. Санта-Барбара, первый американский город, название которого я научилась произносить и петь, оказался местом рождения мужчины, с которым я должна была вступить в брак. Дорогой профессор Пассмор, только он знал! «Джей - веселая старая птица, хе-хе!» - это была первая песня в Америке, которую он преподавал нам - свою

собственную композицию - и так мы смотрели на него, как на «Весёлую старую птицу». После уроков пения в среду и пятницу он выпивал чашку чая с Танте Мисс в музыкальной комнате, когда он оживленно разговаривал с ней, и его длинная чёрная борода имела забавный способ двигаться вверх и вниз, к нашему развлечению. Он был, по сути, искусным вокальным инструктором, аккуратно направляя наши голоса на их естественный шаг и подчеркивая контроль над дыханием. Это была техника, за которую мы были благодарны позже, когда нам приходилось одновременно петь и танцевать.

Learning something new every day, the time passed swiftly and I had no chance to suffer from those attacks of Heimweh that were shortly to reduce the number of pupils in the Grunewald school to fifteen. Mother had decided that I should try out the school thoroughly before making up my mind whether or not to stay. Just before Easter she wrote me to stay on if I wished. I still have the letter I wrote to her in reply. My first letter was dated April 30, 1905. I wrote with the steep, large lettering of an eight-year-old that I was glad she had decided to leave me at school.

\\

Изучая что-то новое каждый день, время шло быстро, и у меня не было шансов страдать от тех нападений Хеймве, которые вскоре сократили число учеников в школе Грюневальд до пятнадцати. Мать решила так. Я должна тщательно изучить школу, прежде чем решить, оставаться или нет. Незадолго до Пасхи она написала мне, чтобы я могла бы остаться, если бы захотела. У меня всё ещё есть письмо, которое я написала ей в ответ. Моё первое письмо было датировано 30 апреля 1905 года. Я написала с крутой большой прописью восьмилетнего ребёнка, что я была рада, что она решила оставить меня в школе.

To make absolutely sure that I was in good hands, mother had repeatedly tried to get permission to visit me. Her many requests were refused by Elizabeth under the pretext that in-sufficient time had elapsed for me to become acclimatized. These refusals, made without Isadora's knowledge, angered mother. As soon as Isadora appeared again in Hamburg, mother went to see her. Isadora received her very kindly, immediately assuring her that she could visit me whenever she wanted. Graciously, she invited mother to stay at the school during her visit.

\\

Чтобы быть абсолютно уверенной, что я была в хороших руках, мать неоднократно пыталась получить разрешение навестить меня. Её многочисленные просьбы были отклонены Элизабет под предлогом того, чтобы у меня было достаточно времени для акклиматизации. Эти отказы, сделанные без ведения Айседоры, разозлили мать. Как только Айседора появилась снова в Гамбурге, мать пошла к ней. Айседора приняла её очень любезно, сразу же уверив её, что она может навещать меня, когда захочет. Милостиво, она пригласила мать остаться в школе на время её визита.

I had no idea mother was coming. One morning, when we descended to the basement dining hall, lined up in pairs as usual and holding hands, not allowed to speak a

single word, I suddenly saw mother. I was even more speechless than before. Dressed in a mauve silk negligee, her hair still in braids and quickly pinned up, she stood beside a narrow iron cot in a corner. The moment she saw me, she held out her arms and came rushing to me for an emotional embrace. As she pressed me to her breast, she called out endearments in her native Schleswig-Holstein dialect. This embarrassed me in front of the others. Most of them had never seen mother, and I wanted terribly for her to make a good impression. She clung so long to me that Fraulein thought discipline was being impaired. She called out, «Now Irma, sit down and eat your breakfast first and visit with your mother afterward.»

\\

Я понятия не имела, что мама едет. Однажды утром, когда мы спустились в обеденный зал подвала, выстроились парами, как обычно, и держались за руки, не позволяя себе говорить ни слова, я вдруг увидел мать. Я была ещё более безмолвна, чем раньше. Одета в лиловое шёлковое negligee, её волосы всё ещё в косах и быстро приколотые, она стояла рядом с узкой железной кроватью в углу. В тот момент, когда она увидела меня, она протянула руки и бросилась ко мне за эмоциональными объятиями. Когда она прижала меня к груди, она вызвала ласки на её родном диалекте Шлезвиг-Гольштейна. Это смутило меня перед другими. Большинство из них никогда не видели мать, и мне очень хотелось, чтобы она произвела хорошее впечатление. Она так долго цеплялась за меня, что фрейлейн посчитал, что дисциплина нарушается. Она крикнула: «Теперь Ирма, садись и сначала поешь свой завтрак, а потом побудешь с матерью».

The other children were already seated, a big steaming bowl of hot porridge in front of each of them. But no one ate. Fascinated, they just stared at my mother. Their eyes filled with longing as they thought of their own mothers, whom they had not seen for months. Mother spoke to them gently, giving each a smile, trying to make their acquaintance. By her mere presence she spread a sort of homey Gemutlichkeit, a tenderness only mothers know how to bestow. Hearing her speak in the familiar, clipped North German accent, the girls from Hamburg became so homesick they started to cry. Later, except for little Erica and myself, they all returned home.

\\

Остальные дети уже сидели, перед каждой из них стояла большая чаша с горячей кашей. Но никто не ел. Очарованные, они просто смотрели на мою мать. Их глаза наполнялись тоской, когда они думали о своих матерях, которых они не видели в течение нескольких месяцев. Мать говорила с ними нежно, с каждой, улыбаясь, пыталась познакомиться. К её простому присутствию она распространила своего рода домашний гемютлихейт, нежность, которую только мамы знают, как отдавать. Услышав её слова в знакомом, обрезаемом северогерманском акценте, девушки из Гамбурга стали так тосковать по родине, что начали плакать. Позже, кроме маленькой Эрики и меня, они все вернулись домой.

I had permission to skip school and spend the entire day with mother. I remember sitting in a coffee shop where she let me stuff myself with pastry and hot chocolate, something I hadn't tasted since I entered the school. While I was eating, she pumped me further about the food I was getting there.

\\

У меня было разрешение пропустить школу и провести весь день с матерью. Я помню, как сидела в кафе, где она позволяла мне набивать себя печеньем и горячим шоколадом, чего я не пробовала с тех пор, как поступила в школу. Пока я ела, она дальше закачивала в меня еду, до которой я там добиралась.

«Tell me frankly,» she said, «how you like it.»

«Oh, so so. Not the way you cook, Mama.»

«What do they give you? Tell me in detail.»

«Vegetables,» I said, making a wry face.

«What else? That can't be all?»

«Macaroni ... you know, that sort of stuff.»

«No meat?»

«No meat.»

\\

«Скажи мне откровенно», сказала она, «как тебе нравится».

«О, так. Не так, как ты готовишь, мама».

«Что они тебе дают из еды? Расскажите подробнее».

«Овощи», - сказал я, делая кривое лицо.

«Что-то еще? Это не всё?»

«Макаронны ... ты знаешь, такого рода вещи».

«Мяса нет?»

«Мяса нет.»

Mother looked worried. At home I had eaten meat every day, and sometimes she would give me raw chopped meat with onions on black bread and plenty of salt and pepper, which I actually ate with relish. Naturally, after that kind of fare, our vegetarian diet was unappetizing and tasteless. There was no use complaining; the school physician, Dr. Hoffa, had ordered it. I loathed it with all my heart and stomach, and never had enough to eat. But I did not say this to mother. I did not want to upset her.

\\

Мать выглядела обеспокоенной. Дома я каждый день ела мясо, а иногда она давала мне сырое мясо с луком на чёрном хлебе и много соли и перца, которые я действительно ела с удовольствием. Естественно, после такого сорта пищи, наша вегетарианская диета была неаппетитной и безвкусной. Не было жалоб; школьный врач, доктор Хоффа, назначил такой рацион. Я ненавидела это от всего сердца и живота, и мне никогда не хватало еды. Но я не сказала этого матери. Я не хотела её расстраивать.

Isadora with Grunewald students, 1905; Irma at right, fifth couple from top.

Isadora with Grunewald students, 1905; Irma at right, fifth couple from top.

«And for dessert-you do get dessert, don't you?» she asked hopefully.

«Yes, prunes.»

«Prunes every day?»

«No, sometimes we get sago pudding.»

\\

«И на десерт - вы получаете десерт, не так ли?» - с надеждой спросила она.

«Да, чернослив».

«Чернослив каждый день?»

«Нет, иногда мы получаем пудинг саго».

When she learned that we had five meals a day-breakfast, second breakfast, luncheon, tea, and supper-she was satisfied that I wasn't starving. She promised to send me some homemade cake as soon as she got back. She still looked worried. «Are you sure they are treating you all right and that you really like it there?» she wanted to know.

«I like it fine, Mama,» I assured her. «The people are very nice . . . some nicer than others.»

\\

Когда она узнала, что у нас питание пять раз в день - завтрак, второй завтрак, обед, чай и ужин, она была удовлетворена тем, что я не голодала. Она пообещала отправить мне домашний торт, как только она вернётся. Она всё ещё выглядела обеспокоенной. «Ты уверена, что с тобой всё в порядке, и тебе это действительно нравится?» - хотела узнать она.

«Мне это нравится, мама», - заверил я её. «Люди очень милые... некоторые лучше других».

I thought of Isadora. And suddenly, out of the blue, it struck me how much of a stranger mother had become. In the short span of three months, I had somehow grown away from her, as if I had entered another world. And of course I had. Being educated far in advance of ordinary children, dressing differently from them, we Duncan pupils had indeed been set apart. Like members of a religious community, under the benediction of some holy influence, we became an ever more dedicated group as we were further initiated into the secrets of Isadora's art. This was a world that no outsider could enter, nor could he ever fathom the depths of understanding and spiritual communion that existed amongst us whenever we worked or danced together with Isadora. That was a secret known to ourselves alone.

\\

Я подумала об Айседоре. И внезапно, неожиданно, мне показалось, какой чужой стала мать. За короткий промежуток в три месяца, я как-то выросла от неё, как будто я вошла в другой мир. И, конечно, у меня это было. Будучи образованными, далеко более перед обычными детьми, одеваясь по-другому, мы были учениками Дункан. Как члены религиозной общины, при благословении какого-либо святого влияния, мы стали всё более преданной группой, поскольку мы были посвящены в секреты искусства Айседоры. Это

был мир, в который ни один посторонний не мог войти, и он никогда не мог понять глубины понимания и духовного общения, которые существовали среди нас, когда мы работали или танцевали вместе с Айседорой. Это был секрет, известный только нам.

I had known Isadora so far only as a teacher. That spring for the first time I had the joy of seeing her perform on the stage. Sitting in a box with her other pupils, I watched her give a program called Dance Idylls which she originally performed in 1900, at the New Gallery in London under the patronage of H.R.H. the Princess Christian of Schleswig-Holstein. It contained a group of dances set to early Italian music, with costumes and dance motifs copied from Renaissance paintings. In those early days she made use of whatever stage decor was available, such as a sky-blue panorama in the background and tree groupings for the wings on either side. Later she adopted those tall, blue-gray curtains of her own design (though this was disputed by Gordon Craig), which she used henceforth exclusively. Those famous tall curtains subsequently became standard equipment, in one color or another, at every theatre, concert hall, school auditorium, or television set-wherever a neutral background was required.

\\

Я до сих пор знала Айседору только как учителя. В эту весну в первый раз мне довелось увидеть, как она выступила на сцене. Сидя в боксе со своими другими учениками, я смотрела, как она даёт программу под названием «Танцевальные идиллии», которую она первоначально исполняла в 1900 году, в Новой галерее в Лондоне под патронажем Её Королевского Высочества принцессы Кристианы из Шлезвиг-Гольштейна. В нём была группа танцев, настроенная на раннюю итальянскую музыку, с костюмами и танцевальными мотивами, скопированными из картин эпохи Возрождения. В те ранние годы она использовала любой декор сцены, такой как голубая панорама на заднем плане и группировки деревьев для крыльев с обеих сторон. Позже она приняла эти высокие сине-серые занавески собственного дизайна (хотя это было оспорено Гордоном Крейгом), которое она использовала исключительно впредь. Эти знаменитые высокие занавески впоследствии стали стандартным оборудованием, в одном цвете или другом, в каждом театре, концертном зале, школьном зале или на телевизоре - везде, где требовался нейтральный фон.

On that memorable day when we first saw her perform, Isadora's dancing, lively and beautiful with all her youthful charm, was a revelation to her pupils. One particular dance made the most indelible impression on my childish mind. It was called «Angel Playing the Viol,» to cello music by Peri. In this dance, in which she did not move her feet at all, I saw before my astonished eyes my guardian angel come to life. It was the one in the picture above my bed. Ever afterward, when I looked at this picture, it was Isadora's face I saw.

\\

В тот незабываемый день, когда мы впервые увидели её исполнение, танцы Айседоры, живые и красивые со стороны со всем её юным очарованием, были

откровением для её учеников. Один особый танец произвел самое неизгладимое впечатление на мой детский ум. Его называли «Ангел играет на скрипке», на музыку виолончели Пери. В этом танце, в котором она вообще не двигала ногами, я видел перед моими изумленными глазами, что мой ангел-хранитель оживает. Это была фотография на моей кровати. Когда-то, когда я смотрела на эту фотографию, это было лицо Айседоры, которое я видела.

Of this performance Karl Federn, the German writer who instructed her in Nietzsche's philosophy, wrote:

A simple scene ... a green carpet and a spacious gray-blue backdrop . . . almost childish and laughable seems this stage decor until she appears, for then the scene changes with each of her dances and becomes real. So powerful is the mood she creates that we can see meadows and the flowers she gathers . . . hear the waves break against the shore and surmise the approach in the distance of a fleet of ancient ships with billowing sails.

\\

После этого выступления Карл Федерн, немецкий писатель, который инструктировал её в философии Ницше, писал:

Простая сцена ... зелёный ковер и просторный серо-голубой фон ... почти детски и смешно кажется, что этот декор сцены, до тех пор, пока она не появится, потому что тогда сцена меняется с каждым из её танцев и становится реальным. Настолько мощное настроение она создаёт, что мы можем видеть луга и цветы, которые она собирает ... слышать, как волны прорываются на берег, и навевает приближение на близкое расстояние от флота древних кораблей с вздымающимися парусами.

Her entrance, her walk, her simple gesture of greeting are movements of beauty. She wears no tights, no frilled ballet skirts, her slender limbs gleam through the veils and her dance is religion. . . . She appears as the Angel with Viol out of the painting by

Ambrosio di Predis. A long violet garment worn over grayish veils floats down to her bare feet. In her hair, which hangs loosely to her shoulders, she wears a crown of white and red roses. And the Quattrocento comes alive again before us with all its innocence and deep religious feeling.

\\

Её вход, её шаг, её простой знак приветствия - это движения красоты. У неё нет колготок, нет оборванных балетных юбок, её тонкие конечности блестят сквозь завесы, а её танец - религия... Она появляется как Ангел со скрипкой из картины Амброзио ди Предис. Длинные фиолетовые одежды, надетые на сероватые вуали, плавают до её босых ног. В волосах, которые свободно плещаются на плечах, она носит корону из белых и красных роз. И Кватроченто оживает перед нами со всей своей невинностью и глубокими религиозными чувствами.

Pan and Echo-a short Greek tunic, her hair tied into a knot. We ask ourselves: Can this possibly be the same creature? With wonderful gestures expressive of the antique ideal, she resurrects the nostalgia of Hellas. How many statues have come to life in her! In a heavily draped Greek attire, she mourns to music of Gluck over the death of Eurydice, in rhythmic, measured, ceremonious grief that mounts and mounts until she sinks to the ground in despair. And then she appears again-this time the scene is darker, wrapped in sombre shadows, and her gown is colorless and floating like the shadows, and her movements are rapid and ghostlike: the shadows of the underworld listening to Orpheus. Suddenly the scene is bright again and everything is joy and contentment-Orpheus has found his Eurydice.

\\

Пан и Эхо - короткая греческая туника, волосы связаны в узел. Мы спрашиваем себя: может ли это быть одним и тем же существом? С замечательными жестами, выражающими античный идеал, она воскрешает ностальгию Эллады. Сколько статуй в ней ожило! В тяжело обтянутой греческой одежде она оплакивает музыку Глюка над смертью Эвридики, ритмичной, мерной, торжественной, в горе, которое поднимается и поднимается, пока она не опустится на землю в отчаянии. И снова она появляется, снова - на этот раз сцена темнее, обернута в мрачные тени, а её платье бесцветно и плавает, как тени, и её движения бывают быстрыми и похожими на призрак: тени подземного мира слушают Орфея. Внезапно сцена снова становится яркой, и всё есть радость и удовлетворение - Орфей нашел свою Эвридику.

*She has a dance without music, awesome and very gripping, called «Death and the Maiden» . . . as in Maeterlinck's «Intruse,» death announces itself unseen but intensely apprehended. . . . The spectator feels a cold shiver run up and down his spine. Everyone has sensed the awesome presence of the destroyer.**

**From Nach Funfundzwanzig Jahren, dated 1928, in Isadora Duncan's Der Tanz der Zukunft [The Dance of the Future] Eine Vorlesung [Jena (a university town in central Germany, in Thuringia), 1929] iii-iv.*

\\

У неё есть танец без музыки, потрясающий и очень захватывающий, называемый «Смерть и Дева»... как в «Интрузии» Метерлинка, смерть объявляет себя невидимой, но сильно воспринятой... Зритель чувствует, как холодная дрожь пробегает по его спине. Все ощутили удивительное присутствие разрушителя.*

* Из Нах Фунфундзвансиг лахрен, датированным 1928 годом, в «Der Tanz der Zukunft» Айседоры Дункан [Танец будущего] Эйне Ворлесунг [Йена (университетский город в центральной Германии, в Тюрингии), 1929] iii-iv.

(Isadora once remarked that she did not call this dance «Death and the Maiden» when she composed it, but that she had some vague idea of it as Maiden and brutal reality, and it was the audience who named it Death. If one recalls her own tragic end, the dance seems almost prophetic.)

\\

(Однажды Айседора заметила, что она не называла этот танец «Смерть и дева», когда она сочиняла его, но что у неё было какое-то смутное представление об этом, как о девичьей и жестокой реальности, и именно аудитория назвала его «Смерть». Если вспомнить её собственный трагический конец, танец кажется почти пророческим.)

The unusual gift of the great artist to make others see the things born of her imagination gave depth and significance to everything Isadora created. She knew how to dance with such commanding authority that those who saw her perform were impressed even when they did not comprehend the meaning of her art. Few dancers possess such insight into music that the dance seems to express exactly what the composer intended. Richard Wagner has said: «The most genuine of all art forms is the dance. Its artistic medium is the living human being, and not merely one part of it but the whole body from the soles of the feet to the top of the head. For anyone completely sensitive to art, music and poetry can only truly become comprehensible through the art of the dance-mime.» And with every gesture Isadora Duncan revealed herself as a supreme dance-mime. She was the prototype of her own inspired vision of the Dancer of the Future-whose dance belongs to no one nation but to all of humanity.

\\

Необычный дар великого художника, который заставил других видеть вещи, рожденные её воображением, придавал глубину и значение всему, что создала Айседора. Она знала, как танцевать с такой командной властью, что те, кто видел её, были впечатлены, даже когда они не понимали смысла её искусства. Немногие танцоры обладают таким пониманием музыки, когда танец, похоже, точно отражает то, что хотел композитор. Ричард Вагнер сказал: «Самой подлинной из всех форм искусства является танец. Его художественная среда - это живой человек, а не только одна его часть, а всё тело от подошв ног до верха головы. Для всех, кто полностью чутко относится к искусству, музыка и поэзия могут стать поистине понятными благодаря искусству танцевального мима». И с каждым жестом Айседора Дункан проявила себя как верховный танцевальный мим. Она была прототипом собственного вдохновенного видения «Танцовщицы будущего», чей танец принадлежит ни одной нации, но всему человечеству.

[55], p.37-61 * DUNCAN DANCER * The Greatest Thing in Life *

-=3=-

The Greatest Thing in Life **Величайшая вещь в жизни**

«WE must adopt more children and build an addition to the school!» Isadora exclaimed enthusiastically when she saw the progress we had made during her five months' absence. Returning from one of her protracted tours in the latter part of June that same year, she was filled with plans for the future, not counting the expense. Her sister was more practical. «Where will the money come from? As it is, we are living way beyond our budget.»

\\

«Мы должны усыновить больше детей и построить дополнение к школе!» - радостно воскликнула Айседора, увидев прогресс, который мы совершили в

течение её пятимесячного отсутствия. Возвращаясь из одного из её затяжных туров во второй половине июня того же года, она была наполнена планами на будущее, не считая расходов. Её сестра была более практичной. «Откуда берутся деньги? Как бы то ни было, мы живем вне нашего бюджета».

«I have an idea!» Never at a loss to make life more exciting, Isadora said, «We'll give a benefit performance and show the children off to the public for the first time. That will surely arouse sufficient interest. We will ask everybody we know to subscribe.» «That's an excellent idea,» Elizabeth agreed, since she had already enlisted the aid of several Berlin society ladies to act as patronesses of the school. She added, «Princess Henry of Reuss was here a few days ago and saw the pupils dance. She was enchanted.»

\\

«У меня есть идея!» Никогда не теряясь, чтобы сделать жизнь более захватывающей, Айседора сказала: «Мы дадим представление и покажем детей публике в первый раз. Это, безусловно, вызовет достаточный интерес. Мы попросим всех, кого мы знаем, подписаться».

«Это отличная идея», - согласилась Элизабет, так как она уже заручилась поддержкой нескольких берлинских светских дам, которые выступили в качестве покровителей школы. Она добавила: «Принцесса Генри из Ройса была здесь несколько дней назад и увидела, что ученики танцуют. Она была зачарована.»

Princess Henry VII of Reuss, whose principality in Thuringia was a small one, possessed, nevertheless, enormous wealth. A woman close to the Imperial court, she could be useful in getting other influential ladies to join.

«I shall write to her immediately,» Isadora said, and she composed the following letter:

\\

Принцесса Генри VII из Рейсса, чье княжество в Тюрингии было маленьким, обладала, тем не менее, огромным богатством. Женщина, близкая к императорскому двору, могла бы быть полезной в том, чтобы привлечь других влиятельных дам.

«Я напишу ей немедленно, - сказала Айседора, и она написала следующее письмо:

Dear Princess: For the last eight months twenty little girls have been living together in my school in Grunewald creating much joy to themselves, a delight to all who have seen them, and a radiant hope for the future of the Art of the Dance.

\\

Дорогая принцесса: последние восемь месяцев в моей школе в Грюневальде живут двадцать маленьких девочек, которые создают большую радость для всех, - в восхищении все, кто их видел, и есть сияющая надежда на будущее Искусства Танца.

I wish to take twenty-five more next winter. This will necessitate a new building erected on the vacant plot next door. As you know, I have given my entire earnings to the maintenance of the school and am most pleased to do so in the future. But they are not enough for the new ground and erection of the second building to be connected by a passageway with the old one. So I am giving a benefit at Kroll's Opera House on July 20th, as a means of raising money for it.

\\

Я хочу взять ещё двадцать пять учеников следующей зимой. Это потребует нового здания, возведенного на свободном участке по соседству. Как вы знаете, я отдала весь свой заработок на содержание школы, и мне очень приятно делать это в будущем. Но этого недостаточно для того, чтобы новая земля и возведение второго здания были соединены проходом со старым. Поэтому я даю бенефис в Оперном театре Кролла 20 июля, как средство, чтобы собрать деньги для этого.

Of course we do not expect people who are out of town to be present but that they may subscribe and give their tickets to artists, etc. All the artists who have visited the school have been enthusiastic in their praises for the lovely dancing of the little girls and are unanimous in their belief in the value of the school to art and the state.

\\

Конечно, мы не ожидаем присутствия людей из города, но они могут подписаться и дать свои билеты артистам и т.д. Все артисты, которые посетили школу, были в восторге в своих похвалах за прекрасные танцы маленьких девочек и единодушны в своей вере в ценность школы искусству и государству.

I myself am delighted with the progress of my pupils and am convinced that almost every child has more or less talent for the dance if directed along natural channels; and that the dancing of these little girls will be a source of much joy to the public in the years to come. For this reason I do not hesitate to ask for help in the advancing of my idea and feel sure my request will meet with your sympathy.

Isadora Duncan

\\

Я сама в восторге от прогресса моих учениц и убеждена, что почти каждый ребёнок имеет более или менее талант для танца, если он направлен по естественным каналам; и что танцы этих маленьких девочек станут источником большой радости для публики в ближайшие годы. По этой причине я, не колеблясь, прошу помощи в продвижении моей идеи и уверена, что моя просьба встретит ваше сочувствие.

Айседора Дункан

Among the various artists she mentions as visiting the school was an unknown Swiss musician called Jaques-Dalcroze. He witnessed a lesson once, and I recall the occasion vividly because of his infectious enthusiasm and constant interruptions. What fascinated him most were the kinetics involved in what Isadora called the «scale of movements,» which started with a slow walk, gradually accelerating into a

fast and faster pace till it evolved into a run, and from there by degrees reverted to a slow walk again.

\\

Среди различных артистов она упоминает посещение школы неизвестным швейцарским музыкантом по имени Жак-Далкроз. Однажды он стал свидетелем урока, и я вспоминаю этот случай ярко из-за его заразного энтузиазма и постоянных перерывов. Его больше всего интересовала кинетика, связанная с тем, что Айседора называла «масштабом движений», которая начиналась с медленной ходьбы, постепенно ускоряясь в быстром и более быстром темпе, пока она не превращалась в бег, а оттуда постепенно возвращалась снова к медленной прогулке.

"Ha!" he exclaimed, jumping up from his seat in great agitation; and he inquired of Tante Miss, "May I have your permissiOn to improvise at the piano for a repetition of this exercise?" Permission granted, he proceeded to improvise for us. When he left, he signed the guest book, which was always on top of the piano. A few years later, he founded his whole system of Eurythmics on what he had seen that day at our school.

\\

«Ха!» - воскликнул он, взволнованно вскакивая со своего места; и поинтересовался у Танте Мисс: «Могу ли я согласиться с тем, чтобы импровизировать на фортепьяно для повторения этого упражнения?» Получив разрешение, он продолжил импровизировать. Когда он ушёл, он подписал гостевую книгу, которая всегда была на пианино. Несколько лет спустя, он основал всю свою систему эвритмии на том, что он видел в тот день в нашей школе.

Such things occurred so frequently with people interested in the new dance form Isadora had invented that it was no wonder she should constantly voice the complaint, "Everybody is running off with my ideas!" Unfortunately, they could not be patented. If they could have been, what royalties she might have collected from her millions of imitators, including the Russian ballet!

\\

Такие вещи происходили так часто с людьми, заинтересованными в новой танцевальной форме, которую Айседора придумала, что неудивительно, что она должна была постоянно жаловаться: «У всех своя идея!» К сожалению, они не могут быть запатентованы. Если бы они могли быть, какие королевские привилегии она могла бы собрать с миллионов своих подражателей, включая русский балет!

It so happened that the well-known German composer Engelbert Humperdinck lived next door to us on Trabener-strasse. Famous for his universally beloved children's opera Hansel and Gretel, he headed the committee for the support of our school. One afternoon we all went to have tea with him and his family. A man of about fifty, he regaled us by playing music from his opera such as the "Knusper-Waltzer" and the lively, tuneful "Rosenringel" and "Tanzreigen." Appropriately enough for our

youthful years, Isadora taught us a dance to the last two compositions. Humperdinck often played his tunes for us to get the right tempo and feeling. He played them with such verve that we children responded with natural spontaneity and put all we had into the charming dance.

\\

Случилось так, что знаменитый немецкий композитор Энгельберт Хампердинк жил по соседству с нами на улице Траубер. Известный своей всемирно любимой детской оперкой «Гензель и Гретель», он возглавлял комитет поддержки нашей школы. Однажды днём мы все пошли на чай с ним и его семьей. Человек лет пятидесяти, он угощал нас, играя музыку из своей оперы, такой как «Кнуссер-Вальтцер» и живой, мелодичный «Розенрингель» и «Танзрейген». Это музыка, достаточно подходящая для наших юношеских лет, и Айседора научила нас танцевать эти последние две композиции. Хампердинк часто играл нам свои мелодии, чтобы мы получили правильный темп и чувство. Он сыграл их с таким воодушевлением, что мы, дети, ответили естественной спонтанностью и вложили всё, что у нас было, в очаровательный танец.

The subscription list mounted daily, with Princess Reuss contributing a thousand goldmarks; Princess von Meiningen, a hundred; Frau von Mendelsohn of the banking family, also a thousand; Countess Harrach, a lady-in-waiting to the Kaiserin, five hundred; Siegfried Wagner, son of Richard Wagner of Bayreuth, a thousand; and so forth down the list to Frau Begas, the wife of Reinhold Begas, the famous German sculptor, who created the national monument to Emperor William I as well as many of the principal statues of Berlin. Isadora gave us new silk tunics in pastel shades of blue, pink, and yellow to wear for the occasion, making us discard the cheesecloth ones entirely. Also we had small wreaths of rosebuds for our hair.

\\

Список подписки расширялся ежедневно, принцесса Рейсс - тысяча золотых марок; Принцесса фон Майнинген - сто; Фрау фон Мендельсон из банковской семьи, также тысяча; Графиня Гаррач, фрейлина императрицы (Кайсерин) - пятьсот; Зигфрид Вагнер, сын Ричарда Вагнера из Байройта - тысяча; и т.д., вниз по списку к фрау Бегас, жене Рейнхольда Бегаса, известного немецкого скульптора, который создал национальный памятник императору Уильяму I, а также многие из главных статуй Берлина. Айседора дала нам новые шёлковые туники в пастельных тонах синего, розового и желтого цвета, чтобы одевать их на этот случай, заставив нас полностью отказаться от марли. Также у нас были маленькие венки из розовых бутонов для наших волос.

Then came the big day. The excitement of that moment can never be repeated. Here I was, after only seven months of apprenticeship, ready to make my stage debut. Such a thrill comes to few children, and when it does they are never afterwards the same. A marvelous ingredient, a wonderful feeling of accomplishment, is then added to the ordinary routine of daily existence. This is something that the average child does not experience.

\\

Затем наступил большой день. Волнение этого момента никогда нельзя повторить. Здесь я, после семи месяцев ученичества, была готова дебютировать на сцене. Такое волнение приходит к немногим детям, и когда это происходит, они никогда не будут потом такими же. Чудесный ингредиент, прекрасное чувство удовлетворения, затем добавляется к обычной повседневной жизни. Это то, что средний ребёнок никогда не испытает.

We were to appear at the very end of Isadora's performance. Quietly, we entered the stage door of the big Opera House late at night. We had slept all afternoon and early evening so as to be fresh and bright. I had an awesome sensation as I mounted the stairs to the dressing rooms while the performance was in progress. The sound of the orchestra playing faintly reached my ears. The curious, indefinable smell of backstage familiar to every performer, mixed with the unseen but nevertheless acutely sensed, electrifying presence of the hushed audience out in front, gave me my first attack of stage fright. The stern voice of Tante Miss saying, "Here, sit down in front of me so I can put your make-up on," brought me out of it.

\\

Мы должны были появиться в самом конце выступления Айседоры. Тихо, мы вошли в сценическую дверь большого Оперного театра поздно вечером. Мы спали весь день и рано вечером, чтобы быть свежими и яркими. У меня было потрясающее ощущение, когда я поднялась по лестнице в раздевалку, пока продолжалось исполнение. Звук оркестра, играющего слабо, дошёл до моих ушей. Любопытный, неопределимый запах за кулисами, знакомый каждому исполнителю, смешанный с невидимым, но, тем не менее остро ощущаемым, электризирующим присутствием приглушенной аудитории впереди, дал мне мою первую атаку страха сцены. Суровый голос Танте Мисс сказал: «Вот, сядь передо мной, чтобы я могла наложить твой макияж», вывел меня из этого состояния.

I did as I was told, holding my hair back so she could smear cold cream over my face. When she finished and had applied the lipstick, she said, "There you are! I made you a nice cupid's bow." She surveyed me critically to judge the effect of her handiwork. "Now don't touch your face," she warned. "Who's next?" This strange, unfamiliar business of make-up completed, I turned to the mirror. A rouged and powdered face stared back, resembling a painted mask; a face that was and yet was not mine. How familiar this pre-curtain ritual was to become in the course of my long theatrical career!

\\

Я сделала так, как мне сказали, держа свои волосы, чтобы она могла намазать лицо холодным кремом. Когда она закончила и наложила губную помаду, она сказала: «Вот теперь это ты! Я сделала тебе хороший лук амура». Она критически оценила меня, чтобы судить о влиянии её рук. «Теперь не трогай своё лицо», предупредила она. "Кто следующий?" Этот странный, незнакомый процесс макияжа был завершён, я повернулась к зеркалу. На меня смотрело размянутое и напудренное лицо, напоминающее окрашенную маску; лицо,

которое было и не было моим. Как хорошо было знать этот ритуал перед занавесом, который будет так важен в процессе моей долгой театральной карьеры!

*When the other children had been similarly transformed with the aid of poudre de riz and Dorin's rouge, and we stood *The Greatest Thing in Life* 41 ready in silk tunics and circlets of rosebuds for a final inspection, we all jumped and looked startled when a shrill bell suddenly rang in our dressing room.*

\\

Когда другие дети были так же преобразены с помощью пудры из рисового порошка и румянца Дорин, и мы уже стояли в шелковых туниках и кольцах из розовых бутонов для окончательной проверки, мы все подсказывали и выглядели испуганными, когда пронзительный звонок вдруг зазвонил в нашей раздевалке.

"This is it!" Tante Miss said. "Get ready to go downstairs, and don't forget to put on your slippers and woolen shawls." Then, lined up two by two, we were hustled downstairs. With finger on her lips, Tante Miss signaled us to keep quiet and take our places backstage. Excitement took hold of me again, for I was about to experience something completely unknown, like diving into deep water. The orchestra struck up the by-now-familiar melody and, waiting in the wings poised to take off on cue, I summoned up my courage and dashed out onto the vast, empty stage of the Royal Opera House.

\\

"Это оно!" - сказала Танте. «Приготовьтесь спуститься вниз и не забудьте надеть тапочки и шерстяные шали». Затем, выстроившись парами, мы спустились вниз. С пальцем на губах мисс Танте просила нас молчать и забираться на место. Волнение снова охватило меня, потому что я собиралась испытать что-то совершенно неизвестное, как погружение в глубокую воду. Оркестр завёл уже знакомую мелодию, и, ожидая, пока крылья готовы будут подняться, я собрала всё своё мужество и бросилась на обширную, пустую сцену Королевской оперы.

Dancing from the encircling shadows into the glaring light, I instantly forgot my previous nervousness, as I lost myself in the music and the dance. What joy, to dance in natural abandon carried along by the beautiful sounds of a symphony orchestra! This utterly entrancing sensation made all of us dance with such spontaneous enjoyment that we must have projected our own happiness across the footlights, for when we finished the audience responded with deafening applause.

\\

Танцуя из окружающих теней в яркий свет, я сразу забыла свою прежнюю нервозность, когда я потеряла себя в музыке и танце. Какая радость, чтобы танцевать в естественной пустоте, сопровождаемой прекрасными звуками симфонического оркестра! Это чрезвычайно захватывающее ощущение заставило всех нас танцевать с таким спонтанным наслаждением, что мы,

должно быть, проецировали наше собственное счастье в огни рампы, потому что, когда мы закончили, аудитория разразилась оглушительными аплодисментами.

The shock of this unexpected noise descended upon us with the suddenness of a thunderclap. We turned for reassurance toward the wings, where, near the proscenium arch, we had espied the lithe figure of our idol, who had been watching our dancing and for whom alone we had danced. Sensing our childish alarm, she quickly advanced toward us smiling, her light draperies floating behind her. Arms filled with long-stemmed roses, she stopped in our midst and took a bow while the gaze of her little pupils turned toward her as flowers toward the sun.

\\

Шок от этого неожиданного шума спустился на нас с внезапностью громового удара. Мы повернулись для уверенности в отношении ворот, где, возле арки просениума, мы увидели гибкую фигуру нашего кумира, которая смотрела наши танцы и для которой мы только что танцевали. Чувствуя нашу детскую тревогу, она быстро продвинулась к нам, улыбаясь, её легкие драпировки плыли позади неё. Руки были наполненные длинными стеблевыми розами, она остановилась среди нас и поклонилась, а взгляды её маленьких учеников повернулись к ней, как цветы к солнцу.

The audience clamored for encores. When the music began again, Isadora quickly whispered to us to dance toward her, one by one, from the opposite corner of the stage. We did so, and as each child skipped up she handed her a pink rose. With the flowers in our hands, we then circled about her as she posed in the center of the stage, arms outstretched as if to embrace us all in a loving, maternal gesture. Happy, laughing children danced a rondo about her, a real "Rosenringel Reigen," and in that ecstatic group was one who wished this happy dance would never, never stop.

\\

Аудитория кричала на бис. Когда музыка началась снова, Айседора быстро прошептала нам, чтобы мы танцевали к ней, одна за другой, из противоположного угла сцены. Мы сделали это, и когда каждый ребёнок проскальзывал, она вручала ему розовую розу. С цветами в наших руках мы тогда окружили её, когда она позировала в центре сцены, а протянутые руки словно охватывали нас всех любящим, материнским жестом. Счастливые, смеющиеся дети танцевали рондо с ней, настоящий «Рейген Розарий Кольцо», и в этой экстатической группе была та, кто хотела, чтобы этот счастливый танец никогда не прекращался.

In the audience that night in July 1905 was Gordon Craig. He gave his impression later: She called her little pupils to come to her and please the public with their little leapings and runnings! as they did, and with her leading them the whole troupe became irresistibly lovely. I suppose some people even then and there began reasoning about it all, trying to pluck out the heart of the mystery. But I and hundreds of others who saw this first revelation did not stop to reason, for we too had all read

*what the poets had written of life and love and nature, and we did not reason then; we read, we wept and laughed for joy. And to see her shepherding her little flock, keeping them together and especially looking after one very small one of four years old, was a sight no one there had ever seen before and, I suppose, will never see again.**

**In a talk for BBC Radio.*

\\

В ту ночь в июле 1905 года в аудитории был Гордон Крейг. Он озвучил потом следующее своё впечатление: Она созвала своих маленьких учениц, чтобы подойти к ней и порадовать публику своими маленькими прыжками и пробежками! как они это делали, и с её руководством их вся труппа стала неотразимо прекрасной. Я полагаю, что некоторые люди даже тогда и там начали рассуждать обо всём, пытаюсь распознать сущность мистерии. Но я и сотни других, которые видели это первое откровение, не переставали рассуждать, потому что мы тоже все читали, что поэты писали о жизни, любви и природе, и тогда мы не рассуждали; мы читали это теперь, мы плакали и смеялись от радости. И чтобы увидеть, как она ведёт её маленькое стадо, держа их вместе и особенно заботясь об одной маленькой артистке, четырёхлетнего возраста, - это было зрелище, которого никто никогда раньше не видел и, я полагаю, больше никогда не увидит.*

**В интервью на радио БиБиСи.*

Whoever would have believed it possible that our innocent dance debut should bring forth wrath from on high? No one less than the German Kaiserin, Auguste Victoria, a pious woman (who inspired her husband's famous remark about its being woman's duty to occupy herself solely with Kinder, Kirche, Kueche), pronounced herself outrageously shocked at children performing in bare limbs. Brought up in the Victorian era, when the sight of a woman's ankle was considered daring, she could not look upon children's bare legs without feeling that it was immoral. If the poor Kaiserin could only see her royal descendants today going bare-legged in the summertime, she surely would realize what enormous progress has been made against prudishness through the good example set by that same group of dancing children she once criticized.

\\

Кто бы мог подумать, что наш невинный танцевальный дебют должен вызвать гнев с высоты? Никто не меньше, как немецкая Кайсерин императрица (Кайсерин) Огюст Виктория, благочестивая женщина (которая вдохновила знаменитое замечание своего мужа о том, что обязанностью женщины является занимать себя исключительно "Дети, Церковь, Кухня [Киндер, Кирхе, Куче]"), объявила себя возмутительно шокированной детьми, выступающими в голыми ногами и руками. Воспитанная в викторианскую эпоху, когда вид лодыжки женщины считался слишком смелым, она не могла смотреть на голые ноги детей, без ощущения, что это аморально. Если бы бедная императрица только могла видеть, что её королевские потомки сегодня дефилируют летом с голыми ногами, она наверняка поняла бы, какой огромный прогресс был достигнут

против ханжества, благодаря хорошему примеру той же группы танцующих детей, которую она когда-то критиковала.

Her official utterance condemning the display of bare limbs occasioned wide publicity. It aroused further controversy and also a livelier interest on the part of influential people in Isadora Duncan's school for the education of children along modern lines. It was then the only one of its kind in the world teaching freedom of motion; a sane, healthy attitude toward the human body; and, to complement these two important objectives, an appropriate dress reform. Nothing comparable had been seen in the Occidental world since the Hellenic and Roman civilizations. It was no wonder that under these circumstances the question of the propriety of exposing limbs to public view should be discussed seriously even by learned professors. How much the question was a topic of the day is evident in an article written in 1906:

\\

Её официальное высказывание, осуждающее проявление голых конечностей, вызвало широкую огласку. Это вызвало дальнейшие споры, а также более живой интерес со стороны влиятельных людей в школе Айседоры Дункан для воспитания детей по современным направлениям. Это была единственная, в своём роде, школа в мире, которая учила свободе передвижения; здравомыслию, здоровому отношению к человеческому телу; и в дополнение к этим двум важным задачам – была сделана надлежащая реформа одежды. Ничего сопоставимого не было видно в западном мире со времен греческой и римской цивилизаций. Неудивительно, что в этих условиях вопрос о приличии обнажения конечностей в общественном мнении должен обсуждаться серьезно даже учеными профессорами. Насколько вопрос был темой дня, видно в статье, написанной в 1906 году:

IN ISADORA DUNCAN'S HOUSE

Several ladies and gentlemen of society recently gathered together in Grunewald to have Isadora's sister Elizabeth Duncan present to them the pupils of the Duncan School.

\\

В ДОМЕ ИСАДОРЫ ДУНКАН

Несколько дам и джентльменов из общества недавно собрались вместе в Грюневальде, чтобы Элизабет, сестра Айседоры Дункан, представила им учениц Школы Дункан.

The interior of Isadora's home breathes the severe style of classical Greece softened by modern conveniences. Everywhere subdued colors and geometric lines and, in all things, from the reliefs of old Italian masters hanging on the walls, to the colorful flowers decorating the tables, a display of good taste. What the visitor is immediately aware of and what helps to dispel any lingering skepticism and calls forth respect is that here are people who have more than a sure sense of good taste. What impresses him is that there is indeed a great idea behind all this-perhaps a way of life.

\\

Внутренний дом Айседоры дышит суровым стилем классической Греции, смягченным современными удобствами. Повсюду приглушенные цвета и геометрические линии и, во всех отношениях, от рельефов старых итальянских мастеров, висящих на стенах, до ярких цветов, украшающих столы, хорошего вкуса. То, о чем сразу узнает посетитель и что помогает рассеять любой затаенный скептицизм и вызывает уважение, заключается в том, что здесь есть люди, которые имеют более чем уверенное чувство хорошего вкуса. Его впечатляет то, что за этим стоит отличная идея - возможно, образ жизни.

As we enter the festive hall we behold, in addition to the ancient Greek spirit, the most refreshing youth. We are confronted with what at first impact confuses and leaves one dumbfounded; namely, a group of seventeen little girls in tunics of transparent silk and with hair unbound and carefully adorned with flowers or a simple diadem!

\\

Когда мы входим в праздничный зал, мы видим, помимо древнегреческого духа, самую освежающую молодежь. Мы сталкиваемся с тем, что при первом впечатлении смущает и оставляет определенно ошарашенным; а именно, группа из семнадцати маленьких девочек в туниках из прозрачного шёлка и волос, несвязанных и тщательно украшенных цветами или простой диадемой!

Seventeen youthful dancers, that is a total of thirty-four little dancing legs, bare as bare can be. And here is something curious! However greatly it may contradict one's conventional customs, the spectator is hardly conscious of this bareness of limbs in these surroundings. He does not perceive it as something odd or even offensive but rather as an aesthetic necessity, and he gains the impression that even the smallest sandal would spoil the quiet flow of lines.

\\

Семнадцать юных танцовщиц, в общей сложности тридцать четыре маленьких танцевальных ножек, обнаженных как голые. И вот что-то любопытно! Однако, в значительной степени, это может противоречить обычному укладу, и зритель вряд ли осознаёт эту неприкрытость конечностей в таком окружении. Он не воспринимает это как нечто странное или даже оскорбительное, а скорее как эстетическую необходимость, и у него создается впечатление, что даже самая маленькая сандалия испортит тихий поток линий.

One of the little dancers takes a big ball and bounces it onto the floor. She skips around it playfully and continues to bounce the ball with dancing gestures. Never have I seen anything so gracefull Never beheld so harmoniously rounded a dance image that appeared so entirely natural. . . .

\\

Одна из маленьких танцовщиц принимает большой мяч и ударяет его об пол. Она игриво проскакивает и продолжает отбивать мяч в танце. Никогда я не видел ничего такого грациозного. Никогда не видел столь гармонично

округленного танцевального образа, который казался настолько естественным...

How very difficult to achieve, and how very seldom employed in ordinary life, is the beauty of apparently the simplest of human motions. The Duncan sisters are quite right when they regard the walk, the rhythmic stride, as the basis for all dance art. As the most important of the 95,140 combinations of movements which, according to the opinion of the dance theoretician Emanuel of Paris, are possible for the human body to achieve.

\\

Как очень трудно достичь и как редко используется в обычной жизни красота, по-видимому, самого простого из человеческих движений. Сестра Дункан совершенно права, когда она рассматривают ход, ритмичный шаг, как основу для всего танцевального искусства. Как самая важная из 95,140 комбинаций движений, которые, по мнению теоретика танца Эмануэля из Парижа, возможны для человеческого тела.

Whether the little Duncan girls stride ceremoniously in the manner of antique choruses, whether they hop about cheerfully or mime games, always, their every movement seems born out of the spirit of the music What enjoyment does the sight of a well-proportioned foot and the play of its muscles afford! This wonderful adjunct to the human body has become estranged to modern man. The compulsion of footwear has so pitiably crippled it that it has become almost a shameful thing. These child-dancers have completely normal feet. And since the whole foot and not the toes alone have been designed by nature to support the body's weight, their art does not deteriorate into the mannered offense which is the alpha and the omega of the old-style ballet and which causes those who practice it so much effort and pain

\\

Независимо от того, что маленькие девочки Дункан торжественно выступают в стиле античных хоров, независимо от того, подпрыгивают ли они в весёлых или мимических играх, каждое их движение, кажется, рождается из духа музыки... Какое наслаждение вызывает наблюдать как хорошо пропорциональная нога и эти мышцы позволяют играть! Это замечательное дополнение к человеческому телу стало отчужденным для современного человека. Принуждение обуви так сильно подорвало его, что стало почти постыдным. У этих детей-танцоров совершенно нормальные ноги. И так как целая нога, а не только пальцы ног были разработаны природой для поддержания веса тела, их искусство не ухудшается в той манере поведения, которая является альфой и омегой балета старого стиля и которая вызывает у тех, кто это практикует так много усилий и боли...

Better-cared-for children cannot be imagined, and they are all visibly and most lovingly devoted to the cause. Elizabeth Duncan conducted us into the dormitories: a symphony in white and blue bathed in light and fresh air, in an orderliness and cleanliness that conveys an indescribable comfort. The girls are to remain in this house till they are seventeen, thereafter they are going to appear with Isadora

Duncan on the stage. It is reassuring to know that this gay but fundamentally serious art of the dance has, in this conception, a future.

\\

Невозможно представить себе детей, о которых лучше заботятся, и все они явно и с любовью преданы делу. Элизабет Дункан провела нас по общежитиям: симфония в бело-голубом, освещенная светом и свежим воздухом, в упорядоченности и чистоте, которая передает неопиcуемый комфорт. Девушки должны оставаться в этом доме до семнадцати лет, после чего они собираются появиться с Айседорой Дункан на сцене. Обнадеживает, что это весёлое, но принципиально серьёзное искусство танца, в этой концепции является будущим.

When, after two hours which passed like a dream, I stood once more in the tumult of the streets in the midst of hurrying, perspiring, and laborious people, the skeptic stirred again in me and I asked myself: What is the purpose of all this? What benefit is there in it for us modern-machine people living in this era of shrillest disharmonies, in this piece of ancient Greece transplanted to a northern clime? ... But then, above conflicting sentiments the thought arose, that even if there seems to be no practical use for it, one must admit it really is very nice when, far removed from the monstrous, dusty highroad trodden by millions, there exist a few gardens here and there secluded and filled with "Wunderblumen."

\\

Когда через два часа, которые прошли как сон, я снова вышел на волны улиц, посреди торопливых, потных и трудолюбивых людей, скептик снова заговорил во мне, и я спросил себя: «Какова цель всех этого? Какая польза в нём для нас, современных людей, живущих в эту эпоху пронзительных дисгармоний, в этой части древней Греции, пересаженной в северную климат? ... Но затем, выше противоречивых чувств, возникла мысль, что даже если для этого нет практического использования, нужно признать, что это действительно очень хорошо, когда, далеко от чудовищной пыльной дороги, пробитой миллионами, существуют несколько садов здесь и там уединённых и наполненных «удивительными цветами».

*This was not the first skeptic nor the last to ask himself: Of what practical use is all this? He had part of the answer when he surmised that it was "perhaps a way of life." New ideas are seldom of immediate, general benefit to the contemporary generation. Sufficient time must elapse before the seeds start to germinate and take root. Isadora's credo was: "To dance is to live." She said that what she wanted was a school of life, for man's greatest riches were in his soul, in his imagination. She called the dance "not a diversion but a religion"; and she taught that idea to the children in her school. "Life is the root and art is the flower." Again and again she would reiterate that dance was the most natural and most beautiful aid to the development of the growing child in its constant movement, and only that education was right which included the dance.**

* Cf. *Art*, pp. 88, 141-142.

\\

Это был не первый скептик, ни последний, кто спрашивал себя: «Какое практическое использование всего этого? У него была часть ответа, когда он предположил, что это «возможно, образ жизни». Новые идеи редко бывают неотложной, общей пользой для современного поколения. До того, как семена начнут прорасти и укорениться, должно пройти достаточное время. Кредо Айседоры было: «Танцевать - значит жить». Она сказала что то, что она хочет, - это школа жизни, потому что величайшие богатства человека были в её душе, в её воображении. Она назвала танец «не развлечением, а религией»; и она преподавала эту идею детям в её школе. «Жизнь - это корень, а искусство - цветок». Снова и снова она повторяла, что танец был самой естественной и красивой помощью для развития растущего ребёнка в его постоянном движении, и только это образование было правильным, включая танцы.*

* См. Искусство танца, с. 88, 141-142.

It is not surprising that intelligent men were somewhat perplexed when they first came in personal contact with a living demonstration of this credo. Isadora Duncan's idea was still above their heads. Cultured Europeans were suddenly confronted with the unusual phenomenon of seeing an American (and a woman at that) bring culture from the New World to the Old. It had always been the reverse. Her unique dance art represented one of the very few genuine, original art forms the United States had produced in its less than two hundred years of existence.

\\

Неудивительно, что интеллигентные люди были несколько озадачены, когда впервые вошли в личный контакт с живой демонстрацией этого кредо. Идея Айседоры Дункан всё ещё была выше их понимания. Культурные европейцы внезапно столкнулись с необычным явлением, когда американцы (и женщина) приносят культуру из Нового Света в Старый. Это всегда было наоборот. Её уникальное танцевальное искусство представляло собой одно из немногих подлинных, оригинальных форм искусства, которые Соединенные Штаты произвели за свои менее чем двести лет существования.

Frequent inquiries as to the exact purpose of her dance school came from every direction. In a notebook of this period, she set forth her views:

\\

Частые расспросы о том, что она делает с её танцевальной школой, происходили со всех сторон. В записной книжке этого периода она изложила свои взгляды:

If the dance is not to come to life again as an art, then far better that its name should rest in the dust of antiquity I am deeply interested in the question: Is the dance a sister art or not; and if so, how shall it be brought to life as an art? And I put this question quite apart from myself or my dance, which may be nothing-or something- simply as a question which must be of interest to most people.

\\

Если танец не должен снова оживать как искусство, то гораздо лучше, чтобы его имя покоилось в пыли древности... Меня очень интересует вопрос: является ли танец родственным другим искусством или нет? и если да, то как это воплотится в жизнь как искусство? И я поставила этот вопрос совершенно отдельно от себя или моего танца, который может быть ничем - или чем-то - просто вопросом, который должен представлять интерес для большинства людей.

My dancing is to me an instinctive thing born with me You call me a barefoot dancer. To me you might as well say a bare-headed or bare-handed dancer. I took off my clothes to dance because I felt the rhythm and freedom of my body better that way. In all ages when the dance was an art, the feet were left free as well as the rest of the body; also, whenever the dance has had an influence on the other arts-as in the beautiful bas-reliefs of dancing figures of the Greeks. . . .

\\

Мой танец - это инстинктивная вещь, рожденная мною... Вы называете меня босоногим танцором. Также вы могли бы назвать меня танцором с непокрытой головой или с голыми руками. Я сняла свою одежду, чтобы танцевать, потому что я чувствовала ритм и свободу своего тела. Во всех возрастах, когда танец был искусством, ноги были свободны, как и остальная часть тела; также, всякий раз, когда танец оказывал влияние на другие искусства - как в прекрасных греческих барельефах танцующих фигур...

If you would think of this a bit you would see that the conception of a dancing figure as being in light drapery and without shoes is not mine especially, but simply the ideal dancing figure as thought of by all artists of all times. Then you would cease to use the title "barefoot dancer," which I confess I detest; and you would see that in endeavoring to found a school for the renewing of the dance as an art, it is quite natural that the pupils should follow in their dress the hint given them by the Great Masters in portraying the dancing figures. . . .

\\

Если вы подумаете об этом немного, вы увидите, что концепция танцующей фигуры как светлой драпировки и без обуви сугубо не моя, а просто идеальная танцевальная фигура, о которой думают все художники всех времён. Тогда вы перестанете использовать заголовок «босоногий танцор», который я признаю, что ненавижу; и вы увидели бы, что, пытаясь найти школу для обновления танца как искусства, вполне естественно, что ученики должны следовать в их одежде лишь намёком, данным им Великими Учителями, изображая танцующие фигуры...

I have danced before the public continuously since I was a little girl; in all these years, although certainly there has been much blame and discussion, there has been on the whole a general feeling of joyous acclaim and encouragement . . . that has upborne me on my way, for I felt it was a sort of voice from the people that such a dance was wanted, needed. . . .

\\

Я танцевала перед публикой, когда была маленькой девочкой; за все эти годы, хотя, конечно, было много порицания и дискуссии, в целом было общее чувство радостного признания и поощрения... которые подняли меня на моём пути, потому что я чувствовала, что это был своего рода голос от людей, которым нужен такой танец...

Now I could not think that I could teach another what had been a gradual evolution of my own being and a work of all my life. But I felt I must give response to all these questionings. And so the idea gradually came to me ... to endeavor to found a school whose object would be the finding of the true dancing. Not in any way a copy of my dance, but the study of the dance as an Art.

\\

Теперь я не могла думать, что я могла бы научить другому, что было постепенной эволюцией моего собственного существа и работы всей моей жизни. Но я чувствовала, что должна ответить на все эти вопросы. И поэтому идея постепенно пришла ко мне ... чтобы попытаться найти школу, целью которой было бы открытие истинного танца. Ни в коем случае не копия моего танца, а изучение танца как искусства.

And in the 1906 prospectus of the Grunewald school, she stated its purposes clearly: To rediscover the beautiful, rhythmical motions of the human body, to call back to life again that ideal movement which should be in harmony with the highest physical type, and to awaken once more an art which has slept for two thousand years-these are the serious aims of the school.

\\

И в проспекте школы Грюневальда 1906 года она четко сформулировала свои цели:

Чтобы вновь открыть прекрасные ритмичные движения человеческого тела, снова вернуть к жизни идеальное движение, которое должно быть в гармонии с высшим физическим типом, и снова пробудить искусство, которое спало две тысячи лет, - это серьезные цели школы.

Isadora's initial effort to arouse sufficient interest for the financial support of the Grunewald school had not been very successful. She found herself forced to rely entirely on her own resources for the ever increasing upkeep of her establishment. Thereafter, she was kept constantly on the move despite her wish not to go on triumphal world tours to earn enough money to feed many little mouths five times a day. This made her undertake tours lasting so long that her pupils didn't get even a glimpse of her for months, sometimes an entire year-much to the regret of her devoted charges, who missed her inspiring presence and guidance. Tante Miss, who was now in complete charge, could never fill that void. Neither physically nor in character did she in the slightest degree resemble her younger, more talented sister. Less idealistic and of a more pedantic temperament, she proved in the end to be of an infinitely more practical mind. The enthusiastic response of the public to our initial performance suggested to her the idea that the school might help to support itself.

Pupils of the Isadora Duncan School, 1906-1908.
 (upper l.) Erica. (upper r.) Irma.
 (lower l.) Theresa. (lower r.) Anna.

Pupils of the Isadora Duncan School, 1906-1908.
 (upper l.) Erica. (upper r.) Irma.
 (lower l.) Theresa. (lower r.) Anna.

\\

Первоначальные усилия Айседоры, вызвавшие достаточный интерес для финансовой поддержки школы Грюневальда, не были очень успешными. Она оказалась вынуждена полностью полагаться на собственные ресурсы для всё большего содержания её учреждения. После этого она постоянно находилась в движении, несмотря на её желание не проводить триумфальные мировые туры, чтобы заработать достаточно денег, чтобы накормить множество маленьких ртов пять раз в день. Это заставило её гастролировать так долго, что её ученики не замечали её в течение нескольких месяцев, а иногда и целый год, к сожалению её преданных подопечных, многие из которых пропустили её вдохновляющее присутствие и руководство. Танте Мисс, которая теперь была в полной ответственности за нас, никогда не могла заполнить эту пустоту. Ни физически, ни по характеру она в малейшей степени не напоминала свою младшую, более талантливую сестру. Менее идеалистическая и более педантичная по темпераменту, она в конце концов доказала, что имеет бесконечно более практичный ум. Увлеченная реакцией общественности на нашу первоначальную работу, подсказывала ей мысль о том, что школа может помочь поддержать себя сама.

*In order to learn from nature, the great teacher, we were often taken to the woods in summer to observe the waving of trees, the flight of birds, or the movements of clouds. Learning to dance from these, we developed a sensitive understanding of nature. Isadora once remarked on how often, returning from these studies to the dance room, we pupils felt in our bodies an irresistible impulse to dance out one or another movement which we had just observed. And thus in time, she thought, some of us would come to the composition of our own dances; but even when we were dancing together, each one, while forming a part of the whole under group inspiration, would preserve a creative individuality.**

*Cf. Art, p. 82.

\\

Чтобы учиться у природы, великого учителя, летом нас часто отправляли в лес, чтобы наблюдать за раскачиванием деревьев, полетом птиц или движениям облаков. Научившись танцевать от них, мы разработали чувствительное понимание природы. Айседора однажды заметила, как часто, возвращаясь из этих исследований в танцевальную комнату, мы, ученики, ощущали в наших телах непреодолимый импульс танцевать то или иное движение, которое мы только что наблюдали. И, таким образом, со временем, подумала она, некоторые из них попадут в состав наших собственных танцев; но даже когда мы танцевали вместе, каждый из них, составляя часть целого под вдохновением группы, сохранил бы творческую индивидуальность.*

*См. Искусство, с. 82.

Not being a choreographer herself, Tante Miss now thought of following Isadora's suggestion and encouraged us to compose dances. The charming Kinderscenen by Schumann easily inspired ideas for this. She employed the method of letting us all improvise together and then, picking the one who had hit on the best interpretation,

singling her out to develop her idea. In this ingenious way we composed a whole group of little poems, danced either singly or in group formation. I contributed several compositions. One of them I danced as a solo called "Poor Orphan Child." My dramatic instinct came to the fore as, with hesitant steps, I went from side to side holding out my hand, palm upturned, in a pitiable gesture of begging for alms. Isadora liked it so much she always made me dance this when visitors came to the school.

\\

Не будучи сама хореографом, Танте Мисс теперь думала о следующем предложении Айседоры и побудила нас сочинять танцы. Очаровательные Детские сцены от Шумана легко вдохновили на эти идеи. Она использовала метод, позволяющий нам всем импровизировать вместе, а затем, взяв того, кто отличился в лучшей интерпретации, выделяла её, чтобы развить её идею. В этом гениальном способе мы составили целую группу маленьких стихотворений, танцевали либо по отдельности, либо в групповом построении. Я внесла несколько композиций. Одну из них я танцевала как соло под названием «Бедный ребёнок-сирота». Мой драматический инстинкт выходил на первый план, поскольку, с нерешительными шагами, я переходила из стороны в сторону, протягивая руку, подняв ладонь, в жалком жесте просить милостыню. Айседоре так понравилось, что она всегда заставляла меня это танцевать, когда посетители приходили в школу.

Tante Miss made all the costumes herself. She was very adept at it. Here was something she apparently enjoyed doing. I once saw her sitting on the floor contentedly pasting tiny golden paillettes one by one onto white silk angel gowns-the ones we wore for Schubert's "Sarabande."

\\

Танте Мисс сама сделала все костюмы. Она была очень искусна в этом. Казалось, ей это нравилось. Однажды я увидела, что она сидит на полу, с удовольствием вставляя крошечные золотые пайетты по одному на белые шёлковые мансардные платья - те, что мы носили для «Сарабанды» Шуберта.

She dearly loved to give us small objects to hold while we danced, probably because we did not always know what to do with our hands and she didn't either. We had a variety of bells, cymbals, hoops, garlands, scarves and even, for the "Italian Marinari" dance, short lengths of genuine seaman's rope, decorated with the national colors of Italy! Isadora, the purist, who preferred the Doric to the Ionic style, did not, of course, entirely approve of this. But we children thought most of these gadgets were fun, except that I didn't care to dance with small brass cymbals tied to my hands. Isadora herself had discarded these adjuncts long ago, and we later learned from her how expressive and varied the gestures of the hands can be when executed with the artfulness of a master.

\\

Она очень любила давать нам маленькие предметы, чтобы мы держали их, пока танцевали, вероятно, потому, что мы не всегда знали, что делать с нашими

руками, и она тоже этого не объясняла. У нас было множество колоколов, тарелок, обручей, гирлянд, шарфов и даже, для танца «Итальянский Маринари», короткие подлинные верёвки моряка, украшенные национальными цветами Италии! Айседора, пурист, который предпочитала дорику в ионическом стиле, конечно же, не одобряла этого. Но мы, дети, думали, что большинство этих гаджетов были забавными, за исключением того, что я не хотела танцевать с маленькими латунными цимбалами, привязанными к моим рукам. Сама Айседора давно отбросила эти дополнения, и мы позже узнали от неё, как выразительные и разнообразные жесты рук могут быть выполнены с искусностью мастера.

One day, at the end of our rehearsal of the program, Tante Miss said that she had an important communication to make. We immediately sat hushed and attentive. "We have," she announced, "the great honor of presenting this first program of dances from our school for the second time in public at the composer's anniversary." Very composer-conscious ever since we had met Humperdinck, we wanted to know whether Robert Schumann was still alive. Tante Miss shook her head. "No," she said, "he died half a century ago, and we have been asked to help commemorate the fiftieth anniversary of his death. So you must all dance especially well on that day."

\\

Однажды, в конце нашей репетиции программы, Мисс Танте сказала, что у неё есть важное сообщение. Мы тут же замолчали. «У нас есть, - заявила она, - большая честь представить эту первую программу танцев от нашей школы во второй раз на публике в годовщину композитора». С тех пор, как мы встретили Хампердинка, мы очень хотели знать, был ли Роберт Шуман ещё жив. Танте Мисс покачала головой. «Нет, - сказала она, - он умер полвека назад, и нас попросили помочь праздновать пятидесятую годовщину его смерти. Поэтому вы все должны хорошо танцевать в этот день».

We had given the program initially at a Sunday matinee at the Theater Des Westens in Berlin three months after our debut at the Opera House. This, our first independent appearance, was reviewed in the National Zeitung dated October 31, 1905:

\\

Сначала мы дали программу на воскресном утреннике в «Театре с Запада» в Берлине, через три месяца после нашего дебюта в Оперном театре. Это наше первое независимое появление, было рассмотрено в Национальной газете от 31 октября 1905 года:

As the curtain rose a sweet little child skipped out onto the stage to a melody by Schumann in a delicate chiffon tunic. With bare feet she tripped lightly and daintily across the carpet . . . and soon there came a second, and then a third elfin figure until the stage was filled with about twenty similar shapes. The images they evoked were of enchanting gracefulness. They floated across and chased each other like iridescent butterflies with multicolored wings, bending, swaying, springing, and dancing like

spirits from Oberon's court. . . . At times they resembled allegorical figures representing Autumn and Winter, indicating with characteristic but simple gestures the disparate moods of nature.

\\

Когда поднялся занавес, сладкий маленький ребёнок выскочил на сцену под мелодии Шумана в тонкой шифоновой тунике. С босыми ногами она скользила легко и изящно по ковру... и вскоре наступила секунда, а затем третья цифра эльфа, пока эта сцена не была заполнена примерно двадцатью подобными фигурами. Образы, которые они вызывали, были очаровательной грациозностью. Они плыли поперек и преследовали друг друга, как сверкающие бабочки с разноцветными крыльями, изгибались, качались, подпрыгивали и танцевали, как духи из суда Оберона... Время от времени они напоминали аллегорические фигуры, представляющие осень и зиму, с характерными, но простыми жестами, указывающими на разрозненные настроения природы.

And again they appeared, this time as angels in long white gowns and wreaths of flowers in the hair striding gravely about. Then followed a very frolicsome dance . . . an animated swarm of colors and small shapes as if a storm wind had tossed the flowers in a meadow together. And then in the next dance the girls would break up into orderly groups, those in the foreground seeming to paraphrase the melody while the taller girls in the background indicated the accompaniment. . . . Almost everything went along with admirable precision, but every now and then the set figures gave way and the little ones would skip about spontaneously, and this especially was delightful and interesting because it demonstrated conclusively how well they have learned to coordinate their movements.*

* "Courante" by Carelli; a "Blind-man's-buff," danced and choreographed by Irma.

\\

И снова они появились, на этот раз, как ангелы в длинных белых платьях и венках из цветов в волосах, тянущихся тяжело. Затем последовал очень резвый танец... анимированный рой цветов и мелких фигур, как будто штормовой ветер бросил цветы на луг вместе.* И затем, в следующем танце, девушки разделились в упорядоченные группы, - те, кто на переднем плане, казалось, перефразировали мелодию, в то время как более высокие девушки в фоновом режиме указывали аккомпанемент... Почти всё шло с восхитительной точностью, но, время от времени, множество фигур уступали место, а маленькие проскакивали спонтанно, и это особенно было восхитительно и интересно, потому что оно убедительно показывало, насколько хорошо они научились координировать свои движения.

*«Курманте» Карелли; «Жмурки», постановка танцев и хореографии от Ирмы.

It is important to remark that every form of affectation was avoided. The whole thing gave the impression of having been worked out with the characteristic naturalness of expression peculiar to children. This appears to me to be of primary importance in

their work. The public applauded the youthful artists enthusiastically and with great vigor.

\\

Важно отметить, что они избегали всех форм аффектации. Всё это создавало впечатление, что танец был разработан с характерной естественностью выражения, свойственной детям. Мне кажется, что это имеет первостепенное значение в их работе. Публика с энтузиазмом и с большой энергией аплодировала молодым артистам.

Someone on the commemorative committee must have seen this program and invited us to Zwickau, Schumann's birthplace, for the anniversary performance. For our first voyage away from school we had each been supplied with a small wicker suitcase held together by two leather straps. It contained our dance costumes and accessories, including a pair of slippers and a woolen shawl for backstage. I remember with what pride I carried mine, which had the number 16 painted in black on the outside.

\\

Кто-то из мемориального комитета должен был видеть эту программу, и после пригласил нас в Цвиккау, место рождения Шумана, на юбилейное представление. Для нашего первого путешествия вдали от школы, каждый из нас был снабжен небольшим плетёным чемоданом, скреплённым двумя кожаными ремнями. В нём были наши танцевальные костюмы и аксессуары, в том числе пара тапочек и шерстяная шаль для пребывания за кулисами. Я помню, с какой гордостью я носила свою шаль, у которой был №16, окрашенный в чёрный цвет снаружи.

It was the middle of summer, and the village made a picturesque sight nestling in a valley at the foot of the Erzgebirge in Saxony. In the market place of this medieval town stood the house where Schumann was born, and nearby was the Gothic merchant's hall, turned into a theatre, where we would dance to his music. Perhaps his spirit watched over us, for the townspeople took us instantly to their hearts.

\\

Это было в середине лета, и деревня производила живописное зрелище, плывущее в долине у подножия Эрцгебирге в Саксонии. На рынке этого средневекового города стоял дом, где родился Шуман, а рядом был зал готического купца, который превратился в театр, где мы танцевали под музыку Шумана. Возможно, его дух наблюдал за нами, потому что горожане мгновенно приняли нас в свои сердца.

All sixteen of us had been billeted in the quaint old house of the local gold-and-silver smith and his friendly young wife. When we left, he presented each child with a small silver chain with a silver pendant. "They were made in my workshop," he said, "and my wife and I would like you to wear them as a memento of Zwickau and Robert Schumann's commemoration festivities." Alas, we wore them only once, for "jewelry" was strictly forbidden. Tante Miss confiscated them and we never saw the little silver chains again.

\\

Все шестнадцать из нас были расквартированы в причудливом старом доме местного золотосеребряного кузнеца и его дружелюбной молодой жены. Когда мы уходили, он предоставил каждому ребёнку маленькую серебряную цепочку с серебряным кулоном. «Они были сделаны в моей мастерской, - сказал он, - и мы с женой хотели бы, чтобы вы носили их как памятные знаки Цвиккау и Роберта Шумана». Увы, мы носили их только один раз, потому что «ювелирные украшения» были строго запрещены. Мисс Танте конфисковала их, и мы больше не видели этих маленьких серебряных цепочек.

From Zwickau we proceeded to other cities in Saxony-Dresden, Leipzig, etc.-making a small tour of Germany which lasted till Christmas. Another Christmas away from home. . . . In the library there was a large tree, festooned all over with golden threads and tiny red apples. Small wax candles burned in wire holders that made the golden threads glisten. There was the joy of opening a package from home filled with goodies. Under the tree were paper plates, one for each child, containing gingerbread, assorted nuts, and-in the center-the yearly Christmas symbol, a single orange.

\\

Из Цвиккау мы отправились в другие города Саксонии - Дрезден, Лейпциг и т.д., совершив небольшой тур по Германии, который длился до Рождества. Ещё одно Рождество вдали от дома... В библиотеке было большое дерево, украшенное золотыми нитками и крошечными красными яблоками. Маленькие восковые свечи горели в держателях из проволоки, которые делали золотые нитки блестящими. Была радость открытия пакета из дома, наполненного лакомствами. Под деревом были бумажные тарелки, по одной для каждого ребёнка, содержащие пряники, разнообразные орехи и - в центре - годовой символ Рождества, один апельсин.

By far the grandest present came from Isadora. Though absent on a tour through Holland and Belgium, she had sent us pretty new dresses and bonnets specially designed by her and made in the Hague. Both the dresses and velvet bonnets were blue and edged with swansdown. Mother had sent me a hand-some doll with blond curls and a purple velvet dress. I had loved playing with dolls at home, but now I discovered to my surprise that I had no further interest in them.

\\

Самым большим подарком стала Айседора. Хотя она отсутствовала на гастролях по Голландии и Бельгии, она прислала нам довольно новые платья и шляпы, специально разработанные ею, и сделанные в Гааге. Оба платья и бархатные шляпки были голубыми и подбиты лепестками. Мать прислала мне красивую куклу с светлыми кудрями и фиолетовым бархатным платьем. Мне нравилось играть с куклами дома, но теперь я с удивлением обнаружила, что у меня больше нет интереса к ним.

To our delight, we received another present from our goldsmith friend-a silver thimble-which we were allowed to keep. For as long as we lived in Germany, each year under the Christmas tree, we found a small silver trinket-a bangle for our hair or a cup-most of which he never knew we were not permitted to keep. Each year we would open his gift eagerly but with sadness, knowing that if only Isadora were present she would never have deprived us of these things.

\\

К нашему удовольствию, мы получили ещё один подарок от нашего друга-ювелира - серебряный наперсток, который нам позволили сохранить. До тех пор, пока мы жили в Германии, каждый год под рождественской ёлкой, мы находили маленький серебряный брелок - браслет для наших волос или чашку, большинство из которых мы никогда не получали, потому что нам не разрешалось их держать. Каждый год мы с нетерпением открывали его подарок, но с грустью, зная, что, если бы присутствовала только Айседора, она бы никогда не лишила нас этих вещей.

That winter in Hamburg mother received a letter:

The Isadora Duncan School will appear on Sunday at one o'clock at the Thalia Theater in Hamburg. We have asked the management to place two seats at your disposal. The school will arrive late Saturday night and the directress of the school, Miss Elizabeth Duncan, begs you for the sake of the children's health and peace not, under any circumstances, to visit them either upon arrival or departure. You will have an opportunity to see your little daughter Irma after the performance around three o'clock in the dressing room backstage.

\\

В эту зиму в Гамбурге мать получила письмо:

Школа Айседоры Дункан будет в воскресенье в один час в театре Талия в Гамбурге. Мы попросили руководство забронировать два места в вашем распоряжении. Школа прибудет поздно вечером в субботу, а директриса школы, мисс Элизабет Дункан, просит вас ради здоровья и мира детей, и ни при

каких обстоятельствах, не посещать их ни по прибытии, ни при отъезде. У вас будет возможность увидеть свою маленькую дочь Ирму после выступления около трёх часов в раздевалке за кулисами.

After the performance the children are invited to a tea party given by the local committee for the support of the school. Since the departure is set for six o'clock, it will be impossible for Miss Duncan to permit you to take your little daughter home for the afternoon. The shortness of time and other considerations will make it otherwise difficult for Miss Duncan to keep the necessary control over her charges for whom she is responsible.

\\

После выступления дети приглашаются на чаепитие, предоставленное местным комитетом для поддержки школы. Поскольку выезд будет установлен на шесть часов, мисс Дункан не сможет позволить вам забрать свою маленькую дочь домой на второй половине дня. Кратковременность времени и другие соображения затруднят мисс Дункан контролировать своих подопечных по времени, за что она несёт ответственность.

As well can be imagined, mother felt like rejecting these demands. The middle-aged spinster who caused them to be written obviously did not understand or sympathize with a mother's feelings. However, not wanting to cause any trouble and familiar with Elizabeth's Spartan tactics, she decided to abide by the rules. Mother came backstage after the matinee, her arms laden with flowers. She handed several small bouquets to her favorites and the biggest one to me. She hugged me and said, "All of you danced so beautifully." Then she kissed me and whispered, "But oh, Irma, you were simply wonderful!"

\\

Также можно представить себе, что мать хотела отказаться от этих требований. Старуха среднего возраста, которая решила их написать, очевидно, не понимала и не сочувствовала чувствам матери. Однако, не желая причинять никаких проблем и знакомя со Спартанской тактикой Элизабет, она решила соблюдать правила. Мать зашла за сцену после утреннего представления, её руки были нагружены цветами. Она передала несколько небольших букетов фавориткам и самой большой для меня. Она обняла меня и сказала: «Все вы так красиво танцевали». Затем она поцеловала меня и прошептала: «О, Ирма, ты просто замечательная!»

Mother had good reason to be proud of me, for only a year ago I had lived at home inconspicuous as a blade of grass; then events in my young life moved so fast that here I was returning to my home town dancing at the same theatre Isadora Duncan had appeared in that memorable week of our first encounter. In the interim I had not only made my dance debut and gone on tour, but I was already featured in two solo numbers of my own choreography. Enough to encourage any talented youngster, no matter what restrictions were necessary to achieve success. Mother must have realized this when, after once more requesting permission to take me home and being

refused by Tante Miss, she did not insist on her inviolable parental rights. Since I was a scholarship pupil, Tante Miss considered me school property, and there was nothing mother could do but take me away for good. Knowing how much I loved dancing and being Isadora's pupil, she naturally did not wish to hurt my chances.

\\

Мать имела все основания гордиться мной, ведь всего год назад я жила дома незаметно, как травинка; а тогда события в моей молодой жизни двигались так быстро, что здесь я возвратилась в свой родной город, и танцевала в том же театре, где Айседора Дункан появилась в ту незабываемую неделю нашей первой встречи. Тем временем я не только дебютировала в своём танце, но и отправилась в тур, причём я уже была показана в двух других сольных номерах моей собственной хореографии. Достаточно поощрять любого талантливого подростка, независимо от того, какие ограничения необходимы для достижения успеха. Мать, должно быть, осознала это, когда после того, как снова потребовала разрешения взять меня домой и получила отказ от Танте Мисс, она не настаивала на своих неприкосновенных родительских правах. Поскольку я была учеником на стипендии, Танте Мисс считала меня школьной собственностью, и мать не могла ничего сделать, кроме как увести меня навсегда. Зная, насколько я любила танцевать и быть ученицей Айседоры, она, естественно, не хотела повредить моим шансам.

Actually, however, none of us really knew what our future was to be at that extraordinary institution dedicated to an untried, idealistic experiment. Doubts of any sort were hardly ever raised by those who saw us dance, but there happened to be someone among the spectators that day in Hamburg who did voice them. His article was signed only with the initials V.M.:

\\

На самом деле, однако, никто из нас не знал, каким будет наше будущее в этом необычном институте, посвященном неопытным, идеалистическим экспериментам. Сомнения вряд ли когда-либо возникали у тех, кто видел нас в танце, но в тот день в Гамбурге кто-то из зрителей произнёс их. Его статья была подписана только с инициалами В.М.:

The house was well attended, everyone was delighted and enthusiastic. The contrast was immense. In the middle of a snowy winter's day this charming idyll of spring, these tender human buds who devote themselves with such earnestness and understanding, and at the same time with all the grace and ease of youth, to this art although they can't possibly know what it will later offer them in return for all this devotion.

\\

Дом был хорошо посещаем, все были в восторге и полны энтузиазма. Контраст был огромен. В середине снежной зимы эта очаровательная идиллия весны, эти нежные человеческие бутоны, которые посвящают себя такой серьезности и взаимопониманию, и в то же время со всей милостью и легкостью молодости,

этому искусству, хотя они не могут знать, что он позже предложит им в обмен на всю эту преданность.

This thought must occur immediately to every philanthropist. And it is reassuring to learn from the school prospectus that the leaders of the Duncan Dance School have taken this point well into consideration, that they are preparing their pupils adequately for the struggle of existence.

\\

Эта мысль должна приходить на ум немедленно перед каждым филантропом. И обнадеживает, как можно узнать из школьного проспекта, что руководители школы танца Дункан учли эту точку зрения, что они адекватно готовят своих учеников к борьбе за существование.

There also arises another concern as one views this performance for the second time. Will this art be strong enough to continue to hold attention, or is it merely a beautiful dream, which one may dream only once? . . . But it can't be denied that it is a beautiful art, in its present form perhaps not yet an end in itself, but surely a good seed to which one may wish a favorable growth and fruitful ripening.

\\

Также возникает другая проблема, когда вы просматриваете это представление во второй раз. Будет ли это искусство достаточно сильным, чтобы продолжать удерживать внимание, или это просто прекрасный сон, о котором можно только мечтать? ... Но нельзя отрицать, что это прекрасное искусство, в его нынешнем виде, возможно, ещё не самоцель, но, несомненно, хорошее семя, которому можно пожелать благоприятного роста и плодотворного созревания.

During the first year at school we developed a strong attachment to our pretty young nursemaids, a brunette and a blonde, Fraulein Lippach and Fraulein Konegen. The day they packed their things and departed, what a wailing went up among the smaller children! Tante Miss, however, was deaf to our laments and remained adamant in dismissing them. What we needed, she explained, was an English governess, so we could learn to speak English. I had learned my first English words at Isadora's knee when she taught her pupils to recite Keats' immortal lines: "Beauty is Truth, Truth Beauty, - that is all / Ye know on earth, and all ye need to know." "That is the motto of our school," she said, "and I want each and every one to learn these lines by heart."

\\

В первый год обучения в школе мы развили сильную привязанность к нашим симпатичным молодым нянькам, брюнетке и блондинке, Фрейлейн Липпах и Фрейлейн Конеген. В тот день, когда они собрали свои вещи и ушли, какой плач поднялся среди маленьких детей! Танте Мисс, однако, была глуха к нашим жалобам и оставалась непреклонной в их увольнении. По её словам, нам нужна была английская гувернантка, чтобы мы могли научиться говорить по-английски. Я узнала свои первые английские слова на колене Айседоры, когда она учила своих учеников читать бессмертные строки Китса:

«Красота - это Истина, Истина Красива» - это всё что / Вы знаете на земле и всё, что вам нужно знать».

«Это девиз нашей школы, - сказала она, - и я хочу, чтобы все и каждый заучил эти строки наизусть».

If she could only have remained with us, and continued to instruct us in this way, what a difference it would have made in our young lives! Instead of growing up directly under her benign influence, we were subjected to all kinds of indignities and abuses under the regime of our new English governess, a veritable ogre if there ever was one. A woman of vague features, completely colorless, with bad teeth and pale gums, she struck terror in our hearts the moment we laid eyes on her. She had, besides, the revolting habit of cracking her knuckles incessantly; we were convinced she cracked them even in her sleep. And her methods of teaching discipline were thoroughly antiquated. She treated us as if we were hard metal and she a blacksmith hammering us into shape.

\\

Если бы она осталась только с нами и продолжала наставлять нас таким образом, какая различие было бы в нашей молодой жизни! Вместо того, чтобы подрастать непосредственно под её доброкачественным влиянием, мы подвергались всяким унижениям и злоупотреблениям при режиме нашей новой английской гувернантки, настоящего людоеда, если таковой когда-либо был. Женщина с расплывчатыми чертами, совершенно бесцветная, с плохими зубами и бледными деснами, она поражала нас в сердце, когда мы смотрели на неё. Кроме того, у неё была отвратительная привычка беспрестанно ломать суставы; мы были убеждены, что она ломала их даже во сне. И её методы преподавания дисциплины были полностью устаревшими. Она относилась к нам так, как будто мы были твёрдым металлом, а она кузнец, который забивает нас в форму.

I would not be living up to the maxim Isadora taught us if, in this history of her school, I refrained from telling the whole truth, the good and the bad. "The web of our life is of a mingled yarn, good and ill together." In later years, when we were grown up, we often would harp on this unhappy period in our childhood, much to Isadora's annoyance. Finally she was driven to exclaim, "Why do you girls always talk about the bad things? Why don't you sometimes also remember the beautiful things that happened to you at school? I am sure there was more of that in the long run."

\\

Я бы не дожидаясь до правил поведения, которым Айседора научила нас, если в этой истории её школы я воздержалась бы от того, чтобы рассказывать всю правду, хорошее и плохое. «Сеть нашей жизни - смешанная пряжа, хорошая и гибельная вместе». В более поздние годы, когда мы выросли, мы часто возвращались в этот несчастливый период в нашем детстве, к большому раздражению Айседоры. Наконец, её вынудили воскликнуть: «Почему вы, девочки, всегда говорите о плохих вещах? Почему бы вам иногда не помнить

прекрасные вещи, которые случались с вами в школе? Я уверена, что в конечном итоге этого было больше. "

And so it undoubtedly was. However, it is a queer quirk of the human mind to recall the unhappy things of childhood more vividly than the beautiful. The good things are taken for granted by children. Cruel treatment comes as a shock and is resented and has psychologically a traumatic effect, sometimes with bad results. I firmly believe that stupidity is the root of all evil. There were unhappy things that can definitely be traced to the stupidity of our English governess and the unenlightened attitude of Tante Miss when it came to cruel treatment. Their behavior was in direct contravention of the instructions of Isadora, who did not believe in punishment and personally used only logical reasoning to correct our misdeeds. Unfortunately, her prolonged absences made her completely unaware of what went on in the intimate lives of her charges. Insufficient control and superintendence is the only blame attached to her, since she sincerely believed that by placing us in the trusted care of her sister, she had left us in the best of hands.

\\

И это, несомненно, было. Тем не менее, это странная причуда человеческого ума, чтобы вспомнить несчастные вещи детства более ярко, чем красивые. Хорошие вещи воспринимаются детьми как должное. Жестокое обращение приходит как шок и возмущает и имеет психологически травматический эффект, иногда с плохими результатами. Я твердо верю, что глупость - корень всего зла. Были несчастные вещи, которые можно определенно проследить до глупости нашей английской гувернантки и непросветленного отношения Танте Мисс, когда дело дошло до жестокого обращения. Их поведение прямо противоречило указаниям Айседоры, которая не верила в наказание, и лично использовала только логические аргументы, чтобы исправить наши проступки. К сожалению, её длительные отсутствия заставили её полностью не знать о том, что происходило в интимных жизнях её подопечных. Недостаточный контроль и надзор - единственная вина, привязанная к ней, поскольку она искренне верила, что, поставив нас на доверительную заботу сестре, и оставила нас в лучших руках.

With the arrival of our hated governess I, for one, developed a real propensity for what she called "being naughty," and the occasions when I was sent hungry to bed were innumerable. Often, when I disobeyed, the governess tied me to the foot of my bed, leaving me there for hours like a martyr at the stake. Her sadistic corporal punishments belonged to the dark ages, and after she had inflicted this hurt I would weep and look at the picture of my guardian angel. Where was Isadora? I could not understand why she was never there when we needed her in this beautiful house in the pine forest, which she had wanted to be a children's paradise. She herself found Grunewald to be "very melancholy" when she did return. No wonder!

\\

С приходом нашей ненавистной гувернантки я, например, развила реальную склонность к тому, что она называла «непослушанием», и случаи, когда меня

отправляли голодать в постель, были бесчисленными. Часто, когда я ослушывалась, гувернантка привязывала меня к подножию моей постели, оставляя меня там часами, как мученика на костре. Её садистские телесные наказания принадлежали тёмным векам, и после того, как она нанесли эту боль, я заплакала и посмотрела на картину моего ангела-хранителя. Где была Айседора? Я не могла понять, почему она никогда не была там, когда мы нуждались в ней, в этом прекрасном доме в сосновом лесу, который она надеялась видеть детским раем. Она сама нашла Грюневальд «очень меланхоличным», когда она вернулась. Неудивительно!

No use complaining to Tante Miss; she knew very well what went on and punished us herself, only in subtler ways. Writing to mother was of no avail; all our mail had to be censored. I felt trapped. Then I thought of our kindly old Norwegian cook. Frequently, out of pity, she would surreptitiously slip me a slice of dark, dry bread when I had been sent to bed without my supper. With her help, I managed to smuggle a letter out to mother.

\\

Нет смысла жаловаться на мисс Танте; она очень хорошо знала, что происходит, и так же наказывала нас, только более тонко. Письмо матери не имело смысла; вся наша почта должна была подвергаться цензуре. Я чувствовала себя в ловушке. Потом я подумала о нашем добром старом норвежской поварихе. Часто, из жалости, она незаметно вытаскивала мне кусочек тёмного сухого хлеба, когда меня отправляли спать без моего ужина. С её помощью мне удалось вынести письмо матери.

Within a few days mother's short telegram, saying "I am coming to take Irma home," came as a great surprise to Tante Miss. That was the last thing she wanted to happen. In a state of considerable alarm for fear Isadora would hear of this, she called me to her study for a private interview, something she had never done before. By cajolery and flattery she finally persuaded me to change my mind, but not until she had promised to stop the more cruel kinds of punishment. When mother came, some blind, childish loyalty to my absent idol made me refrain from telling her everything. Her protests to Tante Miss did some good, for the harsher treatment ceased, but she could not persuade me to go home. "Just for a little while," she urged, "till Isadora returns and we can explain it all to her directly. I know she will understand. She was very nice to me and said such nice things about you the last time I saw her. "But I heard an inner voice prompting me: "Don't go. Stay here. This is where you belong."

\\

В течение нескольких дней короткая телеграмма мамы, в которой говорилось: «Я собираюсь приехать, чтобы забрать Ирму домой», стала большой неожиданностью для Танте Мисс. Это было последнее, что она хотела. В состоянии большой тревоги за то, что Айседора услышала об этом, она вызвала меня в кабинет для частного интервью, чего она никогда не делала раньше. Посредством уговоров и лести она, наконец, убедила меня передумать, но только после того, как она пообещала прекратить более жестокие виды

наказания. Когда приехала мать, какая-то слепая, ребяческая преданность моему отсутствующему идолу заставила меня воздержаться от того, чтобы всё рассказать ей. Её протесты к Танте Мисс сделали что-то благоприятное, потому что более суровое лечение прекратилось, но она не смогла убедить меня вернуться домой. «На какое-то время, - убеждала она, - до тех пор, пока Айседора не вернется, и мы всё можем объяснить ей прямо. Я знаю, что она поймёт. Она была очень любезна со мной и рассказала о таких благоприятных вещах о тебе, в последний раз, когда я видела её. «Но я услышала внутренний голос, который подсказывал мне: «Не уходи. Оставайся здесь, это то место, где ты всегда была своей.»»

Usually, with the coming of spring, we could count on our idol's return. And, as anticipated, one fine morning in early May she breezed in, looking radiant in a brown and pink traveling costume. Her small brown cap had a pink chiffon veil becomingly draped around it. (She loved veils and wore them in various attractive ways.) All unhappiness was instantly erased from our minds; we gathered about her with happy smiles. Then she asked us to dance. That was always the first thing she wanted to see. Afterwards we were called into the library, the most elegant room in the house, where the two sisters were seated together on the couch below the big window. We knew something was in the wind or we would not have been asked to come there. Isadora said:

\\

Обычно, с наступлением весны, мы могли рассчитывать на возвращение нашего кумира. И, как и ожидалось, в одно прекрасное утро в начале Мая она появилась, выходящая в коричневом и розовом костюме. У её маленькой коричневой шапки была покрывалом розовая шифоновая вуаль. (Она любила вуали и носила их различными привлекательными способами.) Все несчастье мгновенно стерлось из наших умов; мы собрались вокруг неё со счастливыми улыбками. Затем она попросила нас потанцевать. Это всегда было первое, что она хотела увидеть. Затем нас вызвали в библиотеку, самую элегантную комнату в доме, где две сестры сидели на диване под большим окном. Мы знали, что что-то произошло, или нас бы не просили прибыть туда. Айседора сказала:

"You have danced so well I would like to take all of you to have tea at my apartment. But it is just a small place, so I can ask only four or five." With her sister's permission she invited three of the smaller ones and her niece. Then she said, "And I would like Irma to come too." I glanced in agitation at Tante Miss, who of late had substituted deprivation of privileges for corporal punishment. She stared at me, wrinkled her brow, smacked her tooth, and said flatly, "Irma cannot go; she has been naughty."

\\

«Вы так хорошо танцевали, я хотел бы взять всех вас, чтобы выпить чаю в моей квартире, но это всего лишь небольшое место, поэтому я могу попросить только четыре или пять». С разрешения сестры она пригласила трёх меньших и её племянницу. Затем она сказала: «И я бы хотела, чтобы Ирма тоже пришла».

Я взволнованно взглянула на Танте Мисс, которая в последнее время заменила телесные наказания на лишение привилегий. Она уставилась на меня, сморщила лоб, хлопнула зубами и сказала ровно: «Ирма не может пойти, она была непослушной».

I could not recall what sin I had committed; I never could. My trespasses consisted entirely of talking back, for I never did anything really bad. Nor, as far as I remember, did the other children ever commit any really offensive acts. I was close to tears and stood there shamefacedly with lowered eyelids, scraping my foot on the carpet. Isadora, who had just seen me dance my "Poor Orphan Child" for the first time and liked it, said placatingly to her sister,

"Oh, Elizabeth, let's make an exception for once and let her go."

"No, that would be a bad example for the others. I am sorry, but I can't allow it."

\\

Я не могла вспомнить, какой грех я совершила; Я никогда не могла. Мои посягательства состояли полностью из разговоров, потому что я никогда не делал ничего плохого. Насколько я помню, другие дети никогда не совершали каких-либо наступательных действий. Я была близка к слезам и стыдливо стояла с опущенными веками, соскабливая ногу на ковре. Айседора, которая только что увидела, что я впервые танцую своего «Бедного сиротского ребёнка», и я понравилась ей тогда, сказала умиротворенно своей сестре: «О, Элизабет, давай сделаем исключение на один раз и отпустим её». «Нет, это будет плохой пример для других. Мне жаль, но я не могу этого допустить».

Isadora was not in the habit of being contradicted by anyone. However, she did not say anything further, although she seemed annoyed. While the other invited children rushed upstairs to don their party clothes (the new swansdown-trimmed dresses Isadora had given us for Christmas), I lingered in the hall trying to hide my tears. Suddenly I felt a light touch on my shoulder. I turned around and there was Isadora whispering quickly, "Shh, keep quiet, darling! Go and get dressed and then wait in my carriage, but don't let anyone see you! Hurry!"

\\

Айседора не имела привычки противостоять кому-либо. Однако, она больше ничего не говорила, хотя казалась раздраженной. В то время как другие приглашенные дети бросились наверх, чтобы надеть свою вечернюю одежду (новые платья с отделкой, которые Айседора подарила нам на Рождество), я задержалась в зале, пытаюсь скрыть слезы. Внезапно я почувствовала лёгкое прикосновение к моему плечу. Я обернулась, и Айседора быстро прошептала: «Тсс, успокойся, дорогая! Иди и оденься, а потом подожди в моей коляске, но не позволяй никому видеть тебя! Скорее!»

How we children giggled at the wonderful trick Isadora had played on old Tante Miss! When we arrived at the apartment in Hardenbergstrasse, we found Gordon Craig seated there on the sofa smoking a pipe. I had not seen him since that day in

Hamburg over a year ago. After tea, Isadora took a stack of her photographs out of a drawer and threw them on the floor saying, "Here they are, children; pick any picture you like and I will autograph it for you!"

\\

Как мы, дети, хихикали тогда от прекрасного трюка, который Айседора сыграла со старой Танте Мисс! Когда мы прибыли в квартиру на Харденбергштрассе, мы обнаружили, что Гордон Крейг сидит на диване, куря трубку. Прошёл год, как я не видела его, с того дня в Гамбурге. После чая Айседора достала стопку своих фотографий из ящика и бросила их на пол, сказав: «Вот, дети, выбирайте любую картинку, которая вам нравится, и я дам автограф для каждой!»

While we carefully made our individual choices, she and Craig sat together watching us with the affection of indulgent parents. It gave me such a comfortable, homey feeling. Children always crave affection and loving kindness, and parents try to give it to them. But children harbored in an institution, no matter how humane the treatment, are starved for that loving individual attention of caresses and endearments that a mother usually bestows on them. Most regrettably, Elizabeth Duncan, in whose charge we were left and to whom we instinctively turned for those signs of comfort and affection, never-in all the years we were in her care-offered an endearment or a gentle pat on the cheek to any of her pupils. That is why most of them did not feel any affection for her either.

\\

В то время как мы тщательно делали свой индивидуальный выбор, она и Крейг сидели вместе, наблюдая за нами с лаской снисходительных родителей. Это дало мне такое удобное, домашнее чувство. Дети всегда жаждут расположения и родительской снисходительности, и родители пытаются им их дать. Но дети, закрытые в учреждении, независимо от того, насколько гуманно это обращение, испытывают недостаток любящего индивидуального внимания, ласок и выражений нежности, которые мать обычно даёт им. К сожалению, Элизабет Дункан, на чье попечение мы были оставлены, и к которой мы инстинктивно обращались за такими признаками комфорта и привязанности, никогда - за все годы, когда мы были на её пути, - не допускала хотя бы ласковое или нежное поглаживание по щеке кого-либо из её учеников. Вот почему большинство из них не испытывало к ней никакой привязанности.

With Isadora it was entirely different. Children know instinctively when they are loved. That afternoon in her apartment we were completely happy. She autographed all our photographs, inscribing mine "With love and kisses." I hugged the pretty picture to my breast and carried it back to school like a trophy.

\\

С Айседорой все было иначе. Дети знают инстинктивно, когда их любят. В тот день в её квартире мы были полностью счастливы. Она автографировала все наши фотографии, написав мне «С любовью и поцелуями». Я обняла красивую картинку на груди и отнесла её обратно в школу, как трофей.

Irma and Isadora, Neuilly, 1908.

Gordon Craig and Isadora, Berlin, 1904.

Irma and Isadora, Neuilly, 1908.

Gordon Craig and Isadora, Berlin, 1904.

As if she had sensed what troubled her little pupils and had seen into their hearts, she came next day to Grunewald to teach us an unforgettable lesson. Early in the morning, while we sat at our desks, she opened the door and entered the classroom. Our teacher and the entire class rose to their feet.

\\

Словно она почувствовала, что беспокоит её маленьких учеников, и увидела их сердца, поэтому на следующий день она снова приехала в Грюневальд, чтобы дать нам незабываемый урок. Рано утром, пока мы сидели у наших столов, она открыла дверь и вошла в класс. Наш учитель и весь класс поднялись на ноги.

"Good morning!" Isadora said cheerfully. "Please be seated and don't let me interrupt." Turning to our schoolmarm, Frau Zschetzsching, who sat at her desk on a raised dais looking very prim in a white blouse with high boned collar and hair done up in a pompadour, Isadora said, "Please continue with whatever you were studying. I'll sit here quietly and listen."

\\

"Доброе утро!" - радостно сказала Айседора. «Пожалуйста, сядьте, я не хочу вас прерывать». Обращаясь к нашей школьной учительнице, фрау Зшецшинг, которая сидела за своим столом на возвышенной кафедре, выглядящей очень грустно в белой блузке с высоким костяным воротником и волосами, сделанными в помпадур (высокая прическа с валиком), Айседора сказала: «Пожалуйста, продолжайте всё, что вы изучаете. Я буду сидеть здесь тихо и слушать.»

Our schoolmarm was flustered in front of the famous personage whose acquaintance she had not made before, this being Isadora's first visit to her classroom. "We were doing arithmetic," she answered, "but I don't think that will interest you, Miss Duncan. Let us turn to another subject. Would you like to hear the children recite poetry?"

"Yes, I love poetry, that would be very nice."

\\

Наша учительница была взволнована перед знаменитым персонажем, чьё знакомство она не имела раньше, - это был первый визит Айседоры в её класс. «Мы занимались арифметикой, - ответила она, - но я не думаю, что это вас заинтересовало бы, мисс Дункан. Давайте перейдём к другому вопросу. Хотели бы вы, чтобы дети читали стихи?»
«Да, я люблю поэзию, это было бы очень приятно».

Although we had no inhibitions about dancing before a public, we all were tongue-tied and embarrassed to stand up and recite. The stuttering and loss of memory were pitiful to hear. It was in turn painful for us to see our schoolmarm's angry discomfiture mounting by the minute and Isadora's puzzled look as she made a concentrated effort to understand our incoherent German. With an embarrassed smile, Frau Zschetzsching finally said,

\\

Хотя у нас не было никаких запретов танцевать перед публикой, все мы были привязаны к языку, и слишком смущены, чтобы встать и читать. Заикание и потеря памяти были жалкими. В конце концов, нам было больно видеть, как разом разозлилась наша учительница, и озадаченный взгляд Айседоры, когда она сосредоточилась на том, чтобы понять наш бессвязный немецкий. С неудовлетворенной улыбкой фрау Зшецшинг, наконец сказала:

"Well, they don't seem to be in very good form today. I think, perhaps, with the Gniidige Frau's permission ..."

"May I put a question to them?" Isadora interrupted her.

"Of course." Our schoolmarm looked relieved. Isadora stood up, assumed her familiar stance with head slightly inclined to one side and chin tilted upwards, while all eyes were riveted on her.

"Tell me, children," she said earnestly, "what is the greatest thing in life?"

\\

«Ну, похоже, сегодня они не очень хороши. Думаю, возможно, с разрешения Фрау Гнинидж...»

«Могу я задать им вопрос?» Айседора прервала её.

«Конечно.» Наша учительница выглядела уже более спокойной. Айседора встала, приняв привычную для неё позицию, слегка склонила голову набок, и подбородок наклонился вверх, а все наши глаза были прикованы к ней.

«Скажите мне, дети, - сказала она искренне, - что самое замечательное в жизни?»

A ray of intelligence flowed back into our dull minds. Instantly, a flurry of hands shot into the air, furiously wigwagging for attention. The answer to that one was obvious. We all knew it. So when she asked, we all shouted in unison, "To dance!" and sat back with an expression of triumph on our shining faces. But Isadora sadly shook her head. We could not believe our ears when we heard her say, "No, dancing is not the greatest thing in life."

\\

Лучи интеллекта вернулись в наши скучные умы. Мгновенно руки взметнулись в воздух, яростно привлекая внимание. Ответ на этот вопрос был очевиден. Мы все это знали. Поэтому, когда она спросила, мы все кричали в унисон:

«Танцевать!» и сидели с торжеством на наших сияющих лицах. Но Айседора печально покачала головой. Мы не могли поверить своим ушам, когда услышали, как она сказала: «Нет, танцы - это не самое лучшее в жизни».

That sounded like heresy, coming from her-of all people-the greatest dancer in the world! What could it be? Music? Painting? Singing? Our choices showed the influence of our thorough artistic education. No, no, no, none of those, she told us. We gave up. Lifting one forefinger for emphasis, she announced in a clear, vibrant voice:

"The greatest thing in life is-LOVE!"

\\

Это звучало как ересь, исходящая от неё - из всех людей - величайшая танцовщица в мире! Что бы это могло быть? Музыка? Живопись? Пение? Наш выбор показал влияние нашего глубокого художественного образования. Нет, нет, нет, ничто из этого, сказала она нам. Мы сдались. Подняв один указательный палец для акцента, она объявила ясным, энергичным голосом: «Самое великое в жизни - это ЛЮБОВЬ!»

We stared at her dumbfounded. She turned for corroboration to our schoolmarm and asked, "Is it not true?" To our astonishment, the prim schoolteacher had turned crimson with confusion. Delighted with the dramatic effect she had created, Isadora waved a graceful farewell, said "Adieu!" and disappeared.

\\

Мы уставились на неё ошеломленными взглядами. Она обратилась за советом к нашей учительнице и спросила: «Разве это не так?» К нашему удивлению, классный учитель превратилась в пурпурное смущение. Пораженная драматическим эффектом, который она создала, Айседора махнула нарядным прощанием, сказала: «Адью!», и исчезла.

No sooner was the door closed than a chorus of eager voices questioned our schoolmarm. "What did she mean, Frau Zschetzsching? Why is love the greatest thing? Why, why, why?" She rapped her desk for order and said, "Be quiet! Sit down, and I will explain."

\\

Как только дверь закрылась, так хор из нетерпеливых голосов допросил нашу учительницу. «Что она имела в виду, фрау Зшеццинг? Почему любовь величайшая? Почему, почему, почему?» Она постучала по своему столу для порядка и сказала: «Тишина, садитесь, и я объясню».

Slowly she opened a drawer of the desk and drew forth a black book. We recognized it as the New Testament, from which she read us a lesson each day. With a solemn expression, she announced, "Let me read you a verse from First Corinthians." While we sat with hands folded in prayer and assumed the proper, pious mien expected of us, she intoned:

\\

Медленно она открыла ящик стола и вытащила чёрную книгу. Мы узнали это как Новый Завет, из которого она читала нам урок каждый день. С торжественным выражением она объявила: «Позвольте мне прочитать вам стих из Первого Коринфяна». Пока мы сидели, скрестив руки в молитве, и предположили, что нас ожидали правильные, благочестивые манеры, она произнесла:

"Though I speak with the tongue of men and of angels, and have not love, I am become as sounding brass, or a tinkling cymbal" and she continued through the whole thirteenth chapter, which ends, "And now abideth faith, hope, love, these three; but the greatest of these is love."

\\

«Хотя я говорю языком человеческим и ангельским, и у меня нет любви, я становлюсь звучащей медью или звенящей цимбалой», и она продолжила всю тринадцатую главу, которая заканчивалась: «И теперь пребывает вера, надежда, любовь, все эти три, но величайшая из них - любовь».

Our teacher fixed us with a stern look. "This, my dear children, is what Miss Duncan meant when she said the greatest thing in life is love." She closed the book with a loud thud and said, "Class dismissed!"

\\

Наша учительница пристально посмотрела на нас. «Это, мои дорогие дети, это то, что имела в виду мисс Дункан, когда она сказала, что величайшая вещь в жизни - это любовь». Она громко захлопнула книгу и сказала: «Класс окончен!»

It was entirely by chance (because printed material of that sort was carefully kept away from our hands) that a few weeks later we saw an item in an illustrated weekly telling of Isadora's marriage to Gordon Craig. Naturally Isadora's personal life was a closed book to her young disciples, so this piece of news aroused the wildest interest. There was one thing we could not comprehend-why had we not been told? Surely, if this story were true (we had no way of knowing then that it was not), we reasoned that we would have heard about it from Tante Miss. This fascinating news item remained an unsolved riddle as far as Isadora's pupils were concerned.

\\

Как-то совершенно случайно (потому что печатные материалы такого рода были тщательно убраны из наших рук), через несколько недель мы увидели статью в иллюстрированной еженедельнике, рассказывающий о браке Айседоры с Гордоном Крейгом. Естественно, что личная жизнь Айседоры была закрытой книгой для её юных учениц, поэтому эта новость вызвала самый дикий интерес. Было одно, чего мы не могли понять - почему же нам ничего не сказали? Конечно, если бы эта история была правдой (мы тогда не знали, что это не так), мы рассуждали о том, как бы мы узнали об этом от Танте Мисс. Этот увлекательный новостной сюжет оставался нерешенной загадкой для учениц Айседоры.

For a whole year thereafter we did not obtain as much as a glimpse of her. She was at that time expecting the birth of her first child at a secluded beach cottage in Nordwyck, Holland-fact of which her pupils were kept in strict ignorance. She had invited her niece to visit her and had included Erica and me too, but Tante Miss as usual said No. So that we would not feel too disappointed, Isadora in the kindness of her heart sent us some toys. I remember the penciled note she included saying: "Dear Irma, Here is a lamb for you and a pink kitten for little Erica. Love, Isadora." I treasured the note more than the toy lamb on wheels, for which I considered myself too old, as I had reached the ripe age of ten.

\\

В течение целого года после этого мы не получали большего, и только мельком видели её. В то время она ожидала рождения своего первого ребёнка в уединённом домике на пляже в Нордвике, Голландия, о котором её ученики держались в строгом неведении. Она пригласила свою племянницу навестить её, включила Эрику и меня тоже, но Тante Мисс, как обычно, сказала «Нет». И чтобы мы не почувствовали бы себя слишком разочарованными, Айседора, по доброте своего сердца, послала нам игрушки. Я помню записку карандашом, в которой она написала: «Дорогая Ирма, вот ягнёнок для тебя и розовый котёнок для маленькой Эрики. Люблю, Айседора». Я запомнила записку больше, чем игрушечного ягнёнка на колесах, для которого я считала себя слишком взрослой, так как уже достигла зрелого возраста в десять лет.

Years later, I found a thought she wrote in her diary while awaiting her first born. It said: "Yellow tulips, white hyacinths, great window spaces of sky, black steps leading to a balcony-four red pillars. Dearest Baby, if you can remember these things and always love them."

\\

Годы спустя я нашла мысль, которую она записала в своём дневнике, ожидая своего первенца. В ней говорилось: «Желтые тюльпаны, белые гиацинты, большие оконные пространства неба, глухой звук шагов, ведущих к балкону, - и четыре красные колонны. Дорогой Малыш, если ты помнишь эти вещи и всегда любишь их».

When at last we saw her again in Grunewald the following spring she appeared with a sweet blue-eyed baby in her arms. Her own contribution to "the greatest thing in life." She held the child up for all of us to see and admire and said, "Very soon, she will be the youngest pupil in the school."

\\

Когда, наконец, мы снова увидели её в Грюневальде следующей весной, она появилась с голубоглазым младенцем на руках. Её собственный вклад в «величайшую вещь в жизни». Она держала ребёнка наверху для всех нас, чтобы мы могли увидеть и полюбоваться, и сказала: «Очень скоро она станет младшим учеником в школе».

-=4=-

European Tour Европейский тур

It was night and the train sped eastward. We always traveled third class. At night the smaller children, leaving the hard benches for the older girls to stretch out on, climbed up into the Gepaecknetz, a luggage rack that was shaped like a tiny hammock though it was not as comfortable. The iron braces hurt my back even though I tried to pad them with my coat or woolen shawl. However, it was better to lie down, no matter how uncomfortably, than to sit up all night.

\\

Это была ночь, и поезд мчался на восток. Мы всегда путешествовали по третьему классу. Ночью маленькие дети, оставляя твердые скамейки для старших девушек, чтобы те могли растянуться, взобрались в Гепаекнетц, на багажную полку (сетку), которая была похожа на крошечный гамак, хотя там было не так удобно. Железные скобки повредили мне спину, хотя я и пыталась надеть пальто или шерстяную шаль. Но, лучше было лечь, хоть бы и неудобно, чем сидеть всю ночь.

Contrary to the policy of the school (that we were not to appear on the stage together with our famous teacher until we reached the age of seventeen), Isadora had decided to take us on tour with her. All agog over the big adventure, I could hardly sleep, knowing that at this moment, in the middle of winter, we were traveling at top speed to St. Petersburg in Russia. What a fantastic place the name alone conjured up in my lively imagination! I had read about that frozen land to the north where fierce animals, such as wild bears and wolves, roamed through the endless forests; and of the cities where men called tsars lived in courts of Oriental splendor, speaking a barbaric tongue no one could understand.

\\

Вопреки политике школы (чтобы мы не появлялись на сцене вместе с нашим знаменитым учителем, пока не достигли семнадцати лет), Айседора решила взять нас с собой в тур. В ожидании большого приключения, я едва могла спать, зная, что в этот момент, в середине зимы, мы ехали с максимальной скоростью в Санкт-Петербург в России. Какое фантастическое место в моём оживленном воображении вызвало только название страны! Я читала об этой замерзшей земле на севере, где жестокие животные, такие как дикие медведи и волки, бродили по бесконечным лесам; и города, где люди называемые царями, жили в королевских дворах восточного великолепия, говоря на варварском языке, который никто не мог понять.

Though I was not, as a rule, a very good student-lapsing too often into daydreams during which I listened to the long-drawn hoot of the suburban trains and imagined I was on the way to some far-off place - I always gave undivided attention to

geography. It was my favorite subject. I did not have a good memory for verses, but the jingles Frau Zschetzsching taught us to remember geographical names, I seldom forgot. There was, for instance: "Ural Gebirge, Ural Fluss, Caspisches Meer und Caucasus." Was this an omen of the future? How was I to know that a time would come when I would traverse the Urals, the Caspian Sea, and all of the Caucasus on many occasions with the pupils of my own school to dance for the Russian people. Now as a child of ten, the largest part of Europe had appeared merely as a colored blotch on my geographical map. It was most exciting to see it take on actual dimension and reality.

\\

Хотя я не была, как правило, очень хорошим учеником, слишком часто впадающая в мечты, во время которых я слушала длинный гудки пригородных поездов и представляла, что я нахожусь в каком-то далеком месте - я всегда уделяла пристальное внимание географии. Это был мой любимый предмет. У меня не было хорошей памяти на стихи, но джинглы фрау Зшеццинг научили нас запоминать географические названия, которые я редко забывала. Например, были: «Уральские горы, Уральская река, Каспийское море и Кавказ.» Было ли это предзнаменованием будущего? Как я должна была знать, что придет время, когда я много раз пересеку Урал, Каспийское море и весь Кавказ, чтобы ученики моей собственной школы танцевали для русского народа. Теперь, будучи ребёнком десяти лет, большая часть Европы проявилась просто как цветное пятно на моей географической карте. Было очень интересно увидеть, как оно принимает реальное измерение и реальность.

This was vividly brought home to me the instant we changed trains at the frontier to the wider-gauged Russian cars, with a Russian conductor, big brass samovars of hot water for chai, and candles that burned during the night instead of gaslight. I kept my eyes glued to the window, as did all the other children, on the lookout for wolves and wild bears when the gloomy woods, deep in snow, stretched out on either side. But we saw nothing. That did not prevent us from having goose pimples all over.

\\

Это вылилось большим оживлением, когда на границе мы сменили поезд, на другой, с более широкими российскими габаритами, с российским проводником, большими медными самоварами с горячей водой для чая, и свечами, которые горели ночью, и не гасли. Я не сводила глаз с окна, как и все остальные дети, в поисках волков и диких медведей, когда мрачные леса, глубоко в снегу, тянулись с обеих сторон. Но мы ничего не видели. Это не мешало нам иметь гусиную кожу на всём протяжении пути.

All would have been perfect but for one thing. Dining car meals being far too expensive, Tante Miss provisioned us with a hamper of the most outlandish food. A faddist by nature, she was currently addicted to a health-food diet. Throughout the three long days of our trip she fed us, three times a day, nothing but dried figs, dried bananas, and nuts. "Don't make a fuss," she admonished me when I refused to eat any more. I tried to explain that my stomach was upset. She wouldn't hear of it. "Non-

sense, this is good for you," she insisted. "Just think of something else while you eat. The other girls seem to like it, why don't you?"

\\

Всё было бы идеально, но только с одной стороны. Обеденные дорожные блюда были слишком дорогими, Танте Мисс предоставила нам корзину самых диковинных блюд. Фанатик по своей природе, в настоящее время она пристрастилась к диете для здоровья. В течение трёх долгих дней нашей поездки она кормила нас три раза в день, - ничего, кроме сухого инжира, сушеных бананов и орехов. «Не беспокойся из-за пустяков», - увещевала она меня, когда я больше не хотела есть. Я попыталась объяснить, что мой желудок был расстроен. Она не хотела этого слышать. «Бессмыслица, это хорошо для тебя», настаивала она. «Просто подумай что-нибудь ещё, пока ешь. Другим девушкам нравится, почему тебе нет?»

There was no use protesting. No one could be more tyrannical than Tante Miss, and it was health-food diet or go hungry. I knew something awful would happen, and it did. As we stood disheveled, unwashed, and travel-weary in the middle of the elegant lobby of the best hotel in St. Petersburg, I experienced an awful attack of biliousness. While waiting there for our rooms to be assigned I saw, as through a green miasma, the golden open-caged elevator ride up and down discharging passengers, who leisurely wended their way toward the restaurant hidden behind pots of tall palms. The odor of expensive food wafted my way, together with the sounds of dinner music, the usual selections from The Gypsy Baron. And then it happened I Like a contagious wave, my sickness started to spread among the other girls. A group of green-looking children was led upstairs and put to bed. Tante Miss shook her head in dismay. "Too much excitement, I'm afraid," she said. We knew better. Too many dried bananas, figs, and nuts!

\\

Не было никакого протеста. Никто не мог быть более тираническим, чем Танте Мисс, и это была диета для здоровья или для голодания. Я знала, что произойдёт что-то ужасное, и всё. Когда мы стояли взъерошенными, невымытыми и утомившимися посреди элегантного вестибюля лучшего отеля в Санкт-Петербурге, я испытала ужасный приступ желчности. Пока я ожидала, что наши комнаты будут назначены, я видела, как в зелёном тумане, золотой лифт с кабиной с открытым корпусом, который двигался вверх и вниз, выгружая пассажиров, которые не спеша пробивались к ресторану, спрятанному за горшками с высокими пальмами. Запах дорогой еды доносился до меня вместе со звуками ужина, обычными подборками из «Цыганского барона». И вот это случилось. Как заразная волна, моя болезнь начала распространяться среди других девушек. Группа зеленых детей была поднята наверх и уложена в постель. Танте Мисс, с тревогой покачала головой. «Боюсь, слишком много волнений», - сказала она. Мы знали лучше. Слишком много сушеных бананов, инжира и орехов!

Feeling fine the next day, after a good night's rest in real beds and some real food, we made the acquaintance of St. Petersburg. In those forever vanished times the city was lively and brilliant in its mantle of deep snow. The jolly sleighrides from the hotel to the theatre and back every day were our special delight. To children, there is nothing quite so much fun as a ride in an open sleigh. There was always a long string of them when we sallied forth, since each accommodated only two passengers. The bulky clothes of the Isvostchik, with his long beard covered with frost, reminded us of Santa Claus. Off we went at a fast clip, sliding down the broad Nevsky Prospect, a bear rug across the knees and the merry tinkling of little bells in our ears, sounding so festive and gay we could hardly refrain from shouting for joy.

\\

Чувствуя себя прекрасно на следующий день, после хорошего ночного отдыха на настоящих кроватях и настоящей еды, мы познакомились с Санкт-Петербургом. В тех ожиданиях, что навсегда исчезли, город был живым и блестящим в своей мантии глубокого снега. Веселые сани из отеля в театр и обратно каждый день были нашим особым восторгом. Для детей нет ничего такого забавного, как поездка в открытых салазках. Когда мы выходили, возле них всегда была длинная очередь, так как в каждом из них было всего два пассажира. Громоздкая одежда извозчика с длинной бородой, покрытой морозом, напомнила нам о Санта-Клаусе. Мы пошли быстрым шагом, спускаясь по широкому Невскому проспекту, так медведи на коленях и весёлый звон маленьких колоколов в наших ушах, звучащий таким праздничным и весёлым, и мы едва ли могли удерживаться от крика радости.

Our first performance, on February 9, 1908, proved a gala event in the Russian capital. Presented as a benefit for a charitable organization under the august auspices of H.I.H. (His Imperial Highness) Grand Duchess Olga Alexandrovna, sister of the Tsar, it drew the elite and aristocracy of St. Petersburg society to the Maryinsky Theatre. Isadora danced her "Iphigenia" program, and we appeared at the very end in a "Werber Waltz" by Lanner, which she had choreographed and taught us in May of 1907, and which we had first performed in Mannheim that summer for the city's three-hundred-year jubilee. Isadora wrote of this dance:

\\

Наше первое выступление 9 февраля 1908 года стало событием в российской столице. Представленное как пособие для благотворительной организации под эгидой Её Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Александровны, сестры царя, привлекла элиту и аристократию петербургского общества к Мариинскому театру. Айседора танцевала её программу «Ифигения», и мы появились в самом конце, в «Приглашение к вальсу» Ланнера, которое она провела, и преподала нам в мае 1907 года, и с которым мы впервые выступили в Мангейме летом этого года на трехсотлетний юбилей. Айседора писала об этом танце:

*I taught them to weave and entwine, to part and unite, in endless rounds and successions. Now resembling the Loves of a Pompeian frieze, now the youthful Graces of Donatello, or again the airy flights of Titania's following, the light of inspiration and divine music shone in their youthful forms and faces. The sight of these dancing children was so beautiful it awakened the admiration of all artists and poets.**

**Life, p. 214.*

\\

Я научила их сплетаться и переплетаться, разделяться и объединяться, в бесконечных раундах и непрерывных рядах. Теперь похожие на Любовь Помпейского фриза, теперь юные грации Донателло, или снова воздушные полеты Титании, свет вдохновения и божественной музыки сиял в их юношеских формах и лицах. Вид этих танцующих детей был настолько прекрасен, что он пробудил восхищение всех художников и поэтов.*

* Жизнь, с. 214.

"How darling they are! Look at the one over there, isn't she cute! My, what beautiful hair! You must simply love to dance, you look so happy!" Such were the usual backstage compliments we heard when people crowded into our dressing room. But after that performance at the Maryinsky Theatre, there was so much Russian spoken it made my head swim. We all sighed with relief when the audience was gone.

\\

«Как они миленькие! Посмотрите на ту, что там, она, не так ли! Боже, какие красивые волосы! Вы должно быть просто любите танцевать, вы так счастливы!» Таковы были обычные закулисные комплименты, которые мы слышали, когда люди толпились в нашей раздевалке. Но после этого

выступления в Мариинском театре было так много русского, что заставило мою голову кружиться. Мы все с облегчением вздохнули, когда аудитория исчезла.

Then there was a soft knock at the door, and a soft voice said, "May I come in?" The moment she entered, we recognized Anna Pavlova. We had seen her dance in an old-style ballet the night before. She approached and kissed each one of us, murmuring "Dooshinka, dooshinka." + Dressed in a white gown with a long, glittering white shawl over her shoulders, she looked as she had on the stage-tiny, dainty, and very pretty with her dark hair tied back into a knot, ballerina-fashion. The young man with her carried a large box of candy which she offered us. Our hawk-eyed English governess stepped forward and took it away saying, "Sorry, Madame, but the children are not allowed to eat candy, except one a day." With these words she disappeared, carrying the candy with her.

+ "Darling"

\\

Затем в дверь раздался мягкий стук, и мягкий голос сказал: «Могу я войти?» Как только она вошла, мы узнали Анну Павлову. Вчера вечером мы видели её танцы в балете старого стиля. Она подошла и поцеловала каждого из нас, бормоча «Душенька, душенька».* Одетая в белое платье с длинной сверкающей белой шалью на плечах, она выглядела так, как она была на сцене - крошечная, изящная и очень красивая, её тёмные волосы были связаны в узел, в манере балерины. У молодого человека с ней, была большая коробка конфет, которую она нам предложила. Наша ястребиная английская гувернантка вышла вперед и забрала её, сказав: «Простите, мадам, но детям не разрешают есть конфеты, кроме одного дня». С этими словами она исчезла, унося конфеты вместе с собой.

*"Милочка"

As soon as the door closed behind the ogress, Anna Pavlova (who also had been brought up in an institution) whipped out another box of candy from beneath her long shawl. With gestures of her hands indicating for us to hide it quickly, quickly, she helped us to stow it away in one of our wicker suitcases. We simply loved her for that clever trick. Lying in bed that night, under cover of darkness, we had a feast. Needless to say, we saw no more of the other box of candy, except the telltale wrappings scattered about our governess' room.

\\

Как только дверь закрылась за чудищем, Анна Павлова (которая также была воспитана в учреждении) вытащила ещё одну коробку конфет из-под её длинного платка. С жестом её рук, указывающим нам, чтобы мы быстро её спрятали, она помогла нам убрать её в одном из наших плетеных чемоданов. Мы просто полюбили её за этот хитрый трюк. Лежа в постели той ночью, под покровом темноты, у нас был праздник. Излишне говорить, что мы больше не видели другой коробки конфет, кроме развеваемых оберток, разбросанных по комнате нашей гувернантки.

Summoned one morning to Isadora's suite, we found her seated on a chaise-longue surrounded by shoe boxes. "There is a pair of golden sandals for each of you," she said. "Try them on and see if they fit."

\\

Вызванные однажды утром в апартаменты Айседоры, мы обнаружили, что она сидит на шезлонге, окруженном коробками для обуви. «Для каждой из вас есть золотые сандалии», - сказала она. «Попробуйте их и посмотрите, подходят ли они».

From a bolt of pink silk two lengths of material were cut and stitched up at the sides. With two small buttons, one for each shoulder, the material was caught up and fastened together to form armholes and "voila, presto!" we soon each had a new pink silk tunic. A Russian embroidered belt completed the costume.

\\

Из рулона розового шёлка, две части материала были разрезаны и сшиты по бокам. С двумя маленькими кнопками, по одной для каждого плеча, материал был схвачен и скреплен вместе, чтобы образовать проймы, и «вуаля, просто!». Вскоре у каждого появилась новая розовая шёлковая туника. Русский вышитый пояс завершал костюм.

Our suspicion that this new getup signified that something special was afoot was verified when Isadora announced, "This afternoon we are going to have tea with a real grand duke. What do you think of that! " She explained that his name was Andre Vladimirovitch and he was a cousin of the Tsar. "He lives in that big white house on the other side of the river; you must have noticed it when you took a walk along the Neva. You must be on your very best behavior," she admonished.

\\

Наше подозрение, что этот новый внешний вид означал что-то особенное, было подтверждено, когда Айседора объявила: «Сегодня днём у нас будет чай с настоящим великим князем. Что вы думаете об этом!» Она объяснила, что его зовут Андрей Владимирович, и он был двоюродным братом царя. «Он живёт в этом большом белом доме на другой стороне реки, вы, должно быть, заметили это, когда прогуливались по Неве. Вы должны быть на высоте, - предупредила она.

We found the idea of meeting a royal personage quite overpowering, for in Germany everybody, from infancy on, was taught to look upon royalty as some kind of demigod. We did not look forward to the encounter with great pleasure.

\\

Мы нашли идею встречи с королевским персонажем, совершенно подавляющей, потому что в Германии всех, начиная с детства, учили смотреть на члена королевской семьи как на своего рода полубога. Мы с нетерпением ждали встречи, с большим удовольствием.

When the time came, instead of going by the Troitsky Bridge we crossed the frozen river in sleighs and got out directly below the house. Andre Vladimirovitch, resplendent in uniform and decorations, greeted us jovially. A young man of twenty-seven, he was tall, blond, and good-looking, and he spoke to us children in German. Without formality, he proceeded to show Isadora and the rest of us his brand-new mansion, including the bathrooms with sunken marble bathtubs, which he had built for his mistress the prima ballerina Mathilde Kschessinska, who was seven years older than he. The latter, holding a little boy by the hand, followed the Grand Duke silently wherever he went. This tiny, mouselike woman dressed in black, with small features and dark frizzy hair, I took at first to be the boy's governess, but the child was their son Vova. Next to the brilliant personality of the Grand Duke, she made no impression at all.*

** Vova, short for Vladimir.*

\\

Когда пришло время, вместо того, чтобы идти по Троицкому мосту, мы пересекли замерзшую реку в санях и вышли прямо под домом. Андрей Владимирович, блистательный в форме и украшениях, приветствовал нас весело. Молодой человек двадцати семи лет, он был высоким, светлым и красивым, и он говорил с нами детьми по-немецки. Без формальности он предложил показать Айседоре, и остальным из нас, его совершенно новый особняк, в том числе ванные комнаты с впалыми мраморными ваннами, которые он построил для своей любовницы - прима-балерины Матильды Кшесинской, которая была на семь лет старше его. Следом за великим князем, куда бы он ни пошёл, держа за руку, молча шёл маленький мальчик. Следом шла маленькая бледная женщина, одетая в чёрное, с невыразительными чертами лица и тёмными вьющимися волосами, я сначала приняла её за гувернантку мальчика, но ребёнок был её сыном Вовой.* Рядом с блестящей личностью великого князя она совсем не произвела никакого впечатления.

* Вова, сокращение от Владимир.

Soon many other guests arrived and crowded into the dining room, where we children were seated at a table laden with the most mouth-watering assortment of French pastries, towering layer cakes, fruit tarts, and candies-none of which we touched despite the repeated urging of our friendly regal host. We hated to be on display and reacted with chronic shyness. Finally the Grand Duke took a plate filled with chocolate candies and personally passed them around.

\\

Вскоре прибыли многие другие гости и заполнили столовую, где мы, дети, сидели за столом с самым аппетитным ассортиментом французской выпечки, возвышающимися лепешками, фруктовыми пирогами и конфетами - ни одной из которых мы не коснулись, несмотря на повторение призыва нашего дружественного королевского хозяина. Мы ненавидели быть на виду и реагировали с ужасной застенчивостью. Наконец великий князь взял тарелку с шоколадными конфетами и лично передал их.

"Notice how polite they are," he said. "Each takes only one little piece. None of them would dare take two."

When he reached me with the silver platter, I took one like the others, but-being a child of spirit-I stopped him when he was about to withdraw and deliberately chose another. "Ha, ha!" he threw back his head and laughed. "Good for you," he said, patting me on the head. That broke the ice, and the adults retired to the salon for their own refreshments, leaving us in peace to enjoy ours.

\\

«Обратите внимание, насколько они вежливы, - сказал он. «Каждый берёт только один маленький кусочек. Никто из них не посмел бы взять два». Когда он добрался до меня с серебряным блюдом, я взял одну, как остальные, но, будучи дитя духа, я остановила его, когда он собирался уйти, и намеренно выбрала вторую.

«Ха-ха!» он откинул голову и засмеялся. «Хорошо, для тебя», сказал он, похлопывая меня по голове. Это сломало лёд, и взрослые ушли в салон для своих собственных закусок, оставив нас в мире, чтобы насладиться нашими.

After tea, the Grand Duke wanted to know whether Isadora would favor them with a little dance. But she refused. How about the children? He and his guests would love to see them dance. Our music director, a young Viennese by the name of Max Merz, regretfully informed Isadora that he had not brought any music with him. However, he liked to improvise, and sitting down at the piano he started to play. Isadora conferred with Elizabeth about what to do when the latter surprised me by saying: "Let Irma dance something, she knows how to improvise."

\\

После чая великий князь хотел узнать, окажет ли Айседора любезность им с небольшим танцем. Но она отказалась. Как насчёт детей? Он и его гости хотели бы, чтобы те станцевали. Наш музыкальный директор, молодой венский музыкант по имени Макс Мерц, с сожалением сообщил Айседоре, что он не принёс с собой никакой музыки. Однако он любил импровизировать, сел за пианино, и начал играть. Айседора договорилась с Элизабет о том, что делать, когда последняя удивила меня, сказав:

«Пусть Ирма станцует что-то, она знает, как импровизировать».

Isadora looked undecided. "Well, if you say so, Elizabeth," and she told me to try. I had never improvised before so large a company and felt very timid. A command is a command, however. Trembling with nervousness, I hid behind one of the tall columns in the Greek-style hall to take off my pink socks and golden sandals. Unfortunately the hall had a marble floor not at all pleasant to dance on in winter. Concerned about this situation, Madame Kschessinska suggested spreading sheets on the floor. But they proved too great a hazard because they slipped. I much preferred the solid ground to dance on.

\\

Айседора выглядела нерешительной. «Ну, если ты так говоришь, Элизабет», и она предложила мне попробовать.

Я никогда не импровизировала перед такой большой компанией и чувствовала себя очень робкой. Однако, команда - это команда. Дрожа от нервозности, я спряталась за одной из высоких колонн в зале в греческом стиле, чтобы снять мои розовые носки и золотые сандалии. К сожалению, в зале был мраморный пол, который вообще не позволял танцевать зимой. Обеспокоенная этой ситуацией, г-жа Кшесинская предложила разложить на полу листы. Но они оказались слишком опасными, потому что они скользили. Я тогда бы очень предпочла простую землю, чтобы танцевать.

In her "Memoirs" Mathilde Kschessinska recalls this scene when she tells of our visit to her new palace. An old woman in her nineties, she now resides in France and still teaches ballet in her school in Paris. When I wrote to her a few years ago she very kindly responded, giving me news of herself and her work. After the Russian revolution she became the morganatic wife of the Grand Duke and goes now by the title of H.S.H. (Her Serene Highness) Princesse Mathilde Romanovsky-Krasinsky. Having always been a friend and genuine admirer of Isadora, she assured me that she had not forgotten her or her performances in St. Petersburg, which she always remembered with great pleasure.

\\

В своих «Воспоминаниях» Матильда Кшесинская вспоминает эту сцену, когда рассказывает о нашем посещении её нового дворца. Старуха в девяностых годах, она теперь живет во Франции, и все ещё преподаёт балет в своей школе в Париже. Когда я написала ей несколько лет назад, она очень любезно откликнулась, рассказав мне о себе и своей работе. После русской революции она стала мorganатической женой великого князя и теперь имеет звание Её Высочество Принцесса Матильда Романовская-Красинская. Она всегда была другом и искренним поклонником Айседоры, и она заверила меня, что она не забыла о её выступлениях в Санкт-Петербурге, которые всегда вспоминала с большим удовольствием.

On that freezing day in February, 1908, when I put my bare feet on that marble floor I felt as if standing on ice. So I moved about quickly and danced with great verve to keep my feet off the ground as much as possible. My spirited dance was much applauded, though no one guessed the reason why. I must have given a good account of myself, for Isadora hugged me warmly-more for my sportsmanship, I imagine, than for anything else. The Grand Duke shook my hand, saying, "That is something our ballerinas can't do-improvise." I felt very proud of myself and only wished mother could see me now

\\

В тот морозный день в феврале 1908 года, когда я поставила свои босые ноги на этот мраморный пол, и я почувствовала себя, как будто я стою на льду. Поэтому я быстро двинулась и танцевала с большой силой, чтобы как можно больше не держать ноги на земле. Мой энергичный танец был очень аплодирован, хотя никто не догадывался, почему. Я, должно быть, хорошо

заявила о себе, потому что Айседора обнимала меня тепло - больше, чем я могу себе представить, и более чем что-либо ещё. Великий князь пожал мне руку, сказав: «Это то, что наши балерины не могут делать - импровизировать». Я очень гордилась собой и только хотела, чтобы мама увидела меня сейчас...

Having made the acquaintance of a Grand Duke, we now wondered whether by good luck we might not obtain just a glimpse of Tsar Nicholas II himself. Every time we passed the dark red facade of the Winter Palace, my childish curiosity was aroused. What did the ruler of this vast country look like? I soon discovered. Once, coming back from a walk near the river, we noticed a closed carriage accompanied by several outriders in uniform. A pale-faced man with a small goatee, wearing a peaked cap, glanced out the window. When he saw us, he smiled and waved his hand in greeting. Somebody shouted, "The Tsar! The Tsar!" We all stared after the retreating vehicle. Could that really have been the Tsar? Where was his crown, his ermine robe, his golden coach? Little did I suspect that the time was soon at hand when the last of the Tsars would be deprived forever of these imperial appurtenances, or that I would one day stand in that tragic cellar in the Urals where he and his family had been shot to death during the revolution that would topple his throne and cause all this brilliant life to collapse.

\\

Познакомившись с великим князем, мы теперь задавались вопросом, не удастся ли нам получить простой взгляд на самого царя Николая II. Каждый раз, когда мы проходили тёмно-красный фасад Зимнего дворца, моё детское любопытство возбуждалось. Как выглядел правитель этой огромной страны? Я скоро узнала это. Однажды, возвращаясь с прогулки по реке, мы заметили закрытый экипаж, сопровождаемый несколькими верховыми в форме. Человек с бледным лицом, с маленькой козлиной бородкой, одетый в кепку, посмотрел в окно. Когда он увидел нас, он улыбнулся и махнул рукой. Кто-то крикнул: «Царь! Царь!» Мы все уставились на отъезжающий автомобиль. Неужели это действительно был царь? Где его корона, его горностаи, его золотой экипаж? Я мало подозревала, что скоро придёт время, когда последний из царей будет лишен навсегда этих имперских привилегий, или, что я когда-нибудь встану в этот трагический погреб на Урале, где он и его семья были застрелены насмерть во время революции, которая свергла его трон и заставила всю эту блестящую жизнь рухнуть.

*Our two weeks in St. Petersburg passed all too swiftly. Of the many interesting sights we had seen there, one other experience remained outstanding-our visit to the Imperial Ballet School. "I took my little pupils to witness the training of the children of the ballet school," Isadora said, "and they observed them with the view of swallows circling freely in the air looking at caged canary birds."**

**Life*, p. 215.

\\

Наши две недели в Санкт-Петербурге прошли слишком быстро. Из многих интересных достопримечательностей, которые мы там видели, остался ещё

один опыт - наш визит в Императорскую школу балета. «Я взяла своих маленьких учеников, чтобы представить им обучение детей балетной школы, - сказала Айседора, - и они наблюдали за ними, как ласточки свободно кружатся в воздухе, глядя на птиц в клетке.»*

*Жизнь, стр. 215.

Under the direction of Marius Petipa, who obstinately clung to the passe traditions, the ballet was not amenable to any change whatsoever. Only with the coming of the young, forward-looking ballet master Michael Fokine, who took over several years later, did a radical change take place. He adopted many of the new ideas Isadora Duncan had brought to the dance, and thus the Russian ballet underwent the transformation for which it is known today. These revolutionary ideas, which marked a new epoch in the art of dance, Fokine saw demonstrated for the first time in January 1905, when Isadora made her initial appearance in Russia.

\\

Под руководством Мариуса Петипа, который упорно цеплялся к традиции пасса, балет не поддавался каким-либо изменениям. Только с приходом молодого, перспективного балетмейстера Михаила Фокина, который занял место несколько лет спустя, произошли радикальные перемены. Он принял многие из новых идей, которые Айседора Дункан принесла в танец, и, таким образом, русский балет претерпел трансформацию, о которой известно сегодня. Эти революционные идеи, которые ознаменовали новую эпоху в искусстве танца, Фокин впервые увидел в январе 1905 года, когда Айседора впервые появилась в России.

Mathilde Kschessinska saw Isadora Duncan dance for the first time in Vienna in 1903. She frankly confesses to having been completely conquered by her art. She was so carried away, she says, by her "Blue Danube Waltz" that she climbed on her seat and cheered as loud as she could with the rest of the audience. As a professional dancer of the first order herself, she easily recognized the hard work that had produced such beautiful dancing and made Isadora the perfect mistress of her art.

\\

Матильда Кшесинская впервые увидела, как Айседора Дункан танцует, в Вене в 1903 году. Она откровенно признаётся, что та полностью овладела своим искусством. Она, по её словам, так увлеклась её «Вальсом Голубой Дунай», что забралась на своё место и подбадривала так громко, как только могла, заодно с остальной аудиторией. Как профессиональная танцовщица первого порядка сама, она легко заметила тяжелую работу, которая произвела такие прекрасные танцы, и считала Айседору безукоризненной искусницей в её искусстве.

I think that this above-mentioned earlier date is of special interest. Because of her position as prima ballerina assoluta of the Imperial Ballet in St. Petersburg, possessing enormous authority in that organization, she must surely have adopted and made use of some of the new ideas Isadora Duncan originated. Thus Isadora's

influence undoubtedly made itself felt on a part of the Russian ballet as early as 1903, although she herself made her debut in that city only in January 1905.

\\

Я думаю, что эта вышеупомянутая, более ранняя дата, представляет особый интерес. Из-за её позиции в качестве абсолютной прима-балерины Императорского балета в Санкт-Петербурге, обладающей огромным авторитетом в этой организации, она, несомненно, должна была принять и использовать некоторые из новых идей, возникших у Айседоры Дункан. Таким образом, влияние Айседоры, несомненно, ощущалось на части российского балета ещё в 1903 году, хотя она лично дебютировала в этом городе только в январе 1905 года.

Kschessinska, reminiscing about how the new changes came about that transformed the old-style ballet, stresses in her "Memoirs" the overwhelming impression the young American dancer made on Fokine. With a wild enthusiasm he immediately commenced to initiate the necessary reform. Hoping to obtain the same inspiration from the same source as Isadora did, for her new-found art, he went to the Hermitage Museum to study the Greek vases for dance movements. His first Greek-inspired production was a ballet called Eunice, in which Kschessinska danced the principal part. On that opening night performance the many old balletomanes criticized him severely for his obvious copying of what they termed "Duncanism." But being a staunch supporter of Fokine, M. Kschessinska always considered that first performance on December 10, 1906, a date of importance in the transformation of the old-style ballet to a freer expression. She and Fokine worked closely together toward that goal. In 1907-08, Kschessinska decided to take Vaslav Nijinsky, who had graduated from the Ballet School only the year before, for a new dancing partner, recognizing in him a great talent. After our performances in St. Petersburg in 1908, and having seen Isadora's Chopin program, they initially danced together at the Maryinsky Theatre to Chopin's "Nocturne," choreographed by Fokine.

\\

Кшесинская, вспоминая о том, как появились новые перемены, преобразившие балет в старом стиле, подчеркивает в её «Воспоминаниях» подавляющее влияние, произведенное молодой американской танцовщицей на Фокина. С диким энтузиазмом он немедленно начал инициировать необходимую реформу. Надеясь получить такое же вдохновение для своего нового искусства, из того же источника, что и Айседора, он отправился в Эрмитаж, чтобы изучить греческие вазы для танцевальных движений. Его первая вдохновленная Грецией постановка - балет под названием Юнис, в котором Кшесинская танцевала главную роль. На этом первом ночном спектакле многие старые балетоманы критиковали его за его явное копирование того, что они называли «дунканизмом». Но, будучи убежденным сторонником Фокина, М. Кшесинская всегда считала это первое выступление 10 декабря 1906 года важным событием в преобразовании балета старого стиля в более свободное выражение. Она и Фокин тесно сотрудничали в этом направлении. В 1907-08 гг. Кшесинская решила принять к себе Вацлава Нижинского, который окончил Балетную

школу только год назад, в качестве нового танцевального партнера, признав в нём большой талант. После наших выступлений в Санкт-Петербурге в 1908 году и, увидев программу Шопена Айседоры, они впервые танцевали вместе в Мариинском театре на «Ноктюрне» Шопена, поставленном Фокиным.

At the time of our visit, none of the famous dancers associated with the ballet school in St. Petersburg had yet been completely emancipated artistically. Nor were their names (with one or two exceptions) known outside of their own country. Not until five years after their first contact with Isadora's ideas did they form the great company known as the Diaghilev Ballets Russes, which brought that roster of world-renowned names, such as Nijinsky, Pavlova, Karsavina, Fokine, and others to the attention of foreign countries for the first time. While most of these ballet dancers freely admitted that Isadora Duncan's ideas gave new life to their once moribund art and helped to beautify it, they all maintained that neither Isadora herself nor her pupils could execute ballet movements, whereas any well-trained ballet dancer could easily assimilate and execute any Duncan movements.

\\

Во время нашего визита ни одна из знаменитых танцовщиц, связанных с балетной школой в Санкт-Петербурге, ещё не была полностью эмансипирована художественно [не была широко известна]. Их имена (с одним или двумя исключениями) не были известны за пределами их собственной страны. Только через пять лет после их первого контакта с идеями Айседоры они сформировали великую компанию, известную как «Дягилевские балеты России», которая привела в этот список всемирно известные имена, такие как Нижинский, Павлова, Карсавина, Фокин и другие, появившихся в зарубежных странах в первый раз. В то время, как большинство из этих балеристов свободно признавали, что идеи Айседоры Дункан дали новую жизнь их некогда умирающему искусству, и помогли украсить его, но они все утверждали, что ни сама Айседора, ни её ученики не могли бы исполнить балетные движения, тогда как любая хорошо обученная балерина могла легко ассимилировать и выполнять любые движения Дункан.

This assumption to my mind has always seemed both illogical and absurd. They forget, or don't seem to comprehend, that Isadora Duncan's theory of the dance precludes any assimilation of movements based on ballet technique and therefore no ballet technique can produce the proper Duncan movement and expression. Although Isadora's art has incontestably helped to beautify the ballet and given it new life, the converse does not apply. The art of Isadora Duncan has never been either beautified or revitalized by the ballet.

\\

Это предположение, на мой взгляд, всегда казалось нелогичным и абсурдным. Они забывают или, по-видимому, не понимают, что теория танца Айседоры Дункан исключает любое усвоение движений, основанное на балетной технике, и поэтому никакая балетная техника не может произвести правильное движение и выражение Дункан. Хотя искусство Айседоры неоспоримо помогло

украсить балет и дать ему новую жизнь, обратное не применимо. Искусство Айседоры Дункан никогда не было украшено или возрождено балетом.

That morning we watched for three hours while the ballet girls of different age-groups stood in rows on the tips of their toes going through torturing exercises in a bare room with a large portrait of the Tsar hanging on the wall. We were familiar with many of the exercises. We practiced barre work ourselves-though of course in a much more relaxed style, without distortions, and from natural positions of the feet.

\\

В то утро мы смотрели три часа, как балетные девочки разных возрастных групп стояли рядами на кончиках пальцев ног, и проходили мучительные упражнения в голом помещении с большим портретом царя, висящем на стене. Мы были знакомы со многими упражнениями. Мы сами практиковали барреальную работу, хотя, конечно, в гораздо более спокойном стиле, без искажений, и с естественным положением ног.

What amazed us Duncan pupils was the way the ballet students danced continuously in front of a mirror, closely watching every move they made. There were no wall mirrors in our school. Our teacher's philosophy of the dance forbade any such visual aids. Isadora taught us to close our eyes and listen to the music with our souls. Then we were to dance in accordance with this music heard inwardly and, while listening, feel an inner self awakening deep within us. Its strength would animate our bodies.

\\

Что поразило нас, учениц Дункан, что балетные танцы постоянно выполнялись перед зеркалом, внимательно следя за каждым своим передвижением. В нашей школе не было настенных зеркал. Философия танца нашего учителя запрещала такие наглядные пособия. Айседора научила нас закрывать глаза и слушать музыку нашими душами. Затем мы должны были танцевать в соответствии с этой музыкой, услышанной внутри себя и, слушая, чувствовать внутреннее пробуждение себя внутри нас. Эта сила могла оживить наши тела.

*"This is the first step in dancing as I understand it," she used to say. "This is the truly creative dancer, natural but not imitative, speaking in movement out of himself and out of something greater than all selves. It is the mission of all art to express the highest and most beautiful ideals of man. What ideal does the ballet express? All ballet movements are sterile because they are unnatural; their purpose is to create the delusion that the law of gravitation does not exist for them."**

* Cf. Art, pp. 52, 55-56.

\\

«Это первый шаг в танце, насколько я понимаю», - говорила она. «Это действительно творческий танцор, естественный, но не подражательный, выступающий в движении из себя и из чего-то большего, чем все самости. Миссия всего искусства - выражать высшие и самые прекрасные идеалы человека. Какой идеал даёт балетное высказывание? Все движения балета

стерильны, потому что они неестественны; их цель - создать иллюзию, что закон тяготения не существует для них».*

*См. Искусство, стр. 52, 55-56.

She pronounced an anathema on dancers who comprehended only with the brain, who loaded down their dances with empty gestures devoid of meaning, and on all those systems of dancing that are merely arranged gymnastics, too logically understood. In this connection, as far as physical education for children was concerned, she once said, "It seems to me criminal to entrust children, who cannot defend themselves, to this injurious training. In my opinion it is a crime to teach the child to guide his growing body by the stern power of the brain, while deadening impulse and inspiration."

\\

Она произнесла анафему над танцорами, которые понимали только мозгом, которые загружали свои танцы пустым жестом, лишенным смысла, и над всеми теми системами танца, которые просто устраивают гимнастику, и логично слишком понятны. В этой связи, что касается физического воспитания детей, она однажды сказала: «Мне кажется преступным поручать детей, которые не могут защитить себя, этой вредной подготовке. По-моему, преступление - учить ребёнка руководить его растущим телом строго силой мозга, в то время как мертвы импульс и вдохновение».

To which I might add that ballet of the present period has not fundamentally changed its principles. Despite some liberation from old bonds, it still does not represent a true art of the dance, but only highly accomplished acrobatics. The male dancer, not going on toe, is not as hampered in the evolution of kinetics as the ballerina. But so long as the latter cannot make more than a few movements unaided, or is kept in a constant state of levitation by her partner if not tossed about like a set of Indian clubs between several assistants, her physical activities can hardly be dignified by the term dancing.

\\

К этому я могла бы добавить, что балет нынешнего периода принципиально не изменил его принципов. Несмотря на некоторое освобождение от старых уз, он по-прежнему не представляет собой истинное искусство танца, а только весьма совершенную акробатику. Танцовщик-мужчина, не выходящий на носок [не встающий на пуанты], не настолько затруднён в эволюции кинетики, как балерина. Но пока последняя не может совершить больше нескольких движений без посторонней помощи или находится в постоянном состоянии левитации со стороны своего партнера, если её не подбросят, как представление индийских фокусников с несколькими помощниками, её физическая деятельность вряд ли будет достойна термина «танцы».

I recall almost nothing of Helsingfors, Finland, the next stop on our itinerary, except the abnormal amount of butter we were urged to eat in order to keep from freezing, for the temperature was below zero. Then we gave performances in Warsaw and Lodz in Poland. Warsaw, where we stayed for a week at the Hotel Bristol, stands out primarily because of the new coats Isadora designed and had made to order for us. Of coarse gray military material, they were edged off and embroidered each with a different color-blue, green, brown, wine red-and we also had those little pillbox caps that are now so much en vogue to match. We referred to them as our Polish coats and, although they scratched quite a bit, being unlined, we took inordinate pride in them and even insisted on wearing them in the summertime.

\\

Я почти ничего не помню о Гельсингфорсе, Финляндия, о следующей остановке в нашем маршруте, за исключением аномального количества масла, которое мы были вынуждены съесть, чтобы не замерзнуть, поскольку температура была ниже нуля. Затем мы дали выступления в Варшаве и Лодзе в Польше. Варшава, где мы пробыли в течение недели в отеле Бристоль, выделялась, прежде всего, из-за новых одежд, разработанных Айседорой и заказанных для нас. Они были вырезаны из грубого серого армейского сукна, и вышиты каждый различным цветом - синим, зеленым, коричневым, винным красным, и к этому у нас были маленькие женские шляпки-кепки, которые теперь так популярны, чтобы соответствовать одеянию. Мы называли их нашими польскими пальто и, хотя они поизносились совсем немного, будучи без подкладки, мы ощущали в них чрезмерную гордость и даже настаивали на том, чтобы носить их в летнее время.

The tour continued through Holland and Belgium and, since each stop took up a week or more, it was spring by the time we returned to Germany to dance at the various southern watering places such as Wiesbaden. By this time the weather was warm enough for us to perform out of doors, as we did on the extensive lawn in front of the Kurhaus in Baden-Baden.

\\

Тур продолжился через Голландию и Бельгию, и, поскольку каждая остановка занимала неделю или больше, весной к моменту возвращения в Германию, мы танцевали в различных южных местах у воды, таких как Висбаден. К этому времени погода была достаточно тёплой, чтобы мы могли выступать на улице, как мы это делали на обширной лужайке перед Курхаусом в Баден-Бадене.

At the International Art and Landscaping Exhibition in Mannheim in the previous year, we danced in the middle of a rose garden, against the dramatic background of an illuminated fountain and its reflecting pool. For this occasion the water was turned off, and the fountain proper was boarded over to provide a stage. To reach it, we were paddled across the pool in flower-bedecked gondolas manned by costumed gondoliers. At night the scene was lit by floodlights; and the performance, seen as if suspended in mid-air, took on a most romantic aspect. A select but enthusiastic audience attended. An article in a local newspaper described the end of the performance:

\\

На Международной выставке искусства и ландшафтного дизайна в Мангейме, в прошлом году, мы танцевали посреди розового сада, на фоне драматического фона освещенного фонтана и отражающего его бассейна. По этому поводу вода была отключена, и собственно фонтан был заложен, чтобы обеспечить сцену. Чтобы добраться до него, мы пробирались через бассейн в цветущих гондолах, укомплектованных костюмированными гондольерами. Ночью сцена зажигалась прожекторами; и представление, как будто приостановленное в воздухе, занимало самый романтический аспект. Присутствовала избранная, но восторженная аудитория. Статья в местной газете описала конец выступления:

The crowd swiftly passed by the brightly illuminated water tower and fountain so as not to dim the inner vision glowing with the beauty and grace they had just witnessed. For they were all very much moved by the wonder of the dances a small group of children had presented there. Repeatedly one hears men both old and young exclaim: "How delightful! That was really quite enchanting!" -not to mention the enthusiastic remarks of the women! While Isadora danced alone, her reform movement in the art of the dance did not carry quite the conviction it has when she shows us her graceful dancing children. What appears to our present doubting generation only as a dream will become a reality for the children of the next generation.

\\

Толпа быстро прошла мимо ярко освещенной водонапорной башни и фонтана, чтобы не затемнять внутреннее видение, сияющее красотой и изяществом, которое они только что наблюдали. Ибо все они были весьма тронуты чудом

танцев, которые там представила небольшая группа детей. Неоднократно слышалось, как люди, как старые, так и молодые, восклицали: «Как восхитительно! Это было действительно очаровательно!» - не говоря уже о восторженных высказываниях женщин! В то время как Айседора танцевала одна, её реформаторское движение в искусстве танца не проявляло полной уверенности в том, что она показывает, чем когда она показывает нам своих изящных танцующих детей. То, что кажется нашему нынешнему сомнительному поколению только как сон, станет реальностью для детей следующего поколения.

We children were apparently successfully putting our message across to the people, as Isadora had hoped we would, proving that her efforts had not been in vain. More and more people began to understand what Isadora's art was all about now that they saw it could be transmitted to others. She had wanted her pupils to set a good example to all the other children in the world. With what fine result we fulfilled this wish can be gleaned from the following article, which appeared in a Swiss paper after a performance we had given in Zurich:

\\

Мы, дети, по-видимому, успешно передавали наше послание людям, поскольку Айседора надеялась, что мы докажем, что её усилия не были напрасными. Всё больше и больше людей начали понимать, что такое искусство Айседоры, когда они увидели, что это может быть передано другим. Она хотела, чтобы её ученики стали хорошим примером для всех других детей в мире. С каким прекрасным результатом мы выполнили это желание, можно почерпнуть из следующей статьи, которая появилась в швейцарской газете после выступления, которое мы дали в Цюрихе:

To begin with: the appearance of the Duncan Dancers was a complete victory! We noticed with the greatest pleasure the many children present in the audience and hope there will be an even greater number here tomorrow, because here they have an example of what the true dance should be, so different from the instruction they receive in their usual social or ballet dancing classes. One must see with one's own eyes with what clarity of expression these Duncan pupils perform in order truly to appreciate their unique art. . . . The magnificent free strides of their simple walk, which one has already much admired in Isadora Duncan, has also become a salient characteristic of her young pupils. The arms, the hands, the entire body is here awakened into graceful motion and rhythmic life.

\\

Начнем с того, что появление Дункановских танцоров было полной победой! Мы с большим удовольствием заметили много детей, присутствующих в зале, и надеемся, что завтра здесь будет ещё больше, потому что здесь у них есть пример того, чем должен быть настоящий танец, настолько отличающийся от инструкции, которую они получают в своей обычной практике социального танца или в классах балета. Нужно видеть своими глазами, с какой ясностью выражались эти ученицы Дункан, чтобы действительно оценить их уникальное

искусство... Великолепные свободные шаги их простой прогулки, которые ранее уже крайне восхищали в Айседоре Дункан, также стали характерной чертой её юных учеников. Кисти, руки, всё тело здесь пробуждено в изящное движение и ритмичную жизнь.

For instance, with what grace did a group of three slender girls raise their arms and close into a small circle . . . or, as in the Lanner Waltz, when a fine silken fabric arched overhead into a triumphal arch beneath which the dancing children passed in pairs and then scattered to the four winds; or that supple backward thrust of the body and head with raised arms indicating a delightful Dionysiac joy

\\

Например, с какой грацией группа из трёх стройных девушек поднимала руки и закрывалась в маленький круг ... или, как в «Лэннер-вальсе», когда тонкая шёлковая ткань изогнулась над головой в триумфальную арку, под которой танцующие дети проходили парами, а затем рассеивались на четыре стороны; или ту гибкую заднюю тягу тела, и голову с поднятыми руками, указывающую на восхитительную радость Дионисия.

To correctly evaluate what these children achieve with their dancing one should immediately afterwards see some of the stereotype movements of the ballet. Anyone endowed with a normal, healthy perception would not be able to stand it by comparison; for the latter is all artificiality while the former offers us, together with simplicity, a truly artistically styled naturalness.

\\

Чтобы правильно оценить, чего добиваются эти дети со своими танцами, нужно сразу же увидеть некоторые из стереотипных движений балета. Любой наблюдатель, наделённый нормальным, здоровым восприятием, не сможет выдержать этого путём сравнения; ибо последние - всё есть искусственность, в то время как первые предлагают нам, вместе с простотой, подлинно художественно стилизованную естественность.

Appearing on the same program with Isadora, as we were now doing, did not imply that we actually danced with her; we were still too young for that. The only exception to this rule was the "Reigen" we did together at the very end of each performance by way of an encore. It was always a wonderful event for us. Then the act of dancing invariably took on a special meaning for me. Just to hold hands with Isadora, as I often did in the circle, and to watch the radiant expression on her face when she danced, was so inspiring that I carry the memory of it with me to this day. Isadora herself derived unique pleasure from this, for she said:

\\

Выступление в той же программе с Айседорой, как мы это делали сейчас, не означает, что мы на самом деле танцевали с ней; мы были ещё слишком молоды для этого. Единственным исключением из этого правила был «Хоровод», который мы делали вместе в самом конце каждого выступления на бис. Это всегда было замечательным событием для нас. Тогда акт танцев неизменно

приобретал для меня особый смысл. Просто держаться за руки с Айседорой, как я часто делала в кругу, и наблюдать сияющее выражение на её лице, когда она танцевала, было настолько вдохновляющим, что я несу память об этом с собой, по сей день. Сама Айседора получала от этого уникальное удовольствие, поскольку она сказала:

*Whenever I felt their willing hands in mine, felt the pull and swing of their little bodies as we danced our fast-paced rondos, I always envisioned that orchestra of dancers I would one day bring to life. The sight of these dancing children was so beautiful they strengthened my faith in the ultimate perfection of an orchestra of dancers which would be to sight what the great symphonies were to sound. A vast ensemble dancing the Ninth Symphony of Beethoven.**

**Life, p. 140.*

\\

Всякий раз, когда я чувствовала, что в их руках мои руки ощущали тягу и качание их маленьких тел, когда мы танцевали наши быстрые рондо, я всегда предполагала, что это оркестр танцоров, которых я когда-нибудь воплещу в жизнь. Вид этих танцующих детей был настолько прекрасен, что они усилили мою веру в высшее совершенство оркестра танцоров, которые должны были показать, как должны были звучать великие симфонии. Огромный ансамбль, танцующий Девятую симфонию Бетховена.*

**Жизнь, с. 140.*

That artistic goal was still a long way off. In the meanwhile, she presented her pupils to the European public, with the promise that in the future they would dance in a mighty array such as the world had never seen.

\\

Эта художественная цель ещё далека. В то же время она представила своих учеников европейской общественности с обещанием, что в будущем они будут танцевать в таком могучем массиве, какого мир никогда не видел.

So far, the tour had taken us in three months to six countries. At the end of our engagements in the south of Germany, we continued on to France. How thrilled I was to be going to Paris! At the Gare du Nord the porters dressed in blue smocks rushed into our compartments shouting, "Porteur! porteur!" and I had a hard time holding onto my now well-traveled wicker suitcase. Tante Miss, who had been reading a novel-Renard's Pail de Garotte-to brush up on her French while sitting up all night in the day coach, shushed the swarm of blue-smocked porters away. "Allez-vous en, allez-vous en," she kept repeating until they had gone.

\\

До сих пор тур проходил в три месяца, до шести стран. В конце наших выступлений на юге Германии мы продолжили путь во Францию. Как я была в восторге от поездки в Париж! На Гар-дю-Норде носильщики, одетые в синие халаты, ворвались в наши отсеки, крича, «Носильщик! носильщик!», и я с трудом держалась за свой теперь хорошо поездивший плетеный чемоданчик.

Танте Мисс, которая сидя в вагоне всю ночь читала роман «Кадка Гаротта» Ренарда, чтобы подновлять свой французский, вытолкнула рой синеватых носильщиков. «Уходите, уходите», она продолжала повторять, пока они не ушли.

We finally managed to evade their grasping hands and reached the street safely through the noise and bustle of a busy terminal. We found an old-fashioned horse-drawn omnibus waiting for us. On the steps outside the French station I breathed in the soft, caressing night air, eagerly observing the sights and sounds of Paris. They immediately struck me as being, in some indefinable way, unlike those of any other country I had seen. No one who has been to Paris in the month of May will ever forget it.

\\

Наконец нам удалось уклониться от их цепких рук и безопасно добраться до улицы, сквозь шум и суету оживленного терминала. Мы обнаружили, что нас ждет старомодный конский омнибус. На ступенях, за пределами французской станции, я вдохнула мягкий, ласковый ночной воздух, с нетерпением наблюдая за достопримечательностями и звуками Парижа. Они сразу же казались мне какими-то неопределенным, в отличие от других стран, которые я видела. Никто, кто был в Париже в мае месяце, никогда не забудет об этом.

Sitting on two banquettes facing each other, and attired in our Polish coats and pillbox caps, we were able to take in the sights at leisure. The stodgy omnibus lumbered down the Rue de la Fayette and then continued along the Boulevard Haussmann while the horses' hoofs clumped hard on the uneven pavement, making the windows rattle. Debouching onto the Place de l'Etoile, straddled by the massive Arch of Triumph, we saw the heart of the city suddenly open like a picture book before our enchanted eyes. Illuminated by garlands of lights strung along both sides of the magnificent Avenue des Champs-Élysées and reaching toward the Place de la Concorde where the fountains were playing, Paris was beautiful.

\\

Сидя на двух банкетках, обращенных друг к другу, и одетые в наши польские пальто и дамские кепки, мы были в состоянии добраться до достопримечательностей. Перегруженный омнибус неуклюже прогромыхал по улице де ла Фейет, а затем продолжил движение вдоль бульвара Османн, в то время как копыта лошадей тяжело ступали на неровном тротуаре, заставляющем окна трещать. Дезориентировавшись на площади Этуаль, окруженной массивной Триумфальной аркой, мы увидели, как сердце города внезапно открывается, как книжка с картинками, перед нашими очарованными глазами. Освещенные гирляндами огней, натянутыми по обеим сторонам великолепной авеню Елисейских полей и тянущейся к Площади Согласия, где играли фонтаны, Париж был прекрасен.

In the spring of 1908, the uncrowded traffic moved at a much slower pace than it does today. It did not obliterate the sense of calm spaciousness that was such a

notable characteristic of the French capital, for vehicles then consisted mainly of elegantly accoutered phaetons and equipages. Every now and then a silent electric automobile, signaling its approach by delicately ringing a bell, would overtake our steadily plodding omnibus. Progressing at a slow pace, we finally entered the suburb of Neuilly.

\\

Весной 1908 года беспорядочный трафик двигался гораздо медленнее, чем сегодня. Это не стирало ощущение спокойного простора, которое было столь примечательной характеристикой французской столицы, потому что транспортные средства тогда состояли в основном из элегантно экипированных фаэтонов и экипажей. Время от времени безмолвный электрический автомобиль, сигнализируя о своем подходе, изящно звеня в колокольчик, обгонял наш неуклюжий, медленный и тяжелый омнибус. Продвигаясь медленными темпами, мы, наконец, попали в пригород Нейи.

The long passage from east to west across Paris had occupied the better part of an hour. During the last part of it we began to feel drowsy. I glanced over at Tante Miss sitting in one corner with her eyes closed; she seemed to be dozing. We had been very quiet, since her presence was enough to curb our speech. She frowned on any kind of chit-chat and always told us to keep quiet. But as soon as we entered the wide Avenue de Neuilly, with its broad center strip of grass and trees, we saw that a spring fair was in progress. Instantly we were wide awake.

\\

Больше часа длился долгий проезд с востока на запад по всему Парижу. Во время последней части мы начали чувствовать сонливость. Я взглянула на Танте Мисс, сидевшей в одном углу, закрыв глаза; она, казалось, дремала. Мы были очень спокойны, так как её присутствия было достаточно, чтобы обуздать нашу речь. Она хмурилась от какой-либо болтовни, и всегда велела нам молчать. Но, как только мы попали на широкую улицу Avenue de Neuilly, с её широкой центральной полосой травы и деревьев, мы увидели, что идёт весенняя ярмарка. Мы мгновенно проснулись.

"A carnival! A carnival!" we shouted in unison. In all the years at school we had seen plenty of museums, but not one fair. The sight of this one made us hop up and down on our seats with glee. At home in Hamburg mother had taken me to the Christmas fair. Everything was there just as I remembered it: the milling crowds; the double row of lighted booths filled with toys and gingerbread; the incessant shouts of the hawkers offering their wares; the spinning carrousels, each blaring forth another brassy tune; the pungent smell of steaming sausages. Above it all an acrid odor of magnesium flares floated like a cloud of incense offered to the spirit of King Carnival. We clapped our hands in childish rapture and laughed, wishing we could jump out and join in the fun; but the stern voice of Tante Miss spoiled our innocent enjoyment with, "Come down off those benches immediately and keep quiet!"

\\

«Карнавал! Карнавал!» мы кричали в унисон. За все годы в школе мы видели множество музеев, но ни разу ярмарку. Вид этого зрелища заставил нас прыгать вверх и вниз по нашим местам с ликованием. Дома в Гамбурге мать водила меня на рождественскую ярмарку. Всё было там, как я помнила: толкущаяся толпа; двойной ряд освещенных кабин, заполненных игрушками и пряниками; непрекращающиеся крики торговцев, предлагающих свои товары; прядильные карусели, каждая из которых громко трубила свою металлическую мелодию; едкий запах дымящихся колбас. Над этим всем, как облако ладана, плыл ароматный запах магниевых вспышек, предлагаемых духу Короля Карнавала. Мы хлопали в ладоши с детским восторгом и смеялись, желая, чтобы мы выскочили и присоединились к веселью; но суровый голос Танте Мисс испортил наше невинное наслаждение: «Немедленно спуститесь с этих скамей и успокойтесь!»

We obeyed reluctantly. Her attitude toward us was one of perpetual reproof. She never missed a chance of reminding us to behave with more dignity because we were pupils of the Isadora Duncan School-as if that should stop our normal urge for fun and mischief. Disgruntled grumblings and little grimaces behind her back were our ineffectual revenge. We were craning our necks to get another good look at the gay fair despite her reproof, when the lumbering omnibus suddenly veered sharply to the right, jumbling us together.

\\

Мы неохотно подчинились. Её отношение к нам было постоянным упреком. Она никогда не упускала случая напоминать нам о том, чтобы вести себя с большим достоинством, потому что мы были учениками школы Айседоры Дункан, как будто это должно остановить наше нормальное стремление к развлечениям и озорствам. Недовольные ворчания и маленькие гримасы за её спиной были нашей неэффективной мстостью. Мы вытянули шею, чтобы ещё раз взглянуть на весёлую ярмарку, несмотря на её упрек, когда громоздкий омнибус внезапно повернулся вправо, сдвигая нас вместе.

We had turned into a quiet side street of the residential section. By comparison with the broad and lively main thoroughfare, it seemed as deserted as a cemetery. The strident music of the calliopes and hurdy-gurdies grew fainter and fainter until only the monotonous clop, clop of the horses remained. The street was dark, with only a gaslight flickering here and there. After a while the brakes screeched, and the omnibus came to a sudden halt.

\\

Мы повернули в тихую боковую улицу жилого квартала. По сравнению с широкой и оживленной главной улицей она казалась пустынной, как кладбище. Резкая музыка каллиопа и харди-гурдий становилась все слабее и слабее, пока не осталось только топот, стук копыт лошадей. Улица была тёмная, и тут и там только мелькали газовые лампы. Через некоторое время тормоза закрипели, и омнибус внезапно остановился.

"This is where we get out," Tante Miss said wearily. The omnibus did not deposit us in front of a hotel or pension as we had expected, but had stopped in front of a church with a tall, slender steeple. A churchyard on one side and a small house on the other presented an eerie picture. All was silent and dark except for a light burning in the window of the house. We did not know what to make of this. My curiosity got the better of me. I timidly asked Tante Miss where we were, not really expecting an answer because she never told us anything. She surprised me by explaining wearily but patiently, "This is our new home, we are going to remain here for as long as we stay in Paris."

"In this church?"

"No, silly, of course not. In the little house beside it. Just follow me." And she added, while we tramped up to the house together, "This used to be the rectory of the American church, but it isn't any longer. Now, no further questions. Take your suitcases and go inside; supper is waiting."

\\

«Вот где мы выходим», устало сказала Танте. Омнибус не высадил нас перед отелем или пансионом, как мы и ожидали, но остановился перед церковью с высоким, стройным шпилем.

Церковный двор с одной стороны и небольшой домик на другой, представили жуткую картину. Всё было тихо и темно, кроме легкого мерцающего света в окне дома. Мы не знали, что с этим делать. Моё любопытство превзошло меня. Я робко спросила Танте Мисс, где мы находимся, не ожидая ответа, потому что она никогда нам ничего не говорила. Она удивила меня, устало, но терпеливо объясняя: «Это наш новый дом, мы останемся здесь до тех пор, пока мы будем в Париже».

«В этой церкви?»

«Нет, глупая, конечно, нет. В маленьком домике рядом с ней, просто следуй за мной». И она добавила, когда мы собрались вместе у дома: «Раньше здесь был дом приходского пастора американской церкви, но сейчас это уже не так. Теперь, никаких дальнейших вопросов. Возьмите чемоданы и заходите, ужин ждёт."

There was something important that she did not explain. None of us had any inkling when we went to bed that night that we would never return to Grunewald. Isadora considered Germany (mainly for personal reasons but also because of the Kaiserin's puritanical views) no longer the proper place for her school. With the closing of the house in Grunewald, she now had just twelve of her most talented pupils left.

\\

Было что-то важное, что она не объяснила. Никто из нас не подозревал, когда мы ложились спать той ночью, что мы никогда не вернемся в Грюневальд. Айседора посчитала, что Германия (в основном по личным причинам, но также из-за пуританских взглядов императрицы Кайсерин), больше не была подходящим местом для её школы. С закрытием дома в Грюневальде, у неё теперь осталось всего двенадцать её самых талантливых учеников.

We appeared with her for a month or more at the Theatre de la Gaiete Lyrique in Paris that spring. Gordon Craig, who was then living in Paris and came to our performances, wrote in his notebook:

\\

Мы появились с ней через месяц или более, в театре Лирической гармонии в Париже, уже весной. Гордон Крейг, который тогда жил в Париже, и пришёл на наши выступления, написал в своей записной книжке:

It was here that she first used the great blue curtains some twenty or twenty-five feet high, which followed my designs as may be seen in my The Arts of the Theatre, published in 1905 and which I had made in 1901-2-3. She pretends that she used them in 1904 in Berlin where I saw her dance for the first time in December. She did not use them then. She used a few curtains six feet in height.

\\

Именно здесь она впервые использовала синие занавеси, высотой около двадцати или двадцати пяти футов [6-7,5 метров], что следовало моим проектам, как это видно из моих публикаций в «Искусства театра», опубликованных в 1905 году, и которые я сделал в 1901-2-3. Она делает вид, что использовала их в 1904 году в Берлине, где я впервые увидел её танец в декабре. Тогда она их не использовала. Она использовала несколько занавесок высотой в шесть футов [2 метра].

Performing every night, practicing, and rehearsing, we were kept busy. During the day, out for a stroll and some fresh air always walking in orderly pairs-we often stopped in the Bois where the acacia trees were in bloom to watch the Parisian children at play. They rolled hoops or tossed diabolos into the air or played cache-cache, hiding from their nurses behind the big trees. We sometimes envied them, for our toys were left in Grunewald and we had nothing to play with. But at night, when the little Parisians slept, we envied them no longer. For then came our turn to play. Dancing on the stage to our hearts' content in harmony with beautiful music played by a fine orchestra under the baton of the great Colonne [The Colonne Orchestra is a French symphony orchestra, founded in 1873 by the violinist and conductor Edouard Colonne] - what could be a more stirring game! We never tired of it and eagerly looked forward to our nightly gambols.

\\

Выступая каждую ночь, тренируясь и репетируя, мы были заняты. В течение дня, отправлялись на прогулку и свежие воздушные прогулки, следуя упорядоченными парами, мы часто останавливались в Буа, где распускались деревья акации, чтобы наблюдать за парижскими детьми в игре. Они закатывали обручи или бросали в воздух дьяволо [игра, в которой двуглавый предмет подбрасывается и ловится струной, натянутой между двумя палками], или играли в кеш-кеш, прячась от своих гувернанток за большими деревьями. Мы иногда завидовали им, потому что наши игрушки остались в Грюневальде, и нам не с чем было играть. Но ночью, когда маленькие парижане спали, мы больше не завидовали им. Ибо наставала наша очередь играть. Танцы на сцене,

для наших сердец, в гармонии с прекрасной музыкой, которую играет прекрасный оркестр под управлением великого дирижёра Колонна [French symphony orchestra], - что может быть более волнующей игрой! Мы никогда не уставали от этого и с нетерпением ждали нашего ночного веселья.

Not that our academic studies were neglected. Frau Zschetzsching came from Germany to resume them after a three-month vacation. She also taught us French, a language she pronounced with a strong Germanic accent, which bore no resemblance to the way the natives spoke. We learned to pronounce it better from singing the old folk songs "Sur le pont d'Avignon" and "Le Chevalier de la Marjolaine."

\\

Не так, чтобы наше академическое обучение было прекращено. Фрау Зсчетзчинг приехала из Германии, чтобы возобновить его после трёхмесячного перерыва. Она также преподавала нам французский язык, язык, который она произносила с сильным германским акцентом, который не имел никакого сходства с тем, как говорили местные жители. Мы научились произносить это лучше, нежели петь старые народные песни «На Авиньонском мосту» и «Шевалье де ла Марджолейн».

Although we had contributed to our upkeep by giving paid performances ever since our stage debut, the expenses of the school mounted and became more and more difficult to meet. Away on tour, Isadora would be constantly bombarded by telegrams from her sister or mother asking for funds-a thousand marks here, two thousand marks there, until she felt like saying, "To heck with it all!" She always remembered this effort of sustaining the school's expenses as uphill work, like straining forward against the rapids of a river. She had no sooner returned from Russia at the end of June than Charles Frohman proposed an extended engagement in London, together with her pupils. This was all so quickly organized that she had no time to rest from her strenuous tour. It seemed that the Duchess of Manchester, who was a dollar princess, was ready to sponsor the Duncan School in England, and so we all went there to dance at the Duke of York's Theatre, beginning July 6, 1908.

\\

Хотя мы внесли свой вклад в наше содержание, давая платные выступления с момента нашего дебюта на сцене, расходы школы были ограничены, и стало всё труднее и труднее их удовлетворять. Находящаяся в туре Айседора будет постоянно бомбардироваться телеграммами от её сестры или матери с просьбой о финансировании - здесь было тысяча марок, там было две тысячи марок, пока ей не захотелось сказать: «Чёрт побери!» Она всегда вспоминала об этих усилиях, связанных с поддержанием расходов школы, как о тяжелой работе, например, как о напряженном движении вперед против течения реки. Она не успела вернуться из России в конце июня, как Чарльз Фроман предложил расширенное занятие в Лондоне вместе со своими учениками. Это было так быстро организовано, что у неё не было времени отдохнуть от её напряженного тура. Казалось, что герцогиня Манчестерская, которая была долларовой

принцессой, была готова спонсировать Школу Дункан в Англии, и поэтому мы все отправились туда, чтобы танцевать в театре Герцога Йоркского, начиная с 6 июля 1908 года.

It rained almost the whole time, and we took melancholy walks into Hyde Park from our nearby lodgings in Half Moon Street, finding no gay children at play but only placid sheep grazing on the common. Frohman had advertised us somewhat sensationally as "Twenty Parisian Dancers." That this statement was misleading and inaccurate on both counts did not bother this seasoned showman one bit. However, he gave us the thrill of our young lives when he presented each of us with a little gold watch. We simply squealed with delight. To be in possession of a real gold watch was the height of our ambition. We were seldom given presents. No longer were our daily outings in Hyde Park melancholy; we positively beamed with pride as we walked about in the rain with our watches pinned to the outside of our coats. After a week of this, alas, our golden watches turned a nasty green.

\\

Дождь шёл почти все время, и мы выходили на меланхоличные прогулки в Гайд-парке из нашего соседнего жилья на улице Халф Моон, но не находили там веселящихся в игре детей, а только спокойных овец, пасущиеся на общественном пространстве. Фроман несколько сенсационно рекламировал нас как «Двадцать парижских танцоров». То, что это утверждение вводило в заблуждение и неточно по обоим показателям, нисколько не беспокоило этого опытного шоумена. Тем не менее, он дал нам острые ощущения от нашей молодой жизни, когда предоставил каждому из нас маленькие золотые часы. Мы просто взвизгнули от восторга. Быть обладателем настоящих золотых часов - это высота наших амбиций. Нам редко дарили подарки. Больше не было меланхолии в наших ежедневных прогулках в Гайд-Парке; мы с радостью сияли от гордости, когда мы ходили по дождю с нашими часами, приколотыми наружу к нашим пальто. После недели этого, увы, наши золотые часы стали грязно-зелёными.

Ellen Terry, the mother of Gordon Craig, tried to make up for this disappointment by taking us to the zoo; then to see Peter Pan and The Pirates of Penzance. She loved children and we loved her. She was the second celebrated actress we had met. The first one had been Eleonora Duse, who did not take us to a zoo. Instead, reclining on a couch a la Dame aux Camelias, she had placed her long, slender hands on our heads in benediction and murmured, "Que dieu vous garde!"

\\

Эллен Терри, мать Гордона Крейга, пыталась восполнить это разочарование, отвезла нас в зоопарк; затем посмотреть Питера Пэна и «Пиратов Пензанса». Она любила детей, и мы любили её. Она была второй знаменитой актрисой, с которой мы познакомились. Первой была Элеонора Дузе, которая не водила нас в зоопарк. Вместо этого, откинувшись на диване "а ля леди с Камелиями", она положила свои длинные тонкие руки на наши головы в благословении и пробормотала: «Да хранит вас Бог!»

The highlight of our month's stay in London turned out to be a command performance for their majesties King Edward VII and Queen Alexandra. The day before this important occasion we lunched with the Duchess of Manchester at her lovely estate on the Thames. For a change we enjoyed a spell of beautiful weather, and the command performance was planned to be given outdoors.

\\

Изюминкой нашего месячного пребывания в Лондоне стало групповое выступление для Его Величества Короля Эдуарда VII и Королевы Александры. За день до этого важного события мы обедали с Герцогиней Манчестерской в её прекрасном поместье на Темзе. Для разнообразия мы наслаждались прекрасной погодой, а групповое представление было запланировано на открытом воздухе.

When we went in to luncheon, Isadora sat next to the Duchess and then asked me to sit beside her. This honor, pleasant as it was, made me nervous. Luncheon was served in grand style, with a uniformed footman in the ducal colors standing behind each chair. For a main course we had scrambled eggs and string beans. The latter happened to be my great aversion. I didn't think anyone would notice if I left them untouched, though I had been taught that leaving food constituted a grave social error. Just as the white-gloved footman was about to remove my plate, Isadora-who had been engaged in conversation with the Duchess-glanced my way and said, "Irma, eat your string beans."

\\

Когда мы пошли на обед, Айседора села рядом с герцогиней, а затем попросила меня сесть рядом с ней. Эта честь, сколь не приятная, заставляла меня нервничать. Обед был подан в грандиозном стиле, со стоящими за каждым стулом лакеями в униформе в герцогских цветах. Для основного блюда у нас были омлет и фасоль. Последнее оказалось моим большим отвращением. Я не думала, что кто-нибудь заметит, если я оставлю их нетронутыми, хотя меня учили, что отказ из пищи представляет собой серьезную социальную ошибку. Когда же лакей в белых перчатках собирался убрать мою тарелку, Айседора, которая разговаривала с герцогиней, заглянула мне в глаза и сказала: «Ирма, съешь свои длинные бобы».

What to do? Both she and the Duchess were giving me their undivided attention. Luckily the situation was saved when the Duchess, taking pity, said, "I know how she feels. I have a little niece who can't stand them either," and motioned to the footman to remove my plate. Then I heard her say to Isadora, "Their majesties are definitely coming tomorrow night, so why don't we have our coffee in the drawing room and talk about the arrangements, while the children go outside to play? It's such a lovely day."

\\

Что делать? И она, и герцогиня уделяли мне пристальное внимание. К счастью, ситуация была спасена, когда герцогиня, сжалившись, сказала: «Я знаю, как она себя чувствует. У меня есть маленькая племянница, которая тоже такую еду не

выдерживает», и жестом указала лакею убрать мою тарелку. Затем я услышала, как она сказала Айседоре: «Их величества обязательно придут завтра вечером, так почему бы нам не выпить кофе в гостиной, и не поговорить об аранжировках, пока дети пусть идут на улицу, чтобы поиграть? Это такой прекрасный день.»

We breathed a sigh of relief. Amid heavy tapestries and embossed silver, the ducal luncheon had been a bit too formal and skimpy. Once out in the sunshine, the velvety lawns and the carefully tended flowerbeds restored our normal spirits. We roamed unattended through the park. At one point we came upon a charming sunken garden surrounded by a high wall, which-we noticed with delight-was covered with luscious peaches growing in espalier fashion. They hung there, well spaced, in glowing colors, like nature's miniature masterpieces, ripe for the picking. In the twinkling of an eye, two of the older girls had jumped into the garden whence they threw the golden fruit, flushed with pink, up to us. The first peaches we had ever eaten (they are considered a great luxury in Europe and are very scarce in the northern countries), they tasted as delicious and sweet as stolen fruit is supposed to.

\\

Мы вздохнули с облегчением. Среди тяжелых гобеленов и тиснёного серебра, герцогский обед был слишком формальным и скудным. Выйдя на солнце, бархатные газоны и тщательно ухоженные клумбы, мы восстановили наш нормальный дух. Мы бродили без присмотра через парк. В какой-то момент мы натолкнулись на очаровательный затонувший сад, окруженный высокой стеной, которая, как мы заметили с восторгом, была покрыта сочными персиками, растущими в эспальерном стиле [на шпалерах]. Они висели там, хорошо разнесённые, в пылающих красках, как миниатюрные шедевры природы, созревшие для сбора. В мгновение ока две старшие девочки прыгнули в сад, откуда они бросили нам покрасневший до розового цвета золотой плод. Первые персики, которые мы когда-либо ели (они считаются большой роскошью в Европе, и очень скудны в северных странах), они вкушались как восхитительные и сладкие, и, как предполагалось, как фрукты украденные.

But suddenly we heard someone call from a distance, "Children! Children! Where are you?"

Hastily we wiped the telltale juice from our hands and lips, and walked sedately back, putting on an innocent air. We kept our fingers crossed that Isadora would not discover our misdeed.

\\

Но вдруг мы услышали, как кто-то звал издали: «Дети! Дети! Где вы?» Мы поспешно вытерли выдающий нас сок с наших рук и губ, и осторожно пошли назад, напуская на себя невинный вид. Мы скрестили пальцы, чтобы Айседора не обнаружила нашего проступка.

After the dance the next day, their majesties graciously shook hands with us, and the King wanted to know what everybody else in that overdressed era was always asking:

"Are you not cold with so little on?" Bored with the same old question, we simply shook our heads and smiled. Queen Alexandra, elegantly gowned in the Victorian style with trailing skirt, feathered hat, and long feathered boa, enjoyed our dancing so much that she attended several of our matinees when we children presented our own program. She particularly liked the old German folk songs we sang and danced, such as "Haenslein sass im Schornstein und fückte seine Schuh," in which I had the solo part, or the one where little Isabelle with the bushy hair was so amusing, which was called, "Hexlein, willst du tanzen." They probably recalled to the Queen her own childhood in Denmark.

\\

После танца на следующий день их величества любезно обменялись рукопожатием с нами, а король хотел узнать, что и все остальные в эту эпоху, с избытком всегда спрашивали: «Разве, если так мало одето, вам не холодно?» Утомлённые одним и тем же старым вопросом, мы просто покачали головами и улыбнулись. Королева Александра, элегантно одетая в викторианском стиле с задней юбкой, пернатой шляпой и длинным пернатым боа, наслаждалась танцами так сильно, что она посещала несколько наших утренних выступлений, когда мы, дети, представили нашу собственную программу. Ей особенно нравились старые немецкие народные песни, которые мы пели и танцевали, такие как «Хенслейн сел в дымоход и почувствовал свои туфли», в которой у меня была сольная партия, или та, где маленькая Изабель с густыми волосами была настолько забавной, что это было как «Хеклейн, вождь Танцев». Вероятно, они напомнили королеве её детство в Дании.

I must mention here that despite the frequent paid performances we children gave, none of us ever received any weekly allowance or pocket money. We got not even a penny's worth to buy an occasional lollipop or a ribbon for our hair. Naturally, with our strict upbringing, we dared not ask for any. Even small sums sent from home by our parents were frowned upon. Thoughts of filthy lucre had no place in our spiritual education dedicated to the true dance. So one can imagine the thrill I experienced when one day, in a restaurant in Piccadilly, I found a golden sovereign lying on the stair carpet. My exclamations of glee drew the governess' attention, and she grabbed it away from me. Like all children I believed in the rule "finders, keepers," but she said with a righteous air, "This must be returned to the management, immediately." Then the old hypocrite put it in her black leather bag and kept it. She happened to leave us that season for good. We children were so overjoyed to be rid of our dragon that I did not begrudge her my lucky find. To be rid of her was well worth the loss of a gold sovereign.

\\

Я должна упомянуть здесь, что, несмотря на частые оплачиваемые выступления, которые мы дети давали, ни один из нас не получал никаких еженедельных пособий или карманных денег. У нас даже не было ни копейки, чтобы купить случайный леденец или ленту для наших волос. Естественно, с нашим строгим воспитанием, мы не осмеливались просить об этом. Даже на небольшие суммы, отправленные из дома нашими родителями, смотрели

неодобрительно. Мысли о грязной материальной выгоде не имели места в нашем духовном образовании, посвященном истинному танцу. Таким образом, можно представить себе острые ощущения, которые я испытала, когда однажды, в ресторане на Пикадилли, я нашла золотой соверен, лежащий на лестничном ковре. Мои возгласы радости привлекли внимание гувернантки, и она схватила его у меня. Как и все дети, я верила в правило «кто нашел, то владеет», но она сказала с праведным видом: «Это должно быть немедленно возвращено администрации». Затем старая лицемерка положила его в свою чёрную кожаную сумку и сохранила. Она, тем не менее, оставила нас в этот сезон навсегда. Мы, дети, очень обрадовались тому, чтобы избавиться от нашего дракона, так что я не пожалела ей своей счастливой находки. Чтобы избавиться от неё, то стоило потери золота.

The noted English novelist John Galsworthy saw us that June and wrote an article about the Duncan dancers:

DELIGHT

I was taken by a friend one afternoon to a theatre. When the curtain was raised, the stage was perfectly empty save for tall grey curtains which enclosed it on all sides, and presently through the thick folds of those curtains children came dancing in, singly, or in pairs, till a whole troop of ten or twelve were assembled. They were all girls; none, I think, more than fourteen years old, one or two certainly not more than eight. They wore but little clothing, their legs, feet and arms being quite bare. Their hair, too, was unbound; and their faces, grave and smiling, were so utterly dear and joyful, that in looking on them one felt transported to some Garden of Hesperides, where self was not, and the spirit floated in pure ether. Some of these children were fair and rounded, others dark and elf-like; but one and all looked entirely happy, and quite unself-conscious, giving no impression of artifice, though they evidently had the highest and most careful training. Each flight and whirling movement seemed conceived there and then out of the joy of being-dancing had surely never been a labour to them, either in rehearsal or performance.

\\

Известный английский писатель Джон Голсуорси увидел нас в июне и написал статью о танцорах Дункан:

ВОСТОРГ

Однажды вечером друг отвез меня в театр. Когда занавес был поднят, сцена была совершенно пустой, за исключением высоких серых занавесок, которые окружали её со всех сторон, и тогда через толстые складки этих занавесок дети выходили в танце, поодиночке или парами, до тех пор, пока не была собрана целая группа из десяти или двенадцати человек. Все они были девочками; я думаю, никто из них более четырнадцати лет, одна или две, конечно, не более восьми. Они носили немного одежды, ноги, стопы и руки были совершенно голыми. Их волосы тоже были не связаны; и их лица, важные и улыбающиеся, были настолько милы и радостны, что, глядя на них, каждый чувствовал, что его перевезли в какой-то Сад Гесперид, где себя не было, и дух плыл в чистом эфире. Некоторые из этих детей были белокурыми и округлыми, другие

тёмноволосыми и эльфийскими; но все выглядели полностью счастливыми и совершенно самосознательными, не давая никакого впечатления от искусности, хотя они, очевидно, имели самую высокую и тщательную подготовку. Кажется, что каждое полётное и кружащее движение было продуманным, а затем из-за радости танца никогда не составляло для них труда, будь то на репетиции или в исполнении.

There was no tiptoeing and posturing, no hopeless muscular achievement; all was rhythm, music, light, air, and above all things, happiness. Smiles and love had gone to the fashioning of their performance; and smiles and love shone from every one of their faces and from the clever white turnings of their limbs.

Amongst them-though all were delightful-there were two who especially riveted my attention. The first of these two was the tallest of all the children, a dark thin girl, in whose every expression and movement there was a kind of grave, fiery love.

\\

Не было хождения на цыпочках и позирования, не было безнадежных мускульных достижений; всё это был ритм, музыка, свет, воздух и, прежде всего, счастье. Улыбки и любовь пришли к окончанию их исполнения; и улыбки и любовь сияли от каждого их лица и от искусных прозрачных поворотов их частей тела.

Среди них - хотя все были восхитительны - были две, которые особенно приковывали моё внимание. Первая из этих двух была самой высокой из всех детей, тёмной тонкой девочкой, в каждом выражении и движении которой была какая-то серьезная, пламенная любовь.

During one of the many dances, it fell to her to be the pursuer of a fair child, whose movements had a very strange soft charm; and this chase, which was like the hovering of a dragon-fly round some water-lily, or the wooing of a moonbeam by the June night, had in it a most magical sweet passion. That dark, tender huntress, so full of fire and yearning, had the queerest power of symbolising all longing, and moving one's heart. In her, pursuing her white love with such wistful fervour, and ever arrested at the very moment of conquest, one seemed to see the great secret force that hunts through the world, on and on, tragically unresting, immortally sweet.

\\

Во время одного из многих танцев, ей выпало быть преследователем белокурого ребёнка, чьи движения имели очень странное мягкое обаяние; и эта погоня, которая была похожа на зависание драконьей мухи вокруг водяной лилии или движение лунного луча в июньской ночи, и имело в том самую волшебную сладкую страсть. Эта тёмноволосая, нежная охотница, такая полная огня и тоски, обладала самой странной силой, символизирующая всю тоску, идвигающая собой сердце. В ней, преследуя свою белокурую любовь с таким задумчивым рвением и всегда задеживаемая в самый момент завоевания, казалось, видна великая тайная сила, которая охотится по всему миру, снова и снова, трагически беспощадная, бессмертная.

The other child who particularly enchanted me was the smallest but one, a brown-haired fairy crowned with a half-moon of white flowers, who wore a scanty little rose-petal-coloured shift that floated about her in the most delightful fashion. She danced as never child danced. Every inch of her small head and body was full of the sacred fire of motion; and in her little pas seul she seemed to be the very spirit of movement. One felt that Joy had flown down, and was inhabiting there; one heard the rippling of Joy's laughter. And, indeed, through all the theatre had risen a rustling and whispering; and sudden bursts of laughing rapture.

\\

Другой ребёнок, который меня особенно очаровывал, была самой маленькой, но одной - коричнево-волосая фея, увенчанная полумесяцем белых цветов, на которой был маленький милый розовый лепесток, который плавал вокруг неё самым восхитительным образом. Она танцевала, как никогда не танцевал ребёнок. Каждый дюйм её маленькой головы и тела был полон священного огня движения; и в её маленьком "не только" она, казалось, была самым духом движения. Она чувствовала, что Радость полетела вниз в зал и обитала там; она слышала рябь смеха Радости. И действительно, через весь театр поднялся шелест и шепот; и внезапные вспышки смеющегося восторга.

I looked at my friend; he was trying stealthily to remove something from his eyes with a finger. And to myself the stage seemed very misty, and all things in the world lovable; as though that dancing fairy had touched them with tender fire, and made them golden.

\\

Я посмотрел на своего друга; он пытался украдкой убрать что-то с глаз пальцем. И для меня сцена казалась очень туманной, и всё в мире привлекательным; как будто эта танцевальная фея коснулась их нежным огнём и сделала их золотыми.

God knows where she got that power of bringing joy to our dry hearts: God knows how long she will keep it! But that little European Tour flying Love had in her the quality that lies in deep colour, in music, in the wind, and the sun, and in certain great works of art-the power to set the heart free from every barrier, and flood it with delight.

\\

Бог знает, где она получила эту силу, чтобы принести радость нашим сухим сердцам: Бог знает, как долго она это сохранит! Но в этом маленьком европейском путешествии летящая Любовь имела в ней качество, которое находится в глубоком цвете, в музыке, на ветру, на солнце и в некоторых великих произведениях искусства - в силе освободить сердце от всякого барьера и наводнить его восторгом.

John Galsworthy remembered our dancing years later. Lecturing at Princeton University, he spoke of losing oneself in the contemplation of beauty. He said, "How

lost was I when I first looked on the Grand Canyon of Arizona; when I first saw Isadora Duncan's child dancers . . . or the Egyptian desert under the moon."

\\

Джон Голсуорти вспомнил наши танцевальные годы спустя. На лекции в Принстонском университете, он говорил о том, как потерять себя в созерцании красоты. Он сказал: «Как я потерялся, когда впервые увидел Гранд-Каньон в Аризоне, когда я впервые увидел танцующих детей Айседоры Дункан ... или египетскую пустыню под луной».

This tribute by the English writer fittingly closes a chapter in the lives of Isadora's little pupils from the Grunewald school. The innocent years of childhood were rapidly drawing to an end. This long voyage to foreign lands had broadened my outlook and perceptions and had made me more aware of the outside world. With it, too, had vanished many of my childhood illusions.

\\

Эта дань английского писателя прекрасно закрывает главу в жизни маленьких учеников Айседоры из школы Грюневальда. Невинные годы детства стремительно заканчивались. Это долгое путешествие в чужие земли расширило моё мировоззрение и восприятие и сделало меня более осведомленным о внешнем мире. С этим тоже исчезли многие из моих детских иллюзий.

[108], p.86-100 * DUNCAN DANCER * Sojourn at Chateau Villegenis *

==5==

Sojourn at Chateau Villegenis **Пребывание в замке Вильлегенис**

EvERY life has its ups and its downs, its prosperous periods and its meagre ones. The same was true of Isadora's school. Ever since she founded her philanthropical institution, she had tried to keep it going despite financial difficulties. This meant an endless succession of dance tours with no time out to put down roots for the establishment of her private life. Once more, no sooner had the London season ended than she was off again. This time her destination was America. And once more she entrusted the school to the management of Elizabeth. She had no other alternative and no reason for not trusting her sister.

\\

У каждой жизни есть свои взлёты и падения, её преуспевающие периоды и её скудные. То же самое касается школы Айседоры. С тех пор, как она основала своё филантропическое учреждение, она пыталась сохранить его, несмотря на финансовые трудности. Это означало бесконечную последовательность танцевальных туров без конца, чтобы заложить основы для создания её личной жизни. Ещё раз, как только закончился лондонский сезон, она снова уехала. На этот раз её целью была Америка. И ещё раз она доверила руководство школой

Элизабет. У неё не было другой альтернативы и не было причин не доверять сестре.

It had not been easy for Isadora to decide on this trip, putting the whole expanse of an ocean between herself and her loved ones for who knew how long. She said, "It cost me many pangs to part from my little baby Deirdre, who was now almost a year old, and from that other child-my School."

\\

Айседоре было непросто принять решение об этой поездке, оставив всё пространство океана между собой и её близкими, кого она знала, так на долго. Она сказала: «Мне стоило много мук, чтобы расстаться с моим маленьким ребёнком Дейдрре, которой был почти год, и от другого ребёнка - моей школы».

Mrs. W. E. Corey, Mrs. Gilman

Although the number of her original pupils had dwindled to a mere dozen, she continued to pretend they still numbered twenty. Constantly on the lookout for people who might be persuaded to become patrons of her school, she was delighted upon her arrival in America when she met Mrs. W. E. Corey, a wealthy American lady who took an interest in furthering the arts. Before her marriage to a steel magnate, the former Mabel Gilman had been on the stage in musical comedy. An article appearing in a New York newspaper on September 20, 1908, said in part:

\\

Хотя число её первоначальных учеников сократилось до дюжины, она продолжала притворяться, что их всё ещё двадцать. Постоянно наблюдая за людьми, которых можно было убедить стать покровителями её школы, она была в восторге от её прибытия в Америку, когда она встретила миссис У. Э. Кори, богатую американскую леди, которая заинтересовалась продвижением искусств. Перед тем, как жениться на стальном магнате, бывшая Мейбл Гилман, работала на сцене в музыкальной комедии. Статья, появившаяся в нью-йоркской газете 20 сентября 1908 года, писала, в частности:

It is owing to Mrs. W. E. Corey's desire to devote some of her present fortune to encouraging artists who need it that the twenty little members of Isadora Duncan's school for dancing are just now enjoying the delights of residence in a chateau, about forty miles from Paris.

\\

Именно благодаря желанию г-жи У. Э. Кори посвятить часть своего нынешнего состояния поощрению артистов, которые в этом нуждаются, когда двадцать маленьких членов школы танцев Айсадоры Дункан только сейчас наслаждаются прелестями проживания в замке, примерно в сорока милях от Парижа.

Mrs. Corey, who wants to help not only young dramatists but artists of all kinds as well, heard from Miss Duncan of her plans and the struggle that it was for her to maintain the school by her dancing. Even in France to clothe, feed and educate twenty children is not a slight financial undertaking, especially when they are reared carefully

\\

Миссис Кори, которая хочет помочь не только молодым драматургам, но и артистам всех видов, слышала от мисс Дункан её планы, и о борьбе, в которой она должна была поддерживать школу своими танцами. Даже во Франции, чтобы одевать, кормить и воспитывать 20 детей, это немаленькое финансовое предприятие, особенно когда они тщательно воспитываются...

"To think that you should be paying to house your school in Paris," said Mrs. Corey when she heard of the work that the children are doing, "when I have a chateau standing empty which they might as well occupy! There is a farm there, too, with all that they could want to eat, and there are servants with nothing to do but wait on them."

\\

«Думаю о том, что в Париже вы должны оплачивать свою школу,» - сказала миссис Кори, когда она услышала о работе, которую делают дети, - «когда у меня есть замок, стоящий пустой, который они могли бы занять! Там тоже есть всё, что они могли бы поесть, и есть слуги, которым нечего делать, кроме как ждать их».

Unfortunately, our unknown but very generous American hostess was not there to extend a welcome when we arrived late in September at her beautiful chateau. Instead we were met by her Irish mother, Mrs. Gilman, a short, square-shaped woman in her fifties, who displayed none of her daughter's generous traits. With Tante Miss and our French governess we had come on foot from the small station at Massy-Palaiseau two miles away, when we saw her standing by the front door. Her daughter's sudden affluence through a rich alliance did not change Mrs. Gilman's manner or outlook from the skimpy days when Mabel had worked in the chorus line to earn a living. Dressed in a gray suit and wearing shiny black low-heeled shoes, she stood with feet apart and firmly planted in the graveled driveway. Like a watchdog, she was grimly determined to bar all comers from entering the house. Without offering a greeting she exclaimed, "Well, bless my soul! If they aren't here, the whole lot of them!" Pointing at some buildings across the drive-way enclosing a large courtyard where the stables were, she said to Elizabeth, "Their quarters are over there. I'm afraid your kids will only scuff up the parquet floors and scratch our nice furniture if I let them in here." She jerked a thumb behind her at the chateau. "Those rooms over there are plenty good enough for them. Come on and let me show you."

\\

К сожалению, нашей неизвестной, но очень щедрой американской хозяйки не было, чтобы приветствовать нас, когда мы приехали в конце сентября в её

красивый замок. Вместо этого нас встретила её ирландская мать, миссис Гилман, невысокая, квадратная женщина в возрасте пятидесяти лет, которая не проявляла щедрых черт её дочери. С Тante Мисс и нашей французской гувернанткой мы прошли пешком от маленькой станции в Масси-Палезо, отстоящей в двух милях, когда увидели, что она стоит у входной двери. Внезапная связь её дочери через богатый брачный союз не изменила манеры или взгляды миссис Гилман из тех скудных дней, когда Мейбл работала в хоре, чтобы заработать на жизнь. Одетая в серый костюм и обутая в блестящие чёрные туфли на каблуках, она стояла с ногами, расставленными в сторону, и крепко упиралась в гравийную подъездную дорогу. Как сторожевая собака, она была мрачно настроена, с желанием запретить всем желающим войти в дом. Не предлагая приветствия, она воскликнула: «Хорошо, благослови мою душу! Они не будут здесь, их слишком много!» Указывая на некоторые здания по дороге, окружающие большой двор, где были конюшни, она сказала Елизавете: «Их апартаменты там. Я боюсь, что ваши дети будут только стирать паркетные полы и поцарапают нашу красивую мебель, если я пушу их сюда». Она указала большим пальцем позади неё на замок. «Те комнаты там достаточно хороши для них. Следуйте, позвольте мне показать их вам».

With that remark, not very flattering to our general up-bringing (especially since the Grunewald school prided itself on an immaculate cleanliness and neatness), she stepped out energetically and conducted us to an apartment near the stables, probably originally occupied by the grooms. To my amazement I saw that, except for a large table and some chairs occupying the entire space in the small dining room, the rest of the rooms were completely devoid of furniture. There was not even a single chair. Furthermore, we children were obliged to sleep-not, as Isadora and her generous art patron in far-off America imagined, in the comfortable beds of the chateau-but on simple pallets spread on the hard floor. These primitive living quarters provided neither electricity nor sanitary facilities of any sort. Moreover, we later discovered, the whole place was infested with mice. At night, after blowing out the solitary candle serving as light, we could hear them hungrily gnawing at the woodwork.

\\

С этим замечанием, не очень лестным для нашего общего воспитания (тем более, что школа Грюневальда гордилась безупречной чистотой и аккуратностью), она энергично вышла и провела нас в квартиру возле конюшен, вероятно, изначально занимавшихся конюхами. К моему удивлению, я увидела, что, за исключением большого стола и некоторых стульев, занимающих всё пространство в маленькой столовой, остальные комнаты были полностью лишены мебели. Не было ни одного стула. Кроме того, мы, дети, были обязаны спать - не так, как Айседора и её щедрый арт-покровитель в далекой Америке представляли себе, на удобных кроватях замка, - но на простых поддонах, разбросанных на твёрдом полу. Эти примитивные жилые помещения не обеспечивали ни электричества, ни санитарных сооружений. Более того, мы позже обнаружили, что всё место было заражено мышами.

Ночью, задувая одиночную свечу, служившую светом, мы слышали, как они жадно грызли дерево.

Quite patently Mrs. Gilman had seen to it that her daughter Mabel's little guests would not enjoy "the delights of residence in a chateau." Nor, if she had any say about it, would they have "servants with nothing to do but wait on them." Her daughter's decision to place the chateau and everything in it at the disposal of Isadora's dance school obviously met with her complete disapproval. It must have been a real disappointment to her when Elizabeth left us there.

\\

Совершенно очевидно, что миссис Гилман заметила, что маленьким гостям её дочери Мейбл не понравились «прелести проживания в замке». Кроме того, когда она об этом говорила, у них были «слуги, которые ничего не могли делать, кроме как ждать их». Решение её дочери определить замок и всё в нём под школу танцев Айседоры явно встретило её полное неодобрение. Должно быть, это было настоящим разочарованием для неё, когда Элизабет оставила нас там.

Tante Miss made no visible protest nor, for that matter, did she inform Isadora of the true conditions concerning our reception and accommodation at Mrs. Corey's chateau. She told us, "I am going to leave you here with Mademoiselle and a woman to do the cooking. I want you to be good children and obey Mademoiselle because I will be able to come out and see what you are doing only once in a while. I am staying in Paris at Isadora's apartment to take care of Deirdre."

\\

Танте Мисс не проявляла никаких видимых протестов, и, в этом отношении, она сообщила Айседоре об истинных условиях, касающихся нашего приёма и проживания в замке миссис Кори. Она сказала нам: «Я собираюсь оставить вас здесь с мадмуазель и женщиной, которая будет готовить кулинарию. Я хочу, чтобы вы были хорошими детьми и повиновались мадмуазель, потому что я могу приехать и посмотреть, что вы делаете, только один раз, в то время как я остановлюсь в Париже в квартире Айседоры, чтобы позаботиться о Дейдре.

Chateau Villegenis, where Elizabeth apparently was satisfied to leave us, was situated in the lovely Bievre valley, a few kilometers south of Paris and not far from Versailles to the west. It had once belonged to Napoleon's brother Jerome Bonaparte, the sometime King of Westphalia, who died there in 1860. To the north it was dominated by the imposing mass of the wood of Verrieres, a heavy stand of pine, oak, beech, and chestnut trees; and a river ran through the extensive property.

\\

Шато Вильлегенис, где, по-видимому, Элизабет оставалось довольствоваться тем, что она оставила нас, находился в прекрасной долине Бьевр, в нескольких километрах к югу от Парижа и недалеко от Версаля на западе. Оно когда-то принадлежало брату Наполеона Джерому Бонапарту, когда-то королю Вестфалии, который умер там, в 1860 году. На севере преобладала внушительное пространство леса Верье, мощные заросли из сосны, дуба, бука и деревьев каштана; а через обширную собственность шла река.

The chateau itself stood in the center of a wooded park, reached by a half-mile driveway from the main gate in the surrounding wall. The white house, with two wings in typical French style, mirrored its facade in a small lake, with a parterre of flowers extending to each side. The estate contained tennis courts, orchards, hot houses, a little ivy-covered chapel, and even a medieval donjon hidden deep in the woods. The house was beautifully appointed, with all the conveniences and servants galore; but Mrs. Gilman, together with a little girl called Francoise (a distant relative by marriage), lived there in solitary splendor. We were not invited to set foot in it, not even to take an occasional hot bath. For our daily ablutions we used a large tin pan and cold water drawn from the pump in the courtyard. The French governess pleaded in our behalf for the use of a bathroom, but to no effect. "I don't know why I should let you kids run all over my house," was Mrs. Gilman's only answer.

\\

Сам замок стоял в центре лесистого парка, к нему вела дорога в половину мили, до главных ворот в близлежащий стене. Белый дом, с двумя крыльями в типичном французском стиле, отражал фасад в небольшом озере, с партером из цветов, распространяющихся с каждой стороны. Усадьба содержала теннисные корты, сады, теплицы, небольшую крытую часовню с плющом и даже средневековый донжон [главная башня], скрытую глубоко в лесу. Дом был прекрасно организован, со всеми удобствами и слугами в изобилии; но миссис Гилман вместе с маленькой девочкой по имени Франсуаза (далекая родственница по браку) жили там в одиночестве. Нам не было предложено ступить в него, и даже не предложено принимать горячую ванну. Для ежедневных омовений мы использовали большую оловянную кастрюлю и холодную воду, извлекаемую насосом во дворе. Французская гувернантка умоляла от нашего имени использовать ванную комнату, но это не имело никакого эффекта. «Я не знаю, почему я должна позволять вам, чтобы дети бегали по всему дому», - только ответила миссис Гилман.

And so, in the midst of these beautiful surroundings we children were destined to live in squalor, which made our stay at the chateau completely miserable. At first, in balmy October when we could spend all our time outdoors, it wasn't so bad. But we knew that October could not last forever.

\\

Итак, посреди этих прекрасных окрестностей мы, дети, были обречены жить в убожестве, что сделало наше пребывание в замке совершенно несчастным. Сначала был мягкий октябрь, когда мы могли проводить всё время на открытом воздухе, и это было не так уж плохо. Но мы знали, что октябрь не может длиться вечно.

At one point we even had hopes of leaving. Late one night we were told to pack our things quickly, and we were whisked off to Paris-only to be returned the next day. As usual, no one told us where we were going. But when I peevishly remarked at being kept in the dark that "we might be on our way to America; even then no one would tell us so," the response was that I had guessed correctly.

\\

В какой-то момент у нас даже были надежды уйти оттуда. Поздно ночью нам сказали быстро упаковать вещи, и нас отвезли в Париж, только чтобы вернуть на следующий день. Как обычно, никто не сказал нам, куда мы едем. Но когда я с ужасом заметила, что меня держат в темноте, что «мы можем отправиться в Америку, даже тогда никто не сказал бы нам об этом», ответ был такой, что я догадалась правильно.

It seemed that Isadora's American tour had had an inauspicious beginning. To help drum up more interest, Mr. Frohman - remembering how our dancing had captivated even the sophisticated London audiences-may have had the idea of sending for us, and Isadora may have countermanded it because of the extra expense involved. In any case, we returned, greatly disappointed, to the chateau.

\\

Казалось, что у американского тура Айседоры было неприятное начало. Чтобы помочь привлечь больше интереса, г-н Фроман, помня о том, как наши танцы захватили даже утонченную лондонскую аудиторию, возможно, имел идею отправить нас, но Айседора, возможно, отказалась от этого из-за дополнительных расходов. В любом случае, мы вернулись в замок, очень разочарованные.

Mary Sturges (later Mrs. Mary Desti)

That one night and day in Paris, we stayed at the tiny three-room apartment of Mrs. Mary Sturges (later Mrs. Desti), at 10 Rue Octave Feullet. She was an old friend of Isadora, an American divorcee and expatriate who made her home in France. A few days later she motored out to see us, bringing her little son Preston and a photographer. "I want to send Isadora a picture of you children," she said, "so that she can see how well you look and how happy you are here."

\\

Этой ночью и день в Париже мы остановились на 10-й улице Октав Фейле, в крошечной трёхкомнатной квартире миссис Мэри Стерджес (позже миссис Дести). Она была старым другом Айседоры, после американского развода и отказа от гражданства, которая привела её к себе домой во Францию. Через несколько дней она пришла навестить нас, и привезла своего маленького сына Престона и фотографа. «Я хочу послать Айседоре фотографию её детей, - сказала она, - чтобы она могла видеть, как хорошо вы выглядите и насколько вы счастливы здесь».

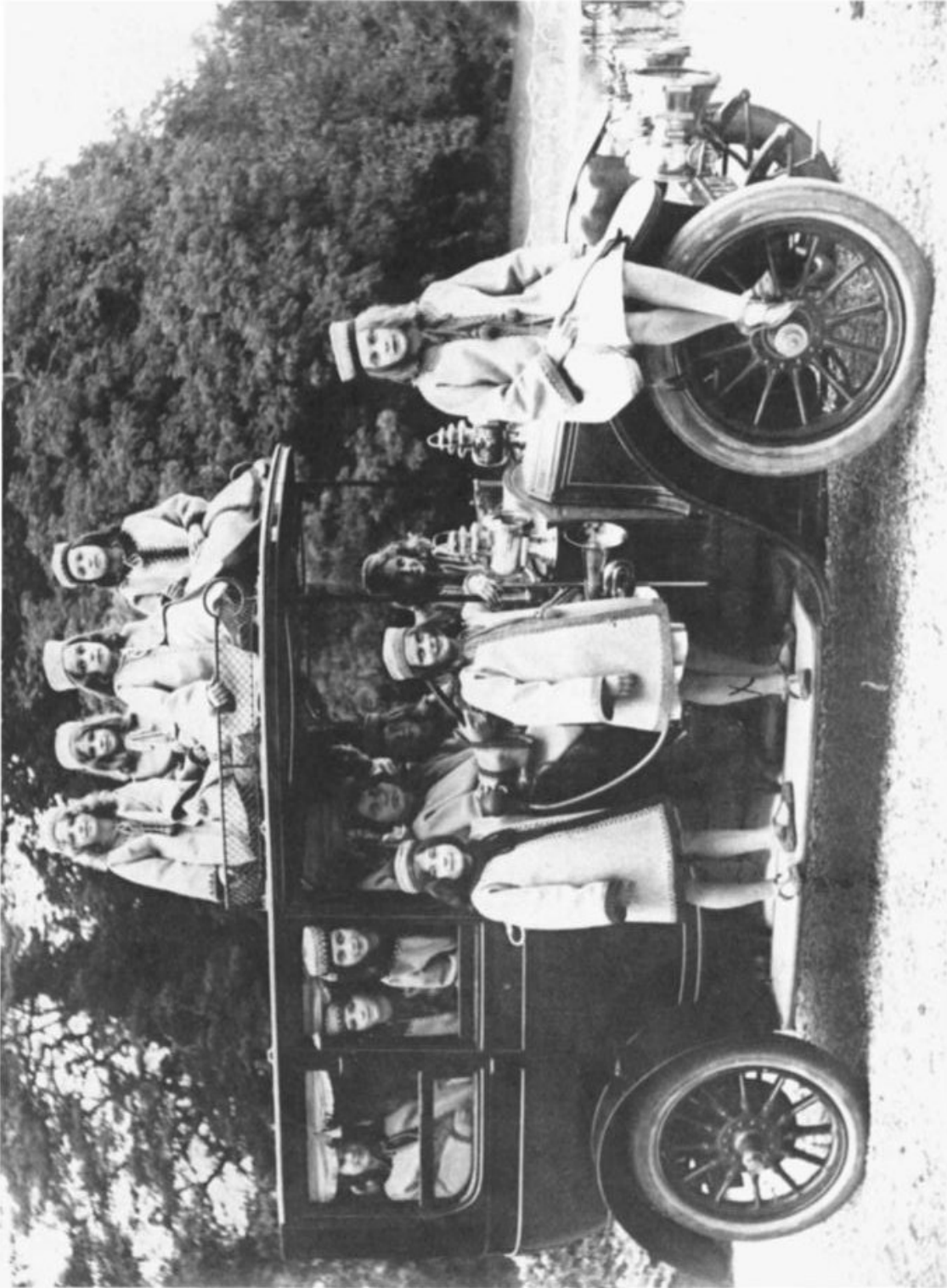
A gay, rather frivolous woman, who liked to laugh at everything and was constitutionally unable to take anything seriously, she conceived the idea of posing us festooned all over her automobile. We put on our Polish coats and climbed aboard her 1908 model limousine, which had more polished brass trim than room to sit in. Preston (who later became the well-known play-wright and movie director), climbed in too and had his picture taken with us. It must have reassured our absent guardian that all was indeed well with her pupils at Mrs. Corey's marvelous French chateau, where we were enjoying a delightful residence and being tended by the servants who had nothing to do but wait on us.

\\

Весёлая, довольно легкомысленная женщина, которая любила смеяться над всем, и не могла серьезно воспринимать что-либо серьезно, она задумала мысль о том, чтобы изобразить нас всех на её автомобиле. Мы надели наши польские пальто и поднялись на её лимузин 1908 года, который скорее был полированной вещью с латунной отделкой, чем местом для сидения. Престон (который позже стал известным драматургом и режиссёром) тоже забрался на авто, его фотография была сделана с нами. Должно быть, она успокоила нашего отсутствующего опекуна, что всё было действительно хорошо с её ученицами в чудесном французском замке миссис Кори, где мы наслаждались восхитительной резиденцией и уходом со слугами, которым нечего было делать, кроме как ждать нас.

Mrs. Sturges only made matters worse by telling us in her gay, chatty manner, that she was taking Elizabeth and Mr. Merz, our music director, trip. "We are making a tour of the Rhineland," she informed us -in her easygoing way. When we pressed her for further details, she chatted on, "Well, I'm not supposed to tell you, so don't tell anyone I told you, but it seems that the Grand Duke of Hesse" - she stopped and wagged a finger at us in mock-seriousness. "Remember now, this is a secret! Well, the Grand Duke has offered Elizabeth a piece of property near Darmstadt for the building of a school of her own."

\\

Pillbox hats and Polish coats, Château Villegenis, October 1908. Irma on running board, center; Preston Sturges behind shoulder of girl at wheel.

Pillbox hats and Polish coats, Chateau Villegenis, October 1908. Irma on running board, center; Preston Sturges behind shoulder of girl at wheel.

Миссис Стурджес только ухудшала ситуацию, рассказывая нам в её веселой, болтливой манере, что она собирается в поездку с Элизабет и мистером Мерцом, нашим музыкальным директором. «Мы совершим экскурсию по Рейнской области», - сообщила она нам в своей спокойной манере. Когда мы надавили на неё для дальнейших подробностей, она сообщила: «Ну, я не должна вам говорить, поэтому не говорите никому, что я вам говорила, но, кажется, великий герцог Гессенский», она остановилась и помахала пальцем на нас в манере серьезности. «Помните, теперь это секрет! Ну, великий князь предложил Элизабет часть имущества недалеко от Дармштадта для строительства собственной школы».

When she saw that this piece of news left us gaping with utter astonishment, she hastily added, "Remember, not a word!" She waved gaily and grinned one last big grin as she got into her chauffeur-driven limousine, calling out, "Au revoir! See you again when I return!" The chauffeur tooted his brass horn, and we scattered like chickens. Then wheels crunched on the gravel and she was gone, leaving us shaken children trying to grasp fully this formidable piece of news.

\\

Когда она увидела, что эта новость оставила нас в полном изумлении, она поспешно добавила: «Помните, ни слова!» Она весело помахала и, усмехнувшись, когда она вошла в свой лимузин с водителем, крикнула: «До свидания! Увидимся снова, когда я вернусь!» Шофер дал гудок в свой латунный рог, и мы рассеялись, как цыплята. Затем колеса захрустели на гравии, и она уехала, оставив нас, ошеломлённых детей, которые пытались в полноте понять эту грозную новость.

Our first reaction was to wonder, "Does Isadora know of this?" and, "What will happen to us?" As usual, there was no one to enlighten us, and our future seemed as uncertain as our present. Abandoned here in France by our second guardian, who had been entrusted by Isadora to take good care of us, we couldn't help feeling that we were a group of lost waifs.

\\

Наша первая реакция заключалась в удивлении: «Знает ли Айседора об этом?» и «Что будет с нами?» Как обычно, нас некому было просвещать, и наше будущее казалось таким же неопределённым, как и наше настоящее. Брошенные здесь во Франции нашим вторым опекуном, которому Айседора поручила заботиться о нас, мы не могли не почувствовать, что мы были группой потерянных беспризорников.

To cap it all, Mademoiselle packed up her things one day and left. Whether it was the bad food, or not getting paid, or that we were too much to cope with, we never knew. From that moment, left without any sort of supervision, we entered upon a state of total neglect.

\\

Чтобы прекратить всё это, мадмуазель однажды собрала свои вещи и ушла. Было ли это плохое питание или не полученная плата, или что нас было слишком много, чтобы справляться с нами, мы никогда не узнали. С этого момента, оставаясь без какого-либо наблюдения, мы вступили в состояние полной запущенности.

Christmas 1908

The winter that year in France proved to be exceptionally severe. It was so cold that the pump froze and the older girls needed to hack the ice away to get water for our cold baths. By then our open sandals had worn thin and had such big holes in them that we were practically walking barefoot in the snow. Our clothing, too, was threadbare and provided little warmth. Fortunately, some coal fires in an open grate provided a little heat in the tiny rooms, otherwise we would surely have frozen to death. During the bad weather, confined indoors, we sat on the floor (there being no chairs) huddled close beside the hearth, and whiled the day away till bedtime. We had no books or games to keep us occupied. Apparently no one cared what happened to us. The cuisiniere, a mute old peasant woman, concerned herself exclusively with cooking what meagre food there was. The provisions dwindled rapidly. Our daily fare during the winter months consisted entirely of either pumpkin soup or a dish of plain boiled potatoes. Forks not being available, even though we were guests of a millionairess, we ate with spoons, the only eating utensils provided by Mrs. Gilman.

Зима в этом году во Франции оказалась исключительно суровой. Было так холодно, что насос застыл, и старшие девочки вынуждены были взламывать лёд, чтобы получить воду для наших холодных ванн. К тому времени наши открытые сандалии износились и имели в них такие большие отверстия, что мы практически шли босиком по снегу. Наша одежда тоже была потрепанной и приносила мало тепла. К счастью, некоторые угольные огни в открытой решетке немного грели в крошечных комнатах, иначе мы наверняка замерзли бы до смерти. Во время плохой погоды, заключенные в закрытом помещении, мы сидели, прижавшись на полу (там не было стульев), рядом с очагом и коротали время весь день до сна. У нас не было книг или игр, чтобы держать нас в покое. По-видимому, никто не заботился о том, что с нами случилось. Кухарка, немая старуха, занималась исключительно приготовлением скудной еды. Припасы быстро сокращались. Наша ежедневная еда в зимние месяцы состояла исключительно из тыквенного супа или блюда из вареного картофеля. Вилки не были доступны, хотя мы были гостями миллионерши, мы ели ложками, единственной кухонной утварью, предоставленной миссис Гилман.

Time seemed to stand still, with nothing to look forward to, not even the approach of Christmas. The usual Christmas packages from home failed to arrive. Our parents had no idea of our exact whereabouts in France, and mail from Grunewald could not be forwarded. Not that we children were remiss in wanting to correspond; we simply lacked the money to buy stamps, and in our ignorance we had no inkling that letters

could be sent without them. The prospect of having to celebrate our beloved Weihnachten alone in a strange land caused a great deal of homesickness. Christmas Eve had dawned bleakly when Mrs. Gilman surprised us by calling us over to the chateau.

\\

Время, казалось, стояло на месте, ничто не ожидалось, даже приближение Рождества. Обычные рождественские пакеты из дома не смогли прибыть. Наши родители не знали о нашем точном местонахождении во Франции, и почта из Грюневальда не могла быть отправлена. Не то, чтобы мы, дети, уклонялись от желания переписываться; у нас просто не хватало денег на покупку марок, и в нашем невежестве мы не подозревали, что письма могут быть отправлены без них. Перспектива того, чтобы отпраздновать нашего возлюбленного Вейнахтена в одиночестве на чужой земле, вызвала много тоски. Сочельник озарился, когда миссис Гилман удивила нас, вызвав нас в замок.

We tidied ourselves as best we could and eagerly approached our hostess, who stood waiting by a side door. With our bare toes sticking out of our sandals in the snow, we curtsied politely and said "Merry Christmas."

\\

Мы привели себя в порядок, как смогли, и с нетерпением подошли к нашей хозяйке, которая стояла в ожидании у боковой двери. С нашими обнаженными носками, торчащими из наших сандалий в снегу, мы вежливо повернулись, и сказали «С Рождеством».

"Yes, that is what I want to see you about," she said, looking us over carefully without as much as a smile. She asked us into the glass-enclosed side entrance, but would not let us enter the house as if our presence might contaminate it. She opened the door and showed us the huge, decorated tree in the hall. With spontaneous exclamations at the beautiful sight of the tree and the many attractively wrapped presents beneath, we pressed forward for a closer view. But she restrained us. "No, don't go in," she said. "You will only scuff up the floors. I just thought you kids might like to see the tree since you haven't got one."

\\

«Да, это то, по поводу чего я хочу вас видеть», - сказала она, внимательно глядя на нас, без особой улыбки. Она пригласила нас в стеклянный тамбур в боковую дверь, но не позволила нам войти в дом, как если бы наше присутствие могло его запачкать. Она открыла дверь и показала нам огромное, украшенное рождественское дерево в зале. Со спонтанными восклицаниями при прекрасном виде на дерево с множеством привлекательно обернутых презентов внизу, мы подступили вперёд для более близкого взгляда. Но она сдержала нас. «Нет, не входите», - сказала она. «Вы только поцарапаете полы, я просто подумала, что вы, возможно, захотите увидеть дерево, так как у вас его нет».

She stepped inside for a moment, returning with an open box of candies. "Here, take one," she said in a more friendly tone, and offered each child a bonbon. Then she closed the box and replaced it on the table in the hall. We stood crowded together in the small entrance watching her, not knowing what to do or say, hoping for a little more friendly human contact.

\\

Она шагнула внутрь на мгновение, и вернулась с открытой коробкой с конфетами. «Вот, возьмите по одной», сказала она более дружелюбным тоном и предложила каждому ребёнку конфету. Затем она закрыла ящик и вернула его на стол в зале. Мы стояли, стиснутые вместе на маленьком входе, наблюдая за ней, не зная, что делать или говорить, надеясь на более дружественный человеческий контакт.

"Well, run along now," she said, dismissing us. "I just wanted to show you the tree. You understand, don't you?" We nodded our heads and sadly trudged back to our bare rooms. In Europe, the tree is lit and the presents are opened late on Christmas Eve. Glumly we sat on the floor close by the fire after our evening meal of pumpkin soup and waited for something to happen. But what? It was cold outside and snowing.

\\

«Хорошо, бегите теперь», сказала она, отпустив нас. «Я просто хотела показать вам рождественское дерево. Вы понимаете, не так ли?» Мы кивнули головой и грустно поплелись обратно в наши голые комнаты. В Европе дерево уже зажгли, и потом, в канун Рождества, открывались подарки. Мрачно мы сидели на полу рядом с огнём после нашего ужина из тыквенного супа, и ждали чего-то. Но чего? Снаружи было холодно, и всё было занесено снегом.

We could hear the wind in the chimney. We talked, remembering other, happier Christmases. Presently, to get in the right mood, I started softly to sing: "Stille Nacht, heilige Nacht; alles schlaeft einsam wacht." The others joined in, and we sang on bravely till the end. With the last notes, our voices quavered and then failed. We all burst into tears. Through our tears, hungry as the mice in the wainscoting, we gnawed on raw acorns and chestnuts that we had gathered in the woods for Christmas presents-the only ones we had. We cried ourselves to sleep, lying on the miserable pallets on the floor.

\\

Мы слышали ветер в дымоходе. Мы разговаривали, вспоминая другие, более счастливые Рождества. В настоящее время, чтобы быть в хорошем настроении, я тихо начала петь: «Тихая ночь, святая ночь; всё спит в одиночестве, просыпается». Другие присоединились, и мы пели решительно до конца. С последними нотами наши голоса задрожали, а потом утихли. Мы все расплакались. Сквозь наши слезы, голодные, как мышки в обшивке за панелью, мы грызли сырые жёлуди и каштаны, которые мы собрали в лесу на рождественские подарки - единственное, что у нас было. Мы плача отправились спать, лежа на жалких поддонах на полу.

The following day, we looked through the frosty windows and watched the fine little friends of Françoise arriving for a party at the chateau. We were not invited, Mrs. Gilman's excuse being that we did not speak French. But Christmas is a day for children the world over and needs no special language for their understanding.

\\

На следующий день мы смотрели сквозь морозные окна, и наблюдали за прекрасными маленькими друзьями Франсуа, прибывшими на вечеринку в замке. Мы не были приглашены, извинение миссис Гилман заключалось в том, что мы не говорили по-французски. Но Рождество - это день для детей во всем мире и не нуждается в специальном языке для их понимания.

It was a hopeless situation. With Isadora in America, Elizabeth in Germany-none of us knowing their exact whereabouts-and Mrs. Gilman ignoring our existence, we found ourselves helplessly trapped. In an effort to find a solution, I realized that outside help in our predicament could be obtained only by notifying mother. Not aware that an unfranked letter would actually reach her, this escape seemed closed too. As a result, a frightening sense of insecurity enveloped us all.

\\

Это была безнадежная ситуация. С Айседорой в Америке, Элизабет в Германии - никто из нас не знал их точное местонахождение, - и миссис Гилман, игнорирующей наше существование, мы оказались беспомощно пойманными в ловушку. Стремясь найти решение, я поняла, что внешняя помощь в нашем затруднительном положении может быть получена только путём уведомления матери. Но так как я не знала, что не оплаченное франками письмо, на самом деле всё же достигнет её, то этот ход тоже казался закрытым. В результате пугающее чувство неуверенности охватило всех нас.

Coventry

Because of the bad weather and for lack of proper clothing, our outdoor exercises had to be curtailed. The cramped rooms made indoor exercise equally impossible. We had no means of letting off excess energy, and so it was not surprising-cooped up as we were in four tiny rooms, like dumb animals in a cage-that the older girls should gang up on us younger ones for something amusing to do. The six older girls, all teenagers, tyrannized the younger to such an extent that we lived in constant terror. Children can be very cruel. As the oldest of the younger group, and possessed of a latent fiery temperament that needed only strong fanning to erupt like a volcano, I did not suffer from their machinations. They knew me and my temper too well. But one day, after a fierce quarrel when I tried to remonstrate with them and their unspeakable behavior, they held a court and sentenced me to Coventry.

\\

Из-за плохой погоды и отсутствия надлежащей одежды наши упражнения вне помещения должны были быть свернуты. Тесные комнаты, сделанные в помещении, также были невозможны для занятий. У нас не было средств выпустить избыточную энергию, и это было неудивительно - запертые в четырёх крошечных комнатах, мы были как немые животные в клетке, - так что старшие девочки объединились в шайку против нас младших, ради того, чтобы чем-то заняться. Шесть старших девочек, все подростки, тиранизировали младших до такой степени, что мы жили в постоянном терроре. Дети могут быть очень жестокими. Будучи самой старшей из младшей группы и обладая скрытым огненным темпераментом, который нуждался в сильном раздувании, как вулкан, я не страдала от их махинаций. Они хорошо знали меня и мой характер. Но однажды, после свирепой ссоры, когда я попыталась сразиться с ними и с их, не выразимым словами, очень плохим поведением, они провели суд и приговорили меня к Ковентри.

Now being sent to Coventry is not a pleasant experience, as most children in boarding school well know. In my case, where it lasted for weeks, it amounted to solitary confinement. If the youngest girls with whom I roomed even so much as glanced my way, they were severely punished. I became embittered, secretly vowing some kind of vengeance on the three ringleaders.

\\

Сегодня отправление в Ковентри не является приятным опытом, как хорошо знают большинство детей в школе-интернате. В моём случае, когда это продолжалось несколько недель, оно представляло собой одиночное заключение. Если бы самые младшие девочки, с которыми я жила в комнате, даже посмотрели в мою сторону, то были бы сурово наказаны. Я стала озлобленной, и тайно поклялась как-то отомстить трём главарям.

At one point I became so morose I decided to run away. I had no money, and it meant walking all the way home to Hamburg. In desperation I packed my few belongings in a small satchel and sneaked out of the house before dawn. I got past the main gate without being seen by the gatekeeper and wandered determinedly along the highway to Paris. But after a few miles of walking in my torn sandals, I got footsore and so frightened at the enormity of my rash undertaking that I succumbed to my misgivings and returned to the chateau as the lesser of two evils.

\\

В какой-то момент я стала настолько угрюмой, что решила убежать. У меня не было денег, и это означало прогулку до Гамбурга. В отчаянии я собрала свои маленькие вещи в маленькую сумку и выскочила из дома до рассвета. Я прошла мимо главных ворот, не увидев привратника, и решительно побрела по шоссе в Париж. Но после нескольких миль ходьбы в моих разорванных сандалиях я получила стертые ноги, и так испугалась моего громадного опрометчивого начинания, что поддалась моим опасениям и вернулась в замок, как меньшее из двух зол.

I don't know how long this ostracism would have lasted (since I was too proud to ask the girls to forgive me) if a frightening incident had not occurred and changed their minds. As I have mentioned, coal fires burned in open grates in our bedrooms. One day I happened to be sitting in the farthest corner of the room while two little girls played close to the open fire. I was supposed to be in solitary confinement, but I knew that both Erica and Temple secretly sympathized with me, having themselves been badly treated by the big ones. I sensed that they played in this room on purpose, despite the risk they took, to keep me company after my month-long loneliness.

\\

Я не знаю, как долго этот остракизм продлился бы (так как я была слишком гордой, чтобы попросить девушек простить меня), если бы страшный инцидент не произошёл и не изменил их мнение. Как я уже упоминала, угольные очаги горели в открытых решетках в наших спальнях. Однажды мне довелось сидеть в дальнем углу комнаты, а две маленькие девочки играли рядом с открытым

огнём. Я должна была находиться в одиночной заточении, но я знала, что и Эрика, и Темпл тайно сочувствовали мне, потому что они очень плохо относились к старшим. Я чувствовала, что они играли в этой комнате нарочно, несмотря на риск, который они на себя приняли, чтобы принять меня в компанию после моего месячного одиночества.

I was drawing pictures and paying them no heed when suddenly I heard a terrified scream. Erica's dress had caught fire, and the flames rapidly spread to her face. Temple stood petrified beside her, screaming. I rushed over and was trying to extinguish the flames with my bare hands when the older girls came running in. Seeing me struggle with Erica in an effort to subdue the flames, they recoiled in panic, thinking I meant to throw her in the fire. For the first time I saw fear written on their own nasty faces-fear of what I might be capable of doing to them in revenge. Their cowardly expressions gave me inner satisfaction, for I realized I now had the upper hand.

\\

Я рисовала картинки и не обращала на них внимания, когда вдруг услышала испуганный крик. Платье Эрики загорелось, и пламя быстро распространилось на её лицо. Темпл стояла окаменелая рядом с ней, и кричала. Я бросилась туда и попыталась погасить пламя голыми руками, когда пришли старшие девушки. Увидя, как я борюсь с Эрикой, пытаюсь покорить пламя, они в отчаянии отшатнулись, думая, что я хочу бросить её в огонь. Впервые я увидела страх, написанный на их собственных неприятных лицах - боязнь того, что я могла бы сделать с ними в отместку. Их трусливые выражения дали мне внутреннее удовлетворение, потому что я поняла, что теперь у меня есть превосходство.

"Don't stand there like idiots!" I shouted at them. "Go fetch the water cans quickly!" They obeyed my command with alacrity, relieved that I was not going to destroy them after all. When they brought the water, I poured it over Erica till the flames were extinguished. "Poor little Erica," I consoled her, rubbing her dry with a towel. "You'll be all right now."

She threw her arms about me, and we kissed. Temple came up and whispered, "Irma, dear, none of us little ones are sore at you. THEY forced us to ignore you. Both Erica and I are so sorry for you."

"I know, don't worry. You'll see, I'll get even with them yet."

\\

«Не стойте там, как идиотки!» Я крикнул им. «Идите к канистрам быстро!» Они повиновались моей команде с готовностью, с облегчением, что я не собираюсь уничтожить их, в конце концов. Когда они принесли воду, я лила её на Эрику, пока огонь не погас. «Бедная маленькая Эрика», я утешала её, вытирая сухим полотенцем. «С тобой всё будет хорошо».

Она обняла меня, и мы поцеловались. Темпл подошла и прошептала: «Ирма, дорогая, никто из нас, малышей, не против тебя, ОНИ заставили нас игнорировать тебя. Мы с Эрикой очень сожалеем о тебе».

«Я знаю, не волнуйся. Увидишь, я ещё с ними встречусь».

That night, when I was about to drop off to sleep, one of the ringleaders bent down low over my pallet. I sat bolt upright in a combative mood.

"What do you want?"

"Sh, sh, don't be alarmed;" she whispered. "Susanna wants to see you. She is ready to forgive you because of what you did to save Erica."

\\

В ту ночь, когда я собиралась заснуть, одна из главарей наклонилась к моему поддону. Я сидела в вертикальном положении в боевом настроении.

«Чего ты хочешь?»

«Ш-ш, не волнуйся, - прошептала она, - Сюзанна хочет тебя увидеть. Она готова простить тебя за то, что ты сделала, чтобы спасти Эрику.»

Susanna, the eldest of our group, asked me to apologize. "Never!" was my defiant retort. She came from the same city I did and did not in the least impress me with her absurd airs. The other girls looked on her as a queen, she had them so hypnotized. To me she was just a stupid, stuck-up kid, and I told her so. At this lese majeste, the others acted stunned. When they had recovered sufficiently and saw that I was not going to kowtow to their silly queen, two of them crept up behind me. I stood there unaware in front of Susanna, who was propped up on pillows as if on a make-believe throne, when they suddenly doused me with a pitcher of ice-cold water. My fury aroused, I threatened them with dire destruction and rushed out of the room, bolting the connecting door. It was their only exit, and now I had them under complete control. I intended to keep them locked up in there for good. Now it was their turn to beg me to unbolt the door, and when they promised to behave and cause no more mischief, I set them free.

\\

Сусанна, старшая из нашей группы, попросила меня извиниться. "Никогда!" была моя вызывающая реплика. Она приехала из того же города, что и я, и нисколько не впечатлила меня своим абсурдным видом. Остальные девушки смотрели на неё как на королеву, она загипнотизировала их. Для меня она была просто глупым, застрявшим в развитии ребёнком, и я ей так и сказала. Этим величественным заявлением другие были ошеломлены. Когда они пришли в себя и поняли, что я не собираюсь ухаживать за их глупой королевой, двое из них подкрались позади меня. Я, не подозревая, стояла там перед Сусанной, которая была приподнята на подушках, как на троне, когда они внезапно облили меня кувшином ледяной воды. Моя ярость возбудилась, я пригрозила им ужасным разрушением и выбежала из комнаты, захлопнув соединительную дверь. Это был единственный выход из их помещения, и теперь я заполучила их под свой полный контроль. Я намеревалась запереть их там навсегда. Теперь наступила их очередь просить меня отпереть дверь, и только когда они обещали вести себя как положено, и не причинять больше вреда, я освободила их.

Fraulein Harting

This life would have continued indefinitely but for the fortuitous arrival of a new governess. Fraulein Harting turned out to be a young, sympathetic Alsatian woman, who spoke both French and German. Overjoyed to have at long last someone who spoke our own language, I told her all that weighed on my mind and made me unhappy. When I confessed my big sin, my attempt to run away, I was ready for her to scold me. Instead, she asked earnestly, "Why didn't you? I would have done the same thing." I told her that I had no money to buy a ticket. "You need only go to the nearest station and ask for Travelers' Aid," she explained-and she told me how that society would always furnish a ticket home for anyone stranded in a foreign land.

\\

Такая жизнь продолжалась бы бесконечно, но только до неожиданного прихода новой гувернантки. Фрейлейн Хартинг оказалась молодой, симпатичной эльзасской женщиной, которая говорила на французском и немецком языках. Очень обрадованная, что, наконец, появился кто-то, кто говорил на моём родном языке, я рассказала ей всё, что по моему мнению было существенным и что сделало меня несчастной. Когда я призналась в своем большом грехе, моей попытке убежать, я была готова услышать её ругань. Вместо этого она решительно спросила: «Почему ты не сделала так? Я бы сделала то же самое». Я сказала ей, что у меня нет денег, чтобы купить билет. «Тебе только нужно отправиться на ближайшую станцию и попросить помощи для путешественников», - объяснила она, и она рассказала мне, как это общество всегда готово предоставить билет домой для тех, кто оказалась в чужой стране.

She told me also that it was possible to send a letter without stamps, postage due. I immediately decided to put her advice to the test. Not having written home for four months, I tore a page out of my copybook and poured out my heart to mother, telling her that Elizabeth Duncan had a plan for establishing a school in Germany, but that Isadora had decided to have hers in France. And to make no mistake about my preference!

\\

Она также сказала мне, что можно отправить письмо без почтовых марок, с почтовой оплатой [при получении]. Я сразу же решила воспользоваться её советом. Не писав до того ничего домой в течение четырёх месяцев, я вырвала страницу из своей тетради, и излила своё сердце матери, сказав ей, что у Элизабет Дункан есть план создания школы в Германии, но что Айседора решила основать школу во Франции. И не заблуждайтесь насчет моих предпочтений!

Fraulein Harting's advice had been correct. Mother received the letter and instantly sent me money and a large package with all the necessities I had had to do without for so long, such as a brush and comb, soap, tooth powder, and writing paper. From Tante Miss and Isadora, we had not a word; they seemed to have forgotten us.

\\

Совет Фрейлейн Хартинг был правильным. Мать получила письмо и мгновенно послала мне деньги и большую упаковку со всеми необходимыми вещами, без которых мне так долго приходилось обходиться, такие как щетка и расческа, мыло, зубной порошок и писчая бумага. От Танте Мисс и Айседоры мы не имели ни слова; они, казалось, забыли нас.

Life in the rooms near the stables at Chateau Villegenis continued as before except that now we had a governess. We complained bitterly. For days we were fed only pumpkin soup, which I loathed. Once, rebelling, we refused to eat it. But our governess said, "I'm sorry. Pumpkin soup is all there is to eat. You will only have it again tomorrow for breakfast if you don't eat it tonight."

\\

Жизнь в комнатах рядом с конюшнями в замке Вильлегенис продолжалась по-прежнему, за исключением того, что теперь у нас была гувернантка. Мы жаловались ей с горечью. В течение нескольких дней нас кормили только тыквенным супом, который я ненавидела. Однажды, взбунтовавшись, мы отказались его есть на ужин. Но наша гувернантка сказала: «Извините, суп из тыквы - это всё, что есть. Завтра у вас будет только это на завтрак, даже если вы не будете есть его сегодня».

"Oh, no I won't!" I suddenly shouted. Disgusted with the whole business, not only the horrible food, I seized the bowl of soup and flung it across the table at the wall. It landed directly above a photograph of Mabel Gilman in musical comedy costume, dripping all over the picture. There was a shocked pause. Everyone present stared at me while I stared defiantly at the big stain on the wall. Then Fraulein Harting found her voice. She pulled me by the ear, saying, "I'll teach you to throw food around! Come with me!"

\\

«О, нет, я не буду!» Я вдруг закричала. Чувствуя отвращение от всего происходящего, а не только от ужасной пищи, я схватила миску супа и бросила её через стол на стену. Он приземлился прямо над фотографией Мейбл Гилман в костюме из музыкальной комедии, и закапал по всей картине. Была шоковая пауза. Все присутствующие уставились на меня, пока я вызывающе смотрела на большое пятно на стене. Тогда Фрейлейн Хартинг обрела свой голос. Она потянула меня за ухо и сказала: «Я научу тебя разбрасывать еду! Пойдем со мной!»

She dragged me to the upper floor, locking me into a dark, unused room. "You can spend the night here and cool off!" she shouted, and left. I threw myself against the door and rattled the knob, screaming, "Let me out! Let me out!" Suffering a fearful attack of claustrophobia, I was frantic. When my eyes became accustomed to the dark, I saw that the room was crowded with furniture—all the furniture Mrs. Gilman had begrudged our using. In an access of fury, I climbed over the stuff, opened the window, and proceeded to throw out the furniture. Out it went, piece by piece: chairs,

tables, mirrors, everything I could lift. The crashing on the hard ground outside made a big noise in the still night.

\\

Она потащила меня на верхний этаж, заперев меня в тёмную, неиспользуемую комнату. «Ты можешь провести здесь ночь и остыть!» - закричала она и ушла. Я бросилась к двери и загремела ручкой, крича: «Выпустите меня! Выпустите меня!» Страдая от ужасной атаки клаустрофобии, я была безумна. Когда мои глаза привыкли к темноте, я увидела, что в комнате было много мебели - вся мебель, которую миссис Гилман когда-то использовала. В приступе ярости я перелезла через вещи, открыла окно и начала выкидывать мебель. Оттуда полетели, одно за другим: стулья, столы, зеркала, всё, что я могла поднять. Разрушения на твёрдой земле внизу, произвело большой шум в спокойной ночи.

It wasn't long before Fraulein Harting came rushing back. She unlocked the door, screaming at me, "Are you crazy? Stop that immediately!" But I paid no heed and kept flinging furniture out the window with enormous gusto. It was a marvelous relief for my long-pent-up resentment.

\\

Прошло не много времени, как фрейлейн Хартинг вернулась. Она отперла дверь и закричала на меня: «Ты сумасшедшая? Прекрати это немедленно!» Но я не обратила на это внимания, и с огромным удовольствием продолжала бросать мебель из окна. Это было чудесное облегчение для моего долгого недовольства.

All this shouting and excitement brought old Mrs. Gilman on the run. "What on earth is going on?" she wanted to know. By this time the governess had gotten hold of me and dragged me outside to the heap of broken furniture.

"Look what you have done!" Fraulein Harting pointed out unnecessarily. I knew what I had done, and I was secretly glad of it the moment I saw Mrs. Gilman. For a while, the latter stood absolutely speechless. Finally she gave me a look of hate and said, "Aren't you ashamed of yourself?"

\\

Все эти крики и волнение привели к появлению старой миссис Гилман. «Что происходит?» она хотела знать. К этому времени гувернантка схватила меня и вытащила на улицу к куче сломанной мебели.

«Посмотри, что ты сделала!» Фрейлейн Хартинг указала на очевидное. Я знала, что сделала, и я была втайне довольна этим, когда увидела миссис Гилман. Некоторое время последняя молчала. Наконец она посмотрела на меня с ненавистью и сказала: «Вам не стыдно?»

With my heart still pounding wildly from the exertion and the fury and the fear, I looked her straight in the eye and said nothing. On seeing this woman-who had shown so little compassion for the starving, freezing children who were guests under her roof-now reproaching me, I felt only bitterness well up in my heart. And although I cried hot tears of shame, I could not bring myself to say to her, "I'm sorry."

\\

Когда моё сердце всё ещё колотилось от напряжения и ярости и страха, я смотрела ей прямо в глаза и ничего не сказала. Увидев эту женщину, которая так мало сострадала к голодающим, замерзающим детям, которые были гостями под её крышей, которая теперь упрекала меня, я почувствовала в своей душе только горечь. И хотя я плакала горячими слезами стыда, я не могла заставить себя сказать ей: «Извините».

She started to upbraid me in the angry tones of an outraged woman, and I expected the worst in retaliation. But to my great surprise and relief, Fraulein Harting simply took me by the hand and led me straight to bed. She covered me up warmly and brought me a bowl of hot milk with bread in it. "There, calm yourself," she said. "Eat this and then go to sleep. We'll talk tomorrow."

\\

Она начала упрекать меня в сердитых тонах возмущенной женщины, хотя я ожидала худшего в отместку. Но, к моему большому удивлению и облегчению, Фрейлейн Хартинг просто взяла меня за руку и повела прямо в постель. Она тепло укрыла меня и принесла мне чашку с горячим молоком с хлебом. «Вот, успокойся», - сказала она. «Съешь это, а потом ложись спать. Мы поговорим завтра».

But we never did. I suppose she too had seen the mask fall from Mrs. Gilman's face and suddenly realized where the guilt of my rebellion really lay. Her sympathy was all for the neglected motherless children in her care, with no further concern about Mrs. Gilman's broken furniture. She told us she would go to Paris and bring us help.

\\

Но мы этого никогда не делали. Полагаю, она тоже видела, как маска падала с лица миссис Гилман, и вдруг поняла, что мой бунт действительно был обоснован. Её сочувствие было для всех беспризорных детей, находящихся на её попечении, без какой-либо дополнительной обеспокоенности по поводу сломанной мебели миссис Гилман. Она сказала, что поедет в Париж и доставит нам помощь.

It was the end of March. Spring comes early in this part of France, and the flowers and trees were budding with fresh, new life. Instead of our governess, Mrs. Sturges showed up again on a Sunday. She carried a bolt of gray cloth under her arm and brought scissors and sewing material. Greeting us with squeals of laughter, she said pleasantly, "I brought you girls some material to make new dresses. I wanted to buy a pretty blue, but Elizabeth said gray was more practical. So here is some blue embroidery yarn for decorating. I also brought you some new sandals."

\\

Это было в конце марта. Весна наступает рано в этой части Франции, и цветы и деревья начали почковаться свежей, новой жизнью. Вместо нашей гувернантки, в воскресенье снова появилась миссис Стурджес. Она держала под мышкой серое полотно и принесла ножницы и швейный материал. Приветствуя нас с радостным смехом, она приятно сказала: «Девушки, я принесла вам кое-какой

материал для создания новых платьев. Я хотела купить красивый синий, но Элизабет сказала, что серый был более практичным. К этому, вот ещё немного синей вышивальной пряжи для украшения. Также я принесла вам новые сандалии».

With several more delighted squeals, she told us the wonderful news that Isadora was expected to return from America any day. We happily set to work on making new dresses for her arrival. And then, one marvelous sunny day in the first week of April, there she was! She actually stood before us, our idol, our goddess, our longed-for Isadora. The spell she cast with her very presence made everything seem rosy, all cares forgotten. She embraced us all tenderly and remarked how we had grown! She herself looked pale and worried. "Poor children," she said gently, hugging us, "poor children. Miss Harting told me everything. You must pack your things and come with me at once."

\\

С ещё несколькими восхитительными визгами она рассказала нам прекрасную новость о том, что Айседора должна была вернуться из Америки со дня на день. Мы с радостью приступили к разработке новых платьев для её прибытия. И вот, один чудесный солнечный день в первую неделю апреля, вот она! Она действительно стояла перед нами, наш кумир, наша богиня, наша долгожданная Айседора. Очарование, которое она принесла с её собственным появлением, заставило всё казаться розовым, все заботы были забыты. Она нежно обняла нас всех и заметила, как мы выросли! Сама она выглядела бледной и обеспокоенной. «Бедные дети, - мягко сказала она, обнимая нас, - бедные дети. Мисс Хартинг рассказывала мне всё: вы должны упаковать вещи и сразу пойти со мной».

But there was nothing to pack. Our old clothes were torn to tatters. We had thrown them away for rags the day before and left them in an empty storeroom beside the stables, where we had discovered an abandoned marble tub that once belonged to Jerome Bonaparte. With whoops of joy we had heated water in the kitchen and had taken our first hot bath in six months in the Napoleonic tub. No hot bath had ever felt so good!

\\

Но упаковывать было нечего. Наша старая одежда была разорвана на лохмотья. Мы выбросили её на тряпки накануне, и оставили в пустой кладовой рядом с конюшнями, где мы раньше обнаружили заброшенную мраморную ванну, которая когда-то принадлежала Джерому Бонапарту. С воплями радости мы нагрели воду на кухне, и, впервые за шесть месяцев, приняли нашу первую горячую ванну в наполеоновской ванне. Никакая горячая ванна когда-либо не ощущалась так хорошо!

Cleaned up now, our hair washed, wearing our new dresses and sandals, we were ready and oh! how willing to go and leave this place forever. At that moment Mrs. Gilman appeared to greet her distinguished visitor. When Isadora saw the squat

figure in a gray suit and black low-heeled shoes, she cut her dead by turning her back and walking away without saying a word.

\\

Чистые теперь, наши волосы были вымыты, одетые в наши новые платья и сандалии, мы были готовы и о! как приятно было идти и покидать это место навсегда. В тот момент появилась миссис Гилман, похоже, чтобы поприветствовать её уважаемого посетителя. Когда Айседора увидела коренастую фигуру в сером костюме и чёрных туфлях на низком каблуке, она проигнорировала её, повернувшись спиной, и прошла, не сказав ни слова.

"Come on, children, get in the cars and let's go," Isadora called out. She took my hand, saying, "You come and sit with me in my car." I hopped in beside her, smiling happily. As we passed through the gate in the great wall surrounding Chateau Villegenis, I did not once look back at the place where I had been so unhappy. "With my hand in Isadora's I felt safe once more and happy. I leaned back blissfully against the soft cushions of the limousine and sighed contentedly. Everything seemed well again with me and my small world as we sped along the sunny highway to Paris.

\\

«Пошли, дети, садитесь по машинам, и поедem, - воскликнула Айседора. Она взяла меня за руку и сказала: «Ты иди и садись со мной в моей машине». Я прыгнула рядом с ней, счастливо улыбаясь. Когда мы проехали через ворота в большой стене вокруг замка Вильлегенис, я ни разу не оглянулась на то место, где я была так несчастлива. «С моей стороны, в Айседоре я снова почувствовала себя в безопасности и очень счастливой. Я благоговейно откинулась на мягкие подушки лимузина, и, довольная, вздохнула. Со мной и моим маленьким миром, всё снова стало хорошо, когда мы мчались по солнечному шоссе в Париж.

==6==

Elizabeth Takes Over Элизабет берёт верх

UPON Isadora's return from America, two events occurred that had a decisive bearing on our future as well as hers. One was the fateful meeting with the millionaire she had hoped would help to establish her school on a solid financial basis. This was Paris Singer. The other was her sister Elizabeth's quite unexpected competition. After a short engagement at the Gaiete-Lyrique Theatre in Paris there followed a month's vacation on the Riviera, for which Isadora provided us with a new, much more elaborate wardrobe. Then she resettled her pupils at Neuilly in a comfortable pension not far from the house she had bought with the dollars earned on her American tour. She once again devoted herself to the reorganization of her school in France. Starting with the nucleus from the Grunewald school, she found she had first to obtain the consent of the parents for our permanent residence in France. To this effect she sent them each a letter dated June 7, 1909:

\\

После возвращения Айседоры из Америки произошло два события, которые имели решающее значение, как для нашего будущего, так и для неё. Одно из них - роковая встреча с миллионером, который, как она надеялась, поможет ей создать школу на прочной финансовой основе. Это был Парис Зингер. Другое, было довольно неожиданная конкуренция её сестры Элизабет. После короткой беседы в театре Гайете-Лирике в Париже последовал месяц отпуска на Ривьере, для которого Айседора предоставила нам новый, гораздо более сложный гардероб. Затем она переселила своих учеников в Нейи, в удобной пансион недалеко от дома, который она купила на доллары, полученные в её американском туре. Она снова посвятила себя реорганизации своей школы во Франции. Начиная с основного состава из школы Грюневальд, она решила, что сначала необходимо получить согласие родителей на постоянное проживание во Франции. С этой целью она направила им всем письма от 7 июня 1909 года:

My dance school no longer exists in Germany because of insufficient support. My own resources are no longer adequate to enable me to carry the expense alone. A group of influential friends, here in France, is now engaged in organizing a dance school under my sole direction, but supported by other funds.

\\

Моя школа танцев больше не существует в Германии из-за недостаточной поддержки. Мои собственные ресурсы уже не достаточны, чтобы позволить мне нести расходы в одиночку. Группа влиятельных друзей, здесь, во Франции, сейчас занимается организацией танцевальной школы под моим личным руководством, но поддерживается другими фондами.

In this new establishment the pupils will continue as hitherto, to receive an academic, as well as an artistic education. The parents are requested to agree by contract to leave the children at the school till they have reached the age of eighteen. Having finished their education, the graduated pupils will then be able to obtain dance engagements through the school organization. Half of their fee will then be deducted for repayment of the expenses incurred for their education.

\\

В этом новом учреждении ученики будут находиться до определенного времени, получать академическое, а также художественное образование. Родителям предлагается договориться о том, чтобы оставить детей в школе до достижения ими восемнадцатилетнего возраста. После окончания обучения выпускники смогут получать танцевальные занятия через школьную организацию. Половина их гонораров будет вычтена для погашения расходов, понесённых на их образование.

If you should consider leaving your daughter with me under the above stipulated conditions, I beg you to let me know immediately. If otherwise, I shall find myself constrained to return your daughter to you. My address is: 68 Rue Chauveau, Neuilly pres Paris. Teleg. "Duncanides."

\\

Если вы согласны оставить свою дочь со мной на вышеуказанных условиях, то я прошу вас немедленно сообщить мне. Если иначе, то я буду вынуждена вернуть вашу дочь вам. Мой адрес: 68 Улица Шово, Нейи близ Парижа. Телеграфируйте. "Дунканидес".

At the same time, unbeknownst to all of those most intimately concerned with her project, Elizabeth Duncan had perfected and put into operation her secretly hatched plan of establishing a school under her own name in Germany. In order to start her enterprise with a trained group of pupils acting as her assistants, she caused a similar request to be sent to our parents. Hoping she would surely come out the winner in this contest for the possession of the original pupils, she placed enormous faith in the fact that the German parents were bound to prefer keeping their offspring in their homeland. She then made her intentions public by placing the following notice in the German press:

\\

В то же время, без ведома всех тех, кто наиболее тесно связан с её проектом, Элизабет Дункан усовершенствовала и ввела в действие свой тайно выношенный план создания школы под своим именем в Германии. Чтобы начать своё предприятие с обученной группы учеников, выступающих в качестве её помощников, она направила аналогичную просьбу к нашим родителям. Надеясь, что она обязательно выйдет победителем в этом конкурсе за обладание оригинальными учениками, она выразила огромную веру в то, что немецкие родители должны были предпочесть сохранить своих детей на своей родине. Затем она обнародовала свои намерения, разместив в немецкой прессе следующее уведомление:

With reference to the sojourn of my sister Isadora Duncan and her school in Paris, I beg to state that I have been associated with this school since its foundation in the capacity of both teacher and director. My own activities have been widely recognized in Germany. I therefore declare that I am not taking any part in the re-establishing of a new school in Paris, France. As repeatedly stated, I shall continue my activities in Germany, specifically in Darmstadt, where my own school is now in the process of being built. I beg you not to construe this as going against my sister. I merely continue to pursue my long and successful-if at times difficult-activities in Germany. I shall proceed on my chosen path with the guarantee of the fine support I have received so far for my undertaking.

\\

Что касается пребывания моей сестры Айседоры Дункан и её школы в Париже, я прошу сообщить, что я связана с этой школой с момента её основания в качестве учителя и режиссёра. Моя деятельность широко известна в Германии. Поэтому я заявляю, что не принимаю участия в восстановлении новой школы в Париже, Франция. Как неоднократно заявлялось, я продолжу свою деятельность в Германии, конкретно в Дармштадте, где сейчас находится моя собственная школа. Я прошу вас не толковать это, как шаг против моей сестры. Я просто продолжать преследовать свою долгую и успешную - если порой трудную - деятельность в Германии. Я продолжу свой избранный путь с гарантией прекрасной поддержки, которую я пока получила для моего начинания.

*In the meanwhile, fearing that most of the pupils would prefer to remain with Isadora if given a choice, and egged on by Max Merz, her friend and adviser who master-minded the whole scheme, she resorted to some audacious tactics. We had not seen her for ages when she appeared one afternoon at our pension all smiles and innocence. Although most of us instinctively scattered like birds, *sauve qui peut*, at her approach, she managed to catch a few of the more trusting ones who had lingered behind. She made an unusually friendly gesture without arousing any suspicion and invited them to have tea in town. The girls accepted with pleasure. The next thing they knew, instead of having tea and cakes at Rumpelmayer's, they were on a train bound for Germany! But of course the rest of us at the pension had no inkling of this forced abduction till later.*

\\

Тем временем, опасаясь, что большинство учеников предпочтут остаться с Айседорой, если им будет предложен выбор, и подталкиваемая Максом Мерцем, её другом и советником, который руководил всей схемой, она прибегла к достаточно смелой тактике. Мы не видели её целую вечность, когда она появилась однажды днём в нашем пансионе, вся улыбающаяся и сама невинность. Хотя большинство из нас инстинктивно разлетелись, как птицы, спасаясь, кто может, при её приближении, ей удалось поймать нескольких более доверчивых, которые задержались сзади. Она сделала необычайно дружелюбный жест, не вызвав никаких подозрений, и пригласила их на чай в городе. Девочки приняли это с удовольствием. Следующее, что они узнали,

вместо того, чтобы пить чай и пирожные у Румпельмайера, они оказались на поезде, направлявшемся в Германию! Но, конечно же, остальные из нас в пансионате, не подозревали об этом насильственном похищении.

"What do you mean by saying my sister has stolen five girls?" Isadora seemed terribly shocked by this dreadful accusation. Standing in the midst of a group of wildly excited children, she listened with growing amazement as we told our tale of how, through a ruse, the five girls had been kidnaped. We explained how, when the girls failed to reappear and Tante Miss returned without them on the following day at exactly the same time to try this trick on the rest of us, we became suspicious; how, under the pretext of getting dressed for the bogus party, we locked ourselves in and refused to come out of our rooms. As soon as she was gone, we had sent for Isadora in a hurry.

\\

«Что ты имеешь в виду, говоря, что моя сестра украла пять девушек?» Айседора выглядела ужасно потрясённой этим ужасным обвинением. Стоя посреди группы дико возбуждённых детей, она с изумлением слушала, когда мы рассказывали нашу историю о том, как через уловку пять девушек были похищены. Мы объяснили, как и когда девочки не смогли снова появиться, и Танте Мисс вернулась без них на следующий день, в то же самое время, чтобы попробовать этот трюк для всех нас остальных. Но мы стали подозрительными; и как бы, под предлогом того, чтобы одеться на фиктивную вечеринку, мы заперлись и отказались выходить из наших комнат. Как только она ушла, мы в спешке послали за Айседорой.

"This is an outrage!" she exclaimed angrily. "How is it possible that my own sister should do a thing like that to me? It is incredible!"

But it was only too true. I had never seen Isadora so angry. Her sister's underhanded action had evidently come as a great shock to her. She contemplated us for a while in silence. Then she asked whether the rest of us wished to remain with her. We assured her that we did. Visibly moved by our sincere attachment, she said, "Very soon I'll have a beautiful new school organized here. Just have a little patience."

\\

«Это возмутительно!» - сердито воскликнула она. «Как возможно, чтобы моя собственная сестра должна была так поступать со мной? Это невероятно!» Но это было слишком верно. Я никогда не видела, чтобы Айседора так рассердилась. Коварное действие её сестры, очевидно, стало для неё большим потрясением. Некоторое время она молчала. Затем она спросила, хотят ли остальные из нас остаться с ней. Мы заверили её, что так и сделаем. Явно тронутая нашей искренней привязанностью, она сказала: «Очень скоро у меня будет прекрасная новая школа, организованная здесь. Просто немного терпения».

Then she turned to me. "Oh, by the way, Irma, I have a nice letter here from your mother. I received it this morning." And she showed me the letter in which mother

asked her to send me home for a long-overdue vacation and a consultation. "I think your mother made a good suggestion," she said. "None of you has been home for over four years, and it is time you went back. You may visit your people for the summer months and I shall send for you when the new school is ready." And she added, "That is perhaps the best plan for the present, as I shall myself be absent for a while." Neither she nor her adoring pupils could possibly foresee that "absent for a while" would encompass the space of not only several months, but years.

\\

Затем она повернулась ко мне. «О, кстати, Ирма, у меня есть хорошее письмо от твоей матери, я получила его сегодня утром». И она показала мне письмо, в котором мать просила её отправить меня домой на длительный отпуск и консультацию. «Я думаю, твоя мать сделала хорошее предложение», - сказала она. «Никто из вас не был дома более четырёх лет, и настало время вернуться. Вы можете посетить своих родных в летние месяцы, и я сообщу вам, когда новая школа будет готова». И она добавила: «Это, пожалуй, лучший план для настоящего, так как я сама буду отсутствовать некоторое время». Ни она, ни её обожающие ученики не могли предвидеть, что «на какое-то время» будет охватывать пространство не только нескольких месяцев, но и лет.

Max Merz

For my part, living at home with mother was very agreeable and a nice change from school routine. Only after two months of this, I became restless and, as time went by, longed more and more for a speedy return to Isadora and the company of my schoolmates. Life at the Duncan School, for better or worse, had become so much a part of me that I could not envision any other existence. At home, delimited by my mother's narrow horizon, I felt shut in. My initiation into the art of the dance had given me a need for beauty and a sense of higher aspirations that could no more be denied me than breathing. So when July, August, September, and most of October passed and I still had not heard from Isadora, I was seized with despair, believing I would never hear from her again. On the other hand, we had frequently received word from Mr. Merz, who in his capacity as director of the newly established Elizabeth Duncan School repeatedly begged me to join that organization. Loyal in my devotion to Isadora, I steadfastly refused.

\\

С моей стороны, жизнь дома с матерью была очень приятной, и сильно отличалась от школьной рутины. Только через два месяца я стала беспокойной и, со временем, всё больше и больше стремилась к скорейшему возвращению к Айседоре и компании моих одноклассников. Жизнь в школе Дункан, лучше или хуже, стала настолько значительной частью меня, что я не могла представить себе другого существования. Дома, ограниченная узким горизонтом моей матери, я почувствовала себя в заточении. Моё посвящение в искусство танца дало мне потребность в красоте и ощущение высших устремлений, в чём не может быть больше отказано мне, так же как в дыхании. Поэтому, когда прошли июль, август, сентябрь и большая часть октября, и я всё ещё не

слышала вестей от Айседоры, меня охватило отчаяние, и я полагала, что больше никогда не услышу ничего от неё. С другой стороны, мы часто получали приглашения от г-на Мерца, который в качестве директора недавно созданной школы Элизабет Дункан неоднократно просил меня присоединиться к этой организации. Верная в своей преданности Айседоре, я неуклонно отказывалась.

I had been in contact once with the eldest pupil, Susanna, who also lived in Hamburg. She wanted to know if I had news from Isadora, because she too wondered at her silence. We exchanged opinions, and that was all. But a couple of days later I told mother for the first time about the feud I had had with Susanna at the chateau when she and the other two older girls had tormented the younger ones. Mother appeared shocked.

\\

Однажды я связалась со старшей ученицей Сюзанной, которая также жила в Гамбурге. Ей хотелось узнать, есть ли у меня новости от Айседоры, потому что она тоже задумалась над её молчанием. Мы обменялись мнениями, и всё. Но через пару дней я впервые сказала матери о той вражде, которую я имела с Сюзанной в замке, когда она и другие две старшие девочки мучили младших. Мать оказалась шокированной.

"To think that I received her here in my house and was nice to her!" she said. "Why didn't you tell me before? I would have refused to let you associate with such a nasty girl. She is a bad influence, and I'm surprised that they kept her at the school." Then early one morning, when I happened to be still in bed, the doorbell rang. Mother went to answer. Who could it be so early? I sat up in bed to listen. Never was I so surprised as to hear the familiar Viennese accent of Max Merz inquiring whether I was at home? Mother conducted him into the front parlor.

\\

«Подумать только, что я принимала её здесь, в моём доме, и была с ней мила!» сказала она. «Почему ты не сказала мне раньше? Я бы отказалась, и не позволила бы тебе общаться с такой противной девушкой. Она плохо влияет на тебя, и я удивлена, что они держали её в школе». Затем, рано утром, когда я всё ещё была в постели, раздались звонок в дверь. Мать ответила. Кто это может быть так рано? Я села на кровать, чтобы послушать. Никогда я не была так удивлена, когда услышала знакомый венский акцент Макса Мерца, который спрашивал меня, была ли я дома? Мать провела его в переднюю гостиную.

During my stay with mother I had discarded my Duncan uniform so as not to appear conspicuous, and had worn the type of dresses and shoes used by other people. At the sound of Mr. Merz's voice, I jumped out of bed and reached for the suitcase that contained my school outfit. I put it on in a jiffy. When mother came to my room and said, "Guess who is here?" she was taken aback to see me standing there in sandals and tunic. I answered, "Yes, I know, and I am ready to go with him." Mr. Merz, a

pleasant man in his middle thirties, greeted me warmly. "I knew you would never make the trip alone," he said, smiling. "That is why I came to fetch you."

\\

Во время моего пребывания с матерью, я забросила свою форму Дункан, чтобы не казаться заметной, и носила типовые платья и обувь, используемые другими людьми. При звуке голоса мистера Мерца, я вскочила с кровати и потянулась за чемоданом, в котором находилась моя школьная одежда. Я надела его в одно мгновение. Когда мать вошла в мою комнату и сказала: «Угадай, кто здесь?» она была ошеломлена, увидев меня стоящей в сандалиях и тунике. Я ответила: «Да, я знаю, и я готова пойти с ним». Мистер Мерц, приятный мужчина в середине тридцати лет, тепло поприветствовал меня. «Я знал, что ты никогда не совершишь поездку в одиночку, - сказал он, улыбаясь. «Вот почему я пришёл за тобой».

My resistance to joining Elizabeth's school weakened the moment I heard his voice. My deep yearning to be within my accustomed milieu again, where music and dancing were of the essence and nothing else really mattered, made me decide impulsively to go with him. But when mother heard that he intended to take Susanna back too, she strenuously objected to my going. "You must make a choice between my daughter and that other girl," she told him.

\\

Моё сопротивление присоединиться к школе Элизабет ослабело, когда я услышала его голос. Моё глубокое стремление снова оказаться в моей привычной среде, где музыка и танцы были сущностью, и ничто другое не имело особого значения, заставило меня импульсивно решиться пойти с ним. Но когда мать услышала, что он намеревается снова забрать Сусанну, она решительно возражала против моего ухода. «Вы должны сделать выбор между моей дочерью и этой другой девушкой», - сказала она ему.

Before making a decision, Mr. Merz, who was pedantic and given to lecturing on sundry topics, wanted to consult with Professor Hohle, who was a member of the local committee for the support of our school. He and his family lived near us and knew me quite well. We went there, and Professor Hohle paid serious attention to what Merz had to say, but seemed surprised that he needed advice. He told him to take me.

\\

Прежде чем принять решение, г-н Мерц, который был педантичен и преподавал по различным темам, хотел проконсультироваться с профессором Холлом, который был членом местного комитета поддержки нашей школы. Он и его семья жили рядом с нами, и хорошо знали меня. Мы пошли туда, и профессор Холл обратил серьезное внимание на то, что должен был сказать Мерц, но, похоже, удивился, что ему нужен совет. Он велел ему взять меня.

So Mr. Merz and I on that same day took the train for Frankfurt-am-Main, where Tante Miss and the other five girls were temporarily located. They were living in the

house of a Dr. Kling, on the Bockenheimer Landstrasse. It turned out to be a pleasant, old, musty-smelling house filled with books, for Dr. Kling, a bachelor and a learned man, had been a founder of the Germanic Museum in Nuremberg. His house, overgrown with climbing roses and set in a wooded plot where he maintained a bird sanctuary, had a mysterious, enchanted air.

\\

Поэтому мы с г-ном Мерцем в тот же день отправились поездом во Франкфурт-на-Майне, где временно находились Танте Мисс и остальные пять девушек. Они жили в доме доктора Клинга, на Ландштрассе Бокенхаймера. Это оказался приятный, старый, пахучий дом, наполненный книгами, потому что доктор Клинг, холостяк и учёный, был основателем Германского музея в Нюрнберге. Его дом, заросший восходящими розами и расположенный на лесистом участке, где он поддерживал птичий заповедник, имел загадочный, зачарованный воздух.

We arrived there late at night and I did not see the other girls, who were already in bed. But when I awoke in the morning, with the sun pouring through a window framed in climbing roses in which birds nested and kept up a constant twitter, I thought I heard a different kind of twittering besides. Without turning around, I became aware of the other girls clustered near my bed. I heard them whisper excitedly:

\\

Мы приехали туда поздно вечером, и я не увидела других девушек, которые уже были в постели. Но когда я проснулась утром, солнце заливало окно, обрамленное восхождением на розы, в котором гнездились птицы и продолжали постоянный щебет, но я подумала, что я услышала и другие щебетания. Не оборачиваясь, я узнала о других девушках, собравшихся возле моей кровати. Я слышала, как они взволнованно прошептали:

"Oh, look! there is only one girl in here!"

"Which one is it, do you think? Irma or Susanna?"

"I don't know. I can't see-she has her head hidden in the pillow!"

"Gee, I hope it's Irma."

"Oh, so do!"

"Me too."

"Sh, sh. Suppose it is Susanna!"

"I don't care!"

\\

«О, смотри, здесь только одна девушка!»

«Которая из них, как вы думаете, Ирма или Сюзанна?»

«Я не знаю, я не вижу - она спряталась в подушку!»

«Надеюсь, это Ирма».

«О, так и хотелось бы мне!»

«Мне тоже.»

«Ш, ш. Предположим, что это Сусанна!»

«Мне всё равно!»

That was all I needed to hear to get their honest reaction. Joyfully I cast away the bedclothes and jumped out of bed. The moment they recognized me, we had a gay reunion. Laughing and chatting at the same time, they told me how glad they were to see me instead of Susanna. "We all hate her so," Anna said, and Theresa eagerly nodded assent. Both Lisel and Gretel chimed in, one saying, "We were afraid of her"; the other asking apprehensively, "Is she coming later?"

\\

Это всё, что мне нужно было услышать, чтобы узнать их честную реакцию. Радостно я отбросила постельное белье, и вскочила с кровати. В тот момент, когда они узнали меня, у нас было весёлое воссоединение. Смеясь и болтая, в то же время, они сказали мне, как они рады видеть меня вместо Сюзанны. «Мы все так её ненавидим, - сказала Анна, и Тереза с готовностью кивнула. Затем Лизель, и Гретель вмешались, одна из них сказала: «Мы боялись её»; другая спросила с опаской: «Она придет позже?»

I delightedly assured them that neither of the two older girls would ever be allowed to return. We had got even with our former tormentors at last. With Erica and Temple scheduled to join us at a later date, we all rejoiced to be reunited again. Pleased and happy to be forming a smaller but much more congenial group, we hoped to remain together to the end.

\\

Я с радостью заверила их, что ни одна из двух старших девочек не сможет вернуться. Наконец-то мы получили превосходство над нашими бывшими мучителями. После того, как выяснилось, что Эрика и Темпл планировали присоединиться к нам позже, все мы обрадовались тому, чтобы снова воссоединиться. Приятно и счастливо было формировать меньшую, но гораздо более благоприятную группу, и мы надеялись остаться вместе до конца.

Korperkultur [physical culture] and racial hygiene

Two years elapsed before the Darmstadt building could be completed. In the interim, led by Tante Miss and Merz, we girls gave combination lecture-dance recitals to support ourselves. These also served to make propaganda and drum up trade in the form of paying pupils for their newly founded institute for Korperkultur. Here young German girls would receive an education based mainly on physical culture and racial hygiene-a chauvinistic ideology that had nothing in common with Isadora Duncan's theory of physical education for children, which was founded on her dance art.

\\

Прошло два года, прежде чем здание Дармштадта могло быть завершено. Тем временем, во главе с Танте Мисс и Мерцом, мы, девочки, давали совместные концерты и танц-лекции, чтобы поддержать себя. Они также способствовали пропаганде и расширению дохода в форме оплаты учеников, за их недавно

учрежденный Институт Физической Культуры. Здесь молодые немецкие девочки получали образование, основанное главным образом на физической культуре и расовой гигиене, - шовинистической идеологии, которая не имела ничего общего с теорией физического воспитания детей Айседоры Дункан, основанной на её танцевальном искусстве.

The motivating force behind all this Rassenkultur business was Max Merz. A fanatic on the subject, ambitious and an opportunist, he managed to exert a kind of Svengali influence over Elizabeth. Born in Vienna of Czech parents, he had studied composition and conducting at the Vienna Conservatory, finishing at the Hochschule für Musik in Berlin. Seeing Isadora Duncan dance one day, he became so fired with the idea of composing music for her that he applied for a job at the Grunewald school toward the end of 1906. There he met not Isadora but her older sister, and from that moment on they became close friends and allies. He acted as music director and conductor for the school performances. When Isadora decided to transfer her establishment to Paris, Merz prevailed upon Elizabeth to remain in Germany-the country he admired more than any other-and to open her own school there. Being more than devoted to him, she agreed wholeheartedly.

\\

Мотивирующей силой всего этого бизнеса расовой культуры был Макс Мерц. Фанатик по этому вопросу, амбициозный и оппортунистический, он сумел оказать некое влияние на Элизабет, подобно Свенгали [главный герой романа «Трильби» Джорджа Дюморье 1894 года]. Он родился в Вене, в семье чешских родителей, изучал композицию и дирижировал в Венской консерватории, финишировал в берлинском музыкальном мюзикле «Университет». В один прекрасный день, увидев танец Айседоры Дункан, он настолько увлекся идеей сочинения музыки для неё, что подал заявку на работу в школу Грюневальд в конце 1906 года. Там он встретил не Айседору, а её старшую сестру, и с этого момента они стали близкими друзьями и союзниками. Он выступал в качестве музыкального директора и дирижера для школьных выступлений. Когда Айседора решила перенести своё учреждение в Париж, Мерц воздействовал на Элизабет, чтобы остаться в Германии, стране, которой он восхищалась больше, чем любой другой, - и открыть там свою собственную школу. Будучи более чем преданной ему, она всецело согласилась.

A clever man, obsessed with a theory to propound, he developed a natural bent for lecturing. He would get up and lecture at the drop of a hat anywhere, any time. His ordinary conversations invariably turned into speeches and, once started, he would harangue people for hours. In promoting the Elizabeth Duncan School for Physical Culture, he had at last found his true metier. Affable in manner and attractive to women-with the well-known Viennese charm of Kuss-die-Hand type of flattery-he encountered little difficulty in getting people to part with their money for his pet project. It was gradually taking form on a hill near Darmstadt, Merz having first cajoled the ruling grand duke to donate valuable property. As a doctrinaire preaching physical culture and racial hygiene on the one hand, and providing the musical accompaniment for our dance recitals on the other, he managed to confuse many of his listeners. As one alert Hamburg critic observed:

\\

Умный человек, одержимый теорией, предназначенной для пропаганды, он разработал природную склонность к чтению лекций. Он вставал и читал лекции в любом месте, в любое время. Его обычные разговоры неизменно превращались в речи, и, начав, он часами преследовал людей. В продвижении Школы Физической Культуры Элизабет Дункан он, наконец, нашёл свою истинную профессию. Приветливый в манере и привлекательный для женщин - с известным венским очарованием "целователя рук" и таким типом лести - он не испытывал особых трудностей в том, чтобы заставить людей расстаться со своими деньгами для своего любимого проекта. Тот постепенно обретал форму на холме недалеко от Дармштадта, где Мерц как-то уговорил правящего великого князя пожертвовать ценную собственность. С одной стороны, доктринер [следующий своей оторванной от жизни теории или догме, схоласт, начётчик], проповедующий физическую культуру и расовую гигиену, и предоставляя музыкальные сопровождения наших танцевальных концертов, с другой, ему удалось сбить с толку многих его слушателей. Как заметил один из наблюдателей в Гамбурге:

The Elizabeth Duncan School for young girls of the privileged class purports to be an institution devoted to physical culture-and not the art of the dance. Then why, for heaven's sake, do they distort the picture of their intentions by giving dance performances?

I am convinced that the majority of the public, despite the explanations of director Max Merz, left the theatre with the impression that this physical culture institution really represents a dance school.

This is probably due to the name of Isadora Duncan, whose spirit presides over the whole show.

\\

Школа Элизабет Дункан для молодых девушек из привилегированного класса претендует на роль института, посвященного физической культуре, а не искусства танца. Тогда почему, ради бога, они искажают картину своих намерений, давая танцевальные представления?

Я убежден, что большинство общественности, несмотря на объяснения директора Макс Мерца, покинули театр с впечатлением, что это учреждение физической культуры действительно представляет школу танцев. Вероятно, это связано с именем Айседоры Дункан, чей дух возглавляет всё шоу.

*No matter how hard Elizabeth and Merz tried to wean us away from Isadora's artistic influence, they did not succeed in obliterating the spirit of the dance as instilled by Isadora in her former pupils. To mold us into their concept of physical culture paragons, they even resorted to the desperate means of engaging an officer of the Swedish army to drill us in gymnastics. Isadora had expressly stated that "Swedish gymnastics is a false system of body culture because it takes no account of the imagination and regards the muscles as an end in themselves."**

**Life, p. 189.*

\\

Независимо от того, насколько сильно Элизабет и Мерц пытались оттолкнуть нас от художественного влияния Айседоры, им не удалось уничтожить дух танца, который внушила Айседора её бывшим ученикам. Чтобы превратить нас в их концепцию образцов физической культуры, они даже прибегли к отчаянным средствам привлечения офицера шведской армии, чтобы обучить нас гимнастике. Айседора прямо заявила, что «шведская гимнастика - это ложная система культуры тела, потому что она не учитывает воображение и рассматривает мышцы как самоцель».*

**Жизнь, с. 189.*

When, after such rigorous physical training (resembling in every respect the stiff drill of soldiers on parade), month after month, year in and year out, we still kept the spark alive and continued to dance the way Isadora taught us, they continued to disparage our efforts. If people happened to praise our dancing, Elizabeth would tell them that we only "imitated" her sister. She was undoubtedly well aware of the fact that Isadora, as the creator and unique exponent of her art, was also our sole

example, and that she, Elizabeth, had nothing whatsoever to contribute in this particular field. Her own pupils had to look elsewhere for inspiration and guidance if they wanted to qualify as genuine exponents of the dance as Isadora envisioned it. She knew that Isadora from the very beginning intended to train specially chosen disciples to carry on her art.

\\

Когда после столь строгой физической подготовки (напоминающей во всех отношениях жёсткую тренировку солдат на параде), месяц за месяцем, год за годом, мы всё ещё сохраняли искру и продолжали танцевать так, как нас учила Айседора, но они продолжали пренебрегать нашими усилиями. Если люди хвалили наши танцы, Элизабет говорила им, что мы только «подражали» её сестре. Она, несомненно, хорошо знала, что Айседора, как создатель и уникальный экспонат её искусства, была также нашим единственным

примером, и что она, Элизабет, не имела ничего, что могло бы внести вклад в эту конкретную область. Её собственным ученикам приходилось искать в другом месте источник вдохновения и руководства, если они хотели квалифицироваться как настоящие участники танца, как это представляла Айседора. Она знала, что Айседора с самого начала собиралась обучать специально избранных учеников для продолжения своего искусства.

Her dancer's body being the instrument, Isadora represented in her own person two not necessarily related principles: both the creative and the interpretative. To interpret her choreography correctly, from both the physical and the spiritual points of view, we could not do otherwise than dance in her image. For reasons of her own, this was something Elizabeth wanted to prevent at all costs.

\\

Для неё тело танцора было инструментом, и Айседора представляла в своей собственной персоне два не обязательно связанных принципа: как творческий, так и интерпретирующий. Чтобы правильно интерпретировать её хореографию, как с физической, так и с духовной точек зрения, мы не могли сделать иначе, чем танцевать по её образцу. По своей собственной причине Элизабет хотела предотвратить это любой ценой.

I for one, all the time I was a pupil of the Darmstadt school, could not reconcile Isadora's spiritual teachings with the materialistic ideologies expounded by Elizabeth or the racial theories advocated by Max Merz. Nor did I willingly submit to wearing their uncomfortable, unbecoming school uniform, consisting of scratchy gray woolen underwear, ditto clothes, and gray woolen stockings shaped like long opera gloves with a cot for each toe. The latter were meant to fit specially designed orthopedic foot-wear with a separate compartment accommodating the individual toes. The excruciating torture I sustained walking around in these modern instruments of the Inquisition cannot be easily described. Tante Miss had a knack for making her pupils feel miserable. Not that she set a fine example by using them herself. Oh no, her implacable Spartan attitude excluded her own discomforts.

\\

Я про то, что за всё время, пока я была учеником школы Дармштадта, я не могла примирить духовные учения Айседоры с материалистическими идеологиями, изложенными Элизабет, или расовыми теориями, которые пропагандировал Макс Мерц. Я так же не охотно соглашалась носить их неудобную, не идущую к лицу школьную форму, состоящую из колючего серого шерстяного нижнего белья, тонкой одежды и серых шерстяных чулок в форме длинных оперных перчаток с отделениями для каждого пальца ноги. Последние предназначались для ношения специально разработанной ортопедической обуви, с отдельными отсеками для размещения отдельных пальцев. Невозможно просто описать мучительную пытку, которую я испытывала в этих современных инструментах инквизиции. У Танте Мисс было умение заставлять её учеников чувствовать себя несчастными. Не то, чтобы она

показывала хороший пример, используя их сама. О нет, её непримиримое спартанское отношение исключало её собственный дискомфорт.

Thus my education, which had started as a dancer and follower of Isadora Duncan's lofty ideals, was persistently being perverted. I was, against my will and natural inclination, abruptly directed into channels alien to my artistic instincts. It all culminated at the Hygienic Exhibition in Dresden in 1911. In the great hall (where a giant replica of a transparent heart pumping red blood greeted the visitor) we had an exhibit consisting of white plaster casts of our torsos and limbs. My own contribution was a life-size replica of my arm from shoulder to fingertips. Models of our school uniform were also shown. Preceded by lectures from both Mr. Merz and Elizabeth, we girls daily gave free demonstrations of our physical prowess acquired under their guidance via Swedish gymnastics. They reached the high point of their endeavors in the field of physical culture in Germany with that exhibition. With the award of the gold medal, their greatest ambition was achieved.

\\

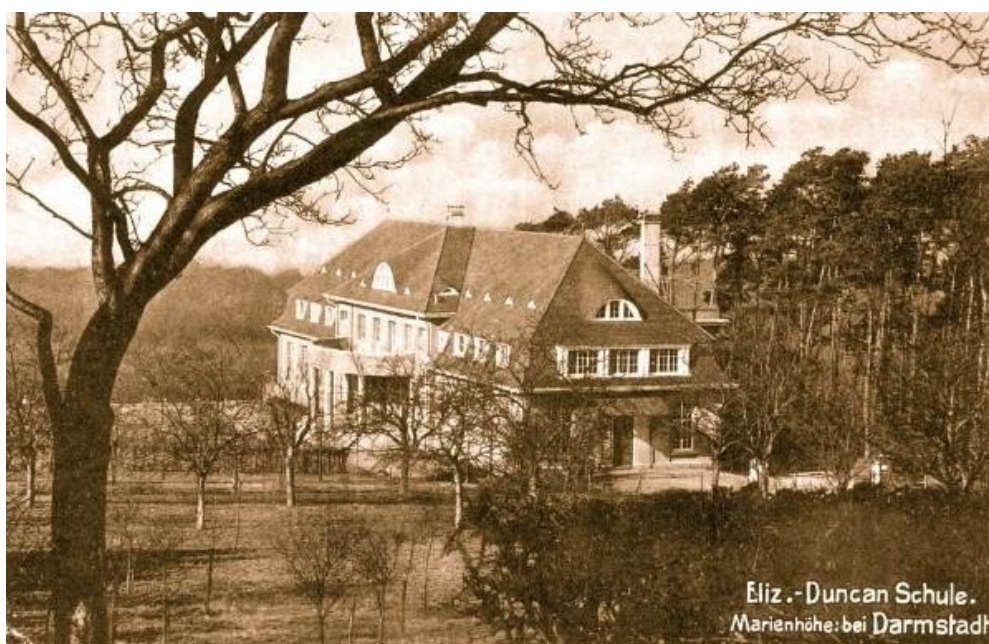
Таким образом, моё образование, начавшееся как танцовщицы и последовательницы высоких идеалов Айседоры Дункан, настойчиво извращалось. Я была против моей воли и естественной склонности, внезапно направлена в каналы, чуждые моим художественным инстинктам. Всё это завершилось Гигиенической выставкой в Дрездене в 1911 году. В большом зале (где была гигантская копия прозрачного сердца, накачивающего красную кровь, которая приветствовала посетителей), у нас была выставка, состоящая из белых гипсовых слепков наших торсов и конечностей. Мой собственный вклад был в натуральную величину копией моей руки от плеча до кончиков пальцев. Также были показаны модели нашей школьной формы. Предшествовали лекции от г-на Мерца и Элизабет, а мы, девочки, ежедневно давали бесплатные демонстрации нашей физической доблести, приобретённые под их руководством через шведскую гимнастику. Они достигли высокой точки своих усилий в области физической культуры в Германии с этой выставкой. С присуждением золотой медали их величайшие амбиции были достигнуты.

One would have thought that Elizabeth Duncan possessed at least the intelligence, if not the generosity of heart, to acknowledge that we pupils of the original school had contributed largely to the success of hers; that as a group we represented a distinct asset to her and her work. More important, as far as our personal attitudes were concerned, she should have recognized that we could no longer be treated as children in constant need of correction and punishment. We were growing up (the eldest being seventeen) and desired her to establish a more amiable student-teacher relationship. But her unrealistic approach to her growing pupils made the relationship even more strained than before. And thus matters stood between us when, in the fall of 1912, the Darmstadt school was ready for our occupancy.

\\

Можно было бы подумать, что Элизабет Дункан обладает, по крайней мере, умом, если не щедростью сердца, чтобы признать, что мы, ученики

первоначальной школы, внесли большой вклад в её успех; что в качестве группы мы представляли собой отдельный актив для неё и для её работы. Что более важно, то, что касается наших личных установок, она должна была признать, что мы больше не можем рассматриваться как дети, которые постоянно нуждаются в исправлении и наказании. Мы росли (старшей семнадцать) и желали, чтобы она установила более любезные отношения между учениками и учителями. Но её нереалистичный подход к её растущим ученикам сделал отношения ещё более напряженными, чем раньше. И поэтому вопросы стояли между нами, когда осенью 1912 года школа Дармштадт была готова для наших занятий.

Situated just outside the city on top of a hill, the new building commanded a sweeping view of the valley below, with the silver ribbon of the river Rhine winding away in the distance. Built along simple, functional, modern lines, the house had large airy rooms filled with the Grunewald furniture, which Elizabeth had appropriated. The large central hall was especially designed for such physical activities as the Elizabeth Duncan School had to offer. The day of inauguration was planned as a big event, with their highnesses the Duke and Duchess of Hessen-Darmstadt participating.

\\

Расположенное недалеко от города на вершине холма, новое здание возвышалось над широким видом на долину внизу, с серебряной лентой реки Рейн, нависавшей издалека. Построенные вдоль простых, функциональных, современных линий, в доме были большие просторные комнаты, заполненные мебелью из Грюневальда, которую Элизабет присвоила. Большой центральный зал был специально разработан для таких физических занятий, которые могла предложить школа Элизабет Дункан. День инаугурации был запланирован как большое событие, в котором участвовали герцог и герцогиня Гессен-Дармштадтская.

Some of us had met this ruler a few years earlier, when we had performed at the Hof Theatre. A grandson of Queen Victoria and a brother of the Tsarina, he was in his early forties. He was informal and democratic in manner, jovial of disposition, and somewhat given to practical jokes. He was also an enthusiastic patron of the theatre and often took part in amateur theatricals. He and his wife organized a dancing class at the palace so that their two little boys could learn to dance, and some of the older girls went there once a week to assist Tante Miss with the teaching. Under the benevolent patronage of the Duke and Duchess, the Darmstadt school was off to a good start. On the day of the inauguration they drove up in their horse-drawn carriage in grand style and, seated in the front row of the great crowd of spectators, graciously watched the ceremonies.

\\

Некоторые из нас встречались с этим правителем несколько лет назад, когда мы выступали в Театре Хофа. Внук королевы Виктории и брат царицы, ему было лет сорок. Он был неформальным и демократичным в манере, с весёлым настроением, и, в некоторой степени, отдавался розыгрышам. Он также был восторженным покровителем театра, и часто принимал участие в любительских театрах. Он и его жена организовали танцевальный класс во дворце, чтобы их двое маленьких мальчиков могли учиться танцевать, а некоторые из старших девушек ездили туда раз в неделю, чтобы помочь Танте Мисс с обучением. Под благосклонным покровительством герцога и герцогини, школа Дармштадта начиналась хорошо. В день инаугурации они подъехали в своем конном экипаже в величественном стиле и, сидя в переднем ряду большой толпы зрителей, любезно наблюдали за церемониями.

This was indeed the day of days for Max Merz. Triumphant, with coattails flying, he supervised and conducted the whole proceeding. He was reception committee, conductor of the choir singers, and main speaker all rolled into one. He even composed both the words and music for the pageant. It seemed to be entirely his show. His frenzied activity aroused my risibility, which gradually mounted to such a pitch that during the inaugural address I was suddenly seized with a terrible fit of the giggles. I stood directly behind him among all the other pupils, who were dressed in purest white to form a striking background for his slender figure attired in a dark frock coat.

\\

Это действительно был лучший день из всех дней для Макса Мерца. Триумфально, с летающим пальто, он руководил, и проводил всё это. Он был и приёмная комиссия, и дирижёр певческого хора, и главный оратор - всё в одном. Он даже сочинил как слова, так и музыку для конкурса. Казалось, что это его шоу. Его безумная деятельность вызвала мою смешливость, которая постепенно приближалась к такой черте, что во время его первого обращения, меня внезапно охватывали ужасные приступы хихиканья. Я стояла прямо за ним среди всех других учеников, которые были одеты в чистейшую белую одежду, чтобы создать яркий фон для его стройной фигуры, одетой в тёмный сюртук.

When, inspired by the brilliant October sunshine and carried away by his own flamboyant oratory, he started to invoke his Teutonic gods, I could no longer control myself. Neither apparently could he, for without looking around he knew quite well whence these hysterical giggles originated. And so in the midst of his impassioned evocation of "Baldur! Oh, mighty sun god! I implore thee cast thy golden rays upon our work!" he suddenly stopped and startled not only me but the whole assembly by shouting, "Oh, Irma, shut up!"

That effectively took care of me, but not the Grand Duke. He pulled his silk handkerchief out of his pocket and blew his nose vigorously while his shoulders shook with hidden laughter

\\

Когда, вдохновленный блестящим солнечным светом октября и увлекшись своей яркой ораторской мыслью, он начал призывать своих богов-тевтонов, я больше не могла себя контролировать. Видимо, он не мог смириться с этим, причём, не оглядываясь, он прекрасно знал, откуда возникли истерические хихиканья. И поэтому в разгар своего страстного восклицания «Балдур! О, могучий бог солнца! Я умоляю тебя бросить твои золотые лучи на нашу работу!» он внезапно остановился и испугав не только меня, но и всё собрание, прокричал: «О, Ирма, заткнись!»

Это эффективно подействовало на меня, но не на великого князя. Он вытащил свой шёлковый носовой платок из кармана и энергично высморкался, пока его плечи сотрясались от смеха...

Following the official opening, the Elizabeth Duncan School settled down to its regular daily routine of academic studies in the morning and dance, music, or gymnastics in the afternoon. Many new pupils were enrolled, on both a paying and a scholarship basis.

In this school, once I had shown an aptitude for teaching, I was formally entrusted with all the dance classes for children. Thus, at the youthful age of fifteen, I became a full-fledged teacher without pay. But what I gained was immense practical experience (by developing my own method of teaching) in instructing others, not only in the fundamentals, but also in the finer expressions of the true dance as taught to me by Isadora Duncan. But I am getting ahead of my story.

\\

После официального открытия, школа Элизабет Дункан начала регулярную ежедневную программу академических занятий по утрам и танцам, музыке или гимнастике днём. Многие новые ученики были зачислены как за оплату, так и на стипендию.

В этой школе, как только я проявила склонность к обучению, мне официально были доверены все танцевальные классы для детей. Таким образом, в юношеском возрасте пятнадцати лет [1912 год] я стала полноправным учителем без оплаты. Но то, что я приобрела, было огромным практическим опытом (путём разработки моего собственного метода обучения) в обучении других не только основам, но и более тонким выражениям истинного танца, чему научила меня Айседора Дункан. Но я опережаю свою историю.

Elizabeth Duncan's school, Darmstadt. Irma at left among her little pupils; Elizabeth and Max Merz at right.

Deirdre and Irma aboard ship to Egypt, 1912: snapshot by Isadora Duncan.

Elizabeth Duncan's school, Darmstadt. Irma at left among her little pupils; Elizabeth and Max Merz at right.

Deirdre and Irma aboard ship to Egypt, 1912: snapshot by Isadora Duncan.

-=7=-

Lesson in the Temple

Урок в храме

I HAD not heard from Isadora for two years when, quite unexpectedly, she came to see us. This occurred in Dresden, where we were attending a hygienic exhibition; and Isadora, on a motor trip with Paris Singer, happened to be passing through.

\\

Я ничего не слышала от Айседоры два года, когда неожиданно она приехала к нам. Это произошло в Дрездене, где мы посещали гигиеническую выставку; а Айседора, в поездке с Парисом Зингером, проходила мимо.

When she arrived to have lunch with her sister, we hardly recognized her. Her outward appearance had undergone a complete transformation. Gone were the simple tunic and sandals she always used to wear, as well as the flowing cape and skullcap that were almost a trademark of hers. Instead, she appeared in a very smart outfit that Paul Poiret, the famous French couturier, had designed especially for her in accordance with her taste for simple lines. It was quite a departure for him, who had just launched the eccentric fashion of the hobble skirt and cartwheel hat bedecked with ostrich plumes. And here we have proof of how Isadora Duncan influenced modern dress reform, for it was directly through Paul Poiret's designs copied from her ideas that the simple line of today's clothes evolved. "How the girls have grown!" she exclaimed when she saw us. She held my hand in hers for a moment and regarded me fondly and then said to her sister, "Be sure to bring this one along when you visit me in July."

\\

Когда она приехала пообедать со своей сестрой, мы её почти не узнали. Её внешний вид претерпел полную трансформацию. Ушли былые простые туники и сандалии, которые она всегда носила, а также ниспадающий плащ и тюбетейка, которые были почти её торговой маркой. Вместо этого она появилась в очень элегантном наряде от Пол Пуаре, известного французского кутюрье, который был разработан специально для неё, в соответствии с её вкусом к простым линиям. Для него это была настоящая отправная точка, которой он только что начал эксцентричную моду на юбку-хоббле и большую круглую шляпу, украшенную страусиными перьями. И здесь, у нас есть доказательства того, как Айседора Дункан повлияла на современную реформу одежды, потому что именно через проекты Пола Пуаре были скопированы её идеи о том, во что сегодня эволюционировала простая линия сегодняшней одежды. «Как девочки выросли», - воскликнула она, увидев нас. Некоторое время она держала меня за руку и с любовью смотрела на меня, а потом сказала сестре: «Обязательно привези её, когда придешь ко мне в июле».

Back at school I lived as in a dream, counting the days from then on till Tante Miss would get ready to leave. The middle of July came and went, and still I had not received the impatiently awaited sign from her. Had she forgotten? I was secretly elated that Isadora had singled me out, and having missed her for so long I was naturally eager to be with my idol again. But I also knew that Elizabeth suppressed favoritism, and judging by her former actions I did not count much on my chances. Then suddenly, late one afternoon, the governess came to me, saying, "Can you get packed in five minutes? Miss Duncan is going to take you along. But only if you hurry!"

I got downstairs with my hastily packed wicker suitcase just as Tante Miss stepped into the waiting cab. I had no time to say goodbye to the girls. My heart was beating fast with excitement in my joy to be with Isadora again.

\\

Вернувшись в школу, я жила как во сне, считая дни до тех пор, пока Танте Мисс не соберется ехать. Середина июля пришла и ушла, но я всё ещё не получила от неё нетерпеливо ожидаемого знака. Разве она забыла? Я была тайно в восторге оттого, что Айседора выделила меня, и, пропустив её так долго, я, естественно, хотела снова быть с моим кумиром. Но я также знала, что Элизабет подавила фаворитизм, и, судя по её прежним действиям, я не очень рассчитывала на свои шансы. Внезапно, однажды вечером, гувернантка подошла ко мне и сказала: «Можете ли вы упаковать вещи через пять минут? Мисс Дункан повезёт вас с собой. Но только, если вы поспешите!» Я спустилась вниз с моим спешно упакованным плетёным чемоданом, когда Танте Мисс вошла в кабину ожидания. У меня не было времени попрощаться с девушками. Моё сердце быстро билось от волнения в моей радости, чтобы снова оказаться с Айседорой.

We arrived late at night in Ostend, and Isadora met us at the station. At the hotel she softly opened the door to the room where her two children were fast asleep with their English nanny. "You go and sleep in that bed over there beside the nurse, darling, and I'll see you in the morning. Goodnight!" Getting into bed beside her sleeping children, I had the sweet sensation of actually being one of her children too. With this thought I went to sleep, feeling happier than I had for a long time.

\\

Мы прибыли поздно вечером в Остенд, и Айседора встретила нас на вокзале. В отеле она тихонько открыла дверь в комнату, где крепко спали её двое детей со своей английской няней. «Ты спишь в этой постели рядом с няней, дорогая, и я увижу тебя утром. Спокойной ночи!» Попав в постель рядом с её спящими детьми, у меня было приятное ощущение, что я тоже одна из её детей. С этой мыслью я заснула, чувствуя себя счастливее, чем я была долгое время.

I awoke the next morning in a daze, not realizing immediately where I was. Bright sunlight filtered through the shutters, and I could get a whiff of tangy salt air and hear the waves thundering on the beach. Then I remembered we had come to Ostend on the North Sea, and I jumped out of bed and stepped onto the balcony to have a

good look. My movements must have awakened Deirdre, for when I returned she was sitting up in bed. The last time I saw her she had been a mere infant. Now five years old, she looked me over carefully before asking timidly, "Who are you?" "I am your new playmate," I said. "I hope we shall be friends."

\\

Я проснулась на следующее утро в оцепенении, не понимая, где я была. Яркий солнечный свет просачивался через жалюзи, и я могла почувствовать осязаемый солёный воздух и услышать волны, гремевшие на пляже. Затем я вспомнила, что мы приехали в Остенд на Северное море, я вскочила с кровати и вышла на балкон, чтобы хорошо оглядеться. Мои движения, должно быть, разбудили Дейдрре, потому что, когда я вернулась, она сидела в постели. В последний раз, когда я видела её, она была просто младенцем. Теперь, в пять лет, она внимательно посмотрела на меня, прежде чем спросить робко: «Кто ты?» «Я твой новый товарищ по команде», - сказала я. «Надеюсь, мы будем друзьями».

"Have you seen my little brother?" she asked and pulled me over to his crib. "His name is Patrick and he is twelve months old." The baby, who was the son of Paris Singer, had blond curly hair. He looked very delicate and spent most of the time sleeping.

\\

«Ты видела моего младшего брата?» - спросила она и потащила меня к его кроватке. «Его зовут Патрик, ему двенадцать месяцев». У ребёнка, который был сыном Париса Зингера, были блондинные вьющиеся волосы. Он выглядел очень хрупким и большую часть времени проводил во сне.

"It would be a good idea if you taught Deirdre a few exercises," her mother told me one day. At that time I had never taught anyone, and so Deirdre, Isadora's little daughter, became my first pupil. She also suggested I teach her some simple piece of poetry like William Blake's "Little Lamb, who made thee?/Dost thou know who made thee,/Gave thee life, and bade thee feed/By the stream and o'er the mead?" Whenever her mother asked her to recite the poem, the poor child-timid and confused-could remember only the first line. Her mother would frown and scold, gently urging her to make more of an effort. Being a sensitive child, Deirdre would blush, hang her head, and start to cry.

\\

Isadora with Deirdre and Patrick.

Isadora with Deirdre and Patrick.

«Было бы неплохо, если бы ты научила Дейдрре нескольким упражнениям», - сказала мне её мать однажды. В то время я никого не учила, и поэтому Дейдре, маленькая дочь Айседоры, стала моим первым учеником. Она также предложила мне научить её простой поэзии, такой как стих Уильяма Блейка «Маленький Агнец, кто сделал тебя? / Ты знаешь, кто создал тебя, / Дал тебе жизнь и дал тебе питание / У ручья и по всему простору луга?" Когда же мать попросила Дейдрре прочитать стихотворение, бедный ребёнок, робкая и смущенная, смогла вспомнить только первую строчку. Мать нахмурилась и начала ворчать, мягко призывая её приложить больше усилий. Будучи чувствительным ребёнком, Дейрд покраснела, повесила голову и начала плакать.

To make her smile again, I dressed her in a pink candy-striped dress with a red sash, gave her a red pail and shovel, and took her down to the beach. There all the grownups sat in tall wicker chairs, which sheltered them from the stiff breeze that made the water too cold for bathing. The children, fully dressed, built sand castles at their feet. The band played in the pavilion on the boardwalk. And the fashionably dressed summer visitors - the women in hobble skirts with parasols, the men in white flannel trousers and blue jackets-paraded up and down. Few people ventured into the water. When they did, they entered a bathhouse on wheels, where they donned bathing suits that fully covered the body. Then a team of horses pulled the bathhouse out to sea. I found it a frightening experience and refused to do it more than once.

\\

Чтобы она снова улыбнулась, я одела её в розовое платье с красными полосками с красным поясом, дала ей красное ведро и лопатку, и отвела на пляж. Там все взрослые сидели в высоких плетёных креслах, которые защищали их от жёсткого бриза, который делал воду слишком холодной для купания. Дети, полностью одетые, строили песчаные замки у их ног. Группа играла в павильоне на променаде. А модно одетые летние гости, - женщины в узких юбках с зонтиками, мужчины в белых фланелевых брюках и голубых куртках - разгуливали вверх и вниз. Мало кто рисковал заходить в воду. Когда они это сделали, то они вошли в купальню на колёсах, где надели купальные костюмы, которые полностью покрыли тело. Затем команда лошадей вытащила купальню в море. Я нашла это пугающим опытом и не раз отказывалась делать подобное.

Paris Singer's yacht, the Lady Evelyn

A most embarrassing thing happened to me at Ostend the day we boarded Singer's yacht, the Lady Evelyn. We were about to take a channel cruise. "If the weather is good," our host had told us, "we'll sail tomorrow for the Isle of Wight to see the regatta at Cowes."

\\

Самое неприятное событие случилось со мной в Остенде в тот день, когда мы сели на яхту Зингера, леди Эвелин. Мы собирались отправиться в круиз по

каналу. «Если погода будет хорошая, - сказал наш предводитель, - завтра мы отправимся на остров Уайт, чтобы увидеть регату в Коусе».

There was a crew of fifty on the luxurious yacht, which had a festive air with all its pennants whipping gaily in the wind. She seemed to have more of them than any other boat lying in the harbor, especially on the afterdeck.

\\

На роскошной яхте находилась команда из пятидесяти человек, у которой был праздничный внешний вид со всеми морскими вымпелами, весело развешиваемыми на ветру. Кажется, у них их было больше, чем на любой другой лодке, стоящей в гавани, особенно на палубе.

The instant I stepped aboard, Paris Singer came to me. "I am so sorry this unfortunate thing has happened," he said. "Please don't be too upset. It was an accident-it couldn't be helped. You see, the handle of your suitcase broke when it was carried across the gangplank, and it fell into the sea. The sailor who was carrying the suitcase jumped in and fished it out. But I'm afraid your clothes are ruined. I'm so sorry."

\\

Как только я ступила на борт, Парис Зингер подошёл ко мне. «Мне очень жаль, что эта неудачная вещь произошла», - сказал он. «Пожалуйста, не слишком расстраивайся, это был несчастный случай – ничего нельзя было сделать. Понимаешь ли, ручка твоего чемодана сломалась, когда его переносили по трапу, и он упал в море. Матрос, который нёс чемодан, подскочил и выудил его, но я боюсь, что твоя одежда испорчена. Мне очень жаль. »

I gazed in horror at all my things hanging on a clothesline on the afterdeck, whipping madly in the breeze. It wasn't so much that they were wet as the dreadful fact that since I had packed my new red diary with them-they were all hopelessly stained. Uncle Paris, as we children called him, gently placed his arm about me when he saw my consternation. "I'm afraid there isn't anything I can do," he said apologetically. "I wanted to telegraph Liberty's in London to send down some new clothes for you, but Elizabeth said not to do that. She said you could make out all right with what you have."

\\

Я с ужасом смотрела на все мои вещи, висящие на веревке для белья на палубе, безумно развешиваясь на ветру. Это было не так страшно, что они были мокрыми, как ужасный факт, что, поскольку я упаковала с собой свой новый красный дневник, то все они были безнадежно окрашены. Дядя Парис, как мы его называли, мягко обнял меня, когда увидел мой ужас. «Боюсь, я ничего не могу сделать, - сказал он извиняющимся тоном. «Я хотел телеграфировать Либерти в Лондон, чтобы отправить тебе новую одежду, но Элизабет сказала, что этого не нужно делать. Она сказала, что ты сможешь разобраться с тем, что у тебя есть».

That was typical of Tante Miss. I was not surprised. It did not, however, increase my affection for her. On the entire cruise I wore the same dress I had on when I came aboard, thanks to her. Finally, when we reached Plymouth, Isadora took pity on me. She bought me the few new things I desperately needed, and everything took on a more cheerful aspect. On that cruise we visited the Channel Islands and Mont-Saint-Michel, then motored through a part of Devonshire where Paris Singer had an estate near Paignton. All too soon the summer holiday was over. The trip had to be cut short because of Patrick's illness. The baby contracted a fever, and his mother was in a rush to get to her own doctor in Paris.

\\

Это было типично для Танте Мисс. Я не удивилась. Однако это не увеличило мою привязанность к ней. Благодаря этому, благодаря ей, во всём круизе я носила то же платье, в котором зашла на борт. Наконец, когда мы дошли до Плимута, Айседора сжалась надо мной. Она купила мне несколько новых вещей, которые мне были отчаянно нужны, и всё приняло более весёлый аспект. В этом круизе мы посетили Нормандские острова и Мон-Сен-Мишель, затем проехали через часть Девоншира, где у Париса Зингера было поместье около Пейтона. Слишком скоро летний праздник закончился. Поездка должна была быть прервана из-за болезни Патрика. Ребёнок заболел лихорадкой, и его мать поспешила добраться до своего собственного врача в Париже.

A week later I reluctantly had to say goodbye to Isadora. She came to see us off at the Gare du Nord where we boarded the train back to Germany. It was then she took me completely by surprise by saying quite casually, "Goodbye, dear. I'll see you next winter in Egypt."

\\

Через неделю я неохотно попрощалась с Айседорой. Она приехала к нам в Гар дю Норд, где мы сели на поезд обратно в Германию. Именно тогда она застала меня врасплох, сказав совершенно небрежно: «До свидания, дорогая, я увижу тебя следующей зимой в Египте».

Ancient Egypt

EGYPT! I caught my breath. Had I heard correctly? I was dying to ask Elizabeth a thousand questions but refrained out of fear of how she might react. She was often so peculiar in my regard that I thought it wiser to keep my fingers crossed just in case and say nothing. From then on, the fall and winter months seemed to drag along endlessly. Christmas came and went without a word from Elizabeth about our coming trip. And then one day right after the New Year, word got around that she was getting ready to leave. I heard her hobble down the stairs from her top-floor bedroom, and anxiously I asked "Froecken," our Swedish governess, "Has Tante Miss said anything about my going with her?"

"No, she hasn't. Are you ready to go?"

\\

ЕГИПЕТ! Я перевела дыхание. Расслышала ли я правильно? Я умираю, чтобы задать Элизабет тысячу вопросов, но воздержалась от страха перед тем, как она отреагирует. Она часто была настолько странной в отношении меня, что я подумала, будет разумнее держать пальцы скрещенными на всякий случай и ничего не говорить. С тех пор осенние и зимние месяцы, казалось, тянулись бесконечно. Рождество пришло и прошло без слов от Элизабет о нашей поездке. И вот однажды, после Нового года, стало известно, что она готовится ехать. Я слышала, как она спустилась по лестнице из спальни на верхнем этаже, и я с тревогой спросила «Фроескен», нашу шведскую гувернантку: «Разве Танте Мисс что-то говорила о моей поездке с ней?»
«Нет, она этого не делала. Готовы ли вы?»

I assured her that this time I was fully prepared. My bag was packed and all I needed was to hear my name called. At that instant from down in the front hall I heard Elizabeth's voice inquire impatiently, "Where is Irma? Why isn't she down here? If she isn't ready I shall have to leave without her." "I'm coming! I'm coming!" I shouted exuberantly and flew downstairs.

"You lucky girl!" Theresa, my roommate, called after me. "Give my love to Isadora, and don't forget to write!"

\\

Я заверила её, что на этот раз я была полностью подготовлена. Моя сумка была упакована, и всё, что мне было нужно, это услышать моё имя. В тот момент из передней части зала я услышала голос Элизабет с нетерпением: «Где Ирма, почему она не здесь? Если она не готова, мне придется уйти без неё». «Я иду! Я иду!» Я изо всех сил кричала и летела вниз.

«Тебе повезло!» Тереза, моя соседка по комнате, позвала меня. «Отдай свою любовь Айседоре и не забудь написать!»

I had only time to wave to the other girls from the taxi that waited at the side door. As usual, we were off in a rush. But I thought of my schoolmates left behind in the winter snow when the Simplon Express crossed the Alps into Italy, and how lucky I was indeed. For at Trieste we were to meet our host, Paris Singer, and the rest of the party that sailed with us to Alexandria and the fabled land of the pharaohs.

\\

У меня было время только чтобы помахать другим девушкам из такси, которое ждало у боковой двери. Как обычно, мы были в спешке. Но я думала о моих одноклассниках, оставшихся на зимнем снегу, когда Симплон Экспресс пересек Альпы в Италию, и о том как мне повезло. В Триесте мы должны были встретиться с нашим предводителем, Парисом Зингером и остальной частью гостей вечеринки, которые плыли вместе с нами в Александрию, на легендарную землю фараонов.

Ancient Egypt has a fascination all its own. To a young girl of my age, it was something straight out of the Arabian Nights. As in the days of Cleopatra, we sailed leisurely up the legendary river in comfortable houseboats. Arab servants in white

caftan and red fez waited on us, bowing down to the ground exclaiming, "Allah be with you!"

\\

Древний Египет имеет свое собственное очарование. Для молодой девушки моего возраста это было что-то прямо из «Арабских ночей». Как и во времена Клеопатры, мы неспешно плыли по легендарной реке на комфортабельных плавающих домах. Арабские слуги в белом кафтане и красном феске ждали нас, кланяясь к земле и восклицая: «Аллах с тобой!»

During the day we watched mud huts and ruined temples glide by. At night, when the stars shone so brightly they looked like small moons, the air was filled with the curious native chanting of the crew. Dark shadows danced to the rhythmic beat of drums around a campfire. Most of our days under the hot Egyptian sun were spent in sightseeing. On donkeys or camels, our party often started out before sunrise to visit the ancient temples buried in the desert; each one different, each one remarkable.

\\

В течение дня мы наблюдали за глиняными хижинами и разрушенными храмами. Ночью, когда звезды сияли так ярко, они выглядели как маленькие луны, воздух наполнялся любопытным народным пением команды. Тёмные тени танцевали под ритмичные удары барабанов вокруг костра. Большинство наших дней под жарким египетским солнцем проводилось в экскурсиях. На ослах или верблюдах наша экскурсия часто начиналась до восхода солнца, чтобы посетить древние храмы, погребённые в пустыне; каждый из которых отличается, и каждый замечательный.

In Egypt, everything I saw took on the aspect of a fata morgana. Nothing seemed quite real. When, for example, after hours of sightseeing, one is tired and longs for a cool drink and a light collation—none of which can be obtained in the middle of the Libyan desert—then, lo and behold, a camel caravan appears like a mirage from out of nowhere. In a twinkling, like rubbing Aladdin's lamp, the camel drivers unload chairs and tables laden with sparkling cloths, and glass and silver are set up in the shade of a colonnade. A succulent meal of cold chicken, cold champagne, ripe dates, rachat lukoum (a Turkish delight), and Arabian coffee is served. After this repast fit for a pharaoh, all is removed and the caravan, with the swinging gait peculiar to camels, silently vanishes over the horizon.

\\

В Египте всё, что я видела, приобрело аспект фата-морганы [оптическое явление в атмосфере, состоящее из нескольких форм миражей]. Ничто не казалось вполне реальным. Когда, например, после нескольких часов осмотра достопримечательностей, вы устали и жаждете прохладного напитка и легкой закуски - ни одна из которых не может быть получена в середине ливийской пустыни, - тогда, вдруг, о чудо, караван верблюдов появляется как мираж из ниоткуда. В мерцающем свете, как трясущаяся лампа Аладдина, погонщики верблюдов разгружают стулья и столы, нагруженные сверкающими тканями, стекло и серебро устанавливаются в тени колоннады. Сочная еда из холодного

цыпленка, холодного шампанского, спелых фиников, рахат-лукума (турецкий восторг) и арабского кофе. После того, как этот ужин предлагается для фараона, всё удаляется, и караван с раскачивающейся походкой, характерной для верблюдов, бесшумно исчезает за горизонтом.

One day, while visiting the Osiris temple near Abydos, I had another eerie experience. The temple was then still half-buried in sand, being explored by Professor Whittimore, the famous archaeologist. I walked along a raised boulder to get a better view of the desert and suddenly discovered that I was walking along one of the stone beams that was part of the roof, with a drop of fifty feet on either side. I cried out in alarm and was about to turn around in a state of panic, when I heard a quiet voice from way down below in the temple, saying, "Don't turn! Keep steady; look straight ahead and walk to the end. You can get off there."

It was Isadora's voice guiding me to safety as, dizzy from the height, I tried to step forward as firmly as I could. I felt like a tightrope walker in some kind of nightmare, scared to death, never thinking I could make it. I did so, but only because of Isadora.

\\

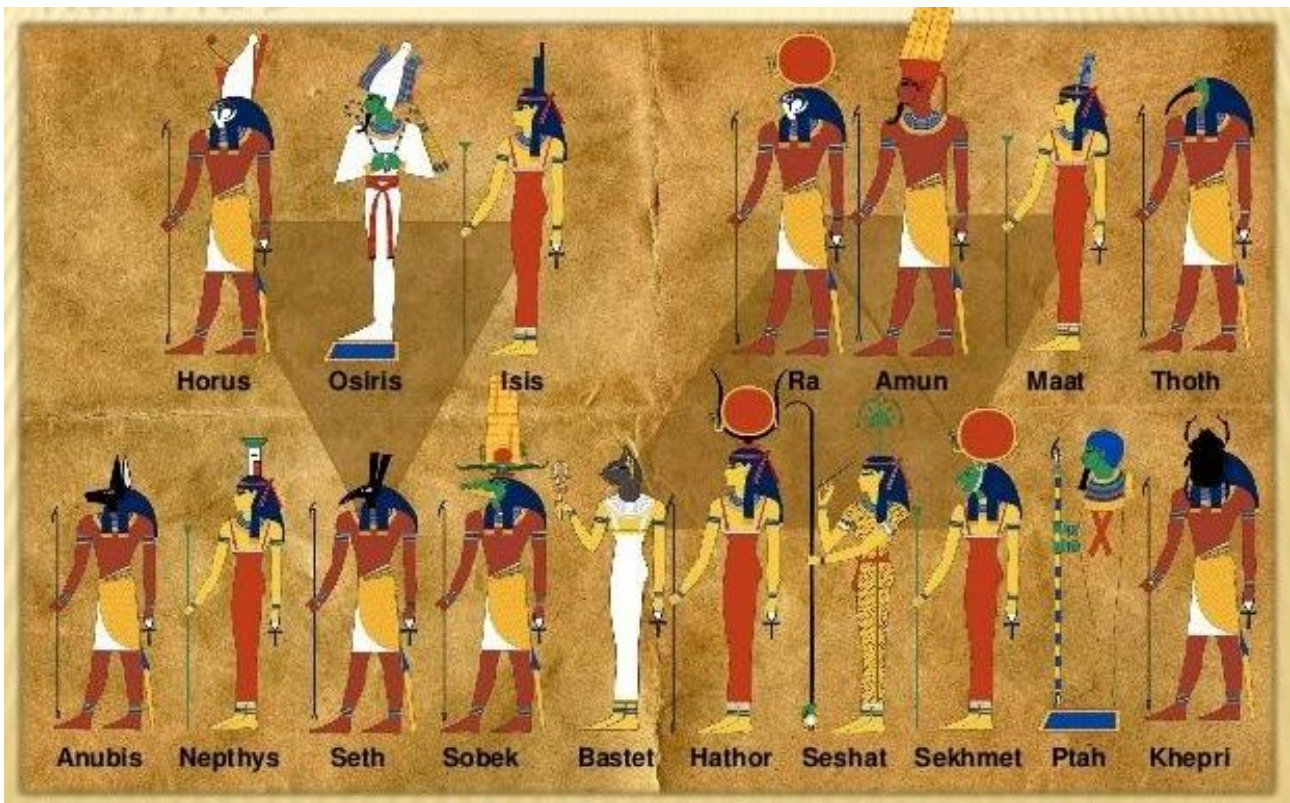
Однажды, при посещении храма Осириса возле Абидоса, у меня был ещё один жуткий опыт. Тогда храм был по-прежнему похоронен в песке, и его исследовал профессор Уиттимор, известный археолог. Я шла вдоль поднятого валуна, чтобы лучше рассмотреть пустыню, и вдруг обнаружила, что я иду по одной из каменных балок, которые были частью крыши, с откосами по пятьдесят футов [15 метров] с обеих сторон. Я взволнованно вскрикнула, и собиралась развернуться в состоянии паники, когда услышала снизу из храма тихий голос, который сказал: «Не поворачивайся, держись, смотри прямо вперёд, и иди до конца, ты сможешь выйти.»

Это был голос Айседоры, направляющий меня к безопасности, и, с головокружением от высоты, я попыталась шагнуть так твердо, как только могла. Я чувствовала себя канатоходцем в каком-то кошмаре, напуганная до смерти, и не думала, что смогу это сделать. Я сделала это, но только из-за Айседоры.

The temple that was destined to have special significance for me was called Kom Ombo. Between Luxor and Aswan, our most southern stop before turning back, we passed through the narrow gorge of Silsileh, reaching Kom Ombo after dark. A full moon illuminated the temple, splendidly situated on a bluff directly above the river. It stood so close to the river that the propylaea had been washed away, but the building was protected by a high wall, and was the only ancient edifice erected directly on the banks of the Nile. Its other peculiarity was that it was dedicated to twin deities-Horus and Sobk-spirits of good and evil.

\\

Храм, который должен был иметь особое значение для меня, назвался Ком Омбо. Между Луксором и Асуаном, наша самая южная остановка, прежде чем повернуть назад, мы прошли через узкое ущелье Сильсиле, достигнув храма Ком Омбо после наступления темноты. Полная луна освещала храм, великолепно расположенный на утёсе, прямо над рекой. Он стоял так близко к реке, что пропилея была смыта, но здание было защищено высокой стеной и было единственным древним сооружением, воздвигнутым прямо на берегах Нила. Его другая особенность заключалась в том, что он был посвящен божествам-близнецам - Хорусу и Собеку [The brothers Horus and Sobek] - духам добра и зла.

After dinner that night, I leaned against the railing on deck and gazed long and thoughtfully at the mysterious temple. All life and purpose gone, for how long had it brooded there in calm grandeur throughout the forgotten centuries? As I stood gazing, the silence was suddenly broken by strains of soft music. Beethoven's "Moonlight Sonata" came floating through the warm air; perfect music for a perfect setting. As if the great composer had written it especially for this scene, the beauty of the music blended with the radiant night and the mysterious temple bathed in white moonlight. Lost in my reverie, I was startled when someone suddenly whispered in my ear, "Quickly, come along with me."

||

После обеда той ночью я прислонилась к перилам на палубе и долго смотрела на таинственный храм. Вся жизнь и цель ушли, как долго он размышлял там, в спокойном величии в течение забытых столетий? Когда я стояла, глядя, тишина была внезапно сломана звуками мягкой музыки. Бетховенская «Лунная соната»

проплыла сквозь тёплый воздух; идеальная музыка для идеальной обстановки. Как будто великий композитор написал это специально для этой сцены, красота музыки сочеталась с сияющей ночью и таинственным храмом, залитым белым лунным светом. Потерянная в своей задумчивости, я была поражена, когда кто-то вдруг прошептал мне на ухо: «Быстро, пойдём со мной».

I had not heard anyone approach. Elizabeth motioned me to join her. She conducted me to her cabin while Hener Skene, Isadora's pianist, continued to play on the grand piano that had been especially installed on the open deck for this journey on the Nile.

||

Я не слышала, чтобы кто-то подходил. Элизабет жестом пригласила меня присоединиться к ней. Она провела меня к своей каюте, а Хенер Скене, пианист Айседоры, продолжил играть на рояле, специально установленном на открытой палубе для этого путешествия по Нилу.

She asked if I had brought my dance tunic along. Then I knew. The last thing I wanted to do was to dance for the company. As for dancing in front of Isadora, the very thought made me tremble. She had not seen me dance for three years. In my secret heart I did not wish to show her the result of three years of Body Culture a la Elizabeth Duncan. I dreaded the outcome; and, hoping I would be let off, I said quite truthfully that I had not brought my tunic.

||

Она спросила, привезла ли я свою танцевальную тунику. Тогда я знала, что последнее, что я хотела делать, это танцевать для зрителей. Что касается танцев перед Айседорой, то сама мысль заставляла меня дрожать. Три года она не видела, как я танцую. В глубине моей души я не хотела показывать ей результат трехлетней Культуры Тела "а ля Элизабет Дункан". Я боялась исхода; и, надеясь, что меня отпустят, и я сказала вполне правдиво, что не взяла свою тунику.

"Well, that doesn't matter," Elizabeth said. She took her silk nightgown off a hook. "Here, wear that," she said. When she had arranged the gown to look like a short tunic, she said, "There, that's not too bad. No one will notice. Isadora wants you to dance."

||

«Что ж, это не имеет значения, - сказала Элизабет. Она сняла свою шёлковую ночную рубашку с крючка. «Вот, надень это», - сказала она. Когда она устроила платье в виде короткой туники, она сказала: «Ну, вот, это не так уж плохо. Никто не заметит. Айседора хочет, чтобы ты танцевала».

Imagining that I would dance on the open deck, which was luxuriously covered with deep-piled Oriental rugs, I asked, "Is Mr. Skene going to play for me?"

Elizabeth shook her head. "No," she said, "Isadora wants you to dance in the temple."

||

Представляя, что я буду танцевать на открытой палубе, которая была роскошно покрыта глубоко уложенными восточными коврами, я спросила: «Может, мистер Скин будет играть вместо меня?»

Элизабет покачала головой. «Нет, - сказала она, - Айседора хочет, чтобы ты танцевала именно в храме».

Quickly grasping at another excuse to get out of it, I asked, "How can I dance barefoot in the temple when the floor is covered with stone and rubble?"

"Wear your sandals. No, they make too much noise scraping the stone floor; wear your sneakers."

Again I grasped at a straw and told her I hadn't a pair with me, only to be disappointed when she said, "Here, take mine; they'll do."

||

Быстро схватившись за другое оправдание, чтобы выбраться из него, я спросила: «Как я могу танцевать босиком в храме, когда пол покрыт камнем и щебнем?»

«Надевай свои сандалии. Хотя нет, они слишком сильно шумят, соскабливая каменный пол, надень свои кроссовки».

Я снова схватила соломинку и сказала ей, что у меня нет пары с собой, только чтобы разочароваться, когда она сказала: «Вот, возьми мои, они подходят».

When she said, "All right, let's go," I cried in alarm, holding back, "Oh, no! Tante Miss, I really cannot go!"

"Why not?" She gave me a sharp glance and clicked her tongue, a trick that always irritated me.

"Because," I wailed unhappily, "I really don't know how to dance any more-that's why!"

"Nonsense! Who ever heard of such a thing! Just do as I tell you to and let's have no more fuss."

||

Когда она сказала: «Хорошо, пойдём», я взволнованно вскрикнула, сдерживая: «О, нет, Танте Мисс, я действительно не могу идти!»

«Почему нет?» Она бросила на меня острый взгляд и щёлкнула языком, трюк, который всегда меня раздражал.

«Потому что, - неслышно сказала я, - я действительно больше не знаю, как танцевать! Вот почему!»

«Чепуха! Кто когда-нибудь слышал об этом? Просто делай то, что я тебе скажу, и давай больше не будем суетиться».

With these words she led me by the hand into the temple, like a lamb to the sacrifice. The ancient shrine with its two altars dedicated to the deities of good and evil, which only a moment ago I had found so beautiful, now looked frightening. I was forced to dance here against my will and better instinct by the twin personalities who so far had shaped my life. What would the outcome be?

||

С этими словами она повела меня за руку в храм, как ягнёнка к жертвеннику. Древняя святыня с двумя алтарями, посвященная божествам добра и зла, которые только мгновение назад я нашла такими красивыми, теперь выглядела пугающей. Я была вынуждена танцевать здесь против моей воли и лучших инстинктов близнецов, которые до сих пор формировали мою жизнь. Каким будет результат?

"Ah, here she is," I heard Isadora say as I entered the forecourt where the whole party sat on broken columns and other bits of ruins strewn about. "Are you going to dance for us, my dear?"

"I don't know what to dance," I murmured sullenly, "without music and everything"

"On such a wonderful moonlight night," Isadora enthused, "in this beautiful temple surely inspiration should not be lacking. Dance anything you fancy, whatever comes to mind."

||

«Ах, вот она», - услышала я Айседору, когда я вошла в преддверие, где вся компания сидела на разбитых колоннах и других кусках руин, разбросанных вокруг. «Ты собираешься танцевать для нас, моя дорогая?»

«Я не знаю, что танцевать, - угрюмо пробормотала я, - без музыки и всего...»

«В такую чудесную лунную ночь, - восторженно произнесла Айседора, - в этом прекрасном храме не должно быть недостатка во вдохновении. Танцуй всё, что тебе нравится, всё, что приходит на ум.»

Only one thought came to my mind and that was to run away as fast as I could. But my training as a Duncan pupil prevailed, and I automatically reacted to the old belief that the performance must go on. With a feeling of "Well, let's have it over with as quickly as possible," I started to move as gracefully as I could without stumbling in my too large sneakers over the broken masonry and rubble littering the floor.

||

Только одна мысль пришла мне в голову, что я должна была убежать как можно быстрее. Но мой тренинг как ученицы Дункан преобладал, и я автоматически отреагировал на старое убеждение, что представление должно продолжаться. С чувством «Хорошо, давайте справимся с этим как можно быстрее», я начала двигаться так изящно, как могла, стараясь не спотыкаться в моих слишком больших кроссовках об сломанную кладку и щебень, засоряющих пол.

To keep some kind of rhythm, I silently hummed a familiar waltz melody to myself. To this unheard tune, I turned and swayed and leaped around in front of my audience for a few seconds in a perfunctory mood, simply to comply with Isadora's request until my sense of the utter inadequacy of the whole performance struck me dead in my tracks. That it must have seemed even worse to Isadora I could guess without being told.

||

Чтобы сохранить какой-то ритм, я про себя напевала знакомую мелодию вальса. Под эту неслышную мелодию я повернулась, покачнулась и подпрыгнула перед своей аудиторией на несколько секунд, в небрежном настроении, просто чтобы выполнить просьбу Айседоры, пока чувство полной неадекватности всего спектакля не поразило меня до смерти. То, что это должно было восприниматься Айседорой ещё хуже, я могла догадаться, даже не слыша этого.

The instant I stopped, the immemorial silence my scraping feet had disturbed settled once again over the ruined temple. No one had moved or clapped their hands or made any comment. Embarrassed, I sat there waiting for the verdict that was inevitably to come from my idol.

||

В тот миг, когда я остановилась, древняя тишина, которую мои скоблившие ноги потревожили, снова поселилась над разрушенным храмом. Никто не двигался, не хлопал в ладоши и не комментировал. Смущенная, я сидела там, ожидая вердикта, который неизбежно должен был последовать от моего кумира.

Slowly rising from her seat, Isadora spoke in gentle tones, but deliberately and distinctly:

"Have you noticed how entirely unrelated her dance movements were to these extraordinary surroundings? She seemed to be completely unaware of them. What she just did consisted of some pretty little dance gestures she has learned-very nice, very light-hearted, but not in the slightest degree in harmony with the almost awesome sense of mystery that pervades this place and of which you are all, I am sure, deeply aware."

||

Медленно вставая со своего места, Айседора говорила нежными тонами, но сознательно и отчетливо:

«Вы заметили, насколько совершенно не связаны её танцевальные движения с этими необыкновенным окружением? Она, казалось, совершенно не знала о них. То, что она только что делала, состояло из довольно мелких танцевальных жестов, которые она выучила - очень милая, очень беззаботная, но ни в малейшей степени не в гармонии с почти удивительным чувством тайны, которое пронизывает это место, и которое вы все, я уверена, глубоко осознаёте».

In the pause that followed I felt like sinking into the ground. I realized how true her criticism was. But why did she have to make it in front of all these people? My pride was hurt, and in stupid, girlish fashion I resented this action, especially since I had been made to dance against my better judgment. I was about to get up and rush from the temple when Isadora resumed her impromptu lecture.

||

В следующей паузе я почувствовала, как погрузилась в землю. Я поняла, насколько верна её критика. Но почему она должна была делать это перед всеми этими людьми? Моя гордость была уязвлена, и в глупой, девичьей манере, я возмутилась этим действием, тем более, что меня заставили танцевать против моего желания. Я собиралась встать и поспешить из храма, когда Айседора возобновила свою импровизированную лекцию.

"Any dance movement executed in a place like this"-and she swept the vast enclosure with a majestic gesture of her right arm-"must be in close rapport with the mystical vibrations these temple ruins generate. Let me show you what I mean."

||

«Любое танцевальное движение, исполненное в таком месте», - и она с величественным жестом охватила огромную ограду своей правой рукой - «должно быть в тесной взаимосвязи с мистическими вибрациями, которые порождают эти руины храма».

Adjusting her flowing white shawl, she strode across the court and disappeared into the shadows in the background. The members of our party regrouped themselves, seating themselves closer to watch what was going to happen. Among Isadora's and Singer's guests were the French artist Grandjouan and the composer Dupin. There was also an elderly French couple, the Count and Countess de Berault, whose given names were Tristan and Isolde. All of them were great admirers of Isadora's art. *Grandjouan's sketches of Isadora were all made from life and give a true impression of her movements-which is not the case with those artists who depicted her from memory, in some instances even after her death.*

||

Позвольте мне показать вам, что я имею в виду. Поправляя свой развевающийся белый платок, она шагнула через двор и скрылась в тени на заднем плане. Участники нашей компании перегруппировались, собравшись ближе, чтобы посмотреть, что произойдёт. Среди гостей Айседоры и Зингера были французский художник Гранджуан* и композитор Дюпин. Была также пожилая французская пара, граф и графиня де Бери, имена которых были Тристан и Изольда. Все они были великими поклонниками искусства Айседоры.

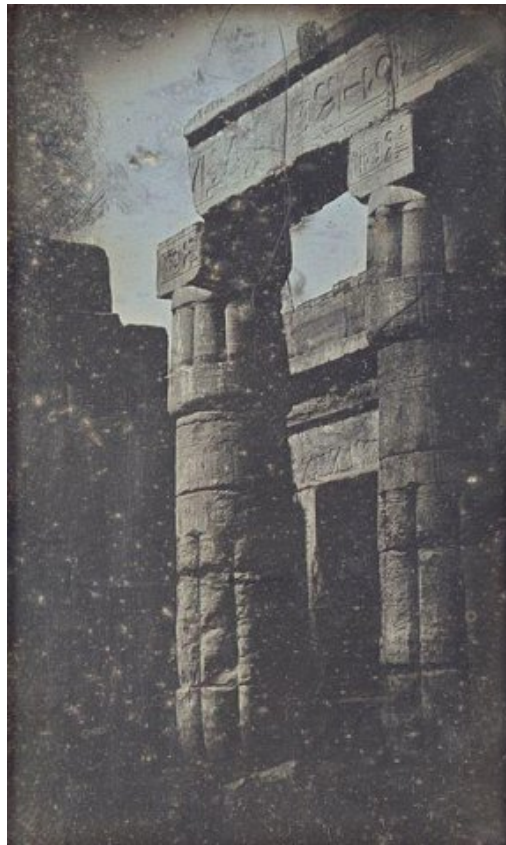
*Скетчи были сделаны Гранджуаном при жизни Айседоры и дали истинное впечатление о её движениях, что не относится к тем художникам, которые изображали её по памяти, в некоторых случаях даже после её смерти.

Presently, as we peered into the background, we saw her emerge from the deep shadows cast by a peristyle of such massive proportions that it dwarfed her white-clad figure. But as soon as she started to move in and out of the tall lotus columns she seemed to grow in stature. The long shadows cast by the columns on the floor of the court formed a symmetrical pattern. And each time she stepped in her stately dance from the shadows into the strip of bright moonlight in between, there was a sudden flash created by her appearance. Alternating in this manner the entire length of the

colonnade, slowly in one direction and faster coming back, she created a striking rhythm of brilliant flashes, which in a strange way suggested the beat of music. It was a piece of magic that held her onlookers spellbound.

||

Сегодня, когда мы заглядываем в прошлое, мы видим, как она выходила из глубоких теней, отбрасываемых перистилем [пространством, окружённым крытой колоннадой], имеющим такие массивные пропорции, что он затмевал стоящие там фигуры в белых одеяниях. Но, как только она начала двигаться, и вышла из высоких лотосовых колонн, она, казалось, стала больше ростом. Длинные тени, отбрасываемые колоннами на полу, образовали симметричный узор. И всякий раз, когда она шагала в своём величественном танце из тени в полосу яркого лунного света между ними, вдруг возникала внезапная вспышка, созданная её появлением. Чередую, таким образом, всю длину колоннады, двигаясь медленно вперёд и быстрее обратно, она создавала яркий ритм блестящих вспышек, что странным образом показывало ритм музыки. Это была волшебная магия, которая заставляла зрителей заворожено смотреть на неё.

When Isadora returned to her friends, they voiced their admiration. The French countess embraced her crying, "C'etait magnifique, magnifique!"

Chatting animatedly about the phenomenon they had just witnessed—one that only an artist of genius could produce—the company slowly wended their way down the narrow path to the houseboats below. I remained alone in the temple. I, her pupil, had not seen Isadora dance for years. For me, this demonstration of her great powers was like manna from heaven.

||

Когда Айседора вернулась к своим друзьям, они выразили своё восхищение. Французская графиня, плача, обняла её, «Было красиво, красиво!»
Беседуя о феномене, который они только что засвидетельствовали, тот, который мог произвести только гениальный художник - компания медленно пошла по узкой тропинке к плавучим домам внизу. Я осталась одна в храме. Я, её ученица, не видела Айседору в течение многих лет. Для меня эта демонстрация её великих сил была подобна манне с небес.

Once more I wished, as I did when I first saw her, that I could dance like that. To my now more adult eyes, this was a revelation of what the true art of the dance should be. I had been taught a great lesson, one I would never forget, this moonlight night in the temple of Kom Ombo.

||

Я пожелала, ещё раз, как и тогда, когда впервые увидел её, чтобы я могла танцевать также. Для моих, теперь более взрослых глаз, это было откровением того, каково должно быть истинное искусство танца. Мне преподали большой урок, который я никогда не забуду, и эту лунную ночь в храме Ком Омбо.

[148], p.124-133 * DUNCAN DANCER * You Must Be My Children *

==8==

You Must Be My Children

Вы должны быть моими детьми

MY holiday with Isadora in Egypt came to an end on my fifteenth birthday. The next day Elizabeth and I started on our long trip back to Darmstadt. We would have continued on to the Holy Land with the others had we not received an urgent message from Max Merz to return immediately. He had arranged a command performance to be given for the Grand Duke and Duchess of Weimar.

||

Мой праздник с Айседорой в Египте закончился к моему пятнадцатому дню рождения. На следующий день мы с Элизабет отправились в Дармштадт. Мы бы продолжили путь к Святой Земле вместе с другими, если бы не получили срочное сообщение от Макса Мерца, что нужно немедленно вернуться. Он устроил групповое представление для великого князя и герцогини Веймарской.

Coming from ancient Egypt, where I had danced like some pagan priestess on the rough stones in a temple by the Nile, I was now to dance on the polished parquet floor of an eighteenth-century palace. We performed for the Duke and his court in a lovely music room in the old Amalienpalast, illuminated by hundreds of candles burning in golden chandeliers. Here we went through the same dance exercises Elizabeth had taught us. But the memory of Kom Ombo, still fresh in my mind, made her unimaginative physical culture drill even harder to bear. Oh, how I longed for just one more lesson from Isadora! Little did I realize then how soon my ardent wish

would be fulfilled. Ever since her liaison with the man who could provide her with luxury and every mundane distraction money could buy, Isadora's career had been neglected. But suddenly, upon her return from Egypt, she experienced an upsurge of her creative impulse. She once said of her constant struggle between her physical and her spiritual natures, "The woman in me and the artist are always fighting for the upper hand. But the artist always wins in the end."

||

Уезжая из древнего Египта, где я танцевала как какая-то языческая жрица на необработанных камнях в храме Нила, я теперь должна была танцевать на полированном паркетном полу дворца восемнадцатого века. Мы выступали для герцога и его двора в прекрасной музыкальной комнате в старом Амалиенпаласте, освещенной сотнями свечей, горящих в золотых люстрах. Здесь мы прошли те же танцевальные упражнения, которые преподавала нам Элизабет. Но память о Ком Омбо, всё ещё свежая в моём сознании, сделала её невообразимую физическую культуру ещё более сложной. О, как я жаждала ещё одного урока от Айседоры! Я плохо понимала тогда, как скоро моё горячее желание исполнится. С тех пор, как случилась её связь с человеком, который мог предоставить ей всю роскошь и все обычные мирские деньги для развлечения, можно было пренебречь карьерой Айседоры. Но внезапно, по возвращении из Египта, она испытала всплеск своего творческого импульса. Однажды она сказала о своей постоянной борьбе между своей физической и духовной природой: «Женщина во мне и художник всегда сражаются за превосходство, но художник всегда побеждает в конце».

*She retired to her house in Neuilly and set herself to work with renewed vigor, composing a whole program of new dances. She remarked at the time: There was a time when I filled my copybooks with notes and observations when I, myself, was filled with an apostolic sentiment for my art. When all kinds of naive audacities were mine. In those times I wanted to reform human life in its smallest details of costume, morals or nourishment. But ten years have passed since then and I have since had the leisure to prove the vanity of my noble ambitions. I now occupy myself entirely with the joys of my work and the preoccupation of my art. One can speak better of the dance by dancing than by the publication of commentaries and explanations. True art has no need for them, it speaks for itself.**

**From a program note, Teatro Costanzi, Rome; cf. Art, p. 100.*

||

Она вернулась в свой дом в Нейи и начала работать с новой энергией, сочиняя целую программу новых танцев. В то время она заметила: Было время, когда я заполняла свои тетради заметками и наблюдениями, когда я сама была наполнена апостольским настроением для своего искусства. Когда все виды наивных самоуверенностей были моими. В те времена я хотела реформировать человеческую жизнь в своих мельчайших деталях костюма, морали или питания.

Но прошло уже десять лет, и с тех пор у меня было достаточно времени, чтобы доказать суету моих благородных амбиций. Я теперь полностью занимаюсь радостями своей работы и заботой о своём искусстве. Лучше говорить о танце, танцуя, чем заниматься публикацией комментариев и объяснений. Истинное искусство не нуждается в них, оно говорит само за себя.*

*Из примечания к программе, Театр Констанции, Рим; см. Искусство, с. 100.

Entering her beautiful three-story studio in Neuilly was like entering a cathedral. The long blue drapes covering the walls and hanging down from the ceiling in heavy folds suggested a Gothic interior. The soft light filtering through alabaster lamps overhead lent a mystic atmosphere. An open stair-way at one end led to her private apartment upstairs, which was lavishly decorated by Paul Poiret. In this Parisian retreat the American dancer lived and worked alone. Her two children, with the nurse and servants, lived in a separate adjoining dwelling.

||

Вход в её прекрасную трехэтажную студию в Нейи был похож на вход в собор. Длинные синие драпировки, покрывающие стены и свисающие с потолка в тяжелых складках, предполагали готический интерьер. Мягкая светлая фильтрация через алебастровые лампы над головой придавала всему мистическую атмосферу. Открытая лестница на одном конце вела к её частной квартире наверху, которая была щедро украшена Полем Пуаре. В этом парижском пристанище американская танцовщица жила и работала одна. Её двое детей, с медсестрой и слугами, жили в отдельном прилегающем жилище.

She took her work very seriously. Like other great creative artists, she craved solitude to work out her ideas. Nobody ever watched her doing it. Aside from the indispensable musician who acted as her accompanist and usually played in a corner with his back to her, no one was present. Not even her pupils were there unless she was choreographing special dances for them. That was the only time I ever saw her at work creatively. Otherwise, her studio was sacrosanct, and not even members of her family could enter. "My dance is my religion," she had often said; and she meant it. Of course, occasionally when she gave some of her gay parties in the studio, she would improvise on the spur of the moment if her guests asked her to dance. But then it would be something light and frivolous; never anything serious.

||

Она очень серьезно относилась к этому. Как и другие великие творческие художники, она жаждала одиночества, чтобы выработать свои идеи. Никто никогда не смотрел, как она это делает. Помимо незаменимого музыканта, который выступал в качестве её аккомпаниатора и обычно играл в углу, спиной к ней, никто там не присутствовал. Даже её ученики не были там, если она специально не занималась хореографией танцев для них. Это был единственный раз, когда я видела её в процессе творчества. В противном случае её студия была неприкосновенной, и даже члены её семьи не могли туда войти. «Мой танец - моя религия», - часто говорила она; и она это имела в виду. Конечно, иногда, когда она давала некоторые из своих весёлых вечеринок в

студии, она импровизировала мимолётно, если её гости просили её потанцевать. Но тогда это было легко и легкомысленно; никогда ничего серьёзного.

Another detail connected with her method of work I want to explain: she never practiced her dances before a mirror. She used the large wall mirror hidden behind the curtains only to check on her gymnastics and exercises at the barre, which she vigorously engaged in every morning. But when it came to dancing, she rejected this method of self-observation, claiming it only interfered with her inner concentration and expression. None of her pupils used a mirror in her work. Her credo when it come to expressing music, as she often told her pupils, was "to look within and dance in accordance with a music heard inwardly."

||

Ещё одна деталь, связанная с её методом работы, которую я хочу объяснить: она никогда не практиковала свои танцы перед зеркалом. Она использовала большое зеркало, скрытое за занавесками, только чтобы проверить свою гимнастику и упражнения на барре, которыми она энергично занималась каждое утро. Но, когда дело дошло до танцев, она отвергла этот метод самонаблюдения, утверждая, что это только мешало её внутренней концентрации и выражению. Ни один из её учеников не использовал зеркало в своей работе. Её кредо, когда речь заходит о выражении музыки, как она часто говорила своим ученикам, заключалась в том, чтобы «заглянуть внутрь и танцевать в соответствии с услышанной музыкой».

*She claimed that there were three kinds of dancers: first, those who consider dancing as a sort of gymnastic drill, made up of impersonal and graceful arabesques; second, those who, by concentrating their minds, lead the body into the rhythm of a desired emotion, expressing a remembered feeling or experience; and finally, those who "convert the body into a luminous fluidity, surrendering it to the inspiration of the soul." This last she saw as the truly creative dancer.**

**Cf. Art, pp. 51-52.*

||

Она утверждала, что есть три вида танцоров. Во-первых, те, кто считают танцы своего рода гимнастическим упражнением, состоящим из безличных и изящных арабесок. Во-вторых, те, кто, концентрируя свой ум, приводят тело в ритм желаемой эмоции, выражая запоминающееся чувство или опыт. И, наконец, те, кто «преобразует тело в светящуюся текучесть, отдавая его вдохновению души». В этом последнем, она видела по-настоящему творческую танцовщицу.*

**См. Искусство, стр. 51-52.*

In the spring of 1913 Isadora asked her sister to bring the older girls, her original pupils, to Paris to appear with her in a series of performances at the Chatelet Theatre. The last time we had entered her beautiful studio on the Rue Chauveau was

in 1909, as children. We now returned as young girls, eager to resume our studies with the only person in the world who could teach us to progress in our art.

||

Весной 1913 года Айседора попросила сестру привезти старших девочек, её первых учениц, в Париж, чтобы появиться с ними в серии выступлений в театре Шатле. Последний раз, когда мы, ещё как дети, входили в её прекрасную студию на улице Шово, был в 1909 году. Мы теперь вернулись как молодые девушки, которые хотели возобновить учёбу с единственным человеком в мире, который мог бы научить нас двигаться дальше в нашем искусстве.

Our happy anticipation was dashed to the ground the day of our first lesson. It was only natural that Isadora (whose brain-children we represented) should be disappointed with our manner of dancing. Four years of regimented training under the tutelage of her sister had left their mark on us.

"They are terrible, simply terrible! Impossible! Whatever shall I do with them?" she wailed disconsolately, addressing her pianist Hener Skene.

||

Наше счастливое ожидание было разбито об землю в день нашего первого урока. Естественно, что Айседора (которой детей до самого мозга мы представляли) должна была разочарована нашей манерой танцев. Четыре года регламентированного обучения под опекой её сестры оставили на нас свой след.

«Они ужасны, просто ужасны! Невозможно! Что с ними делать?» - неумолимо вопила она, обращаясь к своему пианисту Хенеру Скене.

Her reaction, though not quite unexpected, was nevertheless a shock to her dotting pupils, who stood there speechless and with long faces, wishing they could crawl under a stone and hide. Her words cut deep. "What has happened to them? They dance without animation, stiff, without expression, without inner feeling-like automations! "

||

Её реакция, хотя и не совсем неожиданная, была, тем не менее, шоком для её доблестных учениц, которые стояли там безмолвные, с длинными лицами, и с желанием заползти под камень и спрятаться. Её слова прозвучали глубоко. «Что с ними случилось? Они танцуют без воодушевления, жестко, без выражения, без внутреннего чувства - как автоматы [роботы]!»

With these words she pronounced her verdict on the Elizabeth Duncan School of which we were only the pitiful products. But we girls, or rather victims of Max Merz and his obsession with his Korperkultur and racial hygiene, had to bear the brunt of Isadora's condemnation in silence. We swallowed hard, choked back our tears, and tried with all our might to do better, hoping that under her inspired guidance we would soon recapture her spirit and come closer to her ideal.

||

С этими словами она произнесла свой вердикт школе Элизабет Дункан, в которой мы были всего лишь жалкими продуктами. Но мы, девочки, вернее, жертвы Макса Мерза и его одержимостью своей Культурой тела и расовой гигиеной, должны были молча нести на себе тяжесть осуждения Айседоры. Мы с трудом сглотнули, задушили наши слезы, и изо всех сил постарались сделать всё лучше, надеясь, что под её вдохновенным руководством мы скоро вернём ей воодушевление и приблизимся к её идеалу.

Unfortunately, she turned out to be a very impatient teacher. Her method consisted in demonstrating the sequence of a dance perfectly executed by herself. Then, without demonstrating it step by step, she expected her pupils to understand immediately and repeat it. Impossible, of course. She danced the sequence again and again without obtaining any result and then gave up in disgust. When her pianist politely suggested she repeat the fast dance movement at a slower tempo so we could get the steps, she readily consented.

||

К сожалению, она оказалась очень нетерпеливой учительницей. Её метод состоял в том, чтобы продемонстрировать последовательность танца, прекрасно выполненную ею. Затем, не демонстрируя этого шаг за шагом, она ожидала, что её ученицы сразу поймут и повторят это. Что невозможно, конечно. Она снова и снова танцевала, не получив никакого результата, а затем сдалась с отвращением. Когда её пианист вежливо предложил ей повторить движение быстрых танцев в более медленном темпе, чтобы мы могли сделать первые шаги, она с готовностью согласилась.

And then a curious thing happened. She floundered and found herself incapable of demonstrating the movement step by step. She looked surprised and then annoyed at several unsuccessful attempts to come to grips with the situation. Wearily, she leaned against the piano and said to Skene, "How perfectly extraordinary! This is quite a revelation to me. I am apparently unable to dissect my own dance in order to teach it to others. I had no idea how difficult this would be for me. I can dance my own choreography, but am unable to analyse any part of it for the benefit of others."

||

А потом произошло любопытное. Она барахталась и оказалась неспособной продемонстрировать движение шаг за шагом. Она выглядела удивлённой, а затем начала раздражаться несколькими неудачными попытками справиться с ситуацией. Утомленно она прислонилась к пианино и сказала Скену: «Как это совершенно необычно! Это для меня полнейшее откровение. Я, по-видимому, неспособна вскрыть свой собственный танец, чтобы преподать его другим. Я понятия не имела, насколько это сложно сделать. Я могу танцевать свою собственную хореографию, но не могу анализировать её по частям как пособие для кого-то».

"That often happens to creative artists," Skene interposed. "The methodical approach is not a basis for inspiration. Teaching is an art in itself. Your own style of teaching is

entirely by example and inspiration. There is nothing wrong with this method, only it is more difficult for the pupil, that's all."

||

«Это часто случается с творческими художниками, - вмешался Скен.
«Методический подход не является основанием для вдохновения. Обучение - это искусство само по себе. Ваш собственный стиль обучения - это всего лишь пример и вдохновение. В этом методе нет ничего плохого, только ученику это сложнее, вот и всё.»

Difficult was right. She continued to train us in this "catch as catch can" fashion, repeating the dance movement until at least one of us caught on. Then she would say, "You have got the movement correctly. Now teach the others and I expect everybody to have it right by tomorrow." And that was that. Our dogged determination to master the advanced technique she had developed over the past years, while we were deprived of her teaching, paid off in the end. Seeing us work so hard every day, eager to make up for so much time lost, she took note of our progress and eventually devoted much of her time to teaching us a whole series of new dances, most of them set to the music of Schubert and Gluck. The audience, when they watched us perform in the theatre and admired our dancing because it seemed so effortless and spontaneous, imagined that all they needed was a few yards of chiffon and they could do the same. They had not the slightest conception of the amount of work and technique involved.

||

Трудно было делать правильно. Она продолжала тренировать нас этим способом «уловил, как уловил», повторяя танцевальное движение, пока, по крайней мере, одна из нас не улавливала движение. Затем она говорила: «У тебя теперь есть правильное движение. Теперь обучи других, и я ожидаю, что все освоят это до завтра». И это происходило именно так. Наша упорная решимость овладеть передовой техникой, которую она разработала за последние годы, в то время, как мы были лишены её обучения, в конце концов, окупились. Увидев нас, как упорно мы работали каждый день, желая восполнить столько потерянного времени, она приняла к сведению наш прогресс, и, в конечном итоге, посвятила большую часть своего времени тому, чтобы обучить нас целому ряду новых танцев, большинство из которых были на музыку Шуберта и Глюка. Зрители, когда они смотрели, как мы выступаем в театре, и восхищались нашими танцами, поскольку это казалось таким лёгким и спонтанным, воображали, что всё, что им нужно, - это несколько ярдов шифона, и они могут сделать то же самое. У них не было ни малейшего представления о количестве проделанной работы, и о технике, которую нужно было отработать.

Finally came the day when we once more danced with Isadora on the same Chatelet stage where we had last performed together in 1909. The French writer Fernand Divoire, who first coined the expression "Isadorable," wrote at the time:

||

Наконец настал тот день, когда мы ещё раз танцевали с Айседорой на той же сцене Шатле, где мы в последний раз выступали вместе в 1909 году.

Французский писатель Фернан Дивуар, который впервые придумал выражение «Айседоринские», писал в то время:

Six slender young girls appeared on the scene attired in rosecolored scarves and crowned with flowers. Bare-limbed and light-footed they throw themselves joyfully into the dance. They are the little Isadorables we used to see dance when they were children. They are grown up now. Tall, supple and graceful, they combine their erstwhile naive gaiety with all the charm of young girls. No painting of Botticelli or Angelico, no Greek fresco depicting the vernal season expresses as much beauty, chastity and artlessness as these youthful dancers.

||

На сцену вышли шесть стройных молодых девушек, одетых в розоцветные шарфы и увенчанные цветами. Голые и легкие ноги радостно бросились в танцы. Это маленькие «Айседоринские», которых мы видели, когда они были детьми. Они теперь выросли. Высокие, гибкие и изящные, они сочетают в себе своё наивное веселье со всем очарованием молодых девушек. Никакая картина Боттичелли или Анжелика, никакая греческая фреска, изображающая весенний сезон, не выражает красоту, целомудрие и бесхитрость, как эти молодые танцовщицы.

Isadora dances with them and is part of them. And the delighted audience applauds and applauds, freed of all everyday worries and care, left with no other thoughts but those of grace and youth eternal.

||

Айседора танцует с ними и является их частью. И восхищенная публика аплодирует и аплодирует, освободившись от каждодневных забот и хлопот, оставленная без каких-либо других мыслей, кроме благочестия и вечной молодости.

Such a performance rarely happens where, the orchestra gone, the lights extinguished, the ushers waiting to close the doors, so many of the audience remain to applaud frantically and acclaim the artist they worship. They insist on recalling the Isadorable one again and again, unable to part from her. After masses of flowers have been presented she gives the enthusiastic audience one last dance.

||

Такое представление там редко случалось, когда оркестр уже ушёл, свет погас, билетёры ожидают закрытия дверей, а многие из зрителей остаются и аплодируют, и приветствуют артистку, которой они поклоняются. Они настаивают на вызове «Айседоринских» обратно, чтобы снова и снова видеть их, не в силах расстаться с ними. После того, как были доставлены массы цветов, она дала восторженной аудитории последний танец.

Joining hands with her six young girls they dance silently, without music, around the flowers heaped in the center of the stage-a ring around the roses-such as children play. This charming improvisation as we watch it unfold is unforgettable. Oh, garden of happy spirits!

||

Взявшись за руки, вместе со своими шестью молодыми девушками, они танцуют тихо, без музыки, вокруг цветов, нагроможденных в центре сцены - образуя кольца вокруг роз - как в детской игре. Эта очаровательная импровизация, когда мы наблюдали за ней, незабываема. О, сад счастливых духов!

Later that spring season we also danced with Isadora at the Trocadero, taking part in her Orpheus program. I still recall the thrill I experienced when she taught me the solo part in the dance depicting the scene of the Happy Spirit, a part she had always danced herself. To make matters even more exciting, she gave me the tunic of pale blue Liberty silk that she herself had always worn. I treasured it for many years.

||

Позже, в этот весенний сезон мы также танцевали с Айседорой во дворце Трокадеро, участвуя в её программе Орфея. Я до сих пор помню волнение, которое я испытала, когда она научила меня сольной части в танце, изображающей сцену Счастливого Духа, часть, которую она всегда танцевала сама. Чтобы сделать его ещё более захватывающим, она дала мне свободную шёлковистую тунику бледно-голубого цвета, которую она всегда носила. Я храню её много лет.

During this particular period Isadora was at the zenith of her career. At the age of thirty-five she had everything any artist or young woman could wish: fame, success, money, two lovely children, and a man who was not only devoted to her but willing to put himself and his fortune to work for the cause of her art. He planned to build a theatre of the dance in Paris that would bear her name. It was to outshine the recently completed Theatre des Champs-Elysees, which in its exterior architectural decoration-as well as in its interior, painted frescos-had been inspired by her dances. The two artists who executed the decorations, the sculptor Bourdelle and the painter Denis, both admired Isadora's art profoundly and admitted to being greatly influenced by her. Among the dance decorations done by Maurice Denis is a gilded bas-relief panel on the mezzanine floor representing the six girls who appeared with her at the time.

||

В этот конкретный период Айседора была в зените своей карьеры. В возрасте тридцати пяти лет у неё было всё, что могла пожелать любая артистка или молодая женщина: слава, успех, деньги, два прекрасных ребёнка и человек, который был, не только предан ей, но и хотел, чтобы он и его судьба работали на дело её искусства. Он планировал построить в Париже театр танца, который будет носить её имя. Это должно было затмить недавно законченный Театр

Елисейских полей, который в своём внешнем архитектурном оформлении, а также в его интерьере, нарисованными фресками, был вдохновлен её танцами.

Два художника, которые исполнили украшения, скульптор Бурдель и художник Денис, оба глубоко восхищались искусством Айседоры и признавались, что сильно зависят от неё. Среди танцевальных украшений, выполненных Морисом Денисом, находится позолоченная барельефная панель на мезонине, представляющая шесть девушек, которые появились с ней в то время.

The future seemed bright for me and my schoolmates, too. Our dream had come true at last-to be studying once more with Isadora. This had been our secret wish all along, while marking time at the Darmstadt school. When all looked so promising for the future that lovely month of April in Paris, in that "garden of happy spirits" the poet spoke of, who could have foreseen the unspeakable calamity hovering menacingly in the background, ready to pounce on its innocent victims, destroying them in a flash, and with them, our innocent dreams.

||

Будущее мне и моим одноклассникам казалось лучезарным. Наконец, наша мечта сбылась - снова учиться с Айседорой. Это всегда было нашим тайным желанием, когда мы коротали время в школе Дармштадта. Тогда всё выглядело так многообещающе в будущем, как тот прекрасный апрельский месяц в Париже, в том «саду счастливых духов», о котором говорил поэт, который мог предвидеть несказанное бедствие, угрожающе реюшее на заднем плане, готовое наброситься на своих невинных жертв, разрушая их в мгновение ока, а вместе с ними и наши невинные мечты.

Deirdre and Patrick

The nineteenth of April, that tragic turning point in Isadora Duncan's life, dawned wet and cold. We girls went as usual from our pension around the corner from the

Rue Chauveau for our morning workout at the studio. A pleasant surprise awaited us. We found Deirdre and her little brother Patrick there playing games. They had come in that morning from Versailles, where they had spent the winter months. At the age of three Patrick could not yet talk except for a few words, but he understood quite well when his nanny coaxed him to show us how his mama bowed to the audience at the end of a performance. Deirdre always acted bashful when asked to do something, but not Patrick. Like a real actor he gave a cunning imitation of his famous mother acknowledging the applause. As we laughed and asked him to do it again, Isadora came in. She joined in the laughter and told us that we would all have luncheon at an Italian restaurant in town as the guests of Paris Singer. It was the last time we would all be so happily together.

||

Девятнадцатого апреля случился этот трагический поворот в жизни Айседоры Дункан, тот мокрый и холодный рассвет. Мы, девочки, приехали, как обычно, из нашего пансиона за углом от улицы Чаувеау для утреннего тренинга в студии. Нас ожидал приятный сюрприз. Мы обнаружили, что Дейдра и её младший брат Патрик там играют в игры. Они приехали в то утро из Версаля, где провели зимние месяцы. В возрасте трёх лет Патрик ещё не мог говорить, кроме нескольких слов, но он прекрасно понимал, когда его няня уговаривала его показать нам, как его мама кланялась аудитории в конце спектакля. Дейдре всегда стеснялась, когда её, а не Патрика, просили что-то сделать. Как настоящий актёр, он представил искусное подражание своей знаменитой матери, принимающей аплодисменты. Когда мы засмеялись и попросили его сделать это снова, вошла Айседора. Она присоединилась к смеху, и сказала нам, что мы все пообедаем в городе в итальянском ресторане, в качестве гостей Париса Зингера. Это был последний раз, когда мы все были так счастливы вместе.

We girls returned to our pension after lunch for our daily music lesson. Professor Edlinger, our teacher, had a nice baritone voice and loved to sing entire scores of operas, doing all the parts. That particular afternoon, while the rain continued unabated, he chose the stirring music of Wagner's Die Walkure for our lesson. All devout music lovers, we could sit and listen to him for hours.

||

Мы, девочки, вернулись в наш пансион после обеда на наш ежедневный урок музыки. Профессор Эдлингер, наш учитель, имел приятный баритон и любил петь целые десятки опер, занимаясь всеми частями. В тот день, когда дождь продолжался, он выбрал нам для урока Валькирии Вагнера. Все мы набожные любители музыки, мы могли сидеть и слушать его часами.

While he sang Sigmund's impassioned "Winterstürme wichen dem Wonnemond," I watched the heavy rainstorm bending the budding trees outside on the lawn, tearing off the tender green shoots and scattering them about in its fury. With branches wildly waving, the trees seemed to be dancing grotesquely to Wagner's music.

||

В то время как он страстно пел Зигмундские «Зимние бури сменились зимней луной», я наблюдала, как сильный ливень изгибает расцветающие деревья на лужайке, отрывая нежные зелёные побеги и рассеивая их в своей ярости. С размахивающимися ветвями, деревья казались гротескно танцующими под музыку Вагнера.

The room felt cold and damp. I shivered and drew my woolen jacket closer about me. The hours passed. Twilight was descending when we reached that state of repleteness which beautiful music engenders and which is accompanied by a mild state of drowsiness. Then suddenly, like one of the great composer's own leitmotifs, we were all roused from our lethargy by a frantic knocking at the front door. We heard a door slam and rapid footsteps approached our room.

||

В комнате было холодно и сыро. Я вздрогнула и потянула свою шерстяную куртку ближе к себе. Прошли часы. Сумерки спускались, когда мы достигли такого состояния полноты, которое порождает прекрасная музыка и которая сопровождается мягким состоянием сонливости. Внезапно, как один из лучших лейтмотивов великого композитора, мы все очнулись от нашей летаргии от безумного стука в парадную дверь. Мы услышали стук в дверь, и быстрые шаги приблизились к нашей комнате.

Temple's father appeared pale and haggard-looking like a phantom in the twilight. In a frantic state, his clothes dripping wet, he rushed to his daughter and held her tight. Frightened, she cried out in alarm, "What is the matter, father, what has happened?"

||

Отец Темпл казался бледным и изможденным, похожим на привидение в сумерках. В безумном состоянии, вся его одежда промокла, он бросился к своей дочери и крепко обнял её. Испуганная, она взволнованно вскрикнула: «Что случилось, папа, что случилось?»

In a broken voice that sounded hollow in the gloom he announced the dreadful news: "Isadora's children are dead."

After a night of terror in which I for one found little sleep, we all welcomed the sight of Mary Sturges who came to see us early the next morning. She described in detail the automobile accident that had caused the drowning of the two dear little children and their nurse in the river Seine. She told us to pack our things, since we would leave for Darmstadt immediately. But first we must say goodbye to Isadora.

||

В сломанном голосе, который казалась глухим во мраке, он объявил ужасные известия: «Дети Айседоры мертвы».

После ночи ужаса, в которой я, лично, мало спала, мы все приветствовали появление Мэри Стерджес, которая пришла к нам рано утром следующего дня. Она подробно описала автомобильную катастрофу, вызвавшую утопление двух милых маленьких детей и их медсестры в реке Сене. Она сказала, чтобы мы собрали все наши вещи, потому что мы немедленно отправимся в Дармштадт. Но сначала мы должны попрощаться с Айседорой.

The storm had passed during the night. Walking the short distance to Isadora's house in the sunshine, listening to the chirping of the birds, my mind was filled with the saddest thoughts. At sixteen one believes death happens only to older people. It is quite incomprehensible to see innocent children struck down. I was frightened at the thought of having to look at them in death, while remembering their laughing faces of the day before.

||

Буря прошла ночью. Прогуливаясь на солнце, на небольшом расстоянии от дома Айседоры, слушая щебетание птиц, мой ум был наполнен самыми грустными мыслями. В шестнадцать лет человек считает, что смерть приходит только к пожилым людям. Совершенно непонятно, как невинные дети погибли. Я испугалась мысли о необходимости смотреть на них умерших, вспоминая их смеющиеся накануне лица.

We entered by a side door. The house was shrouded in silence, and only the blue alabaster lamps were lit, shedding an eerie light over everything. With fear in my heart I entered the downstairs library. There, on a couch covered by a black silk shawl embroidered with many small flowers, reposed the lifeless forms of the two children, lying close beside each other, their blond heads touching. Deirdre had her right arm curved lovingly about her baby brother as if to protect him even in sleep.

||

Мы вошли в боковую дверь. Дом был окутан тишиной, и горели только синие алебастровые лампы, проливающие жуткий свет на всё. Со страхом в моём сердце, я вошла в библиотеку внизу. Там, на диване, покрытом чёрной шёлковой шалью, вышитой множеством маленьких цветов, покоились безжизненные формы двух детей, лежащих рядом друг с другом, их светлые головы касались друг друга. Правая рука Дейдрде с любовью изогнулась вокруг её младшего брата, как бы защищая его даже во сне.

How often had I seen them together like this. I could not believe that they were dead despite the tall flickering tapers and the flowers heaped all around them. Seeing them thus I was more shocked than sad, and unable to shed tears. A black velvet rope stretched across the room separating us from them, and we stood there in silent contemplation for a few minutes. Then I heard someone whisper, "Come along now, girls, and say goodbye to Isadora."

||

Как часто я видела их вместе. Я не могла поверить, что они были мертвы, несмотря на высокие мерцающие свечи и цветы, нагроможденные вокруг них. Видя их, таким образом, я была более шокирована, чем опечалена, и не могла проливать слезы. Чёрная бархатная верёвка растянулась по комнате, отделяя нас от них, и мы стояли там, в молчаливом созерцании в течение нескольких минут. Затем я услышала, как кто-то шепнул: «Пойдём, девочки, и попрощаемся с Айседорой».

We parted the long blue curtains and entered the vast studio. This was the moment I dreaded most. In the semidarkness I could at first barely see her. Immobile, like a statue, her head thrown back and eyes closed, she sat in an armchair. Tears flowed down her face. Her usually smiling, engaging countenance had, through unbearable grief, been distorted into a tortured mask. The picture of martyrdom incarnate, she resembled a Gothic saint carved in wood.

||

Мы раздвинули длинные синие шторы и вошли в огромную студию. Это был тот момент, когда я больше всего боялась. В полумраке я едва могла её увидеть. Неподвижная, как статуя, её голова откинулась назад, с закрытыми глазами, она сидела в кресле. Слезы текли по её лицу. Её обычно улыбающееся, привлекательное лицо, из-за невыносимой печали, исказилось в мученической маске. Картина воплощения мученичества напоминала готического святого, вырезанного из дерева.

The moment we beheld her silent agony we all started to cry. Standing close beside her, I could not control my wild sobbing when she looked at me and, taking me into her arms, held my head close to her breast. Through my sobs I heard her say in a gentle, pitiful voice, "You must be my children now."

||

В тот момент, когда мы увидели её молчаливую агонию, мы все заплакали. Стоя рядом с ней, я не могла контролировать свой дикие рыдания, когда она посмотрела на меня и, взяв меня на руки, прижала голову к груди. Через мои рыдания я услышала, как она произнесла нежным, жалким голосом: «Вы должны быть моими детьми теперь».

I doubt if there are many women in the world, including myself, who would be capable of expressing so humane and generous a thought at so tragic a moment. That she could find no bitterness in her heart toward a fate that left her foster children unharmed while these of her own flesh and blood lay dead beside her proves the greatness of her soul. If all human beings are ultimately judged by their acts on earth, I would say this was Isadora Duncan's finest hour.

||

Я сомневаюсь, что в мире есть много женщин, в том числе и я, которые могли бы выразить такую гуманную и щедрую мысль так трагично. Чтобы она не находила в своем сердце горечи к судьбе, которая оставила её приёмных детей целыми и невредимыми, в то время как её собственная плоть и кровь лежали

мёртвые рядом с ней, доказывает величие её души. Если все люди в конечном итоге будут судимы своими действиями на Земле, я бы сказала, что это был самый прекрасный час Айседоры Дункан.

**** PART II. 1913-1921 ****

-- ЧАСТЬ II. 16-24 года

[161], p.137-147 * DUNCAN DANCER * Dionysion *

-9-

Dionysion

Дионисизм

Would Isadora ever dance again? That was the question uppermost in our minds. It did not seem likely. She once confessed that in those dark moments she thought of committing suicide. She left her house in Neuilly after the funeral, never to return. In her subsequent restless wanderings through Greece and Italy, all that summer, she found no peace. At the beginning of September she settled for a long stay in Viareggio, where her friend Eleonora Duse lived. Since Isadora did not have a telephone, Duse would leave little penciled notes for her at the hotel whenever she came to call and did not find her in.

||

Будет ли Айседора когда-нибудь танцевать снова? Это был самый первый вопрос в нашем сознании. Это не казалось вероятным. Однажды она призналась, что в эти тёмные моменты она думала о самоубийстве. Она оставила свой дом в Нейи после похорон, и никогда не возвращалась туда. В её последующем беспокойном путешествии по Греции и Италии, всё это лето, она не нашла покоя. В начале сентября она поселилась в Виареджио, где проживала её подруга Элеонора Дузе. Поскольку у Айседоры не было телефона, Дузе оставляла в отеле маленькие записки карандашом для неё, если бы она не позвонила и не нашла её.

Eleonora Duse

These notes, written in French, expressed Duse's concern and devotion for a friend and fellow artist she so greatly admired. La Duse scrawled them in her large handwriting, three or four words covering a whole page. The first note, dated September 13 (1913), was delivered by hand to the hotel where Isadora was staying.

||

Эти записки, написанные на французском языке, выражали озабоченность и преданность Дузе другу и коллеге, которой она так восхищалась. Дузе нацарапала их своим большим почерком, три или четыре слова, охватывающих всю страницу. Первая записка от 13 сентября (1913) была ею доставлена своими руками в гостиницу, где останавливалась Айседора.

Chere-My heart has been awaiting you for a long time-am here within two steps of you and shall come to you as soon as you desire-yours with all my heart. This morning at the Grand Hotel I left a letter and some flowers for you. Chere Isadora, des roses de la campagne, flowers from my garden. Tell me that you are not too sad to be in a hotel room. Dear, all day I hoped to be with you and tomorrow morning early I shall come and fetch you. But forgive my not coming this evening. It is raining too hard and I am not feeling well.

I embrace you and thank you, de tout ame, for having come and searched me out at this moment which is without life, without art for you.

||

Дорогая, Моё сердце ждало тебя в течение долгого времени - здесь, в двух шагах от тебя, и придёт к тебе, как только захочешь, твоя от всего сердца. Сегодня утром в Гранд-отеле я оставила тебе письмо и цветы. Дорогая Айседора, это деревенские розы, цветы из моего сада. Скажи, что тебе не слишком грустно быть в гостиничном номере. Дорогая, весь день я надеялась быть с тобой, а завтра утром рано я приду к тебе. Но прости, что не приду сегодня вечером. Слишком сильно идёт дождь, и я плохо себя чувствую. Я обнимаю тебя и благодарю, от всей души, за то, что пришла и разыскала меня в этот момент, который без жизни, без искусства для тебя.

Dear, I have called four times today at the Grand Hotel to see you. The last time they told me you had moved to the Regina. I would like to see you this evening but a headache and the thunderstorm prevented me from going out again. I hope the sojourn at the seashore, so lonesome for you, will not be too painful. Shelley will speak to you there. Dream, work, and be valiant in your beautiful strength.

||

Дорогая, я сегодня позвонила в Гранд-отель четыре раза, чтобы увидеть тебя. В последний раз они сказали мне, что ты переехала в Регину. Я хотела бы увидеть тебя этим вечером, но головная боль и гроза не позволили мне снова выйти. Надеюсь, что пребывание на берегу моря, такое одинокое для тебя, не будет слишком болезненным. Шелли поговорит с тобой там. Мечтай, работай и будь доблестна в своей прекрасной силе.

Of seeking out Eleonora Duse to comfort her in this tragic moment of her life, Isadora has said, "If I had not been able to bear the society of other people it was because they all played the comedy of trying to cheer me with forgetfulness. But Eleonora said: 'Tell me of your children' and she made me repeat all their little sayings and ways."

||

О розыске Элеоноры Дузе, чтобы утешить её в этот трагический момент её жизни, Айседора сказала: «Если я не могла вынести общество других людей, то это было потому, что все они играли в комедию, пытаться ободрить меня забывчивостью [забыть о случившемся событии]. Но Элеонора сказала: «Расскажи мне о своих детях», и она заставила меня повторить все их маленькие изречения и события».

In another note left at the hotel for her friend, Duse said: Forgive my fatigue the other night. I could not speak to you, my heart pains me when I see you suffer. Be of good cheer tomorrow! I hope the view of the sea and the mountains will bring you peace. My thoughts watch over you and wish you courage, Chere loyale amie. To regain my own strength I must rest a little while longer by my doctor's orders. But I shall see you again soon and we will talk some more about the children-and art.

||

В другой записке, оставленной в отеле для её подруги, Дузе сказала: Прости мою усталость в ту ночь. Я не могла говорить с тобой, моё сердце болит, когда я вижу, что ты страдаешь. Завтра будь здорова! Надеюсь, вид на море и горы принесёт тебе покой. Мои мысли смотрят на тебя и желают тебе смелости, Дорогой верный друг. Чтобы восстановить силы, я должна немного отдохнуть от указаний моего врача. Но я скоро увижу тебя снова, и мы поговорим ещё немного о детях и об искусстве.

Isadora loved the sea, having been born near the Pacific Ocean, and she enjoyed swimming in salt water. She always used to go bathing wearing a black one-piece suit. Those were the days when women entered the water fully covered, even with stockings and shoes. In her simple, sensible attire, then considered outrageously scant, she naturally attracted much attention. Besides, she was a celebrity who only recently made tragic headlines the world over and photographers stuck to her heels and pestered her no matter how much she tried to evade them and other curiosity-seekers. When she complained of this to Duse, the latter said, "You cannot escape the crowds, they will always search you out."

||

Айседора любила море, родившись около Тихого океана, и ей нравилось купаться в солёной воде. Она всегда купалась в цельном чёрном костюме. Это были те дни, когда женщины входили в воду полностью покрытыми, даже с чулками и туфлями. В её простой, здравомыслящей одежде, которую тогда считали невероятно скудной, она, естественно, привлекла много внимания. Кроме того, она была знаменитостью, которая только недавно дала трагические заголовки по всему миру, и фотографы встали ей на пятки и приставали к ней,

независимо от того, как она пыталась уклониться от них и других любопытных искателей. Когда она пожаловалась на это Дузе, та позже сказала: «Ты не сможешь убежать от толпы, они всегда будут искать тебя».

Tired and annoyed by the curious throngs who trailed her wherever she went, Isadora rented a villa with a high wall around it, in a pine forest. Living there all alone, she had only the presence of Duse to comfort her. That great Italian actress was a devoted admirer of Isadora's art and encouraged her to find solace in her work. As the foremost tragedienne of her day, Eleonora Duse appreciated the noble sentiment of sorrow. They always spoke French together. Duse would say, "Ne perdez pas la belle douleur."

||

Утомлённая и раздражённая любопытными толпами, которые тянули её куда угодно, Айседора арендовала виллу с высокой стеной вокруг неё в сосновом лесу. Жила там совсем одна, ей было достаточно только присутствия Дузе, чтобы утешить её. Эта великая итальянская актриса была преданным поклонником искусства Айседоры и побудила её найти утешение в своей работе. Как самая главная трагедия её дня, Элеонора Дузе высоко оценила благородное чувство печали. Они всегда говорили по-французски. Дузе сказала: «Не теряй прекрасную боль».

She advised Isadora to incorporate this ennobling experience into her art; to transfigure grief into a dance. And so Isadora wrote to her musician Skene: Life is nothing but chaos and terror; only music, beauty and art exist. Everything else is but a confused dream. Have you found a chorale or hymn by Bach or Palestrina on which I could work? I completely despair of life ... but perhaps I could create something beautiful in movement grown in the midst of a requiem which might comfort some people on earth sad as myself. Please search for me. In Cesar Franck's Redemption she found the inspiration to translate her tragic experience into movement, guided by the Biblical words, "Thou hast turned for me my mourning into dancing."

||

Она посоветовала Айседоре включить этот облагораживающий опыт в её искусство; преобразить горе в танец. И поэтому Айседора написала своему музыканту Скене:

Жизнь - это не что иное, как хаос и террор; существует только музыка, красота и искусство. Всё остальное - всего лишь путаный сон. Вы нашли хор или гимн Баха или Палестрины, с которыми я могла бы работать? Я полностью отчаялась от жизни... но, возможно, я могла бы создать что-то прекрасное в движении, выращенном среди реквиема, что могло бы успокоить некоторых людей на Земле, таких как я. Пожалуйста, найдите меня.

В Искуплении Цезаря Франка она нашла вдохновение, чтобы перевести её трагический опыт в движение, руководствуясь библейскими словами: «Ты превратил для меня мой траур в танцы».

Years later, after Isadora's death, I asked Mary Desti (who had been with her that tragic day in 1913) whether Isadora had actually danced at her children's funeral as some newspapers reported at the time. She said, "No, Isadora never even entered her studio where the funeral service was held. She only listened to the music (played by the Paris Symphony Orchestra) below while sitting upstairs in the narrow gallery fronting her private apartment. But everybody watched her intently, and every time she as much as raised her head or moved her arm-since all her movements were beautiful-they thought she was dancing! Only I could see that she was numb with grief."

||

Спустя годы, после смерти Айседоры, я спросила Мэри Дести (которая была с ней в тот трагический день в 1913 году), действительно ли Айседора танцевала на похоронах своих детей, как сообщали в то время некоторые газеты. Она сказала: «Нет, Айседора даже не вошла в свою студию, где проводилась похоронная служба. Она слушала музыку (исполняемую Парижским симфоническим оркестром) внизу, сидя наверху в узкой галерее, выходящей на её частную квартиру. Но все смотрели на неё, и каждый раз, когда она поднимала голову или двигала рукой, так как все её движения были прекрасны - они думали, что она танцует! Только я могла видеть, что она онемела от горя».

Duse encouraged her with tender words to continue working as a form of salvation. Living in enforced retirement herself for lack of engagements, Eleonora knew from personal experience how it felt to be deprived of the exercise of one's art. Watching her dance one day and admiring Isadora's capacity to lose herself in the expression of music, feeling envious not to be able to do this herself, she told her friend:

||

Дузе поощряла её нежными словами, чтобы продолжать работать, как некой формы спасения. Живя в принудительной отставке из-за отсутствия обязательств, Элеонора знала по личному опыту, как чувствовать себя лишенной осуществления своего искусства. Наблюдая за её танцем в один прекрасный день, и восхищаясь способностью Айседоры потерять себя в выражении музыки, чувствуя в себе зависть, чтобы не может сделать это сама, она сказала своей подруге:

"You, who can flee reality, chere genereuse! So courageous in life and gentle and submissive before death, how I wish I too could escape from reality! Without work, without risks life is nothing-a dream empty of dreams. What joy to see you take up anew the flight toward the light! May a beautiful dream of art carry you far, far away from here. Man coeur et man iime sont remplis de votre grandeur. For all the beauty I perceive in you, I thank you."

||

«Ты, кто может бежать от реальности, теперь можешь быть мужественной, такой смелой в жизни и нежной, и покорной до смерти, как бы я хотела, чтобы я тоже могла убежать от реальности! Без работы, без риска, жизнь - это ничто –

мечта, свободная от мечты. Как радостно видеть, что ты снова начинаешь полёт к свету! Пусть прекрасная мечта об искусстве перенесёт тебя далеко, далеко отсюда. Человеческое сердце и человеческое время наполнены твоим величием. За всю красоту, которую я ощущаю в тебе, я благодарю тебя."

A deep-seated restlessness embedded in her nature, augmented by that constant torment gnawing at her vitals, impelled Isadora to leave the villa and her work. She had a sudden desire to go to Rome. St. Peter's with its great art works, the many fountains, the ancient ruins, the tombs along the Appian Way, all breathed eternal peace and calm. When Duse heard of this plan, she wrote:

||

Глубокое беспокойство, вложенное в её природу, дополненное этим постоянным мучением, грызущим её жизненные силы, побудило Айседору покинуть виллу и её работу. Ей вдруг захотелось поехать в Рим. Святой Пётр со своими великими произведениями искусства, множеством фонтанов, древними руинами, гробницами по Аппийскому пути, все дышали вечной тишиной и покоем. Когда Дузе услышала этот план, она написала:

Dear Isadora,

Since we must say farewell, I beg you not to say it tonight but rather tomorrow in the full light of day at noon. Chere Isadora, how sad to see you leave! But you must find your wings again all by yourself, then you will re-enter a state of grace which is your art, your strength, your nobility-for sorrow is everywhere in this world My thoughts are with you, recuperate, have a good rest, do not despair. Your benevolence and all the illusions of your heart will never be lost.

Adieu, et au revoir.

Eleonora Duse

||

Дорогая Айседора.

Поскольку мы должны прощаться, я прошу тебя не говорить об этом сегодня, а лучше завтра в полном свете дня в полдень. Дорогая Айседора, как грустно видеть, что ты уезжаешь! Но ты должна снова обрести свои крылья сама по себе, тогда ты снова войдёшь в состояние благодати, которое является твоим искусством, твоей силой, твоим благородством - ибо печаль повсюду в этом мире... Мои мысли с тобой, выздоравливай, хорошо отдохни, не отчаивайся. Твоя доброжелательность и все иллюзии твоего сердца никогда не будут потеряны.

Прощай и до свидания.

Элеонора Дузе

Isadora later confessed that when she was in the depths of despair only the thought of her school, "my other child" as she called it, saved her reason. A supernatural voice seemed to whisper to her to continue to teach little children to dance in beauty and according to the divine law.

||

Айссодора позже призналась, что, когда она была в глубине отчаяния, только мысль о её школе, которая «мой другой ребёнок», как она её называла, спасла её разум. Сверхъестественный голос, казалось, шепнул ей, чтобы продолжать учить маленьких детей танцевать в красоте и согласно божественному закону.

Bellevue

Paris Singer, concerned for her welfare, did everything in his power to help her regain an interest in her work. With this aim in mind, he presented her, around Christmas time, with a magnificent building of palatial proportions to house her new school. He had bought the former Paillard Palace Hotel, completely furnished including silver, linen, and china. A fifteen-minute drive from Paris, it was situated in the rural hamlet of Bellevue-sur-Seine, close to the forests of Meudon and Saint-Cloud. On a bluff directly above the river, where the Seine makes a big loop, the sixty-two-room house had a magnificent panorama of Paris in the distance and the Seine valley in the foreground.

Soon Isadora was busy remodeling the house to suit her purpose and preparing it for the influx of new pupils whom she expected.

||

Парис Зингер, обеспокоенный её благополучием, сделала всё возможное, чтобы помочь ей вернуть интерес к её работе. С этой целью он представил ей, в Рождество, великолепное здание с роскошными пропорциями, чтобы разместить там её новую школу. Он купил бывший отель Пайярд Палас, полностью меблированный, включая серебро, бельё и фарфор. В пятнадцати минутах езды от Парижа, он находился в сельской деревушке Бельвю-сюр-Сен, недалеко от лесов Медона и Сен-Клу. На утёсе прямо над рекой, где Сена делает большую петлю, в доме с шестидесяти двумя комнатами, была великолепная панорама Парижа на расстоянии, и долина Сены на переднем плане.

Вскоре Айседора была занята перестройкой дома в соответствии с её назначением и подготовкой к приходу новых учеников, которых она ожидала.

*In the meantime, we girls in Darmstadt had no inkling of these interesting developments. As usual, not a word concerning Isadora reached our ears. Early in the summer Augustin Duncan paid the school a visit, bringing with him his second wife, Margherita, and their little boy, Angus. As upon former occasions "Uncle Gus," as we called him, soon had an artistic project under way. In Grunewald he had taught us to recite and act small parts of Shakespeare's plays, such as *A Midsummer Night's Dream*. This time he wanted us to dance and mime the opera *Echo and Narcisse* by Gluck. He always took a great interest and an active part in furthering the artistic education of his sister's pupils-the only one of her brothers to do so.*

||

В то время мы, девочки в Дармштадте, не подозревали об этих интересных событиях. Как обычно, ни слова об Айседоре не дошли до наших ушей. В начале лета Августин Дункан посетил школу, куда привёз с собой свою вторую жену, Маргериту и их маленького мальчика Ангуса. Как и раньше, «дядя Гус», как мы его называли, вскоре закончил художественный проект. В Грюневальде он научил нас читать и исполнять небольшие части пьес Шекспира, такие как «Сон в летнюю ночь». На этот раз он хотел, чтобы мы танцевали и мимировали оперу «Эхо и Нарцисс» Глюка. Он всегда проявлял большой интерес и активно участвовал в продвижении художественного образования учеников своей сестры - единственный из её братьев.

While we were on tour with our new show, Augustin wrote to Isadora, who was then still living in Viareggio. In the hope of arousing her interest in our activities and thus taking her mind off her sorrow for a while, he wrote from Hamburg on October 18, 1913:

||

Пока мы были на гастролях с нашим новым шоу, Августин написал Айседоре, которая всё ещё жила в Виареджио. В надежде привлечь её интерес к нашей деятельности и, таким образом, отвлечь её от печали на некоторое время, он написал из Гамбурга 18 октября 1913 года:

*My dearest Isadora,
We have received some beautiful notices for "Echo and Narcisse," that show an appreciation of what I have been trying to realize. The lighting effects have been especially appreciated. We opened in Darmstadt with very good results. The Grand Duke and Prince Henry of Prussia attended with their wives. We repeated it in Mainz and had much better music.*

||

Моя дорогая Айседора.

Мы получили прекрасные отзывы на «Эхо и Нарцисса», которые показывают понимание того, что я пытался реализовать. Световые эффекты были особо оценены. Мы стартовали в Дармштадте с очень хорошими результатами. Великий князь и принц Генрих Пруссии присутствовали со своими женами. Мы повторили представление в Майнце и имели гораздо лучшую музыку.

Now we are here for two evenings. The first performance is bought out by the Lessing Society and the second is a public evening. It is being given in the new Opera House where they have a very good orchestra and a director from the Stadt Theater in Leipzig. This director is a famous man in Germany and is to give a fifteen-minute conference to the press to prepare them. We travel from here to Munich on November 4th, and are in Stuttgart Nov. 5th. Can't you come and see us at one of these places? We are to appear in Zurich on the 27th.

||

Теперь мы здесь два вечера. Первое выступление выкупает Общество Лессинга, а второе - публичный вечер. Оно даётся в новом Оперном театре, где у них очень хороший оркестр и режиссёр Городского театра в Лейпциге. Этот режиссёр - известный человек в Германии и должен дать пятнадцатиминутную конференцию для прессы, чтобы подготовить их. 4 ноября мы выезжаем отсюда в Мюнхен, а 5-го мы в Штутгарте. Ты не могла бы приехать к нам в одно из этих мест? Мы должны появиться в Цюрихе 27-го.

Margherita is coming on to see us at Stuttgart. The baby [Angus] is splendid and runs about the place his nose scratched up from tumbling. I do wish you would come either to Munich or Stuttgart because we have a beautiful plan if you would like it - without you it is unrealizable and must then remain a dream

||

Маргерита присоединилась к нам в Штутгарте. Ребёнок [Ангус] великолепен и бегаёт по площади, его нос поцарапан от падения. Хотелось бы, чтобы ты приехала либо в Мюнхен, либо в Штутгарт, потому что у нас есть прекрасный план, если ты этого захочешь, без тебя это нереализуемо и должно остаться мечтой...

I will write again more fully, am hurried this morning. We have just arrived here and there is a great deal to attend to. I will send you some clippings. It is a great success and a great advance and a tiny step forward towards your great idea. Love from us all,

Gus

||

Я напишу потом более подробно, сегодня утром спешу. Мы только что приехали сюда, и здесь есть что посмотреть. Я пришлю тебе вырезки. Это большой успех и большой прогресс, и крошечный шаг вперёд к твоей замечательной идее. Любовь от нас всех,

Гас

Our tour ended in Berlin. The recently opened Hotel Eden on the Kurfuerstendamm then represented the height in luxurious accommodations. We spent several weeks there over the Christmas and New Year's holidays. Gus, who was well aware of our love for Isadora and our antipathy toward his older sister, gave us the best Christmas present in the world when he surprised us with the wonderful news that Isadora

wanted us six older girls and her niece to join her immediately in Paris, where she had founded a new school.

||

Наш тур закончился в Берлине. Недавно открывшийся Отель Эдем на Курфюрстендамме представлял собой высотку с роскошными номерами. Мы провели там несколько недель в рождественские и новогодние праздники. Гас, который хорошо знал нашу любовь к Айседоре и нашу антипатию к своей старшей сестре, дал нам лучший рождественский подарок в мире, когда он удивил нас чудесными новостями о том, что Айседора хотела, чтобы мы с шестью старшими девочками и её племянницей немедленно присоединились к ней в Париже, где она основала новую школу.

We shouted for joy and could hardly restrain our happiness, when the door opened and Tante Miss walked in, accompanied by Max Merz. Our faces fell, and solemnity descended like a pall over our exuberance. She showed us Isadora's telegram, saying, "I have no objection to your going to my sister for a while to help her get started with the school in France. After all, the main thing is that she finds a renewed interest in life. And we must do everything we can to help her."

||

Мы кричали от радости и с трудом сдерживали наше счастье, когда открылась дверь, и вошла Танте Мисс в сопровождении Макса Мерца. Наши лица упали, и торжественность спустилась, как прилив, над нашим изобилием. Она показала нам телеграмму Айседоры и сказала: «Я не возражаю против того, чтобы вы поехали к моей сестре на некоторое время, чтобы помочь ей начать работу со школой во Франции. В конце концов, главное, она находит новый интерес к жизни. И мы должны сделать всё возможное, чтобы помочь ей».

Mr. Merz, who had been impatiently stalking up and down the room, interrupted her. "This is absurd, Elizabeth, utterly senseless. Why must we send all the girls at the same time? Can't we simply send one or two, and keep the rest? You know very well that we have a command performance to give for the Crown Prince and his wife in Potsdam in a few weeks. And what about our plans for appearing at the Salzburg festival this summer? Have you thought of that?"

||

Мистер Мерц, нетерпеливо вышагивающий по комнате вперёд и назад, прервал её. «Это абсурд, Элизабет, совершенно бессмысленно. Почему мы должны посылать всех девушек одновременно? Разве мы не можем просто отправить одну или две, а оставить всех остальных? Вы очень хорошо знаете, что у нас есть групповое представление для наследного принца и его жены в Потсдаме, через несколько недель. А как насчёт наших планов выступить на фестивале в Зальцбурге этим летом? Думали ли вы об этом?»

"Yes, Merzl, yes, they will be back for that," Elizabeth reassured him. She always called him "Merzl" when she wanted to have her own way. Red in the face with fury,

he stormed out of the room shouting, "You don't know what you are doing! This is ruin for us! "

He went out, slamming the door behind him, and that was the last we girls saw of him for many years. He fully realized that, given a choice, we older girls without exception would prefer to remain with Isadora.

||

«Да, Мерзл, да, они вернутся к тому времени, - успокоила его Элизабет. Она всегда называла его «Мерзлом», когда хотела сделать свой собственный выбор. С красным лицом, в ярости, он выбежал из комнаты, крича: «Ты не знаешь, что делаешь! Это гибель для нас!»

Он вышел, хлопнув дверью позади себя, и это было последним, что мы видели от него на протяжении многих лет. Он полностью осознал, что, учитывая наличие выбора, мы, взрослые девочки, все без исключения, предпочли бы остаться с Айседорой.

Elizabeth later came to Paris and tried to force us back for the command performance and Salzburg festival-without success, as far as I was concerned. I happened at the time to be ill with influenza. She found me in bed with a nurse in attendance. I had a high fever, but she imagined I was shamming and-disregarding the nurse's shocked protest-yanked me bodily out of bed. In my weakened condition, I fell down in a dead faint at her feet.

||

Элизабет позже приехала в Париж и попыталась вернуть нас на групповое представление и фестиваль в Зальцбурге - безо всяких успехов, по поводу чего я была обеспокоена. В то время я заболела гриппом. Она нашла меня в постели с медсестрой. У меня была высокая температура, но она вообразила, что я притворяюсь и, не обращая внимания на протест шокированной медсестры, выдернула меня из постели. В моём ослабленном состоянии, я упала в обморок у её ног.

Isadora did not want us to go, and we, of course, resisted with all our might. The two or three girls that Elizabeth corralled for the command performance for the German Crown Prince insisted on coming back to Paris afterward. And that was the end of our association with Tante Miss. She functioned on her own from then on, with Max Merz beside her. For a few years she was in America, but most of her time was spent in Austria and Germany till her death in Stuttgart in 1948. The night in January, 1914, when we arrived at the gates of Isadora's school on top of a hill overlooking Paris, our jubilation at being reunited with her cannot be imagined. In the train coming from Berlin to Paris, we practically sang all the way. And now, when we saw her again after her terrible tragedy, waiting for her "other childreenn at the top of a flight of stairs, we rushed up two steps at a time into her outstretched arms. I felt I had come home at last.

||

Айседора не хотела, чтобы мы уходили, и мы, конечно, сопротивлялись изо всех сил. Две-три девочки, которых Элизабет загнала на командное

выступление для немецкого наследного принца, после этого настаивали на возвращении в Париж. И это было концом нашей связи с Танте Мисс. С тех пор она работала сама по себе, рядом с ней Макс Мерц. Несколько лет она была в Америке, но большую часть времени она проводила в Австрии и Германии до своей смерти в Штутгарте в 1948 году. Ночью, в январе 1914 года, когда мы подошли к воротам школы Айседоры на вершине холма, с видом Парижа, наше лихорадочное воссоединение с ней невозможно было представить. В поезде, прибывающем из Берлина в Париж, мы практически пели весь путь. И теперь, когда мы увидели её снова, после её ужасной трагедии, ожидающей её «других детей» на вершине лестничного пролета, мы в два шага за раз бросились в её протянутые руки. Я чувствовала, что, наконец, вернулась домой.

Life took on a fresh meaning for all of us, working here together in harmony in this "Temple of the Dance of the Future" she had named Dionysian, after the ancient Greek god of creation. Since Isadora did not teach beginners, the instruction of the new pupils (mostly French and Russian children) devolved upon us older girls. She expressed herself most pleased with the knowledge and confidence with which we passed on her teachings.

||

Жизнь приобрела новый смысл для всех нас, работая здесь вместе, в гармонии, в этом «Храме танца будущего», который она назвала Дионисиан, в честь древнегреческого бога творения. Поскольку Айседора не преподавала новичкам, обучение новых учеников (в основном детей из Франции и России) передавалось нам, старшими девочками. Она была очень довольна знаниями и уверенностью, с которыми мы передавали её учение.

*Because she was expecting the birth of her third child (it was to die a few hours after birth), she herself would teach the older group while reclining on a couch, using only her hands and arms. She had changed much in appearance. She had cut her hair, and with this simple act set a fashion soon to be copied by other dancers and women all over the world, chalking up another reform to her credit. Immersed in her work and surrounded by happy, laughing children, she made a valiant effort to overcome the effects of the recent tragedy whose memory haunted her day and night. We six girls had nothing to offer her but our youthful enthusiasm for the dance, and our devotion. She said, "In the morning, when I entered the dancing room and they saw me, they would shout, 'Good morning Isadora!' It sounded so joyful. How could I be sad amongst them?!"**

**Cf. Life, p. 302.*

||

Поскольку она ожидала рождения своего третьего ребёнка (который должен был умереть через несколько часов после рождения), то она сама учила старшую группу, откидываясь на диване, используя только руки и кисти. Она сильно изменилась. Она отрезала свои волосы, и с помощью этого простого акта появилась мода, которая вскоре была скопирована другими танцорами и женщинами по всему миру, она внесла, таким образом, в неё ещё одну

реформу. Погруженная в свою работу и окруженная счастливыми, смеющимися детьми, она сделала отважную попытку преодолеть последствия недавней трагедии, память которой преследовала её день и ночь. Мы, шесть девочек, не могли предложить ей ничего, кроме нашего юношеского энтузиазма в отношении танца и нашей преданности. Она сказала: «Утром, когда я вошла в танцевальную комнату, и они увидели меня, они прокричали: "Доброе утро, Айседора!" Это звучало так радостно. Как я могу быть грустной среди них?»*
*См. Жизнь, с. 302.

Russia 1914

*In April she sent Anna and me to Russia to choose some Russian children for the school. Her brother and sister-in-law accompanied us. And here I ran into an unexpected and curious experience. One had to have a passport to visit Tsarist Russia. The regulations demanded a baptismal certificate in order to obtain a visa. This necessitated my going back to Hamburg, as I had no documents with me and Mr. Merz refused to be cooperative. When Margherita, who chaperoned me, discovered by talking with mother that I had never been baptized, it did not faze her in the least. I myself had been completely ignorant of my heathen status all these years, and could not have been more surprised. Fearing this would prevent my going to Russia, I said to Margherita, "I am afraid we are out of luck and must return to Paris. There is nothing we can do about this now."
"Oh yes there is," Margherita retorted firmly. "We are going to have you baptized right away!"*

||

В апреле она отправила Анну и меня в Россию, чтобы выбрать русских детей для школы. Её брат и невестка сопровождали нас. И здесь я столкнулась с неожиданным и любопытным опытом. Нужно было иметь паспорт для посещения царской России. Для получения визы правила потребовали свидетельство о крещении. Это потребовало моего возвращения в Гамбург, поскольку у меня не было документов с собой, а г-н Мерц отказалась сотрудничать. Когда Маргарита, которая меня избила, обнаружила, что разговаривая с матерью, я никогда не крестилась, это ни в коей мере не обеспокоило её. Все эти годы я была совершенно не осведомлена о своём языческом статусе, и не могла быть удивлена более. Опасаясь, что это помешает моей поездке в Россию, я сказала Маргарите: «Боюсь, нам не повезло и мы должны вернуться в Париж. Мы ничего не можем с этим поделать». «О нет, можем, - решительно возразила Маргарита. «Мы собираемся тебя крестить немедленно!»

In her breezy American style that would not admit to being thwarted in any undertaking, she picked up the phone and called the nearest Protestant church to arrange an interview with the pastor. The St. Petrikirche, consecrated in the twelfth century, is the oldest church in Hamburg. The pastor received us kindly in his study and, though sympathetic to our request, gravely refused to baptize me in a hurry

merely to let me get a Russian visa. He insisted on a minimum three-week course of preparation and instruction in the Lutheran faith.

||

В своём ветреном американском стиле, который не признавал, чтобы что-то мешало ему в любом начинании, она взяла трубку и позвонила в ближайшую протестантскую церковь, чтобы устроить собеседование с пастором. Св. Петрикирхе, была освящена в двенадцатом веке, и являлась самой старой церковью в Гамбурге. Пастор любезно принял нас в своем кабинете и, хотя и сочувствовал нашей просьбе, решительно отказалась крестить меня в спешке, просто чтобы я получила российскую визу. Он настаивал на минимальном трёхнедельном курсе подготовки и обучения лютеранской вере.

We persuaded him that this was impossible. Margherita explained in English that it was now or never. I suppose it was to save my soul that he then agreed to do it on the spot. While he retired to don his vestments, I entered the old church, where someone began to light the candles by the altar. The very moment Pastor Poppe gave me the benediction, a ray of sunlight pierced the beautiful stained-glass window and fell directly on my head as I was kneeling by the altar rail. I suddenly felt very sanctified. I heard mother crying softly into her handkerchief, and then the pastor solemnly shook hands with us as we departed. Half-way up the aisle he called out, "Wait a minute! Haven't you forgotten something?" And he waved the precious baptismal certificate for which Margherita, who acted as my godmother, had paid ten gold marks. We rushed to get it, jumped into a taxi, and drove to the Russian consulate. And here occurred the most ironic thing. When I handed in my passport, the clerk stamped on the Russian visa without demanding to see my certificate of baptism! Annoyed at his disinterest after all I had gone through to get it, I asked him why. He answered blandly, "Not necessary in your case. One can see at a glance you belong to the Aryan race."

||

Мы убедили его, что это невозможно. Маргарита объяснила по-английски, что это будет сейчас или никогда. Полагаю, это спасло мою душу, и он согласился сделать это на месте. Пока он удалился, чтобы надеть свои одежды, я вошла в старую церковь, где кто-то начал зажигать свечи у алтаря. В тот самый момент, когда пастор Поппе дал мне благословение, луч солнечного света пронзил красивое витражное окно и упал прямо на мою голову, когда я стояла на коленях у алтаря. Я внезапно почувствовала себя очень освященной. Я слышала, как мать тихо плакала в носовой платок, а затем пастор торжественно пожал нам руку, когда мы уходили. На полпути к проходу он крикнул: «Подожди! Разве ты ничего не забыла?» И он помахал драгоценным свидетельством о крещении, за который Маргарита, которая действовала как моя крестная, заплатила десять золотых марок. Мы бросились взять его, затем прыгнули в такси и поехали в российское консульство. Здесь произошло самое ироничное. Когда я передала свой паспорт, клерк нанес штамп с российской визой, не потребовав увидеть мой крестик. Раздраженная его незаинтересованностью, после того, через что я прошла, чтобы получить его, я

спросила его, почему. Он ответил мягко: «Не нужно в вашем случае. Можно видеть с первого взгляда, что вы принадлежите к арийской расе».

St. Petersburg, Hotel Astoria

Margherita and I met Anna and Augustin in Berlin and gaily continued on our mission to St. Petersburg. We stayed at the new Hotel Astoria, opposite the grand St. Isaac cathedral. Anna and I gave a small dance recital in the ballroom of that hotel. I remember how terribly thrilled we were to have the great Constantin Stanislavsky of the Moscow Art Theatre consent to introduce us to the audience and give a lecture on Isadora's art. At the end of our performance he personally presented each one of us with a lovely bouquet of flowers. Immensely proud and flattered, we took a snapshot of each other holding his flowers and posing with them on the window sill of our hotel room with the huge cathedral looming in the background. A nice souvenir of our only joint performance anywhere.

||

Мы с Маргаритой встретились с Анной и Августинном в Берлине, и бодро продолжили нашу миссию в Санкт-Петербург. Мы остановились в новом отеле Астория, напротив великого Исаакиевского собора. Мы с Анной представили небольшой танцевальный концерт в бальном зале этого отеля. Я помню, как нас ужасно волновало, как мы хотим, чтобы великий Константин Станиславский из Московского художественного театра согласился познакомить нас с аудиторией и дать лекцию об искусстве Айседоры. В конце нашего выступления он лично предоставил каждому из нас прекрасный букет из цветов. Безмерно гордые и польщенные, мы сделали снимки друг друга, держа его цветы, и позировали с ними на подоконнике нашего гостиничного номера, с огромным собором, вырисовывающимся на заднем плане. Хороший сувенир нашей единственной совместной работы в этом месте.

We remained in Russia for two months. Later, some of the other girls and Hener Skene joined us so we could give a few performances before returning to Paris with a group of newly recruited pupils.

||

Мы остались в России на два месяца. Позже, некоторые из других девушек и Хенер Скене присоединились к нам, чтобы мы могли дать несколько выступлений, прежде чем вернуться в Париж с группой новобранных учениц.

We all led a happy, wonderful life with Isadora in that beautiful school. The fact that she treated us like adults and allowed us each a room to ourselves started things off to our entire satisfaction. She told us of her plan to build that theatre of the dance and drama so long dreamed of, and how she intended to make us members of a company patterned after the Comedie Francaise. Our artistic future seemed assured. Isadora too firmly believed that Dionysian had taken permanent roots and that she would live there for the rest of her life, continuing to do creative work.

||

Мы все вели счастливую, прекрасную жизнь с Айседорой в этой прекрасной школе. Тот факт, что она относилась к нам как к взрослым, и позволяла каждой из нас отдельную комнату, всё было к нашему полному удовлетворению. Она рассказала нам о своём намерении построить этот театр танца и драмы, о котором [мы все] так долго мечтали, и о том, как она собиралась сделать нас членами компании, созданной по образцу «Комеди Франсез». Наше артистическое будущее казалось уверенным. Айседора слишком твердо верила, что Дионисий пустил постоянные корни, и что она будет жить там всю оставшуюся жизнь, продолжая заниматься творчеством.

All these noble prospects came to an end when disaster struck once more-this time on a gigantic scale. In August the First World War set cannons to roaring over most of Europe, and the millions of soldiers wounded in battle needed help. Isadora gave her temple of the dance to the Red Cross for a hospital. She and her pupils fled to America, via London and Liverpool, where the streets were crowded with soldiers going off to war singing, "It's a long way to Tipperary."

||

Все эти благородные перспективы подошли к концу, когда снова наступила катастрофа - на этот раз в гигантских масштабах. В августе, Первая мировая война заставила реветь пушки над большей частью Европы, и миллионы солдат, раненых в бою, нуждались в помощи. Айседора отдала свой храм танца Красному Кресту под больницу. Она и её ученики бежали в Америку через Лондон и Ливерпуль, где улицы были переполнены солдатами, отправляющимися на войну с пением: «Это долгий путь к Типперэри».

The wild excitement engendered by those stirring times, added to the intriguing adventure of crossing the ocean to another continent, prevented my realizing what sad consequences the war would have for our school. In years to come, I have often looked back with deep regret that Dionysian existed for only seven short months. For it represented Isadora Duncan's ideal school, the perfect center and environment-now lost to posterity-for preserving the results of her work. And I regret also that she did not make more of an effort to keep it functioning despite the world-wide catastrophe. For wars have come and gone, and life is short, but art lives on forever.

||

Дикое волнение, порождённое этими волнующими временами, добавленное к интригующему приключению пересечения океана к другому континенту, помешало мне понять, какие печальные последствия имела война для нашей школы. В последующие годы я часто с большим сожалением вспоминала, что Дионисий существовал всего семь коротких месяцев. Ибо это была идеальная школа Айседоры Дункан, идеальный центр и окружающая среда, теперь потерянная для потомков - для сохранения результатов её работы. И я также сожалею о том, что она не предпринимала больше усилий, чтобы сохранить его функционирование, несмотря на всемирную катастрофу. Ибо войны приходят и уходят, и жизнь коротка, но искусство живёт вечно.

-=10=-

Growing Up Взросление

WE reached New York on September 13, 1914, after an uneventful voyage on the Cunard liner Lapland. But the moment we landed, all sorts of unforeseen and startling things happened in quick succession.

||

Мы достигли Нью-Йорка 13 сентября 1914 года, после беспрецедентного плавания на лайнере Лапландия Кунард. Но в тот момент, когда мы причалили, тут же начали происходить всевозможные непредвиденные и поразительные вещи.

As soon as the immigration officials discovered that Isadora Duncan's school had arrived without the protection of a legal guardian, they barred our entry. To the great consternation of Mr. and Mrs. Augustin Duncan, who had safely brought us through war-torn Europe to America, we were not permitted to disembark, though their children were allowed to go ashore. With Alicia Franck, the school secretary, and Miss Baker, our English governess who volunteered to remain with us, we were locked up in that ignoble detention pen called Ellis Island. For this reason, my first impression of the United States was not a favorable one.

||

Как только сотрудники иммиграционной службы обнаружили, что школа Айседоры Дункан прибыла без защиты законного опекуна, они запретили нам выход. К большому ужасу г-жи и г-на Августина Дункан, которые благополучно провели нас через раздираемую войной Европу в Америку, нам не разрешили высаживаться, хотя их детям разрешалось выходить на берег. С Аликой Франк, школьной секретаршей и мисс Бейкер, нашей английской гувернанткой, которая вызвалась остаться с нами, мы были заперты в этой ужасной тюрьме под названием остров Эллис. По этой причине моё первое впечатление о Соединенных Штатах не было благоприятным.

We remained incarcerated under armed guards, like a bunch of criminals, for two interminable weeks before the necessary formalities could be straightened out. I used to gaze in amazement at the heroic Statue of Liberty standing in the harbor nearby and wonder: Is this the land of the free?

||

Мы оставались под стражей с вооруженной охраной, как кучка преступников, в течение двух бесконечных недель, прежде чем необходимые формальности могли быть устранены. Я с удивлением смотрела на героическую Статую Свободы, стоящую в соседней гавани, и удивляюсь: Это свободная земля?

New York at the time was in the grip of a formidable heat wave. This circumstance contributed no little to our extreme discomfort, for eighteen of us were crowded together in one small room with bath, sleeping on the bare floor like animals, without any covers or bedding. At that, we considered ourselves lucky when a kind immigration commissioner by the name of F. C. Howe placed his private quarters at our disposal, thus eliminating our having to sleep in the barrack-style dormitories with the rest of the unfortunate immigrants. We had also been accorded the privilege of eating in the public restaurant instead of having our meals at the community table, where fork and knife were chained to the tin plate in front of each person. On the day of our release, I learned what a condemned person must feel when suddenly granted freedom. That first free breath of air tastes like ambrosia. After that unpleasant experience, nothing seemed more wonderful than Ellsworth Ford's house near the water in Rye, where we found a hearty welcome. Under the giant elms and maples, late summer flowers still bloomed in profusion. Mrs. Ford, whose husband had owned a large hotel on Forty-second Street, was a lady of some literary pretensions and loved to be in the company of writers and poets. Through her we met the poets Witter Bynner and Percy Mac-Kaye. And it was here that MacKaye wrote the following poem about the young guests, refugees from war-torn Europe:

||

В то время в Нью-Йорке царила ужасная жара. Это обстоятельство мало помогло нашему крайнему дискомфорту, потому что восемнадцать из нас были собраны вместе в одной маленькой комнате с ванной, спали на голом полу, как животные, без каких-либо покрывал или постельных принадлежностей. При этом мы посчитали, что нам повезло, когда добрый комиссар по вопросам иммиграции по имени Ф.К.Хоу предоставил свои частные помещения в наше распоряжение, тем самым, избавив нас от необходимости спать в общежитиях в стиле барака, вместе с остальными несчастными иммигрантами. Нам также предоставили привилегию - есть в публичном ресторане, вместо того, чтобы есть за столом, где вилка и нож были прикованы к жестяной пластине перед каждым человеком. В день нашего освобождения я узнала, что должен чувствовать осуждённый, когда ему внезапно предоставляется свобода. Это первое свободное дыхание воздуха на вкус, как амброзия. После этого неприятного опыта, ничего не показалось удивительнее, чем дом Элсуорта Форда рядом с водой в Рае, где мы нашли сердечный приём. Под гигантскими вязами и клёнами всё ещё расцветали поздние летние цветы. Миссис Форд, чей муж владел большой гостиницей на Сорок второй улице, была женщиной некоторых литературных претензий и любила быть в компании писателей и поэтов. Через неё мы встретили поэтов Уитнера Биннера и Перси Мак-Кая. И именно здесь МакКей написал следующее стихотворение о юных гостях, беженцах из раздираемой войной Европы:

THE CHILD-DANCERS
ДЕТСКИЕ ТАНЦЫ

*A bomb has fallen over Notre Dame:
Germans have burned another Belgian town:
Russians quelled in the East: England in qualm:
I closed my eyes, and laid the paper down.*

||

Бомба упала на Нотр-Дам:
Немцы сожгли ещё один бельгийский город:
Русские поколебались на Востоке: Англия в ужасе:
Я закрыл глаза и положил бумагу.

*Grey ledge and moor-grass and pale bloom of light
By pale blue seas!
What laughter of a child world-sprite,
Sweet as the horns of lone October bees,
Shrills the faint shore with mellow, old delight?
What elves are these
In smocks gray-blue as sea and ledge,
Dancing upon the silvered edge
Of darkness-each ecstatic one
Making a happy orison,
With shining limbs, to the low sunken sun? -*

||

Серый уступ и болотная трава и бледное расцвет света
Светло-голубые моря!
Какой смех детского мира - эльф,
Сладкий, как рога одиноких октябрьских пчел,
Сливает слабый берег с мягким, старым восторгом?
Какими эльфами они сидят в сером синем, как море и уступ,
Танцую на посеребренном краю
Темноты - каждый экстатический.
Делает счастливо молитву,
С сияющими лимбами, до низкого затонувшего солнца? -

*See: now they cease
Like nesting birds from flight:
Demure and debonair
They troop beside their hostess' chair
To make their bedtime courtesies:
"Spokoinoi notchi! - Gute Nacht!
Bon soir! Bon soir! - Good night!"
What far-gleaned lives are these
Linked in one holy family of art? -*

*Dreams: dreams once Christ and Plato dreamed:
How fair their happy shades depart!*

||

Смотри: Теперь они прекращаются
Как гнездование птиц из полета:
Скромные и бесхитростные
Они отражаются рядом с креслом своей хозяйки.
Чтобы сделать их любезно предоставленные сном:
«Спокойной ночи! - Гуте нтаг
Бон соир! Бон соир! - Гуд найт!»
Что это за чистая жизнь
Связанная с одним святым семейством?
Мечты: мечты, как когда-то мечтали Христос и Платон:
Как прекрасны их счастливые оттенки!

*Dear God! how simple it all seemed,
Till once again
Before my eyes the red type quivered: Slain:
Ten thousand of the enemy.
Then laughter! laughter from the ancient sea
Sang in the gloaming: Athens! Galilee!
And elfin voices called from the extinguished light:
"Spokoinoi notchi! - Gute Nacht!
Bon soir! Bon soir! - Good night!"*

||

Боже! как просто всё это казалось,
Пока ещё раз
На моих глазах красный тип дрожал: «Убей»:
Десять тысяч врагов.
Тогда смех! смех от древнего моря
Пела мрачно: Афины! Галилей!
И эльфийские голоса вызывали из потухшего света:
«Спокойной ночи! - Гуте нтаг
Бон соир! Бон соир! - Гуд найт!»

Isadora turned up unexpectedly in October. None of us had been sure she would come to America. By that time we were cozily and comfortably settled for the winter in an old brownstone house on Gramercy Park. We lived there under the benign supervision of Margherita and Gus, with a Southern mammy in the basement kitchen to serve up real American cooking. I had a room of my own on the top floor; it looked out on the small square called a park, to which we had a key though we never used it.

||

Айседора неожиданно появилась в октябре. Никто из нас не был уверен, что она приедет в Америку. К тому времени мы уютно и комфортно устроились на зиму в старом коричневом доме на Парке Греймерси. Мы жили там под добрым

наблюдением Маргериты и Гаса, с мамочкой Соутерн на кухне в подвале, которая готовила настоящую американскую кухню. У меня была комната на верхнем этаже; она смотрел на маленькую площадь, называемую парком, к которому у нас был ключ, хотя мы никогда не использовали его.

The one thing that stands out in my memory is Miss Baker's presenting me with a pink silk nightgown for my birthday. For a strictly brought up European girl, this was a sure sign-like the first kiss on the hand-that I had definitely grown up. I did not wear it for a long time, but kept it wrapped in white tissue paper, naively believing this to be the beginning of a hope chest. Our days, as usual, started with early morning workouts over on Twenty-third Street and Fourth Avenue, where Isadora had fixed up a studio in an old loft. Mary Fanton Roberts, a very good friend and editor of the art magazine The Touchstone, described it:

||

Единственное, что выделяется в моей памяти, это когда Мисс Бейкер подарила мне розовую шёлковую ночную рубашку на день рождения. Для строго воспитываемой европейской девушки это был верный знак - первый поцелуй на руке - я определенно выросла. Я не носила её долгое время, но держала её завернутой в белую папиросную бумагу, наивно полагая, что это начало сундука надежды. Наши дни, как обычно, начинались с утренних тренировок на Двадцать третьей улице и Четвертой авеню, где Айседора устроила студию на старом чердаке. Мэри Фантон Робертс, очень хороший друг и редактор арт-журнала Тоучстоун, описала это:

*A great space, silent and high, separated from the world by curtains of blue; soft lights streaming down rose scarves; back in the shadows low couches in brilliant colors-this is the setting for Isadora Duncan's school in the heart of New York.**

**Art, p. 28.*

||

Большое пространство, тихое и высокое, отделённое от мира синими занавесками; мягкие огни, текущие вниз, розовые шарфы; сзади, в тени низких кушеток в ярких цветах - это место для школы Айседоры Дункан в самом сердце Нью-Йорка.*

**Art, c. 28.*

Into this setting one day marched the Mayor of New York, to a meeting arranged by a group of writers including Mabel Dodge, Walter Lippmann, John Collier, and others, who represented the Greenwich Village intelligentsia of that era. For some reason, Isadora was in a bad mood that day and refused to dance. She did, however, have the pupils parade in front of Mayor John Purroy Mitchel in their school uniforms. As an ardent advocate of dress reform, she tried to persuade the Mayor to make our costume official for all the children in New York. He gravely assured her he had no authority to enforce any attire on the populace, healthy or otherwise. Yet what no edict could enforce, the passing of time has successfully accomplished. Mayor Mitchel would be surprised if he lived today to see the many women and children on

the sidewalks of his city clad in simple, sleeveless sheaths and with bare feet in sandals!

||

В эту обстановку, в один из дней, направился мэр Нью-Йорка на встречу, организованную группой писателей, включая Мейбл Додж, Вальтер Липпманн, Джона Кольера и других, которые представляли интеллигенцию Гринвич-Виллидж той эпохи. По какой-то причине Айседора была в плохом настроении в тот день и отказалась танцевать. Тем не менее, она, в школьной форме, участвовала в параде перед мэром Джоном Пуроем Митчелем. Как ярый сторонник реформы одежды, она попыталась убедить мэра сделать наш костюм официальным для всех детей в Нью-Йорке. Он серьезно заверил её, что у него нет полномочий принуждать население к какому-либо одеянию, здоровому или иному. Но то, что ни один указ не мог обеспечить, прошло время, было успешно завершено. Мэр Митчел был бы удивлён, если бы он жил сегодня, когда бы увидел много женщин и детей на тротуарах своего города, одетых в простые одеяния без рукавов и с босыми ногами в сандалиях!

On a rainy November afternoon at the Metropolitan Opera House, Isadora's European school made its American debut. Since this was her first public dance performance after the death of her children, the program had a religious character. It opened with a requiem march and her premiere presentation of Schubert's "Ave Maria," the huge audience listening with profound reverence. Her hold on the mind of her spectators had not diminished with the years. Her older pupils did most of the dancing. As Minna Lederman commented later in the Mail, June 27, 1918:

||

В дождливый ноябрьский день в Метрополитен-опере, европейская школа Айседоры дала свой американский дебют. Поскольку это было её первое публичное танцевальное представление после смерти её детей, программа носила религиозный характер. Это открылось шествием реквиема и её премьерой презентации «Аве Мария» Шуберта, огромная аудитория, слушала с глубоким почтением. С течением времени её внимание к зрителям не уменьшалось. Её старшие ученики вели большую часть танцев. Как пояснила Минна Ледерман в газете «Мейл» 27 июня 1918 года:

I see them now, circling on the immense stage, six girls, the light falling yellow over their young heads and along their arms so gently linked. Something idyllic, something innocent, tender, something indefinably grave was the slow movement of these young people together.

||

Я вижу их сейчас, кружащихся на необъятной сцене, шесть девочек, свет, желтыми лучами падающий над их юными головами, и вдоль их рук так мягко связанных. Что-то идиллическое, что-то невинное, нежное, что-то неопределенно серьезное - это медленное движение этих юных людей всех вместе.

*Under Isadora's guidance we made much progress that season. Early in the spring of the following year, she undertook a very ambitious project. A New York financier and art patron, Otto H. Kahn, made it possible for her to use the former Century Theatre on Central Park West as an experimental Greek theatre. "The Greek was essentially a democratic theatre," Isadora once stated in a pamphlet she wrote on the subject.**
*Cf. Art, p. 87.

||

Под руководством Айседоры мы добились значительного прогресса в этом сезоне. Раньше, весной следующего года она предприняла очень амбициозный проект. Нью-йоркский финансист и покровитель искусства Отто Х.Кан дал ей возможность использовать бывший Театр Века в Центральном парке Вест в качестве экспериментального греческого театра. «Греция была, по сути, демократическим театром», - однажды сказала Айседора в брошюре, которую она написала по этому вопросу.*

*См. Искусство, с. 87.

She removed the orchestra seats and covered the boxes with long draperies to make the old-fashioned theatre conform more closely to her ideal. Here she presented that spring season several shows composed of "Drama, Music, and Dance."

||

Она сняла кресла оркестра и накрыла коробки длинными драпировками, чтобы старомодный театр более тесно соответствовал её идеалу. Здесь она представила в тот весенний сезон несколько шоу, состоящих из «Драмы, музыки и Танца».

For me personally, the outstanding event remains my taking part in the speaking chorus of an English version of Euripides' Iphigenia in Tauris, written especially by Witter Bynner for Isadora's presentation. It was staged by Augustin Duncan, who persuaded me, much against my will, to take part in the chorus. The stage directions say: "The great bell rings. One by one the Temple Maidens assemble." As the first chorister I had the opening lines, and can still hear myself proclaiming:

||

Для меня лично, выдающимся событием остается моё участие в разговорном хоре английской версии Еврипида «Ифигении в Тавриде», написанной специально Виттером Биннером для презентации Айседоры. Он был поставлен Августинем Дунканом, который убедил меня, во многом против моей воли, принять участие в хоре. На сцене говорят: «Большой колокол звонит. Один за другим собираются Храмовые Девы». В качестве первого хориста у меня были первые строки, и я всё ещё слышу, как я провозглашаю:

*O we who dwell upon these Clashing Rocks
That guard the Euxine Sea,
Keep silence now before Latona's Daughter,
Artemis, Goddess of the pointed hills!*

||

О вы, которые живут на этих Столкновениях Скал,
 Которые охраняют Море Эвксин,
 Храните молчание перед Дочью Латоны,
 Артемидой, Богиней остроконечных холмов!

The whole thing was to be a wonderful surprise for Isadora -so Gus assured me when I voiced my qualms about accepting the speaking part. "I am sure she won't like it," I kept repeating, while he kept insisting, "Nonsense, she will love it; you are very good in the part."

||

Всё это должно было стать удивительным сюрпризом для Айседоры, и Гас заверил меня, когда я озвучила свои сомнения в том, чтобы взять на себя разговорную часть. «Я уверена, что ей это не понравится», повторяла я, продолжая настаивать: «Чепуха, ей понравится это, вы в этой части очень хороши».

And so I let myself be persuaded against my better judgment. At the initial rehearsal, the curtain went up on the big stage, where I suddenly stood revealed in solitary splendor high on a scaffolding representing the "Clashing Rocks." I had no sooner finished speaking when Isadora's voice rose in an angry pitch from the front row of the orchestra: "Take her away! Take her away! What is this, Gus? She can't do that; take her away!"

||

И поэтому я позволила себе быть убежденной в моём лучшем суждении. На первоначальной репетиции занавес поднялся над большой сценой, где я внезапно оказалась в одиночном блеске высоко на лесах, представляющих «Столкновение Скал». Я не успела закончить декламацию, когда из первого ряда оркестра раздался голос Айседоры в сердитом тоне: «Уберите её! Отведите её! Что это, Гас? Она не может этого делать, заберите её!»

At her unexpectedly vehement outburst, I fled from the stage. Back in my dressing room I had an attack of hysterics. No sooner had I vanished than both Gus and Mr. Bynner rushed backstage. Both tried to console me and assuage my hurt feelings by telling me how effective my recitation had been. Bynner even threatened to withdraw his verse unless Isadora permitted me to act.

||

При её неожиданно яростной вспышке я убежала со сцены. В моей раздевалке у меня была истерика. Не успела я исчезнуть, как и Гас, и мистер Биннер бросились за кулисы. Оба пытались утешить меня и успокоить мои обиженные чувства, сказав мне, насколько эффективна моя декламация. Биннер даже угрожал отозвать свой стих, если Айседора не позволит мне действовать.

"I told you, I told you," I repeated over and over again to Gus, who had brought all this about. He urged me not to give up. He said very earnestly, "Isadora is jealous. She thinks I am trying to make an actress of you." I could not quite believe this. But it

must have been true, because a year later, when Attmore Robinson-who owned the Philadelphia Opera House at that time-sponsored my singing lessons with an Italian maestro and offered me operatic parts a la Mary Garden, she reacted in exactly the same way. She accused him of trying to alienate me from her school and make an opera star of me-something I had never considered seriously. As a matter of fact, I gave up my singing studies altogether after that scene with Isadora.

||

«Я говорила вам, я говорила вам», - повторяла я снова и снова Гасу, который всё это затеял. Он призвал меня не сдаваться. Он очень серьезно сказал: «Айседора ревнива. Она думает, что я пытаюсь сделать тебя актрисой». Я не могла в это поверить. Но, должно быть, это было правдой, потому что через год, когда Аттмор Робинсон, который владел Филадельфийским Оперным театром в то время, и спонсировал мои уроки пения с итальянским маэстро, предложил мне оперные части «а ля Мэри Гарден», она отреагировала точно так же. Она обвинила его в том, что он пыталась оттолкнуть меня от её школы и сделать звездой оперы, чего я никогда серьезно не рассматривала. По сути, после этой сцены с Айседорой, я полностью отказалась от своего пения.

But to return to the Century Theatre: the upshot of it all was that she gave in and I continued to perform the speaking part. As one of the four actresses (the others were Margherita Sargent, Helen Freeman, and Sarah Whitman), I had to have my name printed in the program. So far we all had performed anonymously whenever we danced with Isadora. She herself suggested that I use the name IRMA DUNCAN, and so it has been ever since.

||

Но вернёмся в Театр века: результатом всего этого было то, что она сдалась, и я продолжала выступать с речитативом. Как одна из четырех актрис (другими были Маргерита Сарджент, Хелен Фримен и Сара Уитмен), я могла напечатать своё имя в программе. До сих пор мы все выступали анонимно, когда мы танцевали с Айседорой. Она сама предложила мне использовать имя ИРМА ДУНКАН, и так было с тех пор.

Because we spent all our waking hours in the Century Theatre for rehearsals and matinees and evening performances, Isadora decided to give up the Gramercy House and have us actually live there. The huge theatre had a complete set of private rooms, including a library and a kitchen, on the mezzanine floor. A Greek chef was hired and everything seemed very comfortable and most convenient. But there was one big flaw in this ideal situation that no one had reckoned with: namely, the Fire Department. One dark night after the show, when the lights were doused and all of us were fast asleep, a whole brigade of firemen forced their way in without warning and rudely evicted us. The next day (April 24, 1915) the New York Tribune related this story in detail. Here are a few excerpts:

||

Поскольку мы проводили все наши часы бодрствования в Театре века для репетиций, утренних и вечерних выступлений, Айседора решила отказаться от

Дома Грамерси, и жить там. В огромном театре был полный набор отдельных комнат, включая библиотеку и кухню на мезонине. Был нанят греческий повар, и всё казалось очень комфортно и максимально удобно. Но в этой идеальной ситуации был один большой недостаток, с которым никто не считался: а именно, Департамент пожарной охраны. В одну тёмную ночь после шоу, когда огни погасли, и все мы крепко спали, целая бригада пожарных вломилась без предупреждения, и нас грубо выселили. На следующий день (24 апреля 1915 года) Нью-Йорк Трибьюн подробно рассказал эту историю. Вот несколько выдержек:

Twenty sleepy little girls, pupils of Isadora Duncan, the dancer, were routed from their beds in the Century Theatre last night and were forced to find sleeping quarters elsewhere. Art and the Fire Department had clashed.

||

Двадцать сонных маленьких девочек, ученицы Айседоры Дункан, танцовщицы, вчера вечером были выпровождены с их кроватей в Театре Века, и их заставили найти спальные места в другом месте. Искусство и Пожарный Департамент столкнулись.

Shortly before midnight the youngsters were safely quartered in the Hotel Empire, Broadway and Sixty-third Street. Miss Duncan was at her apartment in the Hotel Majestic, Central Park West, ill and suffering from the nervous strain attending the ousting of her little dancers from their cots, and vowing she would leave New York forever.

||

Около полуночи, молодежь благополучно расквартировалась в отеле «Империя» на Бродвее и Шестьдесят третьей улице. Мисс Дункан была в своих апартаментах в отеле «Маджестик» в Центральном парке Вест, и страдала от нервного напряжения, наблюдая за вытеснением своих маленьких танцовщиц со своих кроватей, и поклялась, что она оставит Нью-Йорк навсегда.

Yesterday afternoon, Commissioner Adamson declared that the Century Theatre could not be used as a dormitory under the law and that the girls quartered there would have to lay their curly heads somewhere else than on cots in the theatre building. The dancer was ill when the edict from Fire Headquarters was brought to her by Frederick H. Toye, her manager. She promptly gave way to her emotions. She refused to take the order to quit the improvised dormitories seriously, however and at eight o'clock last night, shortly before the curtain rose on "Oedipus Rex," in which she and some of her older girls danced, the little ones were tucked into their beds in the pressroom on the promenade. Three hours later the nurses in charge awakened them with orders to dress quickly. Sleepy, and not knowing where they were going, they were bundled into taxicabs and taken to the Hotel Empire to complete their night's rest.

||

Вчера днём комиссар Адамсон заявил, что Театр Века не может быть использован в качестве общежития по закону, и что девочки, расквартированные там, должны будут класть кудрявые головы где-то ещё, но не на детские кровати в здании театра. Танцовщице стало плохо, когда указ из штаб-квартиры пожарных был доставлен ей Фредериком Х.Тои, её менеджером. Она быстро уступила своим эмоциям. Она отказалась принять приказ о том, чтобы серьезно отказаться от импровизированных общежитий, однако в восемь часов вечера, незадолго до того, как занавес поднялся на «Эдип Рекс», в котором она и некоторые из её старших девушек танцевали, малыши были запроважены в свои кровати в пресс-центре на набережной. Через три часа ответственные медсестры разбудили их приказами быстро одеться. Сонные, и не понимающие, куда они идут, они были усажены к такси и доставлены в гостиницу «Империя», чтобы завершить свой ночной отдых.

Miss Duncan was beside herself with indignation. She could not comprehend why she was forced to remove her girls from the Century Theatre building which she said was as safe as any hotel or apartment house in the city, merely because there was a building law that forbade their sleeping there. Furthermore, she said she would terminate her appearance in New York this evening. She declared she was being persecuted by the city officials.

||

Мисс Дункан была вне себя от негодования. Она не могла понять, почему она была вынуждена убрать девочек из здания Театра Века, которые, по её словам, были столь же безопасны, как любой отель или жилой дом в городе, просто потому, что был закон о строительстве, который мешал им спать. Кроме того, она сказала, что она прекратит своё появление в Нью-Йорке этим вечером. Она заявила, что её преследуют городские чиновники.

Lieutenant Gallagher of the theatre inspection squad of the Fire Department unearthed the violation of the law. Wednesday afternoon Lieutenant Gallagher took a stroll along the second floor promenade. He pushed open a door and found himself in a room that bore evidences of being a dormitory, although a sign above his head proclaimed it a library Right before Gallagher's eyes were seven neatly covered beds in an orderly row, with as many dressing-tables littered with the appurtenances of feminine adornment.

||

Лейтенант Галлахер из отдела пожарной службы во время инспекции театра обнаружил нарушение закона. В среду днём лейтенант Галлахер совершил обход по коридорам второго этажа. Он толкнул дверь, и оказалась в комнате, где были свидетельства об общежитии, хотя надпись над его головой провозглашала библиотеку... Прямо перед глазами Галлахера было семь аккуратно покрытых кроватей в упорядоченном ряду, с большим количеством туалетных столиков, усеянных женскими украшениями.

On the lower floor he found nineteen cots in the pressroom. The tearoom had been converted into a dining room and the kitchen bore signs of being used not many hours since. The larder and ice-box were well stocked. Wishing to be sure of his grounds before reporting to headquarters, Gallagher bode his time. He waited till after the night performance.

||

На нижнем этаже он нашёл девятнадцать кроватей в пресс-центре. Чайная была превращена в столовую, и на кухне появились признаки того, что кухня использовалась не так давно. Кладовка и ящик со льдом были хорошо укомплектованы. Желая быть уверенным в своих основаниях, прежде чем сообщить в штаб-квартиру, Галлахер выждал своё время. Он ждал всех после ночного выступления.

Making his way along the darkened corridor, he approached the room where the seven cots stood in a row. He stepped inside and, hearing soft breathing, switched on the electric light. Seven curly heads lay upon seven white pillows. Seven pairs of sandals stood beside seven little beds, while from the wall hung seven Greek togas. Here and there were seven times seven flimsy articles of attire. When seven pairs of sleepy eyes opened and gazed in astonishment and seven startled "Ah's!" escaped from the awakened dancers, Lieutenant Gallagher blushed and fled in confusion.

||

Пробираясь по тёмному коридору, он подошел к комнате, где стояли семь кроватей. Он вошёл внутрь и, услышав мягкое дыхание, включил электрический свет. Семь кудрявых головок лежали на семи белых подушках. Семь пар сандалий стояли рядом с семью кроватями, а со стены висели семь греческих тог. Здесь и там было семь раз семь предметов одежды, тонкого женского белья. Когда семь пар сонных глаз открылись и изумленно посмотрели, и прозвучали семь испуганных воплей: «Ах!», тогда спасаясь от пробужденных танцоров, лейтенант Галлахер покраснел и сбежал в замешательстве.

When our eight months' sojourn in the United States thus came to a sudden dramatic end, Isadora decided to turn her back on America and as one paper headlined it, "leave New York to Philistine Darkness!" She made good her threat; we sailed late in May on the Dante Alighieri for Naples, Italy, hoping to find a safe haven in one of the neutral countries. As ill luck would have it, immediately after our arrival Italy entered the war. So Isadora had to look elsewhere to shelter her school.

||

Когда наше восьмимесячное пребывание в Соединенных Штатах привело к внезапному резкому завершению, Айседора решила отвернуться от Америки, и, как говорится в одной из статей, «покинуть Нью-Йорк до Филистимляной Тьмы!» Она исполнила свою угрозу; мы отправились в мае на Данте Алигьери в Неаполь, Италия, надеясь найти убежище в одной из нейтральных стран. Как повезло, сразу после нашего прибытия, Италия вошла в войну. Поэтому Айседоре пришлось искать в другом месте, где укрыть её школу.

Her next choice was Greece, where her brother Raymond lived close to nature, weaving cloth in the mountains. Wanting no part of that, we put our collective foot down on the proposition. But it took a real mutiny on her pupils' part before she would change her mind.

"Then where would you like to go" she demanded, displeased with our insubordination, for Isadora always had her own way. "To Switzerland!" was our answer.

||

Следующим её выбором была Греция, где её брат Раймонд был близок к природе, и производил ткань в горах. Не желая этого, мы поставили нашу коллективную ногу на это предложение. Но со стороны её учениц потребовался настоящий мятеж, прежде чем она передумала.

«Тогда куда бы вы хотели поехать», - она потребовала ответ, недовольная нашим неповиновением, потому что у Айседоры всегда был свой путь. «В Швейцарию!» было нашим ответом.

For a year and four months, she settled her refugee school in a pensionnat des jeunes filles, first in Lausanne, later in Geneva. In the latter establishment, called "Les Hirondelles" (all Swiss pensionnats have floral or bird or insect nomenclature), Madame Dourouze, the headmistress, had her hands full. When the monthly check stopped coming in regularly, her sixteen new pensionnaires presented a real problem. Wartime communications, difficult at best, failed completely when the checks had to come all the way from South America, where Isadora was on tour. In the end, when her own resources failed to take care of all of us, Madame Dourouze and others suggested we give a benefit performance to make up the debt. I immediately agreed to that plan enthusiastically. But some of the other girls had grave doubts whether we could engage in a performance of that sort without authorization. Anna especially had misgivings and would not consent to the plan without consulting our friends, among them the composer Ernest Bloch and his wife, who then lived in Geneva.

||

В течение года и четырёх месяцев она поселила свою бежавшую школу в интернат для девушек, сначала в Лозанне, затем в Женеве. В последнем учреждении, называемом «Ласточки» (все швейцарские пансионаты имеют в названии цветок или птицу, или разновидность насекомых), у мадам Дорузе, директрисы, был забот полон рот. Когда ежемесячная арендная плата перестала поступать регулярно, её шестнадцать новых пансионеровок стали представлять реальную проблему. Связь, достаточно сложная в военное время, потерпела неудачу, когда чеки должны были пройти весь путь из Южной Америки, где Айседора была в гостях. В конце концов, когда её собственные ресурсы не смогли позаботиться обо всех нас, мадам Дорузе и другие, предложили, чтобы мы давали представления для выплаты в пользу долга. Я сразу согласилась на этот план с энтузиазмом. Но у некоторых других девочек были серьезные сомнения в том, можем ли мы участвовать в таких представлениях без разрешения. Анна особенно опасалась и не согласилась бы на этот план, не

посоветовавшись с нашими друзьями, в том числе с композитором Эрнестом Блохом и его женой, которая тогда жила в Женеве.

But each and every one urged us to do it. In this way we pupils of the Isadora Duncan School undertook our first independent venture. The successful outcome encouraged us to organize a tour through Switzerland, which we did under the management of Augustin Duncan, who had meanwhile been dispatched by Isadora from Buenos Aires to rescue her school. She had given him strict instructions to discourage us from returning to America, as we all fervently desired to do. The ten younger pupils, when funds ran low, were forced to go back home to their respective parents. Thus only we six original Grunewald pupils (myself, Anna, Erica, Lisa, Margot, and Theresa) remained. And nothing, no edict from Isadora or anyone else, could turn us from our firm determination to return to New York.

||

Но почти каждый призывал нас сделать это. Таким образом, мы, ученики школы Айседоры Дункан, провели наше первое независимое предприятие. Успешный результат побудил нас организовать тур по Швейцарии, который мы провели под руководством Августина Дункана, который тем временем был отправлен Айседорой из Буэнос-Айреса, чтобы спасти её школу. Она дала ему строгие инструкции, чтобы не дать нам вернуться в Америку, чего мы все горячо желали. Десять младших учеников, когда средства стали поступать плохо, были вынуждены вернуться домой к своим родителям. Таким образом, остались только шесть первоначальных учеников Грюневальда (я, Анна, Эрика, Лиза, Марго и Тереза). И ничто, ни один указ от Айседоры или кого-либо ещё, не могли бы отвратить нас от нашей твёрдой решимости вернуться в Нью-Йорк.

We arrived at that crucial moment in world history when America was about to enter the war. New complications now arose because of our German nationality. Isadora, who was really delighted to see us again, said, "I have decided to adopt you girls legally as my daughters." And she added, "I should have done this long ago."

||

Мы прибыли туда в тот решающий момент в мировой истории, когда Америка собиралась вступить в войну. Новые осложнения теперь возникли из-за нашей немецкой национальности. Айседора, которая была очень рада нас снова увидеть, сказала: «Я решил усыновить вас девочки законно, как дочерей». И она добавила: «Я должна была сделать это давно».

However, because of the war, the necessary papers from abroad could not be obtained. And so we only changed our names to Duncan as she suggested, legalizing this act in the New York court. We also applied for American citizenship. From this period dates the more intimate association I had with the woman who was now my foster mother. A growing, affectionate friendship would forge the already existing bond between us into an even closer one. This opportunity to get to know each other better arose after her break with Singer. His financial assistance had*

ceased abruptly, leaving her short of funds. Suddenly she found herself unable to keep up the style she was accustomed to. Nor could she maintain a school for grown-up girls. She gave up her elegant suite at the Ritz and reluctantly moved to a cheaper hotel. The six of us found temporary homes with relatives and friends.

**My original name was Irma Dorette Henriette Erich-Grimme.*

||

Однако из-за войны необходимые документы из-за рубежа не могли быть получены. И поэтому мы только изменили наши имена на Дункан*, как она предложила, легализовав этот акт в нью-йоркском суде. Мы также обратились за американским гражданством. С этого периода датируется более интимная связь с женщиной, которая теперь была моей приёмной матерью. Растущая, ласковая дружба создала бы уже существующую связь между нами и ещё более близкую. Эта возможность познакомиться друг с другом лучше, возникла после её перерыва с Зингером. Его финансовая помощь резко прекратилась, и у неё не было средств. Внезапно она оказалась не в состоянии поддерживать образ жизни, к которому она привыкла. Она также не могла поддерживать школу для взрослых девушек. Она отказалась от своего элегантного люкса в Ритце и неохотно переехала в более дешевой отель. Шесть из нас нашли временные дома с родственниками и друзьями.

**Моим оригинальным именем была Ирма Доретт Генриетта Эрих-Гримм.*

"Irma, you come and live with me," she said. "We'll make out somehow." So I roomed with her at the Woolcott on the west side of town. We managed to share the same room for a while until things became too cramped and, flinging economy to the winds, she engaged a three-room suite. We now each enjoyed a room and bath with a nice sitting room between. She had a knack for transforming a banal hotel room with a few deft touches here and there, using a Spanish shawl or an embroidered cloth to hide some ugly piece of furniture; creating an attractive, personal atmosphere.

||

«Ирма, приходи и живи со мной», - сказала она. «Мы как-нибудь разберёмся». Поэтому я устроилась с ней в Вулкотте на западной стороне города. Некоторое время нам удавалось делить одну и ту же комнату, пока всем не стало слишком тесновато, и, бросая экономику на ветер, она сняла трёхкомнатный номер. Мы теперь, каждый, наслаждались своей комнатой и ванной, с хорошей гостиной между ними. У неё было умение преображать банальный гостиничный номер несколькими ловкими штрихами здесь и там, используя испанскую шаль или вышитую ткань, чтобы скрыть какую-то уродливую мебель; создавая привлекательную, личную атмосферу.

She always carried certain personal belongings with her on her travels. There was, for instance, the handsome Tiffany vanity set of vermeil silver and the tall flacon of "Ambre Antique" by Coty-her favorite perfume. On the bedside table was a photograph of Paris Singer and their little boy Patrick in a red leather frame, beside a small cluster of books, her constant traveling companions-The Bacchae, Electra, The Trojan Women, and other plays by Euripides. Also there was a slim volume of

Sappho's poems in a French translation and Gabriele D' Annunzio's Contemplatione della Morte with the inscription, "To the divine Isadora Duncan who dances along the lines of immortality." On the writing desk was her red leather case containing her personal note paper, a small bottle of black India ink, and an ivory pen with a very broad nib. And, of course, always the photograph albums of herself and her children, bound in striped leather.

||

Она всегда носила с собой все свои личные вещи в путешествиях. Был, например, красивый туалетный столик Тиффани из натурального серебра и высокий флакон «Античный янтарь» от Коти - её любимые духи. На прикроватной тумбочке была фотография Париса Зингера и их маленького мальчика Патрика в красной кожаной рамке, рядом с небольшим скоплением книг, её постоянными спутниками в путешествиях - «Вакхи», «Электра», «Троянские женщины» и другими пьесами Еврипида. Также был тонкий том стихов Сапфо во французском переводе и «Созерцание смерти» Габриэле Д'Аннунцио с надписью «К божественной Айседоре Дункан, которая танцует по линии бессмертия». На письменном столе были - её красный кожаный чехол, с её личной записной книжкой, маленькая бутылочка чёрных индийских чернил, ручка из слоновой кости с очень широким наконечником. И, конечно же, всегда были альбомы с фотографиями самой себя и её детей, в переплёте из кожи.

Living and sharing things together, as any mother and young daughter would, I got to know her well. For the first time I got acquainted with the human side of the great artist who had always-from the beginning when I met her in that other hotel room in far-away Hamburg-been my sole inspiration.

||

Жить и делиться вещами вместе, как и любая мать и дочь, я хорошо её знаю теперь. Впервые я познакомилась с человеческой стороной великой артистки, которая всегда - с самого начала, когда я только встретила её в том другом гостиничном номере в далеком Гамбурге - была моим единственным вдохновением.

Being temporarily deprived of the services of a personal maid, she was sitting on the bed sewing on a button when I happened to come in one day. Seeing her occupied with such a domestic chore gave me quite a start. It struck me for some reason as being very funny, and I started to laugh. "Why do you laugh?" she asked. "Do you think I am incapable of doing this sort of thing? I want you to know that I can also bake a very good peach pie. I bet that is more than you can do!"

She was right. We had been taught housekeeping at school, but not cooking. Our hands had to be beautiful for dancing. Since then, however, I have made up for that deficiency.

||

Будучи временно лишённая услуг личной горничной, она сидела на кровати и пришивала пуговицу, когда я однажды пришла. Я увидев, что она занята такой

домашней работой, и это зацепило меня. Мне почему-то это показалось очень забавным, и я начала смеяться. "Почему ты смеешься?" спросила она. «Ты думаешь, что я не способна заниматься этим? Я хочу, чтобы ты знала, что я также могу испечь очень хороший пирог с персиком. Держу пари, это больше, чем можешь сделать ты!»

Она была права. Мы обучались домашнему хозяйству в школе, но не кулинарии. Наши руки должны были быть красивыми для танцев. С тех пор, однако, я восполнила этот недостаток.

We also discovered we had much in common. "Have you noticed that we both react to things in the same way?" she would ask.

"I have noticed that we laugh at the same things, if this is what you mean."

"Yes, but there is more to it than that. It is curious how one often finds a closer relationship with people to whom one is not related by flesh and blood."

"I once read a book by Goethe," I said, remembering my literary class at Madame Dourouze's pensionnat, "in which he expounds the same idea. It is called 'elective affinities.'"

||

Мы также обнаружили, что у нас много общего. «Ты заметила, что мы обе одинаково реагируем на вещи?» - спросила она.

«Я заметила, что мы смеемся над тем же, если это то, что ты имеешь в виду».

«Да, но есть нечто большее, чем это. Любопытно, как часто можно найти более тесные отношения с людьми, с которыми человек не связан плотью и кровью».

«Я когда-то читала книгу Гёте, - сказала я, вспоминая мой литературный класс в пансионате г-жи Дурузе, - в которой он излагает ту же идею. Это называется «выборным родством»».

She did not generally take life too seriously-only her art. She had a nice sense of humor and liked to tell amusing anecdotes that had happened to her. My own sense of humor is fairly acute and I could not live for long with anybody who totally lacked it. As for that anecdote which connects her name with George Bernard Shaw, he himself admitted that the "dancer" in question was not Isadora. The latter had no occasion to meet G. B.S. nor did she correspond with him. Her letters and writings give ample proof of her own native intelligence and wit.

||

Она вообще не воспринимала жизнь слишком серьезно - только её искусство. У неё было приятное чувство юмора, и ей нравилось рассказывать забавные анекдоты, которые произошли с ней. Моё собственное чувство юмора довольно острое, и я не могла долго жить с кем-то, у кого его вообще не было. Что касается того анекдота, который связывает её имя с Джорджем Бернардом Шоу, он сам признавался, что «танцовщица», о которой идёт речь, не была Айседорой. Последней не приходилось встречаться с ДБШ [Бернардом Шоу], и она не подходила ему. Её письма и записки дают достаточно доказательств её собственного природного ума и остроумия.

That summer Isadora rented a small beach cottage on Long Island. We girls, reunited once more, had an apartment next door. I remember coaxing her into a movie house one evening when I discovered she had never seen a moving picture. "What, me! Set foot in there?" she exclaimed, horrified, but went in anyway. "How did you enjoy it?" I asked when it was over. She laughed and said, "It was more fun than I imagined-but what an awful picture!"

||

Этим летом Айседора арендовала небольшой коттедж на Лонг-Айленде. У нас, девчонок, воссоединившихся ещё раз, была квартира по соседству. Я помню, как однажды вечером уговорила её пойти в кинотеатр, когда обнаружила, что она никогда не видела движущуюся картинку. «Чтобы я! Ступила туда?» - в ужасе воскликнула она, но всё равно пошла. «Как тебе понравилось?» спросила я, когда сеанс окончился. Она рассмеялась и сказала: «Это было большее удовольствие, чем я себе представляла, - но какая ужасная картинка!»

Soon thereafter a movie company offered her a contract for a dance film. They were willing to pay a high price for it, and though she needed the money badly she adamantly refused. No one could persuade her to sell her art to the "flickers." In those jumpy pictures she was afraid her art would appear like a St. Vitus' dance. "I would rather not be remembered by posterity like that," she said.

||

Вскоре после этого кинокомпания предложила ей контракт на танцевальный фильм. Они были готовы заплатить за это высокую цену, и хотя ей нужны были деньги, она категорически отказалась. Никто не мог убедить её продать своё искусство «мерцаниям». Она боялась, что в этих скачущих изображениях её искусство будет выглядеть, как танец святого Вита. «Я бы не хотела, чтобы потомство помнило меня подобным образом», - сказала она.

She had a great craving for speed and for being constantly on the go. She liked to ride in her open touring car, a Packard with chauffeur, en grande vitesse (in those days, forty-five miles an hour was fast), over the narrow, dusty road all the way out to Montauk Point and back. The fresh air soon aroused her healthy appetite and she would say, "Let's stop at the Inn and get a nice rare steak and a bottle of red wine-unless you would rather have some steamed clams and Guinness stout."

Her enormous vitality and energetic stamina often left me completely worn out. I weighed only a hundred pounds then and did not feel very strong.

||

У неё была большая тяга к скорости и постоянному движению. Ей нравилось кататься на своём открытом гастрольном автомобиле Паккард с шофёром, на высокой скорости (в те дни 70 километров в час было очень быстро), по узкой пыльной дороге до Монтаука и обратно. Свежий воздух вскоре вызвал у неё здоровый аппетит, и она сказала: «Давайте остановимся в Инн и возьмем хороший недожаренный стейк и бутылку красного вина, если только вы не предпочтёте приготовить пару моллюсков и толстого Гиннеса».

Её огромная жизненная сила и энергичная выносливость часто оставляли меня полностью измученной. Тогда я весила всего 45 килограмм и не чувствовала себя достаточно сильной.

A continuous flow of visitors came to her beach cottage that summer of 1917. There we met such avant-garde artists as Marcel Duchamp, Francis Picabia, Edgard Varese, and the Russian diplomats Count Florinsky and Baron Ungern-Sternberg. A frequent visitor was Elsa Maxwell, who played tangos for us that she had composed herself. The famous Belgian violinist Eugene Ysaye came, and Andres de Segurolo of the Metropolitan Opera, and of course always our old friend Arnold Genthe with Stephan Bourgeois, in whose Fifth Avenue Gallery I saw the first abstract sculpture. At about the same time we made friends with Wienold Reiss, the painter of Blackfoot Indians, in whose Greenwich Village studio we met such artists as Fritz Kreisler. And then of course Olga and Hans von Kaltenborn when the latter was still with the Brooklyn Eagle. Then there were Stuart Benson, editor of Collier's, and his friend Bill Hamilton. Later also our acquaintances included Max Eastman and Eugen Boissevain, who eventually married Edna St. Vincent Millay. It was a cross-section of the "people about town" during the war years. Most of them were more or less contemporaries of our foster mother. The marriageable men of our age-alas-were all in uniform "over there," fighting in the muddy trenches of the Argonne.

||

В это лето 1917 года к пляжному коттеджу прибывал непрерывный поток посетителей. Там мы встретили таких авангардных художников, как Марсель Дюшан, Фрэнсис Пикабия, Эдгард Варезе и российские дипломаты граф Флоренский и барон Унгерн-Штернберг. Частым гостем была Эльза Максвелл, которая играла для нас танго, что сама сочинила. Знаменитый бельгийский скрипач Евгений Исаи, и Андрес де Сегурола из Метрополитен-оперы, и, конечно, всегда наш старый друг Арнольд Гентх со Стефаном Буржуа, в пятой галерее которого я увидела первую абстрактную скульптуру. Примерно в то же

время мы подружились с Винольдом Райсом, художником индейцев Блэкфут, в студии Деревня Гринвич мы встретили таких художников, как Фриц Крейслер. А потом, конечно, Ольга и Ханс фон Кальтенборн, когда последний был ещё с Бруклин Иагл. Затем были Стюарт Бенсон, редактор Ожерелья, и его друг Билл Гамильтон. Позже также присоединились наши знакомые Макс Истман и Евгений Буассевен, которые, в конце концов, вступили в брак с Эдной Сент-Винсент Миллай. Это был срез "людей города" в годы войны. Большинство из них были более или менее современниками нашей приёмной матери. Брачные люди нашего возраста - увы - были в военной форме «там», сражаясь в грязных окопах Аргонны.

I suppose the most important factor in the process of growing up is the age-old story of falling in love. The sheltered life we girls had led so far, despite our many public appearances (and this was during the innocent years when the word "sex" could never be mentioned openly), prevented us from coming in contact with young men of our own age. We did not attend social affairs or organized dances as young people do nowadays. I imagine our professional existence acted as a hindrance. Everywhere advertised as a highbrow concert attraction, we had little opportunity to run into even that common garden variety called a stage-door Johnny.

||

Я полагаю, что самым важным фактором в процессе взросления является вечная вековая история влюблённостей. Защищенная жизнь, которую мы, девочки, обладали до сих пор, несмотря на наши многочисленные публичные выступления (и это было в те невинные годы, когда слово «секс» никогда открыто не упоминалось), помешало нам иметь связи с молодыми людьми нашего возраста. Мы не посещали социальные мероприятия или организованные танцы, как это делают молодые люди в наши дни. Я считаю, что наше профессиональное существование стало препятствием тому. Повсюду рекламируемые как концертный аттракцион, претендующий на интеллигентность, мы имели мало возможностей наткнуться даже на то самое распространённое парковое варьете, которое называется «Джонни».

But never underestimate the power of love. Love always finds a way. In my case, stringent wartime circumstances unfortunately imposed a long separation. In the end, it turned out to have been an ill-starred romance, which caused me a great deal of unhappiness.

||

Но никогда не недооценивайте силу любви. Любовь всегда находит способ. В моём случае, жесткие обстоятельства военного времени, к сожалению, предполагали длительную разлуку. В конце концов, оказалось, что это был плохой роман, который вызвал у меня много несчастья.

In order to find a few moments of forgetfulness and distraction at that time, I used to frequent a small nickelodeon at the intersection of Broadway and Columbus Avenue on the west side, where I spent hours almost daily watching Lillian Gish, Norma

Talmadge, Theda Bara or Pauline Frederick emote. And my favorite, the one I considered the most beautiful of all (though not the moving picture) Priscilla Dean in The Darling of Paris. Watching these stars of the silent pictures, I became quite screen-struck and harbored a secret ambition to become a moving picture actress. However, that youthful ambition is buried with the past together with the heartbreak of my young and romantic days. That nickelodeon is no more. In its stead, like Phoenix rising from the ashes, on that same spot there now stands the magnificent monument dedicated to the performing arts-Lincoln Center.

||

Чтобы найти несколько моментов, когда можно было забыться и отвлечься в то время, я часто посещала маленький никелоедон [киносалон] на пересечении Бродвея и Коламбус-авеню на западной стороне, где я почти ежедневно наблюдала за Лилиан Гиш, Нормой Талмадж, Тедой Бара или Полиной Фридрих. И моей любимой, той, которую я считала самой красивой из всех (хотя и не движущейся) Присциллой Дин в картине «Дорогая из Парижа». Наблюдая за этими звездами безмолвных картин, я была совершенно поражена экраном, и скрывала тайное стремление стать актрисой движущейся картины. Однако это юношеское честолюбие было похоронено вместе с прошлым, вместе с горестями моих юных и романтических дней. Этот никелоедон больше не существует там. Вместо этого, как Феникс, поднимающийся из пепла, в этом же месте теперь стоит великолепный памятник, посвященный исполнительскому искусству - Линкольн-центр.

Despite our close relationship Isadora knew nothing about this unhappy state of affairs that put a blight on my youth. Though she and I talked freely on many subjects, I did not care to discuss so private a matter concerning one's heart emotions with anyone. I put on a brave front. Outwardly I maintained a cheerful attitude in the company of others and so successfully learned to hide my tears. This, I also learned, was one of the sad penalties for having at last grown up.

||

Несмотря на наши тесные отношения, Айседора ничего не знала об этом несчастном положении дел, которое омрачило мою молодость. Хотя мы с ней свободно разговаривали по многим предметам, мне не хотелось обсуждать с кем-то такое личное дело, касающееся сердечных эмоций. Я изображала на лице маску бравады. Внешне я поддерживала весёлое отношение в компании других, и таким образом успешно училась скрывать свои слёзы. Я также узнала, что это было одним из печальных наказаний за то, что я наконец повзрослела.

[161], p.163-186 * DUNCAN DANCER * Isadora Duncan Dancers *

-=11=-

Isadora Duncan Dancers **Танцоры Айседоры Дункан**

By the above title the Isadora sextette eventually emerged as an independent group. Because of Isadora's constant opposition to our ambitious aims, it proved not at all an easy matter to accomplish. Our successful Swiss tour, where we appeared on our own and gave ample proof of being able to support our-selves, had encouraged us to continue in that path and had also bolstered our youthful self-esteem. We had reached a point of no return.

||

Под вышеприведённым названием секстет «Айседора», в конце концов, стал независимой группой. Из-за постоянного противодействия Айседоры нашим амбициозным целям, это оказалось совсем нелёгким делом. Наше успешное турне по Швейцарии, в котором мы появились сами по себе, и убедительно доказали нашу способность поддерживать себя, побудили нас продолжать идти по этому пути, а также укрепили нашу юношескую самооценку. Мы достигли точки невозврата.

Much as we loved Isadora and venerated her as an artist and teacher, knowing she would spare nothing to keep us well and happy, we nevertheless ardently wished to be independent. Not merely financially but also artistically independent. With growing maturity, we came to realize that our franchise constituted a vital development in our character as creative artists and self-respecting human beings. A God-given right, so to speak. This overwhelming motivating force in our new relationship with Isadora, unfortunately, placed us in opposition to our mentor. It unavoidably became a constant cause of friction and contention between us which, with the passing of time, threatened to come inevitably to a head-on collision of wills. For she continued to treat us like children, subject to her every whim. I found it irritating that she persisted in looking upon her grown-up group of young girls as her "little pupils" from the Grunewald School, and not as individual artists developing to whatever degree each one could hope to reach. Whenever we aired our opinions on this subject of greater freedom and independence, she invariably voiced her

objection. She insisted we stay away from the city and urged us to continue our studies. "New York is no place for young girls," she said.

||

Так как мы любили Айседору и поклонялись ей как артисту и учителю, зная, что она ничего не пожалеет, чтобы держать нас в хорошем и счастливом состоянии, мы всё же горячо хотели быть независимыми. Не только финансово, но и артистически независимы. С растущей зрелостью мы осознали, что наше право голоса представляет собой жизненно важное развитие в нашем характере как творческих художников и уважающих себя людей. Богом данное право, так сказать. К сожалению, эта подавляющая мотивационная сила в наших новых отношениях с Айседорой поставила нас в оппозицию нашему наставнику. Это неизбежно стало постоянной причиной трений и споров между нами, которые с течением времени угрожали неизбежно прийти к лобовому столкновению волеизъявлений. Ибо она продолжала относиться к нам как к детям, подчиняющимся всякой её прихоти. Меня раздражало, что она настойчиво смотрела на свою взрослую группу молодых девушек как на своих "маленьких учеников" из Грюневальд школы, а не как на самостоятельных артистов, развивающихся до какой-то степени, которую каждый из них мог бы надеяться достичь. Всякий раз, когда мы передавали наши мнения по этому вопросу о большей свободе и независимости, она неизменно высказывала своё возражение. Она настаивала, чтобы мы держались подальше от города и призывали нас продолжить учебу. «Нью-Йорк - не место для девушек, - говорила она.»

The same old story of children rebelling against parental authority repeated itself; the big city exerted a powerful fascination and drew us like a magnet. In the fall, while Isadora toured the West Coast, our wish was granted. Before leaving, she rented a large studio on the top floor of the newly constructed Hotel des Artistes on the upper west side, just off Central Park. Artists such as Alia Nazimova, James Montgomery Flagg, and the eccentric Russian timpano player Sasha Votichenko, also had studio apartments there. vVe got to know them well.

||

Эта та же старая история о восстании детей против родительской власти повторялась снова; большой город оказывал сильное очарование и привлекал нас как магнит. Осенью, когда Айседора посещала Западное побережье, наше желание было удовлетворено. Перед отъездом она арендовала большую студию на верхнем этаже недавно построенного Артистического отеля на западной стороне, недалеко от Центрального парка. Артисты, такие как Алия Назимова, Джеймс Монтгомери Флагг и эксцентричный российский барабанщик Саша Вотиченко, также располагали там студийными апартаментами. Мы хорошо их узнали.

Here I resumed teaching children's classes, with little Marta Rousseau as my first American pupil. The idea of devoting my entire time to teaching had no particular appeal to me then. Most of the other girls were in complete accord. We confided our

discontent to dear old Uncle Gus, who as ever had our best interest at heart. He warmly sympathized with our longing for greater freedom of expression in the art for which we had been trained since childhood. Our education as "dancers of the future" needed to find fulfillment, even as Isadora promised years ago. Now the time had come.

||

Здесь я возобновила обучение детским классам, а Марта Руссо была моим первым американским учеником. Идея посвятить всё моё время обучению, тогда не вызывала никакого особого интереса у меня. Большинство других девушек были в полном согласии. Мы высказали наше недовольство дорогому старому дяде Гасу, который, как всегда, приветствовал наши самые искренние интересы. Он тепло сочувствовал нашему стремлению к большей свободе выражения в искусстве, для которого мы обучались с детства. Наше образование как «танцоров будущего» должно было найти удовлетворение, как и обещала Айседора много лет назад. Теперь настало время.

Without special authorization by his sister, Gus organized some performances for us at the Booth Theatre, in the heart of New York's theatrical district, under Charles Coburn's management. When the news reached Isadora in California, she instantly voiced her severe disapproval of Gus's action. This caused a serious disagreement between them for a while. I believe it left a wound that never quite healed on the part of Augustin Duncan. She sent a terse wire saying: "I forbid it. The girls are not yet ready for performances of their own in New York." She chose to ignore completely the inescapable fact that her pupils, ever since the early Grunewald days, were used to giving public performances on their own. Had she forgotten the special matinees at the Duke of York's Theatre in London in 1908?

||

Без специального разрешения его сестры, Гас организовал для нас спектакли в театре Бута, в центре театрального района Нью-Йорка, под руководством Чарльза Кобурна. Когда известие достигло Айседоры в Калифорнии, она мгновенно выразила своё жёсткое неодобрение действий Гаса. Это вызвало серьёзное несогласие между ними на некоторое время. Я считаю, что оно оставило рану, которая никогда не исцелилась со стороны Августина Дункан. Она послала краткую телеграмму, в которой говорилось: «Я запрещаю это. Девочки ещё не готовы к выступлениям в Нью-Йорке». Она предпочла полностью игнорировать неизбежный факт, что её ученицы, начиная с ранних дней Грюневальда, были использованы для публичных выступлений сами по себе. Неужели она забыла о специальных утренниках в театре Герцога Йоркского в Лондоне в 1908 году?

And, much more recently, the memorial performance she herself organized at the Trocadero in Paris before the outbreak of the war, when she occupied the stage box and proudly watched her pupils dance? Or the performances she permitted us to give in Russia in the spring of that same year? Hardly possible. Whatever her motives, the Booth Theatre engagement came to an abrupt end, placing Gus in an awkward

position for having negotiated the whole thing with Coburn. And there was our displeasure. If she did not consider us ready now at the age of twenty, she probably never would, we told ourselves. Her explanation always remained the same. She had "not trained her pupils for the stage."

\\

И как совсем недавно было мемориальное представление, которое она сама организовала во дворце Трокадеро, в Париже, до начала войны, когда она находилась на сцене, и с гордостью смотрела, как танцуют её ученики? Или спектакли, которые она позволяла нам давать в России весной того же года? Вряд ли возможно. Какими бы ни были её мотивы, участие в театре «Бут» пришло к неожиданному концу, поставив Гаса в неловкое положение за то, что он провёл переговоры с Коберном. И было наше неудовольствие. Если она не считала нас готовыми сейчас, в возрасте двадцати лет, то она, вероятно, никогда бы этого не сделала, сказали мы себе. Её объяснение всегда оставалось прежним. Она пока ещё «не подготовила своих учеников к сцене».

Fate often has a way of accomplishing what cannot otherwise be changed. One need only cultivate enough patience. Disillusioned with life in her native land, ever homesick for France-though the war still raged there-Isadora decided at the end of her California tour to return to Paris.

\\

У судьбы часто есть способ сделать то, что иначе нельзя изменить. Нужно только набраться достаточно терпения. Разочаровавшись жизнью на её исторической родине, она скучала по Франции, хотя война всё ещё бушевала там, - Айседора решила в конце своего калифорнийского тура вернуться в Париж.

"I am going back to France, because I find conditions here more than I can bear," she announced one day in February of 1918. "My struggles to establish a permanent school here have been to no avail. I feel utterly disheartened and much too discouraged to continue. Perhaps in France, where I have certain properties left, I may be able to raise some money and return in the fall."

\\

«Я возвращаюсь во Францию, потому что я нахожу условия здесь [в Америке] более [худшими], чем я могу вынести», - объявила она однажды в феврале 1918 года. «Моя борьба за создание постоянной школы здесь, не имела никакого успеха. Я чувствую себя совершенно унылой и слишком сильно разочарована, чтобы продолжать. Возможно, во Франции, где у меня осталось определенное [бутафорское] имущество, я могу собрать немного денег и вернуться осенью».

Here it was again-that eternal question of finding the money to finance the school. Why would she not let us support ourselves? I began actually to resent my utter dependence on her for sustenance and support. Her objection to our making our own way and contributing to the school, rather than being a burden, was

incomprehensible to me. Feeling just as discouraged on our own part, we queried, "What shall we do while you are abroad?"

\\

Здесь снова было как прежде - этот вечный вопрос о том, как найти деньги для финансирования школы. Почему она не позволила нам поддерживать себя самостоятельно? Я начала на самом деле возмущаться моей полной зависимостью от неё за пропитание и материальную поддержку. Её возражение против того, чтобы мы проделали свой собственный путь и поспособствовали школе, а не были бременем, было мне непостижимо. Чувствуя себя так же обескуражено, мы спросили: «Что нам делать, пока вы находитесь за границей?»

Her answer really floored us and left me dumbfounded. She gave us a searching look and said nothing for a minute or two. Then came the bombshell, as far as we girls were concerned. She announced in a serious tone, "I want you all to return to Elizabeth's school here in Tarrytown."

We were up in arms at once at the very thought of having to come under Elizabeth's thumb again. We all refused, point blank. "Oh, no! Isadora, not that!" we shouted angrily. "That is impossible!"

"I for one won't do it!" I pronounced flatly, stamping my foot. "You can bet on that!" "Don't be impertinent!" she flashed back. "This is my earnest wish, because I know you will be safe there until I return."

\\

Её ответ действительно смутил нас и оставил меня ошарашенной. Она пристально посмотрела на нас и молчала минуту или две. Затем прозвучал гром среди ясного неба, настолько мы, девочки, были обеспокоены. Она объявила серьезным тоном: «Я хочу, чтобы вы все вернулись в школу Элизабет здесь, в Тарритауне».

Мы сразу же приготовились к сопротивлению, думая о том, что придётся снова оказаться под пятой Элизабет. Мы все, в один голос, отказались. «О, нет, Айседора, не это!» мы кричали сердито. "Это невозможно!"

«Я не сделаю этого!» Я произнесла наотрез, топнув ногой. «Ты можешь не сомневаться в этом!»

«Не будь дерзкой!» - вспыхнула она. «Это моё искреннее желание, потому что я знаю, что вы будете в безопасности там, пока я не вернусь».

We angrily argued back and forth, really frightened at the thought of having to submit once more to the unreasonable discipline of Tante Miss, especially now when most of us had come of age. The proposition seemed utterly preposterous. Resenting our foster mother's treachery-as we called it-we furiously stomped out of her room. Our adamant refusal to obey aroused her anger too, for her word had hitherto been law. Our insubordination made her so furious that she left a few weeks later for France without seeing us or saying goodbye. It was most unusual for her generous, kindhearted nature. Gus once again stepped into the breach. Finding ourselves suddenly completely penniless and on our own, we listened to his sage advice when

he suggested that we find shelter at Elizabeth's school for the present, just long enough for him to get us another engagement.

\\

Мы сердито спорили снова и снова, по-настоящему испуганные мыслью о необходимости ещё раз подчиниться необоснованной дисциплине Танте Мисс, особенно сейчас, когда большинство из нас достигло совершеннолетия. Предложение казалось совершенно нелепым. В обиде на предательство нашей приёмной матери, как мы её называли, мы яростно выскочили из её комнаты. Наш непреклонный отказ подчиниться вызвал её гнев, поскольку её слово до сих пор было законом. Наша непокорность заставила её так рассердиться, что через несколько недель она уехала во Францию, не увидев нас и не попрощавшись. Это было необычно для её щедрой, добросердечной природы. Гас снова вмешался в конфликт. Обнаружив себя внезапно совершенно без гроша и предоставленными самим себе, мы выслушали его мудрый совет, когда он предложил нам пока найти убежище в школе Элизабет на данный момент, достаточно долго, чтобы он смог устроить нам ещё один ангажемент.

"I know how you girls feel about Elizabeth. I have spoken to her and she is quite agreeable to the idea that you merely board with her as paying guests, not pupils." That clinched the deal, and we moved to Tarrytown without further protest. Hearing of our move, Isadora wrote to her sister:

\\

«Я знаю, как вы, девочки, относитесь к Элизабет, я разговаривал с ней, и она вполне согласна с тем, что вы просто платите ей за проживание как арендаторы, а не как ученики».

Это заключило сделку, и мы переехали в Тарритаун без дальнейших протестов. Услышав о нашем переезде, Айседора написала сестре:

Dearest Elizabeth: The first letter I received from any of you was April 20th-so you see I was more than two months without news. If the girls had only told me the last evening that they would go to Tarrytown we could have enjoyed four weeks of pleasant work. But human beings, contrary and cussed-and such a pity. It would have been such a comfort to know.

\\

Дорогая Элизабет: Первое письмо, которое я получила от кого-то из вас, было 20-го апреля, так что вы видите, я была более двух месяцев без новостей. Если бы девочки раньше сказали мне, что они поедут в Тарритаун, то мы могли бы наслаждаться четырьмя неделями приятной работы. Но они, наоборот, капризничали и ругались, - и очень жаль. Было очень приятно всё узнать.

Our citizenship papers had not yet become final and, theoretically at least, we could still be considered "enemy aliens." Very conscious of this twilight-zone status as far as patriotic sentiments were concerned, with the red-lettered headlines screeching hatred for the enemy every day while General Foch and his valiant army made a desperate stand on the Marne, our utter surprise can be imagined at the news Gus

brought to us. "Guess where I have booked you," he asked with a twinkle in his eye. "On a tour through the soldiers' camps!" And he added, "With the full approval of the War Department Commission on Training Camp Activities, of course."

\\

Наши документы о гражданстве ещё не стали окончательными, и, теоретически, по крайней мере, нас всё ещё можно было считать «вражескими чужестранцами». Очень хорошо осознаю статус подобной сумеречной зоны, когда дело касается патриотических настроений, с [газетными] заголовками красными буквами, каждый день пронизанными ненавистью к врагу, в то время как генерал Фох и его доблестная армия отчаянно стояли на Марне, можно представить наш неожиданный сюрприз в новостях, которые принёс нам Гас. «Угадайте, где я задействовал вас», - спросил он с блеском в глазах. «В туре по лагерям солдат!» И добавил: «При полном одобрении комиссии военного ведомства по учебно-тренировочным лагерям, конечно».

In this way we were happy to be able to contribute our mite to a patriotic cause and to do what we could through our art to make the American doughboy happy. Camp Dix, Camp Upton, and all the other camps had their first cultural entertainment. I am afraid not many soldiers had a hankering for this spiritual sort of uplift; for the halls were nearly always half-empty. But we girls, on our way to becoming full-fledged citizens, got a great kick out of it and a wonderful sense of belonging.

\\

Таким образом, мы были счастливы, что смогли внести свой вклад в патриотическое дело и сделать всё, что могли, благодаря нашему искусству, чтобы сделать американцев счастливым. Лагерь Дикс, Лагерь Аптон и все другие лагеря так получили свои первые культурные развлечения. Боюсь, что многие солдаты не жаждали такого духовного подъёма; потому что залы почти всегда были наполовину пустыми. Но мы, девочки, на нашем пути к становлению полноценными гражданами, получили отличный отклик и прекрасное чувство принадлежности.

We had engaged the well-known pianist George Copeland to accompany us. Isadora Duncan was not at all acquainted with George Copeland, nor had she ever heard him play. The only thing she had heard about him was his reputation as the foremost interpreter of modern music, especially Debussy, in this country. Under the erroneous impression that we too interpreted Debussy's music and being ever so watchful of our artistic presentation of her dance, she wrote to her pupils the following epistle:

\\

Мы пригласили известного пианиста Джорджа Коупленда. Айседора Дункан совсем не была знакома с Джорджем Коуплендом, и она никогда не слышала, как он играл. Единственное, что она знала о нём, это была его репутация ведущего в этой стране интерпретатора современной музыки, особенно Дебюсси. Под ошибочным впечатлением, что мы тоже интерпретировали музыку Дебюсси, и всегда так внимательно следившая за нашей

художественной презентацией её танца, она написала своим ученикам следующее послание:

Please don't let anyone persuade you to try to dance to Debussy. It is only the music of the Senses and has no message to the Spirit. And then the gesture of Debussy is all inward- and has no outward or upward. I want you to dance only that music which goes from the soul in mounting circles. Why not study the Suite in D of Bach [Johann Sebastian Bach - Orchestral Suite No.3 in D major "Air", BWV 1068]? Do you remember my dancing it? Please also continue always your studies of the Beethoven Seventh and the Schubert Seventh; and why not dance with Copeland the seven minuets of Beethoven that we studied in Fourth Avenue? And the Symphony in G of Mozart [Wolfgang Amadeus Mozart - Symphony No.40 in G Minor, g-moll, K550 - Molto Allegro]. There is a whole world of Mozart that you might study.

||

Пожалуйста, не позволяйте никому убеждать вас пробовать танцевать Дебюсси. Это только музыка чувств и не имеет никакого сообщения с Духом. И тогда жест Дебюсси - весь внутри - и не имеет ни внешнего, ни верхнего. Я хочу, чтобы вы танцевали только ту музыку, которая идёт от души в высшие сферы. Почему бы не изучить Баха Сюиту в РЕ [Иоганн Себастьян Бах - Ария из оркестровой Сюиты для оркестра No.3, Ре-мажор, «Воздух», BWV 1068]? Помните, я танцевала? Пожалуйста, также продолжайте всегда изучать Седьмую Бетховена и Седьмую Шуберта; и почему бы не потанцевать с Коуплендом семь менуэтов Бетховена, которые мы изучали на Четвертой авеню? И Моцарта Симфонию в СОЛЬ [Вольфганг Амадей Моцарт - Симфония No.40 соль минор, K550 - Мольто Аллегро]. Существует целый мир Моцарта, который вы можете изучать.

Plunge your soul in divine unconscious Giving deep within it, until it gives to your soul its Secret. That is how I have always tried to express music. My soul should become one with it, and the dance born from that embrace. Music has been in all my life the great Inspiration and will be perhaps someday the Consolation, for I have gone through such terrible years. No one has understood since I lost Deirdre and Patrick how pain has caused me at times to live in almost a delirium. In fact my poor brain has more often been crazed than anyone can know. Sometimes quite recently I feel as if I were awakening from a long fever. When you think of these years, think of the Funeral March of Schubert, the Ave Maria, the Redemption, and forget the times when my poor distracted soul trying to escape from suffering may well have given you all the appearance of madness.

||

Окуните свою душу в божественный бессознательный Дар глубоко внутри неё, пока она не даст вашей душе её Секрет. Вот как я всегда пыталась выразить музыку. Моя душа должна стать единой с ней, и танец, рожденный от этих объятий. Музыка была в моей жизни великим вдохновением и, возможно, когда-нибудь будет утешением, потому что я пережила такие ужасные годы. Никто не понял, когда я потеряла Дейдре и Патрика, как боль заставляла меня

время от времени жить почти в бреду. На самом деле мой бедный мозг чаще всего был в сумасшествии более, чем кто-либо может знать. Временами, совсем недавно, я чувствовала, как будто я просыпаюсь от долгой лихорадки. Когда вы думаете об этих годах, подумайте о Похоронном марше Шуберта, Аве Марии, Искуплении и забудьте те времена, когда моя бедная обезумевшая душа, пытающаяся убежать от страданий, вполне могла передать вам всё сумасшествие.

I have reached such high peaks flooded with light, but my soul has no strength to live there-and no one has realized the horrible torture from which I have tried to escape. Some day if you understand sorrow you will understand too all I have lived through, and then you will only think of the light towards which I have pointed and you will know the real Isadora is there. In the meantime work and create Beauty and Harmony. The poor world has need of it, and with your six spirits going with one will, you can create a Beauty and Inspiration for a new Life. I am so happy that you are working and that you love it. Nourish your spirit from Plato and Dante, from Goethe and Schiller, Shakespeare and Nietzsche (don't forget that the Birth of Tragedy and the Spirit of Music are my Bible). With these to guide you, and the greatest music, you may go far.

||

Я достигла таких высоких вершин, залитых светом, но у моей души нет сил жить там, и никто не осознал ужасную пытку, от которой я пыталась убежать. Когда-нибудь, если вы поймете печаль, вы поймете всё, что я пережила, и тогда вы только подумаете о свете, на который я указала, и вы узнаете, что существует настоящая Айседора. Тем временем работайте и создавайте «Красоту и гармонию». Бедный мир нуждается в этом, и с вашими шестью духами, идущими по одной воле, вы можете создать Красоту и вдохновение для новой Жизни. Я так счастлива, что вы работаете и любите. Питайте свой дух от Платона и Данте, от Гёте и Шиллера, Шекспира и Ницше (не забывайте, что Рождение Трагедии и Духа Музыки - моя Библия). С ними, чтобы вести вас, и величайшей музыкой, вы можете пойти далеко.

*Dear children, I take you in my arms. And here is a kiss for Anna, and here one for Therese, and one for Irma, and here is a kiss for Gretel (Margot) and one for little Erika-and a kiss for you, dearest Lise!. Let us pray that this separation will only bring us nearer and closer in a higher communion-and soon we will all dance together Reigen. All my love, Isadora**

**Isadora, by Allan Ross Macdougall, pp. 173-174.*

||

Дорогие дети, я беру вас на руки. И вот поцелуй для Анны, а здесь один для Терезы, а другой для Ирмы, и вот поцелуй для Гретель (Марго) и один для маленькой Эрики - и поцелуй для тебя, дорогая Лиза! Давайте молиться, чтобы это разделение только приблизило нас ближе и ближе в более высоком общении - и вскоре мы все вместе будем танцевать вместе в Хороводе.

Вся моя любовь вам, Айседора*

*Айседора, Аллан Росс Макдугалл, стр. 173-174.

DUNCAN DANCERS ON THEIR OWN AT LAST read the head-line of an article written by the distinguished music critic Pitts Sanborn of the Globe. He went on to say:

It might seem incredible that one of the rarest and most enchanting events of all the musical year should be reserved for the twenty-seventh day of June, but in time of war, at any rate, the Isadora Duncan Dancers gave last evening an entertainment truly exquisite in its charm and artistic quality. For the nonce let comment stop with the general impression of a ravishing performance-altogether a memorable evening.

||

ТАНЦОРЫ ДУНКАН НА ИХ СОБСТВЕННОЕ ПОСЛЕДНЕЕ [выступление] прочли заглавную статью, написанную выдающимся музыкальным критиком Питтом Санборном из Глобуса. Там он сказал:

Может показаться невероятным, что одно из самых редких и самых феерических событий всего музыкального года, должно быть зарезервировано на двадцать седьмой день июня, во время войны. Во всяком случае, танцоры Айседоры Дункан дали прошлым вечером развлечение, действительно изящное в его шарме и артистическом качестве. Для краткости позвольте прекратить комментарий с общим впечатлением от восхитительного представления - в целом незабываемый вечер.

And Sigmund Spaeth wrote for the Mail: It may truthfully be claimed that no dancing in the world today has more of truth and sincerity in its appeal than has the dancing of these six adopted daughters of Isadora Duncan. When people thronged about the stage of Carnegie Hall waving hats and handkerchiefs with loud shouts from the gallery and no inclination or any desire to go home, it was a spontaneous demonstration of approval. There can be no doubt of the fitness of the Duncan Dancers to carry on the unique art created by Isadora Duncan. It makes little difference whether they appear singly or in groups, always they impart the same involuntary thrill that comes only when art is based on something very real. Whether it is Anna's interpretive art, or the rhythmic certainty of Theresa, or Lisa's airy leaps, or the dramatic eloquence of Irma ... there is always the effect of a youthful spontaneity, a direct challenge to everything that is artificial and insincere. There are no cut and dried methods in this art and there is little evidence of the stupendous technique that underlies it. A technique of which one becomes aware only in seeing the clumsy efforts of untrained and uninitiated imitators. This individualizing of the dancers is making them for the first time in their careers, distinct artistic personalities.

||

И Сигмунд Спайт написал для «Почты»: «По правде говоря, можно утверждать, что никакие танцы в мире сегодня не имеют больше правды и искренности в своём обращении, чем танцы этих шести приёмных дочерей Айседоры Дункан. Когда люди толпились вокруг сцены Карнеги-холл, размахивая шапками и

носовыми платками с громкими криками из галереи, без попыток или желания вернуться домой, это была спонтанная демонстрация одобрения. Не может быть никаких сомнений в пригодности танцоров Дункан для демонстрации уникального искусства, созданного Айседорой Дункан. Не имеет значения, появляются ли они по отдельности или в группах, всегда они передают тот же произвольный трепет, который приходит только тогда, когда искусство основано на чём-то очень реальном. Будь то искусство интерпретации Анны, или ритмическая уверенность Терезы, или воздушные прыжки Лизы, или драматическое красноречие Ирмы ... всегда есть эффект молодой спонтанности, прямой вызов всему искусственному и неискреннему. В этом искусстве нет заранее подготовленных [трафаретных, тривиальных] методов, и есть мало [внешних] доказательств того, что в основе лежит колоссальная техника. Техника, о которой человек узнает только, когда видит неуклюжие усилия неподготовленных и непосвященных подражателей. Эта индивидуализация танцоров делает из их, впервые в их карьере, отличных артистических личностей.

I would like to stress here that his last remark proves what Isadora years ago predicted and hoped would come to pass. Observing her apprentice pupils in Grunewald developing her new idea of the dance, she said, "While forming part of a whole, they will preserve a creative individuality."

||

Здесь я хотела бы подчеркнуть, что его последнее замечание доказывает, что было предсказано много лет назад и на что надеется Айседора. Наблюдая за учениками ученика в Грюневальде, разрабатывая новую идею танца, она сказала: «Будучи частью целого, они сохранят творческую индивидуальность».

We lived at the time in a large studio on the top floor of the Carnegie Hall annex which we sublet from Alys Bently. To have emerged finally from our chrysalis (from "a moving row of shadow shapes in imitation of Isadora," as one severe critic remarked of our previous joint appearances with her), and to have, at long last, gained individual recognition, was a great source of satisfaction to each one of us. Now that we were free to dance to the music of our own choice (apart from the modern composers), the music of Chopin especially afforded us a wider scope for individual interpretations, some of them based on our teacher's choreography, some on our own. For she had previously-on the advice of Hener Skene-encouraged her pupils to compose their own dances.

||

Мы жили в то время в большой студии на верхнем этаже флигеля Карнеги-холл, которое мы взяли в субаренду у Алисы Бэнти. Чтобы окончательно выйти из нашего кокона (из «движущегося ряда теневых форм в подражание Айседоре», как заметил один серьезный критик наших предыдущих совместных выступлений с ней), и, наконец, получить индивидуальное признание, что было большим источником удовлетворения каждого из нас. Теперь, когда мы были свободны танцевать под музыку по собственному

выбору (помимо современных композиторов), музыка Шопена особенно давала нам более широкие возможности для индивидуальных интерпретаций, некоторые из которых основывались на хореографии нашего учителя, некоторые из них сами по себе. Так и раньше она, по совету Хенера Скене, поощряла своих учеников сочинять собственные танцы.

I still recall the initial lesson in dance composition she gave me privately and how miserably I erred in interpreting the Brahms song she had chosen. It began "If I were a bird," so I flew about the room as if I were a bird. When I stopped, I saw "that look" on Isadora's face. I was terrified. No, she explained, the song did not say "I am a bird," it said "If I were a bird." It meant, "I wish I could fly to you, but I am earth-bound." From her couch, she demonstrated with beautiful gestures how the dance should have been done. She had really thought out the language of movement. There and then she taught me a valuable lesson, which I subsequently used as an example whenever I tried my hand at choreography.

||

Я до сих пор помню начальный урок в танцевальной композиции, который она дала мне частным образом, и как я ужасно ошибалась в толковании песни Брамса, которую она выбрала. Началось «Если бы я был птицей», поэтому я полетела по комнате, как будто я была птицей. Когда я остановилась, я увидела «этот взгляд» на лице Айседоры. Я была напугана. Нет, объяснила она, песня не говорит «Я птица», она говорит: «Если бы я была птицей». Это означало: «Мне жаль, что я не могу лететь к вам, ведь я привязана к земле». С её кушетки она с прекрасными жестами продемонстрировала, как нужно было танцевать. Она действительно продумала язык движения. Тут же она научила меня ценному уроку, который я впоследствии использовала в качестве примера, когда пробовала себя в хореографии.

We six Duncan girls knew we had definitely "arrived" as a distinct artistic ensemble when-the day after our successful New York debut-a lady reporter asked for an interview. As an outsider's point of view, it may be of some interest here to show how each girl impressed her:

||

Мы, шесть девушек Дункан, знали, что мы определенно «приехали» в качестве отличного художественного ансамбля, когда на следующий день после нашего успешного дебюта в Нью-Йорке леди репортёр попросила интервью. С точки зрения постороннего, здесь может быть интересно показать, как каждая девушка произвела на неё впечатление:

Modest and charming are these young women, ranging in age from a little under to a little over twenty, with a pleasant affection for one another and single in their ambition to dance anywhere, everywhere, so long as they can appear uncompromisingly as interpreters of music

||

Скромные и обаятельные - эти молодые девушки, начиная от самой маленькой до той, которой немногим более двадцати, с приятной привязанностью друг к другу, и одинокие в своём стремлении танцевать где угодно и везде, пока они могут выглядеть бескомпромиссно как интерпретаторы музыки...

They speak many languages. . . . Anna, the black-eyed, the black-haired, is the leader in their lives as in their dancing. She is practical, she always plans. She has a way of saying "We children," and her voice carries great authority. And she is very beautiful, beautifully made, with a most exquisite modeling of chin and neck and shoulders. Though she is not tall there is something heroic in her structure.

||

Они говорят на многих языках... Анна, чёрноглазая, чёрноволосая, является лидером в их жизни, как в их танцах. Она практична, она всегда планирует. У неё есть способ сказать «Мы, дети», и её голос несёт большую власть. И она очень красивая, красиво сделанная, с самым изысканным моделированием подбородка, шеи и плеч. Хотя она не высокая, в её структуре есть что-то героическое.

All of them are rather small, surprisingly fragile to see after their dancing, which leaves the impression of long bodies. Lisa of the famous leapings, and Margot, both unusually slender, are still more delicate in repose than in motion Erica is the youngest, a quiet dark-eyed child, who looks upon the world with great solemnity and on rare occasion smiles.

||

Все они довольно маленькие, удивительно хрупкие, если увидеть их после их танца, который оставляет впечатление длинных тел. Лиза знаменита прыжком, и Марго, обе необыкновенно стройные, всё ещё более деликатные в состоянии покоя, чем в движении... Эрика - самая молодая, - спокойный тёмноглазый

ребёнок, который смотрит на мир с большой торжественностью и в редких случаях улыбается.

Theresa is to my mind the loveliest of all—a simple maiden with long, blond braids wound round her head. She is complete in her response to music, and when she dances, her face, alight with joy, gives me great pleasure. Waltzing, she is more than anyone like Isadora, lost ecstatic, whirling through an immense quiet

||

Тереза, на мой взгляд, самая прекрасная из всех - простая девушка с длинными светлыми косами, намотанными вокруг её головы. Она полна в своем ответе на музыку, и когда она танцует, её лицо, радостно сияющее, даёт мне огромное удовольствие. Вальсируя, она больше, чем кто-либо, [почти] как Айседора, вызвала восторг, кружась в огромной тишине...

Irma is another very slight girl, perhaps the most distinctive member of the group, in whose mocking grey-eyed face there is mingled wisdom with a mischievous gaiety. She has an amusing wit. She is gifted; the others speak of a singing voice which she, however, has neglected. To see her dance is to have a feeling that some day she may make of herself an actress. . . .

||

Ирма - ещё одна очень маленькая девочка, возможно, самый характерный член группы, в чьем насмешливом сероглазovém лице смешалась мудрость с озорной веселостью. У неё забавное остроумие. Она одарена; другие говорят о голосовом пении, которым она, однако, пренебрегла. Увидеть её танец - значит почувствовать, что однажды она может сделать из себя актрису...

When Isadora passes, nothing of her will remain but these young girls. After her own dancing they are her greatest contribution to art. They are the mould into which she has struggled to pour her genius. . . . Through their magnificent bodies, Isadora has projected a new ideal of woman's beauty Today, Isadora, who assembled and brought them here, is far from them. . . . And today they are making their first large venture unguided by her. From under the protecting wing of genius they emerge to test themselves, to feel their own weight and the space about them. Though they are the offerings of Isadora's spirit, each one begins now to measure her lot and her fame alone.

||

Когда Айседора уйдёт, ничего после неё не останется, кроме этих молодых девушек. После её собственного танца, они являются её самым большим вкладом в искусство. Это литейная форма, в которую она изо всех сил пыталась залить свой гений... Через их великолепные тела Айседора спроектировала новый идеал красоты женщины... Сегодня Айседора, собравшая и привёзшая их сюда, далека от них... И сегодня они делают своё первое крупное предприятие не управляемое ею. Из-под защитного крыла гения они появляются, чтобы испытать себя, почувствовать собственный вес и пространство вокруг них.

Хотя они являются продолжениями Исадоры, каждая начинает теперь измерять свою судьбу и свою известность в одиночку.

One engagement led to another and eventually to a transcontinental tour. We also did our bit for various war charities. The major event of this kind was an open-air recital with the Barrere Orchestra for Italian war relief that was staged at Kenilworth, the George Pratt estate in Glen Cove on Long Island Sound. Mr. Pratt, an amateur color photographer, took many pictures of us the week end we stayed with him and his wife. He posed us in graceful attitudes holding aloft garlands of roses or standing among the tall Madonna lilies and among the blue iris reflected in the limpid pool of the sunken garden where we danced.

||

Один ангажемент привёл к другому и, в конечном итоге, к трансконтинентальному туру. Мы также внесли свою лепту для различных военных благотворительных организаций. Главным событием такого рода был концерт в помощь итальянским военным союзникам, под открытым небом с оркестром Баррере, который был поставлен в Кенилворт, поместье Джорджа Пратта в Глен-Кове на озере Лонг-Айленд. Мистер Пратт, фотограф-любитель, снимающий в цвете, сделал на той неделе много наших снимков, когда мы остались с ним и его женой. Он поставил нас в изящных позах, держащих гирлянды из роз или стоящих среди высоких лилий Мадонны, и среди голубого ириса, отраженного в прозрачном бассейне затонувшего сада, где мы танцевали.

Even while dancing for Allied war relief, I could never quite forget the "other side." In my mind's eye I saw mother living in Germany, now an enemy country and my homeland no more. With a heavy heart, I wondered what her fate might be, for I had not heard from her since America entered the fray. I worried a great deal over her. And then one glorious morning I awoke to the ringing of bells and blowing of whistles. The shrieks of sirens brought me rushing to the window. There, in the street, was the strangest sight. Grown-up people holding hands like children and dancing for joy down the avenue! Then I knew. The war was over, the armistice had been signed. Overcome with long-pent-up emotion and utter relief that the horrible, bloody nightmare was terminated, I sank down on my bed and cried, thanking God for PEACE. That same day, the eleventh of November, I wrote two letters; one to my German mother, the other to my dear foster mother. Weeks later I received answers from both. Mother had survived the holocaust but was very ill. I sent her money and food packages, doing what I could from that distance to help. Isadora wrote from the Riviera Palace Hotel in Nice:

||

Даже во время танца для подразделений «Помощи союзников в войне», я никогда не могла забыть «другую сторону». Я мысленно видела, что мать, живущая в Германии, теперь это уже вражеская страна, хотя и моя родина. С тяжёлым сердцем я подумала, какова может быть её судьба, потому что я не слышала от неё известий, так как Америка вступила в противостояние. Я много

волновалась за неё. И вот однажды, в славное утро, я проснулась от звона колоколов и раздувания свистков. Крики сирен заставили меня броситься к окну. Там, на улице, было самое странное зрелище. Взрослые люди держатся за руки, как дети, и танцуют от радости по проспекту! Тогда я поняла. Война закончилась, перемирие было подписано. Преодолевая сдержанную эмоцию и полное облегчение, что ужасный, кровавый кошмар был прекращен, я опустила на кровать и заплакала, поблагодарив Бога за МИР. В тот же день, 11 ноября, я написала два письма; одно - моей немецкой матери, другое - моей дорогой приёмной матери. Через несколько недель, я получила ответы от обоих. Мать пережила бойню [холокост], но была очень больна. Я отправила ей деньги и пакеты продуктов, делая то, что могла, с этого расстояния, чтобы помочь. Айседора написал из отеля Дворец Ривьера в Ницце:

Dearest Irma,

If you knew how happy it makes me to receive letters from you, you would all write oftener. Now you must admit I am a good prophet-since the beginning I predicted the Republic of Germany. What good news! And think how wonderful, for you all can now hope to dance the Marche Lorraine at Munich! I started bravely to make a tour of the French provinces but after three evenings was stopped by the Grippe closing all the theatres so have come back to Nice where, as usual, am living on Hopes.

\\

Дорогая Ирма,

Если бы ты знала, как я рада получать от вас письма, вы бы все писали чаще. Теперь вы должны признать, что я хороший пророк - с самого начала я предсказывала Республику Германия. Какие хорошие новости! И подумайте, как замечательно, ведь вы все можете теперь надеяться танцевать марш Лорейн в Мюнхене! Я начала смело совершать поездку по французским провинциям, но, после трёх вечеров, грипп остановил все театры, поэтому я вернулась в Ниццу, где, как обычно, живу на Хопес.

I think now, if you wish it, I can arrange for you all to join me very soon. Passports etc., will be simplified.

I have given up writing to Elizabeth and Augustin as they never answered even once-it is true many letters are lost. Tell me your plans, how far is your tour booked and what prospects, and send me your programmes. Everything you are doing interests me. I have the promise of a beautiful large hall to work in here. Perhaps you would all like to come in the spring? But tell me frankly your ideas and wishes.

\\

Я думаю, теперь, если вы этого пожелаете, я могу договориться, чтобы вы все присоединились ко мне очень скоро. Паспорта и т.д., будут упрощены. Я отказалась от написания Елизавете и Августину, поскольку они никогда не отвечали ни разу - правда, многие письма потеряны. Расскажите мне о ваших планах, как далеко забронирован ваш тур и какие перспективы, и пришлите мне свои программы. Меня интересует всё, что вы делаете. У меня есть обещание

прекрасного большого зала, чтобы работать здесь. Возможно, вы все хотели бы приехать весной? Но скажите мне откровенно ваши идеи и пожелания.

It is a beautiful morning the sun is sparkling on the sea and warm. I take long walks by the sea and my heart goes over to you. Do write me news of all our friends. . . . If you were here we would study the 9th Symphony [of Beethoven] to celebrate the Peace. Here is a kiss of Peace and Hope for each of you.

With all my love-Isadora

\\

Это прекрасное утро, когда солнце сверкает на море, и тепло. Я долго гуляю по морю, и моё сердце стремится к вам. Напиши мне новости всех наших друзей... Если бы вы были здесь, мы бы изучили 9-ю симфонию Бетховена, чтобы отпраздновать мир. Вот вам поцелуй мира и надежды для каждого из вас. При всей моей любви - Айседора

Our reunion had to be postponed for more than a year. We girls had contracts for a second tour. During the season of 1919-1920 our tour brought us all the way across the country to California, Isadora's birthplace. She had been born in San Francisco, and that lovely city exerted a special appeal for her pupils. We tried to dance our very best at our first matinee at the Columbia Theatre to make her fellow Californians proud of us. We must have succeeded, for Redfern Mason of the San Francisco Examiner wrote: One goes to see these six girls in a mood that has a note of reverence in it. During the trials of the war they have not yielded to the voice of those who would commercialize their art. They have closed their ears to the gilded seduction of vaudeville. Their ideal has remained inviolate and uncheaped. . . .

\\

Наше воссоединение пришлось отложить на год. У девушек были контракты на второй тур. В течение сезона 1919-1920 годов наш тур привёл нас по всей стране в Калифорнию, где родилась Айседора. Она родилась в Сан-Франциско, и этот прекрасный город обратил особое внимание на своих учеников. Мы старались танцевать на нашем первом ужине в Театре Колумбии, чтобы заставить своих коллег из Калифорнии гордиться нами. Мы, должно быть, добились успеха, поскольку Редферн Мейсон из «Сан-Франциско Экзаменатор» писал: «Каждый хочет увидеть этих шесть девочек в настроении, в котором есть нота почтения к ним. Во время испытаний войны они не уступили голосу тех, кто будет коммерциализировать своё искусство. Они закрыли свои уши всем золотым обольщениям водевиля. Их идеал осталась неприкосновенным и неприступным...

Gluck, Chopin and Schubert; that is the lyre of three chords from which they drew their inspiration The Chopin group brought out the personality of each individual dancer. Anna danced a mazurka and a valse. Irma gave us the "Minute Valse." In another life I think she danced at the Feast of Reason during the French Revolution. She has the tenseness and clean-cut emotional suggestiveness of Yvette Guilbert.

\\

Глюк, Шопен и Шуберт; это лира из трёх аккордов, из которых они черпали вдохновение... Группа Шопена выявила индивидуальность каждого танцора. Анна танцевала мазурку и вальс. Ирма дала нам «Вальс Минутку». В другой жизни, я думаю, она танцевала бы на Празднике Разума во время Французской революции. У неё есть напряженность и чистота эмоциональной выразительности Иветт Гильберт.

Lisa of the golden locks is kin to Undine of romantic legend. In the Schubert dances we saw the other girls. Nothing is more beautiful than are those Schubert waltzes with their old-time memories and their sentiment of "Heimweh." The girls put their hearts into the dancing and the house simmered with contentment.

\\

Лиза из золотых замков, родственник Ундины из романтической легенды. В танцах Шуберта мы видели других девушек. Нет ничего более прекрасного, чем эти вальсы Шуберта с их давними воспоминаниями и их чувством «Госки по родине». Девочки вложили свои сердца в танцы, и дом кипел от удовольствия.

In the audience was Mrs. Duncan, the mother and first teacher of Isadora, happy to see her daughter's art pulsating and young in another generation. It is wonderful to have revitalized an art and that is what Isadora and her disciples have done Today the Isadora Duncan girls dance in Oakland, next Sunday they will again be seen at the Columbia. Not to see them is a misfortune; carelessly to miss them would be a crime.

\\

В аудитории была миссис [Мэри Дора] Дункан, мать и первый учитель Айседоры, счастливая видеть, как искусство её дочери пульсирует и молодеет в другом поколении. Удивительно возродить искусство, и это то, что сделали Айседора и её ученики... Сегодня девушки Айседоры Дункан танцуют в Окленде, в следующее воскресенье они снова будут замечены в Колумбии. Не увидеть их - несчастье; небрежно пропустить их было бы преступлением.

We had not seen Isadora's mother since we were children in Grunewald. She used to sit on the garden steps in the pale northern sun and tell us about her home-California; of the abundance of flowers and fruit growing there, and the glorious hot sun shining every day, and of her longing to go back. "Some day you will go there and love it too," she said. Her prediction had now come true. She seemed happy to see us. A very ancient lady then, she nevertheless accepted with pleasure when we invited her and her Norwegian companion (who in the old Grunewald days had been our governess for a while) to spend the two weeks of Christmas with us at the St. Francis Hotel.

\\

Мы не видели мать Айседоры с того времени, как мы были детьми в Грюневальде. Она сидела на ступенях сада в бледном северном солнце и рассказывала нам о своём доме в Калифорнии; там изобилие цветов и фруктов, и славное горячее солнце сияет каждый день, и про её стремления вернуться

туда. «Когда-нибудь вы поедете туда и полюбите его», - сказала она. Теперь её предсказание сбылось. Казалось, она рада нас видеть. Тем не менее, очень пожилая дама, она всё же приняла нас с удовольствием, когда мы пригласили её и её норвежской спутницы (которая в старые времена Грюневальда была нашей гувернанткой некоторое время), чтобы провести две недели Рождества вместе с нами в отеле Святого Франциска.

We received a hearty welcome everywhere in the larger towns of California. The only prudish place was Santa Barbara, where the mayor refused us permission to dance with bare legs. When I think of the bikini suits currently en vogue there, I feel quite proud of having been a martyr for the adoption of a more enlightened attitude by the present generation. Not only that, but considering that we encountered nowhere a real dance audience such as exists nowadays, we Duncan girls can be proud also of having contributed our share toward bringing about a greater appreciation of that art in this country.

\\

Мы получили сердечный приём повсюду в крупных городах Калифорнии. Единственным пренебрежительным местом была Санта-Барбара, где мэр отказал нам в разрешении танцевать с голыми ногами. Когда я думаю о костюмах бикини в настоящее время в моде, я очень горжусь тем, что были мучениками для принятия более просвещенного отношения нынешнего поколения. Не только это, но, учитывая, что мы нигде не встретили настоящую танцевальную аудиторию, такую как существует в наши дни, мы, девушки Дункан, можем гордиться тем, что внесли свой вклад в достижение большей оценки этого искусства в этой стране.

I am not able to recall the many details of our grand tour through the States. I kept a little diary at the time, and a few pages from it may give a better idea of what was involved in such one-night stands as it mostly turned out to be. Our return trip started with the end of the holiday season.

\\

Я не могу вспомнить многие подробности нашего грандиозного тура по Штатам. В то время я вела маленький дневник, и несколько страниц из него могут дать лучшее представление о том, что было вовлечено в такие романы на одну ночь, как это в основном оказалось. Наша обратная поездка началась с окончанием курортного сезона.

Saturday, Jan. 3, 1920.

Goodbye California! We are taking 6 o'clock train to Colorado Springs.

Tuesday, Jan. 6.

Arrived 1:30 Colorado Springs. Antlers Hotel. A health resort kind of a place.

Surprise! Wienold Reiss showed up, he is on his way to paint Blackfoot Indians in Montana. In the evening saw a vaudeville show at the Burns Theatre.

Wednesday, Jan. 7.

A nice day. Took a motor drive out to the Garden of the Gods, huge, red water-washed rocks in various shapes of corrosion. 8:30 performance at the Burns Theatre. A very small but select audience.

Thursday, Jan. 8.

A magnificent day, snow on the mountains and sunshine. Took a train to Denver and arrived at 5 o'clock. Brown Palace Hotel. A horrible place. 8:30 performance at the Auditorium with an enormous stage and a correspondingly large audience. Had supper afterwards at the hotel with Judge Lindsey and his wife.

\\

Суббота, 3 января, 1920 г.

До свидания, Калифорния! Мы отправляемся на поезде в 6 часов до Колорадо-Спрингс.

Вторник, 6 января.

Прибыли 1:30 в Колорадо-Спрингс. Отель Оленьи рога. Здоровое курортное место. Сюрприз! Появился Винольд Рейсс, он путешествовал, чтобы нарисовать индейцев Блэкфут в Монтане. Вечером в Вандерском театре было проведено водевильное шоу.

Среда, 7 января.

Прекрасный день. Поехали на автомобиле в Сад богов, огромные красные промытые водой камни различной степени коррозии. 8:30 в театре Бернса. Очень маленькая, но избранная аудитория.

Четверг, 8 января.

Великолепный день, снег на горах и солнечный свет. Поехали на поезде в Денвер и прибыли в 5 часов. Отель Браун Палас. Страшное место. 8:30 в Аудиториуме с огромной сценой и соответственно большой аудиторией. После ужина в отеле с судьей Линдси и его женой.

The Judge, of course, was Ben B. Lindsey of the Juvenile Court, whose ideas about "companionate marriage" caused something of a national sensation when he published them in book form several years later. Our Denver performance seemed to impress him, as it did at least some others of the audience. But we were working against a real handicap. The Denver Times reported the circumstances the next day:

\\

Судьей, конечно же, был Бен Б. Линдси из Суда по делам несовершеннолетних, чьи представления о «сопутствующем браке» вызвали что-то вроде национальной сенсации, когда несколько лет тому назад он опубликовал их в виде книги. Наше выступление в Денвере, казалось, произвело на него впечатление, так же как и на других зрителей. Но мы работали против реального препятствия. Денвер Таймс сообщил об обстоятельствах на следующий день:

Those who did not attend the performance of the Isadora Duncan dancers and George Copeland, pianist, last night at the Auditorium missed a rare combination of the terpsichorean art with that of the musician and deprived themselves of a share in

one of the most restful, refreshing evenings that has been offered Denver concertgoers this season. The Lions Club of Denver sponsored the event. . . .

\\

Те, кто не присутствовал на спектакле танцоров Айседоры Дункан и пианиста Джорджа Коупленда, вчера вечером в Аудиториуме, пропустили редкую комбинацию искусства терпсихореев с музыкантом-исполнителем, и лишили себя доли в одном из самых спокойных, освежающих вечеров, которые в этом сезоне были предложены концертмейстерами Денвера. Мероприятие было организовано Клубом Лион Денвера...

The huge stage was so effectively draped and curtained that it gave the impression of unlimited space, and the slender figures stole from its recesses like nymphs slipping thru wondrous woods. So carefully are the dances and the music blended that the portrayal of emotion is absolute and distinctive. One of the most effective was the "March Funebre," by Chopin, in which five of the graceful figures draped in purple robes glide forth in slow, steady rhythm truly typifying a funeral cortege, while one of the figures in a filmy shroud portrays the dead for whom they mourn and the resurrection. . . .

\\

Огромная сцена была настолько эффектно задрапирована и занавешена, что она создавала впечатление неограниченного пространства, а тонкие фигуры занимали её ниши, как нимфы, проскальзывающие через чудесные леса. Так тщательно танцы и музыка смешиваются, что изображение эмоций является абсолютным и отличительным. Одним из наиболее эффективных был «Марш-фунебр» Шопена, в котором пять изящных фигур, одетых в фиолетовые одежды, скользят в медленном, устойчивом ритме, по-настоящему типичном для похоронного кортежа, в то время как одна из фигур в склеенном саване изображает мертвых, за которых они скорбят и воскресают...

Unfortunately the Auditorium grew so cold during the performance that it was impossible to sit thru the entire program with any degree of comfort and many left before the end for that reason. One shivered in sympathy for the bare-footed dancers in their filmy attire.

\\

К сожалению, во время выступления Аудиториум настолько похолодел, что было невозможно отсидеть всю программу с такой-то степенью комфорта, и по этой причине многие ушли до окончания. Один из них дрожал от сочувствия к босоногим танцовщицам в их тонких нарядах.

Friday, Jan. 9.

Judge Lindsey invited us to visit his court this morning. Only Theresa, Margot, and I went. He is presiding over the "Stokes Case." Mrs. Stokes is suing for the custody of her children and she will get custody too if Judge Lindsey wins out. After lunch listened to more Juvenile cases of boys and girls in trouble with the law. Very, very

interesting. It gives one a different slant on life. Had dinner with the Judge and his lovely wife.

\\

Пятница, 9 января.

Судья Линдси пригласил нас посетить его суд сегодня утром. Только Тереза, Марго и я пошли. Он ведёт «Дело Стокса». Миссис Стоукс подала в суд на опеку над своими детьми, и она получит опеку, если победит судья Линдси. После обеда выслушали больше случаев несовершеннолетних мальчиков и девочек, столкнувшихся с проблемой закона. Очень, очень интересно. Это даёт другой уклон жизни. Ужинали с Судьей и его прекрасной женой.

Saturday, Jan. 10.

The Lindseys invited us to see Trixie Friganza in "Oh Mama!" We met her backstage. She is amusing off as on stage.

Sunday, Jan. 11.

The Judge and his wife called on us this morning and drove us up through the mountains covered with snow for a wonderful view down on Denver. We all lunched together at our hotel. Leaving at 8 o'clock for Kansas City.

Tuesday, Jan. 12.

Kansas City is a big, sooty town. Had a 3 o'clock matinee at the Schubert Theatre. A lovely audience, very appreciative but we had to rush our performance on account of the Sothern-Marlowe show that followed immediately.

\\

Суббота, 10 января.

Линдсейс пригласил нас увидеть Трикси Фриганзу в «О мама!» Мы встретили её за кулисами. Она забавна, как на сцене.

Воскресенье, 11 января.

Судья и его жена позвонили нам сегодня утром и отвезли нас через горы, покрытые снегом, для прекрасного вида на Денвер. Мы все собрались вместе в нашем отеле. Отъезд в 8 часов в Канзас-Сити.

Вторник, 12 января.

Канзас-Сити - большой, закоптелый город. В театре Шуберта был 3-часовой утренник. Прекрасная аудитория, очень благодарная, но нам пришлось спешить с нашим выступлением в связи с шоу Юг-Марлоу, которое последовало сразу же.

Wednesday, Jan. 14.

In St. Joseph. All hotels overcrowded because of convention. Had to stop at a second rate Station Hotel. 8:30 performance on a rotten stage. No more St. Joe for me! Tomorrow we dance in Topeka.

Friday, Jan. 16.

Arrived late in Newton and on account of a train wreck had to motor over to Hutchinson. 8:30 performance at Convention Hall with a fine, big stage but a very noisy audience. Dogs barking, children screaming, first George made a speech asking them to be quiet and then Anna did the same.

\\

Среда, 14 января.

В Св. Иосифе. Все гостиницы переполнены из-за конвента. Пришлось остановиться на второсортном вокзале отеля. 8:30 выступление на гнилой сцене. Нет больше Святого Джо для меня! Завтра мы танцуем в Топике.

Пятница, 16 января.

Прибыли поздно в Ньютон, и из-за крушения поезда должны были доехать до Хатчинсона. 8:30 в конференц-зале с прекрасной, большой сценой, но очень шумной аудиторией. Собаки лаяли, дети кричали, сначала Джордж произнес речь, прося их успокоиться, а затем Анна сделала то же самое.

Saturday, Jan. 17.

Leaving for Wichita on the Interurban. Catastrophe! Found there was a strike on and our stagehands are not allowed to work. The Theatre manager himself and several other gentlemen volunteered to help set the stage (lay the carpet, hang the curtains, set the lights, move the piano) and work during the performance at Forum Hall. For some reason the lights worked only on one side the other pitch darkness but we didn't care the audience was large and most enthusiastic.

\\

Суббота, 17 января.

Выезд из Вичита в Интерурбан. Катастрофа! Обнаружили забастовку, и наши сцены не разрешены к работе. Сам менеджер театра и несколько других джентльменов вызвались помочь на сцене (заложить ковёр, повесить занавески, установить свет, перенести рояль) и работали во время выступления в зале Форума. По какой-то причине свет работал только с одной стороны, другой в темноте, но нам было всё равно, потому что публика была большой и энтузиастической!

Sunday, Jan. 28.

We spent all day in a day coach on the Santa Fe which is invariably late and uncomfortable. Arrived after midnight in Oklahoma City. Hotels had no vacancies-drat those conventions-and so we were forced to spend the night in what looked suspiciously like a disreputable house, dirty as Hell.

\\

Воскресенье, 28 января.

Мы провели весь день в дневном тренинге на Санта-Фе, который неизменно поздно и неудобно. Прибыли после полуночи в Оклахома-Сити. В отелях не было свободных мест - были эти конвенции - и поэтому мы были вынуждены переночевать в том, что выглядело подозрительно, как непристойный дом, грязный, как Ад.

Monday, Jan. 19.

A perfectly glorious day, warm and sunny spring-like weather. We decided to enjoy it and rented an open car for an hour's drive to get some fresh air in our lungs after those long train rides and soak up the sunshine. Evening performance at Overhulser

(what a name!) Opera House and leaving immediately afterwards for Tulsa, another big "oil town."

\\

Понедельник, 19 января.

Прекрасный славный день, тёплая и солнечная весенняя погода. Мы решили насладиться этим и арендовали открытый автомобиль на час езды, чтобы получить свежий воздух в наших легких после этих длинных поездок и понежиться на солнце. Вечерний спектакль в Оперном театре Оверлуссере (какое имя!), и сразу же после этого отправились в Тулсу, ещё один большой «нефтяной город».

One had to be very young and healthy for that kind of a life. The dancing was always a pleasure but oh, those train rides! And the incessant packing and unpacking, since we had no maid and had to do everything ourselves. We always envied George Copeland, whose traveling companion acted as his valet. He went through none of the frenzy of having to change costumes while performing. He always appeared cool and collected. His favorite pastime during the interminable train rides consisted in a game of cards; he was also a collector of fine antique jewelry. In the end, he came out far ahead of us girls financially. We had to pay not only our own traveling expenses but his and those of a stage crew of three men. We carted our own decor with us everywhere.

\\

Нужно было быть очень молодым и здоровым для такой жизни. Танцы всегда были удовольствием, но, о, эти едущие поезда! И непрекращающаяся упаковка и распаковка, так как у нас не было горничной и приходилось делать всё самим. Мы всегда завидовали Джорджу Коупленду, чей путешествующий компаньон действовал как его камердинер. Он не прошёл через безумие необходимости менять костюмы во время выступления. Он всегда казался крутым и собранным. Его любимое времяпрепровождение во время бесконечных поездок проходило в карточной игре; он также был коллекционером прекрасных античных ювелирных изделий. В конце концов, он, в финансовом отношении, ушёл далеко вперёд нас, девочек. Мы должны были оплатить не только наши собственные командировочные расходы, но и его и экипаж из трёх человек. Мы же сами вешали наш собственный декор.

From Tulsa we proceeded to St. Louis, and from there to Ohio, via Hamilton, making large jumps through the Middle West. When we arrived in Detroit on January 27, we discovered to our great annoyance that we had a whole long week to wait before our performance there. A full week's delay meant more expense, and it also increased our impatience to return home as soon as possible.

\\

Из Тулсы мы отправились в Сент-Луис, а оттуда в Огайо, через Гамильтон, совершая большие прыжки через Средний Запад. Когда мы прибыли в Детройт 27 января, мы обнаружили наше большое раздражение, что у нас была целая долгая неделя, чтобы ждать начала нашего выступления. Задержка на всю

неделю означала больше расходов, а также увеличила наше нетерпение как можно скорее вернуться домой.

Wienold Reiss had been commissioned by Otto Baumgarten, the owner of the new Crillon Restaurant on East Fifty-third Street in New York, to paint our individual portraits. On his way north, he told us that they had been installed in the blue and gray "Duncan Room" at the fashionable restaurant. We were dying to see this, for fame seemed to have caught up with us.

\\

Отто Баумгартен, владелец нового ресторана Криллон на Восточной Пятьдесят третьей улице в Нью-Йорке, заказал Уинольду Рейссу нарисовать наши индивидуальные портреты. По пути на север, он сказал нам, что они были установлены в сине-серой «комнате Дункан» в модном ресторане. Мы умирали, чтобы увидеть это, потому что слава, казалось, догнала нас.

Wednesday, Jan. 29.

Snow and very cold here in Detroit and found an influenza epidemic raging. Oh, how I long for sunny California! We shall have to stay at the Tuller Hotel for a week, with nothing to do but go to the movies. They are showing Theda Bara in "The Blue Flame" and "Don't Change Your Husband" with Gloria Swanson and my favorite-Tom Meighan.

Tuesday, Feb. 3.

Evening performance at the Powers Theatre in Grand Rapids. A sold-out house! Erica became suddenly very sick; we called doctor and he says she has to have her appendix out at once! Erica went to the hospital alone, for the rest of us had to leave for Toledo. Poor Erica!

\\

Среда, 29 января.

Снег, и очень холодно здесь, в Детройте, и мы обнаружили, что бушует эпидемия гриппа. О, как я мечтаю о солнечной Калифорнии! Мы должны будем остаться в отеле Туллер на неделю, и нам нечего делать, кроме как пойти в кино. Они показывают Теду Бару в «Голубом пламени» и «Не меняй своего мужа» с Глорией Свансон и моим любимым Томом Мейганом.

Вторник, 3 февраля.

Вечерний спектакль в Театре Силвер в Гранд-Рапидс. Аншлаг! Эрика внезапно сильно заболела; мы позвонили доктору, и он говорит, что она должна немедленно пройти осмотр аппендикса! Эрика отправилась в больницу в одиночку, потому что все остальные должны были уехать в Толедо. Бедная Эрика!

Wednesday, Feb. 4.

Toledo. We received a wire from Erica's doctor. The operation was successful and she is O.K. Gave a performance at Coliseum Hall. It is freezingly cold here and for that reason had not a big audience.

Thursday, Feb. 5.

In Cleveland at the Hotel Statler. Danced to a sold-out house at the new Masonic Temple with a nice ample stage but, alas, poor lighting. Many of the music critics here are Copeland's friends.

\\

Среда, 4 февраля.

Толедо. Мы получили телеграмму от доктора Эрики. Операция прошла успешно, и она в порядке. Дали представление в зале Колизея. Здесь жутко холодно, и по этой причине не было большой аудитории.

Четверг, 5 февраля.

В Кливленде в отеле Статлер. Танцевали с аншлагом в новом Масонском Храме с хорошей просторной сценой, но, увы, плохое освещение. Многие из музыкальных критиков здесь - друзья Коупленда.

Saturday, Feb. 7.

The critics wrote only about George; didn't mention us girls at all. Heard from Erica. She is quite out of danger and sitting up in a chair already. I see in the papers that they are having terrible blizzards in New York. Am not too anxious now to return would much rather go back to California. Depart for Utica on Sunday.

Monday, Feb. 9.

Encountered a heavy snowstorm in Utica. Tonight we are giving our 62nd performance on this trip. Full house and a nice audience. Left for home.

\\

Суббота, 7 февраля.

Критики писали только о Джордже; вообще не говорили о нас девушках.

Новости от Эрики. Она совершенно вне опасности, и уже сидит в кресле. Я вижу в газетах, что у них ужасные метели в Нью-Йорке. Я не слишком хочу сейчас возвращаться, скорее вернусь в Калифорнию. Вылет в Утику в воскресенье.

Понедельник, 9 февраля.

В Ютике произошла сильная метель. Сегодня вечером мы даем нашу 62-ю работу в этой поездке. Аншлаг и хорошая аудитория. Осталась дома.

Tuesday, Feb. 10.

We arrived an hour late at Grand Central Station. Back at last! Nearly all our friends there to greet us. Gus and Margherita, Stephan, Bill, Arnold, Stuart etc. We all had dinner together in the famous "Duncan Room" at the Crillon. Otto Baumgarten gave us a fine dinner with wine and liqueurs. Grossing seventy-five thousand dollars on this tour we only deposited twelve thousand to our credit at the Guaranty Trust.

\\

Вторник, 10 февраля.

Мы приехали на Центральный вокзал на час позже. Наконец-то! Почти всех наших друзей там поприветствовали там. Гас и Маргерита, Стефан, Билл, Арнольд, Стюарт и т.д. Мы все обедали вместе в знаменитой «комнате Дункан» в Крильоне. Отто Баумгартен дал нам прекрасный обед с вином и ликерами.

Получив чистый доход, в семьдесят пять тысяч долларов в этом туре, мы сдали только 12 тысяч долларов на наш кредит в Гарантийный фонд.

We rented a small furnished apartment on West Fifty-eighth Street near the Plaza. Our former English teacher from Geneva, Miss Annie von Stockhausen, acted as chaperone. Here we often entertained our various friends for tea, cocktail parties being unknown in those days. We were celebrities in our own right and attracted much attention wherever we went as a group. The fashionable, glossy magazines frequently reproduced our photographs, most of them by Arnold Genthe. Like other attractive young women in the limelight, we too had a number of admirers; some with serious intentions, others not. Of the latter species Isadora, who always acted much as any bourgeois mother toward her adopted daughters, would warn us by saying, "They are men who only care to profit by your youth and give you nothing in return. It sickens me when I think of it and raises my indignation."

\\

Мы арендовали небольшую меблированную квартиру на Уэст Пятьдесят восьмой улице рядом с Плаза. Наш бывший учитель английского языка из Женевы мисс Энни фон Штокхаузен выступала в роли сопровождающего. Здесь мы часто развлекали наших разных друзей за чаем, коктейльные вечеринки были неизвестны в те дни. Мы были знаменитостями сами по себе, и привлекали много внимания, куда бы мы ни пошли, как группа. Модные гляцевые журналы часто воспроизводили наши фотографии, большинство из них - Арнольд Генте. Как и у другие привлекательные молодые женщины в центре внимания, у нас тоже было множество поклонников; некоторые с серьезными намерениями, другие - нет. Из последних поучений Айседоры, которая всегда действовала так же, как поступила бы любая буржуазная мать к её приёмным дочерям, предупредила нас, говоря: «Это люди, которые только хотят получать прибыль от вашей юности, и не дадут вам ничего взамен. У меня это вызывает отвращение, когда я думаю об этом, и это вызывает моё негодование».

However, none of us had any immediate plans for marriage. Too immersed in our burgeoning careers, anxious to build a little financial security for ourselves, we were quite content to turn all our efforts in that direction. Everybody made much of us on our return from a successful tour. For a while we led a gay social life, as can be seen from my diary notes:

\\

Однако ни у кого из нас не было планов немедленного вступления в брак. Слишком погрузившись в нашу растущую карьеру, стремясь создать для себя небольшую финансовую безопасность, мы были вполне довольны, что все наши усилия были направлены в этом направлении. Каждая из нас сделала многое из нашего возвращения из успешного тура. Некоторое время мы вели веселую социальную жизнь, как видно из моих дневников:

Feb. 12.

We had tea at Stuart Benson's place. Johnny Aubert [Erica's beau from Geneva] is in town. He has already given several piano recitals. We shall hear him on Saturday.

Feb. 14.

Went over to Brooklyn to hear Johnny Aubert with the Symphony Orchestra, Stransky conducting. A concerto by Grieg. He seems to have put on some weight but otherwise looks the same. He is a good musician and very charming young man, I like him. He is going to dine with us on Thursday, the day Erica returns from Grand Rapids.

Sunday, Feb. 15.

The other girls have all gone to Tenaflly for a visit with the Rousseaus and their two little children Marta and Theodore Jr. I have the blues and remained at home.

Freddo Sides who works for Alavoine's called and invited me to luncheon. We talked about Isadora, he admires her tremendously. Likes my dancing too.

\\

12 февраля.

У нас был чай у Стюарта Бенсона. Джонни Обер [поклонник Эрики из Женевы] находился в городе. Он уже дал несколько фортепианных концертов. Мы услышим его в субботу.

14 февраля.

Пошли в Бруклин, чтобы послушать Джонни Оберта с Симфоническим оркестром, дирижировал Странский. Концерт Грига. Кажется, он набрал вес, но, в остальном, выглядит также. Он хороший музыкант и очень обаятельный молодой человек, он мне нравится. Он собирается обедать с нами в четверг, в тот день, когда Эрика возвращается из Гранд-Рапидс.

Воскресенье, 15 февраля.

Остальные девушки поехали в Тенафли с визитом, вместе с Руссоусом и их двумя маленькими детьми Мартой и Феодором младшим. У меня была хандра, и я осталась дома. Фреддо Сайдес, который работает на Алавоина, позвонил и пригласил меня на обед. Мы говорили об Айседоре, он восхищается ею. Мои танцы ему тоже нравятся.

Feb. 17.

Expected Johnny for tea but he never showed up. W.R. [Wienold Reiss] came instead. Freddo sent me two seats for the Opera to see the Sakharoffs dance. They used an exact copy of our stage setting. Their dance had no continuity of movement-nothing but poses.

Feb. 25.

We all had dinner at Albert Rothbart's. He engaged an Egyptian necromancer to amuse us with tricks evoking spirits, etc. Quite funny.

Feb. 26.

I received a lot of flowers for my birthday. Miss Annie served tea. Arnold presented me with a new dance photo of myself.

\\

17 февраля.

Джонни ожидали к чаю, но он так и не появился. Вместо него пришел В.Р. [Винольд Рейс]. Фреддо прислал мне два места в оперу, чтобы увидеть танец Сахарова. Они использовали точную копию нашей сцены. Их танец не имел непрерывности движения - ничего, кроме как позы.

25 февраля.

Мы все обедали у Альберта Ротбарта. Он привлёк египетского некроманта, чтобы развлечь нас трюками, вызыванием духов и т.д. Довольно забавно.

26 февраля.

Я получила много цветов на День рождения. Мисс Энни подавала чай. Арнольд представил мне новую танцевальную фотографию.

Feb. 28.

Gave a children's matinee at 10:30 A.M. over in New Jersey at the Lyceum Theatre with Beryl Rubenstein at the piano. Miss N., the manager, a beast of a woman, spoiled the whole show by insisting on interrupting our dances in order to explain things to the children. When Anna objected she insulted her in front of the audience. Oh, it was dreadful. The stage and lights were pretty awful too and Beryl didn't play too well either-anyhow, what can one expect at ten in the morning!

\\

28 февраля.

Давали детский утренник в 10:30 утра в Нью-Джерси в театре Лицея с Берил Рубенштейном на фортепиано. Мисс Н., менеджер, неприятная женщина, испортила всё шоу, настаивая на том, что нужно прерывать наши танцы, чтобы объяснять всё детям. Когда Анна возражала, то она оскорбила её перед аудиторией. О, это было ужасно. Сцена и свет были просто ужасны, и Берилл тоже играл не достаточно хорошо - во всяком случае, чего можно было ожидать в десять утра!

Sunday, Feb. 29.

Rosenbach, Genthe, the Sigmund Spaeths, came to tea with us here at our diggings. Our primitive way of making tea on a spirit lamp is quite interesting to watch. In the evening we girls had dinner at Billy and Mary Roberts' apartment on East 18th Street. (How their wooden stairs do creak!)

\\

Воскресенье, 29 февраля.

Розенбах, Гентх, Сигмунд Спаетс, пришли к нам с чаем в наше жилище. Весьма интересно наблюдать за нашим примитивным способом приготовления чая на спиртовой лампе. Вечером мы, девочки, пообедали в квартире Билли и Мэри Робертс на восточной 19-й улице. (Как скрипят их деревянные лестницы!)

March 1.

Johnny Aubert played for us tonight at our studio in Carnegie Hall. Bach, Mozart, Schumann and Chopin, very beautifully. He has much improved since we heard him

in Geneva Tomorrow afternoon we have a dress rehearsal at Aeolian Hall with our conductor Edward Falck. We are going over the orchestra mUSIC.

\\

1 марта.

Джонни Обер играл для нас сегодня в нашей студии в Карнеги-холл. Бах, Моцарт, Шуман и Шопен, очень красиво. Он стал значительно лучше того, как мы слышали его в Женеве... Завтра днём у нас будет генеральная репетиция в Эолийском зале с нашим дирижером Эдвардом Фальком. Мы перейдём к оркестровой музыке.

Sunday, March 7.

Rosenbach, Ordinsky, Johnny, Max Eastman and Eugene Boissevain for tea. Afterwards we girls had dinner at Max Eastman's apartment in Greenwich Village that he shares with Boissevain. He recited poems all evening by the fireside.

March 20.

Worked at the studio. Gene and Max came around later, and Lisa and I went for a drive with them out to the Bronx Zoo.

March 12.

At 8:30 performance at Carnegie Hall with orchestra. A wonderful performance to a capacity house. The audience actually cheered at the end. Supper party at Voisin's with friends afterwards.

\\

Воскресенье, 7 марта.

Розенбаха, Ординского, Джонни, Макса Истмана и Евгения Буассеина пригласили на чай. Потом мы, девочки, пообедали в квартире Макса Истмана в Гринвич-Виллидже, где он делит место с Буассеваном. Весь вечер он читал стихи у камина.

20 марта.

Работали в студии. Джин и Макс пришли позже, и мы с Лизой отправились с ними в зоопарк Бронкса.

12 марта.

В 8:30 выступление в Карнеги-холл с оркестром. Прекрасное представление в солидном помещении. Аудитория по настоящему приветствовала в конце.

Ужин в Везине с друзьями.

The following day all the New York papers carried rave notices. Just for the record, it may not be amiss to quote a few lines. Heywood Broun, writing in the Tribune, said: The Isadora Duncan Dancers made their first appearance of this season. . . . They have just got back from the Pacific coast and in the year of absence have made great steps towards artistic maturity The program was largely of ensembles from Gluck's Iphigenia, the Schmitt waltzes and a war horse of Johann Strauss's called "Southern Roses." For encores there were Chopin's Polonaise and the Marche Lorraine.

\\

На следующий день все нью-йоркские газеты приносили восторженные отзывы. Просто для записи, возможно, было бы неправильно не процитировать несколько строк. Хейвуд Брун, пишущий в Трибуна, сказал:

Танцоры Айседоры Дункан впервые появились в этом сезоне ... Они только что вернулись с тихоокеанского побережья, и за год отсутствия совершили большие шаги в направлении художественной зрелости ... Программа была в основном ансамблями из вальсов Глюка, вальсов Шмитта и военная кавалерия Иоганна Штрауса под названием «Южные розы». На бис были Полонез Шопена и Марш Лоррейн.

In the ensemble dancing the personal idiosyncrasies of the dancers were properly subdued, but that Lisa must needs show off her jumping. . . . The dancers in the Gluck Amazon dance and the two encores gave the finest thrill that the present stage in this country can afford. . . .

\\

В ансамблевом танце персональные особенности танцоров были должным образом подчинены, но Лизе, должно быть, нужно было продемонстрировать её прыжки... Танцоры в танце «Амазонки» Глюка, и два вызова на бис, дали самые острые ощущения, которые может позволить себе нынешний этап в этой стране...

A capacity audience first applauded, then cheered, then sat motionless at the end of the program till it got more dances. These children, who two years ago were pleading at our doorstep for attention, have gone in with tremendous blessings.

Another reviewer, writing under the pseudonym The Listener, observed:

\\

Многочисленная аудитория сначала аплодировала, затем подбадривала, а затем сидела неподвижно в конце программы, пока не получило больше танцев. Эти дети, которые два года назад просили у нашего порога внимания, вошли с огромными благословениями.

Другой рецензент, пишущий под псевдонимом «Слушатель», заметил:

Without the aid of Isadora, the Isadora Duncan Dancers have, in a swift, hard working year, become the chief champions of that art which she revived. Today they are undoubtedly its most inspiring interpreters too. Youth, Grace, Beauty, a thorough schooling in aesthetics; a year ago they had all these as their assets. Today they have that one thing more necessary—a power of imagination which enables them to create, actually to create a sheer and independent beauty from out of the moments of their faith-fullest interpretations.

\\

Без помощи Айседоры, танцоры Айседоры Дункан в трудный, тяжелый рабочий год стали главными защитниками этого искусства, которое она оживила. Сегодня они, несомненно, являются его наиболее вдохновляющими переводчиками. Юность, Благодать, Красота, тщательное обучение эстетике; год назад у них были все эти активы. Сегодня у них есть что-то более

необходимое - сила воображения, которая позволяет им создавать, на самом деле, создавать чистую и независимую красоту, из моментов их самых верных интерпретаций.

Carnegie Hall held an audience of amazingly large size on Saturday night to see these young dancers . . . an audience which thundered and thirsted for more through a blue darkness and which found in the dances, both separate and ensemble, to Chopin's music a succession of glowing explanations. No explanation of Chopin alone-for that would be a sorry task to ask of youth-but for life itself and all it hides of poetry and beauty.

\\

В субботу вечером, в Карнеги-холл, собралась аудитория удивительно больших размеров, чтобы увидеть этих молодых танцоров ... аудитория, которая гремела и жаждала большего в синей темноте и нашла это в танцах, как отдельных, так и ансамблевых, череда ярких объяснений к музыке Шопена. Никакого разъяснения, только Шопен - потому что это было бы печальным заданием для молодежи - но для самой жизни и всего того, что скрывает поэзию и красоту.

Sunday, March 21.

Gene has sent me a lovely Java Batik. He and Max invited Lisa and me to lunch at Longue Vue by the river. A sunny day, the first day of spring. Band I heard Jascha Heifetz at Aeolian Hall. We all had dinner together at St. Luke's Place and then went to another concert at the Hippodrome with the Ampico piano . . .

\\

Воскресенье, 21 марта.

Джин послал мне прекрасный батик из Явы. Он и Макс пригласили нас с Лизой на обед в Лонг-Вью у реки. Солнечный день, первый день весны. Я слышала Сашу Хейфец в Эолийском зале. Мы все вместе обедали на площади Святого Луки, а затем отправились на другой концерт на ипподроме с пианино Ампиико [American Piano Company, Американская Пианистическая Компания]...

March 27.

Margherita and Angus went with us to Boston, at the Copley Plaza. We gave a 3 o'clock matinee at Symphony Hall. Full house, great success. Beryl Rubinstein made good music at the piano for us. Many prominent people in audience including Senator Lodge. Leaving on the midnight train.

\\

27 марта.

Маргерита и Ангус отправились с нами в Бостон, в Копли Плаза. Мы дали 3-х часовой утренник в Симфоническом зале. Полный дом, большой успех. Берилл Рубинштейн приготовил для нас хорошую музыку на пианино. Многие видные люди в аудитории, включая Сенатора Лодж. Отправляемся полуночным поездом.

March 28.

We arrived early in New York on a beautiful day. Had luncheon at the Crillon with Otto, Miss Annie came too. Later we heard Galli-Curci at the Hippodrome.

Sunday, April 4.

Left early this morning for Croton with Anna, Lisa and Margot. A nasty, rainy day. Had lunch with Max Eastman at his bungalow and went for a drive afterwards, called on Isabelle and her baby. She is the same as she always was at school. After dinner went up the hill to Dudley Field Malone's house. Had drinks and danced. Motored back late at night. It was fun.

\\

28 марта.

Мы прибыли в Нью-Йорк в прекрасный день. Пообедали у Криллона с Отто, мисс Энни тоже пришла. Позже мы услышали Галли-Курчи на ипподроме. Воскресенье, 4 апреля.

Летом рано утром для Кротона с Анной, Лизой и Марго. Жестокий, дождливый день. Пообедали с Максом Истманом в его бунгало, и пошли дальше, позвали Изабель и её ребёнка. Она такая же, как и всегда в школе. После обеда поднялись на холм в дом Дадли Фил Мэлоун. Выпивали и танцевали. Выдвинулись поздно ночью. Это было весело.

April 6.

Performance at the Metropolitan Opera House with orchestra, danced Symphony by Schubert. A big success. What a thrill it was to dance again at the Met, what memories of our appearances together with Isadora! Had supper party at Reiss' studio in the village.

April 10.

We received a cable from Isadora. She wants us to come over and work with her in France from June to October on new programs and also give performances.

\\

6 апреля.

Выступление в Метрополитен-опера с оркестром, танцевальная симфония Шуберта. Большой успех. Какое волнение было снова танцевать в Метрополитен, какие воспоминания о наших выступлениях вместе с Айседорой. Ужин в студии Рейсса в деревне.

10 апреля.

Мы получили телеграмму от Айседоры. Она хочет, чтобы мы приехали и работали с ней во Франции с июня по октябрь на новых программах, а также давали представления.

Happy in the thought of seeing Isadora again and craving the fresh inspiration working with her would bring us, we girls nonetheless found ourselves in a quandary. Should we accept her offer or decline it? We had several important factors to consider. Knowing our foster mother as well as we did, we had no assurance that she would let us return to the States at the appointed time. Sol Hurok, our new manager, had signed us up for another season, a commitment we intended to keep at all costs.

Our newly won emancipation and financial independence had to be maintained, come what might. There was also the question of citizenship papers. Would the State Department allow us to leave? I especially held back from committing myself to this trip abroad. I voiced my doubts to Gus, who wrote his sister: "All the girls are willing to accept your offer. Only Irma is 'holding out.'"

\\

Счастливые мысли о том, что мы снова увидим Айседору и жаждем свежего вдохновения, работая с ней, но мы, девочки, все же оказались в затруднительном положении. Должны ли мы принять её предложение или отклонить его? У нас было несколько важных факторов для рассмотрения. Зная нашу приёмную мать так же хорошо, как и себя, мы не были уверены, что она позволит нам вернуться в Штаты в назначенное время. Сол Хурок, наш новый менеджер, подписал нас на следующий сезон, - обязательство, которое мы намеревались выполнить любой ценой. Наша вновь завоеванная эмансипация и финансовая независимость должны быть сохранены, что бы ни случилось. Был также вопрос о гражданстве. Разве Государственный департамент позволит нам уехать? Я особенно воздерживалась от того, чтобы посвятить себя этой поездке за границу. Я выразила свои сомнения Гасу, который написал его сестре: «Все девушки готовы принять ваше предложение. Только Ирма «воздерживается».

I insisted on a written contract from Isadora, stating the conditions and guaranteeing our release at the end of the season, so we could return in time for our winter engagements. Being a bit psychic, I could not suppress a distinct feeling that, once in Isadora's grip, we would not be able to extricate ourselves. To my utter surprise, she readily agreed to signing a contract with us. But once I held it in my hands, I instantly realized the complete futility of this gesture. It was just a piece of paper.

\\

Я настояла на письменном контракте с Айседорой, заявив об условиях, и гарантиях нашего освобождения в конце сезона, чтобы мы могли вернуться вовремя к нашим зимним боям. Будучи немного экстрасенсом, я не могла подавить явное чувство, что, однажды, оказавшись в руках Айседоры, мы не сможем вырваться. К моему полному удивлению, она с готовностью согласилась заключить с нами контракт. Но как только я взяла его в руки, я мгновенно осознала полную тщетность этого жеста. Это был просто лист бумаги.

In my diary for May 15, I noted, "Our last performance of the season at Carnegie Hall"-not suspecting in the least what my inner voice kept trying to tell me: namely, that this was indeed the end of the Isadora Duncan Dancers as a group of six. The first link in the chain would be broken by Erica. She and Margot never having been particularly outstanding in the dance, Erica decided to make an end of her own dance career. Her ambition now was to study painting with Wienold Reiss. This she did after a summer vacation in Switzerland. As for myself, little did I dream that with destiny pulling unseen strings, I would not set foot on American soil for many years. Here are the last entries of my diary before I left:

\\

В своем дневнике от 15 мая, я отметила: «Наше последнее выступление в сезоне в Карнеги-холл» - нисколько не подозревая, что мой внутренний голос всё время пыталась сказать мне: именно, что это действительно был конец танцовщиц Айседоры Дункан - как группы из шести человек. Первое звено в цепочке будет нарушено Эрикой. Она и Марго никогда не были особенно выдающимися в танце, Эрика решила покончить с собственной танцевальной карьерой. Теперь ей предстояло изучать живопись с Винольдом Рейсом. Это она сделала после летних каникул в Швейцарии. Что касается меня, я мало думала о том, что с судьбой, тянущей невидимые струны, я не ступлю на американскую землю в течение многих лет. Вот последние записи моего дневника до моего отъезда:

April 20.

To Baltimore. It is always lovely in Baltimore, but we had a poor house. And this was a Benefit performance for our manager Mr. Hurok at the Lyric Theatre.

April 21.

Took an early train to Washington. Gus went with us. Matinee at Poli-Schubert Theatre-an old place but a good house. The audience not quite so enthusiastic as last year. Here we met Mr. F. Howe again former Immigration Commissioner when we landed on Ellis Island. He wants to help us with obtaining passports for France. We have still two years to go before we become citizens. So it is necessary to get special permission in order to leave the country.

April 22.

It is so lovely in Washington, everything green and in blossom. Went for a long drive into the surrounding country, after a bit of sight-seeing. Leaving on the midnight train for Altoona. Saturday we dance in Lancaster, Pennsylvania. And then home.

\\

20 апреля.

В Балтимор. Это всегда мило в Балтиморе, но у нас был бедный дом. И это было выгодным выступлением для нашего менеджера г-на Хурока в Лирическом театре.

21 апреля.

Взяли ранний поезд в Вашингтон. Гас поехал с нами. Ужин в Театре Поли-Шуберт - старое место, но хороший дом. Аудитория не так восторжена, как в прошлом году. Здесь мы снова встретили г-на Ф.Хоу, когда-то бывшего

комиссара по вопросам иммиграции, когда мы высадились на острове Эллис. Он хочет помочь нам получить паспорта для Франции. У нас ещё есть два года, прежде чем мы станем гражданами. Поэтому для того, чтобы покинуть страну, необходимо получить специальное разрешение.

22 апреля.

В Вашингтоне так прекрасно, всё зеленое и цветущее. Поехали в долгий путь в соседнюю страну, после небольшого осмотра достопримечательностей. Выезд полуночным поездом до Алтуны. Субботу мы танцуем в Ланкастере, штат Пенсильвания. А потом домой.

Sunday, May 2.

Got up early to go to Yonkers by train where Gene and Max met us with their car. We motored over to Connecticut to visit Art Young then back to Croton for lunch, out of doors picnic style. Dudley Field Malone came. He promised to help with the passports.

May 27.

Anna returned from her trip to Washington where she had an interview with Secretary of State Polk. He gave her a letter with permission to leave the country only temporarily for the purpose of engagements abroad. So all is well. This is Isadora's birthday.

May 29.

Motored out to the Untermeyer estate in Yonkers to have our pictures taken for Vogue in the Greek Garden by Arnold Genthe. We have another cable from Isadora saying she sent the contracts for us to sign.

June 22.

Goodbye America. Sailing at 1 o'clock on the S.S. Leopoldina for France.

\\

Воскресенье, 2 мая.

Поехали рано, чтобы отправиться в Йонкерс на поезде, где Джин и Макс встретили нас со своей машиной. Мы отправились в Коннектикут, чтобы посетить Арт Янг, затем обратно в Кротон на обед на открытом воздухе, в стиле пикника. Пришёл Дадли Филд Мэлоун. Он пообещал помочь с паспортами.

27 мая.

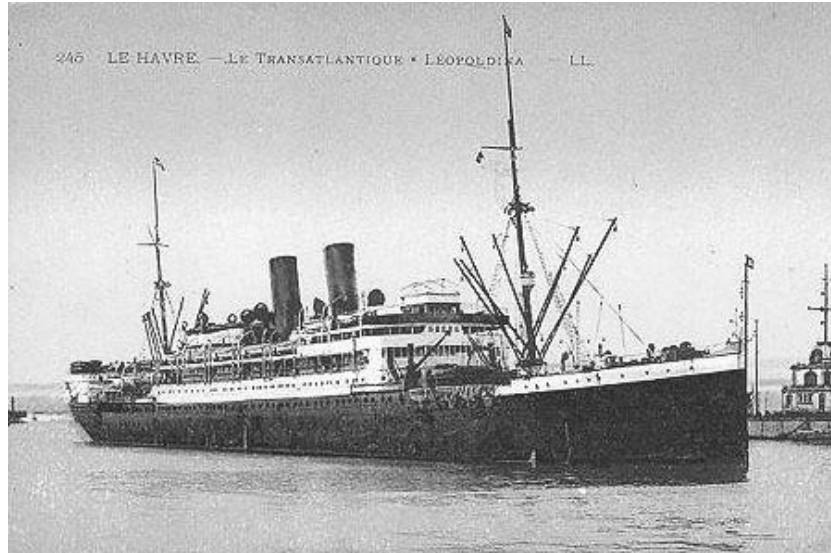
Анна вернулась из своей поездки в Вашингтон, где она имела интервью с государственным секретарем Полком. Он дал ей письмо с разрешения покинуть страну только временно для целей заграничных отношений. Так что всё хорошо. Это день рождения Айседоры.

29 мая.

Двигались в поместье Унтермейер в Йонкерсе, чтобы наши фотографии были сделаны для Вог [Мода] в Греческом саду Арнольдом Генте. У нас есть ещё одна телеграмма от Айседоры, говорящая, что она отправила нам контракты на подпись.

22 июня.

До свидания, Америка. Отплываем в 1 час на С.С.Леопольдина во Францию.

[211], p.187-197 * DUNCAN DANCER * Demeter and Persephone *

-=12=-

Demeter and Persephone Деметра и Персефона

EVER since she went to Greece in 1904, when she thought of founding a school, Isadora had dreamed of bringing her pupils there some day. Soon after we joined her in Paris, she said, "Let us all go to Athens and look upon the Parthenon. I may yet found a school there."

\\

С тех пор как она поехала в Грецию в 1904 году, тогда уже она думала о создании школы, Айседора мечтала привезти своих учеников туда однажды. Вскоре после того, как мы присоединились к ней в Париже, она сказала: «Давайте все отправимся в Афины и посмотрим на Парфенон. Возможно, я нашла там школу».

With the sale of her property at Bellevue-sur-Seine to the French government (something she had been trying to negotiate unsuccessfully for a long time), her dream was to be realized. Her plans called for our departure at the end of July. I remember Paul Poiret giving a fancy farewell party for us with some of his beautiful models at the Oasis Club—a very chic place. As bad luck would have it, that same night poor Anna was stricken with an inflamed appendix. This necessitated a change of plans.

\\

С продажей её собственности в Бельвю-сюр-Сен французскому правительству (это то, о чём она пыталась договориться безуспешно в течение долгого времени), её мечта должна была быть реализована. Её планы привели к нашему отъезду в конце июля. Я помню, как Пол Пуарет давал нам причудливую прощальную вечеринку с некоторыми из его прекрасных моделей в Оазис Клуб

- очень шикарном месте. Как бы не повезло, в ту же ночь бедная Анна была поражена воспаленным аппендиксом. Это потребовало изменения планов.

Isadora had to stay, but she sent Lisa and me, chaperoned by Christine Dallies, ahead to Venice. She told us to wait there. The rest, including her friend and pianist Walter Rummel, intended to follow when Anna could make the journey. Once again, exact details of our trip to Italy and Greece escape me, and I must needs consult my faithful diary.

\\

Айседоре пришлось остаться, но она послала нас с Лизой, сопровождаемой Кристин Даллис, вперед в Венецию. Она сказала нам подождать там. Остальные, включая её друга и пианиста Уолтера Руммеля, намеревались следовать, когда Анна могла бы совершить путешествие. Ещё раз, точные подробности нашей поездки в Италию и Грецию ускальзывают от меня, и мне нужно проконсультироваться с моим верным дневником.

July 31, 1920.

Departing for Venice tonight via Milano. Arrived on Sunday Aug. 1, in a downpour. To make matters worse I caught a painful cinder in my eye. Eager to catch my first sight of the Queen of the Adriatic, I leaned too far out of the train window completely disregarding the warning below, "E pericoloso sporghesi!" A motorboat whisked us out to the Lido and the Hotel Excelsior. Got only a glimpse and even less because of the cinder which inflamed my eye. But what a mysterious, fascinating place is Venice!

\\

Июль 31, 1920.

Отправляемся в Венецию сегодня вечером через Милан. Прибыли в воскресенье 1 августа в ливень. Что еще хуже, я поймала болезненное попадание паровозной гари в глаза. Стремясь поймать мой первый взгляд на королеву Адриатики, я наклонилась слишком далеко от окна поезда, совершенно не обращая внимания на предупреждение ниже: «Опасная копоть!» Моторная лодка отвезла нас в Лидо и в отель Эксельсиор. Получила только мимолетное впечатление и даже меньше из-за золы, которая воспалила мой глаз. Но какое таинственное, увлекательное место - Венеция!

Aug. 2.

Sasha and Dolly Votichenko are also staying at the Lido. Could hardly wait to get back to Venice. St. Mark's is perfectly adorable, the Palais des Doges lovely. I am crazy about Venice and its atmosphere of an operatic stage setting. Had tea at Florian's on the piazza. Did some shopping and had dinner at Bonevechiatti's. Wonderful moonlight ride in gondola along the Grand Canal.

Aug. 3.

Went bathing in the blue Adriatic at Lido Beach directly in front of hotel. After lunch returned to town. Tea at Florian's. Some more shopping and a lengthy promenade around town. Dined again on the little open terrace of Bonevechiatti, an excellent restaurant. The risotto is superb, exactly the way I like it.

Aug. 5.

To Venice and stopped at Florian's for an ice cream. Then down the canal to the station to meet Margot and Theresa. The others won't be long in joining us, they said. Anna is rapidly mending.

\\

2 августа.

Саша и Долли Вотиченко также находятся в Лидо. Не могла дожждаться возвращения в Венецию. Сан-Марко совершенно очарователен, Дворец Дожей прекрасен. Я без ума от Венеции, и её атмосферы оперной сцены. Был чай у Флориана на площади. Делала некоторые покупки и ужинала в БоневЧиатти. Замечательная лунная прогулка в гондоле вдоль Большого канала.

3 августа.

Пошли купаться в голубой Адриатике на пляже Лидо прямо напротив отеля. После обеда вернулись в город. Чай у Флориана. ещё несколько магазинов и длинная прогулка по городу. Обед снова на небольшой открытой террасе БоневЧиатти, отличный ресторан. Ризотто превосходно, точно так, как мне нравится.

5 августа.

В Венецию, и остановились у Флориана, чтобы съесть мороженое. Затем вниз по каналу на станцию, чтобы встретиться с Марго и Терезой. Другие не будут долгое время присоединяться к нам, сказали они. Анна быстро поправляется.

Aug. 7.

Visited the church of San Marco and the Palais des Doges. At Florian's as usual. We expected Isadora today but no sign of her yet.

Sunday, Aug. 8.

They came today. We all went bathing together except Anna who still looks frail and very pale. Isadora invited me for a gondola ride. We dined at the Danieli and watched the Tombola on the piazza afterwards. She appeared to be in a state of shock. Very taciturn and morose. It seems she and the Archangel [Walter Rummel] had a serious quarrel.

Aug. 10.

Who would surprise us today but George Copeland and his friend Arthur. Both have been in Venice for weeks. We introduced him to Isadora since they had not met before. We invited them to luncheon. There is dancing on the terrace tonight. George made a date with us for tomorrow's lunch at Vapoio in Venice including Sasha, Dolly and Isadora.

\\

7 августа.

Посетили церковь Сан-Марко и Дворец Дожей. У Флориана, как обычно. Мы ожидали Айседоры сегодня, но её пока нет.

Воскресенье, 8 августа.

Они прибыли сегодня. Мы все купались вместе, кроме Анны, которая всё ещё выглядит хрупкой и очень бледной. Айседора пригласила меня на поездку на гондоле. Мы пообедали у Даниэли и после этого наблюдали за сорванцом на

площади. Казалось, она в шоке. Очень молчаливая и угрюмая. Кажется, она и Архангел [Уолтер Руммель] имели серьезную ссору.

10 августа.

Кто был сюрпризом сегодня, - Джордж Коупленд и его друг Артур. Оба были в Венеции в течение нескольких недель. Мы познакомили их с Айседорой, так как они не встречались раньше. Мы пригласили их на обед. Сегодня вечером на террасе танцуют. Джордж отправился с нами на завтрашний обед в Вапоис в Венеции, включая Сашу, Долли и Айседору.

Friday, Aug. 13.

Unlucky Friday! And how!! Seems that Anna and the Archangel have fallen in love. Isadora is awfully jealous. She made us all move to the Danieli, forsaking the Excelsior and the Lido. I told Christine: "Cette histoire avec Anna et l' Archangel est vraiment embetante. Il parait qu' elle est amoureuse de lui, mais lui aime encore beaucoup Isadora. Grande tragedie!"

Aug. 14.

After a good luncheon at our favorite place-Bonevechiatti-we went, accompanied by Sasha to show us the way, to the famous Fortuni Shop. We each bought a different color dress. Mine is rose-colored. I love it.

\\

Пятница, 13 августа.

Невероятная пятница! И как!! Кажется, что Анна и Архангел влюбились. Айседора ужасно ревнива. Она заставила всех перебраться к Даниэли, оставив Эксельсиор в Лидо. Я сказала Кристине: «Эта история с Анной и Архангелом действительно раздражает. Кажется, она любит его, но Айседора тоже до сих пор очень любит его. Великая трагедия!»

14 августа.

После хорошего завтрака в нашем любимом месте - Боневехиатти - мы пошли вместе с Сашей, чтобы показать нам дорогу к знаменитому магазину Фортунни. Мы, каждая, купили разные цветные платья. Мне розовое. Я люблю это.

The pleated Fortuni gown came into existence in 1910, when Signor Fortuni designed the first one for Isadora, in the hope she would display it in her performances and help to make him famous. She did not, however, consider his gowns suitable for dancing professionally, and never wore one on the stage. She did invariably wear them at home or to parties and frequently was photographed in one of Fortuni's creations made of fine India silk, often gold-stenciled and with Venetian beads along the sides.

\\

Гофрированное платье Фортунни появилось в 1910 году, когда Синьор Фортунни создал первое для Айседоры, в надежде, что она представит его на своих выступлениях, и поможет сделать его знаменитым. Однако, она не считала свои платья подходящими для профессиональных танцев, и никогда не носила их на сцене. Она неизменно носила их дома или на вечеринках, и часто фотографировалась в одном из творений Фортунни, выполненном из

прекрасного индийского шёлка, часто с золотым рисунком и с венецианскими бусами по бокам.

It amused us to see how the gowns were twisted together and tied with a belt-an exact imitation of the way we treated our dance tunics. To achieve the same pleated effect observed on Greek statuary, we started out by sprinkling the tunics with water. Two girls then got hold of the ends, folding one tiny pleat upon the other, and then gave the whole thing a twist, held together by a ribbon. This had to be repeated after each performance, so the tunics would be in proper shape for the next one. With so many tunics involved, it was a laborious and patience-demanding process. Isadora herself taught us this trick. She must also have shown it to Fortuni, who invented a secret process to keep the gowns artificially though not permanently pleated.

\\

Это забавляло нас, когда мы видели, как платья были скручены вместе и перевязаны поясом - точное подражание тому, как мы относились к нашим танцевальным туникам. Чтобы достичь такого же складчатого эффекта, наблюдаемого в греческой скульптуре, мы начинали с опрыскивания туники водой. Затем две девушки схватывали концы, сложив одну крошечную складку на другую, а затем всё закреплялось лентой. Это нужно было повторять после каждого выступления, поэтому туники были в правильной форме для следующего [выступления]. С таким большим количеством туник, это был трудоемкий и терпеливый процесс. Сама Айседора научила нас этому трюку. Она также должна была показать это Фортуну, который изобрел секретный процесс, чтобы сохранять [структуру] платья искусственно, хотя и не надолго.

We girls always longed to own one of these long, clinging tunics that give women the beauty of archaic Greek statues. Only now could we afford to buy them. We soon discovered their one big flaw. It was absolutely fatal to sit down in these gowns-the pleats all disappeared! If I may be allowed a bad pun: an un-fortunate situation, indeed, which permanent pleating corrects in modern dresses.

Society ladies with an artistic bent eventually took up the fad of wearing Fortuni dresses, another instance of the influence exerted by Isadora Duncan on the world of fashion.

\\

Мы, девочки, всегда жаждали иметь одну из этих длинных, цепляющихся туник, которые придают женщинам красоту архаичных греческих статуй. Только теперь мы можем позволить себе их купить. Вскоре мы обнаружили их один большой недостаток. Было просто смертельно сесть в этих халатах - складки исчезали! Если мне может быть позволен плохой каламбур: действительно неудобная ситуация, которую в современных платьях исправляет постоянная складка (плиссировка).

Общество дам с художественным уклоном, в конце концов, начали носить модные платья Фортуну, что было ещё одним примером влияния Айседоры Дункан на мир моды.

Monday, Aug. 16.

After luncheon we rented a gondola for the Lido where we met Isadora. At sunset we returned and had dinner on Isadora's balcony at the Hotel Britannia. Steichen arrived tonight. We are getting ready to leave for Greece tomorrow.

Aug. 17.

We got up at six A.M. only to find that all the motorboats are on strike. Were obliged to rent gondolas with all our baggage and row way out into the middle of the harbour in order to board the Austrian vessel, S.S. Canonica. Luckily it was a lovely warm day. The Adriatic's deep blue color is quite startling to see after the dull, muddy waters of the canal.

\\

Понедельник, 16 августа.

После обеда мы арендовали гондолу до Лидо, где мы встретили Айседору. На закате мы вернулись и поужинали на балконе у Айседоры в отеле Британия.

Штайнэн прибыл сегодня вечером. Мы собираемся завтра отправиться в Грецию.

17 августа.

Мы встали в шесть утра, чтобы обнаружить, что все моторные лодки объявили забастовку. Мы, со всем нашим багажом, были вынуждены арендовать гондолы и прокладывать путь в середину гавани, чтобы сесть на австрийское судно Канония. К счастью, это был прекрасный тёплый день. Глубокий синий цвет Адриатики довольно поразителен, когда видишь такое после тусклых, грязных вод канала.

Aug. 18.

Reached Bari late in the day. A hot little town. Had dinner and went to the hot little theatre where we saw a Neapolitan group of actors perform a completely incomprehensible play with all the exaggerations of a Polichinelle show. Didn't like it. Tomorrow we expect to reach Brindisi.

Aug. 19.

Brindisi looks exactly the way I remembered it from my last visit on our way to Egypt. Same old place with same old stairs leading up to an uninteresting town.

Aug. 20.

Stopped at Corfu for a few hours, visited the former German Kaiser's villa-the Achillion. Wonderful view from up there. The sea so blue and the islands in the distance like rosy clouds.

\\

18 августа.

Дошли до Бари в конце дня. Горячий городок. Пообедали и отправились в горячий маленький театр, где мы увидели, как неаполитанская группа актёров исполняет совершенно непонятную пьесу со всеми преувеличениями шоу Поличинелле. Не понравилось. Завтра мы ожидаем достичь Бриндизи.

19 августа.

Бриндизи выглядит точно так, как я это помню, с моего последнего визита по дороге в Египет. Это же старое место с той же старой лестницей, ведущей в неинтересный город.

20 августа.

Остановившись на Корфу в течение нескольких часов, посетили бывшую немецкую кайзерскую виллу - Ахиллион. Прекрасный вид оттуда. Море такое синее и острова вдали, как румяные облака.

Sunday, Aug. 22.

Passed the Isthmus of Corinth very early in the morning. At high noon in ferocious heat set foot on Attic soil. Landed at Piraeus and immediately motored out to Falere near the sea. Not much of a place. I didn't care for it nor did the other girls. We returned to Athens and engaged rooms at the Grande Bretagne. The ones that face the square and open into a long balcony-terrace. Isadora occupied the end suite on the right. At the Zappeion Garden we bought the fragrant white jasmine blossoms for our hair from the boy flower vendors who followed us-shouting with shrill, high voices: "Smeen! Smeen!" until we gave in. Had a gay dinner there. Greek food-caille aux riz, black olives, stuffed eggplant washed down with Resin wine and to the accompaniment of Greek zither music. Afterwards looked at the Temple of Zeus in the moonlight. Beautiful!

\\

Воскресенье, 22 августа.

Прошли перешеек Коринфа очень рано утром. В полдень при свирепой жаре ступили по аттической почве. Приземлились в Пирее и сразу же отправились к Фалерону у моря. Не так много места. Меня и других девушек это не взволновало. Мы вернулись в Афины и заняли комнаты в Гранд-Бретани. Те, которые стоят на площади и открываются в длинную балконную террасу. Справа Исадора заняла конечную квартиру. В саду Заппейон мы купили ароматные белые цветы жасмина для наших волос, у продавцов цветов, мальчишек, которые следовали за нами, крича с пронзительными высокими голосами: «Смиин! Смиин!» пока мы не сдались. Там был весёлый ужин. Греческое меню - рисовый перепел, чёрные оливки, фаршированные баклажаны, запиваемые смолистым вином, и под аккомпанемент цитра греческой музыки. Затем посмотрели на Храм Зевса в лунном свете. Красиво!

Aug. 23.

I forgot to record yesterday that the first thing Isadora did after we unpacked at the hotel was to show us Copanos, the Greek house she started to build in 1904 when she first visited Athens. It was never finished and only one room has a roof over it. There is no water, and goats were stabled here, by the looks of things. She wants to have it cleaned and to furnish it with a grand piano for a studio. What optimism. The heat is atrocious, I nearly succumbed to it. Only the marvelous view of the Acropolis opposite made it all worth while.

\\

23 августа.

Я забыла записать вчера, что первое, что сделала Айседора после того, как мы распаковали вещи в отеле, это показала нам Копанос, греческий дом, который она начала строить в 1904 году, когда впервые посетила Афины. Оно [строительство] никогда не заканчивалось, и только одна комната имела над ней крышу. Не было воды, и здесь было пристанище для коз, судя по всему. Она захотела, чтобы эта комната была очищена, и снабдила её роялем для студии. Какой оптимизм. Жара ужасна, я почти поддалась ей. Только чудесный вид Акрополя напротив сделал всё это стоящим.

Aug. 24.

Modern Athens is not particularly attractive, I noticed going shopping. Saw some lovely Amazon statues at the National Museum. Isadora and the rest went up to the Acropolis to look at the Parthenon. I refused to go. She was displeased. I intend to wait till there is a full moon and, if possible, go up there alone. At a moment like that I don't relish crowds.

\\

24 августа.

Современные Афины не особенно привлекательны, я заметила, когда ходила по магазинам. Видела несколько прекрасных статуй Амазонок в Национальном музее. Айседора и остальные поехали в Акрополь, чтобы посмотреть на Парфенон. Я отказалась ехать. Она была недовольна. Я намереваюсь дождаться полнолуния и, если возможно, идти туда одной. В такой момент я не люблю толпы.

Aug. 27.

Full moon! As luck would have it, the nice young man I met on the boat coming to Greece called on me after dinner. He asked me to see the Parthenon by moonlight. By a strange coincidence, no other visitors were up there.

Overcome himself by the glorious sight, he let me wander off in silence as I wanted to be alone. An unearthly vision of beauty -no words can describe it. In the moonlight the marble shimmered snowy white, the way it must originally have appeared. Its daytime color is orange.

\\

27 августа.

Полнолуние! Как повезло, хороший молодой человек, которого я встретила на лодке в Грецию, позвал меня после обеда. Он попросил меня посмотреть на Парфенон в лунном свете. По странному совпадению никаких других посетителей не было.

Преодолевая себя славным зрелищем, он позволил мне бродить молча, так как я хотела побыть одна. Неземное видение красоты - никакие слова не могут это описать. В лунном свете мрамор мерцал снежно-белым, как он должен был первоначально появиться. Его дневной цвет оранжевый.

Early this morning, Isadora, showing herself very restless, suddenly ordered an open touring car. She invited Edward [Steichen], Lisa, Margot and myself to accompany her on a trip to Aulis and Chalcis. We rushed northward raising a cloud of dust behind us. Coming down the mountain near the island of Euboea we stopped to gaze at one of the most surprisin~ly beautiful views in the world-the seashore of Chalcis. There, in Euripides' legend, Iphigenia and her handmaidens played on the shore. How often, in our imagination, had we simulated their Attic games there in our dances to the music of Gluck! What a thrill actually to see it there below us in the sunlight. Were in time for luncheon at the hotel. In the evening walked along the shore where Iphigenia and her maidens trod of yore. Had a nice dinner at San Stephan by the sea.

\\

Этим утром рано Айседора, повела себя очень беспокойно, вдруг приказала открыть гастрольный автомобиль. Она пригласила Эдварда [Стейхена], Лизу, Марго и меня, чтобы сопровождать её в поездке в Аулис и Халкиду. Мы бросились на север, поднимая облако пыли позади нас. Спустившись по горам у острова Эвбея, мы остановились, чтобы посмотреть на один из самых удивительных видов света в мире - на побережье Халциса. Там, в легенде Еврипида, Ифигения и её служанки играли на берегу. Как часто в нашем воображении мы моделировали свои аттические игры в наших танцах на музыку Глюка! Какой трепет, на самом деле, увидеть его там, под нами, на солнце. Были вовремя для завтрака в отеле. Вечером гуляли вдоль берега, где Ифигения и её девы бродили давным-давно. Приятный обед в Сан-Стефане у моря.

Aug. 30.

Continued down the coast to view the Temple and Theatre of Dionysos. Just a few stones left, and overgrown with vegetation. Steichen, having forgotten in the hurry of sudden departure to bring his camera along, asked me to lend him my little Brownie. He snapped a few pictures of us three girls and Isadora in the ancient theatre. After lunch we motored back to Athens via Thebes. There is great excitement in Athens over the arrival of Venizelos. We watched him pass from the hotel balcony.

\\

30 августа.

Продолжили вниз по побережью, чтобы осмотреть храм и театр Диониса. Осталось всего несколько камней, заросших растительностью. Стейхен, забыв в спешке внезапного отъезда взять свою камеру, попросил меня одолжить ему моего маленького Брауни. Он щёлкнул несколько фотографий нас, трёх девушек и Айседору, в древнем театре.

После обеда мы отправились обратно в Афины через Фивы. В Афинах происходит большое волнение по прибытии Венизелоса. Мы смотрели, как он вышел на балкона отеля.

The month of August had passed pleasantly. But in September all sorts of unpleasant things occurred. To begin with, Theresa had a nearly fatal sunstroke. I nursed her day and night applying cold compresses over her feverish body till a doctor could be summoned, it being a holiday. He said my treatment saved her life. Then Anna had to go to the hospital with an infection and Margot, too, was unwell. Lisa caught a bad cold, and later I myself came down with a strep throat. The Greek doctor told me to gargle with lemon juice. Isadora suffered mostly from bad humor on that never-to-be-forgotten trip to Greece.

\\

Август прошел приятно. Но в сентябре произошли всевозможные неприятные вещи. Для начала у Терезы был почти смертельный солнечный удар. Я кормила её день и ночь, применяя холодные компрессы над её лихорадочным телом, пока не вызвали врача, это был праздничный день. Он сказал, что моё лечение спасло ей жизнь. Затем Анна должна была пойти в больницу с инфекцией, и Марго тоже нездоровилось. Лиза простудилась, и позже я сама свалилась с горлом. Греческий врач сказал мне полоскать горло лимонным соком. Айседора страдала в основном от плохого настроения в этой никогда не забываемой поездке в Грецию.

So it happened that she only started to work with us on September 25, in the Zappeion Museum, where the government provided her with a large hall. Three years had elapsed since last we worked together. She started on the Seventh Symphony of Beethoven, parts of which we knew and had performed with her in New York. Following that, she taught us the Scherzo of Tchaikowsky's Sixth. Two weeks before we began to work with her, she told us quite frankly that she opposed our return to the States. This was my turn to say to the other girls, "I told you so!" It did not exactly come as a surprise to me. Several days later, when we failed to show up in New York

on the prescribed date, we received a cable from our American manager. He threatened us with breach of contract and heavy costs. Lisa and I offered to come immediately, but he wanted all six or none. A huge argument resulted with Isadora. I suggested quite logically, so it seemed to me, in order to evade a lawsuit, that we fulfill our contract and then return to her. But she would have none of this.

"I did not bring you up and teach you my art, only to have you exploited by theatrical managers," she admonished us.

\\

Так получилось, что она начала работать с нами только 25 сентября в Музее Заппиона, где правительство предоставило ей большой зал. Прошло три года с тех пор, как мы работали вместе. Она начала Седьмую симфонию Бетховена, часть которой мы знали и выступали с ней в Нью-Йорке. После этого она обучила нас Скерцо Чайковского. За две недели до того, как мы начали работать с ней, она откровенно рассказала нам, что она против нашего возвращения в Штаты. Это была моя очередь сказать другим девушкам: «Я же говорила!» Это не стало для меня неожиданностью. Несколько дней спустя, когда мы не смогли появиться в Нью-Йорке в назначенный день, мы получили телеграмму от нашего американского менеджера. Он угрожал нам нарушением контракта и большими расходами. Мы с Лизой предложили немедленно приехать, но он хотел всех шестерых или никого. Жаркий спор привёл нас к Айседоре. Я предположила, вполне логично, как мне казалось, что для того, чтобы уклониться от судебного процесса, мы выполним наш контракт, а затем возвратимся к ней. Но у неё не было [в мыслях] ничего из этого.

«Я не воспитывала и не учила вас своему искусству, только ради того, чтобы вас эксплуатировали театральные менеджеры», - предупредила она нас.

She wanted us to perform only under her guidance and to help her found a school for a thousand children in Greece. Most of the other girls had meekly given in to her wishes. I made the big mistake of growing more obstinate and infuriated by the minute. And when I do, I am bound to say almost anything. This unreasonable attitude of hers aroused all my ire. In the heat of the argument, which developed into an angry dialogue, the other girls not saying a word, I really lost my temper. She said I had an ugly Broadway spirit and if I felt that way I had better return to America. With that, I stormed out of her suite and rushed straightaway to the steamship office, still smarting from the verbal blows. Back at the Hotel d'Angleterre, where we girls lived, I sat down and tried to be calm. My anger is soon spent; I seldom harbor grievances for long. I regretted the vehemence of my unguarded utterances. On calmer judgment, I sat down and wrote her a letter, trying to explain my motives and all those things one really can't explain, that remain the secrets of a human heart.

\\

Она хотела, чтобы мы выступали только под её руководством, и помогли бы ей основать школу для тысячи детей в Греции. Большинство других девушек смиренно подчинялись её желаниям. Я совершила большую ошибку, став более упрямой и взбешенной на некоторое время. И когда со мной такое происходит, я обязана сказать почти всё. Это её неразумное отношение вызвало весь мой

гнев. В разгар спора, который разразился сердитым диалогом, другие девушки не произнесли ни слова, а я действительно разозлилась. Она сказала, что у меня есть уродливый дух Бродвея, и если бы я чувствовала его, то мне лучше вернуться в Америку. С этими словами я выбежала из её апартаментов и сразу же бросилась в офис пароходства, всё ещё ощущая боль от словесных ударов. Вернувшись в отель Англетеерр, где мы, девочки, жили, я села и попыталась успокоиться. Мой гнев скоро разошёлся; Я редко жалуясь на обиды. Я сожалела о чрезмерности моих неосторожных высказываний. Успокоившись, я села и написала ей письмо, пытаюсь объяснить мои мотивы, и все те вещи, которые действительно невозможно объяснить, которые остаются секретами человеческого сердца.

Hotel d'Angleterre, Athens, Sept. 30, 1920.

Dear Isadora: I inquired at the steamship office and there is a very good boat sailing for New York on the 10th of October. I think I had better book a passage on it-this will be the most convenient way to get rid of me. I quite understand that a "cheap Broadway spirit" has nothing to do with your art. Because, if that is all you see in me, I should certainly not remain another day with you.

\\

Отель Англетеерр, Афины, 30 сентября 1920 года.

Дорогая Айседора: Я запросила в офисе пароходства, и 10 октября на Нью-Йорк плывет очень хорошее судно. Я думаю, мне лучше забронировать место на нём - это будет самый удобный способ избавиться от меня. Я вполне понимаю, что «дешёвый дух Бродвея» не имеет никакого отношения к твоему искусству. Потому что, если это всё, что ты видишь во мне, то я, разумеется, не останусь с тобой ни на один день.

Words are futile. I really cannot explain my true nature to you. It is, at times, even too complicated for me. Your art which is the highest expression of all that is pure and divine in man, makes those who practice it-if they are pure at heart-purer. And if they are great-greater. But a spirit that is fundamentally not simple and naive cannot so easily be molded. I cannot change my inner self, nor can you.

\\

Слова бесполезны. Я действительно не могу объяснить тебе свою истинную природу. Иногда это слишком сложно для меня. Твоё искусство, которое является высшим выражением всего, что является чистым и божественным в человеке, делает тех, кто его практикует, - если они чисты сердцем, - чище. А если они велики - великими. Но дух, который принципиально не прост и наивен, не может быть так легко сформирован. Я не могу изменить своё внутреннее «я», как и ты.

One thing I am unable to comprehend: How is it that you, with your intelligence and intuition, have not been able correctly to judge my character before? I think it is rather too late now. What a waste and what a crime! For another person might have

profited in my stead and been of real help to you. Someone to be proud of, and of real value to you, who could be a fine example to those hundreds who are going to follow.

\\

Одна вещь, которую я не могу понять: как ты, с твоим интеллектом и интуицией, не смогла правильно судить о моём характере раньше? Я думаю, что сейчас уже слишком поздно. Какая утрата и какое преступление! Ибо другой человек мог бы получить выгоду вместо меня и оказал бы вам реальную помощь. Кто-то, кем можно гордиться, и кто имеет реальную ценность для тебя, кто может стать прекрасным примером для тех сотен, кто будет следовать за тобой.

I don't feel I can thank you for what you have done for me, since it has apparently all been in vain. On the contrary, I would rather curse the day you took my hand and led me to your school. Your hand has always pointed upward. This made us sense there is something beyond-something more important than life. And willingly I wanted to be led. Now, you turn around with a frown on your face and point a finger of scorn at me and say that you see into my soul and what you see is . . . Isadora, do you really think you have the eyes of God?

\\

Я не чувствую, что могу поблагодарить тебя за то, что ты сделала для меня, так как, похоже, всё было напрасно. Напротив, я предпочла бы проклинать тот день, когда ты взяла меня за руку и повела в свою школу. Твоя рука всегда указывала вверх. Это заставило нас почувствовать, что есть нечто более важное, чем жизнь. И я охотно хотела, чтобы меня вели. Теперь ты поворачиваешься с хмурым взглядом на лице, направляешь на меня презрительный палец, и говоришь, что ты видишь мою душу, и то, что ты видишь, это... Айседора, ты действительно думаешь, что у тебя есть глаза Бога?

Maybe only very earthly, petty things are obscuring your vision. Perhaps, if you had tried to peer into my soul with a little more understanding, you would truly have been able to see. I am a queer girl, one must take me as I am. If you could have done so, who knows, I might have been of genuine service to you until my death. But I don't believe in sacrifice. You did not sacrifice your life either for the sake of your school. The idea of the school has always been your salvation. In your worst moments of anguish and misery it has been your only joy and inspiration. But it has not been everything in your life! How then can you expect that I should devote mine entirely to the future of the school?

\\

Может быть, только исключительно земные, мелкие вещи скрывают твоё видение. Возможно, если бы ты попыталась заглянуть в мою душу с небольшим пониманием, то ты бы действительно смогла это увидеть. Я странная девушка, надо принимать меня такой, какая я есть. Если бы ты могла это сделать, кто знает, я могла бы быть подлинным служителем тебе до самой смерти. Но я не верю в жертву. Ты не пожертвовала своей жизнью ради своей школы. Идея школы всегда была твоим спасением. В твоих худших моментах мучений и

страданий это была твоя единственная радость и вдохновение. Но это не всё в твоей жизни! Как тогда ты можешь ожидать, что я должна полностью посвятить себя будущему школы?

Two days later I received a message delivered by hand:

Dearest Irma-

I have just received your letter. I can't answer it now but will tomorrow. I think there is a great deal of misunderstanding. At any rate, you must confess that the things you say sometimes would make a saint angry. Whatever you decide and whether you really want to go back to New York or not, please don't doubt of my very great love for you who are to me exactly like my own little girl. And if I become so furious it is only that I want your future to be splendid. I am probably stupid to take the small things you say in earnest.

I will answer your letter tomorrow. With a kiss and all my love-Isadora

\\

Через два дня я получила сообщение от руки:

«Дорогая Ирма -

Я только что получили твоё письмо. Я не могу ответить сейчас, но отвечу завтра. Я думаю, что есть много недоразумений. Во всяком случае, ты должна признать что то, о чём ты говоришь, иногда вызывает злобную сердитость. Независимо оттого, что ты решишь и захочешь ли ты вернуться в Нью-Йорк или нет, не сомневайся в моей очень большой любви к тебе, которая для меня то же самое, что моя маленькая девочка. И если я становлюсь такой яростной, это только потому, что я хочу, чтобы ваше будущее было великолепным. Я, наверное глупа, чтобы брать во внимание мелочи, которые вы говорите всерьез. Я отвечу на твоё письмо завтра. С поцелуем и всей моей любовью - Айседора.

I waited anxiously for her letter, glad that she held no rancor and much comforted by her nice note. When the messenger appeared next day at my hotel, he handed me an envelope that contained not only her letter of explanation but also a picture. The picture was self-explanatory. It portrayed the Greek goddess Demeter, Mother Earth, handing on a torch to her young daughter Persephone, the new life, bringing light to the world.

\\

Я с тревогой ждала её письма, радуясь, что у неё не было никакой злобы, и мне была очень приятна её замечательная записка. Когда посланник появился на следующий день в моём отеле, он вручил мне конверт, в котором содержалось не только её объяснительное письмо, но и фотография. Картина была само собой разумеющейся. На ней была изображена греческая богиня Деметра, Мать-Земля, передающая факел её маленькой дочери Персефоне, новой жизни, приносящей свет миру.

Dear Irma-

I answer your letter. In the first place, do not believe the words which were wrung from me in anger by your extraordinary exasperating attitude. Blot out the "Broadway" phrase, it has nothing to do with you or me. And as for "Getting rid of you," it is because you are so precious to me and to my art that I have made such an effort to tell you the real future of the work, which is not for you or me but for the generations to come.

\\

Дорогая Ирма -

Я отвечаю на твоё письмо. Во-первых, не верь словам, которые были извлечены из меня в гневе твоим необычайно раздражающим отношением. Вычеркни фразу «Бродвей», это не имеет никакого отношения к тебе или мне. А что касается «избавления от тебя», это потому, что ты так дорога мне и моему искусству, что я приложила столько усилий, чтобы рассказать тебе о реальном будущем работы, которая не для тебя или для меня, а для будущих поколений.

As for sacrifice-take one example. When in December, 1914, Paris Singer said to me, "If you have the courage to start your school now, I will give you the house in Bellevue and 100,000 francs a year to do it with," I hesitated, for the idea of seeing little children at that time meant absolute torture to me. But I answered, "yes," for the thought this opportunity might never come again and it would be a crime to deprive those children.

No one will ever know what it cost me to teach those children at Bellevue. Often, in the midst of a lesson, I went upstairs and cried with agony, "No, I can't look at them!" But the next day I tried again.

I think in fact it was this fearful struggle that killed the little Baby that was my only hope. And you know since then I have not been able to look at a child without bursting into tears. And yet, I am willing to take them again and teach them. Is not that sacrifice?

\\

Что касается жертвоприношения - возьми один пример. Когда в декабре 1914 года Парис Зингер сказал мне: «Если у тебя хватило смелости начать свою школу сейчас, я дам тебе дом в Бельвю и 100,000 франков в год, чтобы сделать это», - я колебалась, идея видеть маленьких детей в то время означала для меня абсолютную пытку. Но я ответил «да», поскольку эта возможность может никогда не прийти снова, и было бы преступлением лишиться этих детей. Никто никогда не узнает, что мне стоило учить этих детей в Бельвю. Часто, в разгар урока, я поднималась наверх и кричала от агонии: «Нет, я не могу смотреть на них!» Но на следующий день я снова пыталась что-то делать. Я думаю, на самом деле, именно эта страшная борьба убила маленького ребёнка, который был моей единственной надеждой. И с тех пор, ты знаешь, что я не могла смотреть на ребёнка, не расплакавшись. И всё же я готова брать их снова и учить их. Разве это не жертва?

And such a useless sacrifice, as all Bellevue is gone and the little children that were there have come to nothing.

I only have a few more years to do it. Won't you help me? Before I die, at least one hundred beings must understand the work and give it to others.

You irritated me the other day by the stupid things you said until I would have said anything. But my expression and tears often when you dance must have proved to you that I found it beautiful. I want it to be more so and glorious, especially the Beethoven.

\\

И такая бесполезная жертва, как и весь Бельвю, и маленькие дети, которые были там, ни к чему не привели.

У меня есть ещё несколько лет, чтобы это сделать. Ты не поможешь мне?

Прежде чем я умру, по крайней мере, сто существ должны понимать мою работу и уметь отдавать её другим.

Вы раздражали меня на днях глупыми вещами, которые вы говорили, поэтому я была готова сказать что угодно. Но моя экспрессия и слезы часто, когда вы танцуете, должно быть, доказали вам, что я нашла то, что вы делаете красивым. Я хочу, чтобы это было так, и ещё более великолепным, особенно Бетховен.

I don't ask any of you to sacrifice all your life for the school. I only want you to give me a part of each year to helping me. The rest of the year you may tour as you like. And above all, I want you to learn the Iphigenie, the Orphee, the Beethoven and all to a state of perfection, or as near it as possible, before dancing it in a theatre.

Come this morning to work. Forgive anything I have said that wounded you-I did not mean it. You are for me always my little Irma whom I love most dearly. And I am for you-your friend.

Isadora

\\

Я не прошу никого из вас принести в жертву всю свою жизнь за школу. Я только хочу, чтобы вы дали мне часть каждого года, чтобы помочь мне. В оставшуюся часть года вы можете отправиться в турне по своему усмотрению.

И, прежде всего, я хочу, чтобы вы изучили Ифигению, Орфея, Бетховена и всё остальное до состояния совершенства, или как можно ближе, прежде чем танцевать это в театре.

Приходи сегодня утром на работу. Прости за всё, что я сказала, что ранило тебя... Я не это имела в виду. Ты для меня всегда моя маленькая Ирма, которую я очень люблю. И я для тебя, твой друг.

Айседора

Dear, dear Isadora:

I read your beautiful letter and I think if we don't speak to each other we understand each other better. I also want to ask you a hundred times pardon for everything I have said-it must all have been very insulting to you. For there is nothing in this wide world too beautiful that I could say or do to compensate you for all that you have given me spiritually and materially. I do want to aid you in every way possible so that your wonderful idea shall be realized. And on the day we actually see a hundred children dance, I too will shed tears of joy. You are right; we should all agree to work part of the time together as you suggest. I am willing to wait and not perform till we have perfected our work. We look up to you to guide us and let us know when the time has come.

I want you to know that I love you more than my own mother. I cannot show you my affection but it is all in my heart.

-Love,

Irma

October 1, 1920.

\\

Дорогая, дорогая Айседора:

Я прочитала твоё прекрасное письмо, и я думаю, что если мы не будем говорить друг с другом напрямую, то мы будем лучше понимать друг друга. Я также хочу попросить у тебя сто раз прощения за всё, что я сказала, - всё это было для тебя очень обидно. Потому что в этом обширном мире нет ничего прекрасного, что я могла бы сказать или сделать, чтобы возместить тебе всё, что ты дала мне духовно и материально. Я хочу помочь тебе всеми возможными способами, чтобы твоя замечательная идея была реализована. И в тот день, когда мы на самом деле увидим, как танцуют сотни детей, я тоже буду проливать слезы радости. Ты права; мы все должны согласиться работать часть времени вместе, как ты предлагаешь. Я готова ждать и не исполнять ничего, пока мы не усовершенствовали нашу работу. Мы надеемся, что ты направишь нас и сообщишь нам, когда придёт время.

Я хочу, чтобы ты знала, что я люблю тебя больше, чем мою собственную мать. Я не могу показать тебе свою любовь, но это всё в моём сердце.

- Люблю,

Ирма

1 октября 1920 года.

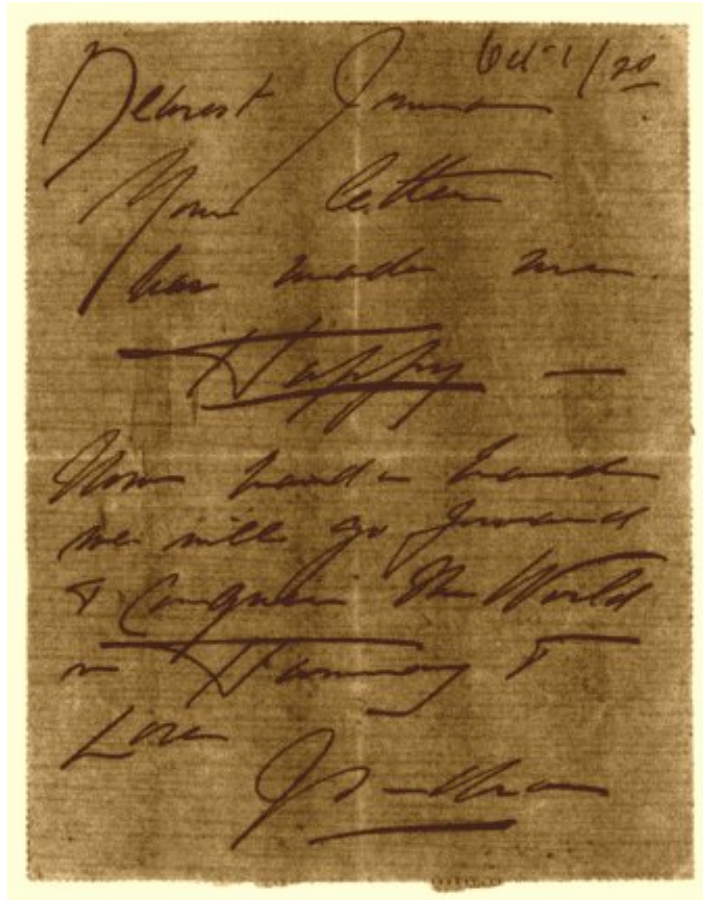
Dearest Irma-
your letter has made me happy. Now, hand in hand, we will go forward and conquer
the world in harmony and love.

-Isadora

\

Дорогая Ирма -
 твоё письмо сделало меня счастливой. Теперь, рука об руку, мы пойдём вперёд
 и покорим мир в гармонии и любви.

-Исадора

Isadora to Irma, October 1, 1920: "Your letter has made me Happy-"

-=13=-

The School Is Dead, Long Live the School **Школа мертва, Да здравствует школа**

THE bite of a pet monkey that killed the King of Greece decided our departure. The performances we planned to give in Athens had to be canceled. We left toward the end of October for Paris.

\\

Укус любимой обезьяны, убившей короля Греции, решил наш отъезд. Спектакли, которые мы планировали дать в Афинах, должны были быть отменены. Мы уехали в конце октября в Париж.

There is a street in Passy, which George du Maurier describes in his Peter Ibbetson as the "Street of the Pump," winding its way to Paris through the Arc de Triomphe at one end and to the river Seine at the other. He called it a delightful street where the "butcher, the baker, the candlestick-maker" still had their boutiques within the residential quarter. Here Isadora bought a house because of the large room in the rear, called "Salle Beethoven," where intine concerts could be given. She converted it into a studio with the same blue curtains and carpet. We girls had rooms in a small hotel nearby.

\\

В Пасси есть улица, которую Джордж дю Морье описывает в своем «Петер Иббетсон», как «Улица Насос», изгибающая свой путь в Париж через Триумфальную арку на одном конце и на реку Сена на другой. Он назвал это восхитительной улицей, где «мясник, пекарь, производитель подсвечников» всё ещё имели свои бутики в жилом квартале. Здесь Айседора купила дом из-за большой комнаты на тыльной стороне, называемой «Комната Бетховена», где можно было проводить интимные концерты. Она превратила её в студию с такими же синими занавесками и коврами. У девушек были комнаты в небольшом отеле неподалёку.

What little money we had saved from our tours in the States dwindled alarmingly. In order to economize, we rented a small furnished apartment on the Rue Eugene Manuel, in Passy, a short distance away from Isadora's house. Here we were left to struggle along financially as best we could; for one moment our foster mother lavished everything on her adopted children, the next she withdrew her support. That is why we were so eager to give performances. As always, we had to wait for Isadora's consent. We chafed under this inactivity, having no outlet for our pent-up energies. But, being young, we managed to enjoy life from day to day, whatever it might bring. We hired a cook from the provinces, a bonne at oute faire, who went on her daily errand dressed in a black shawl with a market basket on her arm.

\\

Те небольшие деньги, которые мы сэкономили на наших турах по Штатам, тревожно истощались. Чтобы сэкономить, мы арендовали небольшую меблированную квартиру на улице Юджин Мануэль, в Пасси, недалеко от дома Айседоры. Здесь нам оставалось вести финансовую борьбу как можно лучше; в одно мгновение наша приёмная мать расточала всё на своих приёмных детей, в следующий раз она отказывалась от своей поддержки. Вот почему мы так стремились к выступлениям. Как всегда, нам пришлось ждать согласия Айседоры. Мы растерялись в этом бездейственности, не имея выхода для наших напряженных энергий. Но, будучи молодыми, нам удавалось наслаждаться жизнью изо дня в день, что бы она не приносила. Мы наняли повариху из провинции, счастливого человека, которая выполняла своё ежедневное поручение, одетая в чёрную шаль, с корзиной для покупок на руке.

Like all French women, she had the culinary touch with a Gallic flavor, and I can still see us girls sitting at the round table in our tiny salle a manger, relishing every savory morsel. The lamp with a green shade suspended from the ceiling directly over the dining table created a warm, homey atmosphere. As soon as the table was cleared, with no neighborhood movies available to attend, we sought amusement in a game of whist.

\\

Как и у всех француженок, у неё было кулинарное меню с галльским вкусом, и я всё ещё вижу нас, девушек, сидящих за круглым столом в нашей крошечной столовой, наслаждающихся каждым пикантным куском. Лампа с зеленым оттенком, подвешенная к потолку прямо над обеденным столом, создавала тёплую, домашнюю атмосферу. Как только стол был очищен, без синематек [кинотеатров] поблизости, доступных для посещения, мы искали развлечения в игре вист.

Working at the studio on Rue de la Pompe, we frequently lunched with Isadora and Rummel. On those occasions she would take the precaution of drawing the dark velvet curtains over the windows to shut out the brilliant spring sunshine, which left us in the dark except for a red Japanese lantern burning on the side table. She said it created a more restful light. But it also erased all those fine encroaching lines and wrinkles on the face of any woman in her forties, a little vanity on the part of the famous dancer that fooled no one. Sunday was her day at home when friends dropped in for tea. I often went with her to shop in an American bakery on the Rue de Bac for her favorite-coconut cake. Afternoon tea was a daily habit with her.

\\

Работая в студии на Рю де ла Помпе, мы часто обедали с Айседорой и Руммелем. В этих случаях она принимала меры предосторожности, чтобы закрыть тёмные бархатные шторы над окнами, и закрыть блестящий солнечный свет, которые оставляли нас в темноте, за исключением красного японского фонаря, горевшего на боковом столике. Она говорила, что это создавало более спокойный свет. Но он также стирал все эти прекрасные штриховые линии и морщины на лице любой женщины лет сорока, - немного тщеславия со стороны

знаменитой танцовщицы, которая никого не обманывала. В воскресенье был её день дома, когда друзья заходили на чай. Я часто ходила с ней в магазин в американской пекарне на улице де Бак за её любимым кокосовым пирогом. Послеобеденный чай был ежедневной привычкой.

That winter and spring of 1921 turned out to be quite a social season. We attended the theatre frequently, concerts galore. The Ukrainian Chorus was the big attraction in Paris that season, and the elegant Bal Noire et Blanc at the Champs Elysee Theatre. We often had friends take us to night clubs such as the Peroquet, where the American Negro entertainer Josephine Baker held forth.

\\

Эта зима и весна 1921 года оказались довольно светским сезоном. Мы часто посещали театр, концерты в изобилии. Украинский хор был большой достопримечательностью в Париже в этом сезоне, а также элегантный Чёрный и Белый Шар в Елисейском театре. У нас часто были друзья, которые водили нас в ночные клубы, такие как Пероке, где выступала американская негритянская артистка Жозефина Бейкер.

I must interrupt my story here to point out and correct some popular misconceptions. In all my life with Isadora I never attended a so-called "orgy," staged either by her or by anyone else, as the newspapers loved to misrepresent. A champagne party and supper where guests dance, cut funny capers, and generally enjoy themselves in public cannot exactly be termed an "orgy"! That happened every day in the social world I used to know and is a festive occasion most people have enjoyed at least once in their lives.

\\

Я должна прервать свою историю здесь, чтобы указать и исправить некоторые популярные заблуждения. Всю свою жизнь с Айседорой я никогда не посещала так называемую «оргию», поставленную ею или кем-либо ещё, как газеты любили представлять в ложном свете. Вечеринка с шампанским и ужин, где гости танцуют, дурачатся и вообще наслаждаются обществом, точно нельзя назвать «оргией»! Это происходило каждый день в светском мире, который я знала, и это праздничное событие, которым большинство людей наслаждалось хотя бы раз в жизни.

Outside of an occasional cocktail before meals, none of us girls, nor Isadora, ever indulged in drinking or especially craving hard liquor. Our European tastes were conditioned to wines. Only in her late forties, after her marriage to a Russian and under his malign influence, did she acquire a habit for stronger stuff. But no one who ever knew her intimately in her day-by-day existence could ever honestly accuse her of becoming an alcoholic in her last years. That, to my certain knowledge, represents a gross calumny.

\\

За исключением случайного коктейля перед едой, ни одна из нас, девочек, или Айседора, никогда не баловались выпивкой или особой жаждой крепкого

алкоголя. Наши европейские вкусы были обусловлены винами. Только после её сорока лет, после брака с русским и под его злокачественным влиянием, она приобрела привычку к более сильным напиткам. Но никто, кто когда-либо знал её в повседневной жизни, никогда не могли честно обвинить её в том, что она стала алкоголиком в последние годы. Это, насколько мне известно, представляет собой грубую клевету.

Now to go on: Afterward we continued on to Joe Zelli's opening with Maurice and Hughes, the popular ballroom dancers of that period. Maurice had lately dropped his former long-time partner Florence Walton, which created a sensation. Isadora, in a short Chanel gown covered with gold beads, liked to dance to tango music rather than the fox trot. She knew none of the conventional steps; she always improvised her own, much to the confusion of her male partners.

\\

Теперь продолжим: Потом мы продолжили на открытии Джо Целли с Морис и Хьюз, популярными бальными танцорами того периода. В последнее время Морис уволил своего бывшего давнего партнёра Флоренса Уолтона, что вызвало сенсацию. Айседора, в коротком халате, покрытом золотыми бусами, любила танцевать под музыку танго, а не фокстрот. Она не знала никаких стандартных шагов; она всегда импровизировала свою собственную партию, к большому замешательству её партнеров-мужчин.

I recall her telling me that once in San Francisco in 1918, when she appeared there in a Chopin recital with the pianist Harold Bauer, the audience as usual clamored for an encore at the end. Tired of hearing more Chopin she decided on a sudden, whimsical impulse to dance a tango. The tango was then the latest craze in popular dance. Harold Bauer protested, not knowing any popular tunes as a concert pianist of the first order. He considered it below his dignity but Isadora urged him along saying, "Oh just improvise on the rhythm and I'll do the same," adding slyly, "The public won't be able to tell the difference!"

\\

Я помню, как она рассказывала мне, что однажды в Сан-Франциско в 1918 году, когда она появилась там, на концерте Шопена с пианистом Гарольдом Бауэром, аудитория, как обычно, кричала на бис в конце. Утомлённая слышать больше Шопена, она решила внезапно, причудливым импульсом станцевать танго. Танго было тогда последним увлечением в популярном танце. Гарольд Бауэр протестовал, не зная каких-либо популярных мелодий в качестве концертного пианиста первого порядка. Он считал это ниже своего достоинства, но Айседора убеждала его со словами: «О, просто импровизируйте в ритме, и я сделаю то же самое», хитро добавив: «Публика не сможет заметить разницу!»

She was right, they loved it and wanted her to repeat the "Duncan Tango" but she never did that again. In Paris that year the tango was still very popular, thanks to the expert ballroom dancers who specialized in this Argentine dance like Maurice and

the American movie star Rudolph Valentino. A place called El Garron on Montmartre caught her fancy. It was a small room, with banquettes upholstered in red velvet along three walls; the fourth was taken over by two rows of sixteen Argentine accordion players in red coats. And how electrifyingly they could play those exotic Latin tunes. I learned to dance the Argentine tango very well, with a professional partner as tutor. Even today, my feet can't resist beating the measure whenever I hear one played. We usually danced through the night and at dawn sped over to Les Hailes for the traditional reveler's soupe a l'oignon and crusty French bread warm from the oven. Ah, sacree jeunesse! What exuberant fun we had! Curiously enough for one so young, those diversions did not make me forget the more serious ambition then nagging at my psyche-to make a name for myself as an artist.

\\

Она была права, они любили её и хотели, чтобы она повторила «Танго Дункан», но она больше этого не делала. В Париже, в этом году, танго всё ещё очень популярно, благодаря профессиональным бальным танцам, которые специализировались на этом аргентинском танце, такие как Морис и американская кинозвезда Рудольф Валентино. Место под названием Эль Гаррон на Монмартре привлекло её внимание. Это была небольшая комната с банкетками, обитыми красным бархатом вдоль трёх стен; четвертая была захвачена двумя рядами шестнадцати аргентинских аккордеонистов в красных пальто. И как электрически они могли сыграть эти экзотические латинские мелодии. Я научилась танцевать аргентинское танго очень хорошо, с профессиональным партнером в качестве наставника. Даже сегодня мои ноги не могут устоять перед отбиванием ритма, когда я слышу, как кто-то играет. Мы обычно танцевали всю ночь, и на рассвете направились к Ле Хейлсу для традиционного после гуляния, лукового супа и хрустящего французского хлеба, тёплого из печи. Ах, священная молодость! Какая радостная забава у нас была! Любопытно, для столь молодой девушки, эти диверсии не заставили меня забыть о более серьёзных амбициях, подталкивающих мою психику делать себе имя как артистке.

The year before, in the fall of 1920, it all had seemed so promising when Isadora and Rummel and we girls worked in artistic harmony and enthusiasm on a new project, the study of Parsifal. She taught us the Flower Maiden Scene, while she portrayed Kundry in her bewitched garden enticing Parsifal. And a beautiful etherealized choreography for the Holy Grail music.

\\

Год назад, осенью 1920 года, всё это казалось таким многообещающим, когда Айседора и Руммель и мы, девочки, работали в художественной гармонии и энтузиазме в новом проекте - изучении Парсифаля. Она обучила нас Цветочной Девичьей Сцене, в то время как сама изображала Кундри в заколдованном саду, заманивающим Парсифаля. И прекрасная эфирная хореография для музыки Святого Грааля.

The world premiere took place on November 27, 1920, at the now-vanished Trocadero. That evening, at the theatre, she summoned us to her dressing room a few minutes before curtain time. It was an event for her pupils, because this joint appearance was the first in two years. Her dressing room had the familiar look I had seen so many times since my childhood, for she always liked to say a word or two of encouragement and give us inspiration. She sat in front of her dressing table which was covered with a lace cloth and littered with an assortment of makeup. Leaning against the frame of the mirror and pinned above it were reproductions of Greek sculpture and friezes.

\\

Мировая премьера состоялась 27 ноября 1920 года, в исчезнувшем уже театре Трокадеро. В тот вечер, в театре, она вызвала нас в свою раздевалку, за несколько минут до занавеса. Это было событие для её учеников, потому что это совместное появление было первым за два года. У её гардеробной был знакомый вид, который я видела много раз с детства, потому как она всегда любила говорить пару слов для поощрения и вдохновлять нас. Она сидела перед своим туалетным столиком, который был покрыт кружевной тряпкой и усеян ассортиментом макияжа. Опираясь на раму зеркала и приподнятые над ним, размещались репродукции греческой скульптуры и фриз.

On a table beside her, still partly wrapped in green tissue from the florist's box, lay the fresh flowers she used as wreaths or decorations for her various dances. The open wardrobe trunk spilled over with a profusion of tunics and scarfs needed for the performance. The chaise longue in a corner held her white and red Indian shawls, so she could stretch out and rest during the intermission. A three-hour program of uninterrupted dancing is a most strenuous affair. The throat gets parched, and to quench one's thirst with water is fatal. Aqua pura has a funny way of jumping around

inside with every lively step, a horrid sensation. For that reason, to ease the maddening thirst, she preferred a glass of champagne during the intermission. She never touched a drop of anything stronger.

\\

На столе рядом с ней, всё ещё частично обернутые зеленой тканью из коробки флориста, лежали свежие цветы, которые она использовала в качестве венков или украшений для её различных танцев. Открытый гардероб был переполнен избытком туник и шарфов, необходимых для исполнения. Шезлонг в углу держал её белые и красные индийские шали, чтобы она могла растянуться и отдохнуть во время антракта. Трехчасовая программа непрерывного танца - самое напряженное дело. Горло пересыхало, а утолить жажду водой - смертельно. У чистой воды есть забавное свойство прыгать внутри с каждым живым шагом, - ужасные ощущения. По этой причине, чтобы облегчить безумную жажду, она предпочитала бокал шампанского во время антракта. Она никогда не принимала ни капли чего-нибудь более крепкого.

A pleasant perfume of flowers and cologne enveloped us six girls as we entered, dressed in flesh-colored Flower Maiden attire with blooms in our hair and a garland from shoulder to waist. Each one was different. My floral adornment consisted of large anemones in a combination of vivid red, purple, and white.

\\

Приятный аромат цветов и одеколора окутал нас, шестерых девочек, когда мы вошли, одетые в телесный наряды Цветочных дев, с цветками в наших волосах и гирляндами от плеча до пояса. Каждый из них был другим. Моё цветочное украшение состояло из больших анемонов в сочетании ярких красных, фиолетовых и белых.

She smiled and looked us over critically. "You all look ravishing," she whispered. Then she fixed her glance on me with a small moue of dissatisfaction and said, "I do wish, Irma, that you would not wear your hair so low over the forehead. It hides your nice wide brow." She got up and brushed my forelocks back as far as they could go, tilting my anemone wreath to the back of my head. Inwardly I seethed with annoyance, just waiting to push it all forward again as soon as I left her dressing room. She insisted in having her own way even in such trifles. Then she did something she hitherto had refrained from doing. She offered us a large goblet of champagne and urged each of us to take one sip. "It won't hurt you and may put you in the right mood for the seduction scene," she whispered. (It was her habit to keep complete silence for hours on the day of a performance.) She herself looked like the Goddess of Seduction, in a long cream-colored satin gown, a flowing red velvet cape, and a crown of red and white roses in her auburn hair.

\\

Она улыбнулась и критически посмотрела на нас. «Вы все выглядите восхитительно», прошептала она. Затем она пристально посмотрела на меня с небольшой неудовлетворенностью и сказала: «Я действительно хочу, Ирма, чтобы ты не носила волосы так низко на лбу, что скрывает твой хороший

широкий лоб». Она встала и откинула мои пряди волос на лбу назад, насколько было возможно, сдвигая мой анемоновый венчик к затылку. Внутренне я бурлила от досады, и просто ждала, чтобы подтолкнуть всё это вперёд, как только я покину её гардеробную. Она настаивала на том, чтобы идти своим путём даже в таких мелочах. Затем она сделала то, от чего до сих пор воздерживалась. Она предложила нам большой бокал шампанского и призвала каждого из нас сделать один глоток. «Это не повредит вам и поможет привести вас в правильное настроение для сцены соблазнения», прошептала она. (Это была её привычка часами молчать в день представления.) Она сама была похожа на Богиню соблазнения, в длинном кремовом атласном платье, плавным красным бархатным плаще и короне из красных и белых цветов розы в её каштановых волосах.

She reminded us that we had a truly magnificent orchestra of a hundred musicians to play Wagner's glorious music for our dancing, so we must give our very best performance that night. She changed after the intermission and donned the gray, drab shift of a penitente to pray for divine grace and forgiveness. She danced to the Good Friday music-and danced it as no Wagnerian Kundry of the great master's imagination ever interpreted this role. The program ended with the Venusberg and Bacchanale from Tannhiiuser in which she danced the part of Venus, with rose petals floating down over her throughout that sensitively imagined scene. Here all the love and sensuality inherent in the score were merely indicated by her, brought to life in the imagination rather than the flesh. It was one of her most perfect choreographic masterpieces.

\\

Она напомнила нам, что у нас был поистине великолепный оркестр из сотни музыкантов, чтобы сыграть славную музыку Вагнера для наших танцев, поэтому в эту ночь мы должны дать самое лучшее представление. Она изменилась после антракта и надела серое, тусклое одеяние кающейся, чтобы молиться о божественной благодати и прощении. Она танцевала на музыку «Великая пятница» и танцевала, как ни одна вагнеровская Кундри из фантазии великого мастера никогда не интерпретировала эту роль. Программа закончилась Венерсбергом и Вакханалией из Тангейзера, в которой она танцевала часть Венеры, с лепестками роз, плавающими над ней на протяжении всей этой воображаемой сцены. Здесь вся любовь и чувственность, присущие партитуре, были просто обозначены ею, воплощенной в воображении, а не плотью. Это был один из её самых совершенных хореографических шедевров.

Thrilling as was this experience at the Trocadero-it eventually proved to have been the culmination of our artistic collaboration-it left me strangely dissatisfied. Isadora tolerated no solo dancing by her disciples in our joint appearances. However humble my own efforts compared to her genius, I chafed at remaining part of the chorus all my life. The artist in me longed for self-expression.

\\

Захватывающе, как был тот опыт в театре Трокадеро, который, в конечном итоге, оказался кульминацией нашего художественного сотрудничества - и это оставило меня необыкновенно неудовлетворённой. Айседора не допускала сольных танцев своих учеников в наших совместных выступлениях. Как бы ни смущали мои собственные усилия, по сравнению с её гениальностью, я всю свою жизнь тяготилась оставшейся участи хора. Артистка во мне жаждала самовыражения.

Isadora arranged several performances during the winter season-the opening one, with an all-Wagner program, took place on November 27 as already mentioned. It was our first public appearance since we girls had come abroad five months before. The famous contract we signed with Isadora, being of no further value, we tore up and threw away. Dissension was in the air. One of the causes, which we resented and which disrupted the harmony that should have prevailed, was the discovery that she had tried to enter into negotiations with Hurok, our New York manager, without consulting us. Her secretary, Norman Harle, inquired of Augustin Duncan what the prospects might be. Gus, still annoyed about the contract which he had once arranged for his sister and which she did not keep, answered:

\\

В течение зимнего сезона Айседора организовала несколько выступлений - первый, с программой Вагнера, состоялся 27 ноября, как уже упоминалось. Это было наше первое публичное появление, так как мы выехали за границу за пять месяцев до этого. Знаменитый контракт, который мы подписали с Айседорой, не имел никакой дополнительной ценности, мы разорвали и выбросили. Разногласия витали в воздухе. Одной из причин, на что мы обиделись, и что нарушило гармонию, которая должна была возобладать, было открытие, что она попыталась вступить в переговоры с Хуроком, нашим менеджером из Нью-Йорка, не посоветовавшись с нами. Её секретарь Норман Харл спросил у Августина Дункана, какие перспективы могут быть. Гас, всё ещё досадующий о контракте, который он когда-то организовал для своей сестры, и который она не сдержала, ответил:

Nov. 25, 1920

My dear Mr. Harle:

Your letter received, but I have had no opportunity of replying to it until now. I had occasion to see Mr. Hurok the other day and he asked me to write you the following and to give you his address in case you cared to write to him. He expresses a willingness to arrange some appearances in this country, with or without the girls, after the first of January. Even as late as March running into April and May provided the negotiation was completed by Christmas time.

\\

25 ноября 1920 г.

Мой дорогой мистер Харле:

Ваше письмо получено, но до сих пор у меня не было возможности ответить на него. Мне довелось встретиться с г-ном Хуроком на днях, и он попросил меня

написать вам следующее и дать вам свой адрес, если вы не захотите написать ему. Он выражает готовность организовать некоторые выступления в этой стране с девушками или без них после первого января. Даже в марте, в апреле и мае, переговоры должны быть завершены к Рождеству.

Orchestra is only possible for New York (Metropolitan); piano on the road. Isadora could get a large fee, possibly \$2,000 a performance, if she appeared with piano. But even \$1,000 is unlikely if orchestra is insisted upon, outside of New York. In the latter case Hurok would not guarantee but only share on percentage. However, I advise you to write to him direct and leave me out of the negotiation. Do not ask less than \$2,000 guarantee with piano. You can get it. Turn that into francs at the present rate of exchange and realize what that would mean.

\\

Оркестр возможен только для Нью-Йорка (Митрополитен); фортепиано с собой. Айседора могла получить большую плату, возможно, за 2000 долларов, если бы она появилась с пианино. Но даже за 1000 долларов вряд ли стоит настаивать на оркестре, за пределами Нью-Йорка. В последнем случае Хурок не будет гарантировать, а только доля в процентах. Тем не менее, я советую вам написать ему непосредственно, и оставить меня вне переговоров. Не спрашивайте гарантию менее чем на \$2000 с фортепиано. Вы можете его достать. Переведите это во франки по текущему обменному курсу и вы поймёте, что это будет означать.

H. also offers a tour of the Orient. My advice is that you deal with him direct and not any representative, as they do not represent him. My own opinion is that Isadora should not come to this country. The conditions are worse than ever before and I do not believe she would fulfill her contract. No one else in the business is more hopeful than I am on that point and therefore she could not make advantageous terms. For instance, payment in advance and steamer fares paid-entirely out of the question. She would be forced to stand all the risk of failure to carry out the bookings, as confidence in the likelihood of fulfilling a contract once made, is down to Zero.

Very truly yours,

Augustin Duncan

\\

Хурок также предлагает тур по Востоку. Мой совет заключается в том, чтобы вы имели дело прямо с ним, а не с каким-либо представителем, поскольку они не представляют его. Моё собственное мнение заключается в том, что Айседора не должна ехать в эту страну. Условия хуже, чем когда-либо прежде, и я не думаю, что она выполнит свой контракт. Никто в этом бизнесе не надеется больше, чем я, и поэтому она не может сделать выгодные условия. Например, об оплате авансом и оплате тарифов на пароход, - не может быть и речи. Она будет вынуждена рисковать и не выполнить заказы, так как уверенность в вероятности выполнения контракта после того, как он был заключен, сводится к нулю.

Очень искренне ваш,
Августин Дункан

Nothing came of this plan. What little money we had saved from our American tour, even changed into francs at the then favorable rate of exchange, soon came to an end. The only way we knew to earn a living was by giving public performances, though every time we did, we ran counter to our teacher's wishes. Naturally we resented this situation, which caused much unhappiness. Money matters are notorious for causing trouble and ruining the best of friendships. To make up for our financial deficiency, we entered into negotiations with a French concert manager, who was willing to arrange a tour of the provinces for us. Because of her personal estrangement from Isadora, Anna had left the group. Thus only four girls remained- Lisa, Theresa, Margot, and myself.

\\

Из этого плана ничего не вышло. Какие-то маленькие деньги, которые мы сэкономили в нашем американском туре, даже поменянные на франки по выгодному обменному курсу, скоро подошли к концу. Единственный способ заработать на жизнь - это публичные выступления, хотя каждый раз, когда мы это делали, мы противоречили пожеланиям нашего учителя. Естественно, мы возмущались этой ситуацией, которая вызвала много несчастья. Денежные вопросы известны тем, что создают проблемы и разрушают лучшие дружеские отношения. Чтобы компенсировать наш финансовый дефицит, мы вступили в переговоры с французским концертным менеджером, который был готов организовать для нас тур по провинциям. Из-за её личного отчуждения от Айседоры, Анна покинула группу. Таким образом, остались только четыре девочки - Лиза, Тереза, Марго и я.

Being careful to obtain Isadora's consent, I wrote to her. She was at that time in London, giving joint recitals with Walter Rummel. She agreed, providing she received 33 per cent of our fees after expenses had been paid. Her wire to me stated: "Programme Lyon: first part selection Iphigenie; second part Schubert Waltzes, Marche Militaire. Pianist playing solos Bach, Mozart, or Beethoven. No Chopin or any modern music."

\\

Соблюдая осторожность, чтобы получить согласие Айседоры, я написала ей. Она была в то время в Лондоне, давала совместные концерты с Уолтером Раммелем. Она согласилась, с предоставлением ей 33 процентов наших гонораров, после того, как будут оплачены расходы. Её телеграмма ко мне гласила: «Программа для Лиона: отрывок из первой части Ифигении, вторая часть Шуберт Вальсы, Военный марш. Пианист играет соло Баха, Моцарта или Бетховена. Нет Шопену или любой современной музыке».

As artists in our own right, we did not like her dictating to us. We considered it unreasonable and unjust on her part to interfere with our own mature judgment on such matters. We could not go on forever performing the same dances. She tolerated

no solo dancing when we girls appeared with her. To me, the freedom of expression provided by a solo dance was necessary to my own artistic satisfaction. I suggested we call the whole thing off. Feeling frustrated and chafing under this constant control, we foolishly let off steam by talking the situation over with close friends, such as Mary Desti (formerly Mary Sturges) and Dolly Votichenko. We had no one else to help or advise us. As usual under such circumstances, where dissension is in the offing, the inevitable gossips-who simply itched to carry a tale and to embroider it in the telling-came to the fore. On hearing these exaggerated reports about us, our foster mother dispatched a letter from London:

\\

Как самостоятельным артистам, нам не нравилось, что она диктует нам. Мы сочли необоснованным и несправедливым с её стороны вмешиваться в наше собственное зрелое суждение по таким вопросам. Мы не могли продолжать исполнять одни и те же самые танцы. Она не терпела никаких сольных танцев, когда мы с девушками появлялись с ней. Для меня свобода выражения, обеспечиваемая сольным танцем, была необходима для моего артистического удовлетворения. Я предложила, чтобы мы всё отменили. Чувствуя разочарование и раздражение под этим постоянным контролем, мы глупо спускали пар, обсуждая ситуацию с близкими друзьями, такими как Мэри Дести (бывшая Мэри Стурджес) и Долли Вотиченко. Мы не имели никого, кто мог бы нам помочь или посоветовать. Как обычно в таких обстоятельствах, когда разногласия не за горами, на первый план выходили неизбежные сплетники - которые просто жаждут нести выдумку и приукрашивать её в рассказе - вышли на первый план. Услышав эти преувеличенные сообщения о нас, наша приёмная мать отправила письмо из Лондона:

My dear Children-

This is a message for all of you. Please reflect that all the things you say to my discredit reflect eventually on yourselves. And the people to whom you give your love and confidence have never done for you and will never do for you one per cent of what I have done, and am still willing to do for you. But it is discouraging when I hear from all sides that in return you only try to break all my relations in Paris and cut all my friendships.

I assure you that this can do you no good and my patience is almost at an end. If you could only learn a bit of discretion. Please work and live simply-read and study-and either be true to me or leave me on your own names and your own responsibility.

Please write me. With love,

Isadora

\\

Мои дорогие дети -

Это сообщение для всех вас. Пожалуйста, подумайте, что всё то, что вы говорите для моей дискредитации, отражается в конечном итоге на вас самих.

И люди, которым вы отдаете свою любовь и уверенность, никогда не делали для вас и никогда не сделают для вас один процент от того, что сделала я, и всё ещё готова сделать для вас. Но меня обескураживает, когда я слышу от всех

сторон, что взамен вы пытаетесь разорвать все мои отношения в Париже и разорвать все мои дружеские отношения.

Уверяю вас, что это не принесет вам пользы, и моё терпение почти кончилось. Если бы вы только могли немного научиться благоразумию. Пожалуйста, просто работайте и живите, читайте и изучайте, и или будьте верны мне, или оставьте меня под своими именами и под свою ответственность. Пожалуйста, напишите мне. С любовью,
Айседора

In our apartment on the Rue Eugene Manuel in Passy, we immediately held a council of war. Isadora had offered to pay our rent but had failed to do so. The landlord threatened to evict us. Not knowing what to do, our own funds being depleted, Lisa managed to borrow enough to tide us over. Borrowing money was not to our liking. We aspired only to achieve independence, to earn our own living as we had done in the States. This could, under no provocation, be construed as showing ingratitude to our dear foster mother. I wrote her again of our financial dilemma and the trouble with the landlord, mentioning the loan we had to get. She immediately sent word through her secretary for us to move into her house at 103 Rue de la Pompe. But she sent no funds to pay off the loan.

\\

В нашей квартире на улице Юджин Мануэль в Пасси мы немедленно провели военный совет. Айседора предложила заплатить за аренду, но не сделала этого. Хозяин угрожал выселить нас. Не зная, что делать, наши собственные средства были исчерпаны, а Лизе уже удалось одолжить достаточно, чтобы отказать нам. Заимствование денег было не по нашему вкусу. Мы только стремились к независимости, чтобы зарабатывать себе на жизнь, как мы это делали в Штатах. Ни при каких обстоятельствах это не может быть истолковано как проявление неблагодарности к нашей дорогой приёмной матери. Я снова написала ей о нашей финансовой дилемме и проблемах с арендодателем, упоминая о займе, который нам пришлось получить. Она немедленно послала на словах через своего секретаря, чтобы мы переехали в её дом на улице Рю де ла Помпе. Но она не прислала никаких средств для погашения кредита.

Meanwhile Dolly Votichenko made a special trip to Brussels, where Isadora had a dance engagement. Within a short space of time, we received another sharp letter from our foster mother, written from the Hotel Metropole and dated April 30, 1921: My dear Children:

I had a great joy and some hope in receiving Lisel's letter which I confess has been rather dampened since meeting Dolly Votichenko here who says that the way you all speak of me made her think that I was possibly some sort of monster. And in fact she repeated to me word for word what Mary had already told me. This is really too much and my patience is at an end. That you should speak of me this way is simply disgusting.

\\

Тем временем Долли Вотиченко совершила специальную поездку в Брюссель, где у Айседоры был танцевальный ангажемент. В течение короткого промежутка времени мы получили ещё одно острое письмо от нашей приёмной матери, написанное в отеле «Метрополь» от 30 апреля 1921 года:

Мои дорогие дети.

У меня была большая радость и некоторая надежда на получение письма Лизель, которое, как я признаюсь, было довольно подавленным после встречи с Долли Вотиченко, которая говорит, что как вы все говорите обо мне, заставило её подумать, что я, возможно, была своего рода монстром. И на самом деле она повторила мне слово в слово, что Мария уже сказала мне. Это действительно уже слишком, и моё терпение заканчивается. То, что вы должны говорить обо мне так, просто отвратительно.

First, she says, you accuse me of having "left you to starve" in Geneva. Whereas you know perfectly well that I sent you by telegraph all the money I had in the bank in Buenos Aires and left myself not enough to pay my hotel bill. When on account of the war conditions this money did not reach you, I sent Augustin from Buenos Aires to Geneva to rescue you, leaving me alone and without aid in a strange country.

\\

Во-первых, она говорит, вы обвиняете меня в том, что я «оставил вас голодать» в Женеве. Принимая во внимание, что вы прекрасно знаете, что я отправила вам по телеграфу все деньги, которые у меня были в банке в Буэнос-Айресе, и оставила себе недостаточно, чтобы оплатить счёт в отеле. Когда из-за условий войны эти деньги не дошли до вас, я отправила Августина из Буэнос-Айреса в Женеву, чтобы спасти вас, оставив меня одну и без помощи в чужой стране.

Second, it seems you accuse me of having "deserted you," in New York. You will please remember that I sold all I had, even my shawls, and only left New York when you were successfully launched at Carnegie Hall, with a lucrative contract before you. I arrived in London ill and penniless and telegraphed to Augustin that I had no money to reach Paris but received no answer from any of you.

\\

Во-вторых, кажется, вы обвиняете меня в том, что я «покинула вас» в Нью-Йорке. Вы, пожалуйста, помните, что я продала всё, что у меня было, даже мои шали, и покинула Нью-Йорк, только когда вы были успешно запущены в Карнеги-холл с выгодным контрактом перед вами. Я прибыла в Лондон, больная и без гроша, и телеграфировала Августину, что у меня не было денег, чтобы добраться до Парижа, но я не получила никакого ответа от вас.

Third, it seems you accuse me of not procuring you engagements. On this score I am writing Mr. Harle to write you an account of money spent and time and cables amounting to 800 francs, to America trying to fix contracts for you. Also he will give you the true account of the contract which you seem to ignore.

\\

В-третьих, похоже, вы обвиняете меня в том, что не были обеспечены ангажементом. На этот счёт я напишу мистеру Харлу, чтобы он дал вам отчёт о потраченных деньгах и времени, и телеграммах в Америку на сумму 800 франков, чтобы попытаться заключить для вас контракты. Также он даст вам реальный отчёт о контракте, который вы, похоже, игнорируете.

Fourth, it seems you accuse me of not teaching you, when I have given you the very secret and most holy of my art. And to crown this you tell Dolly that I am jealous of you as an artist. Really, my poor children, I think you have all taken leave of your senses. And to comble that you say I owe Lisel money. This is shameful!

\\

В-четвертых, кажется, вы обвиняете меня в том, что я не учила вас, когда я дала вам самую тайну и святость моего искусства. И, чтобы увенчать это, вы говорите Долли, что я ревную к вам, как к артистам. На самом деле, мои бедные дети, я думаю, что вы все расстались со своими чувствами. И вы говорите, что я обязана Лизель деньги. Это позорно!

That I should hear all this from a stranger-really my affection for you and my patience is about at an end. As for the way Anna has spoken of me, I think she must be demented. My only crime toward her was a too great indulgence and affection for her. But my patience is at an end. If you can not understand that talking of me in this way you are doing me a great deal of harm and in doing me harm, are doing yourself harm . . .

\\

То, что я должна услышать всё это от постороннего человека - на самом деле, моя привязанность к вам и моё терпение подошли к концу. Что касается того, как Анна говорила обо мне, я думаю, что она должна быть сумасшедшей. Моим единственным преступлением по отношению к ней было слишком большое снисхождение и привязанность к ней. Но моё терпение заканчивается. Если вы не можете понять, что, говоря таким образом обо мне, вы причиняете мне много вреда, и причиняя мне вред, причиняете вред себе...

In the meantime I beg you learn not to tell every little stupid idea in your heads to strangers. If you wish your tickets to America or elsewhere, Mr. Harle will arrange them, as your present attitude toward me seems to me to make further relations very difficult. I am, as Harle says, "fed up."

Isadora

\\

А пока прошу вас научиться, не рассказывать каждую маленькую глупую мысль в ваших головах посторонним людям. Если вы желаете приобрести билеты в Америку или в другое место, мистер Харл их организует, поскольку, как мне кажется, ваше нынешнее отношение ко мне затрудняет дальнейшие отношения. Я, как говорит Арле, «устала».

Айседора

Merely to set the record straight, I want to point out that Isadora left four months before we were "successfully launched at Carnegie Hall" in New York, and with "a lucrative contract" ahead of us.

\\

Чтобы просто записать отчёт, я хочу отметить, что Айседора уехала за четыре месяца до того, как нас «успешно запустили в Карнеги-холл» в Нью-Йорке и с «выгодным контрактом» впереди.

Soviet Russia 1926

However, these recriminations were not getting us anywhere. Isadora returned from her successful tour of England and Belgium in May. On the twenty-sixth, the day before her forty-third birthday, the French papers fairly brimmed over with the news that she had decided to go to Soviet Russia. Reporters swarmed all over her house, jostling each other in order to obtain a first-hand interview. Apparently, while she was in London, the head of the Russian Trade Commission, Leonide Krassine, hearing of her desire to go to Russia under the Communist regime, promised to help her obtain an official invitation. Her idea of founding a great school of the dance there appealed to the Bolsheviks, primarily as a wonderful piece of propaganda.

\\

Однако эти обвинения не привели нас никуда. Айседора вернулась из своего успешного тура по Англии и Бельгии в мае. В двадцать шестом, накануне её сорока третьего дня рождения, французские газеты заполнились новостью о том, что она решила поехать в Советскую Россию. Репортеры роились по всему дому, толкая друг друга, чтобы получить интервью из первых рук. Видимо, когда она была в Лондоне, глава Торговой комиссии России Леонид Красин, услышав о её желании отправиться в Россию при коммунистическом режиме, пообещал помочь ей получить официальное приглашение. Её идея основать там великую танцевальную школу понравилась большевикам, прежде всего, как прекрасная пропаганда.

Her desire to go to Soviet Russia was no news to us girls. Her reason for this move was made quite explicit in an interview she had granted a woman reporter in Paris even before we left America. The article, which appeared in an English paper, stated: She received us graciously, with all the ease and naturalness which characterizes her dancing. In a dark, loose-fitting dress, her mink toque on the table beside her and fur coat thrown back, Isadora looked most charming. Her bobbed coiffure is most becoming and harmonizes with the expression of Irish sympathy and humour alternating with the warm California sunshine laughing in her eyes and mouth. There is in her face also-behind its vivaciousness-that indefinable mystic or spiritual quality which is so peculiar to great teachers. Asked, if she expected to start a new school of dancing this was her reply:

\\

Её желание поехать в Советскую Россию не стало для нас новостью. Её причина для этого шага была объяснена довольно чётко в интервью, которое

она дала женщине-репортеру в Париже ещё до того, как мы покинули Америку. В статье, которая появилась в английской газете, говорилось:

Она приняла нас любезно, со всей легкостью и естественностью, которые характеризуют её танец. В тёмном платье свободного покроя, её норковая муфта на столе рядом с ней, и откинутаая назад шуба, Айседора выглядела наиболее очаровательно. Её подстриженная прическа становится всё более и более гармоничной, с выражением ирландской симпатии и юмора, чередующихся с тёплым калифорнийским солнцем, смеющимся в её глазах и рту. В её лице также - за её бодростью - неопределяемое мистическое или духовное качество, которое так свойственно великим учителям. На вопрос, не рассчитывает ли она открыть новую школу танцев, был её ответ:

"Nothing would please me more, but this time it must have a government guarantee. There must be some protection against the pupils of the school leaving and commercializing their knowledge before it has reached the stage of perfection. And this can only come about through the cooperation of a government. You may recall how under the Czar's regime that very thing was accomplished for the Imperial Russian Ballet. It is the only assurance of success."

"What about the French government? The French have always been liberal patrons of art and they have admired your dancing," was the interpolated remark.

"Pouf! It's a question of money. The state of French finances ..." and she dismissed them with a broad comprehensive gesture.

\\

«Ничто не будет радовать меня больше, но на этот раз должна быть государственная гарантия. Должна быть обеспечена некоторая защита от учеников, покидающих школу и коммерциализирующих свои знания, прежде чем они достигнут стадии совершенства. И это может произойти только благодаря сотрудничеству с правительством. Вы можете вспомнить, как при царском режиме именно это было сделано для Императорского русского балета. Это единственная гарантия успеха.»

«Что насчет французского правительства? Французы всегда были либеральными меценатами, и они восхищались вашими танцами», - было приблизительное такое замечание.

«Уф! Это вопрос денег. Состояния французских финансов...», и она отклонила их с широким всеобъемлющим жестом.

"And this story of your going to Russia to receive help from the Bolsheviks, what about that?"

"I did say that it didn't matter to me what the government was and that if Russia offered me a school I would go there and accept it. But of the Bolsheviks and their politics I know nothing. So contradictory are the stories concerning the Bolshevik attitude toward art, that one doesn't have any conception what it really is. I most certainly wouldn't hesitate to accept an offer from Russia Four fortunes have disappeared in this effort of mine to re-create dancing as the Greeks knew it-a

natural expression of the spirit or the soul. Out of the twenty-five children whom I trained, only six were loyal. ... These six girls could teach hundreds of pupils. But people say, they are beautiful and I suppose they will marry."

She smiled sweetly though a bit sadly at this conclusion. Miss Duncan, during the course of afternoon tea related the history of her school which has never before been published. It is a fascinating tale.

\\

«И эта история о том, как вы поедете в Россию, чтобы получить помощь от большевиков, что с этим?»

«Я сказала, что мне не важно, что такое правительство, и что, если бы Россия предложила мне школу, я бы пошла туда и согласилась, но про большевиков и их политику ничего не знаю. Так противоречивы истории о большевистском отношении к искусству, что у нас нет понятия, что это на самом деле. Я, конечно же, без колебаний согласился бы с предложением из России... Четыре попытки исчезли в моих усилиях воссоздать танец, как его знали греки, - естественное выражение духа или души. Из двадцати пяти детей, которых я воспитала, только шесть были верны. ... Эти шесть девушек могли бы обучать сотни учеников. Но люди говорят, что они прекрасны, и я полагаю, они поженятся.»

Она сладко улыбнулась, хотя немного грустно при этом заключении. Мисс Дункан во время послеобеденного чая рассказывала историю своей школы, которая никогда ранее не публиковалась. Это увлекательная история.

"Who wants to go to Russia with me?" Isadora asked us when she came back from London. I unhesitatingly said I would. The other two girls (Lisa and Theresa, for we were only three now dancing with her) seemed less interested. She smiled at me and said, "I knew I could count on you."

"I'll go wherever you want to go," I assured her. "I'll even follow you to Mars, if that is the place you have chosen to found your new school. Providing you are serious and really mean to go through with it."

\\

«Кто хочет отправиться со мной в Россию?» спросила Айседора, когда она вернулась из Лондона, и я без колебаний сказала, что готова. Две другие девочки (Лиза и Тереза, потому что нас было только трое, теперь танцующих с ней) казались менее заинтересованными. Она улыбнулась мне и сказала: «Я знала, что могу рассчитывать на тебя».

«Я пойду туда, куда ты хочешь,» - завершила я её. «Я даже буду следовать за тобой на Марс, если это место, которое ты выбрала, чтобы найти свою новую школу. Если ты серьезно, и действительно хочешь пройти через это».

She triumphantly produced a telegram she had just received from the People's Commissar of Education, Anatole Vasilief Lunacharsky, officially inviting her to Moscow. Overjoyed, she immediately thought of giving a party for her friends to tell them the good news. Among them were several Russian immigrants who had fled from the Revolution. When they heard that Isadora had really made up her mind to

go to the land of the Bolsheviks, they seemed terribly shocked. One of the women went down on her knees before Isadora and implored her by all the holy saints not to go.

\\

Она торжествующе предъявила телеграмму, которую только что получила от наркома просвещения Анатолия Васильева Луначарского, который официально пригласил её в Москву. Радостная, она сразу подумала о том, чтобы устроить вечеринку своим друзьям, и рассказать им хорошие новости. Среди них было несколько русских иммигрантов, бежавших от революции. Когда они услышали, что Айседора действительно решила отправиться на землю большевиков, они они были ужасно шокированы. Одна из женщин опустилась на колени перед Айседорой и умоляла её всеми святыми не делать этого.

"You don't know what you are letting yourself in for! Food is so scarce that the Communists are slaughtering four-year-old children and eating them! Look, I have a letter here, smuggled out of Russia, telling us about this. Please, please, don't go, Isadora!" she implored her.

"Well, if this is true," Isadora responded, looking pale and grim, "then I must go."

\\

«Вы не знаете, на что вы обрекаете себя! Пища настолько скудна, что коммунисты убивают четырёхлетних детей и едят их! Послушайте, у меня есть письмо, вывезенное из России, рассказывающее об этом. Пожалуйста, пожалуйста, не уходи, Айседора!» - она умоляла её.

«Ну, если это правда, - ответила Айседора, выглядя бледной и мрачной, - тогда я должна ехать».

Irma Duncan: portrait photo by Edward Steichen, Versailles, 1920. Inscribed: "Gay dancing eyes of the eager dancing faun girl. With a vivat - Edward Steichen."

After the guests departed, and she and I remained alone in the studio where the planned festivity had turned into a session of horror tales, she looked ruefully at me, trying to gauge my reaction. By way of laughing the whole thing off, she said as a joke, "Don't worry, Irma; they'll eat me first anyway. There is a whole lot more of me than you. In the meanwhile, you'll manage to escape!"

\\

После того как гости ушли, и мы с ней остались одни в студии, где запланированный праздник превратился в сеанс ужасных сказок, она с сожалением посмотрела на меня, пытаясь оценить мою реакцию. В общем, смеясь, она сказала в шутку: «Не волнуйся, Ирма; в любом случае они сначала съедят меня. Меня намного больше, чем тебя. А тем временем тебе удастся сбежать!»

I confess the stories made my flesh creep. However, having heard the worst about the Communists, I still could not quite believe that they officially sanctioned cannibalism. On the last day of May, Isadora gave another reception, a far pleasanter one, for artists and writers. The pianist de Renneville played, Jacques Copeau read his poems, and we danced. Cecile Sartoris, a woman journalist who was present, later wrote:

\\

Я признаюсь, что эти истории заставили мою плоть содрогнуться. Однако, услышав самое худшее о коммунистах, я всё ещё не могла поверить, что они официально санкционировали каннибализм.

В последний день мая Айседора дала ещё один приём, который был очень приятным, для художников и писателей. Пианист де Ренневил играл, Жак Копеу читал стихи, а мы танцевали. Сесилия Сарторис, женщина-журналистка, которая присутствовала, позже написала:

This evening Isadora dances for us; a dozen friends. It is her adieu. She is off to Brussels, then on to London. And after . . .

Here she is then, surging out of the shadow, she who thought to resuscitate in our midst the play of noble attitudes, the rhythm of grace in the movements of life! Under the vaporous envelope of her veils she embodies, successively inquietude, melancholy, doubt, resignation, hope. Her face is like the surface of a lake where the ripples pass, like a mirror reflecting the rapid race of clouds.

It is so beautiful that we do not applaud. Only our oppressed breaths reveal in the silence what our dumb enthusiasm bears of anguish.

\\

В этот вечер Айседора танцует для нас; дюжины друзей. Это её прощание. Она отправляется в Брюссель, а затем в Лондон. И после...

Вот она, выплывает из тени, она думала оживить среди нас игру благородных отношений, ритм благодати в жизненных движениях! Под испаряющейся оболочкой её завесы она воплощает последовательно, - беспокойство, тоску, сомнение, смирение, надежду. Её лицо похоже на поверхность озера, где проходит рябь, как зеркало, отражающее стремительную гонку облаков.

Это так красиво, что мы не аплодируем. Только наше угнетенное дыхание раскрывает в тишине, что наш немой энтузиазм носит тоску.

Then she calls her pupils. There are only three, on this evening before departure, but it seems as though the Graces of Falconnet have left the pedestal where they have stood for more than a century. And these graces here have more than line; they have the charm of life. They come and go, dancing a rondo, while over them and about them floats the scarf with which Proudhon encircled the delicate face of Psyche.

\\

Затем она зовёт своих учениц. В этот вечер перед отъездом их всего трое, но кажется, что Грации Фалконе покинули постамент, где они стояли более столетия. И эти грации здесь имеют больше, чем линию; у них есть очарование жизни. Они приходят и уходят, танцуя под рондо, а над ними и вокруг них плывет шарф, которым Прудон обвивает нежное лицо Психеи.

It is incomparably charming, youthful and gay. Isadora leans over to me: "And if they were five hundred, if they were a thousand, don't you think that they would be lovelier still; don't you think that they would give the people something to rest them from their blackest care? For there will not only be us; my pupils will teach all the little ones. They will know how to dance as they know how to read: there will be joy for all!" "And if you are hungry?" asks a sceptic. Isadora shrugs her magnificent shoulders, and with an accent made grave by conviction: "We will dance so as not to think of it!"

O cricket! Delicious cricket that puts to shame the ants!

\\

Это несравненно обаятельно, молодо и весело. Айседора наклоняется ко мне: «А если бы их было пятьсот, если бы их были тысячей, разве ты не думаешь, что они были бы ещё милее; ты не думаешь, что они дадут людям что-то, что может избавить их от самых мрачных тревог? Ибо мы будем не одни; мои ученики будут учить всех малышей. Они будут знать, как танцевать, как они умеют читать: будет радость для всех!»

«А если вы будете голодать?» - спрашивает скептик. Айседора пожимает плечами своими великолепными плечами и с акцентом, сделавшись серьёзной с уверенностью: «Мы будем танцевать, чтобы не думать об этом!»

Сверчок! Прелестный сверчок, который позорит муравьев!

Isadora sublet her house on the Rue de la Pompe, and two days later we got our visas. I noted in my diary: "June 3, 1921. Leaving on the 4 o'clock train for Brussels. Poor little Gretel has to stay behind all by herself. I don't believe we girls shall ever live together again. Lisa, Theresa and myself are all that are left of the Duncan Dancers."

\\

Айседора сдала в субаренду её дом на улице де ла Помпе, а через два дня мы получили наши визы. Я записала в своём дневнике: «3 июня 1921 года. Отправление на 4-часовом поезде в Брюссель. Бедная маленькая Гретель должна остаться сама по себе. Я не верю, что мы с девочками снова будем жить вместе. Лиза, Тереза и я - всё, что осталось от Дункановских танцовщиц».

Isadora considered Margot (or Gretel as we called her) too frail to make the trip. The number of Isadora's disciples was rapidly dwindling. We gave several performances in the Belgian capital before proceeding to England. The London Observer wrote of our recital at Queen's Hall:

\\

Айседора считала Марго (или Гретель, как мы её называли) слишком хрупкой, чтобы совершить поездку. Число учеников Айседоры стремительно сокращалось. Мы дали несколько выступлений в бельгийской столице, прежде чем отправиться в Англию. Лондонский обозреватель написал о нашем концерте в издании «Королевский Зал»:

Last night Isadora Duncan with her three pupils, Irma, Theresa and Lisa, appeared ... in a Grand Festival of Music and Dance. But Dance is surely hardly the right word; what we saw was Keats' Grecian Vase come to life-with some moving tragedie added to its living grace. Tchaikovsky's Symphony Pathetique teems with emotion-not pure musical emotion-but emotion that can be expressed in bodily action and facial play. It was very interesting to observe the interpretation of this by the great artist and her three pupils.

\\

Прошлой ночью Айседора Дункан со своими тремя ученицами, Ирмой, Терезой и Лизой появилась ... на Большом Фестивале музыки и танца. Но Танец, несомненно, вряд ли будет правильным словом; мы увидели, что Греческая Ваза Китса ожила - с какой-то движущейся трагедией, добавленной к его живой грации. Симфоническая патетика Чайковского изобилует эмоциями, а не чисто музыкальными эмоциями, но эмоциями, которые могут быть выражены в телесных действиях и мимической игре. Было очень интересно наблюдать за интерпретацией этой великой артистки и трёх её учениц.

The first movement she took alone and made it a wonderful example of the beauty of slow motions . . . it became intensely tragic rather than merely "pathetic" as indeed it should. On the five-four movement that followed the younger artists alone took the first section, the elder appearing and the younger disappearing as the second and contrasting section began. (The effect was perhaps that of Care driving away the Graces) In the Scherzo all were on the stage together. The last movement (the Lamentoso) Isadora Duncan alone ...

\\

Первое движение она произвела в покое и сделала его прекрасным примером красоты медленных движений ... он стал сильно трагичным, а не просто «жалким», как и следовало ожидать. На пяти-четырёх движениях, последовавших за молодыми артистками, занявшими первый раздел, появились старшие, а младшие исчезли, как второй и контрастный раздел. (Эффект, возможно, был в том, что Кэр отгонял Грации) ... В Скерцо все были на сцене вместе. Последнее движение (Ламентозо) Айседора Дункан в одиночку...

The experience last night was a very interesting one, and as the music was played exactly as in a fine concert performance, one did not feel the objection that one docs when one hears some of these Chopin and Schumann ballets that have become so popular, where music is rhythmically and orchestrally sacrificed in order that set forms of bodily movement and an arbitrary story may be made of it. . . .

\\

Опыт прошлой ночи был очень интересным, и поскольку музыка игралась точно так же, как в прекрасном концертном исполнении, не было возражений против того, что кто-то слышит некоторые из этих балетов Шопена и Шумана, которые стали настолько популярными. Музыка ритмичная и оркестровая приносится в жертву, чтобы установить формы телесного движения, и из него можно сделать произвольную историю...

It was really in every way a great evening and one is amazed that the hall should be half empty. Will it be full next Saturday? This will be the last opportunity of seeing Isadora Duncan before she goes to her work in Russia-to return when?

\\

Во всяком случае, это был отличный вечер, и [не я] один был поражен тем, что зал был наполовину пуст. Будет ли он заполнена в следующую субботу? Это будет последняя возможность увидеть Айседору Дункан, прежде чем она отправится на работу в Россию, чтобы вернуться, когда?

Thirteen years had passed since we girls had last danced in London in the Duke of York's Theatre. What childhood memories it brought back! The golden watch that turned out to be pure brass; the famous luncheon party at the Duchess of Manchester's house, and the purloined peaches; dancing for the King and Queen; and oh! my lost sovereign! We reminisced about these things in our dressing room after the performance when, lo and behold! who should suddenly open the door and walk in? As if conjured up from the past by our talking about it, like some specter of our childhood days, the tormentor we all loathed and feared-our former English governess!

She stood there and silently looked at us, even as a serpent hypnotizes its prey. We stared back in stony silence, then we turned around and left. After all these years, she still personified the serpent in our childhood paradise.

\\

Прошло тринадцать лет с тех пор, как мы, девочки, в последний раз танцевали в Лондоне в театре герцога Йоркского. Какие воспоминания о детстве он вернул!

Золотые часы, которые оказались чистыми латунями; знаменитая вечеринка с обедом в доме герцогини Манчестера и перламутровые персики; танцы для короля и королевы; и о! мой потерянный суверен! Мы вспоминали об этом в нашей раздевалке после спектакля, когда, и вдруг, о чудо! кто должен внезапно открыть дверь и войти? Как будто из прошлого мы говорили об этом, как какой-то призрак наших детских дней, мучительница, которую мы все ненавидели и боялись - наша бывшая английская гувернантка! Она стояла там и молча смотрела на нас, как даже змей гипнотизировал свою добычу. Мы смотрели назад в каменной тишине, затем мы обернулись и ушли. После всех этих лет она всё ещё олицетворяла змею в нашем детском раю.

That last performance in London spelled finish to Isadora's original school. Theresa and Lisa confided to me their fears and their resolve not to accompany Isadora to Soviet Russia. "What has gotten into her!" Theresa wailed. "Why, of all places, revolutionary Russia?"

"It must be perfectly awful there," Lisa chimed in. "The people are starving, disease is rampant, and they walk about in rags. At least, that is what the papers say. What sort of place is that for her to found a dance school in? I cannot understand her!"

\\

Это последнее выступление в Лондоне означало окончание первоначальной школы Айседоры. Тереза и Лиза доверили мне свои страхи и решимость не сопровождать Айседору в Советскую Россию. «Что взбрело ей в голову!» - закричала Тереза. «Почему, из всех мест, именно революционная Россия?» «Там должно быть совершенно ужасно», - вмешалась Лиза. «Люди голодают, болезни свирепствуют, и они ходят в лохмотьях. По крайней мере, вот так говорят газеты. В каком таком месте она собирается основать танцевальную школу? Я не могу понять её.»

"How shall I ever have the courage to tell her?" Theresa worried. "I know she is going to have a real fit when she hears we have decided not to go with her. It is going to be awful."

"Yes, please, Irma, be present when we tell her tomorrow morning," Lisa said. "You may be able to help us explain our reasons better than we can. I don't want her to think I am refusing my help, but I am willing to do anything she asks except go to Russia. I am simply plain scared of the Bolshies-and that is the whole truth."

\\

«Как мне хватит смелости сказать ей?» - волновалась Тереза. «Я знаю, что у неё будет настоящий припадок, когда она услышит, что мы решили не ехать с ней. Это будет ужасно».

«Да, Ирма, пожалуйста, приходи завтра утром, когда мы будем говорить с ней,» - сказала Лиза. «Ты можешь помочь нам объяснить наши причины лучше, чем можем мы. Я не хочу, чтобы она думала, что я отказываюсь от своей помощи, и я готова сделать всё, что она попросит, кроме как ехать в Россию. Я просто боюсь Большевиков, и в этом вся правда.»

I sympathized with the girls and their reluctance to embark on so dangerous a mission. Few people in those days expressed a willingness to enter, much less live in a country where law and order as we knew it in the West had been completely abolished. The dictatorship of Lenin and Trotsky had created an unholy blood-bath in their unhappy country ever since the October Revolution four years earlier. Certainly it was no fit place for a group of young, sensitive girls, who were concerned for their immediate future. I agreed to support them in their dreaded interview with our foster mother.

\\

Я сочувствовала девочкам и их нежеланию вступить в столь опасную миссию. Немногие люди в те дни выразили готовность идти туда, а тем более жить в стране, где закон и порядок, как мы это знали на Западе, были полностью отменены. Диктатура Ленина и Троцкого создала нечистую кровавую баню в своей несчастной стране ещё с Октябрьской революции, четыре года назад. Конечно, это не самое подходящее место для группы молодых, чувствительных девушек, которые были обеспокоены их ближайшим будущим. Я согласилась поддержать их в их трудном интервью с нашей приёмной матерью.

It turned out exactly as we had feared: grand hysterics on her part and a flood of tears on theirs. "Ingrates," she called them. When they finally left her angry presence, pale and shaken, I turned to leave also, intending to see the girls off at the station. She called after me, "And you, Irma, are you also leaving me?" I hastily assured her I had given her my solemn word and that I meant to keep it. She embraced me, visibly moved, and with tears in her eyes, softly whispered, "Thanks. You are all I now have left in this world."

\\

Получилось так, как мы боялись: грандиозная истерика с её стороны и поток слёз на них. «Неблагодарные», - обозвала она их. Когда они, наконец, покинули её сердитое присутствие, бледные и потрясенные, я тоже повернулась и ушла, намереваясь увидеть девушек на станции. Она позвала меня: «И ты, Ирма, ты тоже меня покидаешь?»

Я поспешно заверила её, что я дала ей своё торжественное слово и что я хотела его сохранить. Она обняла меня, заметно тронутая и со слезами на глазах, тихо прошептала: «Спасибо, ты всё, что у меня сейчас осталось в этом мире».

That afternoon I saw the girls off, saying a sad farewell, since none of us knew when we would meet again. Theresa was planning to marry Stephan Bourgeois, and Lisa was planning an American tour with Anna and Margot. I returned to find Isadora in the midst of a gay party. Dressed in a French gown of lace over blue satin, she sat surrounded by English friends all imbibing champagne. The moment I entered somebody shouted facetiously, "Here comes the school!"

\\

В тот день я увидела девушек и произнесла грустное прощание, поскольку никто из нас не знал, когда мы снова встретимся. Тереза собиралась выйти замуж за Стефана Буржуа, а Лиза планировала провести американский тур с

Анной и Марго. Я вернулась, чтобы найти Айседору посреди весёлой вечеринки. Одета в французское платье из кружева поверх синего атласа, она сидела в окружении английских друзей, все пили шампанское. Как только я вошла, кто-то крикнул: «Вот, идёт школа!»

Everybody laughed and joined in nicknaming me "the School." Only Isadora remained serious. Into my mind flashed the silly game we children in Grunewald used to play with our identification numbers and I always proudly ended up with the best prize-number 16, the house number of our beloved Duncan School. And now I myself had to laugh, for here I was actually personifying it. At that instant, Isadora slowly rose from her couch and solemnly called for attention. In the silence that ensued she raised her glass and said, "I propose a toast to Irma." Everybody stood up and Isadora continued, "Here is to the school. God bless her!"

\\

Все засмеялись и присоединились, прозвали меня «Школа». Только Айседора оставалась серьёзной. В моём сознании мелькнула глупая игра, в которой мы, дети в Грюневальде, играли с нашими идентификационными номерами, и я всегда с гордостью получал лучший приз - номер 16, номер дома нашей любимой школы Дункан. И теперь мне самой пришлось смеяться, потому что здесь я действительно олицетворял его. В это мгновение Айседора медленно поднялась с дивана и торжественно попросила внимание. В тишине, которая последовала, она подняла свой бокал и сказала: «Я предлагаю тост Ирме». Все встали, и Айседора продолжила: «Вот, тост школе, да благословит её Бог!»

**** PART III. 1921-1933 ****

-- ЧАСТЬ III. 24-36 лет

[243], p.217-257 * DUNCAN DANCER * Exile *

-=14=-

Exile

Ссылка

BEFORE leaving London, I visited the British Museum. I wanted to have a look at the Elgin Marbles, especially the caryatid that was taken from the Erechtheion in Athens. What a sad sight it was to see that noble statue confined in a somber hall in an alien land of rain and mists and separated from her five companion figures, who still stood together in the open air, under an Attic sun, forever gazing out to the blue Aegean sea.

\\

Прежде чем покинуть Лондон, я посетила Британский музей. Я хотела взглянуть на Эльгинские мраморы, особенно на кариатиду, которая была привезена из Эрехтейона в Афинах. И печальное зрелище заключалось в том, чтобы видеть, как эта благородная статуя ограничена в мрачном зале в чужой

стране дождя и туманов и отделена от её пяти компаньонов, которые всё ещё стояли вместе под открытым небом под аттическим солнцем, навеки глядя на синее Эгейское море.

I could not help but commiserate with her unhappy lot. I too would soon be exiled to another alien, northern country, whose language had a strange sound that I could not understand. Being more of a skeptic, I could not share Isadora's enthusiasm for Communist Russia. Her idea of what it represented was naive in the extreme. As someone once remarked, "Good sense travels on the well-worn paths; genius never!" In her idealized conception of Russia, Isadora envisioned a new Utopia where mankind lived in love, beauty, and harmony. What a rude awakening was in store for her!

\\

Я не могла не сочувствовать её несчастной участи. Я тоже скоро буду сослана в другую чужую, северную страну, язык которой был странным звуком, который я не могла понять. Будучи скорее скептиком, я не могла поделиться энтузиазмом Айседоры по поводу коммунистической России. Её представление о том, что оно представляло, было наивно. Как-то однажды она заметила: «Здравый смысл путешествует по проторенным дорогам, гений никогда!» В своей идеализированной концепции России Айседора представляла себе новую утопию, в которой человечество жило в любви, красоте и гармонии. Какое грубое пробуждение её ждёт!

"Life in Europe is passe," she would say. "It is too hopelessly bourgeois ever to understand what I really am after. Of course, I realize that present conditions in the Soviet Union are difficult for a regime in the throes of stabilizing itself. But it can't be as bad as the papers make out, or the Bolsheviks would not have sent this friendly invitation."

\\

«Жизнь в Европе устарела» - говорила она. «Буржуа слишком безнадежны, чтобы понять, что я на самом деле хотела бы реализовать. Конечно, я понимаю, что нынешние условия в Советском Союзе трудны для режима, который находится в состоянии стабилизации самого себя. Но это не может быть так плохо, как разглядели газеты, или большевики не отправили бы это дружеское приглашение».

She had accepted the "friendly invitation," and now we were in for it; there was no turning back. Theresa had said to me on the day of parting, "Dear Irma, I wish you good luck, and I do hope you will find a little happiness. I really do not like to think of you being all forsaken and exposed to Isadora's caprices. But I know you'll get through all right and your temper won't permit anybody to abuse you. So farewell-and may the gods be with you!"

\\

Она приняла «дружеское приглашение», и теперь мы были за это; не было поворота назад. Тереза сказала мне в день расставания: «Дорогая Ирма, я желаю вам удачи, и надеюсь, что вы найдёте немного счастья. Мне действительно не нравится думать о том, что вы все будете брошены и подвержены капризам Айседоры. Но я знаю, что ты справишься, и твой характер не позволит никому тебя оскорбить. Прощай, и пусть боги будут с тобой!»

The day prior to our departure, Mrs. K. (a member of the Soviet Commission in London), taking pity on us and our impending adventure, took me aside and said, "Poor Isadora! She has no conception of what she has to face. It will be very hard for her. I don't want to discourage her, but I am warning you. You will all have a very difficult time."

\\

За день до нашего отъезда миссис К. (член Советской комиссии в Лондоне), сжалившись над нами и нашим надвигающимся приключением, отвела меня в сторону и сказала: «Бедная Айседора! Она понятия не имеет, с чем ей придется столкнуться. Ей будет очень тяжело. Я не хочу отговаривать её, но я предупреждаю тебя. У тебя будет очень трудное время».

July 12, 1921.

Went aboard the S.S. Baltanic, but are not sailing today. Very small boat but clean. Mary and Harle saw us off.

July 12.

Sailed at 9 o'clock in the morning for Reval. The weather is lovely, the sea is a bit rough. There are some nice passengers on board, and Miss Ruth Mitchell from New York is sailing with us.

\\

12 июля 1921 года.

Поднялись на борт «Балтани», но сегодня не плывём. Очень маленькая лодка, но чистая. Мэри и Харл провожали нас.

12 июля.

Отправляемся в 9 часов утра до Ревеля. Погода прекрасна, море немного штормит. На борту есть несколько приятных пассажиров, и мисс Рут Митчелл из Нью-Йорка плывёт вместе с нами.

July 16.

Having heaps of fun on board with some jolly new friends including the General. Playing Isadora's portable gramophone and dancing with the "Tiger Man." We arrived in Danzig at 10 P.M. It was very dark but mother waited for me on the dock. She appears to be the same. We motored into town with the General, Miss Mitchell, and others to have supper at the Danziger Hof. Danced to Viennese music. We spent the night at the hotel. Isadora and I shared a room.

\\

16 июля.

Весело провели время на борту с новыми весёлыми друзьями, включая Генерала. Играл портативный граммофон Айседоры и танцы с «Человеком-тигром». Мы прибыли в Данциг в 10 часов вечера. Было очень темно, но мама ждала меня в доке. Кажется, она такая же. Мы отправились в город с Генералом, мисс Митчелл и другими, чтобы поужинать в Данцигер Хоф. Танцевали под венскую музыку. Мы провели ночь в отеле. Я с Айседорой разделили комнату.

Sunday, July 17.

This far north it remains dark for only a few hours. I got up early, drove back to the boat where I met mother at the dock. She returned with me to the Danziger Hof and we had breakfast together. Just then Isadora and Miss Mitchell left the dining room. When Miss M. asked Isadora, "Who is that woman Irma is with?" I heard her say, "That is Irma's mother." And turning to me said, "You know I love your dear old mother. I wouldn't cross the street with mine, but with yours-I could travel around the world." [Isadora had been estranged from her mother for many years.] I told mother about this. Later we all drove back to the Baltanic. Brought mother home to the place she is staying at. Poor mother, I was so glad to have seen her again. We sailed in the afternoon. Though it was quite light at midnight, I slept soundly, being very tired.

\\

Воскресенье, июль 17.

Этот далекий север остается тёмным всего на несколько часов в сутки. Я встала рано, поехала обратно к судну, где встретила мать в доке. Она вернулась со мной в Данцигер Хоф, и мы вместе позавтракали. В это время Айседора и мисс Митчелл вышли из столовой. Когда мисс М. спросила Айседору: «С кем это Ирма?», я услышала, как она сказала: «Это мать Ирмы». И, обращаясь ко мне, сказала: «Ты знаешь, что я люблю твою милую старушку, причём я бы не стала пересекать улицу с моей, но с твоей я могла бы путешествовать по всему

миру». [Айседора была отчуждена от матери в течение многих лет.] Я рассказала матери об этом. Позже мы все вернулись к «Балтании». Отвела мать домой, к тому месту, где она остановилась. Бедная мать, я была так рада снова увидеть её. Мы отплыли днём. Хотя было полно света в полночь, я спала крепко, очень устала.

I had written mother about my prospective trip to Russia and told her the boat would stop at Danzig. Despite the late hour, there were many people on the dock when we made fast, mostly stevedores and men whose business it was to unload the freight. I did not exactly expect mother to be there. I leaned against the railing on the upper deck and watched the scene, which was illuminated by a few dim lamps. Suddenly there was a slight commotion in back of the crowd, as of someone trying desperately to push her way through. It was a frail old lady dressed in black, holding onto her hat with one hand and holding up a huge bouquet of flowers with the other. At first I was not quite sure, but as she managed to push herself through the crowd toward the front I recognized mother. The gangplank had not yet been lowered, so she had no way of coming aboard. I was about to ask the captain for permission when the friendly stevedores, hearing she had come all the way from Hamburg to see her daughter off to Russia, made short shrift of the situation. Lifting her bodily up in the air, they passed her on to the sailors on deck, while she still clutched both her hat and bouquet. I led her away from the stares of the curious into my cabin.

\\

Я писала матери о моей предполагаемой поездке в Россию и говорила ей, что лодка остановится в Данциге. Несмотря на поздний час, в доке было много людей, всё делалось быстро, в основном это были грузчики и мужчины, чье дело было разгружать [транспортные] грузы. Я точно не ожидала, что мать будет там. Я прислонилась к перилам на верхней палубе и наблюдала за пространством, которое была освещено несколькими тусклыми лампами. Внезапно в толпе произошло небольшое волнение, когда кто-то отчаянно пытался пробиться вперёд. Это была хрупкая старушка, вся одетая в чёрное, державшая шляпу одной рукой, и огромный букет цветов в другой. Сначала я была не совсем уверена, но, когда ей удалось пробиться сквозь толпу вперёд, я узнала мать. Трап ещё не был опущен, поэтому у неё не было возможности попасть на борт. Я собиралась попросить капитана, получить разрешение, когда дружелюбные грузчики, услышав, что она проделала весь путь из Гамбурга, чтобы увидеть свою дочь на пути в Россию, нашли быстрый выход из ситуации. Подняв её в воздух, они передали её матросам на палубу, а она всё ещё сжимала и свою шляпу и букет. Я отвела её от взгляда любопытных в мою каюту.

Not having set eyes on each other for seven years (not since that day of my christening before the war), we naturally had much to talk about. The strange thing was that neither of us could find any words. We just sat and held hands and looked at each other for a long time. What really was there to say? Living on another continent, divided not only by the whole width of an ocean but also by a completely

different mode of existence, and speaking a different language now, I had grown away from her to such an extent that we met as strangers. The war years and suffering had taken their toll of my mother. She had aged considerably since last I saw her. She too must have had difficulty recognizing her little girl-a child no longer. Her first words were to chide me for looking so thin and pale.

\\

Не имея возможности взглянуть друг на друга в течение семи лет (не видевшись с того дня моего крещения до войны), нам, естественно, было о чём поговорить. Станным было то, что ни одна из нас не могла найти слов. Мы просто сидели и держались за руки, и долго смотрели друг на друга. Что действительно нужно было сказать? Живя на другом континенте, разделенном не только всей шириной океана, но и совершенно другим способом существования, и теперь, говоря на другом языке, я выросла от неё до такой степени, что мы встретились как чужие. Годы войны и страдания сделали своё дело для моей матери. Она значительно постарела с тех пор, как я видела её в последний раз. Ей тоже, должно быть, было трудно узнать её маленькую девочку - ребёнка больше нет. Её первые слова должны были упрекнуть меня за то, что я выгляжу такой худой и бледной.

The next day, after the boat sailed and passed a narrow spit of land jutting out into the harbor, I was surprised to see a small figure dressed in black with a long white shawl across her shoulders, standing below the lighthouse. Through a pair of binoculars I recognized mother. As the boat slowly turned out to sea, she removed her white shawl and waved and waved

I waved back, but she could not see me. No sooner did we meet than we parted again; it had been like that ever since I left home. Mother waved that scarf as long as the boat was visible. And I seemed to hear her say, sadly but hopefully, as when we said goodbye to each other, "Auf Wiedersehen! Auf Wiedersehen!"

\\

На следующий день, после того, как лодка отплыла и проехала узкую косу земли, выступающей в гавань, я была удивлена, увидев маленькую фигуру, одетую в чёрное, с длинным белым платком на плечах, стоящую под маяком. Через бинокль я узнала мать. Когда лодка медленно вышла в море, она сняла свой белый платок и махнула рукой...

Я махнула рукой в ответ, но она не могла меня видеть. Как только мы встретились, мы снова расстались; так было с тех пор, как я ушла из дома. Мать махала этим шарфом, пока лодка была видна. И я, казалось, слышала её грустное, но, надеюсь, так же, как когда мы прощались друг с другом: «До свидания! До свидания!»

July 19.

After dinner, at 8 o'clock, we anchored at Reval. A very picturesque town on a hill with many church steeples. Mrs. Litvinoff of the Soviet Embassy came to meet us. Isadora was disappointed to see only her and not a red automobile full of black-haired and black-eyed Bolshies. All our luggage was sealed for shipment to Moscow.

They took us to headquarters where Mrs. Litvinoff who speaks English and is the ambassador's wife, had put us up on cots in her husband's study. Isadora refused to stay there. "Let's return to the boat and get Ruth Mitchell and the General and have dinner in town," she said. Had vodka, crabs, and danced all night at Mon Repos, a nice restaurant by the sea. Spent the rest of the night on the boat in Ruthie's cabin.

\\

19 июля.

После обеда, в 8 часов, мы стали на якорь у Ревеля. Очень живописный город на холме со многими церковными шпилями. Госпожа Литвинова из советского посольства приехала к нам. Айседора была разочарована, увидев только её, а не красный автомобиль, полный чёрноволосях и чёрноглазых большевиков. Весь наш багаж был запечатан для отправки в Москву. Они отвезли нас в штаб-квартиру, где миссис Литвинова, которая говорила по-английски и являлась женой посла, посадила нас на детские кровати в кабинете мужа. Айседора отказалась остаться там. «Вернёмся на борт и пригласим Рут Митчелл и Генерала поужинать в городе», - сказала она. Были водка, крабы и всю ночь танцевали в «Мой отдых», хорошем ресторане у моря. Провели остаток ночи на судне, в каюте Рути.

July 20.

Next morning Isadora and I took a droshky to the hotel where we had a hot bath together, there being only enough hot water for one, and a hot breakfast. The General invited us to lunch. Lovely food-chicken salad, good cold beer, and fresh raspberries with sour cream. Walked through the town. The General very thoughtfully, in fear we would starve on our trip, had a food basket prepared as a goodbye present. I hated to see the little Baltanic sail off without us. Isadora hugged me and, smiling bravely, said, "Well, we are in for it now!" Leaving on the midnight train for Petrograd. Mrs. Litvinoff saw us off. Funny feeling to ride in a Russian train again. The same candlelight and firing the engine with wood I remember from my two previous visits.

\\

20 июля.

На следующее утро мы с Айседорой поехали в отель, где у нас была горячая ванна, там было достаточно горячей воды для каждого, и горячий завтрак. Генерал пригласил нас на обед. Прекрасный кулинарный салат из курицы, хорошее холодное пиво и свежая малина со сметаной. Прогулка по городу. Генерал очень вдумчиво, опасаясь, что мы будем голодать в нашей поездке, приготовил продовольственную корзину в качестве прощания. Мне не хотелось видеть, как маленький Балтаник плывет без нас. Айседора обняла меня и, смело улыбаясь, сказала: «Ну, теперь мы готовы к этому!» Выезд на полуночном поезде в Петроград. Миссис Литвинов нас проводила. Забавное чувство снова поехать на российском поезде. Тот же самый свет от свечи и растапливаемый дровами котёл, которые я помню из моих двух предыдущих посещений.

July 21.

Stopped all day at Narva. We are now in Red Russia. They inspected our luggage but did not confiscate anything. Artists are exempt. Isadora went to the market, bought some flowers and raspberries, and we lunched from the General's basket in our compartment, which we share with a young man, a diplomatic courier. Went to the village and returned followed by a group of children who were curious to see some strangers. Isadora turned on her gramophone and made them dance on the platform. Then we gave them all the candy and fruit we had. Train finally got going again after midnight.

\\

21 июля.

Остановился на весь день в Нарве. Сейчас мы в Красной России. Они осмотрели наш багаж, но ничего не конфисковали. Артисты освобождаются. Айседора вышла на рынок, купила цветы и малину, и мы обедали из корзины Генерала в нашем купе, которое мы делим с молодым человеком, дипломатическим курьером. Сходила в деревню, и вернулась вместе с группой детей, которым было любопытно увидеть незнакомцев. Айседора включила свой граммофон и заставила их танцевать на платформе. Затем мы дали всем им конфеты и фрукты, которые у нас были. Поезд наконец-то снова поехал после полуночи.

July 22.

We arrived at 1 o in the morning at Petro grad, as it is now called, and were driven to headquarters, the former Hotel Astoria. We walked along the Nevsky Prospect. How changed everything is! The town appears dead and infinitely sad. Empty shop windows, but the people do not look starved, though they are all dressed in dirty rags. Glad to leave for Moscow.

\\

22 июля.

Мы приехали в 1 час утра в Петроград, как его теперь называют, и были доставлены в штаб-квартиру, бывший отель «Астория». Мы шли по Невскому проспекту. Как все изменилось! Город кажется мёртвым и бесконечно грустным. Пустые витрины, но люди не выглядят голодными, хотя все они одеты в грязные тряпки. Рада уехать в Москву.

Sunday, July 24.

At a snail's pace crawled into Moscow at 4 A.M. Nobody at the station to meet us. Took a cab and drove to the foreign office and who should we meet there? Our first Bolshevik, none other than Count Florinsky from Long Beach! What a joke! Elegantly dressed in dinner clothes, he had just come from a party. He invited us in to his rooms. Isadora and I couldn't stop laughing, it was really too funny.

\\

Воскресенье, 24 июля.

В темпе улитки заползли в Москву в 4 часа ночи. На станции нас никто не встретил. Взяли такси и поехали в иностранный офис, и кого мы должны там

встретить? Наш первый большевик, не кто иной, как граф Флоренский с Лонг-Бич! Ну и шутка! Элегантно одетый в обеденную одежду, он только что пришёл с вечеринки. Он пригласил нас в свои комнаты. Мы с Айседорой не переставали смеяться, это было слишком смешно.

Isadora noted in her memoirs:

I went to Russia accompanied only by my pupil Irma and my faithful maid Jeanne. We had been told such terrible things that as the train passed the red flag at the frontier, we would not have been surprised if the pictured Bolshevik with red flannel shirt, black beard, and a knife between his teeth, had appeared to violate us all three and then cut our throats as an evening's amusement. We all confessed to some shiver of excitement. . . .

\\

Айседора отметила в своих воспоминаниях:

Я приехала в Россию в сопровождении моей ученицы Ирмы и моей верной горничной Жанны. Нам сказали такие ужасные вещи, что, когда поезд прошёл под красным флагом на границе, мы бы не удивились, если бы оказалась, что рисованный большевик в красной фланелевой рубашке, с чёрной бородой и ножом между зубами, изнасиловал бы всех нас троих, а затем перерезал нам горло, как вариант развлечения в вечернее время. Мы все признались в некоторой дрожи от волнения...

Our first night at Moscow we left Jeanne in the one room available at the hotel, in the one bed, weeping hysterically because she had seen "des grands rats," and we spent the night (with the young man from the train), wandering about the mystically beautiful city of the many churches and golden domes. He talked, more and more inspired, of the future of communism, until dawn we were also ready to die for Lenin and the cause. Then some clouds blew up and it began to rain. Our guide seemed supremely indifferent to the wet and I also noticed now that we hadn't eaten anything for fourteen hours. I found, after meeting others, that a real Communist is indifferent to heat or cold or hunger or any material sufferings. As the early Christian martyrs, they live so entirely in ideas that they simply don't notice these things. But Irma and I were worn out; and so we tramped back to the train.

\\

В нашу первую ночь в Москве мы оставили Жанну одну в комнате, доступной в отеле, в одной кровати, и истерично плачущей, потому что она видела «громadных крыс», а мы провели ночь (с молодым человеком из поезда), блуждая в мистически красивом городе многих церквей и золотых куполов. Он говорил, всё более вдохновляясь, о будущем коммунизма, и к рассвету мы тоже были готовы умереть за Ленина и за его дело. Затем налетели облака, и начался дождь. Наш гид казался в высшей степени безразличным к сырости, и теперь я заметила, что мы ничего не ели в течение четырнадцати часов. После встречи с другими я обнаружила, что настоящий коммунист безразличен к жаре или холоду, голоду или материальным страданиям. Как ранние христианские мученики, они живут так полностью в идеях, что просто не замечают этих вещей. Но мы с Ирмой были измотаны; и поэтому мы вернулись в поезд.

July 25.

We have been waiting all morning to hear from Tovarish Lunacharsky, who invited us here, but didn't get word till noon. They conducted us to Madame Geltzer's apartment. The well-known ballerina is away on a tour.

There we met Ilya Schneider, a journalist and an intimate friend of Ekaterina Geltzer. He wrote in his reminiscences:

\\

25 июля.

Мы всё утро ждали, чтобы услышать что-то от Товарища Луначарского, который пригласил нас сюда, но не получили ни слова до полудня. Они провели нас к квартире мадам Гельцер. Известная балерина уезжает в тур. Там мы встретились с Ильёй Шнейдером, журналистом и близким другом Екатерины Гельцер. Он написал в своих воспоминаниях:

The telephone on my table rang, and Lunacharsky's secretary said that the NARKOM wanted to speak to me. Lunacharsky had reported the arrival of the famous dancer, Isadora Duncan, who wanted to give her labor and experience in the artistic education of children to Soviet Russia.

"We expected Duncan in three days from now," Lunacharsky said to me, "but she came unexpectedly yesterday and had to stay at a room in the Savoy Hotel, which, at

the present time, is not at all well built, one can even say it's a wreck. While we are looking for other lodgings, couldn't we put her up for a while in Ekaterina Vasilyevna Geltzer's apartment who is away and has, so I hear, entrusted her apartment to you?"

\\

Зазвонил телефон на моём столе, и секретарь Луначарского сказал, что НАРКОМ хочет поговорить со мной. Луначарский сообщил о прибытии знаменитой танцовщицы Айседоры Дункан, которая хотела отдать свой труд и опыт в художественном воспитании детей в Советской России.

«Мы ожидали Дункан через три дня,» - сказал мне Луначарский, - но вчера она неожиданно приехала и должна была остаться в комнате в гостинице «Савой», которая в настоящее время совсем не построена, можно даже сказать, что это катастрофа. В то время, пока мы ищем другие квартиры, разве мы не могли бы разместить её на время в квартире Екатерины Васильевны Гельцер, которая уехала, и, как я слышал, она доверила ей квартиру?»

I didn't doubt Geltzer would agree to this but nonetheless I asked permission to call back in a few minutes while I consulted with Geltzer's sister, the wife of Ivan Mikhailovich Moskvina. She of course agreed and I informed Lunacharsky about this. "Please go to Geltzer's apartment," Lunacharsky replied, "settle her there and look after her for a while."

\\

Я не сомневался, что Гельцер согласится на это, но тем не менее я попросил разрешения перезвонить через несколько минут, пока я посоветуюсь с сестрой Гельцер, женой Ивана Михайловича Москвина. Она, конечно, согласилась, и я сообщил об этом Луначарскому.

«Пожалуйста, иди в квартиру Гельцер,» - ответил Луначарский, - «посели её там и присмотри за ней некоторое время».

When I entered Geltzer's apartment ... we were introduced. I asked our guest if she was satisfied with her quarters and how she felt. . . . Isadora, dissatisfied, frowned, but I couldn't understand why-maybe my German pronunciation was at fault-I thought. However, I found out later that her displeasure arose on account of my addressing her as "Miss Duncan." Despising all remnants of the world she had left, she wanted to be addressed as Comrade or Tovarish Duncan

\\

Когда я вошёл в квартиру Гельцер ... нас познакомили. Я спросил нашу гостью, довольна ли она её апартаментами и как она себя чувствует... Айседора, недовольная, нахмурилась, но я не мог понять почему, - может быть, моё немецкое произношение было виновато, как я подумал. Однако позже я узнал, что её неудовольствие возникло из-за того, что я обращался к ней как к мисс Дункан. Презирая все остатки мира, от которого она ушла, она хотела, чтобы к ней обращались как Комрад или Товариш Дункан...

In the first conversation that sprung up between us at the tea table Duncan told me that she saw the "Look of the new world" only in the expression of the faces and eyes of the Red Army men whom she saw marching in the streets. . . .

A young woman noiselessly entered the room.

"This is Irma-the only one of my pupils who has decided to come with me to Moscow," Isadora said. "You know, they frightened us with endless horrors which we would have to live through and see here."

\\

В первом разговоре, который возник между нами у чайного столика, Дункан сказала мне, что она видела «Взгляд нового мира» только в выражении лиц и глаз красноармейцев, которых она видела на улицах...

В комнату бесшумно вошла молодая женщина.

«Это Ирма - единственная из моих учениц, решившихся приехать со мной в Москву», - сказала Айседора. «Вы знаете, они пугали нас бесконечными ужасами, которые нам нужно было бы пережить и увидеть здесь».

A big, full-bosomed person flew headlong into the room, babbling quickly in French and making "big eyes" while clapping her hands together. This was Jeanne, her French maid without whom Duncan did not travel. It turned out that Duncan's baggage had arrived. I stepped out onto the balcony of Geltzer's apartment and saw below baskets and suitcases and trunks rising up like a tower on the cart. . . .

\\

В комнату ворвалась большая, полногрудая женщина, которая быстро болтала по-французски и делала «большие глаза», хлопая в ладоши. Это была Жанна, её французская служанка, без которой Дункан не путешествовала. Оказалось, что прибыл багаж Дункан. Я вышел на балкон квартиры Гельцер, и увидел внизу многочисленные корзины и чемоданы, а сундуки поднимались на телеге как башня...

At the time of our talk, Jeanne was bustling about the table serving tea and unloading jars of jam and marmalade, chocolate bars, sponge cakes and small packages wrapped in oil paper which she noisily tore open. . . . I peered into the huge basket and saw that it was filled with bread.

"Why did you bring so much bread with you from behind the border?" I asked Duncan. She had no time to answer when Irma blurted out with a laugh, "We still have two more such baskets!"

\\

Во время нашего разговора Жанна суетилась за столом, на котором были сервированы чай и выгружаемые банки варенья и мармелада, шоколадные батончики, бисквиты и небольшие пакеты, завернутые в масляную бумагу, которые она шумно разрывала... Я заглянул в огромную корзину и увидел, что она наполнена хлебом.

«Почему вы привезли столько хлеба с собой из-за границы?» - я спросил Дункан. У неё не было времени, чтобы ответить, когда рассмеялась Ирма: «У нас есть ещё две корзины!»

Isadora indignantly explained that these small loaves of bread were dietary . . . she burst out laughing and said in her special German language in which she sprinkled French and sometimes English words, "They all insisted that we take a lot of bread with us since there isn't any in Russia."

\\

Айседора с возмущением объяснила, что эти маленькие буханки хлеба были диетическими... она рассмеялась и сказала на своем специальном немецком языке, в который она вставляла французские, а иногда и английские слова: «Все они настаивали на том, чтобы мы брали с собой много хлеба, так как в России его нет».

At this point the bell rang. Lunacharsky made an appearance. I was not going to hinder their discussion (for they spoke French together) and left.

\\

В этот момент раздалась звонок. Появился Луначарский. Я не собирался препятствовать их обсуждению (поскольку они говорили по-французски вместе) и ушёл.

Lunacharsky commissioned Ilya Schneider to look after us for a while. This he did for the rest of the time we lived in Russia; first as interpreter, then as business manager of the Moscow school. He was a slim young man of medium height, with dark eyes and dark hair slicked back. We all became inseparable friends. Lunacharsky, Commissioner of Education, a cultured author and playwright, published an article shortly after his interview with Isadora, which he titled "Our Guest." The article is too long to be quoted in its entirety, but a few extracts may be of interest:

\\

Луначарский поручил Илье Шнейдеру присмотреть за нами некоторое время. Это он делал до тех пор, пока мы жили в России; сначала как переводчик, затем как бизнес-менеджер московской школы. Он был стройным молодым человеком среднего роста, с тёмными глазами и тёмными волосами. Мы все стали неразлучными друзьями. Луначарский, комиссар образования, культурный автор и драматург, опубликовал статью вскоре после своего интервью с Айседорой, которую он назвал «Наша гостья». Статья слишком длинная, чтобы её можно было процитировать в полном объеме, но несколько выписок могут представлять интерес:

What end had she in coming to Russia? The main end was an educational one. She came to Russia with the approval of Narkompross and Narkomindel, who made her an offer to organize in this country a big school of a new type. . . . Duncan believed with all her soul that, in spite of the famine and the lack of necessities, in spite of the terrible seriousness of the moment and the consequent preoccupation of the government officials with other vital questions, a beginning of her idea could be made Her vision reaches far. She is thinking of a large government school with a thousand children. She is willing for the moment, however, to begin with a smaller number. They shall receive elementary education through our teachers. Their physical and aesthetic education shall be under Duncan's sole direction

\\

С какой целью она приехала в Россию? Основной ориентир был учебным. Она приехала в Россию с одобрения Наркомпроса и Наркоминдела, которые предложили ей организовать в этой стране большую школу нового типа... Дункан, со всей своей душой, верила, что, несмотря на голод и нехватку предметов первой необходимости, несмотря на ужасную серьезность момента и последующую озабоченность правительственных чиновников другими жизненно важными вопросами, можно было бы начать реализовывать её идею... Её видение далеко. Она думает о большой правительственной школе с тысячей детей. Однако, она согласна на то, чтобы начать с меньшего числа. Они получат

начальное образование через наших учителей. Их физическое и эстетическое образование должно находиться под единственным руководством Дункан...

At present Duncan is going through a phase of rather militant communism that sometimes makes us smile involuntarily In one instance she was asked by some of our Communist comrades to a small, one might say, family fete. She found it possible to call their attention to their bad Communist taste, because of the bourgeois surroundings and because of their behavior, which was so far from the flaming ideal she had painted in her imagination. It would have developed into a small scandal, if our comrades had not understood how much original charm was contained in the naive criticism which was in substance true.

||

В настоящее время Дункан переживает этап крайне воинствующего коммунизма, который иногда заставляет нас невольно улыбаться... В другом случае она была приглашена некоторыми из наших коммунистических товарищей на маленький, можно сказать, семейный праздник. Она сочла возможным обратить внимание на их плохой коммунистический вкус из-за буржуазного окружения, и из-за их поведения, которое было так далеко от пылающего идеала, который она нарисовала в своём воображении. Это превратилось бы в небольшой скандал, если бы наши товарищи не поняли, насколько оригинальное очарование содержалось в наивной критике, которая была по существу истинной.

The People's Commissariat of Education greets Russia's guest and believes that, on the occasion of her first public appearance, the proletariat will confirm the greeting. Duncan has been called the Queen of Movement, but of all her movements, this last one-her coming to Red Russia in spite of being scared off-is the most beautiful and demands the greatest applause.

||

Народный комиссариат просвещения приветствует гостью России и считает, что по случаю её первого публичного выступления пролетариат подтвердит приветствие. Дункан назвали Королевой Движения, но из всех её движений этот последний - её приезд в Красную Россию, несмотря на то, что она испугалась - этот самый красивый и требует самых больших аплодисментов.

When Isadora and I arrived in Moscow during the third year of the Red Revolution, we were the first foreign women, except for Anne Sheridan, to come to that country since the uprising in 1918. The rest of the civilized world trembled to come near it. America, and most Western nations, had not yet recognized the new regime under Lenin and Trotsky. Lenin, the father of the Bolshevik Revolution, once advocated that all the streets should be paved with gold, for as a means of exchange that metal would be made obsolete. We found the streets littered with every conceivable object but gold. Money in any kind of currency was out of circulation, throwing the whole economy into chaos. Everything could be had free-if it was available. In this short period of practical communism, people received sustenance and other commodities

necessary to their existence according to their individual needs. Wherever one looked, one saw endless lines of people queuing up for food. We, too, were put on rations, or paiok as they called it for artists. Once a fortnight Jeanne went with her big market basket to the distributing center in the Kremlin to collect the rations consisting of white flour, pressed caviar, tea, sugar, and potatoes. For the rest of that first year we lived chiefly on potatoes, a diet we shared with all those lucky enough to obtain them, for elsewhere-outside of Moscow-a terrible famine raged. The famine would have caused a national disaster but for the food distributed from America through the Hoover Commission.

||

Когда мы с Айседорой приехали в Москву на третий год Красной революции, мы были первыми иностранными женщинами, за исключением Энн Шеридан, которые приехали в эту страну после восстания в 1918 году. Остальная часть цивилизованного мира побоялась приблизиться к ней, Америка и большинство западных стран ещё не признали новый режим при Ленине и Троцком. Ленин, отец большевистской революции, однажды выступал за то, чтобы все улицы были вымощены золотом, поскольку в качестве средства обмена металл был бы устаревшим. Мы обнаружили, что улицы усеяны всеми мыслимыми объектами, кроме золота. Деньги в любой валюте выходили из обращения, бросая всю экономику в хаос. Всё могло быть бесплатным - если бы оно было доступно. В этот короткий период практического коммунизма люди получали средства к существованию и другие товары, необходимые для их существования, в соответствии с их индивидуальными потребностями. Где бы ни смотрели, каждый видел бесконечные очереди людей, стоящих в очереди за едой. Мы тоже были поставлены на нормированный рацион продовольствия, или «пайок», как они называли это для художников. Один раз в две недели Жанна ходила со своей большой рыночной корзиной в распределительный центр в Кремле, чтобы собрать пайки, состоящие из белой муки, прессованной икры, чая, сахара и картофеля. В течение всего этого первого года мы жили главным образом на картофеле, диете, которую мы делили со всеми, кому посчастливилось получить их, - в других местах за пределами Москвы бушевал страшный голод. Голод вызвал бы национальную катастрофу, если бы не еда, распространяемая из Америки через Комиссию Гувера.

Most of the month of August we spent in the country in a small isba, or peasant's cottage, fashioned of rough-hewn logs. Living simply off the land, drinking goat's milk and eating goat's cheese, we waited patiently for the government to find a suitable house for the school.

||

Большую часть августа мы провели в деревне, в маленькой избе, или же крестьянском коттедже, собранной из грубых бревен. Живя просто с земли, выпивая козье молоко и употребляя козьи сыры, мы терпеливо ждали, пока правительство найдет подходящий дом для школы.

At last, on August 23, two carriages drove us and our luggage back to town. They stopped in front of No. 20 Pretchistenka, formerly a fashionable street running from the Cathedral of the Savior, visible from afar, to the Zoubovsky Boulevard. We entered a house of palatial proportions done in the rococo style. It had belonged to Ushkoff, a wealthy tea-plantation owner, whose wife, Alexandra Balashova, had been a leading member of the Bolshoi Ballet. She had only recently fled the country.

||

Наконец, 23 августа, две тележки привезли нас и наш багаж обратно в город. Они остановились перед домом №20 «Пречистенка», которая раньше была модной улицей, идущей от Храма Спасителя, видимого издалека, до Зубовского бульвара. Мы вошли в дом дворцовых пропорций, выполненных в стиле рококо. Он принадлежал Ушкову, богатому владельцу чайной плантации, чья жена Александра Балашова была ведущей участницей Большого балета. Недавно она покинула страну [была выслана, особняк был национализирован].

One entered by a rather small door-small, that is, in relation to the immensity of the building-from Pretchistenka and came upon a terra-cotta-tinted Pompeiian room that had four marble columns and marble benches, whose backs were decorated with bas-reliefs of nymphs and satyrs. In a niche stood a marble statue of the goddess Venus. From this vestibule, one ascended by a broad white marble stairway to the grand hall. This hall had tapestries affixed to its four walls and a ceiling painted with murals depicting scenes from Greek mythology.

||

Одна, я вошла в довольно небольшую дверь, то есть маленькую по отношению к огромности здания с Пречистенки, и натолкнулась на помпейскую комнату с терракотовым оттенком, в которой были четыре мраморные колонны и мраморные скамейки, спинки которых были украшены рельефами нимф и сатиров. В нише стояла мраморная статуя богини Венеры. Из этого вестибюля один поднимался по широкой белой мраморной лестнице в большой зал. В этом зале на четырех стенах были прикреплены гобелены, а потолок расписан фресками, изображающими сцены из греческой мифологии.

The upstairs rooms were decorated in a surprising variety of styles. There was the Empire room, the Louis XV boudoir, the oak-paneled Gothic dining room, the Turkish smoking room that led into a winter garden, and so on-but there was only one bathroom. Isadora installed herself in the master bedroom, which was decorated with every conceivable Napoleonic emblem from bees to swans in red and gold. I occupied the Louis XV boudoir next door, and we shared the bathroom between.

||

Номера на верхнем этаже были оформлены в удивительном разнообразии стилей. Там находилась комната Империи, будуар Людовика XV, готическая столовая с дубовыми панелями, турецкая курительная комната, которая вела в зимний сад и т.д., но была только одна ванная комната. Айседора разместились в главной спальне, которая была украшена всеми возможными эмблемами Наполеона, от пчёл до лебедей, в красном и золотом. Я заняла будуар Людовика XV по соседству, и мы поделились ванной между ними.

Of course all these elaborately decorated rooms were completely denuded of furniture. The last official occupant, Bela Kun, had filched everything including the bric-a-brac; he had even stripped the silk damask off the walls. The only fixtures remaining in my room, apart from the large marble fireplace (which was a comfort to me during the arctic winters), consisted of a tall mirror in an elaborate gold frame over a rosewood and ormolu commode, and the delicately constructed Saxe china chandeliers. My bed stood on a raised dais, enclosed by a gilded wooden balustrade, in one corner of the former boudoir. Two large double windows opposite opened onto the spacious courtyard, enclosed by additional wings of the house.

This private sanctum was home to me all the years I lived in Moscow.

||

Конечно, все эти тщательно оформленные номера были полностью лишены мебели. Последний официальный житель, Бела Кун, забрал всё, включая старинные вещи; он даже снял шёлковый дамаст со стен. Единственные светильники, оставшиеся в моей комнате, кроме большого мраморного камина (который создавал для меня комфорт во время арктических зим), состояли из высокого зеркала в сложной золотой раме над палисандром и комодом с золочёной бронзой, и изысканно изготовленные фарфоровые люстры Саксония. Моя кровать стояла на возвышении, окруженном позолоченной деревянной балюстрадой, в одном углу бывшего будуара. Два больших двойных окна

напротив открывались в просторный двор, огороженный дополнительными крыльями дома.

Это частное святилище было домом для меня все годы, когда я жила в Москве.

On the third of December we officially opened the school with twenty-five children especially chosen for their dancing talents. Often in the beginning the dance room could not be heated, and classes had to be canceled. Frequently we went hungry. But the enthusiastic little pupils clamored for their lessons, and we taught them to dance "so as not to think of it," as Isadora had prophesied to Madame Sartoris.

||

Третьего декабря мы официально открыли школу с двадцатью пятью детьми, специально выбранными по их танцевальным талантам. Поначалу, часто танцевальную комнату нельзя было нагреть, и занятия приходилось отменять. Часто мы голодали. Но восторженные маленькие ученики требовали своих уроков, и мы научили их танцевать «чтобы не думать об этом», как Айседора пророчествовала мадам Сарторис.

The government had originally intended to settle us in the warm south, the Crimea, where the Tsar's old summer palace could easily accommodate a thousand children. For that reason, we had come to Russia without sufficient warm clothing. As the days began to get more sharply cold, we began to wonder about the winter when temperatures sink below zero. An official suggested we go to the fur storage warehouse and there choose garments for ourselves. He obtained a written order, and in great excitement Isadora and I set out for the warehouse. "We must be like the other working people," Isadora said. She had admired the sheepskin coats-or shubas-the peasants wore into town on market days, and suggested we get similar ones. However, that was not my idea of a proper fur coat.

At the warehouse we saw rows on rows of magnificent furs of every description-enough to make one's head reel. I quickly whispered to my foster mother, "Don't take anything but Russian sable!"

||

Первоначально правительство намеревалось поселить нас на тёплом юге, в Крыму, где старый летний дворец царя мог легко разместить тысячу детей. По этой причине мы приехали в Россию без достаточного количества тёплой одежды. По мере того, как дни становились всё более холодными, мы начали задумываться о зиме, когда температура опускается ниже нуля. Чиновник предложил пойти на склад меховых изделий и выбрать одежду для себя. Он получил письменный заказ, и мы с большим волнением отправились с Айседорой на склад. «Мы должны быть такими же, как другие работающие люди», - сказала Айседора. Она восхищалась дубленками или шубами, которые крестьяне носили в городе в рыночные дни, и предложила нам купить такие же. Однако, это не было моей идеей о правильной шубе.

На складе мы увидели бесконечные ряды великолепных мехов любого описания - достаточно, чтобы закружилась голова. Я быстро прошептала своей приёмной матери: «Не бери ничего, кроме русского соболя!»

Isadora looked shocked. She picked the most modest specimens she could find. For herself she chose a long mink coat lined with ermine and for me a mink coat with a sable collar. With these over our arms, we marched out of the warehouse. But guards stopped us at the door, explaining that we had to leave the coats until they could be properly evaluated.

||

Айседора выглядела шокированной. Она выбрала самые скромные экземпляры, которые она могла найти. Для себя она выбрала длинное норковое пальто, выложенное горностаем, и для меня было норковое пальто с соболиным воротником. С этими нагруженными руками мы вышли со склада. Но охранники остановили нас у двери, объяснив, что нам нужно оставить пальто, пока они не будут правильно оценены.

A week passed without any sign of the fur coats arriving at Pretchistenka. When we called up the warehouse, we were informed of the fantastic price we had to pay. Simply out of the question, we could not afford them. I turned to Isadora. "You see! You should have let me have my wish. I would at least have owned a sable coat once in my life, even if only for a week!" She laughed and told me to have patience, that I would eventually receive a fur coat. For Christmas she presented me with a nice coat of silver-gray squirrel to keep me from freezing to death in that arctic climate.

||

Прошла неделя без каких-либо признаков шуб, прибывающих на Пречистенку. Когда мы позвонили на склад, нам сообщили о фантастической цене, которую мы должны были заплатить. Просто из-за этого мы не могли позволить себе их. Я повернулась к Айседоре. «Ты видишь! Ты должна была дать мне то, что тогда пожелала. Я бы, по крайней мере, однажды в жизни владела собольей шубой, хотя бы всего неделю!» Она рассмеялась и сказала мне, чтобы я набралась терпения, что, в конце концов, я получу шубу. На Рождество она подарила мне приятное пальто из серебристо-серой белки, чтобы я не замерзала до смерти в этом арктическом климате.

The fourth anniversary of the Russian Revolution was to be celebrated on the seventh of November, 1921. Lunacharsky asked Isadora if she would dance at the gala performance at the Bolshoi Theatre. All the tickets were to be distributed free to the various workers' organizations and the Red Army. She accepted the honor with pleasure and decided to dance Tchaikovsky's Sixth Symphony and his "Marche Slav." Interwoven in the composition of the "Marche Slav" are several bars of the Tsarist Hymn. Several officials objected to her dancing to that music, fearing it might call forth a counter-revolutionary demonstration among some of the people. Their fear was completely unfounded. They had not seen Isadora's interpretation of the theme and did not know that she used the Tsarist Hymn motif to express the utter oppression of the masses beaten down by the knout. Her dancing and miming of the "Marche Slav" had a tremendous impact on the audience. It was a magnificent performance, not in the least "pretty"-which may be the reason people schooled in ballet found it

shocking-but its stark power was obvious to everyone else. A critic wrote in Isvestia the next day:

||

Четвертую годовщину русской революции нужно было отметить 7 ноября 1921 года. Луначарский спросил Айседору, будет ли она танцевать на гала-представлении в Большом театре. Все билеты должны были быть распределены бесплатно различным организациям трудящихся и Красной Армии. Она с удовольствием приняла эту честь, и решила поучаствовать в Шестой симфонии Чайковского и его «Марше Славянки». В композицию «Марш Славянки» вплетены несколько тактов Царского Гимна. Несколько чиновников возражали против её танца на эту музыку, опасаясь, что это может вызвать контрреволюционную демонстрацию среди некоторых людей. Их страх был совершенно необоснован. Они не видели интерпретации темы Айседорой и не знали, что она использовала мотив Царского Гимна, чтобы выразить полное угнетение масс, избитых кнутом. Её танцы и подражание «Маршу Славянки» оказали огромное влияние на зрителей. Это было великолепное выступление, не в последнюю очередь «симпатичное», что может быть причиной того, что люди, обучавшиеся балету, сочли его шокирующим, но его абсолютная сила была очевидна для всех остальных. Критик написал в «Известия» на следующий день:

Isadora Duncan depicted in moving gestures a bent, oppressed, burdened, fettered slave, who falls exhausted to his knees. Now see what happens to this slave at the first notes of the accursed Tsarist Hymn. He lifts his weighed-down head, and his face shows an awful grimace of hate. With all his force he straightens himself and breaks his chains. Then he brings from behind his back his crooked and stiffened arms-forward to a new and joyful life. The allegory was understood by everyone

||

Айседора Дункан в подвижных жестах изобразила изогнутого, угнетённого, отягощённого, скованного раба, измотано падающего на колени. Теперь посмотрим, что происходит с этим рабом по первым нотам проклятого царского гимна. Он поднимает свою отягощенную голову, и его лицо показывает ужасную гримасу ненависти. Со всей своей силой он выпрямляется и разбивает свои цепи. Затем он выводит из-за спины свои кривые и застывшие руки - вперед к новой радостной жизни. Вся аллегория была понята всем...

The thrill of the evening came when after the emotion of the "Marche Slav" calmed, the orchestra began to play the "Internationale," and Isadora moved to the center of the stage, draped in red . . . when the dancer had mimed the first stanza, the singing audience, standing up, saw Irma come from the side of the stage leading by the hand a little child, who was followed by another and another-a hundred little children in red tunics, each with the right hand held high, clasping fraternally the left hand of the one before, moving against the blue curtains, forming a vivid, living frieze, and then circling the vast stage and surrounding, with childish arms outstretched toward the light, the noble, undaunted, and radiant figure of their great teacher.

||

Волнение вечера наступило, когда успокоилась эмоция «марша славянки», оркестр начал играть «Интернационал», а Айседора переместилась в центр сцены, задрапированной красным... Когда танцовщица изобразила первую строфу, поющая публика, вставая, увидела, как Ирма вышла со стороны сцены, ведя за руку маленького ребёнка, за которым следовали ещё и ещё один - сто маленьких детей в красных туниках, каждая с правой рукой, высоко поднятой, по-братски сжимая левую руку предыдущей, двигаясь к синим занавесам, образуя яркий, живой фриз, а затем облетая обширную сцену и окружающие, с детскими руками, протянутыми к свету, благородный, неустрашимый и лучезарный образ их великого учителя.

The allegory was understood by everyone, the reviewer said, all, that is, except the confraternity of the Russian Ballet whose sole concept of the kinetic art represents the PRETTY dance. Of course Isadora's March Slav was not meant to be pretty, on the contrary. But that did not seem to penetrate their limited understanding of what the true art of the dance should represent in all its multiple facets. Isadora Duncan's individualistic approach to the dance was apparently entirely incomprehensible to their narrow, drilled-in conformity of thinking. Since then, some leaders of the Russian Ballet have publicly voiced their total incomprehension in really quite vulgar and stupid criticism of her unique art, obviously motivated by envy because of their own lack of creative originality.

||

По словам рецензента, аллегория была понятна почти всем, то есть, за исключением братства Русского балета, единственной концепцией которого является кинетическое искусство, представляющее КРАСИВЕНЬКИЙ танец. Конечно, «марш славянки» Айседоры, наоборот, не должен был быть красивым. Но это, похоже, не проникало в их ограниченное понимание того, что истинное искусство танца должно представлять во всех его многочисленных аспектах. Индивидуалистический подход Айседоры Дункан к танцу был, по-видимому, совершенно непостижимым для их узкого, прошедшего строевое обучение ортодоксального мышления. С тех пор некоторые руководители Русского балета публично высказали своё полное непонимание её уникального искусства, в действительно довольно вульгарной и глупой критике, явно мотивированной завистью из-за отсутствия собственной творческой оригинальности.

Isadora's grand scheme of founding a free school supported by a generous government slowly began to disintegrate. Financial assistance was not forthcoming. The spacious building was about the only thing the government provided free of cost to further the work for which Isadora Duncan came to Soviet Russia. Lenin, the ruler of Red Russia, being above all a realist, found it necessary to abolish War Communism in order to put his country on its financial feet again. In December of 1921, he inaugurated the New Economic Policy, called NEP. A money system was re-established, standardizing the ruble on a gold basis, and workers again became wage-earners.

||

Великая схема Айседоры по созданию бесплатной школы, поддерживаемой великодушным правительством, постепенно начала распадаться. Финансовая помощь не поступала. Просторное здание было единственным, что правительство предоставило бесплатно для дальнейшей работы, ради которой Айседора Дункан приехала в Советскую Россию. Ленин, правитель Красной России, будучи, прежде всего, реалистом, счёл необходимым отменить военный коммунизм, чтобы снова вернуть свою страну на её прежние [благополучные] финансовые позиции. В декабре 1921 года он открыл новую экономическую политику, названную НЭПом. Была восстановлена денежная система, стандартизация рубля на золотой основе, и рабочие снова стали наёмными работниками.

Lunacharsky himself came to Pretchistenka to inform us of these important matters and to tell us that the serious financial crisis made it impossible for the government to support the school. Isadora's idealism was blown sky high. She was right back where she started-saddled with the enormous upkeep of the newly installed school housing more than fifty people. As of old, she saw herself once more forced to give paying performances in order to support her idealistic enterprise. "Plus fa change, plus c'est la meme chose."

||

Сам Луначарский приехал на Пречистенку, чтобы сообщить нам об этих важных обстоятельствах и сказать, что серьёзный финансовый кризис не позволяет правительству поддерживать школу. Идеализм Айседоры был разорван в клочья. Она вернулась туда, где она начала - обременённая огромным ремонтом недавно возведённого школьного жилья для более пятидесяти человек. Как и в давние времена, она поняла, что она снова вынуждена давать платные выступления, чтобы поддержать её идеалистическое предприятие. «Чем больше изменений, тем больше это одно и то же.»

At this moment in the history of her school, Isadora met the young Russian poet Sergei Essenine, to whom she was married in May of the following year. From that time, she became more and more restless in Moscow. She felt that she must leave Russia. This was necessary for the simple reason that she needed desperately to replenish her private coffers. She asked me to go with her. "You know yourself that there is no future here for us and our idea," she confided to me while in a discouraged mood. "Come with me to America, half of everything I have is yours." But she quickly added, jokingly, "Half of everything -but my husband!"

||

В этот момент в истории своей школы, Айседора встретила молодого русского поэта Сергея Есенина, за которого она вышла замуж в мае следующего года. С того времени ей становилось все более и более беспокойно в Москве. Ей казалось, что она должна покинуть Россию. Это было необходимо по той простой причине, что она отчаянно нуждалась в пополнении своей личной кассы. Она попросила меня поехать с ней. «Ты сама знаешь, что здесь нет будущего для нас и нашей идеи», - призналась она мне в отчаянном

настроении. «Поедем со мной в Америку, половина всего, что у меня есть, принадлежит тебе». Но она быстро добавила в шутку: «Половина всего, но муж мой!»

I advised her not to take her husband to either Western Europe or America, foreseeing nothing but disaster, for he was a neurotic man, not the type to be suddenly uprooted from his familiar environment. She would not listen to me, and I certainly wanted no part of that mad menage. I much preferred to stay in Russia. Besides, what about the children? The thought of sending them back to their miserable homes after they had become used to the school (and loved it) was more than I could bear. Remembering my own childhood and what dancing with Isadora meant to me, I had not the heart to forsake them now. And so I stayed, come what might, for better or for worse; resolved to do my utmost to make this thing I helped to start a success.

||

Я посоветовала ей не брать мужа ни в Западную Европу, ни в Америку, не предвидя ничего, кроме бедствия, поскольку он был невротиком, не тем, кого можно внезапно вырвать из его знакомой среды. Она не слушала меня, и я, конечно, не хотела участвовать в этом безумном предприятии. Я с большим желанием предпочла остаться в России. Кроме того, как насчёт детей? Мысль отправить их обратно в их жалкие дома, после того как они привыкли к школе (и полюбили её), была больше, чем я могла вынести. Вспоминая своё детство и то, что для меня значил танец с Айседорой, у меня не хватило решимости оставить их сейчас. И поэтому я осталась, что бы ни случилось, к лучшему или к худшему; решила сделать всё возможное, чтобы сделать это, я помогала им добиться успеха.

Before leaving, Isadora handed me a check for a hundred dollars. "That is all I can spare," she said, "but I shall send more from America."

The trouble was that these one hundred dollars did not last very long. So when they were gone, here I was, in my early, hopeful twenties; left stranded in a strange, forbidding land without a kopek to my name. What would the future bring?

||

Перед отъездом Айседора вручила мне чек на сто долларов. «Это всё, что я смогла сэкономить, - сказала она, - но я пошлю больше из Америки».

Беда в том, что этих сто долларов хватило не надолго. Поэтому, когда они были израсходованы, я была здесь, в мои ранние, обнадеживающие двадцать лет; оставшись на мели в чужой, страшной земле без копейки денег на моё имя. Что принесёт будущее?

-=15=-

Little Dividend

Маленький Дивиденд

To celebrate the official opening of the Moscow school, some friends had invited Isadora and myself to a night club. Situated in the basement of an apartment house, it was the only sub rosa night club in town. Being foreigners, we always created a mild sensation wherever we went. The populace would approach as close as they could and silently stare at us, as if seeing creatures from another planet. As a celebrity, Isadora was given the red-carpet treatment at the night club. When the master of ceremonies saw her seated at a ringside table with her entourage, he focused the spotlight on her. Then he made a little introductory speech to the assembled guests. In an allusion to Balashova's secret flight from Red Russia and Isadora's candid arrival, he said, "Now that the New Economic Policy is in force, our government has recently made a very smart deal by exchanging worthless Russian rubles for valuable American valiuta. Comrades, I have the great honor of introducing Isadora Duncan!"

When the applause died down, he continued, "It appears they obtained not only valuable American valiuta-but even a little dividend!"

||

Чтобы отпраздновать официальное открытие московской школы, некоторые друзья пригласили Айседору и меня в ночной клуб. Расположенный в подвале жилого дома, это был единственный ночной клуб в России. Будучи иностранцами, мы всегда производили небольшую сенсацию, куда бы мы ни шли. Народ подходил как можно ближе и молча смотрел на нас, как бы видя существ с другой планеты. Как знаменитости, Айседоре была дана красная ковровая дорожка в ночном клубе. Когда конферансье увидел, что она сидит в первых рядах с её окружением, он сосредоточил внимание на ней. Затем он сделал небольшую вступительную речь для собравшихся гостей. В намёке на тайный побег Балашовой из Красной России, и демонстративный приезд Айседоры, он сказал: «Теперь, когда новая экономическая политика вступила в силу, наше правительство недавно совершило очень разумную сделку, обменяв бесполезные российские рубли на ценную американскую валюту. Товарищи, у меня есть большая честь представить Айседору Дункан!

Когда аплодисменты утихли, он продолжил: «Кажется, они получили не только ценную американскую валюту, но и даже немного дивидендов!»

The little dividend was me. Would this dividend, reinvested, bring forth a goodly sum some day? That was the question. Confronted with the biggest challenge of my career so far, I asked myself whether I really had it in me to make good. Isadora had left me in charge of the artistic direction of the Moscow institution. But I must explain that without Ilya Schneider's clever business administration and the devoted help of the

other co-workers associated with me in this difficult venture, I could not have achieved what I did.

||

Маленьким дивидендом была я. Будет ли этот реинвестированный дивиденд когда-нибудь приносить хорошую прибыль? Это был вопрос. Столкнувшись с самой большой проблемой в моей карьере на данный момент, я спросила себя, действительно ли у меня есть что-то, чтобы делать добро. Айседора оставила меня ответственной за художественное руководство московского учреждения. Но я должна объяснить, что без умного делового администрирования Ильи Шнейдера, и преданной помощи других сотрудников, связанных со мной в этом трудном предприятии, я не смогла бы добиться того, что я сделала.

Let no one imagine that it was an easy matter to earn a living in those lean early years of Revolutionary Russia. Apart from my free room and keep, I received no salary. Any money I could possibly hope to earn would have to come from paid performances. Up to this point I had appeared only as a member of a group. Would the general public care to see me dance alone? At one of her own recitals, Isadora had once introduced me at the end to the public, who gave me a few cheers. That was all. Except for leading the pupils onto the stage in the "Internationale" as a sort of grande finale, I was not permitted to dance. I therefore decided it would be of importance for my future work in Russia that I should show the people what I could do, both as dancer and as teacher. To achieve this, I forced myself to cultivate patience and to concentrate on working hard for a whole year with the most talented of my pupils.

||

Пусть никто не думает, что было легко зарабатывать себе на жизнь в эти худые ранние годы Революционной России. Помимо моей бесплатной комнаты и содержания, зарплату я не получала. Любые деньги, которые я могла бы надеяться заработать, должны быть получены от платных выступлений. До этого момента я выступала только как член группы. Будет ли хотеть широкая общественность, чтобы я танцевала одна? В одном из своих собственных концертов Айседора однажды представила меня в конце для публики, которая провозгласила мне несколько «ура». Это всё. За исключением того, что ученики вышли на сцену в «Интернационале» в качестве своего рода грандиозного финала, мне не разрешалось танцевать. Поэтому я решила, что для моей будущей работы в России было бы важно, чтобы я показала людям, что я могу сделать, как танцовщица, так и как учитель. Для достижения этой цели, я заставила себя развивать терпение и в течении всего года сосредоточилась на трудной работе с самыми талантливыми из моих учеников.

In Russia I had done all the teaching because Isadora never instructed beginners. Every so often she would show them a gesture, but nothing else. I had no doubt whatever that I would attain good results. Here is where my practical experience in developing my own method of teaching in Darmstadt proved to be of great help. And, more important, my foster mother fully endorsed it, for Isadora herself once said,

"I have watched you work. You never speak about it. You just quietly go in there to teach every day for an hour or so, and the next time I see the children-they can dance!" Her saying this gave me hope and bolstered my courage in pursuing my goal.

||

В России я сделала всю систему обучения, потому что Айседора никогда не учила новичков. Каждый раз она показывала им жест, но ничего больше. Я не сомневалась, что добьюсь успеха. Здесь мой практический опыт в разработке моего собственного метода обучения в Дармштадте оказал большую помощь. И, что более важно, моя приёмная мать полностью поддержала его, поскольку сама Айседора однажды сказала: «Я наблюдала, как ты работаешь. Ты никогда не говоришь об этом. Ты просто тихо учишь каждый день в течение часа или около того, а потом я вижу детей, и они могут танцевать!» Она сказала так, - и это наделило меня надеждой и укрепило мою смелость в преследовании моей цели.

To increase my effectiveness as a teacher, I had to study Russian. Luckily I pick up foreign languages easily. By the end of my third year in the Soviet Union, I spoke and read this difficult language fluently. My knowledge of German and the Greek alphabet were helpful in getting me started. Being able to converse freely furthered my acquaintance with the Russian people, whom I came to understand and know more intimately than do most foreigners.

||

Чтобы повысить свою эффективность в качестве учителя, мне пришлось изучать русский язык. К счастью, я легко осваиваю иностранные языки. К концу моего третьего курса в Советском Союзе, я свободно говорила и читала этот трудный язык. Мои знания немецкого языка и греческого алфавита были полезны для меня. Возможность свободно общаться помогла мне познакомиться с российским народом, которого я поняла и знала более глубоко, чем большинство иностранцев.

A month after my foster mother left, I received a letter from her, from Wiesbaden, Germany:

Dear Irma-

I have been expecting every day to leave for London, and passports each day delayed. Therefore I telegraphed you three times but waited to write from London. We are so tired with all the waiting that we have come here to rest and recuperate. London performances are all arranged . . . only the waiting on account of formalities.

||

Через месяц после того, как моя приёмная мать уехала, я получила от неё письмо из Висбадена, Германия:

Дорогая Ирма,

Я каждый день ждала, что поеду в Лондон, но паспорта каждый день откладываются. Поэтому я телеграфировала тебе три раза, и ждала, чтобы написать из Лондона. Мы так устали от всех ожиданий, что приехали сюда,

чтобы отдохнуть и выздороветь. В Лондоне всё устроено... только ожидания из-за формальностей.

Berlin is very quiet and dull-was delighted to leave it. The house in Grunewald was lost through the war, etc. The lawyer handed me the absurd sum of 90,000 inflation marks for it. All my moneys, properties, etc., in Paris were attached so we have nothing but difficulties. Therefore I could not send you money from Berlin. Hope everything can be cleared up soon. I am enclosing check of ten pounds as experiment; if you succeed in cashing it I can send you others. To send money through bank is impossible.

||

Берлин очень тихий и скучный - была рада оставить его. Дом в Грюневальде был потерян в результате войны и т.д. Адвокат вручил мне абсурдную сумму в размере 90'000 франков после инфляции. Все мои деньги, имущество и т.д. были закреплены в Париже, поэтому у нас нет ничего, кроме трудностей. Поэтому я не могла отправить вам деньги из Берлина. Надеюсь, что всё будет скоро прояснено. Я прилагаю чек на десять фунтов в качестве эксперимента; если вам удастся обналичить его, я могу отправить вам ещё. Отправлять деньги через банк невозможно.

From then on, I received no further funds from her. Nor did I hear from her again till she returned to Russia a year later. That summer and the following winter, I lived on the simple fare the school provided, with an occasional dinner out with friends; while my foster mother toured the States. All my efforts were concentrated on my forthcoming debut as a solo performer in Moscow.

||

С тех пор я не получила от неё никаких дополнительных средств. Я также ничего не слышала от неё, пока она не вернулась в Россию через год. Этим летом и следующей зимой я жила на минимальной плате, которую предоставляла школа, и иногда ужинала с друзьями; в то время, как моя приёмная мать гастролировала по Штатам. Все мои усилия были сосредоточены на моём предстоящем дебюте в качестве сольного исполнителя в Москве.

In the spring of 1923, on the twenty-ninth of April, I made my debut with a group of my little pupils at a Sunday matinee. It took place in the Comedia, the former Korsh Theatre, situated on the Petrovka in the center of Moscow. What a lovely, sunny day! Driving to the theatre in the morning in an open carriage for this important event in my career, I thought of Isadora, and how she must have felt once. Was she as proud then as I felt now-on that date in July in 1905 when she showed off her pupils for the first time to the public? I remember what a thrill I experienced seeing the elegant cream-colored posters with my name spelled in Russian in huge gold letters, splashed on the walls all over town. Pierre Luboshutz, a well-known Russian pianist, played for us. What can I say about the artistic merit of my debut? Let the reviewer speak:

||

Весной 1923 года, двадцать девятого апреля, я сделала свой дебют с группой моих маленьких учеников на воскресном утреннем представлении. Это произошло в Комедии, бывшем театре Корша, расположенном на Петровке в центре Москвы. Какой прекрасный солнечный день! По дороге в театр, утром в открытой карете, для этого важного события в моей карьере, я подумала об Айседоре и о том, как она, должно быть, чувствовала себя однажды. Была ли она такой же гордой, как я чувствовала сейчас - в этот день в июле 1905 года, когда она впервые показала своих учеников публике? Я помню, какой трепет я испытала, увидев элегантные кремовые плакаты с моим именем, написанным на русском языке огромными золотыми буквами, разбросанными по стенам по всему городу. Пьер Любушт, известный русский пианист, играл для нас. Что я могу сказать о художественных достоинствах моего дебюта? Пусть рецензент говорит:

Anyone who sees this performance for the first time can immediately appreciate its enormous value in an artistic and educational sense. It has immense public significance. What strikes one above all is the extraordinary physical control of the dancers.

Irma Duncan, herself, is a very distinguished artist. She transmits the interpretation of this dance of the future with great ease and is besides full of temperament. She has a wonderful way of using her draperies to excellent effect. She danced Schubert's "Marche Militaire" beautifully, and with great skill manipulated a big silken scarf that floated in the wind. Irma is the light, love, and animating flame of her encircling young students.

The strong, healthy, uncomplicated art of the young dancers, and the splendid mastery of Irma Duncan herself, harmonize with the problems of our modern age. We are very glad that the Duncan Dancers came here and we recommend to everyone who has the means to invest a poltink [fifty kopeks] to go and see them dance.

||

Любой, кто впервые увидит это выступление, может сразу оценить его огромную ценность в художественном и образовательном смысле. Оно имеет огромное общественное значение. То, что бросается в глаза, прежде всего, - это необычайный физический контроль над танцорами.

Сама Ирма Дункан - выдающийся артист. Она с большой легкостью передает интерпретацию этого танца будущего и, к тому же, она полна темперамента. У неё прекрасный способ использовать свои драпировки для превосходного эффекта. Она великолепно танцевала «Военный марш» Шуберта, и с большим мастерством манипулировала большим шёлковым шарфом, который плыл на ветру. Ирма - это свет, любовь и пламя, оживляющее окружающих её молодых учеников.

Сильное, здоровое, несложное искусство молодых танцоров и великолепное мастерство самой Ирмы Дункан гармонично сочетаются с проблемами современности. Мы очень рады, что сюда прибыли танцоры Дункан, и мы рекомендуем всем, у кого есть средства, инвестировать полтинник (пятьдесят копеек), чтобы пойти и посмотреть, как они танцуют.

Two weeks later we danced in Leningrad. It amused me to see how the history of the school repeated itself when I led my little group to the station on our first tour. Each girl carried her own little suitcase filled with dance tunics. Remembering my childhood as a fledgling dancer and the discipline administered to me, I saw to it that a more enlightened attitude prevailed while I was in charge. Every problem was explained to the children intelligently, and they gave me their whole-hearted cooperation without anyone's needing to take drastic disciplinary measures. My main concern for these citizens of an autocratic dictatorship was for them to grow up and develop in a congenial, friendly atmosphere, free of too much restraint. The first Russian word I used when teaching them to dance was svoboda-freedom. Freedom in movement and in expression and-most important-freedom of thought. They understood, and gave me their love and devotion in return for my genuine interest in their welfare. They always called me "Irmushka."

||

Две недели спустя мы танцевали в Ленинграде. Меня поразило, как история школы повторилась, когда я привела свою маленькую группу на станцию в наш первый тур. У каждой девушки был свой маленький чемодан, заполненный танцевальными туниками. Вспоминая своё детство как молодой танцовщицы, и дисциплину, управляющую мной, я видела, что во время моего правления преобладало более просвещенное отношение. Каждая проблема была объяснена детям разумно, и они давали мне своё всестороннее сотрудничество, без необходимости принимать решительные дисциплинарные меры. Моя главная забота об этих гражданах авторитарической диктатуры состояла в том, чтобы

они росли и развивались в благоприятной, дружеской атмосфере, свободной от слишком большой сдержанности. Первое русское слово, которое я использовала, когда учила их танцевать, было svoboda-свобода. Свобода в движении и в выражении, а главное - свобода мысли. Они поняли и дали мне свою любовь и преданность взамен моего искреннего интереса к их благополучию. Меня всегда называли «Ирмушка».

Though postal communications between Russia and the outside world were extremely uncertain, I nevertheless sent pictures, articles, programs, and posters to my former colleagues to inform them of my work. I knew they would be interested to find out how the Moscow school was progressing. The three of them-Anna, Lisa, and Margot-planned a tour through the United States in the fall.

||

Хотя почтовые связи между Россией и внешним миром были крайне неопределенными, я, тем не менее, отправила моим бывшим коллегам фотографии, статьи, программы и плакаты, чтобы сообщить им о моей работе. Я знала, что им будет интересно узнать, как развивается московская школа. Три из них - Анна, Лиза и Марго - запланировали тур по Соединенным Штатам осенью.

Lisa told me later that she had attended Isadora's all-Wagner program on July 3- quite marvelous, though it contained two numbers she had never rehearsed. The "Bacchanale," Lisa said, had been wilder than ever-"as though Hell itself had entered on scene." Isadora had also spoken to the audience-in the dark, for the police had turned out the lights-saying she was going back to Moscow because "la bourgeoisie m'a tuee." Lisa added that Essenine had received some Russian papers, in one of which was a long and enthusiastic article about me and my work. Reading it, he screamed at Isadora with all the malice of which he was capable, "Oh, Irma bolshoi success! Bravo Irma!" But Isadora made no reply.

||

Лиза рассказала мне позже, что 3 июля она посетила у Айседоры всю программу Вагнера - была довольно изумительная программа, хотя в ней содержалось два номера, которые она никогда не репетировала. «Вакханалия», сказала Лиза, была более дикой, чем когда-либо, «как будто сам ад вошёл на сцену». Айседора также говорила с аудиторией в темноте, потому что полиция выключила свет, - заявив, что она возвращается в Москву, потому что «буржуазия убила меня». Лиза добавила, что Есенин получил некоторые российские газеты, в одной из которых была длинная и восторженная статья обо мне и моей работе. Читая её, он закричал на Айседору со всей злобой, на которую он был способен: «О, Ирма большой успех! Bravo Ирма!» Но Айседора ничего не ответила.

At about that time I received a letter from Anna. She had recently come out of an unhappy experience, which made her look at the world with bitterness and melancholy. She wrote:

Paris, 6 Avenue Montaigne

June 11, 1923

My dearest Irma:

Although I did not write to you, dear, I often think of you and we frequently speak of you. Especially since we received your nice letter and you told of your plucky work and doings. I certainly am more than astonished and admire you for what you have accomplished with the school and what you call so cutely "My children." My heartiest congratulations and good wishes, dear, for your own future as well as that of the school.

||

Примерно в то же время я получила письмо от Анны. Недавно она пережила несчастный случай, который заставил ее взглянуть на мир с горечью и тоской.

Она написала:

Париж, Проспект Монтень, 6

11 июня 1923 года.

Моя дорогая Ирма:

Хотя я не писала тебе, дорогая, я часто думаю о тебе, и мы часто о тебе говорим. Тем более, что мы получили твоё хорошее письмо, и ты рассказала о своей плотной работе и делах. Я, конечно, более чем удивлена и восхищаюсь тобой за то, чего ты достигла в школе, и тем, что ты называешь так «Мои дети». Мои сердечные поздравления и добрые пожелания, дорогая, для твоего собственного будущего, а также для школы.

I need not tell you of many things Lisa wrote you already. It is a great tragedy that is now passing with Isadora and I think the final curtain will come soon. Alas, the best intentions of the already so few friends cannot bring help, unfortunately. She was wonderful at her two performances and if only she would just do that-live for her work and dance as only she of all people in the world knows how.

||

Мне не нужно рассказывать о многих вещах, которые Лиза уже написала тебе. Это великая трагедия, которая сейчас происходит с Айседорой, и я думаю, что последний занавес скоро опустится. Увы, благие намерения и без того немногих друзей, к сожалению, не могут помочь. Она была великолепна в двух своих выступлениях, и если бы она просто делала это - жила бы ради своей работы и танцевала, как знает только она из всех людей в мире.

We are struggling to go on with what she gave us, in spite of her. And I hope we shall be able to do as much and more than we did last time in America, when we return in the autumn. Dear, it would be lovely to go and spend the summer with you as you suggest, but of course you know the reasons . . . you will perhaps understand me, Irma dear, but I am another person in my inner self. And I am only trying to do what I can to continue with our own work as long as it is still good and strong enough. Go on, dear Irma, you have found a great hold in your new work, and I admire you for it. All the luck in the world-and take much love from your always affectionate, old friend, Anna

||

Мы изо всех сил стараемся продолжать то, что она дала нам, несмотря на её трудности. И я надеюсь, что мы сможем сделать столько же, и даже больше, чем в прошлый раз в Америке, когда мы вернемся осенью. Дорогая, было бы здорово приехать и провести лето с тобой, как ты предлагаешь, но, конечно, ты знаешь причины... ты, возможно, поймёшь меня, Ирма дорогая, но я другой человек в своём внутреннем я. И я только стараюсь делать всё возможное, чтобы продолжать свою собственную работу, пока она ещё хороша и достаточно сильна.

Продолжай, дорогая Ирма, ты нашла большую поддержку в своей новой работе, и я восхищаюсь тобой за это. Всей удачи в мире - и очень большой любви от своего всегда ласкового, старого друга,

Анна

That summer in Moscow, Comrade Podvowsky, the Minister of Sports and Physical Culture, taking due note of my successful appearances with my pupils, told me, "What a wonderful thing it would be if you could make this fine work available to many more children of our working population-to all those thousands of boys and girls who cannot leave the hot and dusty city in the summertime. It would be a real boon to them to have some outdoor activity for their benefit and pleasure."

||

Этим летом в Москве товарищ Подвойский, министр спорта и физической культуры, с должным учётом моих успешных выступлений с моими учениками, сказал мне: «Какая замечательная вещь, если бы вы смогли сделать эту прекрасную работу доступной для ещё многих детей нашего трудоспособного населения - всем тем тысячам мальчиков и девочек, которые не могут покидать жаркий и пыльный город в летнее время. Для них это было бы настоящим благом для активного отдыха и удовольствия».

He promised to place the big sports arena, an open-air stadium just outside Moscow, at our disposal. Willing to try this experiment in mass teaching, we put an advertisement in the papers, offering free lessons. The response was tremendous! It seemed as if all the children in town wanted to dance. Podvowsky supplied a brass band. With the musicians leading us and with my own pupils setting the pace, we carried a banner with the slogan of our school emblazed in crimson letters on white-"A free spirit in a healthy body"-as we proceeded from the Pretchistenka to the stadium. A steadily mounting crowd of children dressed in short red tunics and bare feet, waiting to join us at each street corner, swelled the ranks of our parade.

||

Он пообещал предоставить в наше распоряжение большую спортивную арену, стадион под открытым небом под Москвой. Желая попробовать этот эксперимент в массовом обучении, мы разместили рекламу в газетах, предлагая бесплатные уроки. Ответ был потрясающим! Казалось, все дети в городе хотели танцевать. Подвойский предоставил духовой оркестр. С музыкантами, ведущими нас, и с моими учениками, определяющими темп, - мы несли знамя с лозунгом нашей школы, украшенное малиновыми буквами на белом фоне –

«Свободный дух в здоровом теле» - мы прошли от Пречистенки к стадиону. Постоянно растущая толпа детей, одетых в короткие красные туники и с босыми ногами, ожидали, чтобы присоединиться к нам на каждом углу улицы, и пополняли ряды нашего парада.

With the assistance of my young pupils, I taught five hundred children the entire summer long. It was an inspiring sight to see them all dancing together-"like a field of red poppies swaying in the wind," as Isadora said when she saw them. They made immense progress in so short a time. The Communist officials took notice, and Lunacharsky wrote an article in Isvestzia, saying:

||

С помощью моих молодых учениц я учила пятьсот детей все лето. Это было вдохновляющее зрелище, когда они все танцевали вместе - «как поле красных маков, качающихся на ветру», - сказала Айседора, увидев их.

За столь короткий промежуток времени они достигли огромного прогресса. Коммунистические чиновники обратили внимание, и Луначарский написал статью в «Известиях», сказав:

The Duncan School, conducting important work with hundreds of Moscow workers' children, presents one of the priceless and interesting artistic-educational institutions of the U.S.S.R. The students of the Duncan School, renouncing their own summer vacation under the guidance and direction of Irma Duncan, conducted throughout the summer open classes in the sports arena of the Red Stadium. This occupation gave brilliant results. The children, who looked weak and timid, soon became healthy, tanned and literally reborn.

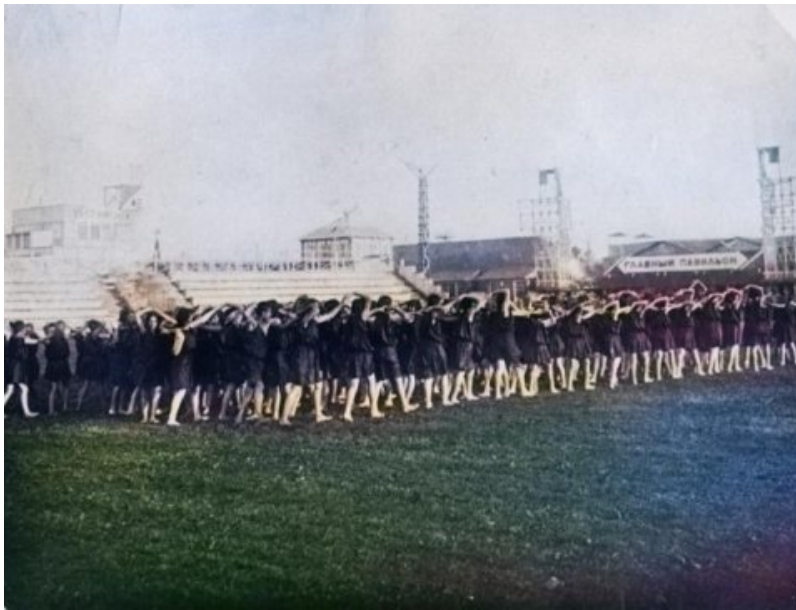
||

Школа Дункан, проводящая важную работу с сотнями детей московских рабочих, представляет одно из бесценных и интересных художественно-образовательных учреждений СССР. Студенты школы Дункан, отказываясь от своих летних каникул, под руководством Ирмы Дункан, в течение всего лета проводят открытые занятия на спортивной арене Красного стадиона. Это занятие дало блестящие результаты. Дети, которые выглядели слабыми и робкими, вскоре стали здоровыми, загорелыми и буквально возродились.

The Duncan School itself was created under immense difficulties. But today I read with pleasure the delighted opinions of the central press about the work they are doing. Recognizing for the Duncan School extraordinary significance and an enormous future in the matter of harmonic development of a new generation in Soviet Russia, the workers count it extremely desirable and necessary to send large groups of their own children to the school.

||

Сама школа Дункан была создана с огромными трудностями. Но сегодня я с удовольствием прочитала восхищенные мнения центральной прессы о работе, которую они делают. Признавая необычайную значимость и необычайную судьбу школы Дункан в вопросе гармонического развития нового поколения в Советской России, рабочие считают крайне желательным и необходимым отправить в школу большие группы своих детей.

Other and equally appreciative articles appeared in the press, many with pictures showing the children in action. All this publicity could not escape the top leaders in the Kremlin, though Lenin himself-popularly called "Ilyich"-was living in the country, recuperating from a severe illness. The entire Duncan School was taken completely by surprise one day when a car drove up with a couple of military men in uniform and a little girl, holding a large bouquet of flowers in her hands. The little girl, in Pioneer uniform, held out the bouquet and made a little speech: "These flowers are from Ilyich for Duncan with his compliments." "From Vladimir Ilyich?"

we inquired incredulously, "You mean Tovarish Lenin?" "Yes, he picked them this morning in his garden and told me to present them."

||

В прессе появились другие и одинаково ценные статьи, многие из которых изображали детей в действии. Вся эта реклама не могла пройти мимо высших лидеров в Кремле, хотя сам Ленин - в народе звался «Ильич» - жил в деревне, выздоравливая от тяжелой болезни. В течение дня вся школа Дункан была внезапно застигнута врасплох, когда подъехала машина с несколькими военными в униформе и маленькой девочкой, держащей в руках большой букет цветов. Маленькая девочка в форме пионера протянула букет и произнесла небольшую речь: «Эти цветы от Ильича для Дункан с его комплиментами». «От Владимира Ильича?» спросили мы недоверчиво: «Вы имеете в виду Товарища Ленина?» «Да, он собрал их сегодня утром в своём саду и сказал, чтобы я вручила их».

Since Isadora was not there, I accepted them with thanks. "Is there a card with them?" I inquired. "No," retorted the little Pioneer, whose father was military aide to Russia's ruler. "Only his good wishes for the wonderful work the Duncan school is doing."

||

Поскольку Айседоры там не было, я приняла их с благодарностью. «Есть карточка с ними?» - спросила я. «Нет», - ответил маленькая пионерка, отец которой был военным помощником правителя России. «Только его добрые пожелания для чудесной работы, которую проводит школа Дункан».

I placed Lenin's flowers, such as grow in any man's garden, in cool water in a crystal vase on the mantel in my room. During the long ride from his dacha in the country they had wilted a bit in the open car under a noonday sun. I hoped they would revive. But like the great man who had sent them, they did not last long. Six months later he too faded away, to lie embalmed forever in Red Square under the Kremlin wall, worshiped by the masses as a god.

||

Я поставила цветы Ленина, такие как росли в саду любого человека, в прохладной воде в хрустальной вазе на каминной полке в моей комнате. Во время долгой поездки со своей дачи в деревне они немного увяли в открытой машине под полуденным солнцем. Я надеялась, что они оживут. Но, как и великий человек, который их послал, они прожили недолго. Шесть месяцев спустя он тоже ушёл, чтобы навсегда забальзамироваться на Красной площади под кремлевской стеной, после чего массы поклонялись ему как богу.

The highest award in Soviet Russia is the Order of Lenin. After his death, everyone in our school felt proud that our work had been given this lovely award on the order of Lenin himself. Somehow this seemed to crown my own efforts with success. It does not appear unduly boastful, I hope, if I confess to having felt a thrill of real

accomplishment. For the benefit of all those children who profited from it, the "Little Dividend" had at last turned into a worth-while investment indeed.

||

Высшей наградой в Советской России является орден Ленина. После его смерти все в нашей школе гордились тем, что наша работа получила эту прекрасную награду по приказу самого Ленина. Каким-то образом это, казалось, превзошло мои собственные усилия с успехом. Наверное, это не кажется чрезмерно хвастливым, если я признаюсь, что почувствовала острые ощущения реального достижения. В интересах всех тех детей, которые выиграли от этого, «Маленький дивиденд» наконец-то превратился в достойные инвестиции.

[266], p.240-248 * DUNCAN DANCER * A Last Visit *

-=16=-

A Last Visit **Последний визит**

"LENIN is dead!"

I can still hear these words spoken when my train stopped at the frontier the day he died. My instant reaction was that maybe now, with the great leader of the Communist Revolution gone, the unfortunate Russian people could anticipate a more liberal regime. Alas, history has shown that the next ruler turned out to be even more of a despot than Lenin had been.

||

«ЛЕНИН мертв!»

Я всё ещё слышу эти слова, когда мой поезд остановился на границе в тот день, когда он умер. Моя мгновенная реакция заключалась в том, что, может быть, теперь, когда великий лидер коммунистической революции ушёл, несчастный русский народ мог бы ожидать более либерального режима. Увы, история показала, что следующий правитель оказалась ещё более деспотом, чем Ленин.

I recalled the early days of our coming to Soviet Russia. When, stirred by a wild enthusiasm for the new idea that was born here, Isadora-who then saw everything

through redcolored glasses, as it were-cried out, "Isn't communism wonderful!" And I, politically every bit as ignorant as she though not as gullible, cried out in disgust with the unrealism of this new ideology, so incompatible with my own common sense, "Communism is the bunk!"

"How can you say that," she protested, "when all the theatres and concerts are free for the common people to attend? That is something I have always dreamed of!"

"That is exactly what I mean," I retorted, "when I maintain communism makes no sense. Everything is free-but the people!"

||

Я вспомнила первые дни нашего приезда в Советскую Россию. Когда, взволнованная диким энтузиазмом относительно новой идеи, которая родилась здесь, Айседора, которая, как бы всё видела сквозь розовые очки, воскликнула: «Разве коммунизм не прекрасен!» И я, политически столь же невежественная, как и она, хотя и не такая легковёрная, закричала с отвращением от нереализма этой новой идеологии, столь несовместимой с моим собственным здравым смыслом: «Коммунизм - это болтовня!»

«Как ты можешь так говорить, - запротестовала она, - когда все театры и концерты бесплатны для простых людей? Это то, о чем я всегда мечтала!»

«Это именно то, что я имею в виду, - возразила я, - в чём я поддерживаю коммунизм, в том нет [главного] смысла. Все свободно, но [не] люди!»

I was definitely not receptive to my new environment. I steadfastly refused to share my foster mother's vision of a contented proletariat, happily building a new life for themselves.

Or, as she expressed it in an article she wrote at the time for L'Humanite: "All men will be brothers carried away by the great wave of liberation that has just been born here. . . . The prophecies of Beethoven, Nietzsche and Walt Whitman, are being realized."

||

Я определенно не была восприимчива к своей новой среде. Я неуклонно отказывалась разделять видение моей приёмной матери удовлетворённого пролетариата, счастливо создающего для себя новую жизнь.

Или, как она выразила это в статье, которую она писала в то время для «Гуманите»: «Все люди будут братьями, увлечёнными великой волной освобождения, которая только что родилась здесь... Пророчества Бетховена, Ницше и Уолта Уитмена, реализуются».

As I look back now, I recall the utter sense of boredom with which I contemplated living among the Bolsheviks. In my eager youth, I expected a finer life than this to be my lot. Impatience to be gone and to return to the civilized existence I had led before was a feeling I had to suppress. I thus started out to fulfill my mission in Russia in a state of utter mental depression of which I never spoke to Isadora.

||

Когда я оглядываюсь назад, я вспоминаю полное чувство скуки, с которой я размышляла о жизни среди большевиков. В моей нетерпеливой молодости я

ожидала, что моя жизнь станет более прекрасной, чем эта. Неприязнь, с желанием уйти и вернуться к цивилизованному существованию, которое я вела раньше, было ощущением, которое я должна была подавить. Поэтому я начала выполнять свою миссию в России в состоянии крайней психической депрессии, о которой я никогда не говорила с Айседорой.

In my effort to keep the establishment functioning during Isadora's absence of more than a year, I had exerted myself too much and I was not accustomed to such a meagre, unbalanced diet. The strenuous physical work and deprivations had undermined my health. Never very robust, with a delicate nervous system, I lost so much weight that I was a mere shadow. Nightmares kept me awake at night, and the many worries and frustrations upset my metabolism, so that I suffered from a severe stomach ailment. The doctor prescribed a special diet and ordered me under the care of a nurse. It so happened that the mother of one of the pupils, Elisaveta Gregorievna Mysovsky, was a registered nurse. During the First World War she had been stationed at the military hospital in Tula, under the direction of Grand Duchess Maria Pavlovna. She cared for me day and night.

||

В моих стараниях по поддержанию функционирования заведения во время отсутствия Айседоры больше года, я приложила слишком много усилий, и я не привыкла к такой скудной, несбалансированной диете. Тяжелая физическая работа и лишения подорвали моё здоровье. Никогда оно не было очень уж прочным, с моей тонкой нервной системой, и я потеряла столько веса, что я была просто тенью. Ночные кошмары не давали мне спать по ночам, и многие заботы и разочарования расстраивали мой метаболизм, так что я страдала от тяжелой болезни желудка. Врач назначил специальную диету и поместил меня под опеку медсестры. Случилось так, что мать одной из учениц, Елизавета Григорьевна Мысовская, была квалифицированной медсестрой. Во время Первой мировой войны она находилась в военном госпитале в Туле под руководством великой княгини Марии Павловны. Она заботилась обо мне день и ночь.

At this time, my foster mother returned from America. Seeing how my health had suffered while she was away, she suggested I come with her to the south for a cure. To start out, we headed for the Caucasus where in Kislavodsk-a watering place as famous as Vichy in France-I took the baths in sparkling Narzan waters. To replenish her coffers, Isadora decided to give performances while I acted as her helper backstage. It was there that I had the famous fight with the two armed Tcheka men when they tried to stop her from dancing the "Marche Slav" because of the Tsarist Hymn. While Isadora stepped in front of the curtain and notified the audience that members of the police had come backstage to arrest her, I forcibly pushed the armed and uniformed Tcheka men (fore-runners of the dreaded GPU) off the sacred blue dance carpet, not knowing how close I came to being shot for doing so. Only because the president of the local political bureau happened to be in the audience, we got off scot free, and Isadora received permission to proceed with her program as planned.

||

В это время моя приёмная мать вернулась из Америки. Увидев, как моё здоровье пострадало, когда она отсутствовала, она предложила мне поехать с ней на юг для лечения. Для начала мы отправились на Кавказ, где в Кисловодске - месте, известном во Франции как Виши, - я принимала ванны в сверкающих водах Нарзана. Чтобы пополнить свою казну, Айседора решила дать представление, пока я выступала в роли её помощника за кулисами. Именно там я провела знаменитую битву с двумя вооруженными чекистами, когда они пытались помешать ей танцевать «Марш славянки» из-за Царского гимна. Пока Айседора вышла перед занавесом и уведомила аудиторию о том, что полицейские пришли за кулисы, чтобы арестовать её, я силой вытолкнула вооруженных и одетых в форму мужчин Чека (предшественников страшного ГПУ) со священного синего танцевального ковра, даже не зная, как близко я подошла к расстрелу за это. Только потому, что в зале оказался секретарь местного политбюро, мы вышли на свободу, и Айседора получила разрешение на продолжение своей программы, как и планировалось.

After that episode, she felt it might be better and safer for us to move further afield. That summer of 1923, we went on to Baku, the famous oil city on the shores of the Caspian Sea. From there we continued our journey to Tiflis. I loved this beautiful old Georgian capital-the wonderful hot sulphur baths and daily massage, the excellent wines, and the excursions in the mountainous countryside way up to Mount Elbrus. There was a nice little restaurant, overhanging the wildly rushing river Kura, that we liked to visit in the evenings. There, over a bottle of Zinandaly, with shashlik, we enjoyed listening to the orchestra playing native music on native instruments and watching the Georgian dances.

||

После этого эпизода она почувствовала, что было бы лучше и безопаснее двигаться дальше. Этим летом 1923 года мы отправились в Баку, знаменитый нефтяной город на берегах Каспийского моря. Оттуда мы продолжили путешествие в Тифлис. Мне понравилась эта красивая старинная грузинская столица - прекрасные горячие серные ванны и ежедневный массаж, отличные вина и экскурсии в горной сельской местности до Эльбруса. Был небольшой ресторан, нависавший над дикой рекой Курой, который мы любили посещать по вечерам. Там, за бутылкой Зинандали с шашлыком, мы наслаждались прослушиванием оркестра, играющего национальную музыку на национальных инструментах, и просмотром грузинских танцев.

The Caucasian tour ended at Batum of the Black Sea, which lay blistering under the scorching heat of the last days of August. The government placed a beautiful little villa high up on a cliff at our disposal. In this same villa Trotsky had lived during his stay at the Black Sea port. And before the Revolution it had been the property of a wealthy Frenchman, who had planted the garden with a magnificent profusion of European and tropical flowers. Unfortunately the rainy season began to spoil our sojourn, and we proceeded to Yalta in the Crimea.

||

Кавказский тур завершился в Батуми на Чёрном море, которое лежало под горячими лучами последних дней августа. Правительство предоставило красивую маленькую виллу высоко на утесе в наше распоряжение. На той же самой вилле Троцкий жил во время своего пребывания в Черноморском порту. А до революции это была собственность богатого француза, который посадил сад с великолепным обилием европейских и тропических цветов. К сожалению, сезон дождей начал портить наше пребывание, и мы отправились в Крым, в Ялту.

We resumed life at the Pretchistcnka school early in October. Separated from her mad poet husband, Isadora got down to serious work with the pupils. Though the memorable trip to the south of Russia-where living seemed easier and pleasanter for both visitors and population alike-had restored my strength sufficiently for me to continue my classes, it had not helped me get rid of my mental depression. After two and a half years of Russian exile, what I needed most was to get away from it all. Like a caged bird, I desperately needed to escape, spread my wings, and inhale for a while the heady air of freedom. With some of the money I had saved from my performances, I decided to take a long vacation by myself.

||

В начале октября мы возобновили жизнь в школе на Пречистенке. Разлученная с сумасшедшим мужем поэтом, Айседора приступила к серьезной работе с учениками. Несмотря на то, что незабываемая поездка на юг России, где жизнь казалась более лёгкой и приятной как для гостей, так и для местного населения, восстановила мои силы, достаточно для продолжения занятий, это не помогло мне избавиться от моей психологической депрессии. После двух с половиной лет русской ссылки я больше всего нуждалась в том, чтобы удалиться от всего этого. Как птица в клетке, я отчаянно нуждалась в том, чтобы убежать, раздвинуть крылья и вдохнуть на мгновение пьянящий воздух свободы. С некоторыми деньгами, которые я сэкономила на своих выступлениях, я решила взять себе отпуск.

I left in January, via Warsaw, for Berlin. In my hurry to make contact with the outside world after my exile, I rushed into the station buffet at the Polish frontier, not merely to eat but to buy up all the newspapers and magazines that were unobtainable inside Soviet Russia and that I had missed so much.

||

Я уехала в январе, через Варшаву, в Берлин. В спешке, чтобы связаться с внешним миром после моего изгнания, я ворвалась в станционный буфет на польской границе, но не просто поесть, но чтобы скупить там все газеты и журналы, которые были недоступны внутри Советской России, и о чём я так сильно скучала.

I stayed in Berlin just long enough to give a performance in the Bluethner Saal. The real goal of my vacation was my favorite big city-Paris. Before leaving for the French capital, I decided to go to Hamburg for a visit with mother. I was now in a

much happier frame of mind. Ever since the train bearing me westward had crossed the Red frontier into Poland, my spirit experienced a wonderful lift, almost as if some oppressive physical weight had been lifted from my shoulders. I believe a similar sensation was experienced by every foreign visitor to the USSR during those years when the dreaded GPU, knocking on the door in the middle of the night, spread cold terror into the hearts of the people. Unless one has lived in an atmosphere of this kind, one does not really appreciate the meaning of the word freedom.

||

Я оставалась в Берлине достаточно долго, чтобы выступить в «Балуитер Зааль». Реальной целью моего отдыха был мой любимый большой город - Париж. Перед отъездом во французскую столицу я решила поехать в Гамбург для посещения матери. Теперь я была в гораздо более счастливом настроении. С тех пор, как поезд, несущий меня на запад, пересёк Красную границу в Польшу, мой дух испытал прекрасный подъём, почти как будто какой-то тяжелый физический груз был снят с моих плеч. Я полагаю, что подобное сенсационное чувство испытал каждый иностранный гость СССР в те годы, где страшный ГПУ стучал в дверь посреди ночи и распространял холодный ужас в сердца людей. Если человек не жил в такой атмосфере, он никак не оценит значение слова «свобода».

I arrived in the town of my birth in the last week of February. The train had been delayed because of a heavy snowfall. Over the door of mother's apartment, which she shared with my half-sister, hung a garland of evergreens; in the center was a big "Welcome" sign. "How late you are! Mother has been frantic!" my sister greeted me exactly as if she had seen me the day before, rather than thirteen years ago. A family gathering greeted me joyously when I entered the sitting room. They had been waiting for me with coffee and cakes since early afternoon. The old familiar mahogany table presented a pretty picture with the lace cloth, a vase of roses and carnations in the center, and mother's best white, black, and gold china.

||

Я прибыла в город моего рождения в последнюю неделю февраля. Поезд был отложен из-за сильного снегопада. Над дверью материнской квартиры, которую она поделила с моей сестрой, висела гирлянда вечнозеленых растений; в центре был большой знак «Добро пожаловать». «Как ты поздно! Мать была в сама не своя!» Моя сестра встретила меня точно так, как будто она видела меня накануне, а не тринадцать лет назад. С семьёй я встретилась радостно, когда я вошла в гостиную. Они ждали меня с кофе и пирожными с раннего утра. Старый знакомый стол из красного дерева представлял красивую картину с кружевной тканью, вазой из роз и гвоздиками в центре, а также самым лучшим белым, чёрным и золотым китайским фарфором.

The tall green-tiled stove in the corner gave off a pleasant warmth. Every now and then someone would put a little more wood on the fire, for the snow continued to fall and the night grew colder. But in the gute Stube we made ourselves cozy, enjoying a

late supper in the Hamburg manner with cold cuts, smoked fish, dark and white bread, and beer. This evoked childhood memories.

||

Высокая зеленая кафельная печь в углу давала приятное тепло. Время от времени, кто-то клал на огонь немного больше дерева, потому что снег продолжал падать, и ночь становилась всё холоднее. Но в «хорошей комнате» нам было уютно, и мы наслаждались поздним ужином в Гамбурге, с мясным ассорти, копченой рыбой, тёмным и белым хлебом, и пивом. Это вызвало детские воспоминания.

That night I lay down under a mountain of goosedown covers in the old mahogany bed where I was born and my father had died. For an instant I had the strange sensation that I had never left home. There was the same light from a street lamp, filtering through the lace curtains, sketching a soft pattern on the ceiling, that I had seen as a child before going to sleep. Although this was a different apartment from the one I knew in childhood-much more modern, less gloomy, and in a more attractive section of town, on a street called Pappelallee-nothing important had really changed. Only I had changed. For me this represented the old, narrow horizon. Like a visitor from a distant star, I could never feel at home in this small world again.

I tossed about thinking of these things in a restless state of mind, unable to sleep, when mother whispered to me, "Irma, my child, are you still awake?" And I answered as of old, "Yes, Mama."

||

В ту ночь я легла под горой покрытых пухом покрывал на старой кровати из красного дерева, где я родилась, и умер мой отец. На мгновение у меня появилось странное ощущение, что я никогда не покидала дом. От уличного фонаря проникал тот же свет, пробираясь сквозь кружевные занавески, рисуя на потолке мягкий узор, который я видела ещё ребёнком, когда ложилась спать. Хотя это была квартира, отличная от той, которую я знала в детстве, - намного более современная, менее мрачная и в более привлекательном районе города, на улице под названием Паппеллалли - ничего важного действительно не изменилось. Только я изменилась. Для меня это представляло собой старый узкий горизонт. Как гостя с далёкой звезды, я никогда не чувствовала себя как дома в этом маленьком мире.

Я бросила думать об этом в беспокойном состоянии ума, не в состоянии спать, когда мама прошептала мне: «Ирма, дитя моё, ты ещё не спишь?» И я ответила, как и раньше: «Да, мама.»

In my mind's eye mother had not changed a bit since my childhood days, except that her hair was now snowy white. She had given birth to me at the age of forty-five, and I had no recollection of her as a young woman. She had always been my dear old mother. Seeing I lay awake, she raised her voice. "You know what I was thinking? Tomorrow is your birthday and . . . and . . . this is something I have never told you. But when you were born, I suffered such pain. I had no doctor, only a midwife, and

that dreadful pain lasted through the night. I thought I would not be able to stand it longer when-just as the sun was rising and cast a reddish glow over the room-you were born. And oh, my Irma, how happy I felt to hold you in my arms!"

||

В моих мыслях мама немного изменилась с детства, за исключением того, что её волосы были теперь белоснежными. Она родила меня в возрасте сорока пяти лет, и я не вспоминала о ней как о молодой женщине. Она всегда была моей дорогой старой матерью. Увидев, что я не спала, она повысила голос. «Ты знаешь, о чем я думала? Завтра твой день рождения и ... и ... это то, что я тебе никогда не говорила. Но когда ты родилась, я страдала от такой боли. У меня не было врача, только акушерка и эта страшная боль продолжалась всю ночь. Я думала, что не смогу выдержать это дольше, когда - как только взошло солнце и бросило красноватый свет по комнате - ты родилась. И, о, моя Ирма, как я была счастлива держать тебя на руках!»

In the dark room, lying in the bed beside me, she reached over and grasped my hand. I heard her wail as if still in labor, "My child, if I had only known! Oh God! If I had only known I would see so little of you in my life-I would have never let you go!" And then I knew. In that heart-rending cry lay mother's tragedy. And there was nothing in the world I could do about it.

||

В тёмной комнате, лежащая в постели рядом со мной, она потянулась и схватила меня за руку. Я услышала её вопль, как будто всё ещё в родах: «Дитя моё, если бы я только знала! О Боже! Если бы я знала только, что я буду так мало видеть тебя в своей жизни, я бы никогда не отпустила тебя!»

И тогда я знала. В этом сердечном крике лежала трагедия матери. И ничего в мире я не могла сделать.

The few weeks I spent with mother passed swiftly and pleasantly for both of us. I left her in a cheerful frame of mind. We made plans for taking a trip together next summer during my vacation. Now that I could earn my own living, I could lend her a little financial support. I asked her, "'Where would you most like to go?" She said, "As long as I can remember, I have always wanted to sail down the Rhine. Do you think we could really make that journey together? That would be so wonderful! At the same time we could visit my brother Ehrich, the uncle you have never seen, in Mlinchen-Gladbach." I assured her that she could plan for this trip next summer even if, for some reason, I would be unable to join her.

||

Несколько недель, проведённых с матерью, прошли быстро и приятно для нас обеих. Я оставила её в веселом настроении. Мы планировали поездку вместе летом следующего года во время отпуска. Теперь, когда я могла бы зарабатывать себе на жизнь, я могла бы оказать ей небольшую финансовую поддержку. Я спросила её: «Куда ты больше всего хочешь поехать?» Она сказала: «Сколько себя помню, я всегда хотела проплыть по Рейну. Как вы думаете, мы могли бы сделать это путешествие вместе? Это было бы так

замечательно! В то же время мы могли бы посетить моего брата Эриха, дядю, которого вы никогда не видели, в Млинчен-Гладбахе. » Я заверила её, что она может планировать эту поездку следующим летом, даже если по какой-то причине я не смогу присоединиться к ней.

The day of my departure for Paris, the train was delayed for an hour. She saw me off, and we repaired to the station buffet for a cup of coffee. She continued to chat animatedly about the coming event that would fulfill a lifelong wish. Then, inevitably, the moment came to say goodbye. It was that same station where so long ago in the winter of 1905, we had said goodbye. And suddenly when I heard the shrill blast of the train whistle it all came back to my mind so poignantly; how she had clung to my hand walking to the end of the platform and then watched the train depart with tears streaming down her face. And now I had a sudden terrible premonition that this was our last farewell.

Before the train started to move, mother turned away and holding on to the bannister groped her way slowly up the steps. I watched her black-clad figure until it was gone and then I collapsed in my compartment overcome with sobs I could not control.

||

В день моего отъезда в Париж поезд был отложен на час. Она меня провожала, и мы зашли в станционный буфет на чашку кофе. Она продолжала энергично болтать о предстоящем событии, которое исполнило бы её заветное желание. Затем, неизбежно, наступил момент попрощаться. Это была та самая станция, где так давно мы попрощались зимой 1905 года. И внезапно, когда я услышала пронзительный взрыв свистка, всё это дошло до меня так остро; как она цеплялась за мою руку, проходя к концу платформы, а затем наблюдала, как поезд уходит, со слезами, стекающими по её лицу. И теперь у меня внезапно возникло ужасное предчувствие, что это было наше последнее прощание. Перед тем, как поезд начал двигаться, мать отвернулась и держась за поручень, медленно поднимаясь по ступенькам. Я наблюдала за её чёрной фигурой, пока она не исчезла, а затем я рухнула в своём купе, преодолевая рыдания, которые я не могла контролировать.

Several days later, in Paris, I received a letter from her:

My dear, dear Irma:

I got your telegram in the evening and I am glad that you arrived safely. After all the excitement of departure and the long trip, you must have been very tired. I too quickly drove home and went to bed and stayed there for a few days' rest. Yesterday, Friday, Marie and I rearranged the rooms and were delighted how inviting the new furniture looks. And I regretted that you, the generous donor, could not be there to see it. I hope that you enjoyed your stay with me and that everything made a favorable impression on you, dear. I wanted so much to make things even more gemütlich and pleasant but with all the visiting back and forth and the awfully cold weather it would have been too much of an exertion for me. Next time you come for a visit with us we shall pass quieter and happier hours by ourselves.

||

Несколько дней спустя, в Париже, я получила от неё письмо:

Дорогая, дорогая Ирма:

Я получила твою телеграмму вечером, и я рада, что ты добралась благополучно. После всего волнения отъезда и долгого путешествия ты, должно быть, очень устала. Я сразу поехала домой и легла спать, и оставалась так на несколько дней отдыха. Вчера, в пятницу, Мари и я перестроили комнаты и были в восторге от того, как привлекает новая мебель. И я пожалела, что ты, щедрый даритель, не могла быть там, чтобы это увидеть. Я надеюсь, что тебе понравилось твоё пребывание со мной, и всё это произвело на тебя хорошее впечатление, дорогая. Я так сильно хотела сделать все вещи ещё более уютными и приятными, но со всеми посещениями туда-сюда и ужасно холодной погодой, это было бы слишком большим напряжением для меня. В следующий раз, когда ты приедешь к нам в гости, мы проведём более спокойные и счастливые часы вместе.

*Everybody here at home sends their best wishes for a pleasant trip back to Moscow. I wish you all the luck and good health. Please give my regards to Isadora and greetings to all the dear children of your school. The photos we took, unfortunately, did not come out; only one of me, too bad. I wanted so much to have a picture of us together. Happy journey, dear Irma, and a thousand kisses from your loving
Mama*

||

Все здесь, дома, отправляют тебе свои наилучшие пожелания приятного путешествия обратно в Москву. Я желаю тебе удачи и хорошего здоровья. Пожалуйста, передай мои приветствия Айседоре и привет всем дорогим детям вашей школы. Фотографии, которые мы сделали, к сожалению, не вышли; только один со мной, но тоже плохо. Я так сильно хотела сфотографировать нас вместе. Счастливого путешествия, дорогая Ирма, и тысяча поцелуев от твоей любящей мамы.

The journey down the Rhine we planned together could not be realized. My work in Russia kept me tied down and too busy to join her. But she and my half-sister Marie visited with the relatives for a month or more. She wrote me from Miinchen-Gladbach:

||

Путешествие по Рейну, которое мы спланировали вместе, не могло быть реализовано. Моя работа в России держала меня связанной и слишком занятой, чтобы присоединиться к ней. Но она и моя сестра Мэри пробыли с родственниками уже месяц или больше. Она написала мне из Минхен-Гладбаха:

We have been most hospitably received here by our relatives. They have shown us a lot of the town and its surroundings. The many industries, the tri-centenary festival, fairs, parades, etc. Also they have here a beautiful theatre with a big restaurant situated in a park among a parterre of roses. You ought to give a performance there

sometime and show the townspeople what real dancing is! They simply have no conception of it.

||

Мы были очень гостеприимно приняты нашими родственниками. Они показали нам многое в городе и его окрестностях. Множество производств, фестиваль трехсотлетия, ярмарки, парады и т.д. Также здесь есть прекрасный театр с большим рестораном, расположенный в парке среди партеров из роз. Ты должна когда-нибудь дать представление и показать горожанам, что такое настоящий танец! Они просто понятия не имеют об этом.

We also visited Dusseldorf and saw the "Gesolei" exhibition which was most instructive and interesting. We dined in the open on the Rhine embankment and in the evening saw the big bridge, the town and the entire exhibition illuminated. It was beautiful! Our relatives have entertained us splendidly. Young Willi owns a car and he sped us along the Rennbahn at terrific speed. Such fun! In August, Marie and I took the long-awaited trip down the river Rhine in a cabin steamer, food and everything included. We sailed between mountains, ruins, and castles down to Ruedesheim, where we saw the National Monument and the wonderful vineyards. On our way back, near Coblenz, we had to wait a long time in order to pass, because the French are building a bridge across the river, on to Cologne.

||

Мы также посетили Дюссельдорф и увидели выставку «Гесолей», которая была самой поучительной и интересной. Мы обедали под открытым небом, на набережной Рейна, а вечером увидели светлый мост, город и всю выставку. Это было прекрасно! Наши родственники развлекали нас великолепно. Молодой Вилли владеет машиной, и он прокатил нас по Реннханну с потрясающей скоростью. Так весело! В августе мы с Мари совершили долгожданную поездку по реке Рейн на пароходе, еда и всё остальное было включено. Мы плыли между горами, руинами и замками до Рюдесхайма, где мы увидели Национальный памятник и прекрасные виноградники. На обратном пути, недалеко от Кобленца, нам пришлось долго ждать, чтобы пройти, потому что французы строят мост через реку, в Кельн.

I admired the "Koelnischer Dom" so very much I did not want to leave. I felt like looking at and admiring the beautiful interior of the cathedral and the tall spires over and over again. Tomorrow at ten o'clock we return to Hamburg. Uncle and his family send greetings, and Marie and I send our dearest love to you.

Mama

||

Я восхищалась Кёльнским собором, так что не хотела уходить. Мне хотелось смотреть и любоваться прекрасным интерьером собора и высокими шпилями снова и снова. Завтра в десять часов мы вернемся в Гамбург. Дядя и его семья посылают свои приветствия, а мы с Мари с радостью отправляем тебе свою искреннюю любовь.

Мама

Still spry at seventy-one, though in delicate health, she once showed me that she too could dance the foxtrot. I expected her to go on living for at least another decade. But providence decided otherwise. Three years later when the end came, I happened to be thousands of miles distant, unable to reach her in time. My half-sister Anna, writing to me about the funeral, which took place in the famous Ohlsdorf cemetery, the most beautiful in Germany, told me that on top of my mother's coffin was a large wreath tied with a lilac ribbon on which my name was engraved in gold, with an inscription saying, "From her only daughter, absent in Moscow." And so it had been most of her life.

||

Всё ещё бодрая, когда ей было семьдесят один год, хотя у неё и было слабое здоровье, она однажды показала мне, что тоже может танцевать фокстрот. Я ожидала, что она будет жить ещё как минимум десять лет. Но провидение решило иначе. Три года спустя, когда наступил конец, я оказалась на расстоянии тысяч миль, неспособная вовремя добраться до неё. Моя сводная сестра Анна, написав мне о похоронах, которые состоялись на знаменитом кладбище Ольсдорф, самом красивом в Германии, рассказала мне, что на гробу моей матери был большой венок, перевязанный сиреневой лентой, на которой моё имя было выгравировано золотом, с надписью: «От её исключительной дочери, отсутствующей в Москве». И так было большую часть её жизни.

-=17=-

Plough the Ground, Sow the Seed Пахать землю, Сеять семена

"WHERE is Saturn?" Isadora wailed in her letter to me from Samara. She was engaged on a tour of the Volga district, with Mark Metchick, her pianist, and Zinoviev, her manager. The trio went from misfortune to catastrophe. If, as the astrologers believe, the planet Saturn stands for delay and death, then it must indeed have loomed large in her horoscope at that period. The evil planet must have foreshadowed the tragic end of her existence, for within the short space of three years my foster mother too was dead.

||

«ГДЕ это - Сатурн?», - Айседора вопила в своём письме мне из Самары. Она совершала тур по Поволжскому округу с Марком Метчиком, её пианистом, и Зиновьевым, её менеджером. Трио перешло от несчастья к катастрофе. Если, как полагают астрологи, планета Сатурн символизирует замедление и смерть, то в этот период она действительно вырисовывалась в её гороскопе. Злая планета, должно быть, предвещала трагический конец её существования, поскольку в течение коротких трёх лет моя приёмная мать тоже оказалась мертва.

We leave this Volga, which I prefer to remember from a distance. No public, no comprehension-nothing. Boats frightfully crowded with screaming children and chattering women. Three in a cabin, second class. Every corner taken in first. I sat on deck all night and enjoyed some quiet hours of moonlit beauty, quite alone. But the rest-nightmare!

||

Мы покидаем эту Волгу, которую я предпочитаю помнить на расстоянии. Нет публики, нет понимания - ничего. Лодки ужасно переполнены кричащими детьми и болтающими женщинами. Трое в каюте, второй класс. Каждый угол кем-то занят. Я сидела на палубе всю ночь и наслаждалась тихими часами лунной красоты, совершенно одна. Но всё остальное - кошмар!

We leave tonight for Orenburg. No news of curtains. Telegraph and inquire for them. Then to Tashkent. Send me books and papers and write me news. How is the divine Comrade Podvowsky?

This journey is a Calvary. Heat terrific, almost dead. . . . How do things progress? Much love to you and love to the children.

Yours, in unholy martyrdom,

Poor Isadora

Hell of a life anyway.

||

Сегодня мы уезжаем в Оренбург. Никаких известий о шторах. Телеграфируйте и спросите их. Затем в Ташкент. Пришлите мне книги и документы и напишите мне новости. Как божественный товарищ Подвойский?

Это путешествие - Голгофа. Тепло потрясающее, почти мертвое... Как всё происходит? Очень люблю тебя и люблю детей.

Твоя, в нечестивом мученичестве,
Бедная Айседора
В любом случае, адская жизнь.

Next she wrote from Orenburg, a small town situated in the southern Urals, where those lovely gossamer Orenburg shawls are made:

Dearest Irma:

We sent you letters and three telegrams without answer. Just received word the curtains arrived only today in Kazan! ! Too late to take them to Tashkent. We leave at six tomorrow. Heaven knows for what, but keep hoping. Have about fifty kopeks in the caisse. Please telegraph and write me to Tashkent. One feels so cut off from the world and all these towns so small, ruined and God forlorn. I am almost at the last gasp. Dancing in white lights without decors. The public understands nothing at all.

||

Затем она написала из Оренбурга, маленького городка, расположенного на южном Урале, где сделаны эти прекрасные оренбургские шали:

Дорогая Ирма:

Мы отправили тебе письма и три телеграммы без ответа. Просто получилось, что занавеси прибыли только сегодня в Казань!!! Слишком поздно везти их в Ташкент. Завтра мы уезжаем в шесть. Небеса знают на что, но продолжайте надеяться. Имеем около пятидесяти копеек в кассе. Пожалуйста, телеграфируй и напиши мне в Ташкент. Чувствую себя такой оторванной от мира и все эти города, такие маленькие, разрушенные и брошенные Богом. Я почти на последнем вздохе. Танцы в белом свете без декоров. Публика вообще ничего не понимает.

Today I visited the children's colony and gave them a dancing lesson. Their life and enthusiasm is touching-all orphans

Have found no woman and no help at the theatre-very trying. Well, love to you. For Heaven's sake telegraph me news. With all good wishes and love to the children,

Isadora

Samarkand, the end of June, 1924.

||

Сегодня я посетила детскую колонию и дала им урок танцев. Их жизнь и энтузиазм трогательны - все сироты...

Не нашли ни одной женщины и никакой помощи в театре - очень старались.

Ну, люблю тебя. Ради Бога, телеграфируй мне новости. Со всеми добрыми пожеланиями и любовью к детям,

Айседора

Самарканд, конец июня 1924 года.

Dearest Irma:

We go from one catastrophe to another. Arrived in Tashkent without a kopek. Found theatre full of Geltzer, Hotel full of Geltzer, whole town occupied. We had to go to an awful hotel where they demanded "dingy" in advance, and, failing, would not even give us a samovar. We wandered round the town without even a cup of tea all day. In the evening we went to see Geltzer dance to a packed house! After a second hungry day Zinoviev pawned his valise with two suits for just enough to come here. And who do you think he pawned it to? Why, Kalovsky, who is now Geltzer's official husband.

||

Дорогая Ирма:

Мы переходим от одной катастрофы к другой. Прибыли в Ташкент без копейки. Найден театр, полностью Гельцер, отель, полностью Гельцер, весь город оккупирован. Мы должны были пойти в ужасный отель, где они требовали «дэнги» заранее, и, в противном случае, даже не дали нам самовара. Мы целый день блуждали по городу без чашки чая. Вечером мы пошли посмотреть танец Гельцер на упаковочной фабрике! После второго голодного дня Зиновьев заложил свой чемодан с двумя костюмами для того, чтобы приехать сюда. И кому, ты думаешь, он заложил это? Почему-то, Каловскому, который теперь является официальным мужем Гельцер.

We arrived here also without a kopek. The baggage went by mistake to another station. However, here is no Geltzer, it is more hopeful. I dance here Thursday, but it seems, though very beautiful, only a big village. So Heaven knows what will be the result or whether we will be able to leave! ! !

I feel a bit dilapidated. Metchick is gone in a hopeless melancholy and even Zinoviev has lost his sweet smiling nonchalance.

||

Мы прибыли сюда также без копейки. Багаж по ошибке ошибочно попал на другую станцию. Однако, здесь нет Гельцер, это более обнадеживает. Я танцую здесь в четверг, но кажется, хотя и очень красивой, только большая деревня. Так что Небеса знают, что будет результатом или мы сможем уходить!!! Я чувствую себя немного полуразвалившейся. Метчик ушёл в безнадежной тоске, и даже Зиновьев потерял свою сладкую улыбку беспечности.

The country here is divine, fruits and trees and all like a garden-very hot but lovely. But it's a terrible sensation to walk about without a penny. Kiev was a prosperous exploit in comparison. The Tovarish that brings this note saved our lives by giving us his room and sleeping in his private car. So be very nice to him There are marvelous things here to buy, but alas! The land seems a veritable paradise-for the natives. The whites don't understand how to live here.

||

Страна здесь божественная, фрукты и деревья, и всё как в саду - очень жарко, но прекрасно. Но это ужасное ощущение ходить без копейки. Киев был удачным подвигом по сравнению с этим. Товарищ, который доставит эту записку, спас нам жизнь, предоставив нам свою комнату, а сам спал в своей частной машине. Так что будьте очень добры к нему... Здесь есть чудесные вещи, но, увы! Земля кажется настоящим раем для туземцев. Белые не понимают, как здесь жить.

Well, we're hoping for better luck. So far the tour is a tragedy. Why did we leave Friday the 13th? Please send me news and papers if possible, I don't know what is going to happen next. At any rate, I've grown very thin. Think of the lovely meals we ate at Kiev! ! ! Much love to you.

||

Ну, мы надеемся на удачу. Пока что поездка - трагедия. Почему мы выехали в пятницу 13-го? Пожалуйста, присылайте мне новости и документы, если это возможно, я не знаю, что будет дальше. Во всяком случае, я очень похудела. Думаю о прекрасных блюдах, которые мы ели в Киеве!!! Очень люблю тебя.

In turn, I told her of the difficulties I encountered, of a different nature-an ideological one. I came frequently in touch with the Commissar of Physical Culture, Comrade Podvovsky, who in the early days of the Revolution had inspired the Red Army. He often criticized what he termed the too aesthetic side of our dance. He wanted the pupils of our Moscow school to strut about in imitation of his athletes, like young warriors shouting, "Death to speculators! Death to parasites! We are the new free army of the earth!"

||

В свою очередь я рассказала ей о трудностях другой природы, с которыми я столкнулась, - идеологическими. Я часто общалась с комиссаром по физической культуре, товарищем Подвойским, который в первые дни революции вдохновил Красную Армию. Он часто критиковал то, что он назвал излишне эстетической стороной нашего танца. Он хотел, чтобы ученики нашей

московской школы маршировали в подражании их спортсменам, как молодые воины, кричащие: «Смерть спекулянтам! Смерть паразитам! Мы новая свободная армия земли!»

Needless to say, I did not see eye to eye with him. It all reminded me of that other fanatic and his Korperkultur and Racial Hygiene ideology-Max Merz. Being myself primarily an artist, I disliked placing too much emphasis on the physical side of our ephemeral art. In her lessons to her pupils, Isadora invariably emphasized the spiritual approach. When I wrote to her about this, asking for guidance, she replied:

||

Излишне говорить, что я не виделась с ним с глазу на глаз. Всё это напомнило мне другого такого фанатика и его идеологию «Корперкультур» и «Расовая гигиена» - Макса Мерца. Поскольку сама по себе я была в первую очередь артистом, мне не нравилось уделять слишком много внимания физической стороне нашего эфемерного искусства. В своих уроках, своим ученикам, Айседора неизменно подчеркивала духовный подход. Когда я написала ей об этом, прося совета, она ответила:

Tashkent, July 10th, 1924

Dearest Irma:

Thank you very much for your very beautiful letter. I can quite understand how you feel. Blazing sun and prize-fighters are far from my vision of a Ninth Symphony (Beethoven) to be danced in a golden light of the intellectual radiance. But probably you are digging the foundations on which the future columns will stand. At any rate, if it is only to take off these horrible clothes and give the children of the new world red tunics, it is a great work. Go on with it. Surely when the government sees that this new dance has the sympathy of the working people, it will do something for the school. As for Podvowsky's ideas of dance-our dance will sweep them away, as it sweeps everything that stands in its road.

||

Ташкент, 10 июля 1924 г.

Дорогая Ирма:

Большое спасибо тебе за твоё прекрасное письмо. Я вполне понимаю, что ты чувствуешь. Слепящее солнце [медалей] и борцы за [спортивные] призы далеки от моего видения Девятой Симфонии (Бетховена), где следует танцевать в золотом свете интеллектуального сияния. Но, вероятно, ты копаешь основы, на которых будут стоять будущие колонны. Во всяком случае, даже если только снять эту ужасную одежду и подарить детям нового мира красные туники, то это уже отличная работа. Продолжай это. Конечно, когда правительство увидит, что этот новый танец вызывает сочувствие у трудящихся, оно что-то сделает для школы. Что касается идей Подвойского о танце - наш танец сметёт их, так как он сметает всё, что стоит на его пути.

The tournee is a continual catastrophe. We arrived again from Samarkand without a kopek. Again no hotel. Spent two days wandering round the streets very hungry. Zeno

and Metchick slept in the theatre. I, next door in a little house without water or toilet. Finally we found rooms in this fearful hotel over-run with vermin. We are so bitten, as to appear to have some sort of illness.

||

Наш тур - это постоянная катастрофа. Мы прибыли из Самарканда без копейки. Опять нет отеля. Провели два дня, блуждая по улицам, очень голодны. Зено и Метчик спали в театре. Я, рядом, в маленьком домике без воды или туалета. Наконец, мы нашли комнаты в этом страшном отеле, наперегонки с паразитами. Мы настолько покусаны, что, кажется, у нас какая-то болезнь.

Yesterday Zeno arranged on percentage an evening for the students, and they advanced ten "tchervonetz," so we went to a restaurant and ate, the first time in three days. The theatre is engaged. The first performance can only be given next Wednesday. Heaven knows what we will do until then. I only hope we can make enough for the train.

||

Вчера Зено договорились о вечере для студентов, и они обогатились на целую десятку - «червонец», поэтому мы отправились в ресторан и поели первый раз за три дня. Театр занят. Первое выступление может быть дано только в следующую среду. Небеса знают, что мы будем делать до тех пор. Надеюсь, мы сможем собрать достаточно для поездки по железной дороге.

The country is marvelous. I have never seen flowers and fruit in such abundance. In Samarkand we saw the old temple, composed of Chinese and Persian and Arab culture; wonderful mosaics. And I visited the tomb of Tamerlaine and the old Sartian town. If one had money there are ravishing scarves and silks-but alas!!!

||

Страна чудесная. Я никогда не видела цветов и фруктов в таком изобилии. В Самарканде мы видели старый храм, сочетающий стили из китайской, персидской и арабской культуры; замечательные мозаики. И я посетила могилу Тамерлана и старый город Сартия. Если у кого-то есть деньги, есть восхитительные шарфы и шёлка, - но, увы!!!

All this discomfort and worry has made us all ill. Poor Metchick looks dying. We arrived early in the morning and had to sit all day on park benches with nothing to eat. It's a horrid sensation. But this is a primitive, wild place, and anything can happen to one. It's the sort of place to come with Lohengrin [Singer] and his millions; very like Egypt. The heat is forty degrees more in the shade and flies, bugs, mosquitoes make life unbearable.

||

Весь этот дискомфорт и беспокойство заставили нас всех болеть. Бедный Метчик выглядит умирающим. Мы приехали рано утром и должны были целый день сидеть на скамейках в парке, без еды. Это ужасное ощущение. Но это примитивное, дикое место, и здесь может случиться все, что угодно. Это место, где можно встретить Лоэнгрин [Зингера] и его миллионы; очень похоже на

Египет. Тепло в сорок градусов больше в тени, и мухи, жуки, москиты, которые делают жизнь невыносимой.

The little photos are amusing. Try and send me some good ones of you and the children.

Courage; it's a long way, but light is ahead. My art was the flower of an epoch, but that epoch is dead and Europe is the past.

These red tunicked kids are the future. So it is fine to work for them. Plough the ground, sow the seed and prepare for the next generation that will express the new world. What else is there to do? ...

Love to the children. All my love to you. You are my only disciple and with you I see the Future. It is there-and we will dance the Ninth Symphony yet. With love.

Isadora

||

Маленькие фотографии забавны. Постарайтесь прислать мне самые лучшие из твоих и твоих детей.

Нужна отвага; это долгий путь, но впереди свет. Моё искусство было цветком эпохи, но эта эпоха мертва, а Европа - это прошлое.

Эти дети в красных туниках - это будущее. Так что, это прекрасно работать для них. Пахать землю, сеять семена и готовиться к следующему поколению, которое будет выражать новый мир. Что еще можно сделать? ...

Любовь детям. Вся моя любовь тебе. Ты моя единственный ученик, и с тобой я вижу Будущее. Оно есть, и мы ещё будем танцевать девятую симфонию. С любовью.

Айседора

"Plough the ground, sow the seed ... what else is there to do?" she said. I wondered. This may have been the answer for a disillusioned, middle-aged woman, jaded with life in general. But was it the right answer for a young girl, eagerly standing on the threshold of life? My art and my work could not, for me, be all-encompassing as yet. As any normal young woman would, I too dreamed of being able to find some day another chance at happiness of the sort that culminates in marriage and raising a family. Whenever a young man paid attention to me and my foster mother saw me reciprocate, I was-in her eyes-as good as married. Once she even went so far as to tell Walter Duranty, the American correspondent in Moscow, that I had married. Without first checking at the source, he cabled the "news" to his paper.

||

«Пахать землю, сеять семена ... что еще делать?», - сказала она. Я была в недоумении. Это могло быть ответом для разочарованной женщины среднего возраста, измученной жизнью в целом. Но был ли это правильный ответ для молодой девушки, нетерпеливо стоящей на пороге жизни? Моё искусство и моя работа ещё не могли быть для меня всеобъемлющими. Как и любая нормальная молодая женщина, я тоже мечтал о том, чтобы когда-нибудь найти ещё один шанс на счастье, которое завершается браком и созданием семьи. Всякий раз, когда молодой человек обращал на меня внимание, и моя приёмная мать

видела, что я отвечаю взаимностью, я в её глазах была так же хороша, как и в браке. Однажды она зашла так далеко, что рассказала американскому корреспонденту в Москве Уолтеру Дюранти, что я вышла замуж. Не проверив сначала источник, он передал «новости» в свою газету.

No, my plans for the future-even if the right man had come along at that time (which, incidentally, he didn't)-excluded any marriage to a Soviet citizen. I had no intention whatsoever of committing such a fatal mistake. The very thought of any children of mine being born under a dictatorship and growing up as Communist slaves filled me with revulsion.

||

Нет, мои планы на будущее - даже если в то время появился бы подходящий мужчина (что, впрочем, он так и не появился) - исключали любой брак с советским гражданином. Я не собиралась совершать такую роковую ошибку. Сама мысль о том, чтобы мои дети родились под диктатурой и выросли как коммунистические рабы, наполняла меня отвращением.

In this sad world of ours, human beings are constantly forced to make certain sacrifices at one time or another. And I fully realized that this was the one I had been called upon to make, as long as my work kept me chained to the land of the Soviets. I therefore determined to put all personal dreams behind me for the present, and devote all my energies and interests to the furtherance of my career.

||

В этом печальном мире, люди постоянно вынуждены совершать определенные жертвы в тот или иной момент времени. И я полностью осознала, что это было то, к чему я была призвана до тех пор, пока моя работа удерживала меня прикованной к земле Советов. Поэтому, я решила пожертвовать всеми своими личными мечтами на сегодняшний день, и посвятить все свои силы и интересы делу развития моей карьеры.

My immediate concern had to do with my foster mother: to bring her safely back from her disastrous tour and, if possible, find her a more lucrative engagement, since we had to dance in order to eat. A couple of entrepreneurs offered her a tour of Germany. I immediately wrote her the good news, for so it appeared to be then, since nothing could turn out worse than the tour she had just made. She wrote:

||

Моя непосредственная забота была связана с моей приёмной матерью: чтобы она благополучно вернулась из её катастрофического тура и, по возможности, найти для неё более прибыльное занятие, так как нам нужно было танцевать, чтобы поесть. Пара предпринимателей предложила ей тур по Германии. Я сразу же написала ей хорошие новости, потому что так оно и было, и потому что ничего не получилось хуже, чем этот тур, который она только что сделала. Она написала:

Volga and Turkestan are countries to be avoided. We came here because Zeno has an idiot for an advance man, who telegraphed us that prospects here were "brilliant." He must have been hired by the ballet to bring us to ruin. When you have an inspiration to save us, for heaven's sake act on it for it is the last moment.

||

Волга и Туркестан - страны, которых следует избегать. Мы пришли сюда, потому что у Зено есть один идиот под видом продвинутого человека, который телеграфировал нам, что перспективы здесь были «блестящими». Должно быть, он был нанят балетом, чтобы привести нас к гибели. Если у вас есть вдохновение, чтобы спасти нас, ради всего святого, действуйте, потому что это последний момент.

Ekaterinberg, 4/8/24

Dearest Irma:

The moment I received your letter I sent you a forty word telegram expressing my willingness to sign at once, and travel anywhere away from here! ! ! I still await anxiously the answer. You have no idea what a living nightmare is until you see this town. Perhaps the killing here of a certain family in a cellar has cast a sort of Edgar Allen Poe gloom over the place-or perhaps it was always like that. The melancholy church bells ring every hour, fearful to hear. When you go in the streets the gitan yells prava or lieva and points his gun at you. No one seems to have any sense of humor whatever.

||

Екатеринбург, 4/8/24

Дорогая Ирма:

В тот момент, когда я получила твоё письмо, я отправила тебе телеграмму из сорока слов, в которой я выразила готовность немедленно подписать контракт и отправиться куда угодно!!! Я всё ещё жду с нетерпением ответа. Вы не представляете, что такое живой кошмар, пока вы не увидите этот город. Возможно, убийство здесь какой-то семьи в подвале заставило бросить над этим местом своего рода мрак Эдгара Аллена По - или, возможно, всегда было так. Меланхолические церковные колокола звонят каждый час, страшно слышать. Когда вы идёте по улицам, цыган кричит «права» или «лева» и указывает на своё оружие. Кажется, никто не чувствует юмора.

The head of the communists said, "How could Metchick play such disgusting music as Liszt or Wagner!!! " Another said: "I did not at all understand the Internationale!!!"

||

Глава коммунистов сказал: «Как мог Метчик играть такую отвратительную музыку, как Лист или Вагнер!!!» Другой сказал: «Я совсем не понимаю Интернационала!!!»

Our two performances were a foure noire and, as usual, we are stranded and don't know where to go. There is no restaurant here, only "common eating houses," and no coiffeur. The only remaining fossil of that name, while burning my hair off with trembling fingers, assured me there was not a dama left here, they shot 'em all. We saw the house and the cellar where they shot a "certain" family. Its psychosis seems to pervade the atmosphere. You can't imagine anything more fearful. . . . In fact this town is as near Hell as anything I have ever met.

||

Наши два выступления были «чёрной дырой», и, как обычно, мы оказались на мели и не знаем, куда идти. Здесь нет ресторана, только «общие дома для еды», и нет парикмахера. Единственное оставшееся ископаемое с таким званием, сжимая мои волосы дрожащими пальцами, заверило меня, что здесь не осталось ни одной женщины, они расстреляли их всех.

Мы увидели дом и подвал, где они застрелили «определенную» семью. Его психоз, кажется, пронизывает атмосферу. Вы не можете представить себе ничего более страшного... На самом деле этот город близок к Аду, более чем всё, что я когда-либо встречала.

Your letter sounds too good to be true. Telegraph us some dingy and I will come at once to Moscow and sign, sign, sign

With love to you,

Isadora

||

Твоё письмо звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой. Телеграфируйте нам немного денег, и я сразу приеду в Москву, и подпишу, подпишу, подпишу...

С любовью к тебе,
Айседора

Poor Isadora returned from her tournee more dead than alive. A season later I too, with my group of dancers, covered substantially the identical ground under more favorable circumstances. Ilya Schneider's good management and improved organization helped turn our undertaking into a financial and artistic success.

||

Бедная Айседора вернулась из своего тура более мёртвой, чем живой. Сезон спустя, я тоже, с моей группой танцоров, в значительной степени покрыла идентичную почву при более благоприятных обстоятельствах. Хорошее управление Ильи Шнейдера и улучшенная организация помогли превратить наше начинание в финансовый и художественный успех.

While I was absent on my vacation in France and Germany, Isadora had taught the children a series of new dances executed to songs of the Revolution and to folk songs. In all of these the children both sang and danced in chorus, and I too took part, eventually adding several numbers of my own choreography, such as the tryptich called "Famine-Labor-Harvest"; and a charming group of songs by Gretchaninoff, which always brought to mind that memorable performance at Carnegie Hall when the composer himself played the accompaniment. Whenever they were performed, these dances invariably called forth an enthusiastic reception. Apropos of these "Songs in Movement" Isadora said: "I believe that my school will create a new art or show the way towards it. Only the new generation will be able to express the new world and find new genius and new ideas."

||

Пока я отсутствовала на отдыхе во Франции и Германии, Айседора научила детей серии новых танцев, под исполнение песен революции и народных песен. Во всех этих случаях дети пели и танцевали в хоре, и я тоже принимала участие, со временем добавляя несколько номеров моей собственной хореографии, таких как триптих, называемый «Голод-Труд-Урожай»; и очаровательная группа песен Гречанинова, которая всегда напоминала о незабываемом выступлении в Карнеги-холл, когда сам композитор играл аккомпанемент. Всякий раз, когда они исполнялись, эти танцы неизменно вызывали восторженный приём. По поводу этих «Песен в движении» Айседора сказала: «Я считаю, что моя школа создаст новое искусство или покажет путь к нему. Только новое поколение сможет выразить новый мир и обрести нового гения и новые идеи».

That fall, while preparing for her departure to Berlin, my foster mother and I engaged in a long discussion about our work. She suddenly said, "Do you remember the little dance you composed in Grunewald called the 'Poor Orphan Child'?"

||

Этой осенью, готовясь к её отъезду в Берлин, моя приёмная мать и я, долго обсуждали нашу работу. Она вдруг сказала: «Ты помнишь маленький танец, который ты сочинила в Грюневальде, называется «Бедный сиротский ребёнок»?»

When she asked me to dance it for her, I laughed and told her I could not remember all of it. "But I do!" she said, and surprised me no end by getting up and dancing it, movement for movement, making the same simple, childish gestures I had made. It gave me a strange turn to see so great an artist as Isadora Duncan dance in all seriousness my first childhood attempt at choreography. I was really touched. That called forth my inquiry as to how she came to choose me for a pupil that fateful day in Hamburg nearly two decades ago, and her surprising answer that it had been because of Gordon Craig. It suddenly illuminated so many things that occurred in my early school days and her favoritism toward me from the beginning.

||

Когда она попросила меня станцевать для неё, я рассмеялась и сказала ей, что не могу вспомнить всё это. "Но я сделаю!" - сказала она, и бесконечно удивила меня, вставая и танцуя, движение за движение, делая те же простые, детские жесты, которые я делала. Это дало мне странный повод увидеть, как такая великая артистка, как Айседора Дункан, со всей серьёзностью танцует мою первую детскую попытку хореографии. Я была очень тронута. Это вызвало у меня вопрос о том, как она выбрала меня для ученицы в тот роковой день в Гамбурге почти два десятилетия назад, и её удивительный ответ, что это было из-за Гордона Крейга. Это внезапно осветило так много вещей, которые произошли в мои ранние школьные годы, и её фаворитизм ко мне с самого начала.

"Then you yourself found me not particularly promising?" I asked. She looked at me fondly and said, "The moment I saw you raise your arms with such childish fervor, I knew you had something. I have always considered you and Lisa to be my most talented pupils. You must often have noticed by my expression and my tears that I found your dancing very beautiful. As I told you last summer when we danced together in Kiev and I watched you do the 'Marche Militaire'-I could not have done it much better."

"This is praise from Sir Hubert," I jokingly remarked to cover my emotion, for she seldom spoke this way to me about my dancing. "No, it is the simple truth," she said.

||

«Значит, ты сама нашла меня не особенно перспективной?», - спросила я. Она с любовью посмотрела на меня и сказала: «В тот момент, когда я увидела, как ты поднимаешь руки с таким ребяческим рвением, я знала, что у тебя что-то есть. Я всегда считала тебя и Лизу самыми талантливыми учениками. Вы, должно быть, часто замечали по моему выражению лица и слезам, что я считаю ваш танец очень красивым. Как я говорила вам прошлым летом, когда мы танцевали вместе в Киеве, и я наблюдала, как вы делаете «Военный марш», я бы не смогла сделать это намного лучше».

«Это похвала от сэра Хьюберта», - в шутку заметила я, чтобы покрыть свои эмоции, потому что она редко говорила мне так же о моих танцах. «Нет, это простая истина», - сказала она.

I had retired to my own room after this conversation and left her to pack her things for her forthcoming trip. Then, very softly, I heard a knock on my door. Isadora entered like a shy little girl, saying in a wistful voice, "Isn't it remarkable that through all the vicissitudes of life and considering all the things I ever owned that have been lost, this"-and she stroked gently the piece of rose and purple silk cradled in her arms like a baby-"this should have survived."

||

После этой беседы я ушла в свою комнату и оставила её, чтобы собрать вещи для её предстоящей поездки. Затем я услышала очень тихий стук в мою дверь. Айседора вошла как застенчивая маленькая девочка, и задумчиво произнесла: «Разве не замечательно, что через все превратности жизни, и с учетом всех вещей, которыми я когда-либо владела, которые были утеряны, это», - она нежно, как ребёнка, погладила кусок розового и пурпурного шёлка, сложенный в её руках - «это должно было сохраниться».

I looked closer and recognized one of her first dance costumes-the one I remembered so well when I saw her dance for the first time on the stage. My favorite-the tunic of "Angel Playing the Viol." She came closer and said, "Here, I want you to have it in remembrance of me"; and she handed it over as carefully and lovingly as if it were indeed a child. A rush of memories from Grunewald-the picture of my guardian angel over my Himmelbett-brought tears to my eyes. Too moved to speak, I contemplated the tunic as one regards a religious object. Wanting to thank her, I raised my eyes, but she had quietly disappeared.

||

Я подошла поближе и узнала один из её первых танцевальных костюмов - тот, который я так хорошо помнила, когда впервые увидела её танцы на сцене. Моя любимая туника - «Ангел, играющий на скрипке». Она подошла ближе и сказала: «Вот, я хочу, чтобы ты помнила обо мне»; и она передала его так же тщательно и любовно, как если бы это был действительно ребёнок. Порыв воспоминаний из Грюневальда - картина моего ангела-хранителя над моим Химмельбеттом - принесла слёзы на глаза. Слишком тронутая, чтобы говорить, я подумала, что туника рассматривается как религиозный объект. Желая поблагодарить её, я подняла глаза, но она тихо исчезла.

Later that night, when we were alone and saddened by her remembrance of the past and her impending departure, she confessed to me that she often thought of committing suicide. "If I only knew a way that would not be too painful, I would not hesitate." And she continued in this same melancholy mood, "Please, don't ever grieve at my going. Promise to bury me in my old red tunic in which I have danced all my revolutionary dances, and give me a real Irish wake. Sing, and dance, and

drink, and give thanks for my blessed release from the constant pain gnawing at my poor heart."

||

Позже, той ночью, когда мы были одни и были опечалены её воспоминанием о прошлом, и её предстоящем отъездом, она призналась мне, что часто думала о самоубийстве. «Если бы я только знала путь, который не был бы слишком болезненным, я бы не стала колебаться». И она продолжала в этом же меланхолическом настроении: «Пожалуйста, никогда не огорчайся на меня. Обещай похоронить меня в моей старой красной тунике, в которой я танцевала все мои революционные танцы, и которая дала мне настоящую ирландскую волну. Пой, танцуй, и пей, и благодари за моё благословенное освобождение от постоянной боли, грызущей моё бедное сердце.»

The next day was a Sunday, and she gave her farewell performance at the Bolshoi Theatre. All of us-including the five hundred red-tunicked children from the stadium-took part in the grand finale, the "Internationale." With me, as usual, leading the children, we wound in a snakelike pattern back and forth until we reached the footlights. Then we broke the pattern to form three concentric circles around Isadora, who stood in the center like a flame with her red hair and red shawl. Then, with hands raised high, we intoned the final triumphant crescendoing stanza. The audience, of four thousand Young Pioneers and Communist youth, who had been invited by Madame Kalenina (wife of the Soviet President) to see us dance, gave Isadora and her school a thunderous ovation.

||

На следующий день было воскресенье, и она прощалась постановкой в Большом театре. Все мы, в том числе пятьсот рыцарей-матросов со стадиона, приняли участие в грандиозном финале, «Интернационале». Со мной, как обычно ведущей детей, мы извивались змеиным узором взад и вперед, пока не достигли фонарей. Затем мы сломали узор, чтобы сформировать три концентрических круга вокруг Айседоры, которая стояла в центре, как пламя с её рыжими волосами и красным шалью. Затем, подняв высоко руки, мы произнесли последнюю торжествующую восходящую строфу. Аудитория, из четырех тысяч пионеров и коммунистической молодежи, приглашенная мадам Калининой (женой советского президента), чтобы увидеть наши танцы, дала Айседоре и её школе громовые овации.

That night there was no thought of going to bed, as Isadora's plane for Berlin was to leave at dawn. She thought she ought not to leave now that the President's wife and other Communist leaders had taken an active interest. She felt that something would surely come of this, and if there seemed to be any chance of the government's really doing what they originally promised to do, she would return immediately.

||

В ту ночь не было даже мысли о том, чтобы ложиться спать, поскольку самолёт Айседоры до Берлина должен был отправиться на рассвете. Ей казалось, что она не должна уходить сейчас, когда жена президента и другие

коммунистические лидеры проявили активный интерес. Она чувствовала, - что-то наверняка из этого выйдет, и, если, как казалось, есть шанс, что правительство действительно сделает то, что первоначально обещали, то она немедленно вернётся.

At dawn, at the Trotsky air field, I saw her off. Neither of us realized that she was leaving Russia for the last time; that from now on the work we had begun together in that country would be continued by myself alone.

||

На рассвете, на аэродроме Троцкого, я увидела её. Никто из нас не понимал, что она покидает Россию в последний раз; что отныне работа, которую мы начали вместе в этой стране, будет продолжена сама по себе.

[285], p.259-272 * DUNCAN DANCER * If You Will Be Faithful *

-=18=-

If You Will Be Faithful

Если ты всё ещё будешь верна

BY no stretch of the imagination could anyone claim that my existence in Moscow was entertaining. The social amenities were reduced to zero. In this impoverished country, few people-apart from the ruling clique and the foreign embassies-could obtain the products necessary to entertain. I had to rely on my own efforts to find a small measure of distraction, and what I found was not nearly enough to satisfy a fairly energetic young woman unaccustomed to living alone among strangers. For that is what I did in the midst of a teeming institution ever since Isadora left.

||

Ни в одном воображении никто не мог утверждать, что моё существование в Москве было интересным. Социальные удобства были сведены к нулю. В этой обедневшей стране немногие, кроме правящей клики и иностранных посольств, могли получить вещи, необходимые для развлечения. Мне приходилось полагаться на собственные усилия, чтобы найти небольшое отвлечение, и то, что я обнаружила, было недостаточно, чтобы удовлетворить довольно энергичную молодую женщину, не привыкшую жить в одиночестве среди незнакомых людей. Ибо это то, что происходило со мной в заведении для детей с тех пор, как Айседора ушла.

The few contacts I had made in Moscow with Americans were mostly of a transient nature, people such as Averell Harriman, who later became Governor of New York, but was in 1922 connected with the Hoover Commission, or my old friend Max Eastman whom I met only once. Then there was a memorable evening when Walter Duranty brought the world champion of chess, Capablanca, around for supper after winning the game. I met a number of foreign journalists among whom I became well acquainted with Eugene Lyons and his attractive young wife, then on his first

assignment to Russia. They wanted to leave their baby daughter with me at the school but she was too young to be accepted.

||

Несколько контактов, которые я имела в Москве с американцами, были в основном преходящими, с такими людьми, как Аверел Харриман, который позже стала губернатором Нью-Йорка, но был в 1922 году связан с Комиссией Гувера, или же с моим старым другом Максом Истманом, которого я встретила только однажды. Затем был незабываемый вечер, когда Уолтер Дюранти привёл на ужин чемпиона мира по шахматам Касабланку, после победы в игре. Я встретила ряд иностранных журналистов, среди которых я хорошо познакомилась с Евгением Лайонсом и его привлекательной молодой женой, а затем [встретила его] на его первом назначении в Россию. Они хотели оставить свою маленькую дочь со мной в школе, но она была слишком маленькая, чтобы её приняли.

And in 1927, most outstanding of American correspondents, Dorothy Thompson, whom I met through my good friends the Hoppers. Dorothy was then soon to marry the famous American novelist Sinclair Lewis. She invited me to her engagement party but I could unfortunately not attend. On November 25, 1927, she wrote to "Red," as all his intimates called Sinclair, from Moscow, and mentioned a visit to my school with the Hoppers. "Today is Thanksgiving," she said, spending the evening with the Hoppers. "After dinner, an' there was a turkey, we went to Irma Duncan's and saw fair maidens swathed in scarlet dance the Internationale." In her book The New Russia she afterwards published, she wrote in the chapter of First Impressions:

||

А в 1927 году [я встретила] с самой выдающейся из американских корреспонденток, Дороти Томпсон, с которой я познакомилась через моих хороших друзей Хопперс. Вскоре Дороти вышла замуж за известного американского писателя Синклера Льюиса. Она пригласила меня на её помолвку, но я, к сожалению, не могла присутствовать. 25 ноября 1927 года она написала «Красному», как звали Синклера все его близкие, из Москвы, и упомянула посещение моей школы с Хопперами. «Сегодня День Благодарения», - рассказывала она о проведённом вечере с Хопперсами. «После обеда, а там была индейка, мы пошли к Ирме Дункан, и увидели прекрасных девушек, одетых в алое, в танце Интернационал». В своей книге «Новая Россия», которую она впоследствии опубликовала, она написала в главе «Первые впечатления»:

Years ago Isadora Duncan came out of the west to tell the Russian ballet that all this artificial toe-stepping was out of date. . . . And one of her pupils and adopted daughters, Irma Duncan, in her studio in a former palace, still teaches the children of the proletarians to throw their arms earthward from whence all good comes and revel in the free, untrammled expression of their revolutionary souls.

||

Несколько лет назад Айседора Дункан покинула Запад, чтобы рассказать русскому балету, что всё это искусственное шагание ног было устаревшим... И одна из её учениц и приёмных дочерей, Ирма Дункан, в своей студии в бывшем дворце, всё ещё учит детей пролетариев направлять свои руки на землю, откуда приходит всё добро, и упивается свободным, беспрепятственным выражением их революционных душ.

My daily existence had little of interest to offer me. Shops were bare; moving picture theatres nonexistent; the fashion world dead and buried; balls and parties unheard of. What was there for a young girl to do in search of fun and amusements? As far as my tastes go, once I'd seen the Bolshoi Ballet I had had it. I frequently attended the opera, concerts, and the theatres during the season. I could, however, get small enjoyment from the plays-mostly classics-until my Russian improved.

||

Моё ежедневное существование мало интересовало меня. Магазины были пустыми; кинотеатры с движущимися изображениями отсутствовали; мир моды мёртв и похоронен; кегельбаны и вечеринки - неслыханные [забавы].

Что было делать молодой девушке в поисках веселья и развлечений? Что касается моих вкусов, только однажды я видела Большой балет, у меня это было. Я часто посещала оперу, концерты и театры в течение сезона. Я могла, однако, получить небольшое удовольствие от пьес, в основном классиков, до тех пор, пока мой русский не улучшился.

My usual day started with a late breakfast, brought to me on a tray by my personal maid Ephrosinia, called Frossia for short. I ate all my meals in my room; in front of the fireplace in winter, in front of the open window looking out on the courtyard in the warmer seasons. I would dress and take my daily outing, snow or sunshine. I preferred riding to walking; dancing as much as I did, I obtained sufficient exercise.

||

Мой обычный день начинался с позднего завтрака, приносимого мне на подносе моей личной служанкой Эфросинией, коротко названной Фросей. Я ела все свои блюда в своей комнате; перед камином зимой, и перед открытым окном, выходящим на внутренний двор, в тёплые сезоны. Я одевалась и совершала свою ежедневную прогулку, в снег или солнце. Я предпочитала ездить верхом на прогулке; танцуя столько, сколько танцевала я, я получала достаточно тренировки.

At the corner of Pretchistenka and Myortvy Pereoulouk, or Dead Alley (so named in time of the big plague), stood a horse-drawn carriage or, in winter, a sleigh. The iz.voz.chik, Piotr-in a half-somnolent state, patiently waiting for his steady client-would suddenly spring into action the instant I opened the heavy oak door and stepped into the street. I hardly needed to give directions. He knew my initial stop was at Okhotny Riad to do some shopping for my dinner. The Hunter's Row had the best game in town. I would select a grouse, perhaps, or a snow chicken, with the customary sour cream to roast it in, and whatever fresh vegetables and fruit could be

had-mostly cabbage, onions, and beets, and those tart little apples, yellow and red, called Antonovka. From there I continued via the Theatre Square to the Petrovka, where I knew a pastry shop that made excellent little pirozhnye, those cream-filled cakes the Russians love. In those youthful days I had no reason to watch my weight, which always remained the same. And of course my purchases were never complete without Malosol caviar, smoked salmon and that other tasty little Russian fish, smoked kilki. Sometimes, if I was fortunate enough, I would discover a dusty bottle of Abrao Durceaux, that extremely potable native champagne of pre-Revolutionary vintage, much enjoyed by the former tsars.

||

На углу Пречистенки и Мёртвого переулка, или Мёртвой аллеи (названной так во время большой чумы), стоял конный экипаж или сани зимой. Извозчик, Петр, в полусогнутом состоянии, терпеливо ожидал своего постоянного клиента, и внезапно начинал действовать, как только я открывала тяжелую дубовую дверь и выходила на улицу. Мне вряд ли нужно было давать указания. Он знал, что моя первоначальная остановка была в Охотном ряду, чтобы сделать покупки для моего обеда. На «Охотничьей линии» была лучшая в городе дичь. Я выбирала рябчика или замороженного цыпленка, чтобы поджарить его с обычной сметаной, и с любыми свежими овощами и фруктами, в основном капустой, луком и свеклой, и этими маленькими кислыми яблоками, желтыми и красными, которые называются Антоновка. Оттуда я продолжала путь через Театральную площадь до Петровки, там я знала кондитерскую, где делали маленькие пирожные, - кремовые кексы, которые любят русские. В те юные дни у меня не было причин следить за своим весом, который всегда оставался неизменным. И, конечно, мои покупки никогда не были завершены без малосольной икры, копченого лосося и другой вкусной маленькой русской рыбки - копченой кильки. Иногда, если я была достаточно удачлива, я обнаруживала пыльную бутылку «Абрао Дурсо», - этого исключительно приятного местного шампанского дореволюционного урожая, которое так любили бывшие цари.

On my way back over the Arbat, a commercial center, I would stop for an appointment with my hairdresser or continue on to the Sofika, where a very good tailor would make me a dress copied from one I had, or a coat to order. I also frequently stopped at the Kusnetzky Most in the hope of finding something to read in English, French, or German, at the only bookstore open to customers. Usually I returned empty-handed, for books in foreign languages, even second hand, were rarer than hen's teeth. By the beginning of 1925, however, conditions had improved sufficiently for people to purchase these things.

||

На обратном пути по Арбату, в коммерческий центр, я останавливалась для свидания с моим парикмахером или продолжала путь к Софике, где очень хороший портной делал мне платье, скопированное с того, что у меня уже было, или пальто на заказ. Я также часто останавливалась у Кузнецкого моста в надежде найти что-то для чтения на английском, французском или немецком

языке, в единственном книжном магазине, открытом для клиентов. Обычно я возвращалась с пустыми руками, так как книги на иностранных языках, даже из вторых рук, встречались реже, чем куриные зубы. Однако, к началу 1925 года, условия для покупки этих вещей значительно улучшились.

At home, I would hand my groceries to Pasha, our cook, who ordinarily did all right with them, except once when I brought back that very rare vegetable, asparagus. She apparently had never cooked it before and served up the stalks without the heads.

||

Дома я передавала свои продукты Паше, нашей поварихе, которая обычно делала с ними всё правильно, за исключением одного раза, когда я принесла один очень редкий овощ - спаржу. Она, видимо, никогда не готовила его раньше и подала стебли без верхушек.

Every afternoon I held my dancing classes. First the younger, or beginners group, followed by my more advanced students. Teaching is more tiring than performing, and I always welcomed the sight of the tall brass samovar, hissing a column of steam to the ceiling, that Frossia had ready for me; with a pot of that good black China tea (the best in the world), which the Russians drink out of glasses with lemon and sugar nibbled on the side.

||

Каждый день я проводила занятия по танцам. Сначала младшие или группа новичков, за которой следовали мои более продвинутые ученики. Преподавание более утомительно, чем исполнение, и я всегда приветствовала вид высокого латунного самовара, извергающего столб пара до потолка, который Фрося готовила для меня; с чашкой этого хорошего чёрного чая из Китая (лучшего в мире), который русские пьют из бокалов с лимоном и сахаром.

The absence of reading material in a language I could understand turned out to be a great nuisance. But according to Emerson's law of compensation, there is a benefit to be derived from every bad situation. Forced to read Russian, I made all the better progress. And then there was always Vera Ilynishna, or some other friend, to drop in and chat with me in that difficult language till I mastered it.

||

Отсутствие материала для чтения на языке, который я могла понять, оказалось большой неприятностью. Но в соответствии с законом компенсации Эмерсона, есть преимущество, которое следует извлечь из любой плохой ситуации. Вынужденная читать по-русски, я добилась большего прогресса. И тогда всегда была Вера Ильюшина или какой-то ещё друг, который мог зайти и поговорить со мной на этом сложном языке, пока я не освоила его.

Irma Duncan in Moscow, ca. 1925.

The Isadora Duncan School, Moscow.

Irma Duncan in Moscow, ca. 1925.
The Isadora Duncan School, Moscow.

On big holidays, such as Easter or Christmas, I attended the services at a small, rose-colored church at the bottom of the hill near Pretchistenka Gate, now vanished from the Moscow scene. In this way, I managed to find some small distractions. Performances and tours came as a welcome relief from the boredom and monotony of existence among the Soviets.

||

На большие праздники, такие как Пасха или Рождество, я посещала службы в маленькой, розовой церкви на дне холма возле ворот Пречистенки, теперь исчезнувшей с московского пейзажа. Таким образом, мне удавалось найти небольшие отвлекающие факторы. Выступления и гастролы стали приятным облегчением от скуки и монотонности существования среди Советов.

With Isadora's departure, I started once more to be independently active on the stage, a venture that had been impossible while she remained in charge of artistic matters. I slowly came to the realization that if I wanted to make a name for myself in Russia, it was now or never. Thus began the professional tours I made the length and breadth of that vast land. In the end, I was giving a hundred performances a year.

||

С отъездом Айседоры я снова начала действовать на сцене независимо, что было невозможно, когда она оставалась ответственной за художественные дела. Я постепенно поняла, что, если бы я хотела сделать себе имя в России, то это было бы сейчас или никогда. Таким образом, начались профессиональные туры, я пересекла эту огромную территорию вдоль и поперёк. В конце концов, я давала сто выступлений в год.

Isadora, in the interval since her departure and subsequent arrival in Nice, had suffered continuous catastrophes. Her Berlin engagement turned into a complete fiasco. She repeatedly sent me letters asking for help. But since all my mail had to be forwarded while I was in the Volga district, her letters reached me too late. By the time I could answer, Isadora had left Germany and settled in the south of France. She wrote me from Paris in February of 1925, when she had finally obtained some help from friends:

||

Айседора, в промежутки с момента её отъезда и до последующего прибытия в Ниццу, испытывала непрерывные катастрофы. Её ангажемент в Берлине превратился в полное фиаско. Она неоднократно посылала мне письма с просьбой о помощи. Но поскольку вся моя почта должна была быть переправлена, когда я была в Приволжском районе, её письма дошли до меня слишком поздно. Когда я смогла ответить, Айседора покинула Германию и поселилась на юге Франции. Она написала мне из Парижа в феврале 1925 года, когда она, наконец, получила помощь от друзей:

Dearest Irma:

I have not had the courage to write, I have been going through sad, fearful experiences. At last I arrived here. I am hardly alive, just gasping. Now I have some

faint hope on the horizon, but nothing is sure yet. I was offered by the Chicago Tribune a sum for my "memoirs" . . .

||

Дорогая Ирма:

У меня не хватало смелости написать, я испытываю печальные, страшные переживания. Наконец-то я приехала сюда. Я едва жива, просто задыхаюсь. Сейчас у меня есть слабая надежда на горизонте, но пока ничего не ясно. Чикаго Трибьюн предложила мне некоторую сумму за мои «воспоминания»...

For three months they refused me a visa to come to Paris. At last here I am. For Heaven's sake write to me. If you could only send me good photos of the school, I am sure I could raise funds for you. But people hardly believe there is a school. Write to me. Tell me what hope is there for the school? Will the house remain? Is anything stable, or is it a quicksand? My only hope of funds at this moment is the Memoirs. . . .

||

В течение трёх месяцев они отказывали мне в визе, чтобы я могла приехать в Париж. Наконец-то я здесь. Ради бога, напиши мне. Если бы вы могли отправить мне хорошие фотографии из школы, то я уверена, что смогла бы собрать средства для вас. Но люди вряд ли верят, что школа существует. Напиши мне. Скажи, в чём есть надежда для школы? Остается ли дом? Является ли что-нибудь стабильным, или это зыбучие пески? Моя единственная надежда на средства в этот момент - это Мемуары...

If I receive the \$20,000 promised, I will either come to Moscow in the spring with money, or if you think Moscow hopeless, you can join me in London with sixteen pupils. But reflect well which will be best.

I am much worried about Margot, who, I have just heard by telephone, is in a hospital here very ill. I will go and see her tomorrow, but Christine should have told me sooner

Dearest Irma, I was just writing the above when they suddenly telephoned me that Margot was dying. I took a taxi and rushed to the hospital but too late. It all seems so unhappy and miserable. I am ill but will write soon. . . .

||

Если я получу обещанные 20000 долларов, то приеду в Москву весной с деньгами или, если вы считаете Москву безнадёжной, то вы можете присоединиться ко мне в Лондоне с шестнадцатью учениками. Но хорошо подумай, что будет лучше.

Я очень беспокоюсь о Марго, которая, я только что услышала по телефону, очень больна, и находится в госпитале. Я поеду к ней завтра, но Кристина должна была сказать мне раньше ...

Дорогая Ирма, я как раз писала выше, когда они неожиданно позвонили мне, что Марго умирает. Я взяла такси и бросилась в больницу, но слишком поздно. Всё это кажется таким несчастным и печальным. Я больна, но скоро напишу...

Unbeknownst to Isadora, Gordon Craig took the initiative to appeal to Paris Singer for help in this emergency. Singer, who was at the time in Florida, wrote from Palm Beach to Craig: "Although I did not hear of the trouble in Berlin I did hear when little Margot died in Paris and I immediately telegraphed my agent to supply our friend with all necessary funds without letting her know the source. Strange to say this was exactly your idea."

||

Без ведома Айседоры, Гордон Крейг взял на себя инициативу обратиться к Парису Зингеру за помощью в этой чрезвычайной ситуации. Зингер, который был в то время во Флориде, написал из Палм-Бич Крейгу: «Хотя я не слышал о беде в Берлине, я слышал, что маленькая Марго умерла в Париже, и я сразу же телеграфировал моему агенту, чтобы предоставить нашему другу все необходимые средства, не давая ей знать источник. Странно сказать, что это была именно ваша идея.»

Her motto, she said, was Sans limites, struggling along to earn a living and never relinquishing her dream of a school for a thousand children. As if the one we had in Moscow, housing half a hundred, was not enough of a headache! I explained to her the endless difficulties I ran into trying to keep this establishment going. The government, so far, had not contributed a sou. My performances in the provinces kept the school functioning; otherwise we would have no other alternative but to close up shop. She wrote from Nice on the last day of March:

||

Её девиз, по её словам, - это действие «Без ограничений», изо всех сил пыталась зарабатывать на жизнь и никогда не отказывалась от своей мечты о школе для тысячи детей. Как будто того, что у нас было в Москве, где было полсотни учеников, не хватало головной боли! Я объяснила ей бесконечные трудности, с которыми я столкнулась, пытаюсь сохранить это учреждение. До сих пор правительство не предоставило даже небольшой суммы денег. Мои выступления в провинциях сохранили функционирование школы; иначе у нас не было бы другой альтернативы, кроме как закрыть заведение. В последний день марта она написала из Ниццы:

I have just received your letter; poor darling, it sounds awful. By now you have my last letter and you know that if I haven't written it is because I have been having such a hell of a time that I really felt ashamed to send you one wail after another. Nobody realized it, but poor little Margot's death was the finishing touch. I simply almost gave up entirely. I am only just recovering from the ghastly cruelty and terror of the whole thing. I confess-I can't understand-the whole scheme of things is too unbearable.

Any reports that I have spoken against the Soviet Gov't are absolutely false, and unfounded

||

Я только что получила твоё письмо; бедная дорогая, это звучит ужасно. К настоящему моменту у тебя есть моё последнее письмо, и ты знаешь, что, если

я его не написала, то это потому, что у меня было такое чертовское время, что мне действительно было стыдно посылать вам один вопль за другим. Никто не осознавал этого, но смерть бедной маленькой Марго была последним штрихом. Я просто почти полностью сдалась. Я только сейчас оправляюсь от ужасной жестокости и ужаса всего этого. Признаюсь - я ничего не могу понять - вся схема вещей слишком невыносима.

Любые сообщения, которые я говорила против Советского правительства, абсолютно ложны и необоснованны...

A friend took a studio for me here. It is a perfect gem. A little theatre twice as big as the Rue de la Pompe with a stage, foot-lights, etc. If we could arrange for you to come here with sixteen of the most talented children, we might succeed in saving them. I tried through the Soviet Embassy in Paris to have the school brought in the Russian Dept. of the Decorative Arts Exposition, but without success. Have you seen Tovarish Kalenina? Can nothing be done?

||

Друг взял студию для меня здесь. Это идеальный драгоценный камень. Маленький театр, вдвое больше, чем Рю де ла Помпе, со сценой, с подсветкой и т.д. Если бы мы могли организовать для вас приезд сюда с шестнадцатью самыми талантливыми детьми, мы могли бы их спасти. Я пробовала через советское посольство в Париже, чтобы школу привезли в Российский отдел выставки декоративного искусства, но безуспешно. Ты видела товарища Калинина? Он не может ничего сделать?

The world is a sickening place. I am living from hand to mouth. My friends have all deserted me. The joke of the whole thing is that it is current gossip that I receive vast sums of money from the Soviets. Isn't that beautiful? I am relying on money that should come from Gordieff to pay for the studio. I think it would be at least a refuge at the last extremity. It would be a good idea, if all else fails, that you come here and perhaps together we may find some way out. But unless the Soviet Gov't will help, I think it is about hopeless for the school in Moscow. But you know, being a bit prophetic, I sensed as much when I was last there Ask Ilya to write and answer the following questions: What does he advise? Has he any hopes for this summer from Podvowsky or others? Would my return make things better or worse? ...

||

Мир отвратителен. Я живу впроголодь, еле свожу концы с концами. Мои друзья все бросили меня. Шутка во всём этом, и это настоящая сплетня состоит в том, что я получаю огромные суммы денег от страны Советов. Разве это не прекрасно? Я полагаюсь на деньги, которые должны прийти от Гордиева, чтобы заплатить за студию. Я думаю, что это будет, по крайней мере, убежище на самый последний момент. Было бы неплохо, если всё остальное не поможет, чтобы вы приехали сюда и, возможно, вместе мы могли бы найти какой-то выход. Но, если Советское правительство не поможет, я думаю, что это бесполезно для московской школы. Но ты знаешь, будучи немного пророком, я почувствовала то же самое, когда была в последний раз там... Попросите Илью

написать и ответить на следующие вопросы: - Что он посоветует? - Есть ли у него какие-либо надежды на это лето от Подвойского или других? - Может моё возвращение улучшить или ухудшить положение? ...

If we are to die, better arrange a meeting and die together. At the last extremity, come here. You can sleep in the studio, bathe in the sea and we will always find a meal. All my love. I kiss you a thousand times and the poor, dear children.

Love, Isadora

||

Если мы хотим умереть, лучше договориться о встрече и умереть вместе. В крайнем случае, приезжай сюда. Вы можете спать в студии, купаться в море, и мы всегда найдём еду. Вся моя любовь. Я целую тебя тысячу раз и бедных, дорогих детей.

С любовью, Айседора

It was quite impossible to obtain permission for the children to leave Russia. The authorities had even tried to hinder me from taking them periodically on tour inside the country, though we generally made the extensive trips during the summer vacation. Only because I put up a terrific fight-going straight over the heads of the minor officials to Lunacharsky himself, who always was in my corner-was I allowed to continue. Nobody seemed to be able to understand that these performances constituted our sole support. For this reason another of Isadora's schemes fell through. But she persisted in her grandiose schemes and when nothing came of them told a friend:

||

Было совершенно невозможно получить разрешение на выезд детей из России. Власти даже пытались помешать мне, периодически посещать их в туре по стране, хотя мы обычно совершали обширные поездки во время летних каникул. Только потому, что я устроила потрясающую битву прямо над головами младших чиновников самому Луначарскому, который всегда был на моей стороне, - мне позволили продолжить. Никто, казалось, не мог понять, что эти выступления являются нашей единственной поддержкой. По этой причине другая схема Айседоры провалилась. Но она упорствовала в своих грандиозных схемах, и когда из них ничего не вышло, рассказала своему другу:

I would have wished to devote myself entirely, creating a magnificent social center, instead of little troupes which, by the force of circumstances, degenerate into theatrical groups, as in Moscow. The principal thing, after all, is to do something, to make a beginning. Better the Moscow school with all its faults than nothing at all.

||

Я бы хотела полностью посвятить себя созданию великолепного социального центра, а не маленьких групп, которые в силу обстоятельств вырождаются в театральные группы, как в Москве. Главное, в конце концов, что-то сделать, сделать начало. Лучше московская школа со всеми её ошибками, чем вообще ничего.

I fully agreed with her last statement. That is the reason I too persisted in my small way to keep the enterprise, founded under such difficulties and involving so many sacrifices, functioning by any and all means. I wrote and told her so. Her answer reached me in Moscow, where I continued to direct the institution dedicated to the dance as she envisioned it, though local forces not in sympathy with our ideology had already started to undermine it.

||

Я полностью согласилась с её последним заявлением. Вот почему я так настойчиво следовала своим маленьким планам, чтобы сохранить предприятие, основанное с такими трудностями, и сопряженное с жертвами, и функционирующее любыми и всеми возможными средствами. Я написала и сообщила ей об этом. Её ответ дошёл до меня в Москве, где я продолжала руководить учреждением, посвященным танцу, так как она представляла его, хотя местные силовые ведомства, не симпатизирующие нашей идеологии, уже начали подрывать его.

Nice, January 27, 1926

Dearest Irma:

Thank you for your letter. I only received it today. I wish you would try and write oftener, if only a line.

I was terribly shocked about Sergei's death [Essenine had committed suicide], but I wept and sobbed so many hours about him that it seems he had already exhausted any human capacity for suffering. Myself, I'm having an epoch of such continual calamity that I am often tempted to follow his example, only I will walk into the sea. Now in case I don't do that, here is a plan for the future.

||

Ницца, 27 января 1926 года

Дорогая Ирма:

Спасибо за твоё письмо. Я получила его только сегодня. Хотелось бы, чтобы ты пыталась писать чаще, если бы только по одной строчке.

Я была ужасно потрясена смертью Сергея [Есенин покончил жизнь самоубийством], но я плакала и всхлипывала столько часов о нём, что, похоже, он уже исчерпал человеческую способность страдать. Я сама переживаю эпоху таких постоянных бедствий, что мне часто хочется последовать его примеру, только я пойду в море. Однако теперь, если я этого не сделаю, вот мой план на будущее.

I have here a wonderful studio which I have not been able to use. First no carpet, then no stove, then no piano. Now I have carpet, stove, piano, thanks to dear Augustin, who gradually sent me funds to get these things and to keep the studio. I have taken a small apartment next to the studio, with kitchen and bath. My plan is that you should come here on a visit as soon as possible, if you can arrange to absent yourself. We could start here a paying school ala Elizabeth, and take pupils from America to board, etc. I have a very good woman to look out for the kitchen. Food is cheap, vegetables plenty. You could bring one or two of the older girls as

co-teachers. By spending six months here and six months in Moscow we could join the ideal and the material.

||

У меня здесь замечательная студия, которую я не могла использовать. Сначала не было ковра, затем не было печки, затем не было пианино. Теперь у меня есть ковёр, плита, пианино, спасибо уважаемому Августину, который постепенно отправлял мне деньги, чтобы я могла получить эти вещи и сохранить студию. Я сняла небольшую квартиру рядом со студией, с кухней и ванной. Мой план состоит в том, что вы должны приехать сюда с визитом как можно скорее, если вы можете договориться о вашем отъезде. Мы могли бы основать здесь платную школу «а ля Элизабет» и забрать к себе учеников из Америки и т.д. У меня есть очень хорошая женщина, чтобы смотреть за кухней. Еда дешёвая, овощей много. Ты могла бы привезти одну или две старшие девочки в качестве со-учителей. Проведя шесть месяцев здесь и шесть месяцев в Москве, мы могли бы соединить идеальное и материальное.

Now I have a studio three times as big as Rue de la Pompe with the stage and the apartment paid until April 15th, but I'm sitting here without a cent or without a soul to help me. If you could come and survey the situation, there is a possibility of making a big school on business basis.

||

Теперь у меня есть студия, которая в три раза больше, чем на Рю де ла Помпе, со сценой и квартирой, оплаченной до 15 апреля, но я сижу здесь без цента или без души, кто мог бы помочь мне. Если бы вы могли приехать и изучить ситуацию, то есть возможность создать большую школу на основе бизнеса.

Here is ideal climate. The hills back of the studio are covered with flowers and everything is wonderfully cheap. Yesterday I ate fresh asparagus and little artichokes. I have become a vegetarian like Raymond, and have gone back to my simple dresses of Grunewald, and sandals and bare feet. The little time I spent in Paris, I realized that life there was finished with silk stockings at 75 francs a pair. I see a future in the combining of this studio as a practical money-making affair and Moscow as Ideal and Art. But it has cost me the most heart-breaking effort to keep the studio and if something is not done before April 15th, I'm afraid I will lose it. . . .

||

Здесь идеальный климат. Холмы позади студии покрыты цветами, и всё чудесно дёшево. Вчера я ела свежую спаржу и маленькие артишоки. Я стала вегетарианцем, как и Раймонд, и вернулась к моим простым платьям Грюневальда, сандалиям и босым ногам. За небольшое время, проведённое в Париже, я поняла, что жизнь там закончилась с шёлковыми чулками по 75 франков за пару.

Я вижу будущее в объединении этой студии как практическое дело зарабатывания денег, а Москва - как Идеал и Искусство. Но это стоило мне самых душераздирающих усилий, чтобы сохранить студию, и если что-то не будет сделано до 15 апреля, то боюсь, что я потеряю всё это...

No one else on God's earth is interested. Only you and I, and that's all. Since my return I have been treated as a "Communist Sympathizer," and everything is impossible. But in spite of that, if we open here a big paying school I am sure it will be a success.

||

Никто больше на Бога не заинтересован в том. Только ты и я, и всё. Со времени моего возвращения ко мне относятся как к "коммунистически сочувствующему", и всё тогда становится невозможно. Но, несмотря на это, если мы откроем здесь большую платную школу, я уверена, что она будет успешной.

The studio has a beautiful emerald green carpet and the only time in my life I have a studio square and large enough. The apartment has a terrace on the sea, where sixteen or twenty people can sit at table. The autobus and tramway pass the door to the heart of Nice, reach Massena and Casino in five minutes. Also the Riviera is becoming more and more a summer resort.

||

У студии есть красивый изумрудно-зелёный ковёр, и единственный раз в жизни у меня есть студийная площадь, и достаточно большая. В квартире есть терраса на берегу моря, где за столом могут сидеть шестнадцать или двадцать человек. Автобус и трамвай проходят через дорогу от центра Ниццы, - до Массены и казино можно добраться за пять минут. Также Ривьера становится всё более летним курортом.

Please answer this letter at once, dear Irma, and see if, with what I have here as a foundation, we can't create a practical money-making school. For I see at the present epoch that it is either that or suicide. One can't continue to live on nothing. I suggest that also Augustin could come over in the summer and play in the theatre, which has real scenery and footlights, and there is a large English colony here in the summer.

||

Пожалуйста, ответь на это письмо сразу, дорогая Ирма, и посмотри, не сможем ли мы создать практическую школу по зарабатыванию денег, используя то, что у меня здесь есть в качестве основы. Ибо я вижу в настоящий момент, - или получится это, или тогда самоубийство. Нельзя продолжать жить впустую. Я полагаю, что Августин также мог бы приехать летом, и поиграть в театре, где есть настоящие декорации и огни рампы, а летом здесь большая английская колония.

I hope you will appreciate my bull-dog tenacity in hanging on to this studio as I appreciate yours in hanging on to the school. And together we will accomplish something yet. Remember you are the only pupil of mine who has understood what I am trying to do in this world. And you are the only one who cares whether myself or our work lives or dies, and it may be that the understanding of one will save all.

||

Я надеюсь, что ты по достоинству оценишь моё упорство в том, чтобы держаться за эту студию, как и я ценю твою любовь к школе. И вместе мы ещё чего-нибудь добьёмся. Помни, что ты единственная моя ученица, которая поняла, что я пытаюсь сделать в этом мире. И ты единственная, кому небезразлично, живу или умираю я, или как пропадает наша работа, и может случиться так, что понимание одного спасёт всех.

Can't you possibly manage to send me some pictures of the children? Often I could make propaganda and obtain help for you if I had photos. Do try and have some taken, and if you cannot, send me at least some copies of what you have. Also I would appreciate if you would let me have the dates of your tournees and programs. Some one told me you were all on the Volga. I knew nothing of it.

||

Разве ты не можешь отправить мне несколько фотографий детей? Я могла бы заниматься чаще пропагандой и получать помощь, если бы у меня были фотографии. Постарайся сделать новые и взять их с собой, а если не получится, отправь мне хотя бы несколько копий того, что у тебя есть. Также я была бы признательна, если бы ты предоставила мне даты ваших туров и программ. Кто-то сказал мне, что вы все на Волге. Я ничего не знала об этом.

Dear Irma, if you will be faithful I still feel we may arise and conquer the earth and knock all these sham schools and sham disciples to smash. But the time is going and I am like a wrecked mariner on a desert island, yelling for help.

||

Дорогая Ирма, если ты всё ещё будешь верна, я всё ещё чувствую, что мы можем восстать из пепла и покорить Землю, и вытеснить все эти поддельные школы и поддельных учеников, чтобы в конце уничтожить их. Но время идёт, и я, как потерпевший крушение моряк на необитаемом острове, кричу о помощи.

I am feeling very lonely and homesick. I am here quite alone. Only the little Russian woman who cooks, etc. When you get this letter, do make an effort and come. I am sure we can arrange something. I can get the opera house and orchestra in Marseilles for a series of festival performances, if you could bring twelve of the oldest pupils (children under twelve are no longer allowed on the stage in France). I press you to my heart, dear Irma. Let us hope for the future.

Isadora

||

Мне очень одиноко и скучно. Я здесь совсем одна. Только одна маленькая русская женщина, которая готовит и т.д. Когда ты получишь это письмо, приложи усилия и приезжайте. Я уверена, что мы сможем что-то организовать. Я могу получить оперный театр и оркестр в Марселе на серию фестивальных выступлений, если вы сможете привезти двенадцать из самых взрослых учеников (дети до двенадцати лет больше не могут участвовать в представлениях на сцене во Франции).

Я прижимаю тебя к сердцу, дорогая Ирма. Будем надеяться на будущее.
Айседора

This letter left me in a terrible quandary. Torn between my love and loyalty to her on the one hand, and my work and future career mapped out in Russia on the other, what was I to do? Such a division of my labors as she outlined in her letter was impractical. Since she relied entirely on my help, either one school or the other would suffer because of my absence. I have often asked myself in retrospect: By deciding ruthlessly to tear up the roots in Moscow and throw in my lot with her-since I could not do both-could I have been in a position to prevent her tragic, premature demise? I doubt it, for fate has a relentless way of catching up with its victim marked for death.

||

Это письмо оставило меня в ужасно затруднительном положении. С одной стороны, между моей любовью и преданностью с одной стороны, и моей работой и будущей карьерой, намеченной в России с другой, - что мне было делать? Такое разделение моих трудов, как она изложила в своём письме, было непрактичным. Поскольку она полностью полагалась на мою помощь, из-за моего отсутствия пострадали бы или одна школа, или другая. Я часто спрашивала себя в ретроспективе: Решив беспощадно разорвать корни в Москве. и разделив с ней свою судьбу - поскольку я не могла сделать и того, и другого, - смогла бы я предотвратить её трагическую преждевременную кончину? Я сомневаюсь в этом, потому что судьба имеет неумолимый способ догнать свою жертву, помеченную для смерти.

For me personally, the idea of spending the rest of my life on the sunny Riviera in my beloved France had tremendous appeal. There I would find all the amenities of existence in a cultured, civilized manner of living, including all the many little luxuries, so dear to a feminine heart, that I was completely deprived of now. And perhaps I would have done so, except that I found myself too deeply involved with the present. For over a year, ever since our unprecedented, enthusiastic reception by the public on our Volga tour, we had planned a similar undertaking for Siberia. Under no circumstances could I cancel it now. There were a host of other people involved in the successful outcome of it. And most important of all, there was the ever increasing number of pupils in the school, who were dependent on my artistic efforts.

||

Для меня лично идея провести остаток моей жизни на солнечной Ривьере в моей любимой Франции имела огромную привлекательность. Там я найду все удобства существования в культурном, цивилизованном манере жизни, в том числе и во многих маленьких роскошах, столь дорогих для женского сердца, чего я была полностью лишена сейчас. И, возможно, я бы сделала это, за исключением того, что я слишком глубоко погрузилась в настоящее. Уже более года назад, начиная с нашего беспрецедентного, восторженного приема публики в нашем турне по Волге, мы запланировали аналогичное мероприятие для Сибири. Ни в коем случае я не могу отменить его сейчас. Было много

других людей, вовлечённых в успешный результат этого. И самое главное, в школе появлялось всё большее число учеников, которые зависели от моих художественных усилий.

I was immensely relieved to hear from Isadora's next letters that conditions seemed to improve by degrees. She arranged for some intime performances in the studio she had discovered in the California district of Nice, near the Promenade des Anglais.

||

Я была очень рада услышать из следующих писем Айседоры, что условия, казалось, постепенно улучшались. Она организовала несколько интимных спектаклей в студии, которую она открыла в Калифорнийском районе Ниццы, недалеко от Английской набережной.

April 7, 1926

The Good Friday performance was a great success. A hundred tickets were sold at hundred francs a ticket and great stimmung and excitement. The studio was lovely with alabaster lamps, candles, incense, heaps of white lilies and lilacs. Quite like the Archangel's times. Of course it is the end of the season. If we only had the money to open sooner we would have made a fortune. I have hopes of building a theatre here in a year or two.

A Bayreuth by the Sea.

||

7 апреля 1926 г.

Выступление в Страстную пятницу имело большой успех. Сто билетов были проданы по сто франков за билет, - отличный настрой и волнение. Студия была прекрасна, с алебастровыми лампами, свечами, ладаном, кучей белых лилий и сиренью. Совсем как во времена Архангела. Конечно, это конец сезона. Если бы у нас были деньги, чтобы открыться раньше, мы бы разбогатели. У меня есть надежда построить театр через год или два.

Байройт у моря.

"Lohengrin" is coming to his villa here in May. Why not come with sixteen children; we can always make their board. And think of swimming in the lovely blue sea every mornng. Please write soon. All my love to you.

Love,

Isadora

||

«Лознгрин» приезжает на свою виллу здесь в мае. Почему бы не приехать с шестнадцатью детьми; - мы всегда можем дать им стол и кров. И подумай о купании в прекрасном синем море каждый день. Пожалуйста, напиши в ближайшее время. Вся моя любовь к тебе.

С любовью,

Айседора

Hotel Lutetia, Paris

June 15, 1926

Dearest Irma:

I was so glad to receive your letter with the program. Please send me a line often. I have been seeing Comrade Rakowsky about a plan to bring you with some of the children of the school to Paris to make a great manifestation at the Trocadero. They are very enthusiastic about the idea, but always the same cry: "No Money."

\\

Отель Лютеция, Париж

15 июня 1926 года

Дорогая Ирма:

Я была так рада получить твоё письмо с программой. Пожалуйста, присылай мне их чаще. Я встречалась с товарищем Раковским по поводу плана перевезти вас с некоторыми детьми из школы в Париж, чтобы устроить грандиозную демонстрацию на площади Трокадеро. Они с энтузиазмом относятся к этой идее, но всегда кричат: «Нет денег».

I still keep the studio in Nice, but if something doesn't turn up before July 15th, rent day, I'm afraid I will lose it. Did you receive programs, clippings, etc.? I have made a great struggle (here), but absolutely no one to help me. Every one takes a little piece of my idea and runs off with it to sell it It's a silly world.

Do write and tell me if I can manage to be with you this summer. Where will I find you and when?

\\

Я всё ещё держу студию в Ницце, но если чего-то не произойдёт до 15 июля, дня окончания аренды, я боюсь, что потеряю её. Получили ли вы программы, вырезки и т.д.? Я провела большую борьбу (здесь), но абсолютно никто не помог мне. Каждый из нас берёт маленький кусочек своей идеи и убегает с ним, чтобы продать его... Это глупый мир.

Напиши и скажи мне, смогу ли я быть с тобой этим летом. Где я тебя найду и когда?

She would have found us that summer rusticating on a pleasant imenie, the country seat of some former aristocrat, confiscated during the Revolution and plundered of everything but the four walls and roof. Situated about fifty versts from Moscow, it had a large park and a river close by. The latter was an absolute necessity for bathing, and as a source of water; for the house had no plumbing whatever, and no gas or electricity. Isadora, I'm afraid, would not have stayed there for more than a day. Knowing her habits and her dislike of living in the country (she claimed, "It always rained, and nothing could be more boring, I much prefer the seashore anytime!"), I knew she would have no part of it. The name of our imenie was "Roumiantsev." Few foreigners ever penetrated into this part of the provinces, so very Russian in character and completely unspoiled.

\\

Она могла бы найти нас тем летом проживающими в деревне, - милом имении, загородной резиденции какого-то бывшего аристократа, конфискованного во время революции и разграбленного во всём, кроме четырех стен и крыши. Расположено оно было, примерно, в пятидесяти верстах от Москвы, поблизости был большой парк и река. Последнее было абсолютной необходимостью для купания и в качестве источника воды, - в доме не было ни водопровода, ни газа, ни электричества. Боюсь, Айседора не пробыла бы там больше суток. Зная её привычки, и её неприязнь к жизни в деревне (она утверждала: «Всегда шёл дождь, и ничто не могло быть более скучным, я всегда предпочитаю побережье в любое время!»), я знала, что она не будет иметь ничего общего с этим. Название нашего имения было "Румянцев". Немногие иностранцы когда-либо проникали в эту часть провинции, очень русскую по характеру и совершенно нетронутую.

At the end of June, when the bushes were in bloom and the shiny buttercups had pushed their yellow faces high above the meadow grass, we would start our yearly trek to the country. Two truckloads of furniture and kitchen utensils preceded us. With them went Pasha, the cook, and the two maids Masha and Dasha, dressed like country babas, in long, straight shifts and bare feet, and with white kerchiefs tied over their heads. Under the supervision of our ruddy-cheeked housekeeper, a huge dragon of a woman by the name of Alexandra Edmundnovna, the house was primitively furnished with bare necessities to welcome us by nightfall.

\\

В конце июня, когда кусты расцвели, а блестящие лютики вытолкнули свои желтые бутоны высоко над луговой травой, мы отправились в годовой тур по стране. Нам предшествовали два грузовика мебели и кухонной утвари. С ними поехали Паша, повар и две служанки - Маша и Даша, одетые как деревенские бабы, с длинными прямыми одеждами и босыми ногами, и с белыми платочками, завязанными над их головами. Под наблюдением нашей румяной экономки, огромной женщины-дракона по имени Александра Эдмундновна, наш новый дом был примитивно обставлен всем необходимым, чтобы встретить нас к вечеру.

The local farmers, wearing shoes made of birch bark and -at that period-not yet collectivized, sold us their produce. So did the brown-robed monks of the nearby monastery, "New Jerusalem," where they spent their days hoeing the garden, while we spent ours swimming, hiking, and dancing. At the end of each active day, everybody retired by candlelight the moment the sun had set, which meant getting up with the first crow of the cock in the barnyard. Thus the children gained health, storing it up for the long, dark winters in town. They happily whiled away their spare time gathering maliny or other berries, and the superlative Russian white mushrooms that are cooked in sour cream with onions and taste as good as anything I have ever eaten. Watched over tenderly by their academic instructor Anna Vasilievna, and the nurse Elisaveta Gregorievna, the children grew stronger every day and led as happy a life as it was in our power to provide for them.

\\

Местные фермеры, одетые в лапти из бересты, и в тот период ещё не коллективизированные, продавали нам свою продукцию. Так же поступали монахи в коричневых одеждах из близлежащего монастыря "Новый Иерусалим", где они проводили свои дни, работая мотыгой в саду, в то время как мы купались, путешествовали и танцевали. В конце каждого активного дня все отходили от дел при свете свечи, когда садилось солнце, что означало, затем вставать с первым криком петуха на скотном дворе. Таким образом, дети обретали здоровье, запасая его на долгие тёмные зимы в городе. Они счастливо проводили свободное время, собирая малину или другие ягоды, и превосходные русские белые грибы, которые мы готовили в сметане с луком, и на вкус они были так же хороши, как и всё, что я когда-либо ела. Под чутким присмотром их академического инструктора Анны Васильевны и медсестры Елизаветы Григорьевны, дети с каждым днём становились всё сильнее, и вели вполне счастливую жизнь, пока в наших силах было обеспечить их.

Country existence presents not much of a problem when the weather is cooperative, but woe when it starts to rain. Unfortunately, that summer we had an unusually prolonged spell of wet weather. I remember standing forlornly in the former owner's library, bewailing the empty bookshelves hidden behind grilled doors. If only I could find a book to read! .watching the continuous downpour night and day for more than a week, I had half a mind to emulate Isadora and do what she would have done under the same circumstances: pack up and return to Moscow; to my comfortable room on the Pretchistenka, where I enjoyed the luxury of a real bathroom to myself, and electric light, and whatever summer amusements could be had in town. But that would have set a bad example for the rest of the school. So I remained drenched, not merely in this deluge but in utter boredom.

\\

Деревенское существование представляет собой не большую проблему, пока погода способствует, но горе, когда начинается дождь. К сожалению, тем летом у нас был необычно продолжительный период сырой погоды. Я помню, как одиноко стояла в библиотеке бывшего владельца, оплакивая пустые книжные полки, спрятанные за зарешёченными створками. Если бы я только могла найти хоть какую-нибудь книгу для чтения! Наблюдая за непрерывным ливнем ночью и днём, в течение более недели, я была почти готова начать подражать Айседоре, и сделать то, что она сделала бы при тех же обстоятельствах: собраться и вернуться в Москву; в мою уютную комнату на Пречистенке, где я наслаждалась роскошью настоящей ванной для себя, электрическим светом и любимыми летними развлечениями в городе. Но это послужило бы плохим примером для остальной части школы. Так что я осталась, залитая не только этим потоком, но и полной скукой.

One afternoon, during a momentary respite from the maddening drizzle, I donned my mackintosh and went for a stroll in the park. I came by chance on a weather-beaten old barn I hadn't noticed before. Out of sheer ennui, I climbed the narrow, rickety ladder leading to the hayloft. The wild, hysterical cackle of hens, disturbed from their

roost, greeted me. I was about to beat a hasty retreat when, out of the corner of my eye, I noticed a piece of white paper sticking out of what I imagined to be a heap of chicken manure. I looked closer, and to my utter bewilderment discovered the "heap" to be an enormous cache of books, which the chickens had used for a roost. And, wonder upon wonders! they were foreign books! French, German, and, Heaven be praised! English books galore of the Tauchnitz editions! Almost as hysterical as the hens, I gathered in my arms as many of these precious tomes as I could, and ran back to the house to get help in cleaning up the filthy mess, so the treasures could be rescued and restored to the former owner's library. Forgetting the rain, I curled up on my bed and spent the rest of the summer reveling in Trollope, Mrs. Humphry Ward, and Baroness Orczy novels-a Lucullan mental feast after a literary famine of more than five years.

\\

Однажды днём, во время небольшой передышки от сумасшедшего дождя, я надела мой макинтош и отправилась на прогулку в парк. Я случайно попала в побитый временем сарай, которого я раньше не замечала. От явной скуки я поднялась по узкой, шаткой лестнице, ведущей к сеновалу. Дикое, истерическое кудахтанье кур, потревоженных в их курятнике, приветствовало меня. Я собиралась поспешно отступить, когда, краем глаза заметила, что из того, что, на мой взгляд, представляло собой кучу куриного навоза, торчит кусок белой бумаги. Я подошла поближе, и, к моему полному удивлению, «куча» оказалась огромным стопкой книг, которые цыплята использовали для насеста. И, удивляйся чудесам! - это были иностранные книги! Французские, немецкие, и, хвала Небесам! - английские книги, и изобилие технических изданий! Почти так же истерично, как и куры, я собрала в свои объятия столько драгоценных томов, сколько смогла, и побежала обратно в дом, чтобы заняться очисткой грязного беспорядка, поскольку сокровища могли быть спасены и восстановлены обратно в библиотеке бывшего владельца. Забыв про дождь, я свернулась калачиком на своей кровати, и провела остаток лета, наслаждаясь Троллопом, миссис Хамфри Уорд и романами Баронессы Орчи - музыкальным праздником Лукуллана после литературного голода более пяти лет.

So reluctant was I to abandon this feast that when Ilya Schneider, our business manager, informed me that everything was ready to start our Siberian tour, I almost felt inclined to call the whole thing off. All I wanted was to be left in peace with my hoard of books, more precious to me at that moment than my career. I could not take them with me, since they were not my property, and so had to abandon them to their fate. I retained only a few as souvenirs. Years later, in America, I met their owner, Colonel Serge Cheremeteff-but by that time the books were long gone.

\\

Я так неохотно отказывалась от этого праздника, что когда Илья Шнейдер, наш бизнес-менеджер, сообщил мне, что всё готово к началу нашего сибирского турне, я почти что почувствовала сильное желание отменить всё это. Всё, чего я хотела тогда, - это остаться в покое с моими кучами книг, более дорогих для меня в тот момент, чем моя карьера. Я не могла взять их с собой, так как они не были моей собственностью, и поэтому пришлось оставить их на произвол судьбы. Я сохранила только несколько в качестве сувениров. Спустя годы в Америке я встретила их владельца, полковника Сержа Череметьева, - но к тому времени книг уже не было.

[299], p.273-299 * DUNCAN DANCER * To China and Back *

-=19=-

To China and Back В Китай и обратно

WHEN I set out in August with a company of nineteen on my transcontinental Russian tour, I had the unusual privilege of being the sole foreign artist performing in the USSR. Other American artists did not penetrate that Communist country for many years; not, in fact, until after Franklin D. Roosevelt recognized the Soviet Union officially in 1935. I had the entire field to myself now that my foster mother had left. During the three previous years I had occasionally appeared in public at the head of my group of dancers, and we could already point with pride to the slow but steady growth of our popularity.

\\

КОГДА я, в августе, отправилась с компанией из девятнадцати человек в мой трансконтинентальный тур по России, у меня была необычная привилегия быть единственным иностранным артистом, выступавшим в СССР. Другие американские артисты на протяжении многих лет не проникали в эту коммунистическую страну; фактически до тех пор, пока Франклин Д. Рузвельт официально не признал Советский Союз в 1935 году. Теперь, когда моя приёмная мать уехала, у меня появилось широкое поле деятельности для себя. В течение трёх предыдущих лет я иногда появлялась на публике во главе моей группы танцоров, и мы могли с гордостью отметить медленный, но неуклонный рост нашей популярности.

Every recital was preceded by a short talk delivered by Schneider, stating our aims and explaining what the true dance should be and do for the physical education of children. I offered the common people everywhere, whether in the more civilized centers or in the humble backwoods settlements, the very best I could achieve in my dance to the finest music, both flawlessly executed in a sure, professional manner. The newspaper reviews constitute a record of our combined achievement in this effort to bring beauty, art, and culture to the downtrodden Soviet masses, and tell to what extent we succeeded in giving them the aesthetic values they so craved. A number of short excerpts from reviews that appeared in some of the provincial towns where we appeared may give an indication of how much the Russian public enjoyed and appreciated our combined efforts.

\\

Каждому концерту предшествовала короткая речь Шнейдера, в которой излагались наши цели, и объяснялось, чем должен быть истинный танец для физического воспитания детей. Я предлагала простым людям повсюду, будь то в более цивилизованных центрах или в скромных зарослях глухого леса, самое лучшее, чего я могла достигнуть в своём танце под лучшую музыку, и оба вида искусства, безупречно исполненные в верной и профессиональной манере. Обзоры газет представляют собой запись наших совместных достижений в этом стремлении донести красоту, искусство и культуру до угнетённых советских масс, и рассказать в какой степени нам удалось дать им эстетические ценности, которые они так жаждали. Ряд коротких выдержек из обзоров, появившихся в некоторых провинциальных городах, где мы появлялись, может дать представление о том, на сколько российская публика наслаждалась и ценила наши совместные усилия.

Tomsk

To write about Irma Duncan's performance in simple prose is impossible. In order to do it justice and describe this unusually inspiring dance recital accurately one needs to express it in poetry. A beautiful poem set to music. This is an amazing spectacle!

\\

Томск

Писать об исполнении Ирмы Дункан в простой прозе невозможно. Чтобы сделать это справедливо и точно описать этот необычно вдохновляющий танец, нужно выразить его в поэзии. Красивая музыкальная поэма. Это потрясающее зрелище!

Voronish

Something new, something extraordinarily powerful and direct, is the dancing of Irma Duncan and her dancers. We are used to the ballet, we are accustomed to see physical culture parades but we have never seen anything like the Duncan Dancers. An unforgettable spectacle. Every single dance they performed was beautiful. The two impressive marches by Schubert, the Elegiac and the Warrior one, will linger long in the memory.

\\

Воронеж

Что-то новое, что-то необычайно мощное и прямое, - это танцы Ирмы Дункан и её танцоров. Мы привыкли к балету, мы привыкли видеть парады физической культуры, но мы никогда не видели ничего подобного Дункановским танцорам. Незабываемое зрелище. Каждый танец, который они исполняли, был красивым. Два впечатляющих марша Шуберта, Элегия и Воин одинокий, будут надолго задерживаться в памяти.

Baku

The performance of Irma Duncan brought us an evening of sheer beauty. Baku never witnessed such a wonderful sight. She is a distinguished artist and danced marvelously, especially her "Moment Musical" called forth rapture from the audience and a storm of applause.

\\

Баку

Выступление Ирмы Дункан принесло нам вечер чистой красоты. В Баку никогда не было такого замечательного зрелища. Она выдающийся художник и великолепно танцует, особенно её «Музыкальный момент» вызвал восторг аудитории и бурные аплодисменты.

Tiflis

In the effervescent, intoxicating waltzes with their free-flowing motions, Irma Duncan and her dancers carry the spectator away beyond the limits of the stage to green meadows . . . reviving for us the pastoral paintings of Watteau. Irma, the leader of the group, creates miracles of inventiveness in her war-like dances full of power and ecstasy. From this mighty portrayal to the tender, delicate fluttering of a butterfly in the sunlight, lies the immeasurable diapason of a great artist. In the revolutionary dances Irma reaches an extraordinary power of expression.

\\

Тифлис

В шипучих, опьяняющих вальсах с их свободными движениями, Ирма Дункан и её танцоры несут зрителя далеко за пределы сцены на зеленые луга ... возрождая для нас пасторальные картины Ватто. Ирма, лидер группы, создаёт чудеса изобретательности в своих боевых танцах, полных силы и экстаза. От этого могущественного изображения, до нежного, тонкого трепетания бабочки в солнечном свете, лежит неизмеримый диапазон великой артистки. В революционных танцах Ирма достигает необычайной силы выражения.

Irkutsk

When one reads the enthusiastic reviews of the many newspapers about Irma Duncan, and when one sees her perform, one involuntarily asks oneself: in what lies her greatness? With what means does she achieve such astounding beauty? How does she have such a powerful influence over the audience? Her strength of expression resides in the amazing eloquence and conviction of her movements, and

that is achieved entirely through her great musicianship and by being the master of her art.

\\

Иркутск

Когда читаешь восторженные отзывы во многих газетах об Ирме Дункан, и когда кто-то видит её, он невольно спрашивает себя: - В чём заключается её величие? Какими средствами она достигает такой удивительной красоты? Как она оказывает такое сильное влияние на аудиторию? Её сила выражения заключается в удивительном красноречии и убежденности в её движениях, и это достигается исключительно благодаря их великой музыке, и будучи мастером своего искусства.

Chita

We were in great anticipation. We all had heard so much about Duncan and so seldom saw her art. So let us go and see Irma, the public said. As soon as the curtain rose a deathly silence and hushed expectancy fell over the audience. At last she appears. Whoever said about architecture that it is rigid music, here was music made visible in sublime motion. The lines of the body, the hands, the lines of every fold in the long, gray tunic expressed sorrow in the Elegiac March. This was not ordinary dancing, this was great art ... To watch Irma Duncan dance one sharply realizes how much we are still shackled by our cultural inheritance of the past. The Duncan performance is no ordinary theatrical spectacle but a step forward into a new culture. Not for us but for our children in this particular field there open new and immeasurable horizons.

\\

Чита

Мы были в большом ожидании. Мы все так много слышали о Дункан и редко видели её искусство. Итак, пойдём и посмотрим на Ирму. Как только занавес поднялся, густая тишина и безмолвное ожидание упали на публику. Наконец она появляется. Кто бы ни говорил об архитектуре, что это жёсткая музыка, здесь была музыка, видимая в возвышенном движении. Линии тела, руки, линии каждой складки в длинной серой тунике, выражали скорбь в Элегическом марше. Это был не обычный танец, это было великое искусство... Наблюдая за танцем Ирмы Дункан, мы резко понимаем, насколько мы всё ещё скованы нашим культурным наследием прошлого. Спектакль Дункан - не просто театральное зрелище, а шаг вперёд в новой культуре. Не для нас, но для наших детей, в этой конкретной области, открываются новые и неизмеримые горизонты.

Krasnoyarsk

In one of his articles "The West and We," Trotsky, with a certain irony, recalls a literary critic's remark during the dark epoch of Tsarism after seeing Isadora Duncan dance. He was so enchanted he could only write: "It is worth living!" Of course in these days there is much else for us to live for. But Irma Duncan and all her

youthful dancers can truly claim, IT IS WORTH LIVING, if we can create such harmony and beauty in our art.

\\

Красноярск

В одной из своих статей «Запад и мы», Троцкий с некоторой иронией вспоминает замечание литературного критика в тёмную эпоху царизма, после того, как он увидел танец Айседоры Дункан. Он был настолько очарован, что мог писать только одно: «Стоит жить!» Конечно, в наши дни нам ещё многое предстоит сделать. Но Ирма Дункан, и все её юные танцоры действительно могут заявить, что это будет ДОСТОЙНАЯ ЖИЗНЬ, если мы сможем создать такую гармонию и красоту в нашем искусстве.

And so we danced our way through Siberia. Omsk, Tomsk, Irkutsk, Chita via Transbaikalia, on to Khabarovsk and Vladivostok, reaping the harvest of the seed I had sown.

\\

И так мы проехали по Сибири. Омск, Томск, Иркутск, Чита через Забайкалье, в Хабаровск и Владивосток, пожиная урожай семян, которые я посеяла.

In Moyssei Borissovich Shein, from the Moscow Conservatory, we acquired a very fine pianist. The romantic-looking type of musician, dark-haired, tall, and slender; he added distinction to our dance concerts by always appearing in white tie and formal dress. This was something that impressed the audience everywhere-especially in the hinterlands, where most of the men could barely afford to own a suit. Clothes as well as all other commodities, taken for granted elsewhere, were unavailable to the majority of the populace.

\\

В Моисее Борисовиче Шейне из Московской консерватории мы приобрели очень хорошего пианиста. Романтичный тип музыканта, тёмноволосый, высокий и стройный; он добавил отличительные черты наших танцевальных концертов, всегда появляясь в белом галстуке и нарядном вечернем смокинге. Это было чем-то, что производило впечатление на публику повсюду - особенно в глубинке, где большинство мужчин едва ли могли позволить себе купить костюм. Одежда, а также все другие товары, принятые как должное в других местах, были там недоступны большинству населения.

I recall a funny incident that shows how threadbare the average citizen's wardrobe was. It happened in Blagovyeshchensk on the left bank of the Amur River. On the right bank was Manchuria, where freedom then prevailed and anything could be bought in the stores of the small Chinese town. In those days, Russian citizens could obtain a permit to cross the river and buy anything they liked, providing they could wear it on their persons. All the men in our party used this opportunity to replenish their tattered wardrobes. Early one morning they rowed over in a boat dressed only in shirtsleeves (though the day was cold), old pants, torn shoes, and no hats. When they returned at dusk, they all sported new fedora hats, gloves, half a dozen of

everything starting with underwear; two suits fitted one on top of the other, a half-dozen socks on each foot, and a pair of shiny new shoes. They could barely maneuver in the clumsy get-ups. Their strategy to outwit the frontier guards was so obvious that even the latter had to laugh, but they got such a kick out of it that they closed an eye and let the men pass. Otherwise they would have had to pay a heavy fine; or worse, suffer imprisonment. But for the sake of some decent clothes to wear, they would have gladly risked almost anything short of death.

\\

Я вспоминаю забавный случай, который показывает, насколько был изношен гардероб обычного гражданина. Это произошло в Благовещенске на левом берегу реки Амур. На правом берегу была Маньчжурия, где тогда царила свобода, и всё можно было купить в магазинах небольшого китайского городка. В те дни граждане России могли получить разрешение на переход через реку, и купить всё, что им нравится, при условии, что они смогут одеть это на себя. Все мужчины в нашей группе использовали эту возможность, чтобы пополнить свои потрёпанные шкафы. Рано утром они погребли на лодке, одетые только в рубашку (хотя день был холодный), старые штаны, рваные туфли и без шляп. Когда они вернулись в сумерках, они все носили новые мягкие фетровые шляпы, перчатки, с ещё полдюжиной всего, начиная с нижнего белья; - два костюма были одеты один на другой, полдюжины носков на каждой ноге и пара блестящих новых туфель. Они едва могли маневрировать в неуклюжих нарядах. Их стратегия перехитрить пограничников была настолько очевидной, что последним даже приходилось смеяться, но они были в таком «нокауте», что закрыли глаза и пропустили мужчин. В противном случае, им пришлось бы заплатить большой штраф; или ещё хуже, терпеть лишение свободы. Но ради приличной одежды, они с радостью были готовы рискнуть почти чем-угодно, кроме смерти.

We had a few warm days left in Vladivostok before the winter set in, and I used to drive to the shore and gaze out across the Pacific toward America. California, I knew, lay straight ahead. How I longed to be back there again! Of the other Duncan girls, only Theresa lived over there-and Temple, who was married and made her home in New York. With Lisa in France and Anna Lord knew where, how widely we were scattered! With the cessation of all correspondence, we had completely lost track of each other. I liked to have a look at the Pacific as often as possible, not knowing when I would visit the Far East again, and believing that my tour had come to an end, with the return trip to Moscow next on our schedule.

\\

У нас было несколько тёплых дней, оставшихся во Владивостоке до зимы, и я ехала к берегу и смотрела через Тихий океан в сторону Америки. Калифорния, я знала, лежала прямо. Как я хотела снова вернуться! Из других девушек-дунканисток там жила только Тереза - и также Темпл, которая вышла замуж, и отправилась домой в Нью-Йорк. С Лизой во Франции и Анной, Господь знает где, - как широко мы были рассеяны! С прекращением всей переписки мы полностью потеряли друг друга. Мне нравилось как можно чаще смотреть на

Тихий океан, не зная, когда я снова окажусь на Дальнем Востоке, и полагая, что мой тур закончится с возвращением в Москву по нашему графику.

My manager told me that in the old tsarist days, a theatrical tour through Siberia invariably ended in Harbin, now no longer Russian territory. It was still largely populated by Russians, though under Japanese occupation, and we decided to make a try for it. This meant obtaining exit visas and passports from the Soviets. We doubted very much we would receive them, although the authorities occasionally permitted theatrical groups to cross the frontier, in spite of the chance of their defecting. To our pleasant surprise, the authorities let us go.

\\

Мой менеджер сказал мне, что в старые царские дни театральный тур по Сибири неизменно заканчивался в Харбине, теперь уже не территории России. По-прежнему он был в значительной степени населен россиянами, хотя под японской оккупацией, и мы решили попробовать. Это означало получение выездных виз и паспортов из Советов. Мы очень сомневались в том, что мы их получим, хотя власти иногда позволяли театральным группам пересекать границу, несмотря на возможность их побега. К нашему приятному удивлению, власти отпустили нас.

I never saw such elation among the members of my troupe. They had no intention of defecting; they simply longed to breathe a little free air and come in close touch with the outside world, so long kept away from them. We stayed for two weeks, giving a show nearly every day. At the termination of our engagement, the Harbin paper noted:

\\

Я никогда не видела такого восторга среди членов моей труппы. Они не собирались бежать; они просто стремились немного подышать свободным воздухом и находились в тесном контакте с внешним миром, так долго державшись вдалеке от него. Мы оставались там на две недели, давая шоу почти каждый день. В завершение нашего ангажемента Харбинская газета отметила:

The performance of Irma Duncan and her dancers was a real triumph. The house was sold out to standing room only. Loud applause after each number greeted the artists and at the end the dancers received a standing ovation.

Each time Irma Duncan appears on the stage she is different. Now she is joyful, then again she is proud, a flaming spirit calling to the oppressed masses to rise and throw away their bonds. And again she demonstrates her creative versatility in the interpretation of Chopin's Funeral March and the Berceuse, where she gives us the picture of a tender-visaged mother bending over the cradle of a child. One superbly moving impersonation succeeds another. A scarf, a tunic and a mantle, those are the only props with the aid of which she creates her beautiful art. She is as true as only a fanatic can be to the ideals of her foster mother. Isadora's work is embodied in Irma.

\\

Выступление Ирмы Дункан и её танцоров было настоящим триумфом. Помещение было продано только со стоячими местами. Громкие аплодисменты после каждого номера приветствовали артистов, и в конце танцоры получили овации.

Каждый раз, когда Ирма Дункан появляется на сцене, она отличается. То она радостна, то потом снова горда, с пылающим духом, призывающим угнетённые массы восстать и сбросить их узы. И снова она демонстрирует свою творческую универсальность в интерпретации «Похоронного марша Шопена» и «Колыбельной», где она даёт нам картину матери с нежным лицом, склонившейся над колыбелью ребёнка. Одно великолепно движущееся перевоплощение сменяет другое. Шарф, туника и мантия - единственные реквизиты, с помощью которых она создает своё прекрасное искусство. Она так же достоверна, как только фанатик может быть близок к идеалам своей приёмной матери. Работа Айседоры воплощена в Ирме.

When the time came to depart, I was most reluctant to leave. China exerted a strange fascination over me. Peking was a city I had always wanted to visit. Now, only thirty hours away, how could I resist? Our exit permit included only Harbin, but that didn't worry me. The question that did worry me was how we would be received in China without advance booking. I decided to take a big gamble.

I gave the order to proceed, though neither I nor my man" agers knew anything about theatrical or any other conditions in China.

\\

Когда пришло время уезжать, я совсем не хотела этого делать. Китай оказал на меня странное очарование. Пекин был городом, который я всегда хотела посетить. Теперь, только тридцать часов пути, как я могла сопротивляться?

Наше разрешение на выезд включало только Харбин, но это меня не беспокоило. Меня волновало то, как нас будут встречать в Китае без предварительного бронирования. Я решила заняться большой игрой.

Я приняла решение продолжить тур, хотя ни я, ни мои люди не знали ничего о театральные или любых других условиях в Китае.

I can't remember when I had been more thrilled to enter a foreign city (short of my initial arrival in Paris) than when, on a beautiful October day, I first saw the enormous walls encircling Peking. Quickly settled at the Wagon-Lit Hotel, I was impatient to go sightseeing. Transportation was by ricksha; and I confess to a few embarrassed moments before I could accustom myself to being drawn about, not by horse or by motor, but by another human being.

\\

Я не могу вспомнить, когда я была более взволнованной въездом в чужой город (если не считать моего первоначального приезда в Париж), чем тогда, когда в прекрасный октябрьский день я впервые увидела огромные стены, окружающие Пекин. Быстро поселилась в отеле «Спальный вагон», - мне не терпелось осмотреть достопримечательности. Транспорт был рикша; и я признаюсь в

нескольких моментах смущения, прежде чем я смогла привыкнуть к тому, что меня тянет не лошадь или мотор, а другой человек.

It must be remembered that this was in the era of extraterritoriality. Foreigners lived in their own concessions and never mixed with the natives. Theatres were situated there, and only a select number of high-ranking Chinese ever attended them. For that reason, although I danced in several cities, I never really performed for the Chinese themselves. As far as our concert tour was concerned, it did not take place in China proper, but only in the foreign concessions-English, French, Japanese, or those of other occupying nations. Because of this curious circumstance, it is not surprising to come across an article written by a Britisher under the pseudonym of Argus, who reviewed our show in Tientsin, which was largely colonized by the English. He wrote:

\\

Следует помнить, что это было в эпоху экстерриториальности. Иностранцы жили в своих концессиях и никогда не смешивались с туземцами. Театры были расположены именно там, и только избранное число высокопоставленных китайцев когда-либо посещало их. По этой причине, хотя я танцевала в нескольких городах, я никогда не выступала для самих китайцев. Что касается нашего концертного тура, то он состоялся не в самом Китае, а только в иностранных концессиях - английских, французских, японских или других оккупируемых стран. Из-за этого любопытного обстоятельства было совсем неудивительно наткнуться на статью, написанную британцем под псевдонимом Аргус, который посмотрел наше шоу в Тяньцзине, которое было в значительной степени колонизировано англичанами. Он написал:

A hit! A very palpable hit, as was observed by Hamlet [Act 5 Scene 2 : William Shakespeare]. Not the most Philistinic would contradict the statement that Irma Duncan held the audience at the Empire Theatre last night in her graceful hand. The writer was acquainted with Isadora Duncan, the founder of the Duncan school of dancing, on her first visit to London about twenty-five years ago, when she gave her initial recital at the New Gallery and no less a person than the musical critic of "The Times," the great Fuller Maitland, played accompaniments on the harpsichord to her interpretations of the classics.

\\

Это удар! Очень ощутимый удар, как заметил Гамлет [Вильям Шекспир]. Ни один филистимлянин (обыватель) не стал бы спорить с утверждением, что Ирма Дункан держала зрителей в театре Империи прошлой ночью в своей изящной руке. Автор, никто иной, как музыкальный критик «Таймс», был знаком с Айседорой Дункан, основательницей танцевальной школы Дункан, во время её первого визита в Лондон около двадцати пяти лет назад, когда та давала свой первоначальный сольный концерт в Новой галерее, в сопровождении великой Фуллер Мейтленд, которая играла на клавесине её интерпретаций классики.

In those days her views on dancing were an innovation and contrary to all the old ideas. Like Wagner, she met with opposition and cheap ridicule. Since then she has conquered the world.

And all dance recitals nowadays are more or less either Duncanesque or influenced by her teachings. Within the year we have witnessed the work of many dancers of high repute and the greatest executive ability, but the Duncan Dancers stand alone. In the first part of the programme the audience were charmed by the portrayals of Irma Duncan and Mr. Shein, who is her companion in presenting "Chopiniana." If the great Polish master could have witnessed this delightful materialization of his work, he would have been happy that he had inspired such exquisite poetry in motion.

...

Mr. Shein, the pianist, is of a rank which does not frequently favor Tientsin. He has a delicacy of touch and a technique not excelled by many celebrities and the sympathy of all those musically inclined went out to him last night.

\\

В те дни её взгляды на танцы были инновацией и противоречили всем старым идеям. Как и Вагнер, она встречала неприятие и лёгкую насмешку. С тех пор она покорила мир.

И все танцевальные концерты в наши дни более или менее похожи на «Дунканские» или под влиянием её учения. В течение года мы были свидетелями работ многих танцоров высокой репутации и величайших исполнительных способностей, но танцоры Дункан уникальны. В первой части программы зрители были очарованы изображениями Ирмы Дункан и г-на Шейна, который является её компаньоном, в представлении «Шопенианы». Если бы великий польский учитель мог засвидетельствовать эту восхитительную материализацию своей работы, он был бы счастлив, что вдохновил такую изысканную поэзию в движении...

Г-н Шейн, пианист, имеет манеру, которую не часто одобряет Тяньцзинь. У него деликатность и техника, которой не пользуются многие знаменитости, и сочувствие всех тех, кто был склонен к музыке, проявилось к нему прошлой ночью.

Princess Der Ling, onetime lady-in-waiting to Tzu-Hsi, Dowager Empress of China, was the first Chinese person of consequence whom I met. She came to see me backstage at the Apollo Theatre in the Legation Quarter in Peking. Educated abroad-her father was once Chinese minister to France-she spoke perfect English. After we had been introduced, she said, "You know, I was a pupil of Isadora Duncan years ago." I couldn't refrain from smiling and saying doubtfully, "Really?" -for many people have claimed this and still do, though they did no more than shake hands with her.

\\

Принцесса Дер Линг, бывшая фрейлина Цу-Си, вдовствующей императрицы Китая, была первой китайской личностью, с которой я познакомилась. Она подошла ко мне за кулисами в Театре Аполлона, в квартале Легации в Пекине. Образованная за границей - её отец когда-то был китайским министром во Франции - она прекрасно говорила по-английски. После того, как мы были представлены, она сказала: «Знаешь, я была ученицей Айседоры Дункан много лет назад». Я не могла не улыбнуться и не спросить с сомнением: «Правда?» - потому что многие люди утверждали это, и до сих пор делают так, хотя они всего только пожали ей руку.

The Princess continued, "It was in 1902. My sister and I attended her classes in Paris. That was long before she attained fame as a dancer."

Then I remembered what Mary Sturges had told me. They must both have attended Isadora's studio in the Avenue de Villiars, where she opened classes for paying students soon after her arrival in Paris. However, they were of short duration and conducted with no thought of training professional dancers. But China was the last place I would have expected to find a former pupil of Isadora!

\\

Принцесса продолжила: «Это было в 1902 году. Моя сестра и я посещали её уроки в Париже. Это было задолго до того, как она стала известна как танцор». Затем я вспомнила, что говорила мне Мэри Стерджес. Они должно быть обе посещали студию Айседоры на Авеню де Вильярс, где та открыла занятия для платных учеников вскоре после её прибытия в Париж. Однако, они были непродолжительными, и проводились без мысли о подготовке профессиональных танцоров. Но Китай был последним местом, в котором я ожидала бы найти бывшую ученицу Айседоры!

Peking-with its monuments of former grandeur under the Mandarin rule, such as the "Forbidden City"; the famed "Temple of Heaven," entirely carved of white stone; and the vast expanse of gardens and low buildings with the peculiar, glazed, upturned roofs in the bright yellow and blues of Chinese architecture-is the most Chinese of all the cities I saw in that country. Taking advantage of the splendid autumn weather, we made several excursions to the Empress' summer palace, which was shaped like a houseboat, floating in the center of a lake. We also visited the western hills where the last remains of the first president of the Chinese Republic, Sun Yat-sen, had temporarily been laid to rest, high up in a tower overlooking the whole countryside.

\\

Пекин, с его памятниками былого величия под властью Мандарина, такими как «Запретный город»; знаменитый «Храм неба», полностью вырезанный из белого камня; бескрайние просторы садов и невысоких зданий со своеобразными, застекленными, перевернутыми крышами, в ярко-жёлтых и голубых тонах китайской архитектуры - это самый китайский из всех городов, которые я видела в этой стране. Воспользовавшись великолепной осенней погодой, мы совершили несколько экскурсий в летний дворец императрицы, который имел форму плавучего дома, плавающего в центре озера. Мы также посетили западные холмы, где временно были захоронены последние останки первого президента Китайской Республики Сунь Ят-сена, высоко в башне с видом на всю сельскую местность.

Before leaving Peking, I must mention the mysterious character who daily ensconced himself in the same armchair in a dark corner of the big lobby of the Wagon-Lit Hotel. Every time I appeared around tea time, he was there. He pretended to read a newspaper but actually kept peeping over the edge and staring at me. I thought I had made a new conquest, it was most intriguing. At last he summoned up enough courage to send his card over to me and requested an interview. He had a very important matter to discuss with me, involving big profits. I sent my manager over to talk to him. The mysterious stranger turned out to be a White Russian officer of Denikin's former army, now obviously living by his wits alone. He made me the most amazing offer, one that really astonished me.

\\

Прежде чем оставить Пекин, я должна буду упомянуть таинственного персонажа, который ежедневно укрывался в одном кресле, в тёмном углу большого вестибюля гостиницы Вагон-Лит. Каждый раз, когда я появлялась во время чаепития, он был там. Он делал вид, что читает газету, но, на самом деле, продолжал заглядывать через край, и разглядывал меня. Я подумала, что я завоевала нового поклонника, и это было очень интригующим. Наконец, он собрал достаточно смелости, чтобы отправить мне свою визитную карточку и попросил собеседования. У него был очень важный вопрос для обсуждения со мной, связанный с большой прибылью. Я послала своего менеджера поговорить с ним. Таинственный незнакомец оказался белым русским офицером бывшей армии Деникина, который теперь, очевидно, живёт в одиночестве. Он сделал мне самое удивительное предложение, которое поразило меня.

Before I tell what it was, I must mention here that Peking and most of the Manchurian provinces were then held by that most bloodthirsty of all warlords, the erstwhile bandit Chang-Tso-lin. His son, commander of one of his father's armies, was a notorious good-for-nothing. His feats as a gambler, woman-chaser and rapist, his numerous orgies had made sensational news in the foreign press. Well, hearing of our successful performances in Peking, it pleased this unspeakable scoundrel to invite us to his army camp to dance for him and his soldiers. Naturally, I refused point-blank. The Russian intermediary pleaded with me, almost threatening me with dire results if I persisted in my refusal. He assured us we would be treated with

respect and like royalty strictly guarded and protected. A special train with sleeping cars and dining saloon would take us there and back. And, most important, a huge sum of money would be paid in advance.

\\

Прежде чем я расскажу, что это было, я должна здесь упомянуть, что Пекин и большинство маньчжурских провинций были захвачены самым кровожадным из всех полевых командиров, бывшим бандитом Чан-Цо-линем. Его сын, командующий одной из отцовских армий, был бездельником. Его подвиги как игрока, охотника за женщинами и насильника, его многочисленные оргии, делали сенсационные новости в зарубежной прессе. И так, услышав о наших успешных выступлениях в Пекине, этому невыразимому негодяю, было бы приятно пригласить нас в свой армейский лагерь, чтобы мы потанцевали для него и его солдат. Естественно, я наотрез отказалась. Российский посредник умолял меня, почти угрожая мне ужасными последствиями, если я буду упорствовать в своем отказе. Он заверил нас, что к нам будут относиться с уважением, как к королевской семье, строго охраняемой и защищенной. Специальный поезд со спальными вагонами и обеденным салоном доставит нас туда и обратно. И, самое главное, огромная сумма денег будет выплачена заранее.

Finding ourselves practically penniless at that period, it perhaps seemed folly not to accept this lucrative offer. It all looked very suspicious to me and of course I had my great responsibility vis-a-vis my young charges to consider. As luck would have it, that same afternoon a young secretary of the American Legation in Peking called on me. He instantly informed me that they knew all about that offer from Chang-Tso-lin's son, and earnestly warned me not to accept his offer no matter how much money he was ready to pay me. I hastily assured him I had already definitely made up my mind to have nothing to do with this extraordinary scheme. He seemed much relieved. I was quite touched that the American Legation should take the trouble to warn me and profess such a personal interest in me since at that time I was not yet a citizen of the United States and therefore not entitled to their protection. I thanked him warmly and felt much comforted to know I had invisible friends in these dangerous surroundings and times.

\\

Оказавшись практически без гроша в тот период, возможно, казалось глупостью не принимать это выгодное предложение. Всё это выглядело очень подозрительно для меня, и, конечно, я несла большую ответственность перед моими юными подопечными. По счастливой случайности, в тот же день ко мне обратился молодой секретарь американского представительства в Пекине. Он немедленно сообщил мне, что они всё знают об этом предложении от сына Чан-Цо-линя, и искренне предупредил меня, чтобы я не принимала его предложение, независимо от того, сколько денег он готов был мне заплатить. Я поспешно заверила его, что уже определённо решила не иметь ничего общего с этой необычной схемой. Он, казалось, был вполне успокоен. Я была весьма тронута, что американское представительство нашло возможность

предупредить меня и заявить о таком личном интересе ко мне, поскольку в то время я ещё не была гражданином Соединенных Штатов, и поэтому не имела права на их защиту. Я тепло поблагодарила его и почувствовала себя очень комфортно, узнав, что у меня есть невидимые друзья в этих опасных условиях.

In Tientsin, an American impresario offered me a contract for Japan. I had originally intended to penetrate no farther into China than the Celestial City. But once there, I could not resist continuing south to discover what the rest of Cathay looked like. Therefore the offer from the impresario came most opportunely. Without a definite contract, it would have been risky to stretch our lifeline to Russia too far.

\\

В Тяньцзине американский импресарио предложил мне контракт для Японии. Первоначально я намеревалась проникнуть в Китай не дальше, чем в Небесный Город. Но, оказавшись там, я не удержалась, и продолжила двигаться на юг, чтобы узнать, как выглядела остальная часть Китая. Поэтому предложение импресарио пришло как нельзя кстати. Без определенного контракта было бы рискованно протягивать нашу линию жизни в Россию слишком далеко.

The day we arrived in Shanghai, misfortune befell us. First, the Japanese Emperor died, and the tour was promptly canceled. That left us in grave financial straits, since we counted on the tour for new funds. Second, having no advance agent, we were unable to find a vacant theatre in any of the concessions other than the Japanese quarter, which was shunned by all the foreigners, on whom we relied exclusively for our audience. It was a sort of pariah among concessions, something we could not possibly have anticipated. We danced for a couple of weeks to small crowds, consisting only of Japanese, at less than popular prices-not enough to defray our expenses.

\\

В тот день, когда мы прибыли в Шанхай, случилось несчастье. Во-первых, японский император умер, и тур был незамедлительно отменён. Это оставило нас в тяжелом финансовом положении, так как мы рассчитывали на тур за новыми средствами. Во-вторых, не имея предварительного агента, мы не смогли найти вакантный театр ни в одной из концессий, кроме японского квартала, который избегали все иностранцы, на которых мы полагались исключительно для нашей аудитории. Это была своего рода пария [отверженная] среди концессий, чего мы не могли ожидать. Мы танцевали в течение нескольких недель для маленьких толп, состоящих только из японцев, по ценам ниже общераспространенных - недостаточных, чтобы покрыть наши расходы.

The situation, especially around Christmas time, became alarming. I saw myself forced to ask for a loan. Ilya unearthed a Russian Jew who acted as money lender in the Japanese concession, where we then lived to save money. I hated to do it. But living was expensive in Shanghai, that teeming city on the Whangpoo River by the Yellow Sea, with its strange admixture of Oriental and European cultures. We

continued to hope for a good break to set us on our feet again. None appeared, and the Shanghai Shylock demanded payment. The alternative was to have me thrown into prison, which would have meant a Chinese prison. This horrible fate was imminent when a policeman, accompanied by Shylock, came to my lodgings to arrest me.

\\

Ситуация, особенно перед Рождеством, стала тревожной. Я видела себя вынужденной просить кредит. Илья раскопал русского еврея, который действовал в качестве кредитора в японской концессии, где мы тогда жили, чтобы скопить деньги. Я ненавидела это делать. Но было дорого жить в Шанхае, этом изобилующем городе на реке Вангпу у Жёлтого моря, с его странной смесью восточных и европейских культур. Мы продолжали надеяться на хороший перерыв, чтобы снова встать на ноги. Ничего не появилось, и Шанхайский Шейлок потребовал оплату. Альтернатива заключалась в том, чтобы меня бросили в тюрьму, что означало бы тюрьму китайскую. Эта ужасная судьба была неизбежной, когда полицейский, сопровождаемый Шейлоком, пришёл в моё жильё, чтобы арестовать меня.

Not knowing how to escape this dreadful predicament, I sat hopeless and forlorn in my locked and bolted room, while a ferocious fracas went on outside. All the men in my company tried to prevent the arresting officer from reaching my door. Frightened, I jumped from my chair and ran to a closet to hide when I heard a loud knock at my door. Careful inquiry revealed that a Soviet Embassy secretary desired to speak to me. I opened the door.

\\

Не зная, как избежать этого ужасного затруднения, я сидела безнадежной и несчастной в моей запертой и закрытой на засов комнате, в то время как свирепый скандал происходил снаружи. Все мужчины в моей компании пытались помешать, прибывшему для ареста офицеру, добраться до моей двери. Когда я услышала громкий стук в мою дверь, испугавшись, я вскочила со стула, и побежала к шкафу, чтобы спрятаться. Тщательное расследование показало, что секретарь советского посольства, пожелал поговорить со мной. Я открыла дверь.

"What is that awful noise downstairs?" he asked on entering. "I could barely get by several fellows at grips with each other, while an English bobby tried unsuccessfully to tear them apart."

"Those are my friends trying to save my life. Somebody is out to get my blood," I said with a laugh, trying to seem flippant and unconcerned. The last thing I wanted the Soviets to know was my financial dilemma.

\\

«Что это за ужасный шум внизу?» - спросил он. «Я едва смог обойти нескольких парней в схватке друг с другом, в то время, как английский Бобби [полицмен] безуспешно пытался разорвать их на части.»

«Это мои друзья, пытающиеся спасти мою жизнь. Кто-то хочет получить мою кровь», - сказала я со смехом, пытаюсь казаться легкомысленной и беззаботной. Последнее, что я хотела, чтобы Советы знали, в чём была моя финансовая дилемма.

"May I ask how large a sum you owe?" he asked casually, surprising me no end. How did he know? I told him, and without further ado he reached for his wallet and presented me with the exact amount. I was speechless, and so terribly relieved I could have kissed him. He, or rather the Soviet Embassy (which knows all, sees all, and hears all), had literally saved my life. He further passed on the information that the Embassy had wired to Moscow for sufficient funds to bring me and my whole company safely home. After the tumult and the shouting below had died, with the fortuitous repayment of the debt, he invited us all to a New Year's party at the Embassy.

\\

«Могу я спросить, насколько велика сумма, которую вы должны?» - спросил он небрежно, удивив меня безмерно. Как он узнал? Я сказала ему, и без дальнейших церемоний он потянулся за кошельком и предоставил мне точную сумму. Я потеряла дар речи, и так ужасно обрадовалась, что была готова расцеловать его. Он, или, скорее, советское посольство (которое всё знает, видит всех и слышит всё), буквально спас мне жизнь. Он также сообщил о том, что посольство контактировало по телеграфу с Москвой, для получения достаточных средств, чтобы благополучно доставить меня и всю мою компанию домой. После того как, благодаря случайному погашению долга, шум и крики внизу утихли, он пригласил нас всех на новогоднюю вечеринку в посольство.

I had corresponded with no one since leaving Moscow. No news of Isadora had reached me. I made use of the Christmas holidays to write letters to both my mother and foster mother. The latter passed the time between the Hotel Lutetia in Paris and her studio in Nice, preparing her memoirs for publication. Since no further communications passed between us, I discovered only years later that my journey to China had simply infuriated her. She went so far in her anger as to tell friends that I was a "bandit" who had "absconded with her school"-a statement bordering on madness. She wrote a formal letter of protest to some Soviet official complaining that when she received my news it was:

\\

С тех пор, как я уехала из Москвы, я ни с кем не переписывалась. Никаких новостей об Айседоре до меня не дошло. Я использовала рождественские каникулы, чтобы написать письма моей маме и приёмной маме. Последняя проводила время между отелем Лютеция в Париже и её студией в Ницце, готовя свои мемуары для публикации. Поскольку между нами не было никаких дальнейших контактов, только спустя годы я обнаружила, что моё путешествие в Китай просто разъярило её. В своём гневе она зашла так далеко, что сказала друзьям, что я «бандит», который «скрылся с её школой», - заявление,

граничащее с безумием. Она написала официальное письмо протеста одному советскому чиновнику с жалобой на то, что когда она получила мои новости, то это было так:

The first word I have heard from the school for six months, and the first knowledge I have had that they are in China. I wish to protest that this school which I formed at the sacrifice of my fortune and person, and for which I had become naturally boycotted by all my former friends and audiences in Europe, should be allowed to pass from my control and into the hands of private speculation. Those sacrifices that I made, I made gladly for the cause of the people; but when it comes to the exploitation of my work by a private organization without so much as asking my advice-I must protest!

This is an exploitation of my art which I would not have expected, considering the primary object of my visit to Russia was to escape from just such exploitation of Art, which Soviet Russia condemned Europe for in 1921.

\\

Первое слово, которое я слышала из школы в течение шести месяцев, и первая информация, которая у меня была, это то, что они находятся в Китае. Я хочу возразить против того, чтобы этой школе, которую я сформировала при жертве моего состояния и моей личности, и из-за которой я, естественно, бойкотировала всех моих прежних друзей и зрителей в Европе, должно было позволено уйти из под моего контроля, и в руки частных спекуляций. Те жертвы, которые я принесла, я с радостью приняла за народ; но когда дело доходит до эксплуатации моего труда частной организацией, совсем не спрашивая мой совет, - Я должна протестовать!

Это эксплуатация моего искусства, чего я и не ожидала, учитывая, что главной целью моего визита в Россию было убежать от такой эксплуатации искусства, за которую Советская Россия осуждала Европу в 1921 году.

"Private speculation?" "Exploitation of my work?" Was she talking about me? I too had formed the school at the sacrifice of my future and person and fortune, since I received not a penny for my work. And besides, from the opening in 1921 until that Christmas of 1926, I had done all the work with the children, Isadora being absent from the school 75 per cent of the time. For some reason known only to her, it was all right for me to perform in France with sixteen pupils from the school, but not in China. In the former instance, it would have been "for the cause of the people"; in the latter, she considered it a dreadful "exploitation" of her work. These contradictions in terms remained incomprehensible to me. Was I doing anything wrong?

\\

«Частная спекуляция?», «Эксплуатация моей работы?», - Она говорила обо мне? Я тоже создавала школу, пожертвовав своим будущим, личностью и богатством, поскольку не получила ни копейки за свою работу. Кроме того, с момента открытия в 1921 году и до того Рождества 1926 года я выполняла всю работу с детьми, а Айседора отсутствовала в школе в 75% случаев. По какой-то причине, известной только ей, мне было хорошо выступать во Франции с

шестнадцатью учениками из школы, но не в Китае. В первом случае это было бы «за дело народа»; в последнем она считала это ужасной «эксплуатацией» своей работы. Эти противоречия в терминах остались для меня непонятными. Я делала что-то неправильно?

At the Embassy party to celebrate New Year's day in Shanghai, all the children ranging in age from ten to sixteen were given presents. I too received a pair of handsome black cloisonne vases filled with poinsettias, which, now holding other flowers, grace my mantelpiece to this day. Among the guests were foreign correspondents, who had come to China to cover the civil war then raging in the interior. In Peking I had already become familiar with the name of Chang Tso-lin, a mighty war lord, and here in Shanghai the name of Chiang Kai-shek was much in the news. Without realizing it-for I shied away from politics-I had arrived at a crucial moment in the revolutionary history of that country, in which I was to become unwittingly embroiled to a minor extent. No one in the rest of the world, except Soviet Russia, paid much attention to what was going on in China. The American papers were concerned only with domestic affairs.

\\

На вечеринке в посольстве, на праздновании Нового года в Шанхае, все дети, в возрасте от десяти до шестнадцати, получили подарки. Я тоже получила пару красивых чёрных перегородчатых ваз, наполненных пуансеттиями [красными цветами], которые, теперь, держат другие цветы, украшая мою каминную доску, по сей день. Среди гостей были иностранные корреспонденты, которые приехали в Китай, чтобы освещать гражданскую войну, которая затем разбушевалась в этой местности. В Пекине я уже познакомилась с именем Чан Цзо-линя, могущественного военного лорда, и здесь, в Шанхае, имя Чан Кай-ши было в новостях. Не осознавая этого - я уклонялась от политики - я прибыла в решающий момент в революционной истории этой страны, в которую я должна была невольно втянуться в незначительной степени. Никто в остальном мире, кроме Советской России, не уделял много внимания тому, что происходило в Китае. Американские газеты касались только внутренних дел.

The Chinese Revolution, which had started twenty years earlier under the leadership of the great Sun Yat-sen (who had been proclaimed president in 1911) was about to enter a second stage. The Bolsheviks, continuously on the prowl for further acquisitions to their own cause, had given Sun Yat-sen money and munitions, and also military and political advisers. When Sun Yat-sen died in 1924, the revolutionary movement continued to grow. The various war lords, who governed China according to a feudal system, opposed it to a man. The Canton armies of the Kuomintang (People's Party), inspired by Sun Yat-sen, were then sweeping down the Yangtze-Kiang under the leadership of Chiang Kai-shek, and had recently taken Hankow, soon to be followed by Nanking and Shanghai. Antiforeign feeling had been aroused among the armies, and all foreigners were advised to settle on the coast near Shanghai or Tientsin. The political adviser the Russians sent to the Kuomintang was an acquaintance of mine, Michael Borodin.

\\

Китайская революция, которая началась двадцать лет назад под руководством великого Сунь Ят-сена (который был провозглашен президентом в 1911 году), должна была выйти на второй этап. Большевики, непрерывно преследующие дальнейшие приобретения для своего собственного дела, давали Сун Ят-сену деньги и боеприпасы, а также военных и политических советников. Когда Сун Ят-сен умер в 1924 году, революционное движение продолжало расти. Различные военачальники, которые управляли Китаем в соответствии с феодальной системой, выступали против этого человека. Вдохновленные Сун Ят-сеном кантонские войска гоминьдана (Народной партии) смели Янцзы-Кян под руководством Чан Кайши, и недавно захватили Ханькоу, за которым вскоре последовали Нанкин и Шанхай. В армиях возникло враждебное чувство против иноземцев, и всем иностранцам было рекомендовано селиться на побережье, недалеко от Шанхая или Тяньцзиня. Политическим советником, которого русские послали в Гоминьдан, был мой знакомый Михаил Бородин.

The young, victorious commander-in-chief, Chiang Kai-shek, even then engaged in certain manoeuvres to further his own ambition (which eventually culminated in making him president), was trying to break with the left wing of the Kuomintang, which was largely under Russian influence. Word had reached the Soviet Embassy at this time that a critical situation had developed with respect to the Kuomintang.

\\

Молодой победоносный главнокомандующий Чан Кай-ши, даже тогда занимавшийся некоторыми интригами, чтобы продвигать свои собственные амбиции (которые в конечном итоге достигли успеха в его президентстве), пытался порвать с левым крылом Гоминьдана, который был в основном под влиянием России. В это время в советское посольство дошло, что в отношении Гоминьдана сложилась критическая ситуация.

During the New Year's reception the Soviet Ambassador asked me to step into his private office for a moment. He had something important to say to me. "I have received official notice from Narkompross [People's Commissariat of Education] in

Moscow that you are to return immediately to Russia," he informed me, when we were seated at his desk. I had no knowledge then of Isadora's protest, and could not guess that she had a hand in this. I retorted, "That suits me fine. Shall we be leaving at once?"

The Soviet Ambassador (I have forgotten his name) regarded me for a minute in silence. Then he leaned far across his desk and said in a hushed voice, "No, I don't want you to leave yet for Moscow."

\\

Во время новогоднего приёма советский посол попросил меня не на долго зайти в его личный кабинет. У него было что-то важное сказать мне. «Я получил официальное уведомление от Наркомпроса в Москве, что вы должны немедленно вернуться в Россию», - сообщил он мне, когда мы сидели за его столом. Тогда я не знала о протесте Айседоры, и не могла догадаться, что это была её рука. Я ответила: «Это меня устраивает. Может быть, мы сразу уедем?» Советский посол (я забыла его имя) молча посмотрел на меня. Затем он наклонился ко мне через стол и сказал тихим голосом: «Нет, я не хочу, чтобы вы уезжали в Москву».

Intrigued by his conspiratorial tone, I raised my eyebrows and asked for an explanation. In the same hushed tones he added, "My staff and I have come to the unanimous conclusion that you and your company should proceed to Hankow instead."

"Hankow?" I cried in alarm. "Isn't that the place where a wave of anti-foreign agitation has broken out, with foreigners being killed right and left?"

"That is true," he admitted and raised a forefinger, quickly adding, "but not Russians!"

\\

Заинтригованная его заговорщическим тоном, я подняла брови и попросила объяснений. В таких же тихих тонах он добавил: «Мой персонал и я пришли к единодушному выводу в том, что вы и ваша компания должны отправиться в Ханькоу».

«Ханькоу?» - вскричала я. «Разве это не то место, где вспыхнула волна анти-иностранной агитации, а иностранцев убивают справа и слева?»

«Это правда», - признался он, и поднял указательный палец, быстро добавив: «Но не русских!»

How the enraged Chinese could tell the difference in nationality or bother to find out before slaughtering anyone, I couldn't imagine. I showed no enthusiasm for the idea of leaving safe Shanghai and venturing forth into the front battle lines, and told him so. He calmed my fears by explaining that the Borodins would look after us and protect us and not to worry on that account. Things were actually not so bad. "The people will welcome some diversion, and your performance will, I am sure, give them new hope and inspiration."

\\

Как разъяренный китаец мог определить разницу в национальности или потрудиться узнать, прежде чем кого-то убивать, я не могла себе представить. Я не проявила энтузиазма к идее покинуть безопасный Шанхай и выйти на линию фронта, и сказала ему об этом. Он успокоил мои страхи, объяснив, что Бородины будут присматривать за нами, и защищать нас, и не нужно волноваться по этому поводу. На самом деле, всё было не так плохо. «Люди будут приветствовать некоторые развлечения, и ваше выступление, я уверен, даст им новую надежду и вдохновение».

He was so insistent that I got the impression this was more of an order than a request. "How shall we get there?" I asked, still not sure if this was the right thing for us to do. "We are completely broke."

"You can use the money Lunacharsky forwarded for your return trip."

"Isn't that going against official orders?" I asked, surprised that he should even suggest such a thing, and unwilling to get myself into trouble with the authorities in Moscow.

"Leave the rest to us," he assured me. "I shall give the necessary explanation when the time comes. The important thing is-will you consent to go?" I remained silent, thinking of the enormous responsibility involved. It wasn't just myself I had to consider, but all my company.

"Of course you are not forced to go. If you are afraid . . . we will understand. This is only a suggestion on our part;" he said.

\\

Он был настолько настойчив, что у меня сложилось впечатление, что это был скорее указ, чем вопрос. «Как мы туда доберёмся?» - спросила я, всё ещё не уверенная, правильно ли это для нас. «Мы полностью разорились».

«Вы можете использовать деньги, отправленные Луначарским для вашего возвращения».

«Разве это не против официальных приказов?» - спросила я, удивлённый тем, что он должен даже предлагать такую вещь, и не хочет беспокоиться о властях в Москве.

«Оставьте остальное нам», - заверил он меня. «Я дам необходимое пояснение, когда придёт время. Важно то, согласны ли вы ехать?» Я молчала, думая об огромной ответственности. Я не только сама должна была рассмотреть этот вопрос, но и вся моя компания.

«Конечно, вы не обязаны ехать. Если вы боитесь... мы поймём. Это только предложение с нашей стороны»; - сказал он.

Adventure is in my blood, and I had no actual fear for myself to see a bit of history in the making. I hesitated only because of the girls. "Will they be safe?" I inquired.

"The enemy has not yet reached the river, and although the voyage to Hankow may not be too comfortable, there is nothing to fear. Once you reach the Wuhan province upstream, the Borodins and Chiang Kai-shek with his victorious army will receive you with open arms. They are well supplied with everything and will give you a good time."

\\

Приключение в моей крови, и у меня не было никакого реального страха перед собой, чтобы увидеть немного истории в процессе её создания. Я колебалась только из-за девушек. «Они будут в безопасности?» - спросила я.

«Враг ещё не добрался до реки, и хотя путешествие в Ханькоу может быть не слишком комфортным, вам нечего бояться. Когда вы достигнете провинции Ухань вверх по течению, Бородины и Чан Кай-ши с его победоносной армией, встретят вас с распростёртыми объятиями, они хорошо снабжены всем и обеспечат вам хорошее времяпрепровождение».

"In that case, as long as I have your official assurance all will be well with us," I said, "we shall go on to Hankow." One is young only once and at that period of life seldom reckons with the consequences. I asked him when he wished us to depart. "Tomorrow. The sooner you get there the better. A Japanese steamer is about to sail for Hankow. It will take only three days."

\\

«В таком случае, пока у меня будет ваша официальная уверенность, что всё будет хорошо с нами, - сказала я, - мы отправимся к Ханькоу». Молодость бывает только один раз, и в этот период жизни человек редко задумывается о последствиях. Я спросила его, когда он хочет, чтобы мы ехали.

«Завтра, - чем раньше вы туда доберетесь, тем лучше. Японский стример [транспорт] собирается отправиться в Ханькоу. Это займёт всего три дня».

What he did not communicate to me, so as not to alarm us unduly, was the fact that the enemy army of the northern war lord Chang Tso-lin, more ferocious even than the southern army, was momentarily expected to capture Nanking. The Soviets purposely left me in the dark, because they were anxious-for reasons of their own-that we should make contact with the Borodins. The Soviet Embassy saw in our dancers a providential means of extending a friendly gesture to Chiang Kai-shek. In other words, they tried to use us as propaganda to help smooth the ruffled feathers of the Chinese-Russian entente.

\\

Что он не сообщил мне, чтобы не вызывать у нас чрезмерную тревогу, так это тот факт, что вражеская армия северного военного лорда Чан Цо-лина, более свирепая, чем южная армия, с минуты на минуту ожидала захвата Нанкина. Советы преднамеренно оставили меня в неведении, потому что они - по своим собственным причинам - были обеспокоены, что мы должны вступить в контакт с Бородинами. Советское посольство увидело в наших танцорах провокационное средство протянуть дружеский жест Чан Кай-ши. Другими словами, они пытались использовать нас как пропаганду, чтобы помочь сгладить углы китайско-российского соглашения [антанты].

The parting words of the young secretary of the legation, who once came to my rescue and who now saw us off, were, "You don't know how courageous you are to undertake this journey. If I were in your place, I don't think I would have done the same."

This remark hardly helped to put my mind at ease. I somehow sensed that my small bark, having so far navigated safely, was about to encounter the ground swells of much deeper water.

\\

Прощальные слова молодого секретаря представительства, который однажды пришёл ко мне на помощь, и который теперь провожал нас, были: «Вы не представляете, насколько вы смелы, чтобы предпринять это путешествие. Если бы я был на вашем месте, думаю, я бы сделал то же самое».

Это замечание едва ли помогло мне успокоиться. Я как-то почувствовала, что мой маленький барк, пройдя до сих пор безопасную навигацию, вот-вот столкнется с набухающими на земле более глубокими водами.

Traveling native style in China is quite an experience. It is not one that I would ever care to repeat. In order to save money, our manager had bought third-class accommodation for all of us. We slept on hard bunks in cabins of our own, but meals were another matter. There was no dining room. We were obliged to squat, Chinese style, on the bare floor. The food was served in porcelain cups with chopsticks. This would not have been too bad, since one can adopt native customs temporarily. It was instructive and might have been fun-but-there were grave reasons for shunning these meals served on the floor outside the cabins. That same place was also used by the native passengers for other and more private purposes, as unconcernedly as if they were animals.

\\

Путешествовать туземным образом по Китаю - это уже опыт. Это не то, что я бы хотела повторить. Чтобы сэкономить, наш менеджер купил для всех нас жилье третьего класса. Мы спали на твердых койках в собственных каютах, но совсем другим вопросом была еда. Там не было столовой. Мы были вынуждены сидеть на корточках, в китайском стиле, на голом полу. Еда подавалась в фарфоровых чашках с палочками для еды. Это было бы не так уж плохо, потому что можно было временно принять местные обычаи. Это было бы поучительно и, возможно, было бы весело, но были серьезные причины, позволяющие избегать этих блюд, подаваемых на полу за пределами кают. Это же место, также использовалось местными пассажирами для других, и более частных целей, так же беззаботно, как если бы они были животными.

I rushed in shocked protest to the Japanese captain of the ship, asking permission for me and my company to eat in the first-class dining saloon and paying for the privilege, but he refused. What to do? I first thought of mutiny, by simply taking over the dining saloon and staying there to the end of the trip.

I consulted with Elisaveta Gregorievna, who told me of a supply of baked beans she had taken along, just in case. That solved the problem. For three days, three times a day, we all ate cold beans, right out of the cans, in our own cabins. We never traveled without tea and a couple of samovars; thus we had enough to drink.

\\

Я бросилась в шокированном протесте к японскому капитану корабля, и попросила разрешения для меня и моей компании есть в обеденном салоне первого класса, заплатив за эту привилегию, но он отказался. Что делать? Я сначала подумал о мятеже, - просто захватить обеденный салон и оставаться там до конца поездки.

Я посоветовалась с Елизаветой Григорьевной, которая сказала мне о запасе печёных бобов, которые она взяла с собой, на всякий случай. Это решило проблему. Три дня, три раза в день, мы все ели холодную фасоль, прямо из банок, в наших собственных каютах. Мы никогда не путешествовали без чая и парочки самоваров; поэтому нам было этого достаточно, чтобы попить.

The girls spent most of the time playing on deck, but I never left my cabin. Frossia, my maid, took care of all my wants. I invariably traveled with my own bedding, wash basins, buckets, pitcher, etc., as well as linen and mosquito netting. These were things one could not do without, considering the primitive state of lodgings in all of Russia outside of the larger cities. Fortunately, most places had public baths. In this way, we kept clean and free of disease, despite the ravages of typhoid fever and cholera rampant in certain areas. Though none of us had been especially inoculated, our group suffered no serious illness all the years we toured together. Whenever one of the children complained of feeling sick, Elisaveta Gregorievna employed but one remedy-castor oil. This, she insisted, cured everything, and it worked wonders; but here in China, under these unbelievably filthy conditions, I feared the very worst.

\\

Девушки большую часть времени проводили на палубе, но я никогда не покидала свою каюту. Фрося, моя служанка, позаботилась обо всех моих желаниях. Я неизменно ездила со своими постельными принадлежностями, умывальниками, ведрами, кувшином и т.д., также как с бельём и москитной сеткой. Это то, без чего нельзя обойтись, учитывая первобытное состояние жилья во всей России за пределами крупных городов. К счастью, в большинстве мест были общественные бани. Таким образом, мы содержались в чистоте и не имели болезней, несмотря на то, что в некоторых районах царили брюшной тиф и холера. Хотя никто из нас не был специально привит, наша группа не страдала от серьезных болезней все те годы, пока мы гастролировали вместе. Всякий раз, когда кто-то из детей жаловался на плохое самочувствие, Елизавета Григорьевна использовала только одно лекарство - касторовое масло. Это, утверждала она, вылечивало всё, и это творило чудеса; но здесь, в Китае, в этих невероятно грязных условиях я боялась самого худшего.

From my cabin window, I watched the scenery along the largest river in China. We passed Nanking safely. Soon there-after the river narrowed and the mountains appeared in fan-shape form-a view made familiar through Chinese art, which has a character and charm all its own. We had come about six hundred miles upstream when, in the second week of January 1927, with the civil war about to reach a climax, we landed in Hankow, the most important commercial center in the midlands.

\\

Из окна моей каюты я смотрела на пейзаж самой большой реки в Китае. Мы благополучно прошли Нанкин. Вскоре после того, как река сузилась, и горы появились в форме вееров, - вид, знакомый по китайскому изобразительному искусству, который имеет свой характер и очарование. Мы прошли около шести сотен миль вверх по течению, и на второй неделе января 1927 года, когда гражданская война едва не достигла апогея, мы высадились в Ханькоу, самом важном торговом центре в центральной части страны.

The day was sunny and warm. The children stood lined up on deck in their school outfits, with their overcoats cut in military style resembling the Red Army uniform. I too came out of my seclusion below deck, glad to see the sun and inhale some fresh air. As the boat approached the landing stage, I noticed two ladies, both dressed in Chinese garb-although one was a foreigner-standing on the dock and waving at us. The foreign woman, in her forties, very short and rather squat-looking in her gray Chinese dress reaching to the ankles, called out in Russian, "Hello, I'm Fanny Borodin. Welcome to Hankow!"

\\

День был солнечным и тёплым. Дети стояли, выстроившись на палубе в школьных костюмах, их пальто в военном стиле напоминало форму Красной Армии. Я тоже вышла из своего уединения под палубой, чтобы с радостью увидеть солнце и вдохнуть свежий воздух. Когда лодка приблизилась к пристани, я заметила двух женщин, обе одетые в китайскую одежду, хотя одна из них стояла на пристани и махала нам рукой. Иностранная женщина в возрасте сорока лет, очень невысокая и довольно приземистая в своём сером китайском платье, дотянувшимся до лодыжек, произнесла по-русски: «Привет, я Фанни Бородина. Добро пожаловать в Ханькоу!»

Borodin was not her real name. Both she and her husband, whom I had met before, came from Chicago, where he had taught school. Delighted to be able to speak to an American woman again, I said some words in English, upon which she quickly shushed me, saying in Russian, "Please don't speak English in public! Do you see that building full of bullet holes?" and she pointed to a warehouse nearby. "That is where they shot every man, woman, and child of the English colony, who had barricaded themselves there last week. So, please, be very careful. It's all right to speak Russian."

\\

Бородина не было её настоящим именем. И она, и её муж, с которым я познакомилась раньше, приехали из Чикаго, где он преподавал в школе. Обрадовавшись, что я снова смогу поговорить с американской женщиной, я сказала несколько слов по-английски, на которые она резко толкнула меня, говоря по-русски: «Пожалуйста, не говорите по-английски публично! Вы видите это здание, полное дыр от пуль?» и она указала на склад рядом. «Именно здесь они расстреляли всех мужчин, женщин и детей из английской колонии, которые забаррикадировались там, на прошлой неделе. Поэтому, пожалуйста, будьте очень осторожны. Правильно говорить по-русски».

She introduced me to her companion, a Chinese lady of very delicate proportions and a charming face. It turned out to be the Martha Washington of revolutionary China, none other than the widow of the first president, Sun Yat-sen. Soong Ching-ling is the sister of the present Madame Chiang Kai-shek. She handed me a bouquet of flowers and whispered a few words of greeting in English, for, like her more famous sister, she was educated in America.

\\

Она познакомила меня со своим компаньоном, китайской леди с очень деликатной пропорцией и очаровательным лицом. Это оказалось Марта Вашингтон революционного Китая, не кто иная, как вдова первого президента Сунь-Ят-сена. Сун Цин-лин - сестра нынешней мадам Чан Кай-ши. Она вручила мне букет цветов и прошептала несколько приветствий на английском языке, потому что, как и её более знаменитая сестра, она получила образование в Америке.

Fanny Borodin informed me that, besides her own family, I and my company were the only foreigners then in Hankow. That did not make me feel very much at ease. After that awful boat trip, I fully anticipated the worst. She and Madame Sun Yat-sen led me to a limousine in a line of other cars all prominently displaying the Kuomintang flag-an eleven-pointed white star in a field of blue. The English and French concessions appeared to be completely evacuated, and we drove through them without stopping anywhere. Presently we approached a polo field on the outskirts of the city, and I prepared myself to be housed in Chinese fashion with all the attending discomforts for a Westerner. But the limousine entered some iron gates set in a high wall and stopped in front of an impressive modern mansion.

\\

Фанни Бородина сообщила мне, что, помимо её семьи, я и моя компания были единственными иностранцами тогда в Ханькоу. Это не заставило меня чувствовать себя очень легко. После этой ужасной поездки на лодке, я полностью ожидала худшего. Она и мадам Сунь Ят-сен отвели меня к лимузину в ряду других автомобилей, на всём протяжении которых виднелся флаг Гоминьдана - одиннадцатиконечная белая звезда в поле синего цвета. Английские и французские концессии оказались полностью эвакуированы, и мы проехали через них, не останавливаясь нигде. Вскоре мы подъехали к полю для игры в поло на окраине города, и я приготовилась к размещению в китайском стиле со всеми присутствующими неудобствами для западного человека. Но лимузин вошёл в железные ворота, установленные в высокой стене, и остановился перед впечатляющим современным особняком.

"What do you think of it?" Mrs. Borodin, now addressing me in English, said as we mounted the stairs. "It looks brand new," I retorted, gazing about in amazement, for this was the last I had expected. "It is!" she said, and laughed. The house, she explained, was especially built for Wu Pei-fu, the big war lord of the midland provinces. "But we captured Hankow before he had a chance to occupy it, and now it is yours for the duration of your visit with us."

So saying, she conducted us into the house; and indeed all the furniture, down to the last lace doily, still had a price tag attached. We all stood there laughing. It was so marvelous to think we got there ahead of Wu Pei-fu! We moved in and took possession of this grand trophy of war, whose wraps had not yet been removed.

\\

"Что ты думаешь об этом?" - сказала миссис Бородин, когда мы поднимались по лестнице, обращаясь ко мне по-английски. «Это выглядит совершенно новым», - ответил я, удивлённо оглядываясь, потому что это было последнее, чего я ожидала. "Именно так!" - сказала она и засмеялась. Она объяснила, что дом был специально построен для Ву Пей-фу, большого военного лорда средних провинций. «Но мы захватили Ханькоу до того, как он успел его занять, и теперь он ваш на время вашего визита к нам».

Сказав это, она провела нас в дом; и, действительно, вся мебель, вплоть до последней кружевной салфетки, всё ещё имела прикрепленный ценник. Мы все стояли, смеясь. Было так удивительно думать, что мы опередили Ву Пей-фу! Мы переехали и завладели этим грандиозным трофеем войны, чьи обертки ещё не были удалены.

"I hope you will find everything to your liking, and that you will all be happy here," Madame Sun said in her gracious manner, so different from the abrupt Fanny Borodin. "This is the very best place we can offer you," she continued, leading me to the dining room that opened out onto a terrace. Her smooth dark hair, tied back into a knot at the nape of the neck, framed a pale, sensitive face with very black eyes. She spoke and moved with the stately bearing of an aristocrat; her ideas of housekeeping were those of a woman brought up in luxury. Surveying the dining room she said nonchalantly, "Instead of hiring a cook and servants, such a bother, I thought it would be ever so much more convenient to hand the whole problem of meals over to a good caterer. Don't you agree?"

\\

«Надеюсь, вы найдёте всё по своему вкусу, и что вы все будете здесь счастливы», - сказала мадам Сан в её милой манере, настолько отличной от резкой Фанни Бородин. «Это самое лучшее место, которое мы можем вам предложить», - продолжила она, и отвела меня в столовую, которая открывалась на террасу. Её гладкие тёмные волосы, связанные узлом на затылке, обрамляли бледное, чувствительное лицо с очень чёрными глазами. Она говорила и двигалась с величественным аристократизмом; её идеи домашнего хозяйства принадлежали женщине, воспитанной в роскоши. Осмотрев столовую, она небрежно сказала: «Вместо того, чтобы нанимать повара и слуг, такая забота, я подумала, что будет гораздо удобнее передать всю проблему еды хорошему провизору. Вы не согласитесь с этим?»

The arrangement seemed perfect. The only thing that bothered me was the expense. "Are we to pay for them?" I inquired of Mrs. Borodin before she left.

"Certainly not!" she exclaimed. "All of you are the honored guests of the Kuomintang Party. Besides, Madame Sun's brother, T. V. Soong, is Finance Minister, so you can just sit back and relax; everything will work out."

\\

Размещение казалось прекрасным. Единственное, что беспокоило меня - это расходы. «Мы должны заплатить за это?» - я спросила миссис Бородину, прежде чем она ушла.

«Конечно, нет!» - воскликнула она. «Все вы - почётные гости партии Гоминьдана. Кроме того, брат Мадам Сун, Т.В. Сун, является министром финансов, поэтому вы можете просто сидеть, сложа руки, и расслабиться, всё будет работать».

I thanked them for the wonderful hospitality, and then Mrs. Borodin warned me once more about speaking English in public and told me not to worry about the isolated location. "You shall have a round-the-dock bodyguard of armed soldiers," she assured me. "We have also placed a car with chauffeur at your disposal, but don't go anywhere without taking two armed guards along!" and she warned me further, "Always be sure to display the Kuomintang flag prominently!"

\\

Я поблагодарила их за прекрасное гостеприимство, и тогда миссис Бородина ещё раз предупредила меня о публичных разговорах по-английски, и сказала, чтобы я не беспокоилась о безопасности этого места. «У вас будет круглосуточная охрана из вооруженных солдат», - заверила она меня. «Мы также предоставили в ваше распоряжение автомобиль с шофёром, но никуда не уезжайте, не взяв с собой двух вооруженных охранников!», и она предупредила меня далее: «Всегда обязательно вывешивайте флаг Гоминьдана на видном месте!»

Before driving back to town with Madame Sun, she gave me her telephone number and promised to return the following day. I entered the house again and noticed several white-coated waiters setting the table as for a festive dinner. There were flowers, silver, crystal, candles-and they served nothing less than a seven-course meal every time we sat down at table. What a far cry from the cold beans eaten out of a tin!

\\

Прежде чем отправиться обратно в город с мадам Сан, она дала мне свой номер телефона, и пообещала вернуться на следующий день. Я снова вошла в дом и заметила несколько белых официантов, которые сидели за накрытым столом, как на праздничный ужин. Были цветы, серебро, хрусталь, свечи, и каждый раз, когда мы садились за стол, они приносили не меньше, чем семь блюд. Что было очень далеко от холодных бобов, съеденных из оловянной банки!

At night, when I retired to my private room and bath, all the fixtures gleaming in a brand-new state, I looked out the window and saw the bonfires lit in front of the tents the eight soldiers of our night watch had erected in back and in front of the house.

My thoughts went back to all the strange events leading up to this moment. How did I ever get into a situation like this? No matter how often I had dreamed of visiting Cathay, not in my wildest imagination could I have conjured up an adventure similar to this one. What was our next move? I wondered, for almost anything was possible now.

\\

Ночью, когда я ушла в свою комнату и ванну, где все светильники сверкали в совершенно новом состоянии, я выглянула в окно и увидела зажженные перед палатками костры, которые восемь солдат нашего ночного дозора установили сзади и перед домом. Мои мысли вернулись ко всем странным событиям, которые привели к этому моменту. Как я попала в такую ситуацию?

Независимо от того, как часто я мечтала посетить Китай, я не могла даже придумать приключение, подобное этому. Каким был наш следующий шаг? Я задавалась вопросом, поскольку почти всё было возможно теперь.

The warlike atmosphere created by the soldiers guarding our high-walled enclave brought a shiver of apprehension, for in spite of all the luxurious surroundings in which we lived, I could not forget that we were encamped in the midst of a fierce civil war whose outcome still lay in the balance. At any moment the tide might suddenly turn for the worse and engulf us all in the most ghastly disaster. All night long the spectre of Wu Pei-fu, the vanquished war lord, taking Hankow again by storm and making us his prisoners, prevented me from sleeping soundly in his house. And I wished I were a thousand miles from there. Why, oh why! had I not heeded Isadora's plea? I would now be basking in the mild Riviera sun, bathing in the blue sea, instead of facing terror and bloodshed and gruesome death from which there might be no escape.

These nightmarish thoughts vanished on the following day.

\\

Воинственная атмосфера, создаваемая солдатами, охраняющими наш анклав с высокими стенами, вызывал ужас, поскольку, несмотря на всю роскошную обстановку, в которой мы жили, я не могла забыть, что мы оказались в лагере во время жестокой гражданской войны, исход которой всё ещё висел на волоске. В любой момент, прилив может внезапно обернуться к худшему и поглотить всех нас в самой ужасной катастрофе. Всю ночь призрак Ву Пэй-фу, побежденного военного лорда, снова штурмом захватившего Ханькоу и сделавшего нас своими пленниками, не давал мне спать спокойно в его доме. И я хотела бы быть в тысяче миль оттуда. Почему, о, почему! я не прислушалась к призыву Айседоры? Я бы сейчас нежилась под мягким солнцем Ривьеры, купаясь в синем море, вместо того, чтобы столкнуться с ужасом, кровопролитием и ужасной смертью, от которой не может быть спасения. Эти кошмарные мысли исчезли на следующий день.

We were too busy getting ready for our debut in Hankow to think of anything but the business at hand. The night of our performance in a small theatre in the former French concession, the entire route leading from the center of town was lined with

soldiers. All the dignitaries from Chiang Kai-shek down would attend. We tried to give our best to our first all-Chinese audience, and they responded with great warmth. Mrs. Borodin came backstage during the intermission and said, "Your dancing is divine! It is a shame Chiang Kai-shek can't see it. He did not come."

\\

Мы были слишком заняты подготовкой к нашему дебюту в Ханькоу, чтобы думать о чём угодно, кроме дела. В ночь нашего выступления в маленьком театре, в бывшей французской концессии, весь маршрут, ведущий из центра города, был выстроен солдатами. Присутствовали все сановники Чан Кай-ши. Мы старались отдать все свои силы нашей первой всекитайской аудитории, и они ответили с большой теплотой. Миссис Бородина вошла во время перерыва и сказала: «Твои танцы божественны! Это позор, Чан Кай-ши не видит этого. Он не пришёл».

I told her we had then failed in our mission, for this was the reason we were sent to Hankow. She told me to have patience; she had sent several messengers, and he might still appear. At the end of our performance she once more came to my dressing room, this time elated and excited. "He is here! He is here!" she shouted. "He just came! Now you must do the whole thing over again!"

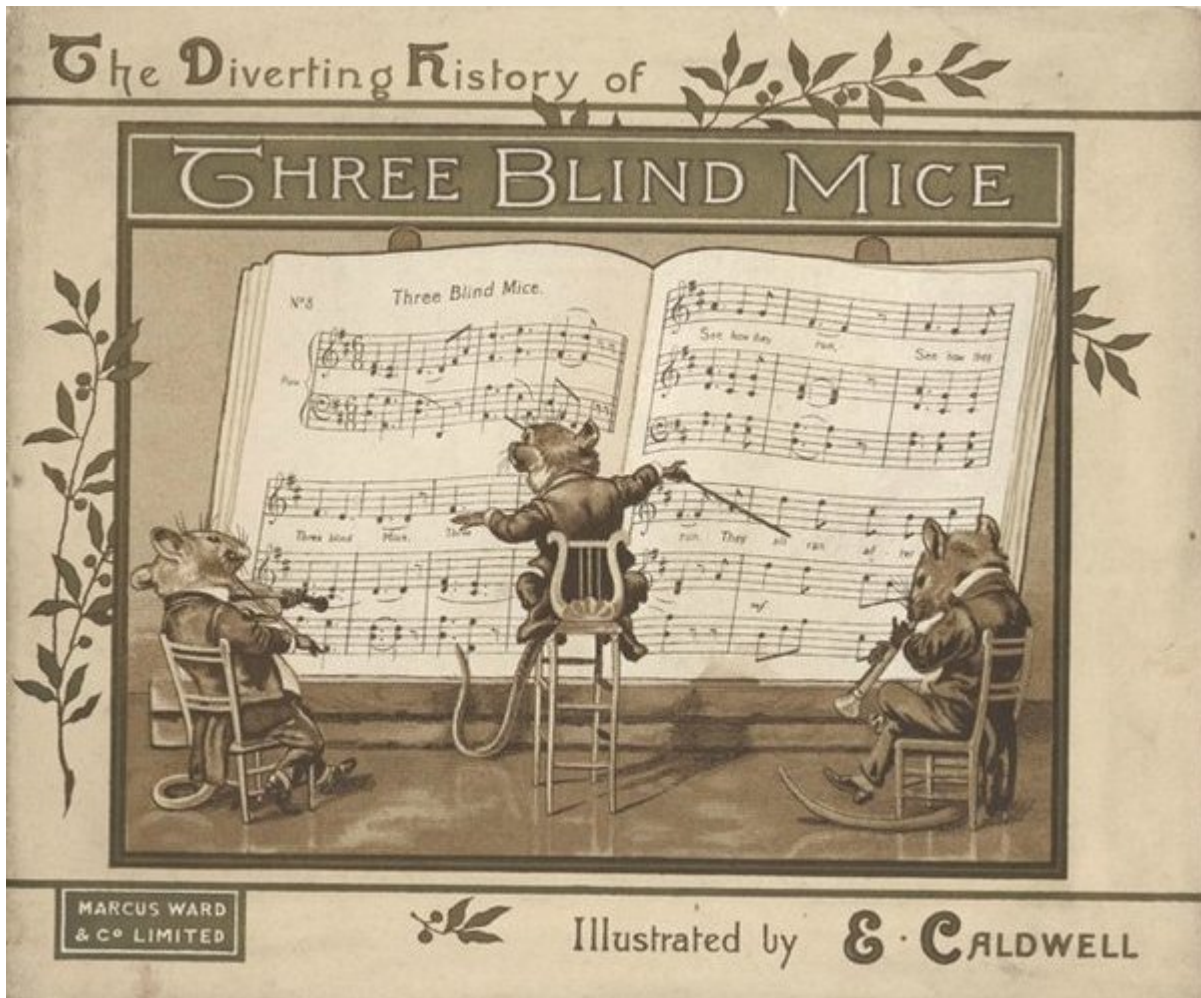
\\

Я рассказала ей, как мы потерпели неудачу в нашей миссии, и именно по этой причине нас отправили в Ханькоу. Она сказала, чтобы я потерпела; она послала нескольких посланников, и он всё ещё может появиться. В конце нашего выступления, она снова прибежала в мою раздевалку, на этот раз приподнятая и возбужденная. «Он здесь! Он здесь!» - прокричала она. «Он только что пришёл! Теперь вы должны всё исполнить снова!»

Exhausted from my three-hour show, I pleaded with her not to insist on a repetition of the entire program, but only of the last part, composed of our revolutionary songs and dances. She agreed, and I had prepared a surprise. At the very end, after several curtain calls (for none of the audience had left and Chiang Kai-shek applauded as loudly as the rest), we all came out dressed in little coolie shirts. I displayed the Kuomintang flag, and the children sang the Kuomintang national anthem in Chinese, to the incongruous tune of "Three Blind Mice." It was a tremendous hit!

\\

Измученная моим трёхчасовым шоу, я умоляла её не настаивать на повторении всей программы, а только последней части, состоящей из наших революционных песен и танцев. Она согласилась, и я приготовила сюрприз. В самом конце, после нескольких звонков с занавесами (поскольку никто из зрителей не ушёл, а Чан Кай-ши аплодировал так же громко, как и остальные), мы все вышли в маленьких шёлковых рубашках, в стиле «кули» [одежда бедных людей]. Я вывесила Гоминданский флаг, и дети исполнили гимн Гоминьдана на китайском языке, под нелепую мелодию «Трёх слепых мышей». Это был потрясающий хит!

Mrs. Borodin embraced me in her enthusiasm crying, "That was wonderful! Just the right thing! You have won over Chiang Kai-shek completely. You know, all the top officials are so pleased they are going to tender all of you a nice banquet tomorrow."

\\

Миссис Бородина обняла меня в своём энтузиазме, плача: «Это было замечательно! Вы всё сделали абсолютно правильно! Вы полностью одержали победу над Чан Кайши. Ты знаешь, все высокопоставленные чиновники так рады, что завтра предложат вам всем приятный банкет.»

Madame Sun Yat-sen called on me the next day and said, "We all think it would be so much pleasanter to hold the banquet in your honor right here in your house instead of at a formal restaurant in town. The caterers are already here, and we can spend the whole evening together, en famille as it were."

\\

На следующий день мадам Сунь Ят-сэн позвонила мне и сказала: «Мы все думаем, что было бы так приятно провести банкет в вашу честь прямо здесь, в вашем доме, а не в официальном ресторане в городе. Предприятия общественного питания уже здесь, и мы можем провести весь вечер вместе, как бы там ни было».

That evening the top officials arrived and many brought their children along. I sat at the head of the table next to the hero of the Chinese Revolution, Chiang Kai-shek, and the Foreign Minister, Eugen Chen. Madame Sun Yat-sen sat on the other end with her brother the Minister of Finance, and Michael Borodin. They made speeches and drank my health in wine, all except Chiang Kai-shek, who drank water. He also spoke no English. He just sat there and smiled. So I conversed mainly with Eugen Chen, a very cultured gentleman, educated in England, who had a good sense of humor.

\\

В тот вечер пришли высокопоставленные чиновники и многие привели своих детей. Я сидела во главе стола рядом с героем китайской революции Чан Кай-ши и министром иностранных дел Юджен Чен. Мадам Сунь Ят-сен сидела на другом конце с её братом, министром финансов и Михаилом Бородиным. Они произносили речи и все, кроме Чан Кай-ши, который пил воду, пили вино за моё здоровье. Он также не говорил по-английски. Он просто сидел там и улыбался. Поэтому я беседовала, в основном, с Евгением Ченом, очень культурным джентльменом, получившим образование в Англии, у которого было хорошее чувство юмора.

For this gala occasion, I wore a Chinese costume that I had bought in Peking on Silk Street, with a large jade pendant I had bought there on Jade Street. Both the long jacket and the trousers were of red silk. The loose-sleeved jacket was richly embroidered in white, blue, and gold. I considered it most appropriate and could not resist asking Eugen Chen whether he did not agree. In his clipped Oxford accent he said, "It is of course very lovely and all that, but ..."

"What is the matter with it? Is something wrong?" I inquired, taken aback.

"Well now, I really don't know what to say. Let me put it to you this way, my dear girl. Ah-h, suppose I had been given a banquet in Paris and turned up dressed as Louis XIV! Eh! It would be rather funny, wouldn't it? Ha, ha!"

\\

Для этого торжественного случая, я одела китайский костюм, который купила в Пекине, на Шёлковой улице, с большим нефритовой подвеской, которую я купила там же на Джейд-стрит. Длинная куртка и брюки были из красного шёлка. Куртка с короткими рукавами была богато вышита белым, синим и золотым. Я считала её наиболее подходящей и не могла устоять перед тем, чтобы спросить Евгения Чена, не согласится ли он с этим. На своём ломанном оксфордском акценте он сказал: «Это, конечно, очень мило и всё такое, но...» «В чём дело? Что-то не так?» - осведомилась я, ошеломлённая.

«Хорошо, теперь я действительно не знаю, что сказать. Позвольте мне сказать вам так, моя дорогая девочка. Ах-х, предположим, я пришёл на банкет в Париже, и оказался в одежде, как Людовик XIV! Эх! Было бы довольно забавно, не так ли? Ха, ха!"

I saw the joke when he explained that the Mandarin style had disappeared with the Manchu dynasty. To me, all Chinese clothes looked alike. Then I learned that the modern Chinese women no longer wore trousers nor tied their feet with bandages in childhood to stunt their growth. I too promised to reform and buy myself a modern Chinese dress. Only I could nowhere find one to fit me-the Chinese women are all as small as dolls.

\\

Я поняла шутку, когда он объяснил, что стиль мандарина исчез вместе с маньчжурской династией. Для меня вся китайская одежда выглядела одинаково. Затем я узнала, что современные китайские женщины больше не носили брюки и не связывали ноги бинтами в детстве, чтобы остановить их рост. Я тоже пообещала исправиться, и купить себе современное китайское платье. Только, я нигде не могла найти ничего, что могло бы подойти мне - все китайянки такие же маленькие, как куклы.

While the Russian and Chinese children amused themselves with parlor games after dinner, I had a long conversation with Borodin. I had met him before, in the summer of 1921 shortly after our arrival in Moscow. I remembered the occasion now. It was on a day in August, after we had settled in the dacha in Sparrow Hills (now called Lenin Hills). Isadora and I, simply clad in white tunics and sandals, had been wandering among the trees on the wooded heights above the river. Weary of our promenade, we sat on an open grassy slope near the stream.

\\

В то время как русские и китайские дети веселились в гостиной после обеда, я долго беседовала с Бородиным. Я встречала его раньше, летом 1921 года, вскоре после нашего прибытия в Москву. Я вспомнила тот случай.

Это было в августе, после того, как мы поселились на даче в Воробьевых горах (ныне называемых Ленинскими горами). Айседора и я, просто одетые в белые туники и сандалии, бродили среди деревьев на лесистых высотах над рекой. Утомленные нашей прогулкой, мы присели на открытом травянистом склоне у воды.

Soon several men in a rowboat appeared around the bend; and, apparently attracted by our white-clad figures, they moored their boat and climbed the slope toward us. They must have recognized Isadora, because they asked if they could take a snapshot of her. The chief of this little band was Borodin. Tall and dark and good-looking, he seemed more cultured than the others and was the only one who spoke English. We invited them to lunch at our dacha. We did not have much food, but Jeanne managed to rustle up a few eggs for an omelet and fresh tomatoes for a salad; and they, used to a diet of dried fish and hard black bread, considered it a lavish meal. We had never seen Borodin again, and I certainly had not expected to run across him in the middle of China. But here he was, and he had an interesting proposition to make.

\\

Вскоре на изгибе реки появились несколько человек в лодке; и, по-видимому, привлеченные нашими фигурами в белых платьях, они пришвартовали лодку и поднялись по склону к нам. Должно быть, они узнали Айседору, потому что они спросили, могут ли они сделать её снимок. Руководителем этой маленькой группы был Бородин. Высокий, тёмноволосый и красивый, он казался более культурным, чем другие, и был единственным, кто говорил по-английски. Мы пригласили их на обед на нашу дачу. У нас не было много еды, но Жанне удалось зажарить несколько яиц на омлет и свежие помидоры для салата; и они, привыкшие к рациону сушеной рыбы и твердого чёрного хлеба, считали это щедрой едой. Мы никогда не видели Бородина снова, и я, конечно, не ожидала встретить его в центре Китая. Но вот он, и у него было интересное предложение.

Would I, he wanted to know, consider giving up my performances at the theatre in the French concession-which was, after all, a symbol of colonialism in the eyes of any Chinese-to dance instead in the theatre in the native quarter? That was something no foreign artist had ever done. I readily consented, without giving it a second thought. The fact that for the last three months we had performed in every large city in China and not once for a purely Chinese audience, except in Hankow, was something I did not like. It did not seem fair. Why should the natives be forced to enter the hated foreign concessions in order to see the artists who came to their country?

"Bravo!" Borodin exclaimed. "You will have the distinction of being the first foreign artist to perform professionally in the Chinese quarter; outside the settlements, and in a Chinese, not European-style, theatre."

\\

Он хотел узнать, могу ли я подумать о том, чтобы отказаться от своих выступлений в театре во французской концессии, которая, в конце концов, была символом колониализма в глазах любого китайца, чтобы вместо этого потанцевать в театре в местном квартале? Это было то, чего не делал ни один иностранный артист. Я с готовностью согласилась, не задумываясь об этом. Тот факт, что в течение последних трёх месяцев мы выступали в разных крупных городах в Китае, и ни разу для чисто китайской аудитории, за исключением Ханькоу, и это было тем, что мне не нравилось. Это не казалось справедливым. Почему местные жители должны были вынуждены ходить в ненавистные иностранные концессии, чтобы увидеть артистов, которые приехали в их страну?

"Браво!" - воскликнул Бородин. «Вы будете выделяться тем, что станете первым иностранным артистом, профессионально выступившим в китайском квартале; за пределами населённых пунктов, и в китайском театре, а не в европейском стиле».

The population of Hankow was then about a million souls. And I don't think it too much of an exaggeration when I claim we must have danced for most of them! Borodin had warned me that the Chinese theatre was different from what I was accustomed to. Indeed it was! To begin with, the windows had only transparent paper to cover them, most of it torn to shreds; and cold blasts of air circulated through the auditorium, which seated several thousand people. A heating system was conspicuous by its absence.

\\

Население Ханькоу тогда составляло около миллиона душ. И я не думаю, что это слишком большое преувеличение, когда я утверждаю, что мы должны были танцевать для большинства из них! Бородин предупредил меня, что китайский театр отличается от того, к чему я привыкла. Это действительно так! Начнём с того, что на окнах была только прозрачная бумага, чтобы прикрыть их, большая же часть была разорвана в клочья; и холодные воздушные потоки циркулировали через зал, в котором сидели несколько тысяч человек. Система отопления была заметна своим отсутствием.

At the end of January it had started to snow, a freak of the weather this southern town had not experienced in thirty years. There was another inconvenience of a very serious sort-the theatre had no dressing rooms. The cold and the lack of dressing rooms may have been perfectly all right for the all-male Chinese performers, dressed in elaborate amounts of costume. But I and my girls needed a little privacy for disrobing and change of costumes, which consisted in the main of diaphanous scarves worn over bare limbs. Borodin made a long face when he noticed my disgust with the setup, afraid I would renege on the whole scheme. However, I decided to go through with it; which is my usual attitude when challenged.

\\

В конце января начался снег, причудливая погода, которую этот южный город не испытывал в течение тридцати лет. Было еще одно очень серьезное

неудобство - в театре не было раздевалок. Холод и отсутствие раздевалок, возможно, были совершенно нормальными для китайских исполнителей мужского пола, одетых в сложные костюмы. Но мне и моим девочкам нужно было немного уединения для раздевания и смены костюмов, которые состояли в основном из прозрачных шарфов, надетых на голые конечности. Бородин сделал длинное лицо, когда заметил моё отвращение к обстановке, боясь, что я откажусь от всей затеи. Однако я решила пройти через это; что является моей обычной позицией, когда мне бросают вызов.

Backstage we rigged up screens like small nooks, with braziers of hot coals inside to keep us from freezing. Even so, the cold was so severe that when the girls entered the stage singing, little spirals of steam could be seen escaping from their open mouths. No matter how energetically we moved about, our limbs seemed absolutely frozen. As for poor Moissei Borissovich, he insisted on wearing woolen gloves so he could play the rattling old upright box that no true musician would honor by the name of piano. None of us had ever experienced anything like it. We thought the extreme cold would keep the audience away. But no; they continued to pour into the theatre to full capacity at each and every show. They had, of course, nothing to worry about. The national costume is a padded suit and padded coat in which they sat, warm as toast, drinking-throughout the recital, if you please-pots of hot tea and eating sweet cakes.

\\

За кулисами мы установили экраны, такие маленькие уголки, с жаровнями горячих углей внутри, чтобы мы не замерзли. Тем не менее, холод был настолько сильным, что когда девушки выходили на сцену и пели, из их открытых ртов вырывались маленькие спирали пара. Независимо от того, насколько энергично мы двигались, наши конечности казались абсолютно замороженными. Что касается бедного Моисея Борисовича, он настоял на том, чтобы носить шерстяные перчатки, чтобы он мог играть в дребезжащую старую вертикальную шкатулку, которую ни один настоящий музыкант не почитит именем пианино. Никто из нас никогда не испытывал ничего подобного. Мы думали, что сильный холод будет держать зрителей подальше от театра. Но нет; они продолжали вливаться в театр на полную катушку на каждом спектакле. Им, конечно, не о чем было беспокоиться. Национальный костюм - это мягкий костюм и ватник, в котором они сидели, тёплые, как тосты, пили на протяжении всего концерта, если хотите, горшки с горячим чаем, и ели сладкие пирожные.

The Chinese theatre also boasts of no curtain or spotlights. While dancing I am usually unaware of the audience, for I am completely wrapped up in my interpretation of the music. Here this was impossible, no matter how much I tried to concentrate. On that Oriental music box, even Chopin-played by my pianist in woolen gloves-sounded Chinese. And out in the auditorium, lit up as bright as day, I heard the noise of constant chatter and saw the tea being served, while an occasional hot towel went flying through the air from customer to towel-vendor for the purpose-of all things!-of wiping sweat from the brow! To cap the whole incredible

performance (in which the public actually took a more prominent part than we, poor frozen dancers), they all-thousands of them-held up their thumbs and shouted "Ho!" instead of applauding at the end of a dance.

\\

Китайский театр также не может похвастаться ни занавесом, ни прожекторами. Во время танцев я, как правило, не вижу аудитории, потому что я полностью погружена в мою интерпретацию музыки. Здесь это было невозможно, как бы я ни старалась сосредоточиться. На этой восточной музыкальной шкатулке даже Шопен, которую играл мой пианист в шерстяных перчатках, звучал по-китайски. И в зале, освещенном ярким светом, как днём, я слышала шум постоянной болтовни, и видела, как подаётся чай, в то время как случайное горячее полотенце пролетало по воздуху от покупателя к продавцу полотенца всего для одной цели - вытереть пот со лба! В довершение всего невероятного представления (в котором публика на самом деле играла более заметную роль, чем мы, бедные замерзшие танцоры), они, тысячи из них, поднимали свои пальцы и кричали «Хо!» вместо того, чтобы аплодировать в конце танца.

No wonder we were complete wrecks at the finish of our engagement, which could have been prolonged indefinitely, because Borodin invited the various labor groups and army units to see the show free. A halt was called only because some army units mutinied, took over the entire theatre, and refused to quit and make room for others. They bivouacked there, and the riot squads had to be called out of the barracks before they evacuated the premises. With those fellows we had apparently made a smashing hit. The Chinese masses had never seen Occidental performers before, except in movies and, like shoo-fly pie, they simply couldn't "get enough of that wonderful stuff."

\\

Неудивительно, что на финише нашего ангажемента мы потерпели полное крушение, которое могло быть продлено на неопределенный срок, потому что Бородин пригласил различные рабочие группы и воинские части посмотреть шоу бесплатно. Остановка произошла только потому, что некоторые армейские подразделения взбунтовались, захватили весь театр, отказались уйти и освободить место для других. Там они устроили бивуак, и из казарм должны были быть вызваны отряды для наведения порядка, прежде чем они покинули помещение. С этими парнями мы, очевидно, нанесли сокрушительный удар. Китайские массы никогда раньше не видели западных исполнителей, кроме как в фильмах, и, как муха с пирогом, они просто не могли «получить достаточно этого замечательного материала».

But I decided we had had enough. And, undoubtedly leaving in our wake uncounted new adherents of the Duncan dance a l'Orientale, we bade farewell to our friendly hosts. But here, too, Oriental style had to be observed. Madame Sun entertained me at tea, presenting me with a pretty Chinese-embroidered shawl in the Imperial color of the celestial kingdom-bright yellow-symbolizing the heavenly orb. I still have it.

\\

Но я решила, что с нас хватит. И, несомненно, оставив после себя бесчисленных новых приверженцев танца Дункан в Восточной провинции, мы попрощались с нашими дружелюбными хозяевами. Но и здесь нужно было соблюдать восточный стиль. Мадам Сан [на прощание] развлекла меня за чаем, подарив мне симпатичную шаль с китайской вышивкой в царском цвете небесного царства - ярко-жёлтом, символизирующим небесный шар. У меня она всё ещё хранится.

Then there was the governor of the province, who extended us a farewell feast of thirty-five courses-all Chinese. It started off with a hot, steaming shark-fin stew, prepared by his own hands at the table. Seeing those bleeding pieces of fish drop into the pot one by one had an effect the opposite of raising my appetite. The various Oriental dishes followed one another in slow procession, including such choice morsels as hundred-year-old eggs that gave off enough ammonia fumes for a general gas attack. Everything was eaten with chopsticks out of tiny, transparent porcelain bowls. This went on for hours with nothing to drink but green tea. To my Occidental palate, these dishes were repulsive; I could not swallow a single bit, never knowing whether it was a slice of chow dog or worse. I raised my chopsticks dutifully and pretended to taste each course as it was set before me, but not a wee morsel passed my lips. Finally, at the end, the servants brought in large wooden bowls filled to overflowing with snow-white rice, every kernel separate, just the way I like it. My face lit up; I smacked my lips. Starving for some sustenance after a three-hour wait, I was about to raise my chopsticks and dig in with relish, when someone rudely kicked me under the table.

\\

Затем был губернатор провинции, который продлил нам прощальный праздник из тридцати пяти [пищевых] экскурсов - все китайские. Всё началось с горячего, парящего тушеного мяса акулы, приготовленного своими руками за столом. Наблюдение за тем, как кровоточащие кусочки рыбы падают в горшок один за другим, имело эффект, противоположный моему аппетиту. Различные восточные блюда сменяли друг друга в медленном шествии, включая такие избранные кусочки, как столетние яйца, которые выделяли достаточно паров аммиака для общей газовой атаки. Все ели палочками из крошечных прозрачных фарфоровых мисок. Это продолжалось часами, когда нечего было пить, кроме зеленого чая. На мой западный вкус, эти блюда были отталкивающими; я не могла проглотить ни единого кусочка, никогда не зная, был ли это кусочек собаки чау-чау или хуже. Я покорно подняла палочки для еды и сделала вид, что пробую каждое блюдо так, как оно было до меня, но ни один кусочек не прошел мимо моих губ. Наконец, в конце, слуги принесли большие деревянные чаши, заполненные до отказа белоснежным рисом, каждое ядро отдельно, как мне нравится. Моё лицо озарилось; я чмокнула губами. Голодная после трёхчасового ожидания, я уже собиралась поднять палочки для еды и с наслаждением раскопать [эту гору], когда кто-то грубо пнул меня под столом.

I turned to my neighbor, Michael Borodin, and whispered, "What's the matter?" He shook his head and whispered back, "Don't eat it!" I turned pale, thinking it might be poisoned; such things have happened at Oriental courts, I knew from reading history. "I like rice, and what's more I am starving!" I whispered, fiercely determined to eat something at this gorgeous feast. He reached for my arm and held onto it so I wouldn't commit a grave breach of protocol.

"It's not proper. The host will be gravely offended if, after a dinner of the finest Chinese food, his guests are hungry enough to eat such common, every-coolie's-staple as rice."

\\

Я повернулась к моему соседу, Михаилу Бородину и прошептала: «Что случилось?» Он покачал головой и прошептал: «Не ешь!» Я побледнела, думая, что это может быть отравлено; такие вещи случались в восточных судах, я знала из истории чтения.

«Мне нравится рис, и я всё ещё голодна!» - прошептала я, отчаянно пытаюсь что-то съесть на этом великолепном празднике. Он потянулся к моей руке и держался за неё, чтобы я не совершила серьезного нарушения протокола.

«Это не правильно. Хозяин будет серьезно обижен, если после ужина с лучшими китайскими блюдами его гости будут достаточно голодны, чтобы есть такую обычную еду, как рис, которую едят простые кули [название низшей касты, - многочисленный китайский и малайский пролетариат - носильщики, грузчики, возчики, чернорабочие]».

"Then why do they serve it?"

"Ah, that is a curious Oriental ceremony having to do with polite manners," he said; and as we got up from the table he added with tongue in cheek, "Now, if you really want to show your gratitude and appreciation of the excellent meal your kind host has offered you, give a good, loud, resounding belch!"

"What with?" I retorted petulantly. "I haven't eaten anything."

"No matter, do it anyway. It is a great compliment. Nothing delights a Chinese host more."

\\

«Тогда почему они подали его?»

«Ах, это любопытная восточная церемония, связанная с вежливыми манерами», - сказал он; и когда мы встали из-за стола, он добавил языком в щеку: «Теперь, если вы действительно хотите выразить свою благодарность и признательность за отличную еду, которую предложил ваш добрый хозяин, произнесите хорошую, громкую, звучную отрыжку!»

«Что-о?» - раздраженно ответила я. «Я ничего не ела».

«Неважно, сделайте это в любом случае. Это отличный комплимент. Ничто больше не радует китайского хозяина».

"After you, Sire," I said and laughed. "Men come before women in China." But he too would have no part of this particular Oriental protocol. And so I rose as hungry as I had sat down at the governor's banquet in my honor.

\\

«После тебя, Сир», - сказала я и рассмеялась. «Мужчины приходят перед женщинами в Китае». Но он тоже не был частью этого восточного протокола. И поэтому я поднялась из-за стола такой же голодной, как когда я села на банкет губернатора в мою честь.

On the morning of departure, a large delegation of men and women, representing different organizations, appeared at our house on the outskirts of town, where for the last six weeks we had lived as guests of the Kuomintang government. They presented us with various painted silk scrolls and other gifts on behalf of the Chinese people. There was also a letter from the Foreign Minister:

\\

В утро отъезда, в нашем доме на окраине города, появилась большая делегация мужчин и женщин, представляющая различные организации, где в течение последних шести недель мы жили как гости гоминьданского правительства. Они представили нам различные расписанные шёлковые свитки и другие подарки от имени китайского народа. Было также письмо министра иностранных дел:

Palace Yian-cen, Hankow

February 6, 1927

Dear Miss Duncan:

In the name of our Chinese comrades I wish to express to you and the pupils of your school, our great appreciation of the unique work and the beauty of your dancing, which you have shown us during the period of your sojourn in Hankow.

You have not only brought us a cultural form new to our people, but have also enriched our vision, and you have demonstrated that your art expresses in movement all the natural energies that create joy and beauty.

Very cordially yours, Eugen Chen

\\

Дворец Ян-сен, Ханькоу

6 февраля 1927 г.

Дорогая мисс Дункан:

Во имя наших китайских товарищей я хочу выразить вам и ученикам вашей школы нашу огромную благодарность за уникальную работу и красоту ваших танцев, которые вы показали нам в период вашего пребывания в Ханькоу.

Вы не только принесли нам новую культурную форму для нашего народа, но также обогатили наше видение, и вы продемонстрировали, что ваше искусство выражает в движении все природные энергии, которые создают радость и красоту.

Очень сердечно, ваш Евгений Чен

I was grateful for their warm appreciation and felt that all of us-dancers, pianist, managers, chaperone, and maid alike had bravely fulfilled the difficult assignment for which the Soviet government had sent us to Hankow.

\\

Я была благодарна за их тёплую признательность и почувствовала, что все мы - танцоры, пианисты, менеджеры, сопровождающие и горничная одинаково смело выполнили сложное задание, с которым советское правительство отправило нас в Ханькоу.

[326], p.300-308 * DUNCAN DANCER * Return to Moscow *

-=20=-

Return to Moscow **Возвращение в Москву**

For our voyage down the Yangtze-Kiang to Shanghai, the first lap of our trip, we boarded a Russian boat that had come to Hankow to take on a cargo of black tea. We made the return trip in far greater comfort. Several Chinese friends accompanied us, as did Mrs. Borodin, with her son Norman. She told me she was seeing her twelve-year-old boy off in Shanghai, where we were to take a steamer for Vladivostok. She asked me to see that he got safely on the train there for Moscow, where he would go back to school. I promised to do so. This seemingly simple circumstance was to play an important part in the life of Fanny Borodin, who was soon to make the headlines the world over. I must here tell the story and the key part I played in that drama, details of which have up till now not been revealed.

\\

Для нашего путешествия по Янцзы-Киангу в Шанхай, на первом круге нашего путешествия, мы сели на российскую лодку, которая прибыла в Ханькоу, чтобы взять груз чёрного чая. Мы совершили обратную поездку в гораздо большем комфорте. Несколько китайских друзей сопровождали нас, как и миссис Бородина, с её сыном Норманом. Она сказала мне, что провожает своего двенадцатилетнего мальчика в Шанхай, где мы должны были пересесть на пароход во Владивосток. Она попросила меня убедиться, что он благополучно сел на поезд в Москву, куда он вернётся в школу. Я обещала сделать это. Это, казалось бы, простое обстоятельство должно было сыграть важную роль в жизни Фанни Бородиной, которая вскоре должна была попасть в заголовки газет по всему миру. Здесь я должна рассказать историю и ключевую роль, которую я сыграла в этой драме, детали которой до сих пор не раскрыты.

On our way to Shanghai, while the Chinese civil war was still raging, we got word that the enemy army led by Chang Tso-lin had captured Nanking. This news threw everyone aboard into a panic. My panic was the more terrifying since I remembered my categorical refusal to dance for his army and naturally feared the very worst of fates from his hands in revenge. Before reaching Nanking we stopped several miles

upstream to wait for nightfall. Under the protection of a heavy February fog and with all lights extinguished, we silently slipped past the enemy foothold and got safely away, to our enormous relief. What might actually have happened to any of us if we had fallen into enemy hands can be seen by what did happen to Mrs. Borodin-or Mrs. B. as she begged me to call her, being afraid to mention her full name.

\\

По пути в Шанхай, пока китайская гражданская война всё ещё бушевала, мы получили сообщение о том, что вражеская армия во главе с Чжан Цзолином захватила Нанкин. Эта новость повергла всех нас в панику. Моя паника была более ужасающей, так как я вспомнила свой категорический отказ танцевать за его армию и, естественно, боялась в отместку самой ужасной судьбы из его рук. Перед тем, как доехать до Нанкинга, мы остановились в нескольких милях вверх по течению, чтобы дождаться наступления темноты. Под защитой сильного февральского тумана и со всеми потушенными огнями мы тихо проскользнули мимо вражеской базы и благополучно ушли к нашему огромному облегчению. Что на самом деле могло случиться с любым из нас, если бы мы попали в руки врага, можно увидеть по тому, что случилось с миссис Бородин или миссис Б., когда она умоляла меня позвонить ей, боясь назвать своё полное имя.

On her return trip to Hankow, sometime in March I believe, she was captured and turned over to Chang Tso-lin. The irate bandit wanted to strangle her on the spot, ostensibly as a spy, but was dissuaded from taking so drastic an action. After languishing in prison for months, she was finally brought to trial in the war lord's stronghold, Peking. They tried her and found her guilty. The usual punishment for that crime was beheading, but because she was a foreigner and a woman they were

going to give her an aristocrat's death without spilling any blood. She was to die by either strangulation or drowning. Her defense attorney, A. I. Kantorovich, did everything in his power to free her, offering bribes right and left, all to no avail. The affidavits from Moscow in her defense proved to be mere scraps of paper as far as the Chinese court was concerned. They needed something more credible than that: an affidavit as to her reason for going to Shanghai in the first place, coming from an impartial source. Fanny immediately thought of me, but hesitated to drag me into this mess on account of my future career. The presiding judge had accepted the bribe, a big one; all he needed to release her was my affidavit. Her life depending on the outcome, they very reluctantly got in touch with me. I was then in Paris.

\\

Я полагаю, что когда она возвращалась в Ханькоу, где-то в марте, её схватили и передали Чан Цо-линю. Разъяренный бандит хотел задушить её на месте, якобы как шпиона, но его отговорили от столь решительных действий. После нескольких месяцев томления в тюрьме она, наконец, предстала перед судом в крепости военачальника, в Пекине. Они судили её и признали виновной. Обычным наказанием за это преступление было обезглавливание, но, поскольку она была иностранкой и женщиной, они собирались предоставить ей смерть аристократа, не пролив никакой крови. Она должна была умереть от удушения или утопления. Её адвокат А.И.Канторович делал всё возможное, чтобы освободить её, предлагая взятки направо и налево, но всё безрезультатно. С точки зрения китайского суда письменные показания Москвы в её защиту оказались просто клочками бумаги. Им нужно было нечто более заслуживающее доверия, чем это: показания под присягой в отношении причины её поездки в Шанхай, в первую очередь, из беспристрастного источника. Фанни сразу подумала обо мне, но не решалась втянуть меня в этот беспорядок из-за моей будущей карьеры. Председательствующий принял большую взятку; и всё, что ему было нужно, чтобы освободить её, - это мои показания под присягой. Её жизнь, в зависимости от исхода, они очень неохотно связывали со мной. Я была тогда в Париже.

I had absolutely no knowledge of any of this, because the Russian papers and their system of suppressing news inimical to the Communist Party or any of its members carried nothing about Borodin's story. It came as a complete surprise. I did not hesitate to sign the affidavit proving that she had seen her son off to Russia in Shanghai. This document, which I was supposed to hand to the Chinese Ambassador in Paris, and a cable sent in my name direct to Peking, apparently effected her release. The judge acquitted her, and he, as well as Fanny Borodin, instantly vanished off the face of the earth. Chang Tso-lin flew into a rage, turning Peking upside down to find the escaped prisoner, but she remained in hiding for months before starting her home-ward journey in disguise.

\\

Я абсолютно ничего не знала об этом, потому что российские газеты и их система подавления новостей, враждебных Коммунистической партии или её членам, не имели ничего общего с историей Бородиной. Это стало полной

неожиданностью. Я без колебаний подписала письменные показания, подтверждающие, что она провожала сына в Россию через Шанхай. Этот документ, который я должна была передать китайскому послу в Париже, и телеграмма, отправленная от моего имени прямо в Пекин, очевидно, повлияли на её освобождение. Судья оправдал её, и она, как Фанни Бородина, мгновенно исчезли с лица Земли. Чан Цо-лин впал в ярость, перевернув Пекин вверх дном, чтобы найти сбежавшую заключенную, но она скрывалась в течение нескольких месяцев, прежде чем отправилась в скрытое путешествие домой.

I saw her again in Moscow. In the interim of her imprisonment, the revolutionary movement in Hankow collapsed through a counter-revolution led by one of their generals. Madame Sun Yat-sen, Eugen Chen and his family, and Borodin scattered to the four winds. They eventually also ended up in Moscow, where I encountered them all once more, and Eugen Chen's daughter became my first Chinese pupil. Fanny Borodin told me the story of her escape, saying, "I am writing a book about my experiences. But don't worry, I won't mention your name or the important part you played in effecting my rescue. As a matter of fact, you did save my life, and I am eternally grateful. That must remain a secret between ourselves, for two reasons. You see, my husband has failed in his mission, and the government is keeping us under house arrest. We are to speak to no one and see no one. You are the only exception. And then there is your career to think of. The less said about this, the better. You understand, don't you?"

\\

Я видела её снова в Москве. В период её заключения революционное движение в Ханькоу рухнуло в результате контрреволюции во главе с одним из их генералов. Мадам Сунь Ят-сен, Евгений Чен, его семья и Бородин разбежались по четырём ветрам. В конце концов, они также оказались в Москве, где я снова встретила их всех, и так дочь Евгения Чена стала моей первой китайской ученицей. Фанни Бородина рассказала мне историю своего побега, сказав: «Я пишу книгу о своем опыте. Но не волнуйтесь, я не буду упоминать ваше имя или важную роль, которую вы сыграли в оказании мне помощи. На самом деле, вы спасли мою жизнь, и я буду вечно вам благодарна. Это должно оставаться секретом между нами по двум причинам. Видите ли, мой муж потерпел неудачу в своей миссии, и правительство держит нас под домашним арестом. Мы ни с кем не разговариваем и не видимся. Вы - единственное исключение. И притом, вам нужно подумать о своей карьере. Чем меньше об этом сказано, тем лучше. Вы понимаете, не так ли?»

I failed to see where my personal career as an artist had anything to do with it. All I did was tell the truth as I knew it to be when asked about her whereabouts on a given date. I never saw either of them again. That chapter in the book of my life was closed.

\\

Я не смогла понять, где моя личная карьера артистки как-то связана с этим. Всё, что я сделала, это сказала правду, как я знала, когда меня спросили о её

местонахождении в определенный день. Я никогда не видела ни одного из них снова. Эта глава в книге моей жизни была закрыта.

Vladivostok 1927

We landed in Vladivostok at the end of February 1927. To the Russian people in those early years of Communist rule, anyone returning from abroad of his own free will, after having tasted freedom, appeared as strange and marvelous as some weird animal in the zoo. Since we had been zagranitsa, as they call it, the public looked at us in amazement. The local theatrical managers refused to let us slip by without cashing in on the occasion. We obtained a two-week engagement from them with a financial guarantee. That was quite an ambitious undertaking on their part, considering we had played that length of time in Vladivostok before our departure in September. But we had not reckoned with their ingenuity.

\\

Мы приземлились во Владивостоке в конце февраля 1927 года. Для русских людей в те первые годы коммунистического правления каждый, кто возвращался из-за границы по собственной воле, испытав свободу, казался таким же странным и изумительным, как какое-то странное животное в зоопарке. Поскольку мы были «заграницей», как они это называют, публика смотрела на нас с удивлением. Местные театральные менеджеры не захотели упускать нас, без обналичивания по такому случаю. Мы получили от них двухнедельный ангажемент с финансовой гарантией. Это было довольно амбициозное начинание с их стороны, учитывая, что мы провели этот отрезок времени во Владивостоке до нашего отъезда в сентябре. Но мы не рассчитывали на их изобретательность.

They came to me one morning and asked me whether I would consent to an exhibition of our trophies and purchases in the foyer of the theatre. I had no objection. However, they didn't stop with our trophies and Chinese souvenirs. They persuaded me to exhibit every dress and hat and piece of silk underwear, including stockings, that I had bought; even such silly items as powder compacts, lipsticks, and perfume, of which I had brought along a considerable supply, knowing the total dearth of such commodities in Russia. I laughed out loud and exclaimed, "You must be joking!" "Nyet! Nyet!" they said and assured me to the contrary.

\\

Они пришли ко мне однажды утром и спросили меня, соглашусь ли я на выставку наших трофеев и покупок в фойе театра. У меня не было возражений. Однако они не останавливались на наших трофеях и китайских сувенирах. Они убедили меня показать каждое платье, шляпу и кусок шёлкового нижнего белья, включая чулки, которые я купила; даже такие глупые вещи, как пудреницы, помады и духи, которых у меня было много, зная об общем дефиците таких товаров в России. Я громко рассмеялась и воскликнула: «Вы, должно быть, шутите!» «Нет! Нет!» сказали они и заверили меня в обратном.

How right they were in estimating the avid interest in for- eign goods by the average citizen was proved the night of our first performance. The audience could not be torn away from the exhibit in the outer foyer, and had to be coaxed back into their seats again. I was so delighted with this opportunity of engaging in a bit of effective propaganda in reverse, by showing off the sorts of goods available to all the people on the "other side," that I gladly agreed to Schneider's suggestion that we stop over on our way home at all the larger centers-Khabarovsk, Chita, Blagovyeshchensk, Irkutsk, Krasnojarsk, Tomsk, Omsk, etc., right into Moscow. We would, as he put it in the Russian equivalent, "clean up" and return solvent. This plan was fouled up by an order from the Narkompross to come home immediately. The children, absent from school for seven months, had to make up their curriculum for that academic year. It never occurred to the wise Big Brothers in the Kremlin that the children had learned more, had gained a broader outlook on the world by traveling, than through all the Marxist-doctored books at school. But, having once more set foot on Soviet soil, we had to obey.

\\

Насколько они были правы в оценке страстного интереса к иностранным товарам со стороны рядового гражданина, было доказано в ночь нашего первого представления. Публику не возможно было оторвать от экспонатов во внешнем фойе, и их несколько раз пришлось уговаривать пройти обратно на свои места. Я была так рада этой возможности участвовать в небольшой эффективной пропаганде, в обратном порядке, демонстрируя виды товаров, доступные всем людям «с другой стороны», что я с радостью согласилась с предложением Шнейдера, чтобы мы сделали остановки на нашем пути домой во всех крупных центрах - Хабаровске, Чите, Благовещенске, Иркутске, Красноярске, Томске, Омске и т.д., прямо в Москву. Мы бы, как он выразился в русском эквиваленте, «очистились бы» и вернули платежеспособность. Этот план был сорван приказом Наркомпросса немедленно вернуться домой. Дети, отсутствовавшие в школе в течение семи месяцев, должны были составить свою учебную программу на этот учебный год. Мудрым Большим братьям в Кремле никогда не приходило в голову, что дети узнали больше, когда путешествовали по миру, шире, чем через все учебники марксизма в школе. Но, снова ступив на советскую землю, мы должны были повиноваться.

Stopping over for a couple of days in Khabarovsk, where we had already been booked in advance and could not break the date, I had the oddest experience. The temperature in the middle of March was down to forty below zero. The snow lay foot-high all over this city on the Amur, named after a hetman of the Cossacks. In front of my hotel the statue of the founder, Count Mouraviev-Amoursky, was invisible under his mantle of snow. Siberia, so warm in August, when the rich black earth was yielding a golden harvest on our eastward trip, now showed itself in its true colors. For this is how it looks the larger part of the year-an icy, frozen waste, unrelieved by tree or bush. This is the home of the ermine and the elusive sable. The houses are log cabins with double windows sealed against the deadly cold.

\\

Остановившись на пару дней в Хабаровске, где мы уже были забронированы заранее, и не смогли назначить дату, у меня был самый странный опыт. Температура в середине марта снизилась до сорока ниже нуля. По всему городу на Амуре, по имени гетмана казаков, лежал снежный покров. Перед моим отелем, статуя основателя графа Муравьева-Амурского была невидима под его мантией снега. Сибирь, такая тёплая в августе, когда богатая чернозёмная земля приносила золотой урожай во время нашего путешествия на восток, теперь показала себя в своих истинных цветах. Ибо так выглядит большая часть года - ледяные, замороженные глыбы, не уложенные деревом или кустарником. Это дом горноста и неуловимого соболя. Дома представляют собой бревенчатые хижины с двойными окнами, защищенными от смертельного холода.

The hotel offered its guests unusual comforts and warmth. I had a big room, whose main feature of attraction in that arctic climate was the white porcelain stove reaching to the ceiling in one corner of the room, so situated that servants could easily stoke it from the corridor outside.

\\

Отель предложил своим гостям необычные удобства и тепло. У меня была большая комната, главной особенностью которой, в этом арктическом климате, была белая фарфоровая печь, достигающая потолка в одном углу комнаты, расположенная так, что слуги могли легко растопить её из коридора снаружи.

The hour was nearly midnight on the seventeenth of March when it happened. I had retired early after my performance; I usually liked to stay up late, being too keyed up to go to sleep. Lying stretched out on the bed in my nightgown, ready to turn off the light, I was suddenly overcome by a choking sensation. Gasping for breath, I rushed to the window for air. Because the double window was sealed tight, I had to climb up onto the sill in order to open the small ventilator that was just large enough to push my head through. At that moment Elisaveta Gregorievna entered my room to bid me good night. When she saw me sticking my head out the window ventilator, while the temperature hovered near forty below, she called out in alarm, "Why Irmushka! What is the matter with you! Are you ill?"

\\

Был почти час ночи 17 марта, когда это случилось. Я вернулась рано после моего выступления; мне обычно нравилось ложиться спать поздно, будучи слишком взволнованной, чтобы заснуть. Лежа, растянувшись на кровати в моей ночной рубашке, уже готовая выключить свет, как меня внезапно охватило удушье. Задыхаясь, я бросилась к окну за воздухом. Поскольку двойное окно было плотно закрыто, мне пришлось подняться на подоконник, чтобы открыть небольшую форточку, которая была достаточно большой, чтобы протолкнуть туда свою голову. В этот момент, в мою комнату вошла Елизавета Григорьевна, чтобы пожелать мне спокойной ночи. Когда она увидела, что я высунула голову

из оконной форточки, а температура находилась несколько ниже сорока, она в тревоге крикнула: «Почему Ирмушка! Что с тобой случилось? Ты заболела?»

"I can't breathe," I gasped, and tried to inhale the icy air.

"Come right down from there, you'll catch pneumonia!" she commanded in her most professional accents as a nurse. I meekly obeyed, feeling suddenly quite normal again. But she insisted on getting a servant to inspect the stove for any possible coal fumes, which could have been dangerous. All was in order.

"I hope you are not coming down with anything serious," she said, and took my temperature. All was in order here too, and I assured her I felt fine and proved it by falling promptly to sleep.

\\

«Я не могу дышать», - выдохнула я, и попыталась вдохнуть ледяной воздух.

«Иди сюда, ты получишь пневмонию!» - она командовала своими профессиональными указаниями как медсестра. Я смиренно повиновалась, чувствуя себя снова совершенно нормальной. Но она настояла на том, чтобы слуга осмотрел печь на предмет возможных угольных испарений, которые могли быть опасными. Всё было в порядке.

«Надеюсь, у тебя не будет ничего серьезного», - сказала она и измерила мою температуру. Здесь тоже всё было в порядке, и я заверила её, что чувствую себя хорошо, и доказала это, быстро заснув.

I slept soundly until morning when a rap at my door woke me up. It was a telegram from my half-sister in Hamburg. "Mother died last night," the message said. That was all. Under these strange circumstances I learned that my dear mother had passed away. I did not associate my previous night's experience with this sad news. And I could not possibly get to Hamburg in time for her funeral.

\\

Я крепко проспала до утра, когда меня разбудил стук в дверь. Это была телеграмма от моей сводной сестры в Гамбурге. «Мать умерла прошлой ночью», - говорится в сообщении. Это всё. При этих странных обстоятельствах я узнала, что моя дорогая мама умерла. Я не связывала свой предыдущий вечер с этой печальной новостью. И я не могла добраться до Гамбурга вовремя на её похороны.

The Trans-Siberian Railway took eight days to reach Moscow, and no plane could be had. Nothing was quite so mournful as this long railway journey. It took the traveler through limitless steppes, empty of any sign of habitation, and passed for days on end through the taiga, a forest wilderness, much like our Middle West in flatness only more desolate in aspect. I was glad to get off the train in Moscow. It seemed I had been gone a lifetime.

\\

Транссибирская железная дорога заняла восемь дней, чтобы добраться до Москвы, а самолета не было. Ничто не было так печально, как это длинное железнодорожное путешествие. Оно провело путешественника по бескрайним степям, лишенным каких-либо признаков обитания, и целыми днями проходило через тайгу, лесную глушь, очень похожую на наш Средний Запад в

равнинности, только более пустынную по внешнему виду. Я была рада сойти с поезда в Москве. Казалось, я ехала всю свою жизнь.

Things had changed at 20 Pretchistenka during our long absence. Living quarters being at a premium, empty space filled up automatically, like water running into a ditch. I suppose because we had gone to China, the housing authorities thought it only natural that a group of Chinese students should occupy our space while we were away. Luckily, my room was still available, but my bathroom had been appropriated, the fixtures torn out, and a row of six toilets installed instead. I was so outraged that I complained to the most important official-Lunacharsky-and he as usual came to my assistance. .within two days I had my bathroom back intact. We discovered that the heavy snows of winter had caved in part of the tin-covered roof and that most of the money we had sent for the upkeep of our school had gone to make repairs. The government refused to allot funds for that purpose. It looked to me like a hopeless situation. How could I ever make any real progress in this country?

\\

Ситуация на Пречистенке 20 изменилась за время нашего долгого отсутствия. Жилые помещения, находящиеся в престижном месте, автоматически заполняются как пустое пространство, словно вода, стекающая в канаву. Полагаю, поскольку мы уехали в Китай, жилищные власти сочли вполне естественным, что группа китайских студентов должна занять наше место, пока нас нет. К счастью, моя комната была ещё свободна, но моя ванная комната была приспособлена под другие цели, арматуры были вырваны, и вместо них был установлен ряд из шести туалетов. Я была настолько возмущена, что пожаловалась самому важному чиновнику - Луначарскому - и он, как обычно, пришёл мне на помощь. В течение двух дней моя ванная была в целостности и сохранности. Мы обнаружили, что сильные снегопады зимой прогнули часть крыши, покрытой оловом, и что большая часть денег, которые мы отправили на содержание нашей школы, ушла на ремонт. Правительство отказалось выделить средства на эти цели. Это выглядело как безвыходная ситуация. Как я могла добиться какого-то реального прогресса в этой стране?

The old depression took hold of me again. And on top of all this, the sad news of mother's death made me feel low in mind and spirit. I had written to my married half-sister Anna Axen-who had told me about mother-and asked her to give me all the details she could. I found her letter when I got home. She described mother's funeral and went on to say:

\\

Старая депрессия снова охватила меня. И вдобавок ко всему, печальная новость о смерти матери заставила меня почувствовать слабость в сознании и духе. Я написала моей замужней сестре Анне Аксен, которая сказала мне о матери, и попросила её дать мне все подробные сведения. Когда я вернулась домой, я нашла её письмо. Она описала похороны матери и продолжила:

It all happened so fast and even for us it came quite unexpected. Only a fortnight ago mother herself walked to the hospital and the first eight days she seemed not to be very ill. She even joked with the nurses. But our dear mother had an old complaint, asthma and a weak heart, so the doctor said. At first we went to several specialists because she always complained about a pain in her throat but they could find nothing there.

\\

Всё происходило так быстро, и даже для нас это было совершенно неожиданным. Только две недели назад мать сама ходила в больницу, и первые восемь дней казалось, что она не очень больна. Она даже шутила с медсестрами. Но у нашей дорогой матери была старая жалоба, астма и слабое сердце, как сказал доктор. Сначала мы обратились к нескольким специалистам, потому что она всегда жаловалась на боль в горле, но они ничего не могли найти там.

On Wednesday last I visited her with my children. She was ever so glad when someone came to see her. It was then already very noticeable that her health had begun to fail. However, she talked a lot and when I came again the next day we talked about you. Once again I brought up the question of notifying you of her illness, but her express wish was that you should not be told. She would not hear of it. She repeated, as she had so often done, that you should have no worries. But she thought of you always and constantly nourished a great longing in her heart for her be-loved daughter, Irma.

\\

В прошлую среду я посетила её со своими детьми. Она была очень рада, когда кто-то приходил к ней. Тогда уже было очень заметно, что её здоровье начало ухудшаться. Тем не менее, она много говорила, и когда я пришла на следующий день, мы поговорили о тебе. Я снова подняла вопрос, чтобы уведомить тебя о её болезни, но она выразила желание, чтобы тебе не говорили. Она не хотела этого слышать. Она повторила, как она часто делала, что ты не должна беспокоиться. Но она всегда думала о тебе и постоянно питала огромное желание увидеться со своей любимой дочерью Ирмой.

She appeared very weak on Thursday morning. She said to me: "Oh Anna, how do I come to such suffering!" ... and then I had to open the window for her because her breath came too short

She said: "Take a chair and sit here beside me and keep quite still."

I took her hand in mine and she never let it go. We sat thus quietly for a long time, the stillness broken with an occasional moan, for mother was in her last agony.

The doctor came, and mother complained she could not swallow. He said he would fix that and gave her an injection. After that our dear mother gently breathed her last, she went to sleep never to wake again.

\\

Она выглядела очень слабой в четверг утром. Она сказала мне: «О, Анна, как мне прийти к таким страданиям!» ... а потом мне пришлось открыть окно для неё, потому что её дыхание стало слишком коротким...

Она сказала: «Возьми стул и сядь рядом со мной и не двигайся».

Я взяла её руку в свою, и она не отпускала её. Таким образом, мы долго сидели тихо, тишина нарушалась изредка стоном, потому что мать была в последней агонии.

Пришёл доктор, а мама пожаловалась, что не может глотать. Он сказал, что исправит это, и сделал ей укол. После этого наша дорогая мама нежно вдохнула в последний раз, - она заснула, чтобы больше не проснуться.

When I read the sentence "I had to open the window for her because her breath came too short," my mind instantly flashed back to that hotel room in Siberia and how I suddenly opened the small window, gasping for breath the day mother died. And then I knew it had been a premonition, for there was nothing physically the matter with me. Some strange, supernatural manifestation had taken hold of me-what is known as a psychic experience, to prepare me for the shock that was to follow. I made preparations to leave for Hamburg and settle mother's small estate. In the meantime I wrote another letter to my sister and in due course received an answer from her. She said:

\\

Когда я прочитала фразу «мне пришлось открыть окно для неё, потому что у неё слишком короткое дыхание», мой разум тут же мгновенно вернулся обратно, в тот гостиничный номер в Сибири, и как я внезапно открыла маленькое окно, задыхаясь, когда умерла мать. И тогда я поняла, что это было предчувствие, потому что со мной ничего физически не было. Некоторое странное сверхъестественное проявление овладело мной - так называемый психический опыт, чтобы подготовить меня к потрясению, которое должно было последовать. Я приготовилась к отъезду в Гамбург, и поселилась в небольшом поместье матери. Тем временем я написала ещё одно письмо моей сестре, и со временем получила от неё ответ. Она рассказала:

I am so glad to know that you are safely back in Moscow from your long oriental tour. Here at home, we have always followed your travels on the map because this interested mother enormously. She used to subscribe to a magazine, and last winter there was much written about Siberia and China with many illustrations. She used to tell me about these countries and remark how much better she could now visualize what your surroundings looked like.

\\

Я была так рада узнать, что вы благополучно вернулись в Москву после долгого восточного тура. Здесь, дома, мы всегда следили за вашими путешествиями по карте, потому что это интересовало мать чрезвычайно. Она подписалась на журнал, и там прошлой зимой было много написано о Сибири и Китае с множеством иллюстраций. Раньше она рассказывала мне об этих

странах и замечала, насколько лучше она теперь может представить себе, как выглядят ваши окрестности.

Yes, dear sister, as you mentioned in your letter, you really have lost a very devoted and self-sacrificing mother. She wept bitter tears because of her longing for you, her only child. She loved to pour her heart out to me since I too, in a way, was her child, not having known any other mother but her. I was only five years old when she came to us and took care of me after my own mother died. Her life then was not an easy one, but she always looked towards the future with optimism hoping for better days.

\\

Да, дорогая сестра, как ты упомянула в своём письме, ты действительно потеряла очень преданную и самоотверженную мать. Она плакала горькими слезами из-за её тоски по тебе, её единственного ребёнка. Она любила изливать мне своё сердце, так как я тоже, в некотором роде, была её ребёнком, не знавшим ни одной другой матери, кроме неё. Мне было всего пять лет, когда она пришла к нам и позаботилась обо мне, после смерти моей матери. Её жизнь тогда была нелегкой, но она всегда смотрела в будущее с оптимизмом, надеясь на лучшие дни.

I often tell my own children about grandmother and her struggles in life and the cross she had to bear. And how sad that in her last years, just when things looked brighter for her, she, poor soul, had to leave us. You must have received her last letter written on her birthday February 18th, when we all spent the day together. She got so many presents and flowers and seemed so happy and gay. She even indulged in all sorts of nonsense with the children. My own little Irma had crocheted the edge of a handkerchief for her grandmother. This gave mother so much pleasure she told her: "This lovely handkerchief I'll take with me into my grave." And four weeks later she was dead. How strange life is!

\\

Я часто рассказываю своим детям о бабушке, её жизненной борьбе и о кресте, который она должна была нести. И как грустно, что в последние годы, когда ей казалось, что она выглядит лучше, ей, бедной душе, пришлось покинуть нас. Ты, должно быть, получила её последнее письмо, написанное в день её рождения 18 февраля, когда мы все провели день вместе. Она получила так много подарков и цветов, и казалась такой счастливой и весёлой. Она даже баловалась всякой ерундой с детьми. Моя маленькая Ирма сплела крючком кайму платка. Это доставило маме столько удовольствия, что она сказала ей: «Этот прекрасный платок я возьму с собой в могилу». И через четыре недели она была мертва. Какая странная жизнь!

I visited mother's grave when I went to Hamburg. She loved flowers. All her life some pots of cactus or geraniums filled her kitchen windows. I planted roses on her last resting place. I left everything she owned to my sisters and kept only her photograph—a picture of her taken long before I was born, of the young woman I never knew.

\\

Когда я приехала в Гамбург, я посетила могилу матери. Она любила цветы. Всю её жизнь горшки с кактусом или геранью заполняли её кухонные окна. Я посадила розы на её последнее место отдыха. Я оставила всё, что она имела, моим сестрам, и сохранила только её фотографию - её портрет, сделанный задолго до моего рождения, - молодой женщины, которую я никогда не знала.

"The young woman I never knew." Irma's mother, photographed years before her marriage.

"The young woman I never knew."
Irma's mother, photographed years before her marriage.

-=21=-

Finale

Финал

IN JUNE, as soon as my visit with my relatives had ended, I intended to go straight back to Moscow where pressing work awaited me. And if it had not been for a letter from Lisa, who was then dancing in Brussels, telling me of Isadora's performance scheduled for the end of June at the Trocadero, I would never have seen my foster mother again. That small inner voice, which I so seldom heeded, told me quite plainly to drop everything and go to Paris. This time I obeyed. I had some curious premonition that this might be the last time Isadora would dance in public. There was no particular reason for this notion. In her forty-ninth year Isadora was still in good form-a little too stout, perhaps, but otherwise strong and healthy. She could easily count on several more years of artistic activity, sustained as she was by world-wide fame.

\\

В июне, как только мой визит к родственникам закончился, я собиралась вернуться прямо в Москву, где меня ждала напряженная работа. И если бы не было письма от Лизы, которая тогда танцевала в Брюсселе, рассказывающей мне о выступлении Айседоры, запланированном на конец июня в Трокадеро, я бы никогда больше не увидела мою приёмную мать. Этот тихий внутренний голос, к которому я так редко прислушивалась, прямо сказал мне бросить всё и отправиться в Париж. На этот раз я подчинилась. У меня было любопытное предчувствие, что это может быть последний раз, когда Айседора будет танцевать на публике. Для этого ожидания не было особой причины. В свой сорок девятый год Айседора была всё ещё в хорошей форме - возможно, слишком полная, но в остальном сильная и здоровая. Она могла легко рассчитывать на ещё несколько лет артистической деятельности, которая приветствовалась по всему миру.

When I arrived in Paris, I had not the slightest idea where to find her. Our correspondence had stopped completely. Except for a wire from her when my mother died, saying, "Deepest sympathy, planning school you, me, Trocadero," sent from Paris, I had no knowlege of her whereabouts. I stayed at a small hotel just off the Rue St. Honore near the Elysee Palace. The first thing I did was to consult the papers and affiches on the street corners, hoping to find an advertisement of the performance. There was nothing. Just by chance, strolling about in the lovely June sunshine and breathing Parisian air I had missed for so long, I ran into a friend I had not seen since leaving America. Alfred Sides was able to tell me all about Isadora.

\\

Когда я приехала в Париж, у меня не было ни малейшего понятия, где её найти. Наша переписка полностью прекратилась. За исключением телеграммы от неё, когда умерла моя мать, где было сказано: «С глубокой симпатией, я планирую

школу, Трокадеро», присланный из Парижа, я не знала ничего о её местонахождении. Я остановилась в небольшом отеле недалеко от улицы Сент-Оноре, возле Елисейского дворца. Первым делом, я проконсультировалась с газетами и афишами на улицах, надеясь найти рекламу спектакля. Там ничего не было. Совершенно случайно, прогуливаясь под прекрасным июньским солнцем и вдыхая парижский воздух, по которому я так долго скучала, я столкнулась с другом, которого не видела с тех пор, как покинула Америку. Альфред Сайдс смог рассказать мне всё об Айседоре.

Since her renpuexала turn to Paris from Nice, a committee of friends, with Fredo Sides as chairman, had attempted to collect funds and buy back her former residence in Neuilly when it came up for auction a second time. Madame Cecile Sartoris acted as treasurer. With the aid of the French newspaper Comedia and the Paris edition of the New York Herald, a public subscription was started, and the committee also received gifts of works of art, which were to be auctioned off to aid the fund. The idea was to turn the house into an Isadora Duncan Memorial School, where she could live for the rest of her life. Afterwards, it would be turned over to the French government, which would carry it on to perpetuate her name and ideals in the future.

Unfortunately, nothing came of it. And I doubt very much that Isadora would have liked to return to that house of tragedy, haunted by the spectres of her dead children.

\\

С тех пор, как она переехала в Париж из Ниццы, комитет друзей, председателем которого был Фредо Сайдс, попытался собрать средства и выкупить её прежнюю резиденцию в Нейи, когда она появилась на аукционе во второй раз. Мадам Сесиль Сарторис исполняла обязанности казначея. С помощью французской газеты «Комедия» и парижского издания «Нью-Йорк Геральд» была начата публичная подписка, и комитет также получил подарок произведения искусства, которые должны были быть проданы с аукциона, чтобы помочь фонду. Идея состояла в том, чтобы превратить дом в Мемориальную школу Айседоры Дункан, где она могла бы прожить всю оставшуюся жизнь. После этого оно будет передано французскому правительству, которое продолжит его, чтобы увековечить её имя и идеалы в будущем. К сожалению, ничего не вышло. И я очень сомневаюсь, что Айседора хотела бы вернуться в этот дом трагедии, преследуемый призраками её мёртвых детей.

Fredo told me that she was living in a studio-apartment on the Rue Delambre, in the Montparnasse district. It was a duplex arrangement, with bedroom and bath opening onto a balcony overhanging the studio below. He said she had finished her memoirs, called My Life, and expected the book to be published in America that fall. I thanked him for all this information and told him I would see Isadora that afternoon.

\\

Фредо рассказал мне, что она живёт в однокомнатной квартире на улице Делаамбре в районе Монпарнас. Это был двухуровневый дуплекс, со спальней и ванной, выходящей на балкон, нависающий над студией внизу. Он сказал, что

она закончила свои мемуары, назвала «Моя жизнь», и ожидает, что книга будет издана в Америке этой осенью. Я поблагодарила его за всю эту информацию и сказала, что увижу Айседору в тот же день.

On my way to see her, I stopped at the flower market in front of the Madeleine. Seeing some roses I fancied of a very delicate shade of pink, I bought the whole basketful from the astonished woman-all my arms could carry. I was dressed in brown for the reunion: a brown chiffon dress, brown straw cloche fitting tight over my head, and brown suede shoes. I had not seen Isadora for nearly three years, and I looked forward to this meeting with great joy and excitement. I had so much to tell her about my trip to China. I had no idea that she had gone so far as to make an official protest to the powers that be. I simply could not have imagined such a step on her part where I was concerned. If I had known, I would have had it out with her there and then. But since I did not know, there seemed nothing to mar the pleasure of our reunion.

\\

По дороге к ней, я остановилась на цветочном рынке перед Мадлен. Увидев несколько роз, которые, как мне показалось, очень нежного розового оттенка, я купила всю корзину у удивлённой женщины - всё, что мои руки могли нести. Я была одета в коричневый цвет для воссоединения: коричневое шифоновое платье, коричневый соломенный колпачок, плотно облегающий мою голову, и коричневые туфли из замши. Я не видела Айседору почти три года, и я с нетерпением ожидала этой встречи с большой радостью и волнением. Мне нужно было так много рассказать ей о моей поездке в Китай. Я понятия не имела, что она дошла до того, чтобы официально выразить протест властям. Я просто не могла представить себе такой шаг с её стороны, когда бы я была обеспокоена. Если бы я знала, я бы тут же с ней пообщалась. Но так как я ничего не знала, казалось, ничто не омрачит удовольствие от нашего воссоединения.

She was waiting for me at the Rue Delambre. Mary Desti was there, and Isadora's friend and pianist, Victor Seroff. A long, narrow corridor with doors on only one side of it led to her studio at the very end. On opening the door, I brushed the armful of flowers inadvertently against it, and some pink rose petals scattered before me to the floor. The first words that greeted me-like Poe's raven of doom-were Mary's cry, "Ah, 91 porte malheur!"

\\

Она ждала меня на улице Делаамбре. Мэри Дести, подруга Айседоры, также была там, и был пианист Виктор Серов. Длинный узкий коридор с дверями только с одной стороны вёл в её студию в самом конце. Открыв дверь, я нечаянно махнула охапкой цветов, и несколько розовых лепестков роз рассыпались передо мной на пол. Первыми словами, которые встретили меня, как вороне Поу, был крик Мэри: «Ах, 91 принесёт несчастье!»

I disregarded this and presented the roses to Isadora, who embraced me joyfully. Mary's superstitious belief that scattered flowers bring bad luck had no effect on us. Isadora insisted on ordering champagne, which she could ill afford, to toast my arrival. I invited all three to have dinner with me in a little restaurant I knew in Montmartre called Madelon. It was the first time in my life that I was able to treat my foster mother to a meal. When I told her I had come expressly to see her performance, she informed me that it had been postponed till July. She begged me to stay on, but this was quite impossible. I had too many engagements booked for the summer. She wanted to know if the rumor she heard of my going to America with the pupils was correct. I told her I had thought of it. "Then you must take me with you," she said, and added, "You really should have asked my permission to go to China with the school."

\\

Я проигнорировала это, и подарила розы Айседоре, которая радостно обняла меня. Суеверное убеждение Мэри, что разбросанные цветы приносят несчастье, на нас не повлияло. Айседора настояла на том, чтобы заказать шампанское, которое она могла себе позволить, чтобы поднять тост за моё прибытие. Я пригласила всех троих пообедать со мной в маленьком ресторане, который я знала на Монмартре, под названием Маделон. Впервые в жизни я смогла угостить приёмную мать едой. Когда я сказала ей, что специально приехала, чтобы увидеть её представление, она сообщила мне, что оно было отложено до июля. Она умоляла меня остаться, но это было совершенно невозможно. У меня было слишком много ангажементов, забронированных на лето. Она хотела знать, был ли слух, что она слышала о моей поездке в Америку с учениками, верным. Я сказала ей, что думала об этом. «Тогда ты должна взять меня с собой», - сказала она и добавила: «Ты действительно должна была попросить моего разрешения поехать со школой в Китай».

I assured her I would like nothing better than that we all go to America together. "However, when it comes to asking your permission every time I want to dance with my pupils (for they are mine too, you must know)," I told her quite bluntly, "that is out of the question!"

She gave me a startled look, for I had never been so outspoken on this particular subject. I had won my independence the hard way and had no intention of giving it up a second time.

\\

Я заверила её, что мне не хотелось бы ничего больше, чем того, что мы все вместе поедem в Америку. «Однако, когда речь заходит о том, чтобы просить вашего разрешения каждый раз, когда я хочу танцевать со своими учениками (потому что они тоже мои, вы должны знать)», я сказала ей совершенно прямо, «об этом не может быть и речи!»

Она удивлённо посмотрела на меня, потому что я никогда не была так откровенна в этом вопросе. Я нелегко завоевала свою независимость и не собиралась отказываться от неё во второй раз.

The experience in Greece had taught me to beware of falling into another trap of vague promises. The reins of my career would remain in my own hands from now on. I spoke quite frankly; and, surprisingly enough, Isadora seemed to understand my viewpoint when I had explained.

"Remember that I kept the school functioning after you yourself had given it up for lost," I reminded her, "and without my heroic effort in the face of every obstacle there would be no school at all!"

\\

Опыт Греции научил меня остерегаться попадания в очередную ловушку смутных обещаний. Теперь бразды моей карьеры останутся в моих руках. Я говорила откровенно; и, как ни удивительно, Айседора, похоже, поняла мою точку зрения, когда я всё объяснила.

«Помнишь, что я продолжала работать в школе после того, как ты сама отказались от неё, - напомнила я ей, - и без моего героического усилия, перед лицом всех препятствий, вообще не было бы никакой школы!»

While we were on the most important subject relating to our working together, I confided to her exactly what was on my mind in order to clear the air for future collaboration. I told her I had earned the right to an equal partnership and would tolerate no more nonsense about who was exploiting whom. I had not meant to speak so severely, but this question had nagged at me for a long time. She took it all very amiably and was in complete accord with my views. I felt relieved and glad we had this question of our relationship resolved at last. I need not have taken the trouble. Fate has a way of settling all human endeavors for good.

\\

В то время, как мы обсуждали наиболее важный вопрос, касающийся нашей совместной работы, я доверила ей именно то, что было у меня на уме, чтобы очистить пространство для будущего сотрудничества. Я сказала ей, что заработала право на равноправное партнёрство, и больше не потерплю бессмыслицы по поводу того, кто кого эксплуатирует. Я не хотела говорить так жёстко, но этот вопрос долгое время мучил меня. Она восприняла всё это очень дружелюбно, и полностью согласилась с моими взглядами. Я почувствовала облегчение и была рада, что мы, наконец, решили этот вопрос о наших отношениях. Мне не нужно было беспокоиться. У судьбы есть способ разрешить все человеческие разногласия раз и навсегда.

Much as I desired to prolong my visit with Isadora and stay for the performance in July, it could not be arranged. Time and money ran out. I had to return to Moscow. I spent a few days alone with Isadora at a hotel in Saint-Germain-en Laye, called Pavilion Henri IV. This typical French inn of the more expensive kind had been part of the chateau built by the monarch of that name, and Louis XIV was born there in 1638. In this old place, redolent with French history, Alexandre Dumas wrote his Three Musketeers. It had a magnificent view over all of Paris, and we were constantly reminded of a similar one-the one spread out before us in her school at Bellevue-sur-Seine-that short-lived dream called Dionysian. We talked of that and of

what the future might bring. A heavy, sad atmosphere hung over the place, which no good French wines and food could dispel. We both sensed this and decided to motor back to Paris. I had to leave in any case.

\\

Как бы я ни хотела продлить свой визит с Айседорой и остаться на представление в июле, это нельзя было устроить. Время и деньги закончились. Я должна была вернуться в Москву. Я провела несколько дней наедине с Айседорой в отеле в Сен-Жермен-ан-Лей, который называется Павильон Анри IV. Эта типичная французская гостиница более дорогого типа была частью замка, построенного монархом с таким именем, и Людовик XIV родился там, в 1638 году. В этом старом месте, наполненном французской историей, Александр Дюма написал «Три мушкетёра». Из него открывался великолепный вид на весь Париж, и нам постоянно напоминали о подобном - о том, что распространилось перед нами в её школе в Бельвю-сюр-Сен - этой недолгой мечте под названием Дионисий. Мы говорили об этом и о том, что может принести будущее. Тяжелая, грустная атмосфера нависала над местом, которое не могли развеять хорошие французские вина и еда. Мы оба почувствовали это и решили вернуться в Париж. Я должна была уехать в любом случае.

I'll never forget that last day. In the morning, in her studio, I spoke of the Chinese theatre and the acting I had seen there. I showed her some of the curious gestures the actors make, always very large and exaggerated. She told me she had been working on Liszt's Dante Symphony, which inspired her to make similar gestures. She asked Seroff to play parts of it and showed them to me. Later she led me upstairs into her bedroom to show me the small trunk containing her manuscript, which she had written in longhand. Her large, flowing script filled each page with only a few sentences; hence the manuscript filled the entire trunk.

\\

Я никогда не забуду этот последний день. Утром в её студии я говорила о китайском театре и актёрском мастерстве, которое я там видела. Я показала ей некоторые любопытные жесты, которые делают актёры, всегда очень большие и преувеличенные. Она рассказала мне, что работала над симфонией Данте Листа, которая вдохновила её на подобные жесты. Она попросила Серова сыграть его частички и показала их мне. Позже она повела меня наверх, в свою спальню, чтобы показать мне маленький сундук с её рукописью, которую она написала от руки. Её большой, плавный сценарий заполнял каждую страницу всего несколькими предложениями; поэтому рукопись заполнила весь сундук.

She laughed and said, "It is mostly about my love affairs. I wanted to write about my art mostly, but the publishers were not interested . . . and I needed the money desperately." I always hated to leave Paris and, since it was a beautiful day, I proposed a little promenade along the Champs-Elysees so I could have another look at it. I then invited Isadora to lunch at Fouquet's. We sat outside in the sun and ordered from the huge menu a la carte, for that is the way she preferred to eat, even with no money in her pocket. She had ham and asparagus with holladaise sauce and

brandied peaches for desert. I took the chef's special, whatever it was, for I had to count my francs, having just enough left over for my wagon-lit ticket to Moscow. Afterward, we taxied back to her hotel on the Rue Delambre.

\\

Она рассмеялась и сказала: «В основном это касается моих любовных отношений. Я хотела писать о своём искусстве в основном, но издателям было неинтересно ... и мне отчаянно были нужны деньги». Я всегда ненавидела покидать Париж, и, поскольку это был прекрасный день, я предложила небольшую прогулку по Елисейским полям, чтобы я могла ещё раз взглянуть на него. Затем я пригласила Айседору на обед в Фуке. Мы сидели на солнце и заказывали из огромного меню а-ля-карт, как она предпочитала обычно есть, даже без денег в кармане. У неё были ветчина и спаржа с соусом холладез и замаринованные персиками с бренди на десерт. Я взяла специальное блюдо от шеф-повара, каким бы оно ни было, потому что мне нужно было пересчитывать франки, оставив достаточно денег для проездного билета в Москву. После этого мы отправились на такси обратно в её отель на улице Делаамбре.

Mary dropped in for a while, and some other people. In the end we remained alone. We were talking of this and that when the telephone rang. To my surprise, someone from the Soviet Embassy wanted to see me immediately. I told him to come to Isadora's studio.

\\

На некоторое время зашла Мэри и ещё несколько человек. В итоге мы остались одни. Мы говорили об этом и о том, когда зазвонил телефон. К моему удивлению, кто-то из советского посольства хотел увидеть меня немедленно. Я сказал ему, чтобы он приехал в студию Айседоры.

"It is important that I see you alone," the man said when he arrived. His voice sounded very mysterious. I told Isadora and she disappeared upstairs into her bedroom. This was the precise moment when I was told of Fanny Borodin's plight, which was considered a state secret at the time. I sent the telegram to Peking, as the Secretary of the Soviet Embassy requested, but could not promise to deliver the letter to the Chinese Embassy the following day. My train was due to leave in half an hour. I suggested that Isadora Duncan deliver the letter in my stead. He agreed and I called to her to come down again. She was quite willing to comply. The man left and we were once more by ourselves. I recall we were sitting close together on the divan when I said, "Well, Isadora, I have to say goodbye!"

\\

«Важно, чтобы мы могли поговорить одни», - сказал мужчина, когда он приехал. Его голос звучал очень загадочно. Я сказала Айседоре, и она скрылась наверху в своей спальне. Это был тот момент, когда мне сообщили о тяжелом положении Фанни Бородиной, которое в то время считалось государственной тайной. Я отправила телеграмму в Пекин, как просил секретарь советского посольства, но не могла обещать доставить письмо в китайское посольство на следующий день. Мой поезд должен был отправиться через полчаса. Я

предложила, чтобы Айседора Дункан доставила письмо вместо меня. Он согласился, и я позвонила ей, чтобы она снова спустилась. Она была вполне готова подчиниться. Человек ушёл, и мы снова были одни. Я помню, мы сидели рядом на диване, когда я сказала: «Ну, Айседора, я должна попрощаться!»

We looked at each other for a while without saying a word. And then we both broke down. We had taken leave of each other many times without shedding any tears. But this time it was different. We both must have sensed this, for we clung together as fond pupil and teacher, daughter and foster mother, and dearest of friends.

"When will we see each other again?"

"Soon, I hope."

"I'll come to Russia when I receive the money from my memoirs."

\\

Некоторое время мы смотрели друг на друга, не сказав ни слова. И тогда мы оба сломались. Мы много раз прощались друг с другом, не проливая слёз. Но на этот раз всё было по-другому. Мы оба, должно быть, почувствовали это, потому что мы держались вместе, как любящий ученик и учитель, дочь и приёмная мать, и как самые дорогие друзья.

«Когда мы увидим друг друга снова?»

«Скоро, я надеюсь.»

«Я приеду в Россию, когда получу деньги от своих мемуаров».

But it was never to be. I had walked only a few paces down that long corridor when she cried out, "Wait a minute!" She disappeared into the studio for a second and came out draped in her red shawl. She stood directly under a ceiling light in flaming red as I had seen her so many times on the stage. She suddenly started to sing and dance the "Internationale" as a farewell gesture to me on my way to Russia. I joined her in the singing and the dancing, moving backward with each step till I reached the end of the corridor. Then, with the usual last flourish, we ended up in our grand finale. My last view of her was in that triumphant gesture with arms raised, head thrown back, and looking upward.

I never saw Isadora again.

\\

Но этого никогда не случилось. Я прошла всего несколько шагов по тому длинному коридору, когда она закричала: «Подожди минутку!» Она на секунду исчезла в студии и вышла, закутанная в свою красную шаль. Она стояла прямо под потолочным светильником, пылающего красного цвета, как я видела её много раз на сцене. Внезапно она начала петь и танцевать «Интернационал», как прощальный жест по дороге в Россию. Я присоединилась к ней в пении и танцах, двигаясь назад с каждым шагом, пока не достигла конца коридора. В итоге, с обычным последним рассветом, мы оказались в нашем большом финале. Мой последний взгляд на неё был в этом торжествующем жесте с поднятыми руками, откинув голову назад и глядя вверх.

Я никогда больше не видела Айседору.

-=22=-

Curtain Занавес

ON July eighth, an eyewitness reported:

Isadora gave her last performance in the Mogador Theatre. Although it was the saison morte of the summer, the theatre was packed by a very distinguished audience of French and Americans. The Padeloup Orchestra, conducted by Albert Wolff, opened the matinee with the allegretto from Cesar Franck's Symphony. This was followed by Isadora's mighty "Redemption," to the music of the same composer. Then came the beautiful "Ave Maria" of Schubert, danced in such a way that there were those in the audience who sobbed aloud. Who will ever forget the ineffable gesture of the maternal arms cradling nothing? The pitiful tenderness and heart-breaking beauty of it?

\\

Восьмого июля очевидец сообщил:

Айседора дала свой последний спектакль в театре Могадор. Несмотря на то, что это был праздничный день лета, театр был заполнен очень уважаемой публикой французов и американцев. Оркестр Пасделоуп под управлением Альберта Вольфа открыл дневной концерт аллегретто из симфонии Сезара Франка. За этим последовало мощное «Искушение» Айседоры под музыку того же композитора. Затем появилась прекрасная «Аве Мария» Шуберта, станцованная так, что в аудитории присутствовали те, кто вслух рыдал. Кто когда-нибудь забудет тот безмолвный жест материнской руки, который ничего не делает? Сострадательная нежность и душераздирающая красота этого?

After the orchestra had played the first movement of the Unfinished Symphony of Schubert, Isadora came out again to dance the second with a more tragic profundity than ever before. Following the intermission came the Tannhiiuser Overture and the "Love-death" of Isolde, both danced by Isadora Duncan. At the end of her last dance the audience rose and cheered . . .

\\

После того, как оркестр сыграл первую часть «Незаконченной симфонии Шуберта», Айседора снова вышла, чтобы танцевать вторую с более трагической глубиной, чем когда-либо прежде. После антракта последовала увертюра из Тангейзера и «Любовь-смерть» Изольды, - обе танцевала Айседора Дункан. В конце её последнего танца публика поднялась и приободрилась...

The French writer Henriette Sauret gave her impressions after the performance: Poor great Isadora! After that performance, after the applause and the recalls, I saw her again before the blue curtains, standing between clusters of trembling flowers, making toward the orchestra leader and the musicians the sweet gesture that associated them with her triumph.

\\

Французская писательница Генриетта Саурет поделилась впечатлениями от спектакля:

Бедная, великая Айседора! После этого выступления, после аплодисментов и воспоминаний, я снова увидела её перед синими занавесами, стоящей между гроздьями дрожащих цветов, и направляющей к руководителю оркестра и музыкантам сладкий жест, который ассоциировал их с её триумфом.

We went to congratulate her in her dressing room. She lay there, her bare feet coming out from her half-detached dress, her lovely arms holding up her tired head. Her look was heavy, her made-up red mouth was silent, and the red locks of her hair, twisted in curls like those of antique statues, fell on her shoulders like weighty stalks. She had lain down, without paying much attention, on the light costumes which she had successively worn in the course of the matinee and thrown pell-mell on the divan. And on that chaos of crumpled veils with rainbow colors she seemed to have fallen, a vanquished goddess. . . .

\\

Мы пошли поздравить её в гримерке. Она лежала там, её босые ноги виднелись из под её полуоткрытого платья, её прекрасные руки держали её усталую голову. Её взгляд был тяжелым, её накрашенный красный рот был безмолвным, а рыжие локоны её волос, завитые в кудри, как у античных статуй, падали ей на плечи, как тяжелые стебли. Она легла, не обращая особого внимания, на легкие костюмы, которые она последовательно надевала во время дневного концерта и бросала на диване. И в этом хаосе смятых вуалей с радужными цветами она, казалось, упала, как побежденная богиня...

I do not know why, at that moment, the heart oppressed in spite of the joy she had just given us, I recalled the picture of Elizabeth of England dying on her royal carpet piled high with cushions, surrounded by courtiers and ladies of honor . . .

\\

Я не знаю, почему, в тот момент, в сердце было чувство подавленности, несмотря на радость, которую она только что подарила нам, и я вспомнила, как Элизабет из Англии умирала на своём королевском ковре, заваленном подушками, в окружении придворных и почетных дам...

A month later Isadora motored to Nice with her friend Mary Desti. They spent part of the summer at Juan-les-Pins. With no money and none in sight, Mary Desti went boldly to see Paris Singer, who was spending the summer at his villa on Cap Ferrat. He agreed to offer financial help to Isadora for the time she required to work out a new program, which was to include an interpretation of the Dante Symphony by Liszt, parts of which she had shown me at her studio in Paris.

\\

Через месяц Айседора отправилась в Ниццу со своей подругой Мэри Дести. Они провели часть лета в Жуан-ле-Пинс. Без денег и без никого в поле зрения, поэтому Мэри Дести смело отправилась повидаться с Парисом Зингером, который проводил лето на своей вилле на Кап-Ферра. Он согласился

предложить финансовую помощь Айседоре на время, необходимое ей для разработки новой программы, которая должна была включать в себя интерпретацию Данте-симфонии Листа, части которой она показала мне в своей студии в Париже.

Isadora had taken a passionate interest, it seemed, in a small racing car, a Bugatti, and its handsome Italian driver. She wanted to buy the car from its owner, Benoit Falchetto, who also kept a garage. They made a date to go for a ride in the car and try it out on the evening of September 14. Mary had a strange premonition, she said, and begged her friend not to go out on the road that night in the little Bugatti. Nobody could stop her.

\\

Кажется, Айседора страстно интересовалась маленькой гоночной машиной Бугатти, и её красивым итальянским водителем. Она хотела купить машину у её владельца Бенуа Фальчетто, который также содержал гараж. Они договорились о том, чтобы покататься на машине и опробовать её вечером 14 сентября. У Мэри было странное предчувствие, как она вспоминала, и она умоляла подругу не выезжать на улицу в ту ночь в маленьком Бугатти. Но никто не мог остановить её.

She wore her red shawl (the same one she had used on the stage) and, sitting in the low vehicle, with the driver in front and the passenger slightly behind, the end of her shawl dragged on the ground. The moment the driver started the car and raced off, that piece of her red shawl got entangled in the wire spokes of one wheel. As the shawl had been wrapped about her throat and flung over her shoulder, she was caught in it as in a vice. Her body was pulled over the side, her face crushed against the car, and her neck instantly broken. The onlookers screamed, the car stopped; they rushed to help her-but it was too late. Isadora Duncan was dead.

\\

На ней была её красная шаль (та же, что и на сцене), и, сидя в низком транспортном средстве, с водителем впереди и пассажиром чуть сзади, конец её шали тянулся по земле. В тот момент, когда водитель завел машину и помчался, эта часть её красной шали запуталась в проволочных спицах одного колеса. Поскольку шаль была обернута вокруг её горла и перекинута через плечо, она была поймана в неё, как в тиски. Её тело было переброшено через борт, её лицо было прижато к машине, а её шея мгновенно сломалась. Зрители закричали, машина остановилась; они бросились помогать ей, но было слишком поздно. Айседора Дункан была мертва.

At that tragic moment in my life I was far, far away, giving a performance somewhere in Russia. The curtain had gone up and we were in the midst of our opening dance, a funeral march, which Isadora originally choreographed in memory of her children, and with which we usually started our program by way of dedication. Dressed in long, trailing chiffon robes of beige, the girls formed the chorus; while I, the mourning figure, danced the solo part. At the musical climax I sank to the ground in

sorrow in a kneeling position, my head and arms touching the floor. I held this pose for a few bars and then slowly began to rise again. I had danced it like that I don't know how many times.

\\

В тот трагический момент моей жизни я была далеко-далеко, давая представление где-то в России. Занавес поднялся, и мы были в самом разгаре нашего вступительного танца, похоронного марша, на котором Айседора изначально поставила хореографию в память о своих детях, и с которой мы обычно начинали нашу программу в качестве посвящения. Одетые в длинные висящие шифоновые одежды бежевого цвета, девушки образовали хор; в то время как я, фигура траура, танцевала сольную партию. В музыкальный кульминационный момент я оплакивала землю на коленях, моя голова и руки касались пола. Я держала эту позу в течение нескольких тактов, а затем медленно начала снова подниматься. Я танцевала это много раз, даже не знаю, сколько раз.

But on the night of September 14, the moment I assumed that kneeling pose with my body bent forward and my brow touching the floor, something weird came over me, and I remained frozen to the ground. As if paralyzed, I could not stir a muscle. Without knowing, I had assumed the same position in which my dear foster mother had died that night. While in the grip of this strange trance, in full view of the audience, I never lost consciousness. I commanded myself to rise and continue the dance, but my body refused to respond for several minutes, and I remained where I was until just before the end. My immobility had in no way interfered with the movements of the chorus, who went through their motions as usual. As soon as I could move again, I finished the dance and then rushed backstage into my dressing room, where I collapsed into a chair, white and shaken. I was sure I had creeping paralysis-entirely unaware, again, that I had just experienced a psychic phenomenon. Nowadays, with the study of extrasensory perception, scientists may be able to explain what happened to me. I was at that time totally ignorant of such matters.

\\

Но в ту ночь на 14 сентября, в тот момент, когда я приняла эту позу на коленях, когда моё тело наклонилось вперёд, и мой лоб коснулся пола, что-то странное охватило меня, и я застыла на земле. Как будто парализованная, я не могла пошевелить ни одной мышцей. Не зная того, я заняла ту же позицию, в которой умерла моя дорогая приёмная мать. Находясь во власти этого странного транса, на глазах у зрителей, я никак не теряла сознание. Я приказала себе встать и продолжить танец, но моё тело отказывалось отвечать в течение нескольких минут, и я оставалась там, где находилась до самого конца. Моя неподвижность никоим образом не мешала перемещению хора, который, как обычно, выполнял свои движения. Как только я снова смогла двигаться, я закончила танец и бросилась за кулисы, в свою гримерную, где я рухнула на стул, белая и потрясенная. Я была уверена, что у меня ползучий паралич, совершенно не подозревая, что только что я пережила некоторое психическое явление. В настоящее время, благодаря изучению экстрасенсорного восприятия, ученые

могут объяснить, что случилось со мной. В то время я была совершенно не осведомлена о таких вещах.

The news of Isadora's death was instantly flashed around the world by radio. It had that night also reached the place where I performed. The authorities promptly sent a messenger to the theatre to notify me of the tragic event, but my manager intercepted him and would not let him come near me. He told the messenger I had a performance to give and nothing must disturb me till it was over. But my psyche had already received the message through the spiritual world. As Shakespeare said in Hamlet, "There are more things in heaven and earth, Horatio, than are dreamt of in your philosophy."

\\

Известие о смерти Айседоры было мгновенно сообщено по радио на весь мир. Это было той ночью и достигло места, где я выступала. Власти незамедлительно отправили курьера в театр, чтобы уведомить меня о трагическом событии, но мой менеджер перехватил его и не позволил ему подойти ко мне. Он сказал посланнику, что у меня идёт выступление, и ничто не должно беспокоить меня, пока оно не закончится. Но моя психика уже получила сообщение через духовный мир. Как сказал Шекспир в «Гамлете»: «На небесах и на земле, Горацио, есть больше вещей, чем о которых ты мечтал в своей философии».

There are more things in heaven and earth, Horatio, than are dreamt of in our philosophy

That night after the program, the directors of the steel plant for whose workers we had given the performance showed us all over the factory. Watching the night shift forging the steel as it came red hot out of the furnaces reminded me of Dante's inferno. And as I jumped out of the way of those glowing red bars snaking along the floor, I thought of Isadora and her interpretation of Liszt's Symphony and wished she could be here to see this. Most factories are dull and boring. But these steel mills, especially at night when the glow and the fantastic shadows combine to accentuate

the forceful movements of the laborers-half-naked and covered with sweat-are the stuff that pure drama in motion is made of. I slept peacefully that night, my dreams colored in fantastic lights. It would be quite a while before I could slumber that soundly again.

\\

В ту ночь, после программы, руководители сталелитейного металлургического завода, для чьих работников мы давали представление, показали нам весь завод. Наблюдение за тем, как ночная смена выковывает сталь из печи, раскаленной докрасна, напомнило мне адское имя Данте. И когда я спрыгнула с пути этих пылающих красных полос, змеящихся по полу, я подумала об Айседоре и её интерпретации Симфонии Листа и захотела, чтобы она могла быть здесь, чтобы увидеть это. Большинство заводов унылы и скучны. Но эти сталелитейные заводы, особенно ночью, когда свечение и фантастические тени объединяются, чтобы подчеркнуть мощные движения рабочих - полуголых и покрытых потом, - это то, из чего состоит чистая драма в движении. В ту ночь я мирно спала, а мои сны окрашивались фантастическими огнями. Прошло немало времени, прежде чем я смогла заснуть.

They told me the next day, on the station platform while we waited for the train to Moscow. I refused to believe it. Isadora had often of late made attempts at suicide by walking into the sea (so the papers claimed), and I insisted it was just another sensational item about her, without foundation in fact. I wired to Lisa in Paris for the truth. When it arrived, I collapsed.

\\

Они рассказали мне всё на следующий день на платформе станции, пока мы ждали поезд до Москвы. Я отказалась в это верить. Айседора в последнее время часто пыталась покончить жизнь самоубийством, заходя в море (так утверждали газеты), и я настаивала на том, что это было всего лишь ещё одно сенсационное измышление о ней, фактически без основания. Я связалась с Лизой в Париже, чтобы узнать достоверную информацию. Когда сообщение прибыло, я рухнула [без сил].

I immediately made plans to fly to the funeral. In those days in Russia, that was easier said than done. I had no trouble getting my papers without red tape. But oh, that ancient Lufthansa plane! It flew just above the tree tops in a dense fog, and when I thought I had come down in Danzig, it was actually Moscow to which we had returned. I was all alone in an eight-passenger plane on my first flight and scared to death. The engineer carried the Russian pilot off the plane in a stupor, dead drunk. After three days, I finally made the Tempelhof airfield in Berlin. I wired to Raymond Duncan to postpone the funeral for a day. He did not answer.

\\

Я немедленно решила лететь на похороны. В те времена в России это было легче сказать, чем сделать. У меня не было проблем с получением бумаг без волокиты. Но о, этот древний самолет Люфтганзы! Он пролетел прямо над верхушками деревьев в густом тумане, и когда я подумала, что приехала в

Данциг, но на самом деле мы вернулись в Москву. Я была совсем одна в самолёте с восемью пассажирами в моём первом полете и испугалась до смерти. Инженер унёс с самолета русского пилота, находящегося в оцепенении, мертвецки пьяного. Через три дня я, наконец, достигла аэродрома Темпельхоф в Берлине. Я связалась с Раймондом Дунканом, чтобы отложить похороны на день. Он не ответил.

I might as well have taken the train and arrived in Paris sooner and at less expense to my mind, my nervous system, and my pocketbook. When I did arrive, the funeral was over. Lisa was the only one of Isadora's disciples to walk in the procession behind her coffin to the Pere Lachaise cemetery, where her body was cremated and her ashes placed in a niche beside those of her children. I was heartbroken not to have been beside her for that last rite.

\\

С тем же успехом я могла сесть на поезд и приехать в Париж раньше, и с меньшими затратами своего разума, своей нервной системы и своего кармана. Когда я приехала, похороны закончились. Лиза была единственной из учениц Айседоры, которая шла в процессии за гробом к кладбищу Пер-Лашез, где её тело кремировали, а прах поместили в нишу рядом с нишами её детей. Я была убита горем, что не оказалась рядом с ней для этого последнего обряда.

I arrived, sad and shaken, at Mary's apartment on the Boulevard des Capucines. She greeted me and then pressed something into my hand without saying a word. Lying in the palm of my hand was a piece of red fringe caked with blood. No need to ask what it was. The strange relic told a mute and horrible story. Tears flooded my eyes, and I wanted to be alone for a few moments. The door of the balcony stood open and I stepped outside. I paid no attention to the traffic and the noise from the street below. I was oblivious to everything that happened about me, conscious only of the "souvenir," as Mary called it, in my trembling hand. I closed my hand tight. I did not want to see again this tiny red thread-the gruesome reminder of the monstrous blow that, like an executioner, had cruelly shed Isadora's blood and snuffed out her life. By what bizarre twist of fate should this great and generous-hearted woman, who sought only to bring light and beauty into this world, suffer so horrible an end?

\\

С грустью и потрясением я прибыла в квартиру Мэри на бульваре Капуцинов. Она поздоровалась со мной, а затем что-то вложила мне в руку, не говоря ни слова. На моей ладони лежал кусок красной бахромы, залитой кровью. Не нужно спрашивать, что это было. Странная реликвия рассказала немую и ужасную историю. Слезы наполнили мои глаза, и я захотела побыть одной на несколько минут. Дверь балкона была открыта, и я вышла на улицу. Я не обращала внимания на движение и шум с улицы внизу. Я не замечала всего, что происходило со мной, осознавая только «сувенир», как назвала это Мэри, в моей дрожащей руке. Я крепко сжала руку. Я не хотела снова видеть эту крошечную красную нить - ужасное напоминание о чудовищном ударе, который, подобно палачу, безжалостно пролил кровь Айседоры и погасил её

жизнь. По какому причудливому повороту судьбы эта великая и щедрая женщина, которая стремилась привнести в этот мир свет и красоту, претерпела такой ужасный конец?

The top-floor apartment afforded a typical view over the roofs of the city which more than any other had been her home and where her restless self had now found its last repose. So as not to break down, I tried to think of all the wonderful moments we had shared, but only inconsequential things crowded into my memory . . . the little wooly lamb she gave me when I was a child ... and the magic spell she cast over me when I first saw her, that foggy day in January so long ago. And it suddenly struck me by what extraordinary coincidence (or was it that?) we had met and we had parted.

\\

Из квартиры на верхнем этаже открывался типичный вид на крыши города, который больше, чем любой другой, был её домом, и где её беспокойное «я» теперь нашло свой последний покой. Чтобы не сломаться, я постаралась вспомнить обо всех чудесных моментах, которыми мы делились, но только несущественные вещи заполнили мою память ... маленький шерстяной ягнёнок, которого она дала мне, когда я была ребёнком ... и магическое заклинание, которое она наложила на меня, когда я впервые увидела её, в тот туманный день в январе, так давно. И меня вдруг поразило, какое необычное совпадение (или это было?) Мы встретились, и мы расстались.

We had danced together at the very beginning and danced together at the very end. Initiation and consecration. In this same year, 1927, I lost both my mothers; the one who gave me life, and the one who made that life worth while. "If something gives a value to human life," Plato said, "it is the contemplation of absolute beauty." Thanks to Isadora and the beautiful way she taught me to dance-always remembering her words: "I have given you the very secret and most holy of my art"-the prize that gives value to human life was mine.

\\

Мы танцевали вместе в самом начале и танцевали вместе в самом конце. Посвящение и освящение. В этом же 1927 году, я потеряла обеих своих матерей; ту, кто дала мне жизнь, и ту, кто сделала эту жизнь стоящей. «Если что-то даёт ценность человеческой жизни, - сказал Платон, - это созерцание абсолютной красоты». Благодаря Айседоре и прекрасному способу, которым она научила меня танцевать - всегда помня её слова: «Я дала вам самую тайну и святость моего искусства», - приз, который придаёт ценность человеческой жизни, был моим.

At the news of my foster mother's death I had experienced the weird sensation of having lost the use of my limbs. And I had lost also all desire ever to dance again; as if all along I had done so only under the force and osmotic attraction of her spell, which now was broken with her death. Still, I had to carry on the torch (had she not given me that symbolic picture of Demeter and Persephone?) and continue with my work as she would wish me to do.

\\

При новости о смерти моей приёмной матери я испытала странное ощущение того, что я потеряла конечности. И я снова потеряла любое желание когда-либо снова танцевать; как будто всё это время, я делала это только под действием силы и осмотического притяжения [посредством движения молекул] её заклинания, которое теперь было разрушено её смертью. Тем не менее, я должна была нести факел (разве она не дала мне эту символическую картину Деметры и Персефоны?) и продолжать свою работу так, как она того хотела бы, чтобы я это делала.

I had no sooner returned to Moscow than an amazing thing happened to me. After years of utter neglect, the Soviet government now sprang into action to support the work Isadora had started there in 1921. One could only come to the conclusion that they had waited for her to die. I received an official summons to attend an important conference to discuss the future of the Isadora Duncan School in Moscow. I mapped out a plan for the Ministry of Education that had occupied my mind for a long time. This consisted of incorporating the Duncan method of dancing into the curriculum of the public school system. The present institute on the Prechistenka could be turned into a teachers' college, where future instructors could be trained. This plan was approved and fully endorsed by the Ministry. I was elated. Our dream come true at last! All the hardships and privations I had endured to bring this about seemed worth while, now that victory was in sight. And since the only true immortality we can achieve consists in the good works we leave behind us on earth, I rejoiced that I could play a small part in building this memorial to the great American whose genius had liberated the art of the dance, from which millions could now benefit. In my elation, however, I had not reckoned with the Marxist-Leninist system that regulates all artistic matters by the ukase of its cultural commissars.

\\

Я не успела вернуться в Москву, как со мной произошла удивительная вещь. После долгих лет полного пренебрежения, советское правительство приступило к действию, чтобы поддержать работу, которую Айседора начала там, в 1921 году. Можно было только прийти к выводу, что они ждали её смерти. Я получила официальный вызов для участия в важной конференции, чтобы обсудить будущее школы Айседоры Дункан в Москве. Я наметила план для Министерства образования, который долгое время занимал мой разум. Он состоял в том, чтобы включить метод танца Дункан в учебную программу государственной школьной системы. Нынешний институт на Пречистенке можно было бы превратить в учительский колледж, где можно было бы обучать будущих инструкторов. Этот план был одобрен и полностью поддержан Министерством. Я была в восторге. Наконец-то наша мечта сбылась! Все тяготы и лишения, которые я пережила, чтобы добиться этого, казались стоящими, теперь, когда победа была в поле зрения. И поскольку единственное, истинное бессмертие, которое мы можем достичь, состоит в добрых делах, которые мы оставляем после себя на Земле, то я радовалась, что могу сыграть небольшую роль в строительстве этого мемориала великой американки, чей гений освободил искусство танца, которое теперь может принести пользу

миллионам. Однако в моём восторге я не считалась с марксистско-ленинской системой, которая регулирует все художественные вопросы с помощью и указами её культурных комиссаров.

It was pointed out to me that my former position as artistic director would be eliminated, and I would henceforth act merely as an instructor with the salary commensurate with that job. Everybody now associated with the institute would be replaced by Communist Party members, and I myself would have to undergo indoctrination. They did not demand that I join the Party immediately, but that would obviously have to follow if I wanted to function successfully in an entirely communistic organization. I could never embrace such an autocratic ideology. It went against my whole conception of what a free society of men should be. I had been imbued too deeply with the American, democratic principle of government. When it came to my own work, my allegiance belonged to Isadora and her ideals of physical education for children, and not those of the Communists as represented by Comrade Podvowsky. I had fought that principle all my life in the Elizabeth Duncan school under Max Merz's direction, so how could I now, in all conscience, align myself with it under the Soviets? They were determined to uproot every single spiritual aspect of our dance and turn it into simply another gymnastic for women and children. I would not assist in the murder of an art that was created for the attainment of a noble beauty in movement. People who did not believe in the human soul were out to kill the very soul of our dance, the dance as Isadora Duncan envisioned it.

\\

Мне было указано, что моя прежняя должность художественного руководителя будет упразднена, и я буду впредь действовать просто как инструктор с зарплатой, соразмерной этой работе. Все, кто сейчас связан с институтом, будут заменены членами Коммунистической партии, и мне самой придётся подвергнуться идеологической обработке. Они не требовали немедленного вступления в партию, но, очевидно, это должно было произойти, если бы я хотела успешно функционировать в полностью коммунистической организации. Я никогда не могла принять такую автократическую идеологию. Это противоречило всей моей концепции о том, каким должно быть свободное общество людей. Я была слишком глубоко проникнута американскими демократическими принципами правления. Когда дело дошло до моей собственной работы, моя преданность принадлежала Айседоре, и её идеалам физического воспитания для детей, а не идеалам коммунистов, представленным товарищем Подвойским. Я боролась с этим принципом всю свою жизнь в школе Элизабет Дункан, под руководством Макса Мерца, так как же теперь, со всей совестью, присоединиться к нему при Советах? Они были полны решимости, искоренить каждый духовный аспект нашего танца и превратить его в просто ещё одну гимнастику для женщин и детей. Я не помогла бы им в убийстве искусства, созданного для достижения благородной красоты в движении. Люди, которые не верили в человеческую душу, стремились убить самую душу нашего танца, танца, каким его представляла Айседора Дункан.

In those days, the late 1920's, I was one of the small number of people from the West who knew what the Communists in Russia were doing to artists. Today, especially with the sad example of Boris Pasternak, it is common knowledge. That domination of the creative instinct in artists by the Big Brother in the Kremlin was what I had to escape. There is no place for a free-thinking artist in an enslaved society. That prophetic inner voice of mine fairly shouted at me to get out before it was too late. I had a big decision to face: remain, to see myself and my art enslaved for the price of government support, and make at least that part of Isadora's dream come true; or leave, and burn my bridges behind me, with the prospect of starting all over again in a free society. I chose the latter.

\\

В те дни, в конце 1920-х годов, я была одной из немногих людей с Запада, которые знали, что коммунисты в России делали с художниками. Сегодня, особенно с печальным примером Бориса Пастернака, это общеизвестно. То господство Большого брата в Кремле над творческим инстинктом в художниках было тем, что я должна была избежать. В порабощенном обществе нет места свободолюбивому художнику. Этот мой пророческий внутренний голос справедливо кричал мне, чтобы я уходила, пока не стало слишком поздно. Мне предстояло принять серьезное решение: остаться, увидеть себя и своё искусство порабощенными ценой государственной поддержки и осуществить хотя бы часть мечты Айседоры; или уйти и сжечь мои мосты позади меня, с перспективой начать всё заново в свободном обществе. Я выбрала последнее.

I entertained secret hopes of being able to save a remnant of my work. To that end, I entered into negotiations with Sol Hurok, the American impresario, to bring myself and my group of Russian dancers to the United States. It was difficult business to negotiate from such a great distance, since I had to labor under the stringent restrictions that govern the actions of every Soviet citizen. I was free to leave at any time. But would the government consent to release the young girls, who had worked and danced with me for seven years? With the aid of a few influential friends in the upper hierarchy, I was finally given permission to take the members of my dance troupe with me to America for a grand memorial performance in Isadora Duncan's honor. It was the first dance ensemble Hurok imported from the Soviet Union, although many have followed since. I wrote him then:

\\

Я питала тайные надежды на то, что смогу спасти остатки моей работы. С этой целью я вступила в переговоры с американским импресарио Солом Хуроком, чтобы перевезти себя и мою группу русских танцоров в Соединенные Штаты. Трудно было вести переговоры на таком большом расстоянии, поскольку мне приходилось трудиться под строгими ограничениями, которые регулируют действия каждого советского гражданина. Я была свободна уйти в любое время. Но согласится ли правительство освободить молодых девушек, которые работали и танцевали со мной в течение семи лет? С помощью нескольких влиятельных друзей в высшей иерархии мне наконец-то разрешили взять с собой членов моей танцевальной труппы в Америку для грандиозного мемориального представления в честь Айседоры Дункан. Это для Хурока был первый танцевальный ансамбль, ввезённый из Советского Союза, хотя с тех пор многие последовали за нами. Я написала ему тогда:

Moscow, May 27, 1928

As soon as I received your contract I started to put the enormous bureaucratic machine here in motion. First of all, I had to get official permission to take my ensemble out of Russia. Then the contract is looked over for sufficient guarantees. Last but not least come the passports; each Soviet passport costs \$10.00 and there are thirteen to be obtained. All this takes a long time

I am sending you photos but no advertising material as it is in Russian. It will surely be returned by the censor, as happened on a former occasion. Kindly inform me about departure, tickets, train connections and steamer, and opening dates.

\\

Москва, 27 мая 1928 г.

Как только я получила ваш контракт, я начала приводить в действие огромную бюрократическую машину. Прежде всего, мне нужно было получить официальное разрешение на вывоз моего ансамбля из России. Затем контракт просматривался для достаточных гарантий. И последнее, но не менее важное: паспорта; каждый советский паспорт стоит 10,00 долларов США, а их нужно получить тринадцать. Всё это занимает много времени...

Я отправляю вам фотографии, но без рекламных материалов, как на русском языке. Поскольку это, несомненно, будет возвращено цензором, как это было в прошлом случае. Пожалуйста, сообщите мне об отъезде, билетах, железнодорожном сообщении, пароходе и дате открытия.

On the eleventh of June we are giving a memorial performance for Isadora Duncan here in Moscow at the Bolshoi Theatre. Lunacharsky will speak, Stanislavsky and others, important personages in the arts and sciences. A short film, showing Isadora on her last trip to Nice a few days before she died, will precede the performance of myself and my girls in Tchaikowsky's "Symphony Pathetique," with the Moscow Symphony Orchestra. I shall send you programs and clipping afterwards.

\\

Одиннадцатого июня мы даём мемориальное представление в честь Айседоры Дункан здесь, в Москве, в Большом театре. Будут выступать Луначарский, Станиславский и другие важные деятели искусства и науки. Короткому фильму, показывающему Айседору в ее последней поездке в Ниццу, за несколько дней до её смерти, будет предшествовать представление лично меня и моих девушек в «Патетической Симфонии» Чайковского с Московским симфоническим оркестром. Я пришлю вам программы и газетные вырезки позже.

During the summer months, before leaving for America in the fall, I shall work and rehearse our programs. I heard through Mrs. Augustin Duncan about the memorial festival you are planning at Madison Square Garden and I hope that something beautiful will come of it. I will do everything in my power to help make it so.

\\

В летние месяцы, прежде чем отправиться осенью в Америку, я буду работать, и репетировать наши программы. Я слышала через мистера Августина Дункан о мемориальном фестивале, который вы планируете в Мэдисон-Сквер-Гарден, и я надеюсь, что из этого выйдет что-то прекрасное. Я сделаю всё, что в моих силах, чтобы помочь сделать это.

Since the planned memorial performance at the Bolshoi Theatre was postponed till the month of October, I employed the intervening time touring the south of Russia. In my diary for that year I find nothing but empty pages, mere notations of the various places we danced-Kharkov, Kremenchug, Cherson, Kiev, Odessa, etc., etc.

\\

Поскольку запланированное мемориальное представление в Большом театре было перенесено на октябрь, я воспользовалась свободным временем для гастролей по югу России. В своём дневнике за тот год я не нахожу ничего, кроме пустых страниц, а просто обозначения различных мест, где мы танцевали - Харьков, Кременчуг, Херсон, Киев, Одесса и т.д., и т.д.

At the beginning of June, the writer Allen Ross Macdougall, a friend of Isadora and her former secretary, came to visit me in Moscow. We agreed to collaborate on a

book about Isadora's Russian days to complete her own memoirs, which stopped with her arrival in Moscow in 1921. He accompanied me on our tour, and in my free time I worked with him on the Russian part. He was going to fill in her last years in France, having more knowledge about them than I, since he had seen her often in Nice and Paris at that time. He left for America before we did, hoping to get the book published in time for our performances there. He wrote me from Paris in October:

\\

В начале июня в Москву приехал писатель Аллен Росс Макдугалл, друг Айседоры и её бывший секретарь. Мы договорились о совместной работе над книгой о русских днях Айседоры, чтобы завершить её собственные мемуары, которые прекратились с её приездом в Москву в 1921 году. Он сопровождал меня в нашем туре, и в свободное время я работала с ним в русской части. Он собирался заполнить её последние годы во Франции, имея больше знаний о них, чем я, поскольку он часто видел её в Ницце и Париже в то время. Он уехал в Америку раньше нас, надеясь выпустить книгу вовремя, к нашим выступлениям там. Он написал мне из Парижа в октябре:

Au Cafe, Lundi soir,

Dear Irma:

Just a word in haste. I shall sail Wednesday on the Ile de France. I'm just making it and very close. I shall arrive in New York about the 16th. First I shall see Dudley Field Malone, my lawyer, about the prospects of the book. Then I shall go to the Farm (Stcepletop, in Austerlitz, Col. Co. N.Y.) of Edna St. Vincent Millay. She has sent me a letter of invitation. And with her I shall have time and peace to finish the book and she will help me correct and revise it. And then give me letters to the various publishers. . . .

\\

В кафе вечером в понедельник,

Дорогая Ирма:

Просто несколько слов на скорую руку. Я уплываю в среду на Иль-де-Франс. Я, пожалуй, сделаю всё что нужно, и очень скоро. Я приеду в Нью-Йорк около 16-го. Сначала я увижу Дадли Филда Мэлоуна, моего адвоката, [поговорим] о перспективах книги. Затем поеду на ферму Эдны Сент-Винсент Миллэй (Сцепплетоп, Аустерлиц, Кол. Ко., Нью-Йорк). Она прислала мне письмо-приглашение. И с ней у меня будет время и покой, чтобы закончить книгу, и она поможет мне исправить и пересмотреть её. А потом пришлите мне письма различным издателям...

I will do what I can in America. In the meantime you must send me the rest of the Russian material right away to the Banker's Trust, they will forward it to Miss Millay's farm. I must have it to incorporate into the revised copy. All my love and best wishes in the meantime for your successful voyage and arrival in America. I'm happy the Memorial went off so well.

Dougie

\\

Я сделаю то, что смогу в Америке. Тем временем вы должны немедленно отправить мне остальную часть российского материала прямо в Банкир-Траст, а они отправят его на ферму мисс Миллай. Я должен иметь это, чтобы включить в пересмотренную копию. Всю мою любовь и наилучшие пожелания, в то же время для вашего успешного путешествия, и прибытия в Америку. Я рад, что Мемориал прошёл так хорошо.

Дуги

That memorial performance to Isadora, on the first of October, was my farewell to seven years' work in Soviet Russia. The newspaper Ivestia commented: Isadora Duncan's whole life was devoted to beauty through the means of physical education. Before her eyes she always carried the Greek ideal. In her endeavor to find an enlarged field for her experiments she wandered from one country to another. From Germany, to France, from Greece and America to the USSR. She wasn't satisfied to work with a small quantity of children. Her goal was to see her ideas realized on a much grander scale. She wished to see an entire generation of youth educated in the spirit of her doctrine in order to re-create, if not the whole world, at least one entire country

\\

Это мемориальное представление Айседоре 1 октября стало моим прощанием с семилетней работой в Советской России. Газета «Известия» прокомментировала:

Вся жизнь Айседоры Дункан была посвящена красоте посредством средств физического воспитания. Перед её глазами она всегда несла греческий идеал. Стремясь найти расширенные поля для своих экспериментов, она бродила из одной страны в другую. Из Германии во Францию, из Греции и Америки в СССР. Она не была удовлетворена работой с небольшим количеством детей. Её цель состояла в том, чтобы увидеть её идеи реализованными в более широком масштабе. Она хотела видеть целое поколение молодежи, воспитанное в духе её доктрины, чтобы воссоздать, если не весь мир, по крайней мере, одну целую страну...

At the Memorial performance last night Irma Duncan, her adopted daughter, appeared with the pupils of her Moscow school. At the present time it is the only existing school preserving in its purest form the legacy of Isadora Duncan. And as far as Irma Duncan was concerned, that legacy would remain that way for as long as she lived.

\\

Вчера вечером на Мемориальном представлении её приёмная дочь Ирма Дункан появилась вместе с учениками московской школы. В настоящее время это единственная из существующих школ, сохранившая в своём чистом виде наследие Айседоры Дункан. И что касается Ирмы Дункан, это наследие останется таким до тех пор, пока она живёт.

In order to preserve it in its purest form, I had to find a safe haven for it to grow and flourish for the benefit of the DANCER OF THE FuTURE, a free spirit in a free body, the dancer who will not belong to one nation but to all humanity.

I left Russia hoping and praying that I would find that haven elsewhere. For when I walked out of that heavy oak door in the house on Pretchistenka, it closed behind me forever.

\\

Чтобы сохранить его в чистом виде, я должна была найти безопасное убежище для его роста и процветания на благо ТАНЦА БУДУЩЕГО, свободного духа в свободном теле, танцора, который не будет принадлежать ни одной нации, но всему человечеству.

Я покинула Россию, надеясь и молясь о том, чтобы найти эту гавань в другом месте. Ибо когда я вышла из той тяжелой дубовой двери в доме на Пречистенке, она закрылась позади меня навсегда.

-=23=-

The End and a New Beginning Конец и Новое начало

*I ARRIVED in New York on Sunday, the twenty-third of December, 1928. For me it was a wonderful homecoming after an eight-and-a-half year absence. Something, some force, had drawn me irresistibly back to America. I came with ten of my pupils in charge of Elisaveta Gregorievna, and Maurice Sheyne (as he now Anglicized his name). * Newspaper reporters crowded in for interviews on the pier, and the newsreel cameras ground away. Friends, new and old, waited to welcome us. Coming from the slow, deliberate pace of life in Russia, we required some time to get accustomed to the pulsating, hectic atmosphere of New York, where the air is charged with electricity and the unceasing, restless traffic and noise continue unabated day and night.*

**Mikhail Sheyne, as he is presently known, former head of the Westchester Conservatory of Music, has again returned to the concert stage.*

\\

Я прибыла в Нью-Йорк в воскресенье, двадцать третьего декабря 1928 года. Для меня это было замечательное возвращение домой после восьми с половиной лет отсутствия. Что-то, какая-то сила, неотразимо вернула меня обратно в Америку. Я приехала с десятью моими учениками, в сопровождении Елизаветы Григорьевны, и Мориса Шейна (как он теперь называл свое имя на английский манер). * Газетные репортеры собрались для интервью на пирсе, и кинохроника отошла на второй план. Друзья, новые и старые, ждали, чтобы приветствовать нас. Исходя из медленного, преднамеренного темпа жизни в России, нам потребовалось некоторое время, чтобы привыкнуть к пульсирующей, беспокойной атмосфере Нью-Йорка, где воздух наполняется электричеством, а непрерывное, беспокойное движение и шум не прекращаются ни днём, ни ночью.

*Михаил Шейн, как он теперь известен, бывший руководитель Консерватории музыки Вестчестера, снова вернулся на концертную сцену.

"East side, west side, all around the town" was governed by dapper, uninhibited Jimmy Walker, New York's most colorful mayor. Under the influence of prohibition, a lively revival of the old-fashioned melodrama The Black Crook flourished in Hoboken, with bootleg beer served during the show. In sports, Gertrude Ederle filled the front pages of all the newspapers with her feat of swimming the English Channel- the first woman to do so. Herbert Hoover, who had organized the wonderful famine relief in Soviet Russia eight years earlier, had just been elected President.

\\

«Восточная сторона Ист-сайд, западная сторона, всё вокруг города» управлялись энергичным, раскованным Джимми Уокером, самым ярким мэром Нью-Йорка. Под влиянием сухого закона произошло оживленное возрождение

старомодной мелодрамы «Чёрный Крюк», которая процветала в Хобокене, где во время шоу подавалось бутлегерское контрабандное пиво. В спорте Гертруда Эдерле первые страницы всех газет заполнила своим подвигом - заплывом через Английский пролив, - это была первая женщина, которая сделала это. Герберт Гувер, который организовал чудесную помощь голодающим в Советской России восемь лет назад, только что был избран президентом.

We made our New York debut on December 27, at the Manhattan Opera House. I felt proud and happy to be able to show my Russian pupils to America. On that day more than eight years before when I sailed for France, I never imagined what my homecoming would be like. When the curtain rose and I made my first entrance on the stage, a storm of applause greeted me. On the following day, the reviewers had many complimentary things to say about my work and that of my pupils. Mary Watkins of the New York Herald Tribune came to interview me at the Alamac where I was staying. She wrote:

\\

Мы дебютировали в Нью-Йорке 27 декабря в Манхэттенском оперном театре. Я была горда и счастлива, что смогла показать своих русских учеников Америке. В тот день, более восьми лет назад, когда я отправилась во Францию, я никогда не представляла, каким будет моё возвращение домой. Когда занавес поднялся, и я сделала свой первый шаг на сцену, меня приветствовал шторм бурных аплодисментов. На следующий день у рецензентов было много приветственных слов о моей работе и работе моих учеников. Мэри Уоткинс из «Нью-Йорк Трибуна Вестник» пришла, чтобы взять у меня интервью в Аламаке, где я остановилась. Она написала:

Irma Duncan was peacefully eating her supper, that is she was doing it as peacefully as she had been able to do anything amid the whirl of rehearsals and complications with the immigration authorities which have marked the few days since her arrival at this port, when this department walked in on her quite unexpectedly. Various telephone messages had crossed at random, but nevertheless, the interview materialized, if somewhat informally.

\\

Ирма Дункан мирно ела свой ужин, то есть она делала это так мирно, как она могла сделать что-либо, на фоне вихря репетиций и осложнений с иммиграционными властями, которые ознаменовали несколько дней с момента её прибытия в этот порт, когда этот департамент пришёл к ней совершенно неожиданно. Различные телефонные сообщения пересекались в случайном порядке, но, тем не менее, интервью материализовалось, хотя и неформально.

Miss Irma talked in a very friendly manner while consuming a lamb chop and tea ... the talk lasted some ten or twelve minutes, so impressions were naturally a little hurried. But we recorded them much as they occurred.

\\

Мисс Ирма говорила очень дружелюбно, потребляя ягненка и чай ... разговор длился около десяти или двенадцати минут, поэтому впечатления, естественно, были немного спешными. Но мы записывали их так, как они происходили.

This dancer, one of the torchbearers of the Duncan tradition, adopted daughter of the illustrious Isadora and now head of the Moscow school, is a wholesome-looking young woman who said she felt tired and harassed, but whose appearance denied her. She has very beautiful, expressive hands, black hair, and bears a most striking resemblance to her foster mother. On this resemblance we commented.

\\

Эта танцовщица, одна из факелоносцев традиции Дункан, приёмная дочь прославленной Айседоры, а ныне глава московской школы, была симпатичной молодой женщиной, которая сказала, что она чувствует себя уставшей и измотанной, но чья внешность отрицала её [слова]. У неё очень красивые, выразительные руки, чёрные волосы, и она поразительно похожа на приёмную мать. Об этом сходстве мы поговорили.

"Oh, yes," she said, and her English is excellent, although she has spoken and thought in only Russian for over eight years she asserts. "Everyone notices it, but you will find that all the girls . . . show a strong 'family' resemblance, it comes from thinking the same thoughts . . . and expressing physically the same artistic ideals."

\\

«О, да», сказала она, и её английский превосходен, хотя она говорит и думает только на русском языке уже более восьми лет, как утверждает она. «Все это замечают, но вы обнаружите, что все девочки ... демонстрируют сильное «семейное» сходство, - это происходит из-за того, что они думают одни и те же мысли ... и выражают физически одни и те же художественные идеалы».

Irma's sense of harassment sprang, not unreasonably, from the difficulties incident to extracting four of her youngest followers from the grip of officialdom on Ellis Island.

...

"But they are not the only ones who worry me, the others are so excited at being in New York, that rehearsals are only mad whirls of high spirits and dizzy heads. You can imagine that coming as we did with very little preparation and in, as you might say, one jump from Moscow to Manhattan, with only a foot touching the ground briefly at Berlin, was enough to take away the breath of the seasoned traveler, not to speak of a group of emotional young Russian girls who have never been to America. And we really didn't know until the very last minute that we could actually come. That is the reason for the many rumors and counter-rumors here about the dance festival. We were not sure till we were actually on board the train and over the border, anything can happen in Soviet Russia, you know ..." she said as a matter of familiar and accepted fact. We called on Wednesday ... and the Duncan Memorial Festival flung wide its doors last Thursday night at the Manhattan Opera House.

\\

Чувство неудовольствия у Ирмы возникло не без оснований, а из-за трудностей, связанных с извлечением четырех её юных учениц из-под власти чиновников на острове Эллис...

«Но они не единственные, кто беспокоит меня, другие настолько взволнованы тем, что находятся в Нью-Йорке, что репетиции - это просто безумные водовороты с приподнятым настроением и головокружением. Вы можете себе представить, как это происходит, как мы это сделали? - С очень небольшой подготовкой, и как вы могли бы сказать, всего один прыжок из Москвы в Манхэттен, с коротким касанием ногой земли в Берлине, этого было бы достаточно, чтобы захватило дух даже у бывшего путешественника, не говоря уже о группе эмоциональных молодых русских девушек, которые никогда не были в Америке. И мы действительно не знали до самой последней минуты, что мы могли бы действительно приехать. Это причина многих пересудов и встречных слухов о танцевальном фестивале. Мы не были уверены, пока мы на самом деле не сели на поезд и не пересекли границу, - в Советской России всё может случиться, вы знаете... ", - сказала она как хорошо знакомый и общепризнанный факт. Мы позвонили в среду ... и Мемориальный фестиваль Дункан распахнул свои двери в прошлый четверг вечером в Манхэттенском оперном театре.

Duncan Memorial Festival

Among the many dance enthusiasts who always flocked back-stage to greet me were quite a few dancers who, then practically unknown, have since made names for themselves. One of my female admirers said, "I saw you leave a mere slip of a girl and here you have come back to us in beautiful, dominant woman-hood. Isadora's ideal of the highest intelligence in a beautiful body has been most certainly realized in you." I considered that quite a compliment.

\\

Среди многих любителей танцев, которые всегда собирались за кулисами, чтобы поприветствовать меня, было немало танцоров, которые тогда были практически неизвестны, но с тех пор сделали себе имена. Одна из моих поклонниц сказала: «Я видела, как ты покинула нас простой девочкой, а здесь ты вернулась к нам в красивой, доминирующей женщиной. Идеал Айседоры о высочайшем интеллекте в прекрасном теле наверняка был реализован в тебе.» Я посчитала это, в самом деле, очень приятным комплиментом.

The reviewer of the New York American wrote:

A new generation of Duncan Dancers, was locally introduced to us, a company of lithe young Russian girls ... formed this latest contingent of classic dancers to perform publicly in New York, and the shade of Isadora must have smiled benignly at the fascinating artistry of her young disciples of a second generation. . . . The spectator realized forcibly that not in her most fruitful and successful epoch did the great California dancer produce any more delightful or captivating pupils than those seen last night. . . . Irma was the leading spirit in her elfin group. The others were-

Tamara, Alexandra, Marussia, Lisa, Lola, Vera, Manya, Vala, Lily, Mussia and little Tamara.

This chapter of the dance deserves an important place in the history of Isadora Duncan's most important achievements.

\\

Обозреватель газеты «Американский Нью-Йорк» написал:

Новое поколение танцоров Дункан было представлено нам в местном масштабе, компания маленьких молодых русских девушек ... сформировала этот последний контингент классических танцоров для публичного выступления в Нью-Йорке, и тень Айседоры, должно быть, благожелательно улыбнулась очаровательному артистизму её молодых учеников второго поколения... Зритель вынужденно осознал, что не в её самой плодотворной и успешной эпохе, великая калифорнийская танцовщица воспитала максимально восхитительных или очаровательных учениц, чем те, которых мы видели вчера вечером... Ирма была лидером в своей эльфийской группе. Остальные были: Тамара, Александра, Маруся, Лиза, Лола, Вера, Маня, Валя, Лилия, Муссия и маленькая Тамара.

Эта глава танца заслуживает важного места в истории самых важных достижений Айседоры Дункан.

And the Herald Tribune:

As their leader and teacher, Irma has found her own valuable niche . . . that she has so successfully instilled into the brains and bodies of the later generation that devotion which is deeper than outward gesture, is sufficient evidence of artistic worthiness in her capacity as heiress and guardian of the Duncan formulae.

\\

И «Геральд Трибьюн»:

Как их лидер и учитель, Ирма нашла свою собственную ценную нишу ... и она настолько успешно привила [дункановскую систему] в мозг и тело следующего поколения, что преданность, которая глубже внешнего жеста, является достаточным доказательством художественной ценности её, в качестве наследницы и хранителя формул Дункан.

We appeared in Philadelphia, Baltimore, Washington, Boston, Montreal, Buffalo, Cleveland, Detroit, Chicago, St. Louis, and Pittsburgh. Later, on our return engagement in New York, when the public had a chance to appraise our work, we danced in Carnegie Hall-scene of my former triumphs as one of the six original Isadora Duncan Dancers-to standing room only. Everything was joy and harmony. How long would it last?

\\

Мы выступили в Филадельфии, Балтиморе, Вашингтоне, Бостоне, Монреале, Буффало, Кливленде, Детройте, Чикаго, Сент-Луисе и Питтсбурге. Позже, по возвращении в Нью-Йорк, был ангажемент, когда у публики была возможность оценить нашу работу, - мы танцевали в Карнеги-холл, с моими прежними триумфами в качестве одной из шести оригинальных танцоров Айседоры

Дункан, - и когда свободны были только стоячие места. Всё было радостью и гармонией. Как долго это продлится?

My manager informed me in June that in view of the success we had attained he wished to engage us for another season. I agreed to this, although the Russian girls had obtained permission from their government for only one season. In this respect, I envisioned no difficulties and decided to spend the summer in France for economical reasons. A performance was arranged in Paris in memory of Isadora at the Salle Pleyel. I wrote to Paris Singer and notified him of this, as I very much wanted him to be there. He answered from Bad Nauheim in Germany:

\\

Мой менеджер сообщил мне в июне, что, учитывая достигнутый нами успех, которого мы достигли, он хотел привлечь нас на следующий сезон. Я согласилась на это, хотя русские девушки получили разрешение от своего правительства только на один сезон. В этом отношении я не предвидела никаких трудностей, и решила провести лето во Франции по экономическим соображениям. Спектакль был организован в Париже, в память об Айседоре, в Саль-Плейеле. Я написала Парису Зингеру, и уведомила его об этом, так как я очень хотела, чтобы он был там. Он ответил из Бад-Наухайма в Германии:

My dearest Irma:

I have been thinking of you for days and wondering if you were back from the U.S.A. and now I have your note. I am so sorry I shall not be there to see you dance, but since I saw you in Paris things have been very bad with my health and I was brought up here on my back by a heart doctor and have been here a month. I have to be here all July also but it has done me a little good and I have great hopes.

\\

Моя дорогая Ирма:

Я думал о тебе в течение нескольких дней и думал, вернулась ли ты из США, и теперь у меня есть твоя записка. Мне очень жаль, что я не буду там, чтобы увидеть, как вы танцуете, но с тех пор, как я видел вас в Париже, у меня было очень плохо со здоровьем, и я был направлен сюда кардиологом, и я здесь уже месяц. Я должен быть здесь весь июль, но это принесло мне некоторую пользу, и у меня большие надежды.

*Is there any chance of your looking me up on your way to Russia? It is close by Cologne or nearer still to Frankfurt on Main. How was poor old Gus? I feel always so anxious about him. Au revoir, my dear little Irma, do drop me a little reply to this-
Your old friend, Paris*

\\

Есть ли шанс, что ты разыщешь меня по пути в Россию? Это недалеко от Кёльна или ближе к Франкфурту на Майне. Как поживает бедный старый Гас? Я всегда так волнуюсь за него. До свидания, моя дорогая маленькая Ирма, напиши мне небольшой ответ на этот вопрос -
Твой старый друг, Парис.

I regretted he could not be present at my performance. I had so hoped he would take an interest in the furtherance of her ideas and, by way of a memorial, help endow her school. To keep her ephemeral art alive from one generation to another, by means of public performances, was becoming too great a burden for me to bear alone.

\\

Я сожалела, что он не смог присутствовать на моем выступлении. Я так надеялась, что он будет заинтересован в продвижении её [Айседоры] идей и, благодаря мемориалу, поможет обеспечить доходом её школу. Сохранять её эфемерное искусство из поколения в поколение посредством публичных выступлений становилось слишком большим бременем для меня, чтобы я могла нести его в одиночестве.

Isadora Duncan Dancers de Moscou Sous la direction d' IRMA DUNCAN

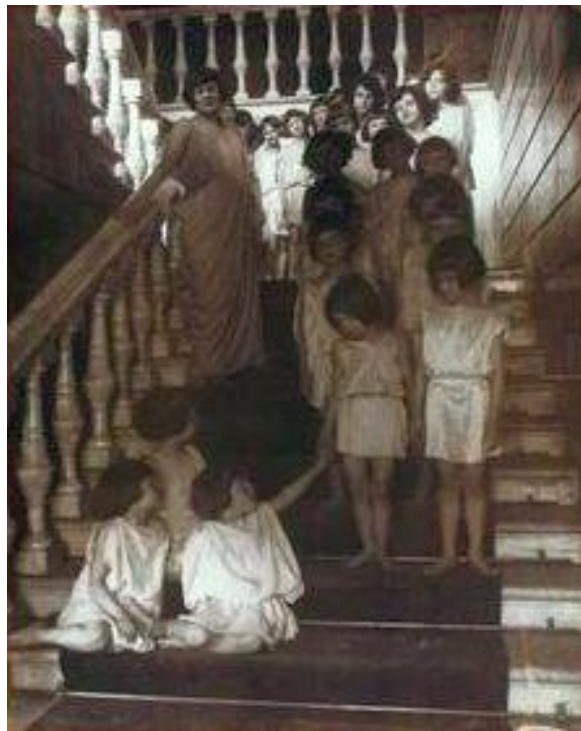
I can't describe with what deep emotion I looked forward to dancing again in Paris. My artistic association with Isadora always seemed to take on a closer tie here in this beautiful city of so many wonderful memories. Here, I first appeared with her as a child in the old Gaité-Lyrique. Then in the Châtelet, and subsequently-when I was grown up and learned to appreciate her art fully-we danced together at the beautiful Theatre des Champs-Élysées. And then that final wonderful season at the imposing Trocadero in January, the year she and I left for Russia. She had choreographed an entire Wagner program. We girls danced the "Flower-maidens" scene in Parsifal, and I recall the garland of flowers I wore that night-fresh anemones, the large kind, in vivid shades of red, purple, pink, and white, a lovely combination of colors. I had not danced in Paris since. Would our French audiences remember me, I wondered? I thrilled at the idea of being able to show them what she and I had accomplished in Russia. Our huge posters bearing the announcement: "Isadora Duncan Dancers de Moscou," and in smaller print underneath: "Sous la direction d' IRMA DUNCAN," blazed on every street corner where the advertising columns stood.

\\

Я не могу описать, с какими глубокими эмоциями и нетерпением, я ждала возможности снова танцевать в Париже. Моё творческое общение с Айседорой, казалось, всегда сближало меня в этом прекрасном городе, где так много замечательных воспоминаний. Здесь я впервые появилась с ней в детстве, в старой «Лирической радости». Затем в Шатле, а затем - когда я выросла и научилась ценить её искусство в полной мере, мы танцевали вместе в прекрасном Театре на Елисейских полях. И затем, этот последний чудесный сезон, во внушительном Трокадеро в январе, в тот год, когда мы с ней уехали в Россию. Она поставила целую программу Вагнера. Мы, девочки, танцевали сцену «Цветочницы» в Парсифале, и я вспоминаю гирлянду из цветов, которую я носила, - это свежие ночные анемоны, внушительного вида, в ярких оттенках красного, фиолетового, розового и белого цветов, - это прекрасное сочетание цветов.

С тех пор я не танцевала в Париже. Интересно, помнят ли меня наши французские зрители? Я была в восторге от идеи показать им, чего она [Айседора], и я с ней, достигли в России. Наши огромные плакаты с надписью «Танцоры Айседоры Дункан из Москвы» и мелким шрифтом внизу: «Под руководством ИРМЫ ДУНКАН», горели на каждом углу улицы, где стояли рекламные колонны.

The performance was given at the Salle Pleyel. I can tell of the French public's reaction and the impression we made only through newspaper clippings. But I have a letter from Madame Cecile Sartoris, the same journalist who saw me dance at Isadora's studio before that eventful trip to the land of the Bolsheviks. She wrote:

\\

Спектакль был дан в «Зале Плейель». Я могу рассказать о реакции французской публики, и о том, какое впечатление мы произвели, только из газетных вырезок. Но у меня есть письмо от мадам Сесиль Сарторис, того же

журналиста, которая видела, как я танцевала в студии Айседоры, перед той насыщенной поездкой в страну большевиков. Она написала:

My dearest Irma:

I did not come round last evening because I saw crowds of people going and my emotions could not be expressed to you. I suffered and was happy at the same time during the performance. The great spirit of Isadora hovered over you all, and she must be proud and pleased with you for what you have accomplished. At moments her breath seemed to pass through you, and the children were beautiful.

\\

Моя дорогая Ирма:

Я не пришла вчера вечером, потому что увидела толпы людей, и мои эмоции не могли быть выражены вам. Я страдала, и была счастлива потом, во время представления. Великий дух Айседоры витал над всеми вами, и она должна радоваться и гордиться вами за то, чего вы достигли. В некоторые моменты её дыхание, казалось, проходило через тебя, и дети были прекрасны.

I think those last Russian dances remarkable with the singing and it seems to me that you should go towards that expression more and more as it moves with the spirit of today. I was happy that you had such a large and appreciative audience . . . I quite understand you haven't had a minute but I would like to see you. This evening I will call up on chance of making an appointment.

\\

Я думаю, что эти последние русские танцы замечательны с пением, и мне кажется, что вы должны идти к этому выражению всё больше и больше, поскольку оно движется в духе сегодняшнего дня. Я была счастлива, что у вас была такая большая и благодарная аудитория... Я прекрасно понимаю, что у вас не было ни минуты, но я хотела бы вас видеть. Сегодня вечером я позвоню, чтобы договориться о встрече.

Be proud of yourself, you have done a great work and you have Isadora's school. Don't let worries undermine you-yesterday you accomplished a great feat.

Very affectionately yours,

Cecile

\\

Гордитесь собой, вы проделали большую работу, и у вас есть школа Айседоры. Не позволяй заботам подорвать себя - вчера вы совершили великий подвиг.

С любовью,

Сесиль

That performance on July 2. was the only one we gave in Paris. Later in that month we danced at the Casino Theatre in Le Touquet, where the Prince of Wales spent the summer, and we danced before a very mondaine, chic audience, entirely dressed in black and white. The gentlemen attended in full dress and the ladies all in black

evening gowns with ermine wraps. What a contrast to the high boots and shawls of the worker audience in Russia!

\\

Это выступление 2 июля было единственным, которое мы дали в Париже. Позже, в этом месяце, мы танцевали в Театре Казино в Ле-Туке, где провёл лето Принц Уэльский, и мы танцевали перед очень шикарной аудиторией, полностью одетой в чёрное и белое. Господа присутствовали в парадных костюмах, а дамы в чёрных вечерних платьях с горностаевыми накидками. Какой контраст с высокими сапогами и платками рабочей аудитории в России!

It rained every day, and the Hotel Atlantic at the end of the boardwalk had no heat. I had no desire to stay there any longer than I needed to. I returned to the comfortable little hotel on the Rue de Bassano, not far from the Etoile, while the girls with Elisaveta Gregorievna spent the rest of the summer at Pontchartrain in the country. I wrote once more to Singer, who had returned to his lovely house on the Place des Vosges with his wife, his former nurse, whose acquaintance I had made in 1917 at the time of his break with Isadora. Isadora had left a packet of letters he wrote her in my care, and these I now sent back to him. He answered me:

\\

Ежедневно шёл дождь, и в отеле «Атлантика» в конце променада [прогулки] не было тепла. У меня не было желания оставаться там дольше, чем нужно. Я вернулась в уютный маленький отель на улице Бассано, недалеко от Этуалья, в то время как девушки с Елизаветой Григорьевной, провели остаток лета в Понтчартрейне на даче. Я ещё раз написала Зингеру, который вернулся в свой прекрасный дом на площади Вогезов, вместе со своей женой, его бывшей медсестрой, с которой я познакомилась в 1917 году во время его разрыва с Айседорой. Айседора оставила пачку писем, которые он написал ей, на моё попечение, и теперь я отослала эти письма ему. Он ответил мне:

Many thanks dear, for your letter and for the letters of Isadora's which a nice young man brought to me. We are off to Paignton for a month, then Saint-Jean until I have to go to Palm Beach in December. I think I am better but still sleeping very badly. Irma darling, I wish you every success in America this time like the last and with better financial results without all those worries. I can always prove Isadora wanted you to take on her school for she told me so in Nice just before her death. With love, dearest Irma,

Your old friend,

Paris Singer

\\

Большое спасибо, дорогая, за твоё письмо, и за письма Айседоры, которые привёз мне приятный молодой человек. Мы едем в Пейнтон на месяц, потом в Сен-Жан, пока я не поеду в Палм-Бич в декабре. Я думаю, что мне лучше, но я всё ещё очень плохо сплю.

Ирма, дорогая, я желаю тебе всяческих успехов в Америке на этот раз, как и в прошлый раз, и с лучшими финансовыми результатами без всех этих забот.

Я всегда могу доказать, что Айседора хотела, чтобы ты взяла её школу, потому что она сказала мне об этом в Ницце незадолго до её смерти. С любовью,
дорогая Ирма,
твой старый друг,
Парис Зингер

This was the last word I had from my old friend, whom I had known since my childhood days and who gave me that marvelous voyage on the Nile, which remains one of my most treasured memories. He died two years later of a heart attack. Paris Singer had wished me success in America for my second season and without worries; but, instead of diminishing, my worries mounted and mounted until I was engulfed by nothing but trouble.

\\

Это были последние слова, которые я услышала от своего старого друга, которого я знала с детства, и который дал мне это чудесное путешествие по Нилу, которое остается одним из моих самых сокровенных воспоминаний. Он умер два года спустя от сердечного приступа. Парис Зингер пожелал мне успеха в Америке во втором сезоне, и без забот; но вместо того, чтобы уменьшиться, мои заботы накапливались и нарастали, пока меня не охватили исключительно неприятности, и только.

There was trouble with my impresario over financial matters. Instead of my suing him for nonpayment of salary due me as per contract, he sued me for \$60,000 and also attached my bank account! Some evil forces were conspiring against me. Illmeaning persons tipped off the unofficial representative of Soviet Russia in Washington. America had not yet recognized the regime in that country. This man, by the name of Borowsky, held a secret meeting with my Russian girls, threatening them with dire reprisals on their relatives in Russia if they refused to return home at once. The girls wanted to remain with me; so they told me during a tearful session in the privacy of my room. But after that talk with Borowsky, they were afraid even to say "How do you do" to me. He had ordered their return to their homeland and, as every Soviet citizen knows, failure to comply means banishment to Siberian concentration camps for those innocent pawns left behind.

\\

У меня возникли проблемы по финансовым вопросам с моим импресарио. Вместо того, чтобы мне подать в суд на него за невыплату зарплаты, причитающуюся мне, согласно контракту, он подал в суд на меня, на 60`000 долларов, а также заблокировал мой банковский счет! Некоторые злые силы сговорились против меня. Недоброжелатели известили неофициального представителя Советской России в Вашингтоне. Америка ещё не признала режим в той стране. Некий человек по имени Боровский провёл тайную встречу с моими русскими девушками, угрожая им жестокими расправами над их родственниками в России, если они откажутся немедленно вернуться домой. Девочки хотели остаться со мной; как они сказали мне во время слёзной сессии в уединении моей комнаты. Но, после этого разговора с Боровским, они

боялись даже сказать мне «Здравствуй». Он приказал им вернуться на родину, и, как знает каждый советский гражданин, невыполнение приказа означает высылку в сибирские концлагеря тех оставшихся, невинных родственников, которые были оставленных в залог.

Once their government had stepped in, I wielded no more power over them. My strenuous protests were of no further avail. Intimidated and afraid of what might be done to their families, they all meekly obeyed and left on the appointed date for home. Not one of my pupils had the courage to throw in her lot with me, as I had done formerly with Isadora. For I had no intention, especially after having breathed the air of freedom in America, of returning to a country where people are treated as abject slaves. It was a hard decision to make. It meant the loss of all my work that had occupied the best years of my life. But no sacrifice seemed too great for the sake of artistic integrity and the adherence to one's principles that may only flourish in a liberal climate. The same day I saw the girls sail away, I recalled Isadora's words when she once said to me, "Courage, it's a long way but light is ahead . . . these red-tunicked kids are the future, so it is fine to work for them. Plough the ground, sow the seed, and prepare for the next generation that will express the new world." Well, I had done exactly that. Now it was up to that new generation to sow the seeds. I wished them luck and hoped they would succeed as well as I did with them in trying to propagate Isadora's ideal.

\\

Как только их правительство вмешалось, я больше не владела ими. Мои энергичные протесты были бесполезны. Запуганные, и боящиеся того, что может быть сделано с их семьями, они все смиренно повиновались и уехали в назначенное время домой. Ни у одной из моих учениц не хватило смелости отдать мне свою судьбу, как я делала это раньше с Айседорой. Ибо у меня не было намерения, особенно после того, как мы вдохнули воздух свободы в Америке, о возвращении в страну, где с людьми обращаются как с рабами. Это было трудное решение. Это означало потерю всей моей работы, которая заняла лучшие годы моей жизни. Но никакая жертва не казалась слишком большой, ради художественной целостности и приверженности своим принципам, которые могут процветать только в либеральном климате. В тот же день, когда я увидела, как девушки отплывают, я вспомнила слова Айседоры, когда она однажды сказала мне: «Смелость, это долгий путь, но свет впереди ... эти дети в красных туниках - это будущее, так что хорошо работать на них. Пахать землю, сеять семена и готовиться к следующему поколению, которое будет выражать новый мир».

Ну, я сделала именно это. Теперь это было новое поколение, чтобы сеять семена. Я пожелала им удачи и надеялась, что они преуспеют так же, как и я с ними, пытаясь пропагандировать идеал Айседоры.

Russia being the iron-walled society it is, I have had no further contact with my former Soviet pupils. Overnight, all the work I had built up at such expense of my young energies and sacrifice fell like a house of cards into the sand. No one knew

what untold misery and regret it caused me. Nor did the news item telling of their homecoming in that "Worker's Paradise" help me. Cabled from Moscow by the International Press, it said:

\\

Россия, являющаяся обществом за железной стеной, и у меня больше не было контактов с моими бывшими советскими учениками. В одночасье вся работа, которую я построила за счёт своих молодых энергий и жертв, упала в песок, как карточный домик. Никто не знал, какое невыразимое страдание, и сожаление это вызвало у меня. Не помогли мне и новости, рассказывающие об их возвращении домой, в этот «Рай трудящихся». По телеграфу из Москвы международная пресса сказала:

The twelve young girl dancers who toured the United States last season under the direction of Irma Duncan, and who were forced to return to Russia last winter have been thrown into prison by Soviet authorities, it was learned yesterday. The children were imprisoned, according to reports, because of their failure to send the Soviet authorities all or portions of their American earnings while on tour in this country.

\\

Как стало известно вчера, советские власти бросили в тюрьму двенадцать девушек-танцовщиц, которые в прошлом сезоне совершали поездку по Соединенным Штатам под руководством Ирмы Дункан, и которые были вынуждены вернуться в Россию прошлой зимой. Согласно сообщениям, дети были заключены в тюрьму из-за того, что они не отправляли советским властям все или часть своих американских заработков во время гастролей в этой стране.

Immediately upon arrival in Moscow from New York, the youngsters' baggage including phonographs, trunks, musical instruments, etc., were confiscated. The girls said shopping tours in America had converted them from Communism to admirers of capitalism. At the conclusion of Miss Duncan's American contract at Christmas time, 1929, local Soviet representatives informed her that the girls must be sent home forthwith. Over the strong objections of Irma Duncan the girls were taken from her and sent back to Russia.

\\

Сразу по прибытии в Москву из Нью-Йорка, у юных девушек был конфискован багаж, включая фонографы, чемоданы, музыкальные инструменты и т.д. Девочки признались, что шоппинг-туры в Америке превратили их из коммунисток в поклонниц капитализма. По завершении американского контракта, в рождественское дни 1929 года, местные советские представители сообщили мисс Дункан, что девочек нужно немедленно отправить домой. Из-за сильных возражений Ирмы Дункан девушек забрали у неё [под принуждением], и отправили их обратно в Россию.

This indictment of that barbaric country speaks for itself. I was relieved to be able to wash my hands of the whole matter. For I was one of the few people in America at that epoch who knew through personal experience-by trying to earn a living in Soviet

Russia-that conditions in that country, political and economic as well as ideological, would not improve in time. On the contrary. And therefore I saw no future there for me or my work.

\\

Это обвинение этой варварской страны говорит само за себя. Я почувствовала облегчение, что могу умыть руки от всего этого. Поскольку я была одной из немногих людей в Америке той эпохи, которые на личном опыте знали, пытаюсь зарабатывать на жизнь в Советской России, что условия в этой стране, как политические, экономические, так и идеологические, не улучшатся со временем. Напротив. И поэтому я не видела там будущего для меня или моей работы.

American pupils

Never one to cry for long over spilt milk (although this was actually a tragic event in my career), I girded myself for further struggles on a new front. I gathered together a group of young American girls, who had had more or less some training in the Duncan dance, and worked with them. By magic and sheer hard work, I soon shaped them into a group that could appear with me professionally. Teaching is a gift, and my powers in that field had been early recognized by both Elizabeth and Isadora. We appeared at Lewisohn Stadium in New York and at Robin Hood Dell in Philadelphia in the summertime, dancing out of doors to the music of a large symphony orchestra and to an enthusiastic audience that filled every seat and open space, crowding even into the aisles. My American pupils were as well received as my Russian ones had been by the public and the press. I am not in a position to laud my own efforts. The review in the Minneapolis Tribune, where I presented my American group for the first time to the public, had this to say:

\\

Никогда не плача над пролитым молоком (хотя это было на самом деле трагическое событие в моей карьере), я приготовилась к дальнейшей борьбе на новом фронте. Я собрала группу молодых американских девушек, у которых была более-менее определенная подготовка в танце Дункан, и работала с ними. Волшебством и огромным трудом, я вскоре сформировала их в группу, которая могла бы появиться со мной профессионально. Преподавание - это дар, и мои способности в этой области были ранее признаны как Элизабет, так и Айседорой. Летом мы выступали на стадионе «Льюисон» в Нью-Йорке, и в «Долине Робин Гуда» в Филадельфии, танцевали на открытом воздухе под музыку большого симфонического оркестра, и для восторженной аудитории, которая заполняла каждое место и открытое пространство, теснясь даже в проходах. Мои американские ученицы были приняты так же, как мои русские - публикой и прессой. Я не в состоянии оценить мои собственные усилия. В обзоре «Трибуна Миннеаполиса», где я впервые представила публике свою американскую группу, говорилось следующее:

Having seen the magnificent art of Irma Duncan, herself the greatest exponent of the school founded by Isadora Duncan and by many pronounced as even superior to her adopted mother in her power of interpretation, it is a foregone conclusion that whatever group she leads, whether from Moscow, Paris or New York, the result can be but the same, and that is-perfection of the art of interpretive dance as has not been surpassed in this generation.

\\

Увидев великолепное искусство Ирмы Дункан, самой великой выразительницы школы, основанной Айседорой Дункан, и многими признанной даже превосходящей приёмную мать по силе интерпретации, можно сделать вывод, что независимо от того, какой группой она руководит, будь то из Москвы, Парижа или Нью-Йорка, результат может быть одним и тем же, а именно - совершенство искусства интерпретирующего танца, которое не было превзойдено в этом поколении.

Of our Lewisohn Stadium performance the Herald Tribune of July 14, 1932, remarked in part:

Miss Duncan, who has done wonders in two years with her first non-Russian pupil group, demonstrated again last night her supremacy as a torch bearer The girls, at first a little nervous of the platform-edge, soon found themselves at ease and gave an exhibition of intense training and temperamental development which was admirable in every sense.

\\

Про наше выступление на стадионе «Льюисон» в издании «Геральд Трибьюн» от 14 июля 1932 года, в частности, отмечалось:

Мисс Дункан, сотворившая за два года чудеса со своей первой нерусской ученической группой, вчера вечером снова продемонстрировала своё превосходство в качестве факелоносца... Поначалу девочки, немного нервничая у края помоста, вскоре почувствовали себя непринужденно, и предоставили выставку интенсивного обучения и темпераментного развития, что было восхитительно во всех смыслах.

My press-clipping book is filled with such comments about my art and work. They and a collection of photographs form the only record. The dancer's is an ephemeral art, no sooner performed than it vanishes into thin air. There is nothing left in concrete form for posterity to judge. With this in mind, I thought of doing a documentary film back in 1929, while I was still in my prime and had the Russian pupils of Isadora's school with me. I proposed this scheme to several moving picture producers; but only one, Walter Wanger, showed enough interest at least to discuss the idea with me. He thought we should wait until a story went with it. Well, the story has now been written, but-as always-too late.

\\

Моя подборка прессы заполнена такими комментариями о моём искусстве и творчестве. Они, и коллекция фотографий, составляют единую запись. Танцовщица - это эфемерное искусство, как только оно исполняется, оно

исчезает в воздухе. Для потомков не осталось ничего конкретного. Имея это в виду, я думала о создании документального фильма еще в 1929 году, когда я ещё была в расцвете сил, и у меня были русские ученики школы Айседоры. Я предложила эту схему нескольким производителям кинофильмов; но только один, Уолтер Вангер, проявил достаточный интерес, чтобы хотя бы обсудить эту идею со мной. Он думал, что мы должны подождать, пока история с этим не уйдёт [в прошлое]. Ну, история уже написана, но - как всегда - слишком поздно.

Silas Newton

In April 1930, while I went through this personal upheaval in my career, I had no one to advise me or protect me. I was still officially a foreigner in this country; my first papers had lapsed, so that I needed to start all over again to apply for citizenship. From out of the blue, I received an invitation from Mr. and Mrs. Silas Newton, whom I had met only once, to be their house guest for a while. I accepted with pleasure, and we became close friends. They had a house on East Sixty-eighth Street between Lexington and Park avenues. He had natural gas and oil wells in Texas. His wife Nancy was a sports writer-golf mainly-for the New York Journal.

\\

В апреле 1930 года, когда я переживала этот личный переворот в моей карьере, некому было посоветовать мне или защитить меня. Я всё ещё официально была иностранцем в этой стране; мои первые документы истекли, так что мне нужно было начинать всё сначала, чтобы подать заявку на гражданство. Совершенно неожиданно я получила приглашение от миссис и мистера Сайлас Ньютон, которых я встречала только один раз, на некоторое время стать их гостем. Я с радостью согласилась, и мы стали близкими друзьями. У них был дом на Восточной шестьдесят восьмой улице между проспектами Лексингтон и Парк. У него были газовые и нефтяные скважины в Техасе. Его жена Нэнси была спортивным обозревателем по гольфу, главным образом, для Нью-Йоркского журнала.

Those were the days of the speakeasy and, because Silas was a teetotaler, his wife would take an occasional drink with her girl friends at one of the better-known subterranean establishments. One sunny afternoon she invited me to Belle Livingstone's place on Park Avenue. As one of the notorious speakeasy queens, Belle presided over the house in grand style; that is, rowdy in manner and lewd of language. It was the fashionable spot to imbibe forbidden spirits, and much frequented by writers and artists of note. The day I called with Nan the doors had not yet opened for business, since it was too early in the afternoon. We found Belle alone in her negligee taking a rest. She invited us upstairs to her room and offered us a cup of tea! But Nan ordered champagne and the reputation of the speakeasy was saved. Nan, a typical Irish girl with red hair and gray eyes, and the fun and laughter that go with them, liked Belle and invited her to a party at her house.

\\

Это были дни подпольных баров, и, поскольку Сайлас был трезвенником, его жена время от времени выпивала со своими подружками в одном из самых известных подземных заведений. Однажды, солнечным днём, она пригласила меня в дом Белл Ливингстон на площади, на Парк Авеню. Как одна из печально известных королев подпольных баров, Белл руководила домом в великолепном стиле; то есть в буйной манере и непристойно на язык. Это было модное место для распития запрещенных напитков, и его часто посещали знаменитые писатели и художники. В тот день, когда я позвонила Нэн, двери ещё не открылись для публики, поскольку днём было слишком рано. Мы обнаружили, что Белл отдыхает одна в своем неглиже. Она пригласила нас наверх, в свою комнату, и предложила нам чашку чая! Но Нэн заказала шампанское, и репутация подпольного бара была сохранена. Нэн, типичная ирландская девушка с рыжими волосами и серыми глазами, а также весельем и смехом, которые сопровождают их, что понравилась Белл и она пригласила её на вечеринку у неё дома.

Sherman Skinner Rogers & Irma Duncan

That party had been secretly planned to take place during her husband's absence in Texas, where he periodically inspected his oil wells. That night, the sixth of April, Belle telephoned beforehand to inquire whether she could bring a couple of men friends along. They had apparently dropped in just as Belle, all dressed in black lace and gardenias for the occasion, was about to leave. Nan told her yes, the more the merrier! And so Belle showed up with her two escorts. They were the writer Cameron Rogers and his older brother Sherman Rogers, who was a lawyer.

\\

Эта вечеринка была тайно запланирована на время отсутствия её мужа в Техасе, где он периодически осматривал свои нефтяные скважины. В ту ночь, шестого апреля, Белл заранее позвонила, чтобы узнать, может ли она взять с собой пару друзей-мужчин. Они, очевидно, зашли в тот момент, когда Белл, одетая в чёрные кружева и гардении, собиралась уходить. Нэн сказала ей да, чем больше, тем веселее! И вот появилась Белл со своими двумя сопровождающими. Это были писатель Кэмерон Роджерс и его старший брат Шерман Роджерс, который был юристом.

I had on a long evening dress in a lovely shade of red, the color of the American Beauty rose. I happened to be pouring the martini cocktails when I was introduced. Cameron remained with Belle, but his brother asked me if he could sit beside me. The sitting room held a crowd of dinner guests, and all we had to sit on was the piano bench. We talked animatedly and he, being so fair with blond hair and blue eyes, gave me the impression he might be a Scandinavian, except for his Harvard accent. He did not leave my side and followed me around everywhere. We sat together at dinner; and afterward, when the guests went upstairs to play roulette or bridge, we repaired to the room where they had music and we danced.

\\

На мне было длинное вечернее платье прекрасного красного оттенка, цвета красавица американская роза. Когда я была представлена, я случайно наливала коктейли с мартини. Кэмерон осталась с Белл, а его брат спросил меня, может ли он посидеть рядом со мной. В гостиной стояла толпа обедающих гостей, и всё, на чём нам приходилось сидеть, - это скамья для фортепиано. Мы оживленно говорили, и он, будучи таким прекрасным, со светлыми волосами и голубыми глазами, произвёл на меня впечатление, что он может быть скандинавом, за исключением его гарвардского акцента. Он не оставил мою персону и повсюду преследовал меня. Мы сидели вместе за ужином; и потом, когда гости поднялись наверх, чтобы поиграть в рулетку или бридж, мы скрылись в комнате, где у них была музыка, и где мы танцевали.

Ten years before, almost to the day, a clairvoyant with a genuine gift for prophecy, a Mademoiselle Berly who lived in Paris, foretold that I would marry. She described my future husband to me, saying he was very blond, had piercing eyes, and was a lawyer. The moment Sherman put his arms about me and we danced, her prophecy came back to me in a flash. "Why," I said to myself, "shades of Mademoiselle Berly! Here he is in the flesh!" The young man, only two years out of law school, apparently had taken a real fancy to me, for he said, "What do you say we go somewhere where we can talk? There are too many people here."

\\

Десять лет назад, почти до сегодняшнего дня, ясновидящая с подлинным даром пророчества, мадемуазель Берли, жившая в Париже, предсказала, что я выйду замуж. Она рассказала мне о моем будущем муже, сказав, что он будет очень белокурый, с пронзительными глазами и будет адвокатом. В тот момент, когда Шерман обнял меня, и мы танцевали, её пророчество мгновенно вернулось ко мне. «Как, - сказала я себе, - тени мадемуазель Берли! Вот он, во плоти!» Молодой человек, только два года как закончивший юридический факультет, по-видимому, по-настоящему полюбил меня, потому что он сказал: «Что вы скажете, чтобы сейчас, может быть, пойти куда-нибудь, где мы можем пообщаться спокойно? Здесь слишком много людей».

I suggested we go to Belle Livingstone's place, because nobody would be over there. I was right. The place was deserted except for a woman covered with diamonds who had had too much to drink; she was telling the captive audience in the person of the bartender all her troubles. Up in the room with the silver mattresses on the floor, Dwight Fiske played softly the tune of the hour, "What is this thing called love?" We talked till dawn. He told me he had been separated from his wife of two years, but that the divorce had not yet been instituted.

\\

Я предложила пойти в заведение Белль Ливингстон, потому что там никого не будет. Я была права. Место было пустынным, за исключением женщины, покрытой бриллиантами, которая слишком много выпила; она рассказывала пленной публике, в лице бармена, все свои проблемы. В комнате с серебряными матрасами на полу, Дуайт Фиске тихо играл мелодию часа: «Что

это за вещь, которая называется любовь?». Мы говорили до рассвета. Он сказал мне, что он развёлся с женой два года назад, но развод ещё не был оформлен.

A son of California, he was born in a house in Mission Canyon, Santa Barbara. Of pioneer stock, he came of a distinguished family that traced its ancestry to the Mayflower. His father also belonged to the legal profession, but was at heart a poet. He was the author of "The Rosary." These lovely words, written to his wife, became world famous when Ethelbert Nevin set them to music. By a strange coincidence, when that song was given its first public performance at a concert by Nevin at the Carnegie Lyceum in 1898, Isadora Duncan appeared on the same program. I was delighted to discover that Sherman too possessed the soul of a dreamer. At dinner one wonderful night in May at the restaurant "21," he wrote on the back of the menu the following lines to me:

A REVERY

\\

Сын Калифорнии, он родился в доме в Каньоне Миссион, Санта-Барбара. По происхождению от первопроходцев, он вышел из выдающейся семьи, которая прослеживала свою родословную до Мэйфлауэра. Его отец также принадлежал к юридической профессии, но в глубине души был поэтом. Он был автором «Розария». Эти прекрасные слова, написанные его жене, стали всемирно известными, когда Этельберт Невин поставил их под музыку. По странному стечению обстоятельств, когда эта песня была впервые представлена на концерте Невина в лицее Карнеги в 1898 году, в этой же программе появилась и Айседора Дункан. Я была рада узнать, что Шерман тоже обладал душой мечтателя.

На одном из чудесных майских вечеров в ресторане «21» он написал на обратной стороне меню следующие строки:

ВИБРАЦИЯ

*Music and laughter-a single flower glows
Bright crimson in the darkness of your hair;
Behind the jade-green of your eyes, who knows
What pagan Goddess beckons to me there.*

\\

Музыка и смех - один цветок светится,
Ярко-малиновый, в темноте твоих волос;
За нефритово-зелеными глазами, кто знает,
Какая языческая Богиня зовёт меня туда.

*Pagan Goddess or Hamadryad?
Two thousand years ago you danced for Pan,
Danced while he piped, white limbs with ivy clad;
What brings you here to dance for mortal man?*

\\

Языческая Богиня или Хамадриад?

Две тысячи лет назад ты танцевала для Пана,
Танцевала, пока он пыхтел, белые конечности в плющевой одежде;
Что привело вас сюда, чтобы танцевать для смертного человека?

*Let us enjoy your dancing; it is not long
I feel, before the shaggy one returns
To claim you. Even now his song
Shrills wild and in your hair a crimson flower burns.*

\\

Позвольте нам наслаждаться вашим танцем; это не долго.
Я чувствую, прежде чем косматый возвращается,
Чтобы требовать вас. Даже сейчас его песня,
Дикая и пронзительная, и в твоих волосах багровый цветок горит.

*Our attachment grew stronger with each day that passed. He left for Paris that winter
to obtain his divorce. But quite a few more years had to pass before he was
professionally established and we could think of marriage. This supreme happiness
came to me at last, somewhat late in life, but better late where the right man is
concerned than never.*

\\

Наша привязанность крепла с каждым днём. Этой зимой он уехал в Париж,
чтобы получить развод. Но прошло ещё несколько лет, прежде чем он
профессионально утвердился, и мы могли подумать о браке. Это высшее
счастье пришло ко мне, наконец, несколько позднее, но лучше поздно, когда
речь идет о правильном человеке, чем никогда.

Walter Damrosch

*In the early part of 1933, I lived in a women's hotel on Mitchell Place, near the East
River. I held my dancing classes there, as I now taught-for the first time in my career-
paying pupils. I had a livelihood to earn. One rainy morning, sitting by the window in
my room, I made a watercolor sketch of the view in the distance-the Queensborough
Bridge over the river and Ward's Island in the center. I had not sketched since school
days and had no idea I had any talent for this art. Just then the telephone rang. It was
the secretary of Walter Damrosch. Damrosch, who was then nearly eighty, had
conducted for Isadora.*

\\

В начале 1933 года я жила в женском отеле на Митчелл-Плейс, недалеко от
Ист-Ривер. Я проводила там уроки танцев, как я сейчас преподаю, впервые в
моей карьере с оплачиваемыми учениками. У меня были средства к
существованию, была возможность заработать. Однажды, дождливым утром,
сидя у окна в своей комнате, я сделала акварельный набросок панорамы на
расстоянии - моста Квинсборо через реку и острова Уорда в центре. Я не
рисовала со школьных времен и понятия не имела, что у меня есть талант к

этому искусству. В этот момент зазвонил телефон. Это был секретарь Вальтера Дамроша. Дамрош, которому тогда было почти восемьдесят лет, дирижировал для Айседоры.

Beethoven's Ninth Symphony

The secretary made an appointment for me to see the old gentleman, since he had something important to discuss with me. The next day he told me of his plan to present the Ninth Symphony of Beethoven as a huge pageant to Peace. He wanted me to stage the choreography for the last movement, which contains Schiller's "Ode to Joy." I remembered Isadora's lifelong ambition of dancing the Ninth. I enthusiastically agreed to his plan. Isadora had written of her vision:

\\

Секретарь назначил мне встречу со старым джентльменом, поскольку у него было что-то важное, чтобы обсудить со мной. На следующий день он рассказал мне о своем плане представить Девятую симфонию Бетховена в качестве огромного представления о мире. Он хотел, чтобы я поставила хореографию для последней части, которая содержит «Оду к радости» Шиллера. Я вспомнила пожизненные амбиции Айседоры танцевать Девятую. Я с энтузиазмом согласилась на его план. Айседора писала о своем видении:

*I was possessed by the idea of a school-vast ensemble-dancing in the Ninth Symphony of Beethoven. At night I had only to shut my eyes and these figures danced through my brain in mighty array, calling on me to bring them to life. "We are here! You are the one at whose touch we might live! . . ." I was possessed by the dream of Promethean creation that, at my call, might spring from the Earth, descend from the Heavens, such dancing figures as the world had never seen.**

**Life, p. 213.*

\\

Я была одержима идеей танцевального ансамбля в Девятой симфонии Бетховена. Ночью мне оставалось только закрыть глаза, и эти фигуры мощно танцевали в моем мозгу, призывая меня оживить их. «Мы здесь! Ты та, на чьем прикосновении, мы можем жить!...» Я была одержима мечтой о создании Прометея, который, по моему зову, может появиться на Земле, и спуститься с небес. И таких танцующих фигур, которых мир никогда не видел.*

**Жизнь, с. 213.*

Damrosch told me, "Isadora Duncan's delineation of Beethoven's Seventh Symphony, twenty-five years ago, helped to open my eyes and mind to the significant connection between the art of music and dance. When I started to work on the scenario of the dramatization of the Ninth, it was as if Beethoven's music controlled me and prevented me from introducing any element which smacked of the theatrical or artificial."

\\

Дамрош сказал мне: «Изложение Айседоры Дункан Седьмой симфонии Бетховена двадцать пять лет назад, помогло мне открыть глаза и разум на важную связь между искусством музыки и танца. Когда я начал работать над сценарием инсценировки Девятой, это было так, как будто музыка Бетховена контролировала меня и не позволяла мне вводить какие-либо элементы, которые пахивали театральным или искусственным».

The scenario, which Walter Damrosch worked out for me to follow in staging the last movement with its stupendous choral "Ode to Joy," gives an indication of what we tried to express. I will append it here the way he wrote it:

\\

Сценарий, который Уолтер Дамрош разработал для меня, чтобы следовать в постановке последней части, с его колоссальной хоровой «Одой к радости», даёт представление о том, что мы пытались выразить. Я добавлю его здесь так, как он написал:

First, war and the desolation of war. The unhappy restlessness of the world. Then remonstrance by the Priest of the Temple of Peace with some hopeful pleading in pantomime, after which comes the soft beginning by the orchestra only playing the Hymn of the brotherhood of man, gradually increasing in strength as if coming nearer and nearer from a great distance—indicating a world awakening. During this music the dancer might begin to decorate the altar and the temple with garlands. The stage becomes brighter and at the fortissimo reiteration of the hymn, the dance becomes more and more joyous and triumphant in character. A short interruption by the renewed loud dissonance of battle as the High Priest comes forward and slowly sings: "O Friends, no longer these sounds of war, let us intone more peaceful and joyful ones!"

\\

Во-первых, война и запустение войны. Несчастное беспокойство мира. Затем выступление священника Храма Мира с некоторой обнадеживающей мольбой в пантомиме, после чего оркестр начинает мягкое начало, только играя Гимн братства людей, постепенно увеличивая силу, как будто приближаясь, и приближаясь с большого расстояния, и указывает на пробуждение мира. Во время этой музыки танцор может начать украшать алтарь и храм гирляндами. Сцена становится ярче, и после повторения гимна фортиссимо, танец становится всё более радостным и торжествующим по своему характеру. Короткий перерыв, возобновившимся новым громким диссонансом битвы, когда Первосвященник выходит вперёд и медленно поёт: «О, друзья, довольно этих звуков войны, давайте создавать звуки более мирные и радостные!»

The great chorus now begins to chant the Hymn of Joy. Representatives of all the nations of the world in their native costumes begin to pour in through the two side entrances of the auditorium and march up the middle of the aisle with their banners, garlands, etc., towards the steps leading to the altar of Peace. As the chorus chants

the words: "And the cherub stands before God," there is a great devotional climax from the entire multitude.

\\

Большой хор начинает петь Гимн Радости. Представители всех народов мира, в своих национальных костюмах, начинают вливаться через два боковых входа в зал и продвигаться по середине прохода со своими знамёнами, гирляндами и т.д. К ступеням, ведущим к алтарю Мира. Когда хор повторяет слова: «И херувим предстаёт перед Богом», для всего множества людей наступает великий кульминационный момент.

To the music that follows this devotional climax a march of youths, half-naked like athletes with garlands and banners symbolizing the joyousness of youth in a world freed from war come dancing forward. They ascend the stage and together with the maidens execute a wild dance of joy. To the words: "Be embraced O Ye Millions, this kiss to the whole world!" they all embrace and in pantomime express the symbolical words chanted by the chorus: "Brothers! over yonder starry tent a loving Father must be dwelling! O ye millions, ye fall down, feel ye not the Creator? Search Him above the starry tent, far above the stars he must dwell."

\\

Под музыку, которая следует за этим кульминационным моментом, вперёд выступают танцующие молодые люди, полуобнаженные, как атлеты с гирляндами и знамёнами, символизирующими радость молодежи в мире, освобожденном от войны. Они поднимаются на сцену, и вместе с девушками исполняют дикий танец радости. К словам: «Обнимитесь, О, миллионы, этот поцелуй всему миру!» все они обнимаются, и в пантомиме выражают символические слова, воспеваемые хором: «Братья! над звездным шатром должен жить любящий Отец! О, миллионы, падаете, не чувствуете себя Творцом? Исследуйте Его над звёздным шатром, далеко над звёздами он должен жить».

Then the chorus chants the Hymn of Joy in quicker time and new accentuations accompanied by dancing by the multitude. The banner bearers and the soldiers carrying arms deposit them around the altar on which a flame of eternal Peace had been lighted followed by a general expression of joy.

\\

Затем хор в быстром темпе и с новыми акцентами повторяет Гимн Радости, сопровождаемый танцами множества исполнителей. Знаменосцы и солдаты, несущие оружие, кладут его вокруг алтаря, на котором было зажжено пламя вечного Мира, за которым следует общее выражение радости.

Dance Festival at Madison Square Garden in New York, at January 25, 1933

The night dedicated to the grand music and dance festival at Madison Square Garden in New York, at a time when warlike rumbles were heard once more in Europe, was that of January 25, 1933. Damrosch conducted the orchestra of a hundred men and a mixed chorus of a hundred voices in a magnificent rendering of Beethoven's mighty symphony. I danced at the head of a group of fifty men, women, and children—all humanity—as my great teacher had always envisioned it. As the theme of the "Ode to Joy" began, that hymn of the brotherhood of man, played very softly by the strings alone, I stepped out onto the big stage—a single figure dancing. As the grandiose melody built higher with the whole orchestra coming in, two others joined me, then more and more, until the entire stage was filled with dancing figures in mighty array, exactly as Isadora Duncan had dreamed it. Before the dance had ended, I surreptitiously stole away from the whirling mass of dancing figures and stood quietly in the shadow of the wings to watch them dance the closing measures. No one had noticed my departure.

\\

Ночью, посвященной грандиозному фестивалю музыки и танца в Мэдисон Сквер Гарден в Нью-Йорке, в то время, когда в Европе снова звучали воинственные грохоты, была ночь 25 января 1933 года. Дамрош руководил оркестром из ста человек и смешанного хора из ста голосов, в великолепном исполнении могучей симфонии Бетховена. Я танцевала во главе группы из пятидесяти мужчин, женщин и детей - всего человечества - как всегда думала мой великий учитель. Когда началась тема «Ода радости», этот гимн братства людей, очень тихо сыгранный только на струнах, я вышла на большую сцену – как танцующая фигура. По мере того как грандиозная мелодия росла всё выше, с приходом всего оркестра, ко мне присоединились ещё двое, затем всё больше

и больше, пока вся сцена не была заполнена танцующими фигурами в могучем массиве, в точности так, как мечтала Айседора Дункан. До того, как танец закончился, я тайком скрылась от кружащейся массы танцующих фигур, и тихо стояла в тени крыльев, наблюдая, как они танцуют заключительные такты. Никто не заметил мой уход.

Among that crowd of eighteen thousand spectators filling every seat in that vast auditorium, there was only one person, the man I was going to marry, who knew that this was my swan song-my last dance in public. As I stood and watched, I suddenly sensed a presence near, hovering over me, and seemed to hear these whispered words: "I see the Future, it is there-and we will dance the Ninth Symphony yet!"

\\

Среди этой толпы из восемнадцати тысяч зрителей, занимающих все места в этом огромном зале, был только один человек, мужчина, на котором я собиралась жениться, который знал, что это моя лебединая песня - мой последний танец на публике. Когда я стояла и смотрела, я внезапно почувствовала чье-то присутствие рядом, зависшее надо мной, и, казалось, услышала эти шепчущие слова: «Я вижу Будущее, оно там - и мы будем танцевать Девятую Симфонию!»

I had come a long way. In my mind's eye I saw the little girl in Hamburg, skipping along the darkened street with a red paper torch light in her hand. This light had turned into a brighter flame as I had to uphold the torch of an ideal. All things must come to an end. I had had my own share of public acclaim during nearly thirty years

of dancing on the stage. I did not regret leaving the glaring spotlights for the obscurity of a private existence. Life, at that moment, seemed to prove that wonders never cease; that out of the hardship and miseries of existence should bloom the marvel of a great, true love.

\\

Я прошла долгий путь. Мысленным взором я увидел маленькую девочку в Гамбурге, скачущую по тёмной улице, с красным бумажным фонариком в руке. Этот свет превратился в более яркое пламя, поскольку я должна была поддерживать факел идеала. Все вещи должны прийти к концу. У меня была своя доля общественного признания, в течение почти тридцати лет танцев на сцене. Я не сожалела о том, что бросила светящиеся прожекторы, ради неясности частной жизни. Жизнь в тот момент, казалось, доказывала, что чудеса никогда не прекращаются; что из трудностей и страданий существования, должно расцвести чудо великой, настоящей любви.

And so, with a fervent heart, I thanked Providence for all the blessings I had received and-at the end-for giving me this unique opportunity to close that part of my life in harmony and beauty and artistic fulfillment. For being able, through Beethoven's immortal music and Schiller's inspired poem to the brotherhood of mankind-for which all men of good will must strive-to say a glorious and joyful farewell to my dance career.

\\

И поэтому, с горячим сердцем, я поблагодарила Провидение за все благословения, которые я получила, и, в конце концов, за предоставленную мне уникальную возможность завершить эту часть моей жизни в гармонии, красоте и художественном исполнении. Чтобы быть способным, благодаря бессмертной музыке Бетховена и вдохновенному стихотворению Шиллера о братстве человечества, к которому должны стремиться все люди доброй воли, произнести славное и радостное прощание с моей танцевальной карьерой.

Пер. с англ. А.Панов

Index of Names

Adamson, Fire Commissioner, 154
Alexander, King of Greece, 198
Alexandra, Queen, 81-82, 212
Andre Vladimirovitch, Grand Duke, 66-68
Arts of the Theatre, The, 79
Aubert, Johnny, 181-182
Auguste Victoria, Empress, 42, 78
Axen, Mrs. Anna, 247, 306-308

Bach, Johann Sebastian, 168, 182, 205
Bacchae, The, 158
Baker, Josephine, 199
Baker, Miss, 148, 150
Balashova, Alexandra, 226, 232
Baltanic, S.S., 218-219, 221
Bara, Theda, 161, 179
Bauer, Harold, 200
Baumgarten, Otto, 179-180, 184
Beethoven, Ludwig von, 20, 119, 168, 173, 193, 197, 205, 241, 251, 339, 341, 342
Begas, Mrs. Reinhold, 39
Bentley, Alys, 170
Benson, Stuart, 160, 180-181
Berault, Count and Countess de, 122-123
Berly, Mademoiselle, 337
Black Crook, The, 326
Blake, William, 115
Bloch, Mr. and Mrs. Ernest, 156
Boissevain, Eugen, 160, 182-184, 186
Bonaparte, Jerome, 89, 99
Borodin, Mrs. Fanny, 289-293, 300-301, 314
Borodin, Michael, 285, 287, 293-298, 301-302
Borowsky, 332-333
Bourdelle, Antoine, 130
Bourgeois, Stephan, 160, 180, 214
Brahms, Johannes, 170
British Museum, 217

Brooklyn Eagle, 160
Broun, Heywood, 182
Bynner, Witter, 149, 152-153

Canonia, S.S., 190
Capablanca, Jose, 259
Chang Tso-lin, 280-281, 284, 287, 300-301
Chen, Eugen, 293-294, 299, 302
Cheremeteff, Colonel Serge, 272
Chiang Kai-shek, 284-285, 287, 292-293
Chicago Tribune, 263
"Child-Dancers, The," 149
Chopin, Frederic, 71, 170, 174, 176, 182-183, 200, 205, 212, 277, 279, 296
Coburn, Charles, 164-165
Collier, John, 151
Collier's Magazine, 160
Comedia, 310
Cornedie Fran~aise, 147
Contemplatione della Marte, 158
Colonne, 79
Copanos, Athens, 191
Cope au, Jacques, 210
Copeland, George, 167-168, 176-179, 188
Corelli, Arcangelo, 50
Corey, Mrs. W. E., 86-88, 90
Craig, Edward Gordon, 12, 34, 42, 57, 60, 79-80, 256, 263

D'Annunzio, Gabriele, 158
Dante Alighieri, S.S., 156
Dante, 168, 318
Dallies, Christine, 187, 189, 263
Damrosch, Walter, 339-341
Dean, Priscilla, 161
Debussy, Claude, 167-168
Deirdre, 61, 86, 88, 117-118, 130, 132, 168
"Delight," 83

- Denis, Maurice*, 130
Denver Times, 176
Der Ling, Princess, 279
Desti, Mary (Sturges), 90, 99, 131, 139, 205, 218, 279, 311, 313, 316, 319
Diaghilev Ballets Russes, 71
Divoire, Fernand, 128
Dodge, Mabel, 151
Dourouze, Madame, 156, 159
Duchamp, Marcel, 160
Dumas, Alexandre, 312
DuMaurier, George, 198
Duncan, Angus, 141-142, 184
Duncan, Anna, 16-17, 106, 145-146, 157, 169, 171, 174, 182, 184, 186-189, 193, 205, 214, 236-237, 276
Duncan, Augustin, 16, 131, 141-142, 145-146, 148, 180, 182-183, 187, 164-167, 173, 180, 185-186, 203-204, 207, 266, 329
Duncan, Elizabeth, 6, 17, 28, 30-31, 37-38, 40-41, 43-44, 47-49, 51-58, 60-61, 63-64, 67, 76-78, 86-91, 93, 97, 99, 101-103, 106-111, 113-114, 116-117, 119-120, 124, 143-144, 166, 173, 266, 321, 334
Duncan, Erica, 18, 18, 32, 61, 95-96, 107, 157, 169, 171, 179, 181, 185
Duncan, Isadora, 3-6, 10-13, 16-17, 20-31, 33-34, 36-41, 43-45, 47-49, 51-62, 64, 66-72, 74-75, 78, 80-82, 85-86, 88-91, 93, 97, 99-104, 107-110, 112-119, 121-124, 126-133, 137-147, 150-161, 163-174, 180, 183-214, 217-225, 227-234, 236-238, 240-242, 249-257, 260, 262-271, 277-280, 283-284, 292, 294, 309-325, 327-330, 332-335, 338-339, 341
Duncan, Lisa (Liesel), 17, 106, 187, 169, 171, 174, 182, 183-184, 187, 192-193, 205-206, 209, 211, 213-214, 236-237, 256, 276, 309, 318-319
Duncan, Margherita, 141-142, 145-146, 148, 150, 153, 180, 184, 323
Duncan, Margot (Gretel), 17, 106, 187, 169, 171, 177, 184-185, 188, 192-193, 205, 211, 214, 236, 263-264
Duncan, Mary Dora (Gray), 174-175
Duncan, Raymond, 156, 266, 319
Duncan, Temple, 16, 61, 95, 107, 131, 276
Duncan, Theresa (Maria-Theresa), 16, 106, 117, 157, 169, 171, 188, 193, 205, 209, 211, 213-214, 276
Duncanides, 102
Dupin, 122
Duranty, Walter, 253, 259
Duse, Eleonora, 81, 137-140

Eastman, Max, 160, 182-184, 186, 259
Ederle, Gertrude, 326
Edlinger, Ferdinand, 130
Edward VII, King, 81-82, 212
Electra, 158
Ellis Island, 148
Emanuel, 44
Emerson, Ralph Waldo, 262
Essenine, Sergei, 230-231, 236, 241
Euripides, 158

Falchetto, Benoit, 316
Falck, Edward, 182
Federn, Karl, 34
Fiske, Dwight, 337
Flagg, James Montgomery, 164
Florinsky, Count, 160, 221
Foch, Marshal Ferdinand, 167
Fokine, Michael, 69-71
Ford, Mr. and Mrs. Ellsworth, 149
Fortuni, 189-190
Franck, Alicia, 148
Franck, Cesar, 139, 315
Freeman, Helen, 153
Frederick, Pauline, 161
Friganza, Trixie, 177
Frohman, Charles, 80, 90

Gallagher, Lieutenant, 155
Galli-Curci, Amelita, 184

- Galsworthy, John*, 83, 85
Garden, Mary, 153
Geltzer, Ekaterina, 222-223, 250
Genthe, Arnold, 160, 180-182, 186
Germanic Museum (Nuremberg), 106
Gilman, Mabel, 86-87, 97
Gilman, Mrs., 87-89, 92-93, 97-99
Gish, Lillian, 161
Gluck, Christoph Willibald, 35, 128, 141, 174, 183, 192
Goethe, Johann Wolfgang von, 159, 168
Grandjouan, Jean, 122
Grieg, Edvard, 181
Gretchaninoff, Alexander, 255
Guilbert, Yvette, 174

Hamilton, Bill, 160, 180
Hamlet, 318
Harle, Norman, 203, 207, 218
Harrach, Countess, 39
Harriman, Averell, 259
Harting, Fraulein, 96-99
Heifetz, Jascha, 184
Hermitage Museum, 70
Hesse, Alix, Princess of (Tsarina), 111
Hesse, Elenore, Grand Duchess of, 111, 142
Hesse, Ernest Louis, Grand Duke of, 91, 111-112, 142
Hochschule für Musik, 107
Hoffa, Dr., 33
Hohle, Professor, 105-106
Hoover Commission, 226, 259, 326
Howe, F. C., 148, 186
Humperdinck, Engelbert, 39, 49
Hurok, Sol, 185, 203-204, 322-323

Ile de France, S.S., 324
Imperial Ballet School, 69, 208
Iphigenia In Tauris, 152
Isabelle, 17, 82, 184
Isvestia, 229, 238, 324

Jaques-Dalcroze, Emile, 38

Kahn, Otto H., 153
Kalenina, Madame, 257, 264
Kaltenborn, Hans and Olga von, 160
Kantorovich, A. I., 301
Karsavina, Tamara, 71
Keats, John, 54, 212
Kellerman, Annette, 28
Kling, Dr., 106
Kom Ombo Temple, 119
Konegen, Fraulein, 15-19, 53
Krassine, Leonide, 208
Kreisler, Fritz, 160
Kschessinska, Mathilde, 66-68, 70
Kun, Bela, 227

Lady Evelyn (yacht), 115
Lanner, Joseph, 64
Lapland, S.S., 148
Lederman, Minna, 151
Lenin, Vladimir Ilyich, 213, 222, 225, 230, 238-240
Leopoldina, S.S., 186
Lessing Society, 142
Lewis, Sinclair, 259
Lincoln Center, 161
Lindsey, Judge and Mrs. Ben B., 176-177
Lippach, Fraulein, 18-16, 53
Lippmann, Walter, 151
Liszt, Franz, 254, 313, 316
Litvinoff, Mrs. Maxim, 220-221
Livingstone, Belle, 336-337
Lodge, Senator Henry Cabot, 184
Louis XIV, King, 294, 312
Luboshutz, Pierre, 235
L'Humaniti, 240
Lunacharsky, Anatole V., 209, 222, 224-225, 228, 230, 238, 265, 286, 305, 323
Lyons, Eugene, 259

Macdougall, Allan Ross, 323-324
MacKaye, Percy, 149
Maeterlinck, Maurice, 35
Maitland, Fuller, 278

- Malone, Dudley Field*, 184, 186, 324
Manchester, Duchess of, 80-81
Maria Pavlovna, Grand Duchess, 241
Mason, Redfern, 174
Maurice and Hughes, 200
Maxwell, Elsa, 160
Mayflower, 338
Meighan, Tom, 174
Meiningen, Princess von, 39
Mendelsohn, Frau von, 39
Merz, Max, 67, 90, 103-112, 124, 127, 143-145, 251, 321
Metchik, Mark, 249, 252, 254
Midsummer Night's Dream, A, 141
Millay, Edna St. Vincent, 160, 324
Minneapolis Tribune, 335
Mitchel, John Purroy, 151
Mitchell, Ruth, 218, 220
Morgen Post, 24
Moscow Conservatory, 275
Moskvin, Ivan M., 223
Mouraviev-Amoursky, Count, 304
Mozart, Wolfgang Amadeus, 168, 182, 205
Mysovsky, Elisaveta Gregorievna, 241, 270, 288, 304, 326, 331

Narkompross, 285, 303
National Museum, Athens, 191
National Zeitung, 49
Nazimova, Alia, 164
Nevin, Ethelbert, 338
New Gallery, 34, 278
Newton, Mr. and Mrs. Silas, 336-337
New Russia, The, 260
New York American, 328
New York Globe, 109
New York Journal, 336
New York Mail, 151, 169
New York Tribune and Herald Tribune, 154, 182, 310, 327, 329, 335
Nicholas II, Tsar, 68-69, 71, 208, 227
Nietzsche, Friedrich W., 34, 168, 241
Nijinsky, Vaslav, 70-71

Oedipus Rex, 154
Olga Alexandrovna, Grand Duchess, 64
Orczy, Baroness, 271.

Passmore, Professor, 30
Pasternak, Boris, 322
Patrick, 114, 116, 130, 158, 168
Pavlova, Anna, 65, 71
Peter Ibbetson, 198
Petipa, Marius, 69
Picabia, Francis, 160
Plato, 168, 320
Podvowsky, Commissar, 237, 249, 251-252, 264, 321
Poe, Edgar Allan, 254
Poiret, Paul, 113, 125, 187
Polk, Secretary of State, 186
Poppe, Pastor, 145-146
Pratt, George, 172
Press Association, Berlin, 25
Princeton University, 85
Prussia, Prince and Princess Henry of, 142

Reiss, Wienold, 160, 175, 179, 184-185
Renneville, de, 210
Reuss, Princess Henry VII of, 37, 39
Roberts, Mrs. Mary Fanton, 151, 182
Robinson, Attmore, 153
Rogers, Cameron, 337
Rogers, Sherman S., 337-338, 341
Romanovsky-Krassinsky, Princess Mathilde, 68
Roosevelt, Franklin D., 273
"Rosary, The," 338
Rothbart, Albert, 181
Rousseau, Marta, 164
Rubinstein, Beryl, 181-182, 184
Rummel, Walter, 187, 188-189, 199, 201, 205

Sanborn, Pitts, 169
San Francisco Examiner, 174
Sappho of Lesbos, 158

- Sartoris, Cecile*, 210, 227, 310, 330-331
Sauret, Henriette, 315
Schiller, Friedrich, 168, 342
Schleswig-Holstein, Princess Henry of, 34
Schneider, Ilya, 222-224, 232, 255, 264, 272-273, 282, 303
Schubert, Franz, 48, 128, 151, 168, 174, 184, 205, 235, 315
Schumann-Heink, Ernestine, 3
Schumann, Robert, 11, 48-51, 182, 212
Segurola, Andres de, 160
Seroff, Victor, 311, 313
Shakespeare, William, 141, 168, 318
Shaw, Bernard, 159
Shein (Sheyne), Moyssei Borissovich, 275, 279, 296, 326
Sheridan, Anne, 225
Sides, Alfredo, 309, 310
Singer, Paris, 101 113-114, 116-117, 122, 129-130, 141, 157-158, 196, 252, 263, 316, 329-330, 332
Skene, Hener, 119-120, 127-128, 139, 146, 170
Soong, T. V., 291
Spaeth, Sigmund, 169, 182
Stanislavsky, Constantine, 146, 323
Steichen, Edward, 190, 192
Stockhausen, Annie von, 180-181, 184
Strauss, Johann, 183
Sturges, Mary, *see* *Mary Desti*
Sturges, Preston, 90
Sun Yat-sen, 280, 284-285, 290
Sun Yat-sen, Madame, 290-291, 293, 297, 302
Susanna, 96, 104-106
Swanson, Gloria, 179

Taisho, Emperor of Japan, 282
Talmadge, Norma, 161
Tante Miss, *see* *Elizabeth Duncan*
Tchaikowsky, Peter Ilich, 193, 212, 228, 323

Terry, Ellen, 80
Thompson, Dorothy, 259-260
Three Musketeers, The, 312
Touchstone, The, 151
Toy, Frederick H., 154
Traveler's Aid Society, 96
Trojan Women, The, 158
Trollope, Anthony, 272
Trotsky, Leon, 213, 225, 242, 258, 275
Tzu-Hsi, Empress, 279

Ungern-Sternberg, Baron, 160

Valentino, Rudolph, 200
Varese, Edgard, 160
Venizelos, Eleutherios, 192
Victoria, Queen, 111
Vienna Conservatory, 107
Vogue, 186
Votichenko, Dolly, 188-189, 205-207
Votichenko, Sasha, 164, 188-189

Wagner, Richard, 20, 36, 39, 131, 202-203, 236, 254, 279, 330
Wagner, Siegfried, 39
Wales, Edward Prince of, 331
Walker, James J. ("Jimmy"), 326
Walton, Florence, 200
Ward, Mrs. Humphry, 272
Watkins, Mary, 327-328
Weimar, Grand Duke and Duchess of, 124
Whittimore, Professor, 118
Whitman, Sarah, 153
Whitman, Walt, 241
Wilhelm, Crown Prince and Crown Princess, 143-144
William 1, Emperor, 39, 199
Wolff, Albert, 315
Wu Pei-fu, 290, 292
Young, Art, 186
Ysaye, Eugene, 168
Zappeion Museum, 193
Zelli, Joe, 200
Zschetzsching, Frau, 58-60, 62, 79

ОБ АВТОРЕ

Дункан, Ирма (1897-1977) [Irma Dorette Henriette Ehrich-Grimme, February 26, 1897 - September 20, 1977], танцор и преподаватель танца, родилась 26 февраля 1897 года в Шлезвиг-Гольштейне [Schleswig-Holstein], недалеко от Гамбурга, Германия. Дочь Эрнста Августа Гримма [Ernst August Grimme] и Кристианы Гримм [Christiane Grimme]. Мать привела семилетнюю Ирму на прослушивание к танцовщице Айседоре Дункан. В январе 1905 года она стала ученицей Айседоры Дункан в школе Грюневальд [Grunewald school] под Берлином. В 1917 году, Ирма и пять других первоначальных учениц Айседоры, юридически изменили фамилии на Дункан, и стали приёмными дочерьми Дункан. В 1918 году эти шесть человек - Анна Дензлер, Мария-Тереза Крюгер, Ирма Эрих-Гримм, Элизабет Милкер, Марго Йел, Эрика Ломанн [Anna Denzler, Maria-Theresa Kruger, Irma Erich-Grimme, Elizabeth Milker, Margot Jehl, Erica Lohmann] сформировали группу, известную как танцоры Айседоры Дункан [Isadora Duncan Dancers] или Айседоринские [Isadorables].

В Москву Ирма приехала вместе с Айседорой, чтобы основать там третью по счёту школу танца. Преподавала в московской школе с 1921 по 1927 год. По инициативе правительства России выезжала на гастроли с учениками по всей стране до Дальнего Востока, и даже в Китай. После отъезда Айседоры Дункан в Европу в 1924 года, и до 1930 года руководила школой. В Москве вышла замуж за журналиста И.И.Шнейдера, затем ставшим секретарем, а позже административным директором московской школы. Впоследствии Шнейдер развелся с Ирмой, предпочтя ей одну из учениц школы. Ирма гастролеровала по Европе и Америке со своими русскими учениками в 1928-1929 и 1929-1930 годах. В 1928 г. Ирме Дункан удалось вывезти 11 учениц московской школы в США, которые полтора года с большим успехом выступали в различных городах США. Советское правительство в категоричной форме потребовали возвращения учениц домой. Когда её группа, известная как московские танцоры Айседоры Дункан, была вынуждена вернуться в Россию, Ирма решила остаться в Соединенных Штатах. Стала гражданкой США в 1935 году. Вышла замуж за Шермана С. Роджерса [Sherman S. Rogers], адвоката из Нью-Йорка. Собранную коллекцию материалов об Айседоре Дункан передала в Центр исследований по исполнительному искусству при Нью-йоркской публичной библиотеке.

Ирма Дункан умерла 20 сентября 1977 года в Санта-Барбаре, штат Калифорния.

Студия танцев Дункан в Москве была ликвидирована в 1948 г. во время проводимой в стране борьбе с космополитизмом.

*

Duncan Dancer; An Autobiography 1966
Duncan, Irma.

Review

Irma Duncan (1897-1977), one of Isadorables and the adopted daughters of Isadora, describes her life. In 1905, Irma joins Isadora's first school in Gruenwald, Germany. Isadora allows her to teach children dance when she is 15 years old. She goes to many countries to perform with Isadora. In 1921, Irma goes to Russia to support Isadora's school. Irma gets married to Isadora's secretary and the school manager Ilya Ilyich Schneider (1891-1980). Irma continues to teach in Moscow after Isadora leaves Russia for Germany to solve the school's financial problem at the end of Sept. 1924. After Irma divorces with Schneider, she goes on the US and Canadian tour with her pupils from December 10, 1928 to Jan. 24, 1930. Irma decides to stay in USA to teach and perform Isadora's legacy. Irma opens Duncan Dance School in NYC and works with Anna Duncan. They teach many of the third generation Duncan Dancers such as Mignon Garland, Julia Levien (1911-2006), Hortense Kooluris (Sept. 22, 1914- Feb. 8, 2007), etc. Irma gives her last public performance on Jan 25, 1934 at Madison Square Garden, NY after her marriage with Sherman Rogers.

In the Foreword, Irma says, "My life with Isadora Duncan dates from 1905, until her untimely end in 1927. This Period covers most of my own career as a dancer. During all these vital, creative years of working together, neither of us was able to leave some tangible result of our transient art. This book must therefore remain the sole, abiding record of my work in the world of the dance (xi)." This work first appeared in Dance Perspectives 21& 22 in 1965.

Keywords

NEH, National Endowment of the Humanities, open books, Melon Foundation, open access humanities, Dance, modernism, Duncan, Isadorables, Irma Duncan, Isadora Duncan, Irma Dorette Henriette Erich-Grimme

Disciplines

Acting | Alternative and Complementary Medicine | Art Practice | Dance | Digital Humanities | Esthetics | Feminist Philosophy | Movement and Mind-Body Therapies | Other Arts and Humanities | Other Theatre and Performance Studies | Performance Studies | Somatic Bodywork and Related Therapeutic Practices | Theatre History | Therapeutics

*

Duncan, Irma. Duncan Dancer; an Autobiography. Middletown, Conn., Wesleyan University Press. 1966.

Publisher: Wesleyan University Press (February 10, 1966, Stated 1st Edition)

Hardcover: 368 pages

Language: English

ISBN: 0836992881

ISBN-10: 0836992881

ISBN-13: 978-0836992885

ISBN 978-0-8195-7793-1

Publisher: Ayer Co Pub (June 1, 1980)

Hardcover: 352 pages

ISBN: B0006BNXFM

https://wescholar.wesleyan.edu/wespress_dance/2/

Table of Contents* *DUNCAN DANCER*** *PART I. 1905-1913* **-- *ЧАСТЬ I. 8-16 лет*[17], p. 3-9 * *Prelude* *-1- [26], p.10-19 * *Follow Me* *-2- [38], p.20-36 * *Dancer of the Future* *-3- [55], p.37-61 * *The Greatest Thing in Life* *-4- [82], p.62-85 * *European Tour* *-5- [108], p.86-100 * *Sojourn at Chateau Villegenis* *-6- [123], p.101-112 * *Elizabeth Takes Over* *-7- [135], p.113-123 * *Lesson in the Temple* *-8- [148], p.124-133 * *You Must Be My Children* *** *PART II. 1913-1921* **-- *ЧАСТЬ II. 16-24 года*-9- [161], p.137-147 * *Dionysion* *-10- [172], p.148-162 * *Growing Up* *-11- [161], p.163-186 * *Isadora Duncan Dancers* *-12- [211], p.187-197 * *Demeter and Persephone* *-13- [222], p.198-214 * *The School Is Dead, Long Live the School* *** *PART III. 1921-1933* **-- *ЧАСТЬ III. 24-36 лет*-14- [243], p.217-257 * *Exile* *-15- [257], p.232-239 * *Little Dividend* *-16- [266], p.240-248 * *A Last Visit* *-17- [275], p.249-258 * *Plough the Ground, Sow the Seed* *-18- [285], p.259-272 * *If You Will Be Faithful* *-19- [299], p.273-299 * *To China and Back* *-20- [326], p.300-308 * *Return to Moscow* *-21- [337], p.309-314 * *Finale* *-22- [343], p.315-325 * *Curtain* *-23- [354], p.326-342 * *The End and a New Beginning* *[371], p.343-352 * *Index of Names* *

*

[Duncan Dancer, an Autobiography by IRMA DUNCAN, p.]

\ [ТАНЦОВЩИЦА ДУНКАН, как Автобиография ИРМЫ ДУНКАН, стр.]

ТАНЦОВЩИЦА ДУНКАН, как Автобиография ИРМЫ ДУНКАН. / Ирма Дункан; Айседора Дункан; Пер. с англ. А.Панов; Под ред. О.Труль. С илл. - Санкт-Петербург : Изд. "Классика-Модерн" Культурный Центр Чистых Искусств имени Айседоры Дункан [Дункан-Центр], 2019.

DUNCAN DANCER, an Autobiography by IRMA DUNCAN. / Irma Duncan; Isadora Duncan; Translation from English by A.Panov; Edited by O.Troul. Illustrated. - St. Petersburg: ClassicA-Modern Edition, Isadora Duncan Cultural Center for Pure Arts [Duncan Center], 2019.
